

В. А. АНТОНОВ

Датская геральдика XII – XVII веков

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

Vladislav A. ANTONOV

Danish Heraldry
of the 12th–17th Centuries

MOSCOW NAUKA 2008

В. А. АНТОНОВ

Датская геральдика XII–XVII веков

МОСКВА НАУКА 2008

УДК 929.6(489)
ББК 63.2
А72

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 07-01-16215д*

Ответственный редактор
А.П. ЧЕРНЫХ

Рецензенты:
доктор исторических наук Т.Н. ДЖАКСОН,
доктор исторических наук А.Л. ХОРОШКЕВИЧ

На первой сторонке переплета:
герб короля Дании и его рыцарей
в Гельдернском гербовнике (около 1375 г.)

На четвертой сторонке переплета:
фрагменты печатей при акте
Кальмарской унии (1397 г.)

Антонов В.А.
Датская геральдика XII–XVII веков / В.А. Антонов ; [отв. ред. А.П. Черных] ; Ин-т всеобщ. истории РАН. – М. Наука, 2008. – 561 с. – ISBN 978-5-02-035972-7 (в пер.).

Монография представляет собой первое в русской и зарубежной исторической литературе исследование по датской геральдике от ее истоков до рубежа XVII–XVIII вв. Работа является новаторской как в отношении предмета изучения и постановки проблемы, так и с точки зрения исследовательских подходов и методов. При этом история датских гербов рассматривается как явление духовно-общественного развития Дании и в связи с историей культуры Западной Европы. Исследование проведено на основе изобразительных и письменных источников датского и иностранного происхождения. В книге представлен большой иллюстративный материал.

Для историков и всех интересующихся историей и культурой Дании и в целом Западной Европы.

Темплан 2008-I-209

ISBN 978-5-02-035972-7

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ДАНИИ

Чем дальше по времени отстоит явление, тем легче его образ обрастает чертами популярных представлений. Судьба геральдики в этом смысле чрезвычайно поучительна. Традиции европейской геральдической культуры заложены средневековым пониманием социума. В феномене геральдики воплощен синтез христианского мировосприятия, рыцарской культуры, локальной эмблематики. Однако составляют этот феномен, наполняют его содержанием различные, в первую очередь региональные модели и типы, местные варианты европейской геральдики. Несомненно, что изучение региональных вариантов подвигает нас в познании феномена европейской геральдики в целом.

Обращение именно к датской геральдике представляется исключительно удачным. Датская геральдика – это региональный вариант общеевропейского геральдического пространства. Географически датский вариант близок к регионам, традиционно считавшимся местом наиболее ранних гербов. Одновременно датская геральдика – великолепный по богатству и обилию геральдических фактов пример средневекового эмблематического пространства. В то же время Дания – часть скандинавского сообщества со специфически скандинавским опытом гербов и других визуальных признаков.

Нельзя в связи с этим не упомянуть и еще об одной особенности темы: среди многих окологеральдических мифов одним из вреднейших для исторической геральдики, закрывающим путь ее изучения, является миф о неизменности геральдики, о ее вневременном характере. Поэтому хочется подчеркнуть, что темой книги В.А. Антонова является историческая геральдика Дании в XII–XVII вв. В отличие от традиционного изъятия геральдики из ткани истории, освещения ее реалий в историческом вакууме, эта книга вводит в контекст истории Дании через геральдическую культуру, путем последовательного освещения формирования геральдической традиции.

Эти обстоятельства наряду с другими поставили перед автором ряд трудностей, которые не могли бы быть разрешены, если бы автор не был историком-медиевистом, специалистом по истории Дании. В отечественной историографии отсутствуют научные работы в области датской геральдики, а как следствие этого перед автором возникли трудности с терминологией. Немало проблем таили в себе источники: автору пришлось привлекать различные их для создания, а точнее воссоздания адекватной картины состояния системы датской геральдики. Книга В.А. Антонова посвящена изучению геральдики Дании – феномена, связанного с визуализацией политических,

социальных, правовых и культурных связей. Автором найден разумный и деликатный источниковедческий подход к решению многообразного эмблематического материала с использованием данных сфрагистики, нумизматики, памятников изобразительного искусства, нарративных источников.

Можно с уверенностью утверждать, что образ исторического прошлого Дании, как, впрочем, и любой другой европейской страны, без визуальной ипостаси, без эмблематического богатства и специфики традиций всегда будет неполным, лишенным той красоты и логики, которые были доступны и присущи Средневековью и Новому времени.

Исследование осуществлено в рамках главного направления деятельности Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН – изучения эмблематических традиций во всемирной истории и большого проекта, посвященного региональным вариантам эмблематических систем. Это давно назревшее дело, которое только теперь начинает реализовываться.

Главное достоинство исследования В.А. Антонова – историческая соотнесенность с социальной, политической историей Дании в Средние века и Новое время, включенность исследовательских проблем геральдики в контекст исторической проблематики. Эта книга, безусловно, – шаг от общего представления о "геральдике вообще" к конкретному "датская геральдика" Приходится лишь сожалеть о том, что вышедшая не та давно "История Дании" лишена геральдического измерения, но отрадно, что ныне этот пробел весьма удачно восполняется специальной книгой. Представляя ее вниманию читателя, хочется надеяться, что она не останется одинокой попыткой написания истории геральдики одной отдельно взятой страны, а станет стимулом, побуждающим к монографическому исследованию геральдик других стран.

Руководитель Центра гербоведческих и генеалогических исследований ИВИ РАН, кандидат исторических наук

А.П. Черных

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга вначале задумывалась как краткий обзор датской геральдики, прежде всего, ее источников и круга историографических тем. Однако в ходе работы обнаружилось, что многие датские геральдические явления все еще не имеют удовлетворительного объяснения с культурно-исторической точки зрения, а, следовательно, главное, что, на мой взгляд, должно было характеризовать гербы датчан – их духовно-общественный смысл, требовало дополнительного исследования. В результате, увлеченный поиском этого смысла, я обратился к изучению, помимо внешних свойств самих источников, того духа времени, который или запечатлелся в исторических памятниках, или нашел выражение в их последующем истолковании и восприятии. Итогом этих изысканий и стала настоящая книга со всеми ее возможными достоинствами и вероятными недостатками.

Ее написание никогда не состоялось бы без побуждающего и вдохновляющего слова А.П. Черных. Ему я обязан не только идеей обратиться к изучению датской геральдики, но также теми советами и нравственной поддержкой, которые неизменно получал в продолжение всех лет работы над книгой.

Не могу также не выразить сердечную благодарность историкам, потратившим время на прочтение и обсуждение рукописи книги: В.А. Ведюшкину, М.В. Винокуровой, И.Н. Данилевскому, Т.Н. Джаксон, О.Ф. Кудрявцеву, М.Ю. Парамоновой, А.А. Ткаченко, П.Ю. Уварову, Д.Г. Федосову, А.Л. Хорошкевич, С.К. Цатуровой. Их советы и замечания помогли мне исправить и разъяснить в рукописи много темного и неясного, побудили к более четкому выражению мысли.

Особая душевная благодарность датским историкам, сотрудникам Государственного архива Дании Нильсу Бартольди и Сигурду Рамбушу, во время моего пребывания в Дании передавшим мне ряд материалов, которые помогли в написании книги и ее иллюстрировании.

ВВЕДЕНИЕ

История изучения датской геральдики

Начала геральдической, в частности, историко-геральдической, мысли в Западной Европе[1], как можно догадываться, восходят к высокому Средневековью (XII–XIII вв.), когда на западноевропейской почве зарождается сам объект этой мысли – то культурное явление, которое по-русски вошло в обыкновение обозначать словом "герб" В самом деле, нельзя не заметить, что с XII столетия в изобразительном искусстве и книжной словесности Западной Европы обнаруживается возросшее внимание к личным знакам. Их находим на печатях и монетах, о них свидетельствуют памятники живописи и пластики. Создатели поэтических произведений, например, романов о короле Артуре и его рыцарях, жившие во французских и немецких землях во второй половине XII и первых десятилетиях XIII в.[2], несомненно, под впечатлением от современной им действительности стали наделять благородных героев своих сочинений предметами, главным образом щитами, украшенными всевозможными символическими знаками.

Со второй четверти XII в. сообщения о гербах государей и других знатных особ стали появляться и в собственно исторических сочинениях. Одним из зачинателей этой традиции явился английский историк Гальфрид Монмутский (ок. 1100–1154/55). В его "Истории бриттов", со второй половины XII в. находившей своего читателя и среди датских книжников, личной эмблемой наделен легендарный король Артур[3].

---

[1] В нашу задачу не входило подробное рассмотрение истории западноевропейской геральдической мысли. Поэтому для тех, кто желает ознакомиться с развитием этой мысли в Средние века и Новое время более основательно, в первую очередь рекомендуем обратиться к следующему историко-геральдическому сочинению: *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889 (2-е изд.: 1970).

[2] Подборку описаний гербовых эмблем из этих сочинений см.: *Wagner A.R.* Heralds and Heraldry in the Middle Ages: An Inquiry into the Growth of the Armorial Function of Heralds. L., 1956. Appendix B. P. 127–135 (французские тексты); *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 65–70 (немецкие тексты).

[3] О гербах короля Артура и других героев артуровского цикла см.: *Brault G.J.* Early Blazon: Heraldic Terminology in the twelfth and thirteenth Centuries with special Reference to Arthurian Literature. Oxford, 1972; *Комаринец А.* Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.

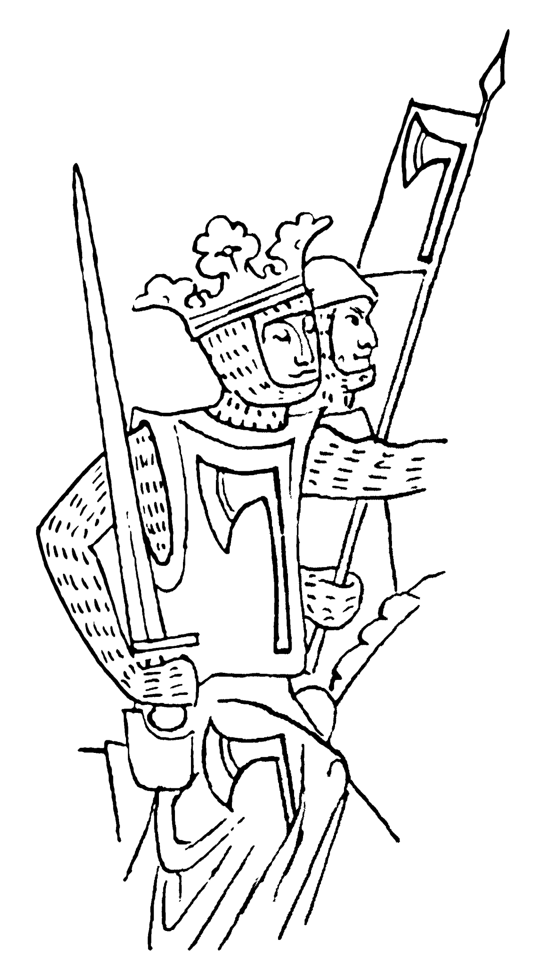
Илл. 1. Датские викинги. "Житие св. Эдмунда" середина XII в.

К XII в. восходят также первые манускрипты с иллюстрациями, на которых представлены воины со щитами, заключающими различные знаки. Так, в английской рукописи "Жития св. Эдмунда", датируемой серединой XII в., показана высадка в 869 г. на побережье Англии датских викингов, держащих щиты с разнообразными геральдическими изображениями (илл. 1)[4].

Еще больше таких иллюстрированных рукописей восходит к XIII столетию.

В "Большой хронике" ("Chronica Majora") английского историка Матвея Парижского (ок. 1200–1259), хранящейся в собрании манускриптов Британского музея, изображен король Дании Свен I Вилобородый во время похода в Англию в 1013 г. На его тунике, надетой поверх доспехов, и знамени представлен боевой топор (так называемый *Danae securis, hache danoise*)[5] (илл. 2). В той же рукописи обнаруживается рисунок, иллюстрирующий

[4] *Verwohlt E.* Hvide-slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 194–195.
[5] *Trætteberg H.* Norges våpen i engelske kilder i middelalder // Herald. Tidsskr. 1970. N 21. S. 29.

Илл. 2. Король датчан Свен I. "Большая хроника" Матвея Парижского, около 1250 г.

сражение англосаксов с норвежцами у Стамфордбриджа (1066 г.). Здесь носителем щита с тремя топорами в момент получения смертельной раны показан король Норвегии Харальд Суровый[6].

На рисунке из другого английского манускрипта середины XIII в., содержащего сокращенный текст "Жития Эдуарда Исповедника", король Норвегии и Дании Магнус Добрый (ум. 1047) во время похода в Англию представлен со щитом, на котором тоже изображены три боевых топора[7].

Впоследствии эти рисунки, вероятно, использовали в качестве источника знаний о гербе датского короля составители английских гербовых свитков. Во всяком случае, щит с тремя золотыми топорами в красном поле, надписанный на французском языке словами "король Дании" (*le roy de denemarch, rey de denemarch*), около 1279 г. был изображен в "Херальдском Свитке" ("Heralds' Roll") и около 1280 г. в "Кэмденском Свитке" ("Camden Roll")[8].

Из того же источника сведения о гербе "короля Дании" (*le rei de denemarche*) мог почерпать и составитель "Свитка сэра Уильяма ле Нив" ("Sir William le Neve's Roll"), датируемого началом XIV столетия. Но здесь в красном поле щита изображены три топора не золотые, а серебряные (цв. илл. 1)[9].

Помещая изображения гербовых щитов в свои произведения, английские составители иллюстрированных рукописей и гербовых свитков, подобно другим средневековым книжникам, в первую очередь руководствовались желанием дать читателю наглядно-учительное пособие. И можно догадываться,

---

[6] Ibid. S. 31.

[7] Эта рукопись хранится в Колледже Тела Христова Кембриджского университета (Cambridge, Corpus Christi College, MS. 161). В ее основе лежит "Житие Эдуарда Исповедника" составленное приором Вестминстерского аббатства Осбертом около 1138 г. (Ibid. S. 30).

[8] Rolls of arms. Edward I (1272–1307) / Ed. by G.J. Brault. Woodbridge, 1997. Vol. I. P. 86, 177 (Aspilogia, being materials of heraldry; 3).

[9] Этот свиток сохранился в копии, сделанной около 1640 г.; он хранится в собрании рукописей лондонского Общества Антикваров (Society of Antiquaries) (Ibid. P. 511–513).

что сами знания об этих гербах английские книжники получали посредством изысканий, которые завершались нахождением достоверных сведений или, когда особенно речь шла о гербах лиц, живших в прошлом, измышлениями, возникавшими на почве средневекового миросозерцания. Для последнего было характерно домысливание искомого явления посредством отождествлений и косвенных свидетельств. К числу подобных измышлений, несомненно, относятся и те эмблемы датских воинов и королей, которые обнаруживаются в английских иллюстративных манускриптах XII–XIV вв.

Но от конца XIII в. известны и первые западноевропейские изобразительные памятники, представляющие не фантастические, а исторические датские гербы. Излишне доказывать, что знания иноземцев об этих гербах не могли не обнаруживаться без предварительных изысканий[10].

В самой средневековой Дании начатки интереса к изучению гербов находили свое проявление в решении прагматических задач. Подобного рода задача могла, например, решаться, когда возникала потребность наглядно, через фресковые изображения гербов запечатлеть в церквах память о лицах, которые были связаны с этими церквами обстоятельствами попечения, местом упокоения и пожертвованиями[11]. Как нетрудно предположить, в таких случаях должны были производиться изыскания по установлению гербов этих лиц.

Что касается специальной геральдической литературы, то на западноевропейской почве она получает развитие в XIV–XV вв. из прагматических соображений, а именно юридических и художественно-практических. Одним из зачинателей этого рода книжной словесности был итальянский юрист Бартоло ди Сассоферрато (1313/14 – конец 1350-х годов)[12], своим литературным творчеством снискавший широкую известность не только в Италии, но и за ее пределами, оказав при этом большое влияние на воззрения последующих геральдических писателей.

В числе таких писателей, которые свои теоретические познания о гербах могли почерпать из литературного наследия Бартоло, были английские книжники первой половины и середины XV в. Двое из них – неизвестный автор “Трактата о гербах”[13] и Николас Аптон (ум. 1457)[14], – прослеживая историю гербов британских и английских королей, оставили описание герба датского короля Свена I, правившего в Англии в 1013–1014 гг., и его ближайших преемников, Кнута Великого (1018–1035) и Хардекнута (1035–1042). Но этот герб – “три золотые короны в столб в красном поле”[15], – подобно другому знаку Свена I (топор), известному по английской иллюстрации XIII в.,

---

[10] О средневековых иностранных изобразительных источниках, содержащих сведения о подлинных гербах датчан см. § 4 наст. “Введения” С. 83–88.

[11] *Saxtorph N.M.* Jeg ser på kalkmalerier: Alt hvad der findes i danske kirker. 3. udg. Kbh., 1979 S. 57–58, 169. Подробнее о гербах в датских церквах см. с. 62–65.

[12] *Bartholi* de insigniis et armis tractatus // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943 (рус. перевод: *Черных А.П.* Трактат Бартоло ди С[illegible]феррато “О знаках и гербах” // СВ. 1989. Вып. 52. С. 310–321).

[13] Tractatus de armis // Medieval Heraldry. P. 144–212.

[14] *Nicolai Vptoni* de Stvdio militari Libri Quatuor // *Nicolai Vptoni* de Stvdio militari Libri Quatuor *Iohan. de Bado Aureo* Tractatus de Armis. *Henrici Spelmanni* Aspilogia / Ed. E. Bissaeus L., 1654

[15] “...tres coronas aureas palatas in campo rubeo” (Tractatus de armis. P. 208); “Tres Coronas Palatas Aureas In Camp Rubio” (*Nikolai Vptoni* de Stvdio militari. P. 128).

несомненно, следует причислить к разряду фантастических эмблем, обязанных своим происхождением средневековому миросозерцанию, и проистекавшим из последнего приемам исторического исследования. В то же время нельзя не отметить, что описание мнимого герба короля Свена включено в исторический раздел геральдических трактатов английских писателей, а стало быть, здесь имеем дело с первыми свидетельствами литературно-исторического описания герба датчанина.

Еще в Средние века герб становится объектом права. Это видно уже из того, что в продолжение XIV–XV столетий в Западной Европе получает распространение практика закреплять производившееся от имени того или иного государя пожалование герба письменным документом. Кроме того, Бартоло, один из зачинателей геральдической литературы, был профессиональным юристом. Его интерес к гербам и знакам, как это следует из текста его сочинения, в немалой степени был вызван желанием, проистекавшим из практической потребности, дать свод правил и советов относительно правового использования гербов и знаков, по большей части, очевидно, основывавшихся на уже существовавших обычаях. Этой юридической стороне бытования гербов и в дальнейшем уделялось внимание в сочинениях о гербах, например, в трактате Николаса Аптона.

И хотя нет прямых свидетельств о том, что трактат Бартоло и сочинения других писателей позднего Средневековья, питавших интерес к гербам, во второй половине XIV – XV в. читались в Дании, нельзя найти и решительных доводов против самой возможности хождения этих сочинений между жившими тогда датскими книжниками. Принадлежность Дании к культурному миру Западной Европы, частые поездки датчан с различными целями за пределы своего отечества, и как раз в те страны, где стали появляться трактаты о гербах, могут послужить оправданием для такого умозаключения. К тому же самая тема "герб как предмет юридической мысли", несомненно, уже в Средние века должна была находить отклик у датчан. Об этом, например, свидетельствует письменное известие от 1424 г. о споре вокруг острова Фемерн и его эмблемы. Король Эрик VII (1396–1439) доказывал верховные права датской короны на этот остров, который с XIV в. находился в ленном владении графов Гольштейна, и в то же время выражал неудовольствие тем, что жители Фемерна употребляли печать и знамя с крапивным листом – знаком из герба графов Гольштейна, а, не с короной, как было в старину[16].

Сама же традиция обследования иконографии печатей у народов Западной Европы укоренилась значительно раньше, из практических побуждений, на почве обычая подтверждать свидетелями подлинность грамот и их удостоверяющих знаков. В Скандинавских странах обычай обследования и признания достоверности печатей и гербов, на них представленных, прослеживается с начала XIV в., о чем заключаем по грамоте норвежских епископов от 1306 г., в которой сообщается о подлинности печати с эмблемой знатного датчанина, графа Нёррехалландского Якоба Нильсена[17].

Стало быть, средневековая юридическая мысль, в том числе датская, уже не только рассматривала герб как предмет права, но также могла обращать-

[16] Подробнее об этом деле см. с. 232, 318–319.
[17] DD. R. 2, bd. 6. N 4.

ся к геральдическим памятникам, в первую очередь к печатям, за историческими доказательствами. Вместе с тем герб (или другая эмблема) на печати и сам становился объектом исследования, из чего с течением времени могли развиться начатки его исторического изучения.

В высокое Средневековье, по обыкновению, еще не было принято раскрывать на письме символическое значение гербовых эмблем, о чем заключаем по крайней редкости таких текстов, дошедших от XII–XIII вв. Самое миросозерцание этой эпохи, настроенное на запечатление сверхчувственного понятия в наделенном преимущественно типическими чертами живописном, пластическом или архитектурном образе, вполне удовлетворялось зрительным восприятием знаков и их буквальным описанием. И только со времени позднего Средневековья (XIV–XV вв.), с переменами в характере миросозерцания, стало возрастать число письменных свидетельств, в том числе обнаруживаемых в трактатах о гербах[18], содержащих символические толкования древних или новых знаков. Этот пробудившийся интерес к истолкованию гербов и вообще эмблем, по всей видимости, может находить свое объяснение в том духе опытно-исследовательского познания вещей, развившегося на почве религиозного оправдания мира и номиналистического умозрения, которое мало-помалу со времени высокого Средневековья все больше проявлялось у западных европейцев.

Таким образом, нельзя сомневаться, что уже с эпохи высокого Средневековья герб стал предметом исследовательского интереса в пределах западноевропейского мира как универсальное культурно-историческое явление. Однако все виды исследовательской работы, которые обнаруживались по поводу гербов в средневековую эпоху, обусловливались прагматическими иллюстративными, справочными и юридическими – задачами, или, другими словами, герб тогда не рассматривался в качестве предмета собственно научно-исторического познания. В то же время самое появление и расширение круга этих задач свидетельствовало, что миросозерцание человека высокого и позднего Средневековья уже находилось на пути к оправданию исследовательской работы не только религиозно-прагматическими целями, но также земными практическими соображениями. Впрочем, такие соображения окончательно смогли приобрести в европейском общественном сознании первенствующее или самостоятельное значение лишь позднее, в Новое время, с утверждением самодостаточности мирских понятий.

Именно в Новое время начала пробивать себе дорогу научно-критическая мысль, направленная на осмысление литературного наследия средневековых писателей и самого геральдического материала. В эпоху, обнимающую XVI–XVIII столетия, которая в Западной Европе характеризовалась господством естественно-правового сознания, подъемом и утверждением рационального, нормативно-абстрактного мышления, находившего, в частности, свое выражение в систематизации и описании научных дисциплин, произошло и окончательное становление геральдического искусства как универсальной теоретической дисциплины, или науки, о создании и описании гербов. Это становление в основном завершилось на почве формализации тех понятий, которые в отношении герба и его элементов утвердились в

[18] См., например, упоминавшиеся выше английские трактаты XV столетия.

XVII столетии, и, стало быть, самая их нормативность имела культурно-историческую обусловленность, вытекала из духовных настроений известной эпохи. Возникшие таким образом абстрактно-нормативные геральдические правила мыслились как идеальные, вневременные установления. И в дальнейшем, в XVIII–XX вв., именно на них, главным образом, основывались теоретические представления о гербе и художественно-геральдическая практика, несмотря на то что значение самого герба в обществе было подвержено переменам. Другими словами, в XVIII–XX вв. герб продолжал оставаться культурно-историческим явлением, а, между тем, теоретическая геральдическая мысль, по обыкновению, сохраняла о нем понятие отвлеченное. Здесь обнаруживаются отличия нормативных воззрений на герб Нового времени от представлений о нем в Средние века. Средневековые писатели и художники, исходя из духовных переживаний своего времени, также видели в гербе универсальное и вневременное явление. Но правила по художественному изображению и употреблению герба, которые они признавали и выставляли в качестве идеала, имели не абстрактно-нормативный характер, а объективно отражали обстоятельства материально-исторической жизни герба и проистекали из перемен, происходивших в повседневной геральдической практике. Причем эта практика преследовала прагматические, обусловленные не задачами геральдического искусства, цели. Иными словами, средневековый человек в согласии с характером миросозерцания своего времени, наделявшего отвлеченное понятие материальными свойствами, подразумевал, описывал, иллюстрировал преимущественно современные ему представления о гербе, даже если при этом изначально основывался на устной и литературной геральдической традиции или ссылался на авторитетное суждение древнего философа, церковного писателя и юриста.

В то же время самое развитие геральдического искусства из обусловленного историческими обстоятельствами практического руководства средневековой эпохи в абстрактно-нормативное знание свидетельствовало о постепенном утверждении за данным искусством самостоятельного теоретического значения. И нельзя не заметить, что происходило это развитие на почве общих духовных перемен в Западной Европе XVII–XVIII вв., ставших источником появления абстрактно-теоретических предписаний также в других отраслях искусства: зодчестве, живописи, пластике и словесности. Правда, в отличие от геральдических установлений эпохи расцвета рационализма, нормативные понятия прочих ветвей художественного творчества этого периода носили в большинстве своем временный характер.

Вместе с тем мало-помалу было обретено и устойчивое название самого нормативного знания о гербах. Поначалу носившее имя "геральдического искусства" (*ars Heraldica, l'art Heraldique*), позже, в XVIII–XIX вв., оно начинает обозначаться просто словом "геральдика" Последнее, несомненно, обязанное своим происхождением слову "герольд" ("геральд")[19], к XIX в.

---

[19] На это указывает термин "Heroldskunst", который, по свидетельству немецкого писателя Ф.Я. Шпенера, в XVII в. имел тот же смысл, что и термин "ars Heraldica" Во времена Шпенера для обозначения "науки" о гербах употреблялись также французское выражение "science du blason" и немецкое слово "Wapenkunst" (*Spenerus Philippus Jacobus*. Insignium Theoria seu Operis Heraldici: Pars Generalis. Francofurti, 1690. P. 1).

вошло и в датский язык (*heraldik*). Можем предположить, что самая мысль, вызвавшая к жизни это слово, сначала в качестве имени прилагательного, затем существительного, была порождена тем обстоятельством, что в XVI–XVIII вв. геральдическое искусство во многом продолжало решать задачи, стоявшие перед герольдами, а именно имело своей главной целью установление и сохранение правил по созданию и описанию гербов. Отсюда и то большое внимание, которое в трактатах о гербах Нового времени, как и в сочинениях средневековых писателей, уделялось характеристике и употреблению цветов и фигур, составлявших содержание гербовых эмблем.

Укрепление абстрактно-нормативной основы геральдического искусства в XVI–XVIII вв. не могло не сказаться тогда на характере отношения знатоков этого искусства к истории герба. Увлеченные преимущественно решением теоретических задач и применением своих умозаключений на практике, они почти не уделяли внимания фактической истории своего искусства. Поэтому историческое изучение гербов в первые века Нового времени или, как в Средние века, вытекало из обстоятельств их общественного употребления, или вызывалось историко-познавательными и антикварными соображениями, которыми руководствовались собиратели и исследователи древностей.

Именно на таких началах интерес к изучению герба и его элементов развивался в Дании XVI–XVII вв. Гербы, как и другие памятники родной старины, становятся в эту эпоху предметом разысканий появившихся тогда в немалом числе любителей и ревнителей датской истории[20], между которыми были представители различных общественных слоев, в том числе и дворянства. В среде последнего большой интерес к гербам предков вызывался, в первую очередь, сильно проявившимся в то время желанием наглядно проиллюстрировать посредством свидетельств генеалогического и геральдического характера знатность происхождения как по линии отца, так и по линии матери[21]. И нельзя сомневаться, что сведения об этих гербах обнаруживались через исследования исторических источников.

Дворянская генеалогия и геральдика с XVI столетия становятся в Дании также предметом литературного творчества. У его истоков стоял последний аббат Сорёского монастыря Мортен Педерсен (1537–1595), автор изданного в 1589 г.[22] исследования о родословной и гербах семьи знаменитого в датской истории епископа Роскиллеского и архиепископа Лундского Абсалона (ум. 1201). Свои выводы Мортен Педерсен, по его сообщению, строил на основе различных источников, в том числе живописных и пластических изображений гербов, которые он находил в церкви своего монастыря. Однако по методам работы с геральдическим материалом это еще вполне средневековое сочинение, что нашло свое выражение в отсутствии критического отношения со стороны автора ко времени создания гербов. Кроме того, бывший аббат обнаруживает к гербам преимущественно практический интерес: они для него, как и для составителей родословных с гербами, являются в первую

---

[20] О развитии датской исторической мысли в эту эпоху см.: *Jørgensen E.* Historieforskning og Historieskrivning i Danmark indtil Aar 1800. 2. udg. Kbh., 1960. S. 61–160.

[21] См. с. 192, 250–256.

[22] Biscops Absolons... met sin... Broders Her Esbern Snaris Herrekomst oc meetige Adelig Stamme.. Kbh., 1589.

очередь иллюстрациями к генеалогическим сведениям, знаками представителей знатного дворянского рода.

К XVI столетию восходят и самые ранние датские письменные свидетельства, сообщающие о времени и обстоятельствах происхождения государственного знамени Дании – Даннеброга (Dannebrog), знаки которого – белый крест в красном поле – были представлены в гербе датских королей. Первым, кто сделал указания на этот счет, был Кристиерн Педерсен (ум. 1554), исследователь датских древностей и писатель, оставивший по себе память, прежде всего, тем, что, напечатав в Париже "Деяния датчан" Саксона Грамматика (рубеж XII–XIII вв.), сохранил текст этого замечательного памятника средневековой латинской словесности для потомков. Основываясь, как можно догадываться, на верованиях, утвердившихся в Дании на исходе Средних веков, он в своей "Датской хронике", написанной около 1523 г., указал на чудесное явление Даннеброга, отнеся самое событие к годам правления короля Вальдемара II (1202–1241): "Некоторые думают и говорят, что тот же король Вальдемар в то же время поймал с неба Данеброгги, который суть белый крест в красном поле"[23].

Другой датский историк, бывший младшим современником Кристиерна Педерсена, Педер Ольсен (Petrus Olai) в своих "Датских анналах", датируемых 1527 г., дал уже более подробный рассказ о небесном происхождении Даннеброга, указав при этом на то, где и когда довелось получить датчанам столь чтимую ими святыню: "В другом месте сообщается, что во время этого Вальдемара второго, в год Господень 1208, когда верные датчане в Ливонии, в месте, которое называется Фелин, сражались против неверных ливонцев и уже почти были побеждены, они благоговейно взмолились со слезами о Божией помощи; тотчас они удостоились получить упавшее с неба знамя, помеченное белым крестом, который был запечатлен на шерстяной ткани, и услышали они в воздухе глас, что, когда оно будет высоко поднято вверх, сразу же, сокрушив противника, добудут полную победу; так и случилось. Упомянутое же знамя принято называть обыденным словом Данеброге"[24].

Не сомневаясь в чудесном происхождении Даннеброга, Педер Ольсен, однако, усомнился относительно места и года самого события, о которых ему поведал его источник. Поэтому, обратясь к какому-то средневековому летописному тексту, в котором, правда, о чудесно явившемся знамени ничего не говорилось, но тоже рассказывалось о сражении датчан с язычниками на восточном побережье Балтийского моря, в земле эстов, Педер Ольсен предположил, что небесное явление Даннеброга следует связывать именно с

---

[23] "Somme mene och sige, at samme kongh Valdemar skulle fange Danebrrogi nied aff himmelen samme tiid, som er en huit korss i et røth field" (*Pedersen Chr.* Den krønicke fra Saxonis tid indtil kong Christiern den første // Pedersen Chr. Danske Skrifter / Udg. C.J. Brandt. Kbh., 1856. Bd. 5. S. 443).

[24] "Alibi habetur, quod tempore istius Waldemari secundi, anno domini 1208, cum Dani fideles in Liuonia in loco, qui Felin dicitur, bellarent contra Liuones infideles et iam fere debellati implorarent deuote diuinum auxilium, statim vexillum e celo lapsum, cruce candida consignatum velleri impressa, recipere meruerunt, vocem quoque in aere audientes, quod eo in aerem alcius eleuato confestim contritis aduersariis plenam victoriam reportarent; quod et factum est. Illud autem vexillum Danebroge vsitato vocabulo nuncupari solet" (Continuatio compendii Saxonis sive Chronica Jvtensis. I. Additamentum // SMHD. Vol. I. P. 460).

походом Вальдемара II в Эстонию. Этот поход состоялся, согласно свидетельствам средневековых датских летописей, или в 1220, или, как было впоследствии установлено ученой критикой, в 1219 г.[25]

Так обрело свою литературную жизнь предание о зарождении государственного знамени Дании, и последующим поколениям датчан оставалось либо принимать его на веру, либо, не находя свидетельств о Даннеброге и его небесном происхождении в летописных и документальных источниках XIII в., рассматривать это предание в качестве баснословного сказания, порожденного умонастроением конца средневековой эпохи.

Сомнения относительно ниспослания датчанам их знамени с Неба уже высказывал Арильд Витфельдт (1547–1609), государственный канцлер Дании и составитель обширного труда по датской истории, делая одновременно предположение о том, что красное знамя с белым крестом могло быть послано римским папой королю Вальдемару II как участнику крестового похода в Ливонию[26].

Впрочем, господствующим оставалось представление о небесном происхождении Даннеброга, что нашло отражение в книге Т. Бартолина (1659–1690) – первой специальной работе, посвященной этому знамени, а также ордену, учрежденному (или, как тогда считали, восстановленному) в его честь в 1671 г.[27]

С XVII в. обнаружился также литературный, в том числе исторический, интерес к первому датскому ордену, а именно ордену Слона, знаки которого, как и знаки ордена Даннеброга, изображались в качестве элементов герба. Вначале этот интерес выражался в том, что стали появляться, как в Датском королевстве, так и за его пределами, сочинения[28], в которых можно было найти разрозненные сведения о высшем датском ордене. Однако позже, на исходе XVII в., пастор Йенс Биркерод (1664–1720) задался уже целью свести вместе исторические свидетельства, касавшиеся ордена Слона. Плодом его ученых изысканий явилось обширное собрание разнообразных источников, относимых к XV–XVII вв., причем сопровождавшихся исследовательскими наблюдениями[29]; оно и по сей день не утратило своего научно-справочного значения.

То же значение получило издание каталога вещей из придворного музея короля Кристиана V[30], составленного профессором медицины Копенгагенского университета Хольгером Якобеусом (1650–1701). Среди прочего в этот каталог были включены изображения и описания большого числа монет

---

[25] Ibid. S. 459–460.

[26] *Huitfeldt A.* Chronologia, Continuatz oc Forfølge paa vore danske Historier, siden Saxo døde. Kbh., 1600–1603. S. 1033–1034.

[27] *Bartholinus Th.* De Eqvestris ordinis Danebrogici. Hafniae, 1676.

[28] Перечень этих сочинений см.: *Hougaard P.* Den danske elefant baggrund, betydning og brug // Herald. Tidsskr. 1981. N 43. S. 184.

[29] *Bircherodius Janus.* Breviarium eqvestre, seu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Ejusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704.

[30] *Jacobaeus Oligero.* Museum Regium seu Catalogus Rerum tam naturalium, quam artificalium, quae in basilica bibliothecae augustissimi Daniae Norvegiaeque monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696; *Idem.* Auctarium rariorum, qvae museo regio per triennium Haunce accesserunt, uberioribus illustrata commentariis, praecipue numismata et aliae antiqvitate . Kbh., 1699.

королей Дании, правивших в XII–XVII вв. Таким образом, появился первый свод данных по истории датской нумизматики, который, в свою очередь, заключал драгоценный материал по датской геральдике, прежде всего по истории гербов королей Дании.

Нашелся в Дании и такой ученый писатель, а именно пастор Йон Йенсен Коллинг (ок. 1540–1609), который пожелал дать читателю своего сочинения "Новое описание Дании", вышедшего из печати в 1594 г.[31], сведения о символическом содержании главных знаков старинного герба датских королей. Руководствуясь собственным умозаключением или соглашаясь с утвердившимися в его время понятиями, этот писатель свидетельствовал, что "некоторые из благороднейших знаков" короля Дании "и Севера", "а именно три небесно-синего цвета льва" вели происхождение от трех балтийских проливов, разделявших четыре датские области: Готию (Ютландию), Фюн, Зеландию и Сконе[32]. Перед этим Коллинг назвал также эмблемы французского короля, русского царя и римского кесаря: "Три лилии Галл, не без тайны, имеет на одежде и военных знаках. Золотого орла для войска своего предпочитает правитель Востока. Черного же и двуглавого носит император Запада"[33]. Тем самым герб короля Дании впервые в датской литературе был поставлен в один ряд с эмблемами европейских государей, в чем можно усмотреть зачатки сравнительного изучения датских гербов. Для Коллинга это сравнение обусловливалось, прежде всего, желанием указать на изначально потаенное аллегорико-символическое значение гербовых знаков короля Дании, стремлением подкрепить суждение, что они создавались, как и лилии короля Франции, "не без тайны" (*non sine mysterio*). Самая же тоска по аллегорическим истолкованиям эмблем, которую испытывал Коллинг, а равно его соотечественники XVI–XVII вв., несомненно, вытекала из общего характера духовной жизни народов Западной Европы ренессансной и барочной эпохи, проявлявшей большой интерес к аллегориям[34].

Но особенно много литературных свидетельств в памятниках письменности XVI–XVII столетий обнаруживается по поводу правового употребления гербов.

Разгоревшаяся с конца 1550-х годов датско-шведская борьба за господство в Скандинавии и прибалтийских землях сопровождалась спором между государями Дании и Швеции о праве ношения датским королем герба "три короны". Вместе с тем этот спор нашел свое отражение и в различных документальных источниках, и, что стало новостью, в политико-публицистиче-

---

[31] *Koldingensis Jonas*. Daniae descriptio nova. Francofurti, 1594. Далее ссылки приводятся по второму изданию: *Koldensis Jonas*. Daniae descriptio // *Stephanius Stephanus Johannis*. De regno Daniae et Norwegiae, insulisque adjacentibus juxta ac de Holsatia, ducatu Sleswicensi, et finitimis provincijs, tractatus varij. Lugduni Batavorum, 1629. P. 172–266.

[32] "At Daniae, et Septentrionis Regi, ex trimari Balthico, in has terras se triplici incursu immittente, et Gothiam a Fionia, Fioniam a Selandia, Selandiam a Scania dividende, qvaedam suorum nobilissimorum insignium oriuntur: tres nimirum caerulei coloris Leones" (Ibid. P. 250–251).

[33] "Tria lilia Gallus, non sine mysterio, in gestaminibus, et signis militaribus habet. Auream aquilam exercitui suo, Orientis signifer, praefert. Fuscam vero, bicipitemque Occidentis imperator gestat" (Ibid. P. 250).

[34] См.: *Морозов А.А., Софронова Л.А.* Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 13–38.

ских сочинениях. В 1564 г., во время Датско-шведской войны (1563–1570), как принято считать, из-под пера короля Швеции Эрика XIV (1560–1568) вышел трактат[35], наполненный многочисленными утверждениями о неправых деяниях королей Дании против Шведского государства. В числе прочего в этом литературном произведении немало страниц было посвящено изложению исторических доказательств на основе показаний королевских печатей, памятников живописи и словесности, древнего происхождения в Швеции герба "три короны" и права на его ношение исключительно шведскими королями.

В свою очередь, несомненно, по заказу короля Дании Фредерика II (1559–1588), в 1567 г. появилось подобного же рода сочинение датского писателя, в котором, по обыкновению, видят историка Ханса Сванинга (ок. 1500–1584). Известный под названием "Ответ или объяснение на сообщение, которое заново выпущено шведами относительно всего того, что случилось и послужило предметом для переговоров между датчанами и шведами в 1565 году"[36], этот трактат оправдывал деяния королей Дании в Северной Европе и правомочность ношения ими герба "три короны". Свои умозаключения автор подкреплял историческими свидетельствами, которые он находил среди знаков и гербов, в первую очередь, изображавшихся на печатях датских государей эпохи Кальмарской унии (1397–1523), когда короли Дании одновременно часто являлись и правителями Швеции.

Впрочем, и этот датский трактат, и сочинение короля Эрика ни в XVI в., ни долго еще в последующее время не были напечатаны, так что, если у них и обнаруживались читатели, то лишь немногие. Но как бы то ни было, можно сделать вывод, что в Дании XVI столетия, подобно тому как это имело место в других странах Западной Европы, начинало пролагать себе дорогу воззрение на герб как на явление, которое могло вызывать литературно-исторические исследования. Однако эти исследования, как и в Средние века, еще отталкивались исключительно от практических соображений, возникавших на почве политических задач, которые решались государями Дании.

В то же время самая мысль о гербе как о явлении историческом, которое могло быть порождено в какое-то время и какими-то культурно-историческими условиями, ни в Дании, ни в других западноевропейских странах в XIV–XVI столетиях еще никак не обнаруживала себя. В трактатах о гербах позднего Средневековья и раннего Нового времени, напротив, находили отражение получившие тогда широкое хождение представления, дававшие о себе знать также в изобразительном искусстве, что гербы являлись древним учреждением, уходившим своими корнями в седую старину. Свидетельством тому служат находимые в геральдических сочинениях, например, в английском "Трактате о гербах"[37], описания гербов, которые якобы носили герои ветхозаветных книг. Средневековое сознание, как мы помним, наделяло также гербами легендарного короля Артура, который, возможно, жил в

[35] *Karlsson M.* Erik XIV: Oratio de iniusto bello regis Daniae anno 1563 contra regem Sueciae Ericum 14 gesto. Stockholm, 2003. S. 84–191.

[36] En retractat eller forklaring paa den beretning, som er nylig udgangen de svenske til vilje om alt det som er sket og forhandlet mellem de danske og de svenske år 1565 // MHD. 1875. Bd. 2. S. 117–162.

[37] Tractatus de armis. P. 155.

V–VI вв., и рыцарей его Круглого Стола. Такое неисторическое воззрение на герб, порожденное миросозерцанием средневековой эпохи, продолжало затем господствовать и в XVII–XVIII вв., и даже нередко проявлялось в литературе XIX–XX столетий.

На датской почве это неисторическое воззрение на герб не только в позднее Средневековье, но и в XVI–XVIII вв. также не встречало критических возражений. В самом деле, в пользу такого вывода с очевидностью свидетельствует фреска в Дроннинглундской (Dronninglund) церкви (Северная Ютландия), датируемая 1500–1520 гг.[38] На ней предстают особо почитавшиеся в рыцарской среде средневековой Европы "девять лучших и достойнейших", или "героев", с их гербами. То были три язычника греко-римской древности: Гектор Троянский, Александр Македонский и Юлий Цезарь; три иудея: Иисус Навин, царь Давид и Иуда Маккавей; и три христианина: король Артур, Карл Великий и Годфрид Бульонский. Знаем также, что Йон Коллинг в своем сочинении в одном ряду с гербовыми знаками современных ему европейских правителей называет эмблему (золотое руно) греческих государей Античности[39]. Можно, кроме того, указать на иллюстрации в "Жизнеописаниях датских королей", изданных в Дании в 1732 и 1816 гг., где легендарный король Дан предстает со щитом, в который заключены три льва[40], т.е. главные знаки герба датских королей, прослеживаемого по историческим источникам только с конца XII столетия.

В первой половине XVIII в. такое же неисторическое воззрение на гербы питало умонастроение датского писателя Людвига Хольберга (1684–1754), из-под пера которого вышло первое в Дании сочинение, посвященное геральдике, в том числе истории датского королевского герба. Этот небольшой очерк был издан в 1729 г. под названием "О гербе Дании и Норвегии" в книге Л. Хольберга "Описание Дании и Норвегии"[41]. Он начинается с рассуждений о том, что датское специальное имя "герб" (*vaaben*) происходило от слова "оружие" (*vaaben*). В отношении общественного использования герб для Л. Хольберга – это "дворянский герб, щит и шлем, иначе по-датски называемый щитовой эмблемой" (*adelige vaaben, skiold og hielm, ellers med et Dansk ord kaldet skiolde-merke*). Из этого первого известного нам датского определения герба нельзя не заключить, что Л. Хольберг понимал под "гербом" лишь дворянскую эмблему, чем, несомненно, выражал понятия своего времени. У него находим также объяснение причины, по которой гербы стали изображаться на оружии. Оно не расходилось с представлениями, которые к тому времени утвердились в западноевропейской геральдической литературе. Как и его иностранные современники, Л. Хольберг связывал зарождение "в старые времена" (*i gamle tider*) обычая помещать "дворянские эмблемы и символы" (*adelige merke og symbola*) на оружии с употреблением шлемов, закрывавших лицо воина.

---

[38] *Saxtorph N.M.* Op. cit. S. 230–232; *Lassen E.* Fra runesten til altertavle ca. 900–1500. Kbh., 1972. S. 362–263 (DKH. Bd. 2).

[39] "Principes Graecorum insignia habent aureum vellus" (*Koldensis Jonas.* Op. cit. P. 250).

[40] См.: *Horsthøll H.* De "små historier" og læserevolutionen i 1700-tallet: Fra bogtrykker Joachim Wielandt til bogtrykker J.R. Thiele // Fund og Forskning. Kbh., 1994. Bd. 33. S. 79, 84.

[41] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 617–632.

того" (*lettere kunde kiendes fra den anden*).

Далее Л. Хольберг останавливается на том, какое высокое значение имел носитель гербовой эмблемы – щит у германских народов, живших как в стародавние времена, так и в XI–XIII столетиях. Свои наблюдения относительно использования щитов, в том числе заключавших знаки, древними народами Л. Хольберг основывал на многочисленных источниках. Он ссылался на норвежские законы ("Уложение Гулатинга"), сборник саг о королях Норвегии ("Круг земной") исландца Снорри Стурлусона, поэтические сказания о древних королях Дании из рода Скьольдунгов в пересказе исландского ученого Арнгрима Йонсена и "Деяния датчан" Саксона Грамматика. Рядом находим ссылки на источники, которые происходили из-за пределов скандинавского мира. В их числе законы английского короля Генриха I, сообщение Тацита о германцах, рассказы римского писателя Кассиодора (вероятно, по Иордану) о готах и Плутарха (жизнеописание Мария) о кимврах. Приводит Л. Хольберг также свидетельство Вергилия об использовании цветных щитов римлянами.

После общих рассуждений о гербах и щитах Л. Хольберг обращается к гербам, которые носили короли Дании, бывшие одновременно и королями Норвегии (с конца XIV в.), доводя свое исследование до своего времени. И здесь он вступает на твердую историческую почву, изучает историю составного королевского герба преимущественно по показаниям датских источников, в основном монет и печатей.

Начало зарождения герба королей Дании, ставшего впоследствии символом Датского королевства, – три льва в окружении сердец – Л. Хольберг относит ко времени правления короля Вальдемара II (1202–1241). Доказательством для него явилось то, что этот король употреблял печать с изображением трех львов и что у Саксона Грамматика, завершившего свой труд началом правления короля Кнута VI (1182–1202), отсутствуют упоминания об этом гербе.

Что касается духовного смысла "трех небесно-синих львов" (*3de himmel blaae løver*), то Л. Хольберг соглашается с истолкованием, данным ранее Й. Коллингом, чье имя он прямо упоминает в своем очерке.

Наконец, замечаем, что Л. Хольберг обнаруживает начитанность в трудах некоторых западноевропейских писателей, обращавшихся к описанию и изучению гербов. Он приводит сообщение Николаса Антона о трех коронах в гербах королей Дании (и Англии) первой половины XI в., вероятно, найдя его в печатном издании трактата Антона 1654 г. Находим у Л. Хольберга также ссылки на книгу немца Теодора Хёпинга (1591–1641) "О праве знаков" (*De jure Insignium*)[42] и на сочинение француза "Monsr. le Blanc" под названием "le Traité des monoyes de France"[43]. Но, несомненно, круг геральдической

[42] Имеется в виду сочинение Хёпинга (Höpingh) "De insignium sive armorum prisco et novo jure Tractatus juridico-historico-philologicus" (Noribergae, 1642).

[43] Речь идет о Франсуа Ле Блане (François Le Blanc) и его сочинении о французской нумизматике "Traité historique des monnoies de France depuis le commencement de la Monarchie jusques à present", которое было издано в Париже в 1690 г. Благодарю за помощь при установлении имени этого автора и полного названия его книги А.П. Черных и А.А. Ткаченко.

литературы, прочитанной Л. Хольбергом, указанными книгами не ограничивался. Во всяком случае, он не мог не знать "Трактат о гербах" английского писателя начала XV в. Иоханнеса де Бадо Аурео и работу Генриха Спельмана "Aspilogia", изданные в одном томе с трактатом Н. Антона.

Таким образом, можно отметить, что автор первого специального сочинения о датской геральдике приступал к его написанию будучи вооруженным теми знаниями и представлениями о геральдическом искусстве, которые в его время господствовали в Европе, находя свое отражение в трактатах о гербах. Это выражалось и в том, что датский писатель использовал те же виды источников, на которые к началу XVIII столетия вошло в обыкновение ссылаться в сочинениях о гербах. Очевидно, что в своей исследовательской работе Л. Хольберг, следуя за Й. Коллингом, прибегал к сравнительному методу, изучал историю датских гербов в связи с показаниями геральдического материала других стран и народов. Самое включение очерка о гербах в книгу, посвященную описанию Дании, свидетельствовало о том, что герб рассматривался Л. Хольбергом в качестве явления, которое, вместе с другими явлениями датской жизни, должно было характеризовать Данию. В этом обстоятельстве, несомненно, уже можно обнаружить начатки понимания герба как одного из элементов датской культуры в ее духовном и материальном воплощении. Замечательно также, что Л. Хольберг, в отличие от исследователей датских гербов и эмблем прежних времен, в частности писавших о "трех коронах", при изучении геральдического материала руководствовался уже не только практическими задачами, но также историко-познавательными, просветительскими целями. Стало быть, очерк Л. Хольберга "О гербе Дании и Норвегии" имел и то значение, что им закладывались основы собственно научной историко-геральдической литературы в Дании.

В то же время нельзя не заметить, что автор первого датского трактата о гербах еще не обладал вполне историческим сознанием и не стоял на высоте исторической критики. Это выражалось не только в том, что он выводил историю гербов из глубокой древности, но также в его доверчивом отношении к суждениям Й. Коллинга о духовном смысле трех львов в гербе короля Дании и сообщению Антона о трех коронах как гербе датских королей первой половины XI столетия. Такое доверие к свидетельствам книжной словесности, несомненно, уходившее своими корнями в средневековое миросозерцание, сказалось, кроме того, на характере собственных исследовательских выводов Л. Хольберга, например, в отношении происхождения эмблемы "три короны" в гербе датских государей позднейшего времени. Эту эмблему историк считал наследницей герба с тремя коронами королей Свена, Кнута Великого и "сурового Кнута" (Хардекнута), чем, возможно, хотел подтвердить и старинные права на нее королей Дании. Но отсутствие у Л. Хольберга историко-критического подхода к литературным источникам являлось особенностью не столько его учености, сколько вообще западноевропейской историко-геральдической мысли XVII–XVIII вв. Стало быть, и в отношении методики изучения памятников письменности автор первого сочинения по датской геральдике стоял на уровне своего времени.

Конечно, не только Л. Хольберг, но и другие образованные датчане XVII–XVIII вв. питали интерес к геральдической литературе, особенно выхо-

дивней из под пера французских и немецких знатоков геральдического искусства, например, Клода Франсуа Менетрие (1631–1705) и Филиппа Якоба Шпенера (1635–1705), о чем свидетельствовали датские книжные собрания тех столетий. В условиях господства универсальных естественно-правовых, абстрактно-нормативных понятий этот интерес не только имел познавательный характер, но также служил удовлетворению справочно-теоретических целей, которые предполагали решение практических задач. Этим, надо полагать, во многом объясняется то, что после выхода в свет очерка Л. Хольберга довольно долго еще, вплоть до XIX в., не обнаруживалось писателя, который желал бы обратить свое перо на сочинение трактата по датской геральдике.

Действительно, в XVIII и начале XIX столетия в Дании гербы если и привлекали к себе внимание, то по-прежнему преимущественно в тесной связи с генеалогическими изысканиями и вообще с интересом к собиранию сведений о дворянских родах Дании, а также герцогств Шлезвиг и Гольштейн. В качестве собирателей такого рода свидетельств известны Теркель Кленфельдт (1710–1777), Фредерик Ростгорд (1671–1745) и особенно газетный издатель Иохум Виланд (1690–1730). Имя последнего в истории датской геральдической мысли славно тем, что он первым в Дании начал издавать общий гербовник датского дворянства. В печатавшемся им с 1724 по 1730 г. словаре дворянских фамилий, доведенном, однако, только до рода Морман (Mormand), были помещены сведения о 310 родах, а также гравированные изображения их гербов[44].

Связь геральдики с дворянской генеалогией нашла отражение и в названии Королевского датского генеалогического и геральдического общества (*Det kongelige danske genealogiske og heraldiske Selskab*), основанного в 1777 г. Это первое геральдическое общество, учрежденное на датской почве, просуществовало до 1810 г., ознаменовав свою деятельность главным образом изданием "Словаря Дворянских Фамилий" Дании, Норвегии и герцогств Шлезвиг и Гольштейн. В нем заключались не только сведения о дворянских родах, но также изображения их гербов[45].

В число отцов-основателей "Общества", собравшихся на свое первое заседание 3 мая 1777 г. в Копенгагене, входили историк Петер Фридрих Сум (1728–1798), писатель Педер Топп Вандалл (1737–1794), церковные деятели Кр. Ленте-Аделер и Эрик Иохан Йессен, регистратор в Королевском Тайном архиве Йенс Якоб Вебер (1742–1805), служащий Королевской библиотеки Кристиан Брандт, бургомистр Копенгагена Йохан Якоб Хеесекер. Первым председателем "Общества" был избран знаток датской генеалогии Олуф Банг (1710–1783), а секретарем – литератор Бертель Кристиан Сандвиг (1752–1786)[46]. Несколько позже к ним присоединились также генерал-прокурор Хенрик Стампе (1713–1789) и представители знатных дворянских родов, графы Адам Готтлоб Мольтке (1710–1792) и Отто Тотт (1703–1785).

---

[44] Nye Tidender om Lærde og Curieuse Sager. Kbh., 1724–1730.

[45] Lexicon over adelige Familier i Danmark, Norge og Hertugdømmene. Kbh., 1782–1813. Bd. I–II.

[46] *Rostock O.* Det kongelige danske genealogiske og heraldiske Selskab, 1777–1810 og dets forsættelser i nyere tid // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 9–20.

Исчисленный состав общества, продолжавший и впоследствии пополняться лицами разного сословного происхождения и социального положения, указывал на то, что в XVIII в. интерес к гербам проявлялся у представителей различных слоев датского народа. Факт же выхода из печати геральдического сочинения Л. Хольберга и справочных трудов И. Виланда и Королевского датского генеалогического и геральдического общества свидетельствовал о том, что этот интерес уже мог переходить в потребность систематической работы по собиранию, изучению и изданию датского геральдического материала.

В собирании, описании и издании источников, заключавших изображения гербов и письменные свидетельства о них, во многом протекала деятельность любителей и исследователей датской геральдики в XIX и первой половине XX столетия. Одновременно мало-помалу начинала развиваться и литературно-исследовательская работа датских историков, причем нетрудно заметить, что эта работа протекала в тесной связи с развитием западноевропейской геральдической мысли.

Хотя, как выше отмечалось, в сочинениях по геральдике, писавшихся в позднее Средневековье и затем в XVI–XVII вв., гербы представлялись как явление, уходившее своими корнями в глубокую старину, все же предметом рассмотрения и изучения в этих сочинениях избирались преимущественно те эмблемы, время создания которых относились к Средним векам. Вошло также в обыкновение, что видим уже у Л. Хольберга, смотреть на гербы как на особые знаки, которыми украшались предметы воинского обихода, носившиеся рыцарями (дворянами), в первую очередь щиты и шлемы, при том, однако, что истоки самого рыцарства, как и в Средние века, выводились тоже от античных времен. Впрочем, с XVII столетия, прежде всего в геральдических трактатах, например, в сочинениях К.Ф. Менетрие, все чаще высказывались критические суждения относительно устоявшихся воззрений на время зарождения рыцарства и гербов. Так, Менетрие связывал появление гербов с развитием традиции рыцарских турниров со времени царствования восточнофранкского (германского) короля Генриха I Птицелова[47]. В трудах К.Ф. Менетрие и Ф.Я. Шпенера появляется и тема крестовых походов, с той мыслью, чтобы к проведению последних приурочить время становления родовых гербов. Приходит, наконец, и понимание, которое обнаруживается, например, у Менетрие, что самое геральдическое искусство с его правилами есть наследие Средневековья: оно обязано своим возникновением французам, жившим в период правления короля Людовика Толстого (1108–1137)[48].

В дальнейшем, в XVIII и первой половине XIX столетия, на западноевропейской почве мало-помалу прорастает также стремление поближе познакомиться с тем периодом исторической жизни западноевропейского мира, который на пороге Нового времени был заклеймен как варварский “средний век” Это стремление утверждалось под влиянием духовных переживаний, на почве которых при изучении прошлого постепенно получили признание

[47] *Menestrier C.F* Origine des ornemens des armoiries. P., 1680.
[48] *Menestrier C.F* La sience de la noblesse ou la nouvelle metode du blason. P., 1691. P. 2–3; *Spenerus Philippus Jacobus*. Insignium... P. 38–79.

альности[49].

В свою очередь, следствием живого и во многом на первых порах романтического интереса к Средневековью явились ученые изыскания, выводы которых не оставляли сомнений, что рыцарство своим происхождением было обязано Средним векам, более того, его окончательное становление следовало относить лишь к эпохе Крестовых походов. Поскольку же герб продолжал признаваться по своему происхождению в первую очередь рыцарской эмблемой, то не могла не утвердиться окончательно и мысль относительно зарождения гербов в ту же эпоху. С течением времени, во второй половине XIX – XX в., эта мысль все больше стала находить свое подтверждение в свидетельствах, почерпавшихся учеными из показаний средневековых памятников письменности и изобразительного искусства.

Вместе с тем в XIX столетии постепенно укореняется понимание, питавшееся возросшим тогда интересом к национальным культурам, что геральдика есть не просто универсальное знание о гербах, а знание, которое, имея общие теоретические основы, тем не менее у различных европейских народов могло представать с национальными особенностями. Отсюда явились такие понятия, как французская, немецкая, русская или еще какая-нибудь национальная геральдика. И в Дании в XIX в. также пробивает себе дорогу представление о том, что существует датская геральдика, которая, хотя и основывается на традициях, свойственных западноевропейской геральдике, в то же время может характеризоваться и своими национальными особенностями. На описание и изучение этих особенностей, их сходств и отличий от геральдических явлений и понятий других западноевропейских стран с этого времени преимущественно и были направлены изыскания исследователей датской геральдики. Причем большое внимание стало уделяться собственно истории гербов, а в дальнейшем, в XX в., с расширением понятия "геральдики", и других символических знаков.

Большое место в трудах по датской геральдике XIX и первой половины XX в. уделялось историческому изучению королевского (государственного) герба и национального датского знамени – Даннеброга. Этому в немалой степени способствовал подъем национального самосознания, который в эту эпоху наблюдался у датчан, равно как и у других европейских народов.

Первой работой по истории датского королевского герба, увидевшей свет в XIX в., была статья Г.Л. Бадена "О споре вокруг Трех Корон"[50], в которой на исторических источниках, в том числе тех, к которым ранее уже обращались Х. Сванинг и Л. Хольберг, выставлялись доказательства о правомочности ношения означенной эмблемы королями Дании. Эти доказательства были направлены главным образом против укоренившихся в шведской литературе[51] воззрений относительно узурпации герба "три короны" датскими государями. При таких обстоятельствах прагматическая задача,

[49] См., *Мейнеке Ф.* Возникновение историзма. М., 2004.
[50] *Baden G.L.* Om Trekronerstriden // Afhandlinger i Fædrelandets Cultur-Stads Kirke og Litteraere Historie. Kbh., 1820. Bd. 3. S. 46–72.
[51] См., *Loenbom S.S.* Om stwisten imellan Sverige och Dannemark öfwer Kongliga swenska wapnet Tre Kronor. Stockholm, 1763.

которая, равно как и в шведской историографии, решалась автором статьи, затемняла задачу научную, что сказалось на результатах исследования: они лишь подтверждали уже известные исторические факты.

Собственно научно-историческое изучение датского герба начинается во второй половине XIX столетия. Этой теме были посвящены статьи исследователя печатей Хенри Петерсена (1849–1896) и историка датского Средневековья Адольфа Дитлева Йоргенсена (1840–1897).

В 1879 г. Х. Петерсен обнаружил в архиве немецкого города Шверина печать с датским королевским гербом, принадлежавшую королю Кнуту VI (1182–1202). Эта печать, которую Х. Петерсен датировал приблизительно 1190 г., позволила опровергнуть точку зрения Л. Хольберга, относившего время зарождения датского герба к периоду правления младшего брата Кнута, короля Вальдемара II. В той же статье Х. Петерсен исследовал гербы на датском знамени, захваченном ганзейцами в 1427 г. и с тех пор хранившемся в Мариинской церкви Любека[52].

Статьи А.Д. Йоргенсена были написаны, прежде всего, с целью выяснения терминов, которыми в Средние века обозначались фигуры в гербе королей Дании – львы или леопарды, сердца или так называемые морские листья (*søblade*), – и того, что они собой символизировали. Автор пришел к выводу, что речь должна вестись о львах и морских листьях и что Й. Коллинг был прав, когда писал о львах как о символах трех датских проливов; под морскими листьями же следует разуметь земли Дании, разделенные морскими просторами[53]. Эти аллегорико-символические истолкования фигур датского герба, однако, подверглись критической оценке в упоминавшейся статье Х. Петерсена, указавшего на употребление таких знаков в других гербах, причем принадлежавших иноземцам. Х. Петерсен считал также, что следует говорить о присутствии в гербе королей Дании изображений не львов, а леопардов. Но это свое суждение он не доказывал убедительно данными источников, а больше основывал на теоретических определениях, утвердившихся к тому времени в среде западноевропейских знатоков геральдического искусства.

А.Д. Йоргенсен обратил, кроме того, свое ученое перо на исследование обстоятельств, при которых датские короли начали употреблять Даннеброг[54]. Он предположил, что источником этого знака являлось знамя ордена св. Иоанна Иерусалимского – красное полотнище с белым крестом. Имя же знамени представляло собой составное слово, в котором первая часть, о чем не могло быть и спора, указывало на датскую народность, а вторая часть – "brog" могло пониматься или как "знак" ("пятно"), или как "штаны". Первое предположение А.Д. Йоргенсен основывал на толковании обнаруженного им в одной латинской грамоте короля Эрика Менведа, датируемой 1318 г., слова "brogelen" Оно, по мнению датского историка, могло обозначать ленное владение, пожалованное сеньором вассалу с правом использования на

---

[52] *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. 1. S. 1–56.

[53] *Jørgensen A.D.* Det gamle danske Kongevåben // ANOH. 1879. Hft. 1. S. 19–55; *Idem.* Undersøgelser vedrørende Danebroge og det danske Kongevåben // HT. 1887–1888. R. 6, bd. 1. S. 148–194.

[54] *Jørgensen A.D.* Om Danebroges Oprindelse: En historisk hypotes // HT. 1875–1877. R. 4, bd. 5. S. 415–459; *Idem.* Undersøgelser... S. 149–190.

войне особого знака. Об употреблении слова "brog" в значении "знака" или "пятна", полагал А.Д. Йоргенсен, могло свидетельствовать сходство этого слова с датским прилагательным "broget" (пятнистый, пестрый). Однако эти умозаключения не могут считаться убедительными, поскольку в датских текстах, дошедших от Средних веков или от более позднего времени, понятие "знака" не передавалось словом "brog", да и само это слово отдельно в датском языке не употреблялось. Убедительнее выглядело другое предположение А.Д. Йоргенсена, которое основывалось на том бесспорном факте, что в исландском и норвежском языках словом "broke" с древности обозначались "штаны", что подтверждалось запечатленным в сагах прозвищем легендарного предводителя норманнов Рагнара Лодброке (Кожаные Штаны). Отсюда датский историк соглашался с мнением, ранее высказывавшемся в шведской исторической литературе, о том, что своим происхождением имя "Даннеброг" могло быть обязанным иноземному словоупотреблению. В подтверждение этой мысли отмечалось, что вначале это имя обнаруживается в шведской "Рифмованной хронике" второй половины XV столетия. Следовательно, делался вывод, что шведы первыми стали употреблять слово "Danebroge", причем в значении "датские штаны", чем в эпоху частых датско-шведских войн хотели выразить свое презрительное отношение к знамени враждебной армии[55].

Говоря о научном творчестве Х. Петерсена и А.Д. Йоргенсена, следует также отметить, что эти ученые в своей исследовательской работе не довольствовались только датским геральдическим материалом, но, изучая датские гербы, обращались также и к источникам иноземного происхождения. Иными словами, в трудах этих историков датской геральдики, как и в сочинениях других западноевропейских геральдических писателей XIX в., важное место отводилось использованию сравнительно-исторического метода, который в дальнейшем находился на вооружении у датских ученых, обращавшихся к изучению гербов и других эмблем своих соотечественников.

Х. Петерсен занимался также изучением тех гербов, которые в Средние века изображались на внутренних стенах датских церквей[56]. Однако не он стоял у истоков исследования этих драгоценных геральдических памятников датского Средневековья. Зачинателем их изучения стал архитектор Якоб Корнеруп (1825–1913). Проводя реставрационные работы в церкви св. Бендта (Бенедикта) Сорёского монастыря (Зеландия), он обнаружил под красочными наслоениями более позднего времени остатки изображений многочисленных гербовых щитов. По мнению Я. Корнерупа, эти фрески восходили к XIII–XIV вв.[57] Несколько позже он обратился к изучению и реставрации элементов герба короля Вальдемара Аттердага (1340–1375) в церкви св. Петра Нестведского монастыря (Зеландия)[58] (цв. илл. 2).

При реставрации гербов Я. Корнеруп использовал данные различных источников, в первую очередь иконографию датских средневековых печатей.

[55] *Jørgensen A.D.* Undersøgelser... S. 187–189.
[56] *Petersen H.* Skjoldefrisen i Sorø Kirke, et kritisk bidrag til dansk heraldik // ANOH. 1883. S. 1–54.
[57] *Kornerup J.* Skjalm Hvides slægts grave og skjoldmærker i Sorø Kirke // ANOH. 1877. S. 195–252.
[58] *Kornerup J.* Valdemar Atterdags og Dronning Helvigs billeder i Næstveds St. Peders Kirke // ANOH. 1893. S. 191–206.

По печати далеко не всех лиц, чьи имена находились при остатках гербовых изображений в церкви св. Бендта, сохранились. Кроме того, по этим источникам нельзя было установить цвета гербов. Поэтому во время своей реставраторской работы Я. Корнеруп использовал косвенные сведения, которые, однако, могли приводить к неверным выводам. Результатом явилось то, что методы восстановления гербов, которыми руководствовался Я. Корнеруп, и сами итоги его работы вызвали критические замечания у Х. Петерсена и других историков и искусствоведов. Возражения касались, прежде всего, приписывания гербов тем или иным лицам, а также подлинности реставрированных цветов, фигур и формы щитов.

Реставраторская работа в XIX–XX вв. велась датскими учеными не только в церквах, но также в других архитектурных памятниках средневековой Дании. В числе таких памятников большой интерес вызывал замок Кронборг близ города Хельсингёра (Зеландия), прославленный Шекспиром в "Гамлете" под именем "Эльсинор". В нем была обнаружена фреска с многочисленными гербами, которые, на предмет выяснения их владельцев, подверг изучению, с привлечением сфрагистического материала, историк датского искусства Мауриц Макепранг (1869–1959). Ему удалось выяснить, что эта фреска восходит к 1420-м годам[59]. Из-под пера М. Макепранга вышла также статья, посвященная датским изображениям "герба Христа" (илл. 3); тема исследована в связи с духовной историей позднего Средневековья[60].

В ряду зачинателей исторического изучения гербов в Дании должно назвать и Андерса Тисета (1850–1917), который, помимо того, что много потрудился в деле издания геральдических памятников (печатей) и описания дворянских гербов, оставил после себя несколько статей, в которых высказал ряд мнений, и сегодня не потерявших своего научного значения. Его главная заслуга перед датской исторической наукой заключалась, прежде всего, в том, что он первым обратился к историческому изучению дворянской геральдики Дании. Особенно много А. Тисет потрудился при выявлении и исследовании источников, сообщавших сведения о датских дворянских гербах XV–XVIII вв. Он исследовал дворянские дипломы, содержавшие описания и изображения гербов, а также законодательные памятники Дании, в которых обнаруживались указания относительно использования гербов в повседневной датской жизни[61].

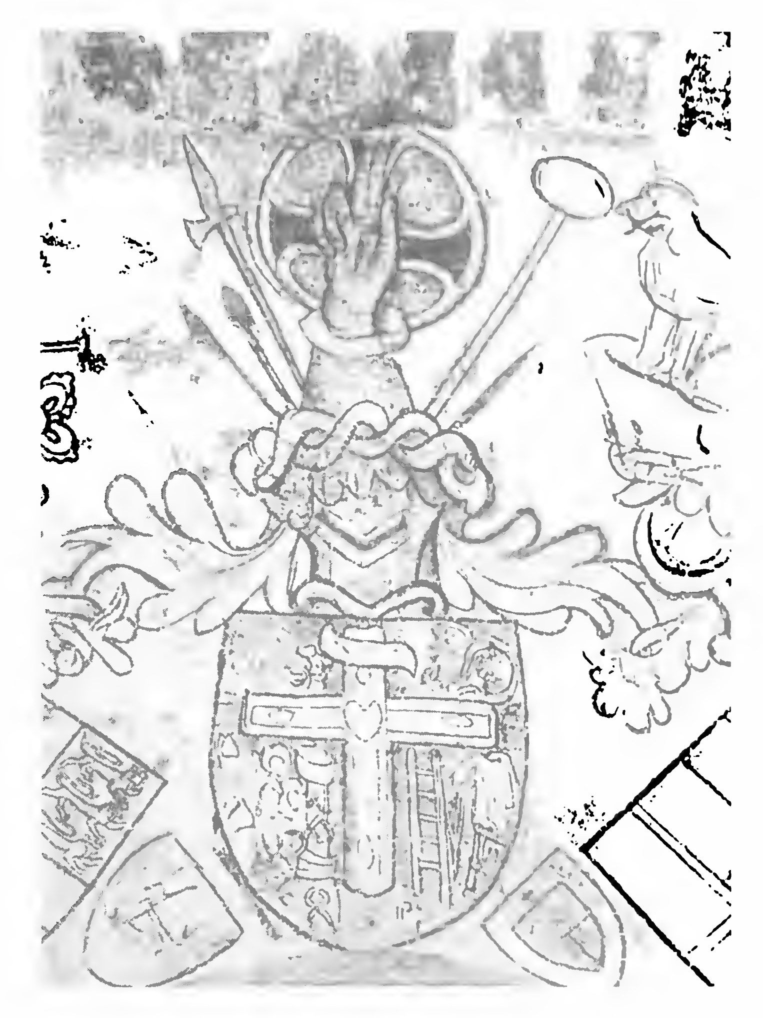
Кроме того, А. Тисет обратил внимание на старинный обычай употребления эмблем представителями других датских сословий, а также земскими и городскими общинами, чем положил начало изучению в Дании областной, городской и бюргерской геральдики. Его вывод об отсутствии в Датском королевстве законодательных запретов на ношение гербов лицами, не принадлежавшими к дворянскому сословию, прочно утвердился в датской историографии. Вообще живой интерес А. Тисета к юридической стороне использо-

---

[59] *Mackeprang M.* En Skjoldefrise fra Erik af Pommerns Tid paa Kragen (Kronborg) Slot // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. Kbh., 1932. S. 78–80.

[60] *Mackeprang M.* Christi Lidelsesredskaber – "Christi Vaaben": En arkæologisk Skitse // ANOH. 1951. Kbh., 1952. S 178–195.

[61] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 305–392; *Idem.* Nogle Bemærkninger om dansk Heraldik i Fortid og Nutid // ANOH. 1902. R. 2, bd. 17. S. 1–36.

Илл. 3. "Герб Христа" Замок Кронборг. Фреска, 1420-е годы

вания датских гербов и эмблем побуждает нас видеть в нем зачинателя изучения истории датского гербового права.

Большой вклад в дело исторического изучения датской геральдики внес младший современник А. Тисета, Поуль Бредо Грансян (1880–1957), бывший по профессии архитектором. Большой знаток датского сфрагистического материала, уцелевшего от Средневековья и первых столетий Нового времени, он также стал автором первых книг о датской геральдике и государственном гербе Дании[62].

Начитанность П.Б. Грансяна в трудах иностранных геральдических писателей, прежде всего немецких и французских, дала ему возможность представить геральдику своего отечества и со стороны времени и обстоятельств ее возникновения, и со стороны развития ее главнейших черт как неотъемлемую часть западноевропейской геральдики. Но одновременно он смог

[62] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919; *Idem.* Det danske Rigsvaaben. Kbh., 1929.

отметить и некоторые особенности, которыми датская геральдика с течением времени стала отличаться от геральдик других стран Западной Европы.

Начитанность в геральдических сочинениях иностранных писателей, несомненно, помогла П.Б. Грансяну при написании книги "Датская геральдика" Она открывается разделом, в котором сообщается о времени зарождения "гербового искусства" и развитии геральдики. Автор утверждает, что в Дании, равно как и в других странах Западной Европы, "геральдические эмблемы как особые знаки" вошли в употребление во второй половине XII столетия. Само понятие герба претерпевало изменения: от знаков предметов рыцарского вооружения – щита и шлема в Средние века к чисто художественным изображениям этих и других "гербовых частей" в Новое время. К Средним же векам, а именно к XIII в., П.Б. Грансян относит и зарождение "системы, по которой гербы изображались"; у ее истоков находились герольды. В дальнейшем эта "система" получила имя "геральдики", происшедшее от слова "герольд"

Во втором разделе П.Б. Грансян впервые в датской литературе кратко обозревает виды геральдических источников, как датского, так и иноземного происхождения, а в третьем – геральдическую литературу, причем посвященную не только гербам датчан, но и в целом геральдике Западной Европы.

Затем П.Б. Грансян переходит непосредственно к изложению материала по датской геральдике, разбив его на четырнадцать очерков: "Гербовое право" (IV), "Виды гербов" (V), "Состав герба" (VI), "Цвета и меха" (VII), очерки, посвященные каждому элементу герба (VIII–XIV), производным гербам (битайну, или бризурам) (XV), составным гербам (XVI), а также описанию гербов (XVII). Таким образом, впервые в датской геральдической литературе были по отдельности обозначены и детально рассмотрены темы, которые в целом дают представление о том, что собой представляет геральдика, и в данном случае датская геральдика. Такой план построения книги о геральдике вообще и геральдике отдельной страны в частности может даже быть назван классическим, и то, что по этому плану читатель мог теперь составить себе более или менее ясное понятие о датской геральдике, несомненно, следует поставить в большую заслугу П.Б. Грансяну.

Однако при всем своем значении для развития знания о датской геральдике эта книга П.Б. Грансяна не может характеризоваться как вполне научно-историческое исследование. Правильнее будет признать ее популярным рассказом о датской геральдике, снабженным указаниями на исторические факты, которые почерпнуты из источников различных эпох, но которые не подвергнуты сколько-нибудь критическому разбору и объяснению. Прослеживается также сильная зависимость воззрений автора при рассмотрении им большинства тем от выводов, которые он находил у геральдических писателей, в числе коих были и датские, в первую очередь А. Тисет (например, в отношении датского гербового права). Впрочем, не можем не признать, что очерк о производных гербах, или битайне (*bitegn*), есть плод в основном собственных изысканий П.Б. Грансяна. Представленные в нем наблюдения автора относительно господства в Дании так называемого "битайна в широком понимании" (*bitegn i videre forstand*), основанные на исследовании гербов, принадлежавших королевским родственникам, послужили для последующих поколений исследователей датской геральдики хорошей основой при изучении этой темы.

Больше права называться научно историческим трудом имеет вторая книга П.Б. Грансяна, посвященная датскому государственному (королевскому) гербу. На ее страницах обнаруживаем многочисленные следы кропотливого ученого труда по собиранию фактов, извлеченных из различных источников, что сделало книгу драгоценным справочным пособием для всякого, кто пожелал бы поближе ознакомиться с богатой на перемены исторической судьбой датского королевского герба. Особенно обильны на факты те страницы, на которых прослежена история составных гербов датских государей, царствовавших в конце XIV – начале XX столетия, а также дополнительных элементов этих гербов. Но и в этой книге П.Б. Грансян мало внимания уделил собственно анализу добытого им с таким усердием фактического материала, ограничившись, как правило, лишь краткими указаниями относительно времени появления той или иной эмблемы или внешнего элемента герба и, если обнаруживались свидетельства, ближайшей причины, это событие вызвавшей.

Уже в сочинениях А. Тисета и П.Б. Грансяна можно встретить ссылки на датские родословные росписи и гербовники, датируемые концом XVI–XVII в. Но к специальному исследованию этих геральдических памятников обратился только современник указанных ученых, профессиональный историк Виллиам Кристенсен (1866–1949). В 1920–1930-е годы он написал ряд статей, в которых подверг изучению родословные книги с гербовыми изображениями, авторами которых являлись датские аристократки[63]. Итоги этого изучения свидетельствовали, прежде всего, о важности для знатных датских дворян XVI–XVII вв. гербов как знаков их благородного происхождения.

В 1920-е годы продолжилось также изучение городских гербов, свидетельством чему является статья историка датского искусства Кристиана Акселя Йенсена (1878–1952). В этой работе впервые было обращено внимание на то, что иконография средневековых печатей некоторых датских городов могла иметь своим источником местные топографические особенности, прежде всего те типы зданий, которыми характеризовалась светская и церковная архитектура этих городов[64].

В конце 1941 г. в Дании учреждается новое общество любителей и исследователей датской геральдики – Геральдическая Коллегия (*Collegium Heraldicum*), в 1943 г. переименованное в Датское Общество Геральдики и Сфрагистики (*Det danske Selskab for Heraldik og Sfragistik*). По окончании мировой войны это общество, однако, распалось, но в 1946 г. было основано другое под названием Датское Геральдическое Общество 1946 года (*Dansk Heraldisk Samfund af 1946*), просуществовавшее до конца 1950-х годов. Все помянутые общества не сыграли сколько-нибудь заметной роли в деле органи

---

[63] *Christensen W.* Nogle Bemærkninger om Slægtebøger, isaer om Sophie Belows Slægtebog // PHT. 1920. R. 7, bd. 4. S. 1–51; *Idem.* Nogle Slægtebogs- og Vaabenbogsundersøgelser // PHT. 1929. R. 9, bd. 2. S. 1–37; *Idem.* Lisbet Bryske-Tekster // PHT. 1931. R. 9, bd. 4. S. 1–56; *Idem.* Lisbet og Beate Huitfeldt som personalhistoriske Forfattere // PHT. 1932. R. 9, bd. 5. S. 1–20; *Idem.* Vibeke Podebusks Slægtebog? // PHT. 1934. R. 10, bd. 1. S. 1–42.

[64] *Jensen Chr.A.* Sfragistik og Topografi: En Studie over bygnings- og Landskabsbilleder paa danske middelalders Sigiller // Festskrift til Kristian Erslev den 28. Decbr. 1927 fra danske Historikere. Kbh. 1927. S. 179–186.

зации изучения геральдических древностей Дании, но некоторые их видные члены оставили после себя весьма ценные труды по истории и источниковедению датской геральдики. Так, Поуль Рейтцель издал книгу о гербах, присутствовавших в датских экслибрисах, а Хельге Кристенсен – о геральдических памятниках Копенгагена[65]. В 1945 г. П. Рейтцель начал также издавать свод гербов своих современников[66].

Кроме того, отметим, что в это время Альберт Фабритиус (1905–1976) опубликовал статью, в которой исследовался состав лиц, гербы которых в конце XVII в. были утверждены в дворянских дипломах[67]. Он же написал книгу, посвященную истории датского дворянства с XVI по XX в., в которой, в частности, рассмотрел вопросы, связанные с практикой выдачи дворянских и собственно гербовых патентов[68].

Новый, очень плодотворный период в изучении датской геральдики начинается в 1950–1960-е годы. В это и последующее время появляется ряд исследователей, чья ученая деятельность будет определять лицо датской историко-геральдической мысли во второй половине XX столетия. Это в первую очередь Свен Тито Ахен, Эрнст Вервольт, Кнут Пранге, Троельс Далеруп, Нильс Бартольди, Аллан Тённесен, Пер Ингесман и барон Йорген Кристиан Билле-Браге. Еще больше расширился и круг тем, к которым обращались исследователи датской геральдики во второй половине минувшего столетия. Отметим также, что большая часть геральдических статей в этот период публиковалась на страницах начавшего выходить в 1960 г. "Геральдического журнала" ("*Heraldisk Tidsskrift*"), печатного органа Скандинавского Геральдического Общества (*Societas Heraldica Scandinavica*), учрежденного знатоками геральдики Скандинавских стран и Финляндии в Копенгагене в мае 1959 г.[69]

Вторая половина XX в. ознаменовалась введением в научный оборот немалого числа новых источников по истории датской геральдики. То были преимущественно изображения гербов, которые находили в иноземных гербовниках XIII–XVI вв., на внутренних стенах церквей, на порталах зданий и различного рода предметах. При этом вновь обнаруженные и ранее уже известные геральдические памятники становились предметом особого изучения со стороны исторической мысли. В то же время продолжалось исследование различных тем, связанных с общественным употреблением гербов.

Еще исследователи предыдущего периода (особенно П.Б. Грансян) отмечали, что большую ценность для изучения датской геральдики и генеалогии имеют изображения гербов, обильно представленные на надгробных памятниках и эпитафиях датских дворян XV–XVIII столетий. Но только во второй половине XX столетия эти собрания гербов, представлявшие своего рода гербовники, запечатленные в камне или металле, были подвергнуты деталь-

---

[65] *Reitzel P.* Danske heraldiske Exlibris. Kbh., 1943; *Christensen H.* Heraldiske Minder i København. Kbh., 1945.

[66] *Reitzel P.* Vaabenførende Slægter i Danmark. Kbh., 1945–1959. Bd. I–III.

[67] *Fabritius A.* Danske Vaabenbrevsslægter // HT. 1941. R. 10, bd. 5. S. 658–691.

[68] *Fabritius A.* Danmarks Riges Adel: Dens Tilgang og Afgang 1536–1935. Kbh., 1946.

[69] *Prange K.* Societas Heraldica Scandinavica, 1959–1984 // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 7–8.

Б. Фроселля и С. Клеммменсена[70].

Результаты этой исследовательской работы подтвердили значение гербов на надгробиях как знаков, посредством которых датские дворяне стремились указать на свою аристократическую родословную.

Много вперед продвинулось также изучение других геральдических памятников. К их числу принадлежали гербовые фризы и отдельные гербы, представленные в настенных росписях датских церквей[71], в гербовниках XIII–XVIII столетиях[72] и на других предметах[73].

Значение этих исследований заключалось, прежде всего, в том, что они помогали более точно определить время и обстоятельства создания памятников, изначальный вид гербов, а также носителей этих гербов. Одновременно обнаруживались новые возможности для выяснения ценности указанных памятников как геральдических и генеалогических источников. Как следствие, все яснее становилось и то, какими правилами должно руководствоваться при идентификации гербов[74].

Расширение круга источников давало пищу также для дальнейших размышлений о том, что следует понимать под словом "герб" Стремясь разобраться в этом вопросе и не находя на него вполне удовлетворительного ответа в сочинениях геральдических писателей, К. Пранге обратился за фактами к историческим источникам. На основе их показаний он пришел к выводу, что понятие о гербах датчан может быть составлено только в результате детального изучения состава этих гербов, правил их создания и практики ношения различными лицами: родственниками, мужчинами и женщинами, дворянами и представителями других сословий. Вместе с тем К. Пранге соглашался с норвежцем Хансом Крагом в том, что при изучении каждого конкретного герба следует учитывать время его возникновения[75].

---

70 *Fabritius A.* Våbenanetavler // PHT. 1976. R. 16, bd. 4. S. 117–131; *Prange K.* Våbenanetavlen perspektiver og exempler. Kbh., 1982 (Heraldiske Studier 1); *Idem.* Adelsmanden med de to gravsten // Herald. Tidsskr. 1983. N 48. S. 358–364; *Idem.* Kønskvotering på gravsten? // Ibid. 1985. N 52. S. 57–64; *Bille-Brahe J.C.* Gravmindernes Vidnesbyrd. Kbh., 1985 (Heraldiske Studier 2); *Frosell B.A.* Claus Podebusks og Anne Krognos' våbenanetavler // Herald. Tidsskr. 2000. N 82. S. 58–68; *Clemmensen S.* Seksten aner må man have Epitafiet i Galten Kirke // Ibid. 2001. N 84. S. 148–158.

71 *Achen S.T.* En middelalderlig våbenfrise i København // Herald. Tidsskr. 1966. N 14. S. 191–200; *Idem.* Friserne i Sorø og Ringsted // Ibid. 1967. N 16. S. 271–272; *Hiort E.* Sjoldefrisen i Ringsted og manglende våbener // Ibid. 1977. N 36. S. 285–297.

72 *Achen S.T.* De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Våbenbøger og løver. Danmark // Ibid. 1969. N 20. S. 441–449; *Idem.* Gelre-våbenbogen og dens danske våbener // Ibid. 1971. N 23. S. 105–115; *Buhl I.* Tre heraldiske Håndskrifter i Roskilde Adelige Jomfrukloster // Ibid. 1962. N 5. S. 210–214; *Bartholdy N.G.* Tilblivelse af våbenerne for riddere af Dannebrog i det 17. og begyndelsen af det 18. århundrede // Ibid. 1973. N 27. S. 311–325.

73 *Haxthausen O.H. M.* Prinsessens Altertavle // Ibid. 1964. N 10. S. 429–431; *Hiort E.* De sjællandske landsdommeres våbenskjolde i Sct. Bendts kirke i Ringsted // Ibid. 1975. N 32. S. 75–93; *Tønnesen A.* Heraldik på skydeskiver // Ibid. 1994. N 70. S. 429–447; *Prange K.* Heraldik på auktion // Ibid. 1997. N 75. S. 224–226.

74 *Achen S.T.* Identifikation af anonime våbenskjolde. Kbh., 1972.

75 *Prange K.* Hvad er et våben? Eller hvordan er vores forhold til heraldikken? // Herald. Tidsskr. 1962. N 74. S. 118–130; *Krag H.* Hvad menes med et Våben? // Ibid. 1961. N 3. S. 123–125. Эти воззрения К. Пранге на геральдику нашли также отражение в его популярной книге "Геральдика и история" (*Prange K.* Heraldik og historie. Kbh., 1962; 2-е изд. 1964; 3-е изд. 1977).

Таким образом, К. Праис выказал себя сторонником исторической геральдики, которая в Дании уже ранее пробивала себе дорогу, прежде всего, в статьях А.Д. Йоргенсена и А. Тисета. И это историческое направление в датской геральдической мысли второй половины XX столетия стало господствующим.

В работах А. Тисета, а также П.Б. Грансяна, как мы помним, были заложены основы и для изучения гербового права Дании. Во второй половине XX в. ведущим специалистом в этой области знания являлся Э. Вервольт. В 1958 г. он выпустил в свет статью, в которой попытался дать общее представление о датском гербовом праве, в том числе с опорой на выводы вышеназванных датских ученых и зарубежных геральдических писателей[76].

Свою статью Э. Вервольт разбил на три части. В первой, под названием "Право на использование герба", он старался подтвердить фактами, взятыми из сфрагистического материала и законодательных памятников XVI–XIX вв., точку зрения Тисета, что "в Дании человек одворянивал герб, а не герб человека" Иными словами, Э. Вервольт признавал, что в Дании представитель любого сословия мог иметь эмблему, понимаемую как "герб"

Вторая, более обширная часть статьи Э. Вервольта, носящая название "Право на использование определенного герба", разбита на два раздела: "Приобретение права на использование родового герба" и "Потеря права на использование родового герба" В свою очередь, первый раздел заключает параграфы, в которых речь идет: 1) о праве каждого датчанина брать себе герб; 2) о существовании обычая издавать дворянские и гербовые грамоты в период с конца XIV по середину XIX в.; 3) о присутствии на датской почве традиции, позволяющей совершать юридические сделки (купля-продажа, дарение) в отношении герба; 4) о том, что законнорожденные дети обоего пола обладают правом на наследование отцовского герба, а рожденные в морганатическом браке могут получить такое право, если только на то имеется законодательное определение; 5) о необходимости получения дворянского звания для приемного ребенка с тем, чтобы он мог иметь право на использование герба отца-дворянина, и об отсутствии такого правила для бюргерских родов; 6) о запрете для дворянок, вышедших замуж за недворян, носить родительские гербы и о праве дворянок на использование гербов своих мужей-дворян. Во втором же разделе говорится, что право на использование родового герба теряется в следующих случаях: при добровольном отказе, отчуждении другому лицу, разрыве договора об усыновлении (удочерении), при уходе жены от мужа после прекращения по суду супружеских уз, в случае лишения по приговору суда дворянского звания.

Что касается третьей части статьи Э. Вервольта, посвященной теме "Правовая защита родового герба", то в ней автор приходит к выводу, что такая защита прямо датским законодательством не предоставляется. Однако представители того или иного рода могут зарегистрировать в соответствующем государственном учреждении свой герб как общий знак "родового общества" (*fælles mærke for "slægtsforening"*), с тем чтобы получить законное основание для отстаивания своего права на этот знак (а не на герб) в суде.

[76] *Verwohlt E.* Dansk våbenret // PHT 1958. N 78. S. 1 17.

Позже, в 1994 г. Э. Вервольт опубликовал другую статью по датскому гербовому праву, в которой уже специально остановился на вопросе о правовой защите гербов, публичных и родовых[77]. В ней исследователь повторил свой прежний вывод об отсутствии в Дании законодательных предписаний, которые охраняли бы родовые гербы от постороннего использования. Иное дело гербы государственный и королевский, областные и городские (коммунальные), а также эмблемы различных общественных и государственных учреждений. В отношении этих гербов и эмблем в датском законодательстве XIX–XX вв. постепенно были выработаны правила, предполагающие юридическую защиту со стороны судебной власти.

Рассмотренные статьи Э. Вервольта, несомненно, представляют собой ценный вклад в дело изучения датского гербового права и в части исследования законодательных памятников Дании, и в части определения круга основных тем, которые позволяют составить представление об этом праве. Но в указанных статьях обнаруживаем и один существенный недостаток, а именно то, что их автор смотрит на датское гербовое право преимущественно как на вневременное явление, т.е. как на право, лишенное исторического развития. Такой подход к изучению датского гербового права проистекал у Э. Вервольта из убежденности, что "основополагающие принципы гербового права не претерпели больших изменений со времени зарождения первых гербовых эмблем в раннее Средневековье" На чем же основывалась эта убежденность автора, из текстов его статей нельзя увидеть. Зато обнаруживаем в них важное указание на предмет того, что той кладовой, из которой почерпается в основном материал по датскому гербовому праву, является обычай, а не писаный закон. Но как раз этот-то обычай менее всего подвергся исследованию со стороны Э. Вервольта.

Иначе проявилось отношение к обычаю как источнику знаний о датском гербовом праве во второй половине XX в. у тех датских исследователей, которые изучали отдельные темы, связанные с историей датского гербового права. Скудость письменных источников юридического характера заставляла этих ученых в первую очередь искать ответы в наблюдениях над изображениями гербов, сохранившихся на памятниках материальной культуры. Посредством таких наблюдений исследовалась в основном и тема производных гербов в датской геральдике.

Ранее отмечалось, что первым к изучению этой темы специально обратился П.Б. Грансян. Спустя тридцать лет к ней вновь вернулся Хенрик Бернер, собравший еще больше, нежели автор "Датской геральдики", фактических сведений о существовании в Дании традиции использовать одни гербы в качестве источника для создания других гербов. Но в отношении понимания того, что порождало желание создавать производные гербы в их различных проявлениях, Х. Бернер ничего нового, в сравнении с Грансяном, не сказал, если не считать выделения им в качестве вида битайна знаков "особой милости или чести" (*særlige æres- eller naadestegn*). Стало быть, как и его предшественник, Х. Бернер показал себя больше собирателем фактов, нежели их истолкователем[78].

[77] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse af offentlige våbener og slægtsvåbener // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 448–470.

[78] *Berner H.* Bitegn og deres anvendelse i dansk heraldik // PHT. R. 12, bd. 5. S. 173–180.

И Н.Б. Грансин, и Х. Бернер в своих обобщающих статьях писали преимущественно о производных гербах родственников королей Дании. Этим сюжетам посвящены также специальные статьи. Так, Х. Бернер подробно остановился на вопросе создания в XVII–XVIII вв. гербов для побочных сыновей королей Дании и их потомков[79]. В свою очередь Н.Г Бартольди проследил историю производных гербов родственников датских королей XIII–XIV вв.[80]

Итоги научного изучения данной темы нашли отражение в книге Э. Сване. В ней также представлены сведения о производных гербах членов королевского дома Дании XIX–XX вв.[81]

В целом можно отметить, что работы о гербах, возникших с использованием знаков королевского герба, заключают ценный фактический материал, но культурно-исторические обстоятельства, способствовавшие появлению производных гербов королевских родственников, в этих работах остаются невыясненными.

Н.Г Бартольди написал также статью, в которой подробно исследовал вопрос относительно права на использование герба датских королевичей и их потомков, а именно герцогов Шлезвига и Гольштейна, происходивших из Ольденбургского дома, детьми короля Кристиана IV от его неравного брака с датской аристократкой Кирстиной Мунк. Автор показывает, что в Дании первой половины XVII в. еще не существовало каких-либо законодательных предписаний, запрещавших королевским детям, рожденным в морганатическом браке, использовать гербы датских королевичей, рожденных в равном браке. Однако опасение того, что дети К. Мунк, обладая гербом законных потомков датских королей Ольденбургского дома, в дальнейшем смогут притязать на королевский престол Дании, побудило короля Фредерика III, сына Кристиана IV от его первого, равного брака, издать указ, запрещавший его единородным братьям и сестрам носить упомянутый герб[82].

Во второй половине XX в. большой вклад был внесен и в дело изучения датской дворянской геральдики. Прежде всего здесь следует отметить труды Т. Далерупа, П. Ингесмана и Б. Эстергорда. В статьях этих исследователей доказывалось, что в средневековой Дании существовал обычай, по которому лицам, получавшим дворянское звание, могли одновременно жаловаться гербы, происходившие, с теми или иными изменениями в цветовой окраске или изображении фигур, от гербов других лиц, а именно представителей старинных дворянских родов. Т. Далеруп на исторических фактах обосновал, что такой обычай являл собой отражение тех служебных, или вассальных,

---

[79] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 153–163.

[80] *Bartholdy N.G.* Cadency of Danish Royal Bastards in the 13th and 14th Centuries // Académie Internationale D'Héraldique XVIII Colloquium, Canterbury, 29th Augus – 4th September 1993, Proceedings. Canterbury, 1995. P. 97–105.

[81] *Svane E.* I Skjoldet springe Løver: Afledninger af Kongevåbenet. Odense, 2002.

[82] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel mod oldenborgernes kongelige linie: Kirstine Munks og hendes børns titel og våbenføring // Slægter. Skiolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 155–166.

знатным дворянам[83].

Как говорилось выше, Э. Вервольт в статье о датском гербовом праве отмечал, что в Дании дворянский герб мог передаваться одним лицом другому лицу в качестве дара. Этот вывод, но уже на основе исследования более широкого круга источников, нашел подтверждение в статье Б. Эстергорда. В ней, кроме того, приводится ряд примеров, из которых следует, что в XV в. герб вымершего рода мог переходить к дворянину из другого рода, а также что новые гербы могли создаваться в подражание уже существующим гербам[84].

Отметим также статью С. Малера Дама, который попытался проследить существование в средневековой Дании обычая, согласно которому два дворянских герба могли являться источником для создания нового герба. Основанием для этого служило желание его владельца указать на свое родство с носителями других гербов[85].

Что касается дворянской геральдики XVII–XVIII вв., то она привлекала к себе внимание историков в основном теми геральдическими нововведениями, которые тогда стали укореняться на датской почве. Так, развившийся в эти столетия обычай употребления датскими и норвежскими дворянами составных гербов нашел свое специальное рассмотрение в статье норвежского ученого Харальда Ниссена. Впрочем, в этой работе, посвященной составным гербам, которые использовали представители аристократических родов Баннер и Хёег, только подтверждался уже давно известный факт, что подобные дворянские гербы в Дании создавались в целях указать на родственные узы, которые связывали носителя составного герба с представителями других дворянских родов[86].

Не новой в датской историографии была и такая тема, как право на ношение гербов королевскими служащими, происходившими из недворянского сословия. Ранее она уже привлекала внимание А. Тисета, а теперь ее изучение было продолжено в статье Н.Г. Бартольди, посвященной исследованию понятия датского дворянства эпохи раннего абсолютизма в Дании (последняя треть XVII – начало XVIII в.). В этой статье содержится ряд наблюдений и выводов, позволяющих несколько по-иному отнестись к толкованию тех положений королевских указов и законов, в которых упоминаются геральдические термины. Согласно Бартольди, в последние десятилетия XVII столетия у государственной власти Дании наблюдалось жела-

---

[83] *Dahlerup T.* Variationer og Mutationer: Adelshistoriske Problemer i Heraldisk Belysning // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 65–80; *Idem.* Våbengrupper, similarisering og undervasallitet i dansk senmiddelalder // Ibid. 1968. N 17. S. 303–311; *Idem.* Kabelslægtens og vasaller // Ibid. 1968. N 18. S. 345–353; *Idem.* Lavadelens krise i dansk senmiddelalder // HT. 1969. R. 12, bd. 4. S. 1–41; *Ingesman P.* Identifikationsproblemer i lavadelsstudier – nogle skanske eksempler // Herald.Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 300–312; *Østergaard B.* Våbenskjolde hos Mule og Ulfeldt // Ibid. 1994. N 70. S. 481–482.

[84] *Østergaard B.* Våbenskjolde som gave, arv og efterligning // Ibid. 1993. N 67. S. 317–329.

[85] *Mahler Dam S.* Heraldisk udtryk for ægteskabsforbindelser i lavadelen // Ibid. 1989. N 59. S. 439–445.

[86] *Nissen H.* Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Ibid. 1989. N 60. S. 462–476.

ние утвердить за чиновниками, получавшими дворянские привилегии в силу своего ранга, право на "ведение гербов дворянского типа" (*føre vaaben af adelige type*), но при этом законодатель едва ли стремился "определить дворянство геральдически" (*at definere adelen heraldisk*). В то же время были предприняты попытки, в том числе с помощью королевских указов, внести посредством разных шлемов и корон особые отличия в гербы различных категорий дворян: титулованных, родовитых, но не имевших титула, и "дворян" по чину[87].

На последнюю тему Н.Г. Бартольди впоследствии написал специальную статью, в которой пришел к выводу, что самое стремление к разграничению дворянских гербов по типам шлемов и корон зародилось в Дании под влиянием, исходившим от французской геральдики XVII в. При этом имело место не слепое подражание, а заимствование идеи, которая находила свое творческое применение на чужой, а именно датской почве[88].

Выше мы видели, что Э. Вервольт в статье о датском гербовом праве вслед за А. Тисетом, настаивал на существовании в Дании еще в Средневековье обычая, по которому гербы могли брать себе представители различных сословий. Позже он опубликовал специальную статью, в которой на средневековых сфрагистических источниках доказывал правоту данной точки зрения. При этом он выставлял в качестве довода такие факты, как употребление в Средневековье лицами, не принадлежавшими к дворянскому сословию, печатей, на которых изображались щиты с эмблемами, и обозначение владельцев этих печатей словами "горожанин" или "бонд"[89].

Эмблемы на печатях датских горожан нашли также своего кропотливого исследователя в лице И. Люсдаль. Изучая средневековые печати обитателей города Роскилле, она выяснила, что изображения на этих печатях могли быть трех видов: "гербовые эмблемы" (*våbenmærker*), руноподобные знаки (*bomærker*) и "другие знаки" (*andre mærke*), например, инициалы; причем бóльшую часть из указанных видов изображений составляли руноподобные знаки, почти никогда не заключавшиеся в щиты[90].

К тем же выводам, но уже на основе изучения средневековых печатей горожан другого крупного датского города – Рибе, пришел И. Нильсен[91].

К моменту выхода в свет статей Люсдаль и Нильсена знаки, известные под именем "bomærke", уже давно находились в поле зрения датских ученых. Особенно много для их изучения сделал А. Тённесен. Он тоже пришел к выводу, что руноподобные эмблемы преобладали на печатях датских бюргеров и бондов, а кроме того, они могли использоваться лицами, имевшими дворянские права. По наблюдениям Тённесена, обычай употребления датчанами руноподобных знаков, зародившись в глубокой древности, продолжал

[87] *Bartholdy N.G.* Adelsbegrebet under den ældre enevælde: Sammenhængen med privilegier og rang i tiden 1660–1730 // HT. 1971. R. 12, bd. 5. S. 577–650.

[88] *Bartholdy N.G.* Rangkroner og- hjelme unden den ældre enevælde // Herald. Tidsskr. 1980. N 46. S. 9–21.

[89] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik i dansk Middelalder // Ibid. 1961. N 3. S. 95–104.

[90] *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450 // Ibid. 1974. N 30. S. 441–451.

[91] *Nielsen I.* Ribeborgergeres segl 1300–1450 // Ibid. 1976. N 34. S. 177–184; 1977. N 36. S. 279–284.

Относительно XVI–XVII вв. такое же наблюдение сделал шведский исследователь Т. Фленсмарк, изучавший эмблемы датских горожан области Сконе[93].

Что же касается вопроса, следует ли считать руноподобные знаки гербами, то скандинавские историки геральдики всегда давали на него отрицательный ответ. Однако культурно-исторического обоснования этому выводу в их работах мы не находим.

Во второй половине XX в. продолжали выходить из печати и работы, посвященные истории герба королей Дании. Так, С.Т. Ахен написал статью, в которой выдвинул предположение, что первым датским королем, приказавшим изобразить на своем боевом щите трех львов (леопардов), был Вальдемар I (1157–1182). Случилось это, вероятно, в 1162 г., после того как Вальдемар признал себя вассалом императора Фридриха Барбароссы. Правда, сам Фридрих не представлялся с предметами, на которых изображался лев (львы), но другие представители его рода (Штауфенов), носили щиты, заключавшие изображения одного или трех львов. Отсюда, по мнению С.Т. Ахена, следовал вывод, что герб датских королей происходил от герба Штауфенов (Гогенштауфенов) и что он символизировал подчинение Датского королевства Священной Римской империи[94].

Однако в западноевропейской литературе второй половины XX в. относительно первоначального значения образа льва в королевских и княжеских гербах утвердилось другое суждение: лев являлся символом независимой власти короля или князя. В Дании это значение образа льва в гербах государей, в частности в гербе датского короля, на основе ветхозаветных текстов обосновывал Томас Риис. Из того же духовного источника он выводил происхождение и других знаков в гербе короля Дании – сердец[95].

Как символ королевской власти образ льва в гербе датского короля рассматривал также Н.Г. Бартольди, но в этом образе он увидел иной, нежели С.Т. Ахен, политический смысл. По его предположению, причина, по которой Вальдемар I или Кнут VI стали носить герб со львами, заключалась в том, что "лев тогда яснее всего служил выражением самоутверждения, особенно по отношению к императору" Самое же "политическое значение льва" короли Дании могли позаимствовать у Вельфов, прежде всего, у Генриха Льва, с которыми они были связаны союзническими узами[96].

Tønnesen A. Bomærket på den skotske altertavle fra Helsingør // Ibid. 1966. N 14. S. 188–190; *Idem* Slægterne Lilliefeld og Rosenvinges brug af bomærker // Ibid. 1967. N 16. S. 275–279; *Idem* Helsingørs bomærker. Kbh., 1968; *Idem*. Bomærkeføring i vore dage // Herald. Tidsskr. 1970. N 22. S. 86–88; *Idem*. Bomærker og runer // Ibid. 1985. N 51. S. 23–34; *Idem*. Lavadelens brug af bomærker // Slægter. Skjolde. Steder. S. 143–154.

93 *Flensmarck T* Bomärke eller heraldiskt vapen: Spörsmål kring tvä skänska borgarvapen under 1500–1600-talen // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 274–288.

94 *Achen S.T* De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen // Ibid. 1969. N 20. S. 445–448.

95 *Riis Th.* Les institutions politiques centrales du Danemarque 1100–1332. Kbh., 1977. P. 193–194.

96 *Bartholdy N.G.* Valdemarernes løveväben: Hovedtræk af en teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. ärhundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 21–30.

Н.Г. Бартольди и другие историки геральдики второй половины XX столетия внесли также вклад в дело изучения отдельных элементов датского герба: короны[97], орденов[98], мантии[99] и щитодержателей[100]. Вышла в свет и новая книга о государственном и королевском гербе Дании, написанная Э. Сване. Но в ней мы не обнаруживаем научного текста, а только ряд популярных очерков, сопровождаемых, однако, многочисленными иллюстрациями (в том числе цветными), среди которых есть и малоизвестные[101].

Во второй половине XX в. продолжали выходить и работы, посвященные Даннеброгу, в которых находили отражение новые факты по истории этого знамени в XIV–XX столетиях. Но относительно истолкования его имени и того, почему этот знак обрел значение геральдической эмблемы в гербе королей Дании, каких-либо принципиально новых суждений, отличных от выводов, сделанных еще историками XIX – первой половины XX в., предложено не было. И только обнаружение в конце 1960-х годов упоминания Даннеброга в Белленвилльском гербовнике позволило отнести появление этого слова к более раннему времени, нежели вторая треть XV в., а именно, по крайней мере, ко второй половине XIV столетия[102].

Ценным вкладом в изучение датской геральдики явились статьи Э. Вервольта о герольдах королей Дании – тема, которая прежде не служила предметом специального исследования[103].

Наконец, отметим, что в последние десятилетия ушедшего века историки датской геральдики останавливали свое внимание на истории гербов и эмблем некоторых датских городов, земель и ленных владений (графств и баронств, учрежденных в конце XVII в.)[104], духовенства[105], а также дворянских родов и отдельных лиц[106]. Указанные работы обнаруживают свою научную ценность как собранным фактическим материалом, так и аналитическими выводами.

---

[97] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995.

[98] *Krag H.* Hvorfra kom Elefantene? // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 57–61; *Neerbek H.* Erik af Pommerns danske ridderorden og dens forhold til Elefantordenen // Ibid. 1972. N 26. S. 264–268; *Hougaard P.* Den danske elefant: Dens baggrund, betydning og brug // Ibid. 1981. N 43. S. 153–185; *Grandjean P.B.* Det Kong Christiern II som Ridder af Den Gyldne Vliess tilskrevne Vaaben // PHT. 1950. Aarg. 71 (R. 12, bd. 5, hft. 1–2). S. 90–97; *Bartholdy N.G.* Christian II's våbener og Den gyldne Vlies // Herald. Tidsskr. 1994. N 69. S. 397–412.

[99] *Bartholdy N.G.* Suverænitetssymbolikken i det store danske kongelige våben og dens kulturhistoriske baggrund // Ibid. 1976. N 33. S. 127–138.

[100] *Warming P.* Christiern I. s Skjoldholdere // Ibid. 1960. N 1. S. 2–6; *Buhl I.* Vildmænd som frugtbarhedssymbol og skjoldholdere ved det danske kongevåben // Ibid. 1970. N 22. S. 57–65.

[101] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.

[102] *Bruhn H.* Dannebrog og danske Faner gennem Tiderne. Kbh., 1949; *Kock J.O.* Sagnet om Dannebrog // Danske Studier. Kbh., 1951; *Achen S.T.* Dannebrog // Herald. Tidskr. 1969. N 19. S. 423–440; *Bartholdy N.G.* Dannebrogskorsets form og visionære bagrund // Ibid. 1991. N 64. S. 168–182; *Idem.* Dannebrog – legende og virkelighed // 1219. Dannebrog og Estland. Roskilde, 1992. S. 6–16.

[103] *Verwohlt E.* Valdemar Atterdags og Erik af Pommerns Herolder // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 27–36; *Idem.* Kongelige danske herolder // Ibid. 1972. N 25. S. 201–229.

[104] *Achen S.T.* Himmeriges Nøgler og Næstved Byvåben // Ibid. 1962. N 6. S. 261–268; *Idem.* Danmarks kommunevåbener samt Grønlands og Færørne. Kbh., 1982; *Hähnel M.* Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11. S. 25–26; *Verwohlt E.* Roskilde bys våben og segel // Ibid. 1966. N 14. S. 153–169; *Schlyter H.* Medeltida sigillarkitektur – några iakttagelser och några tydningsproblem //

Как можно догадываться, основываясь на сообщениях источников, относящихся до русско-датских отношений XII–XIV вв., первые представления о гербах датчан у русских людей появились уже в средневековую эпоху[107].

С конца XV столетия, с установлением более или менее непрерывных дипломатических отношений между Московским государством (Великой Россией) и Данией, датские гербы уже, несомненно, постоянно находились в поле зрения русского человека. Он мог увидеть их и в Дании, куда он стал совершать путешествия, отправляя посольскую службу своего государя, и в своей родной земле, находя гербы королей Дании, прежде всего, на печатях, которыми скреплялись договоры, заключавшиеся между двумя странами, и на монетах. Все это можно сказать и о русских людях, находившихся в подданстве у королей Польских и великих князей Литовских[108], которые, как и московские государи, поддерживали дипломатические отношения с королями Дании.

Известно также, что в царствование Михаила Федоровича (1613–1645) в государеву сокровищницу поступили некоторые предметы застольного обихода (столовые скатерти и фаянсовый кувшин), украшенные составными гербами датских королей, которые, вероятно, были подарены Кристианом IV русским послам князю А.М. Львову и дьяку Ждану Шипову, побывавшим в Дании в 1621–1622 гг.[109]

Гербы подданных датских королей, в том числе находившихся на русской службе, несомненно, также попадали в поле зрения наблюдателя из России. Известны, например, предметы, поступившие в первой половине XVII столе

Ibid. 1967. N 15. S. 215–221; *Bjerg H. Chr.* Grønlands våben // Ibid. 1975. N 31. S. 39–48; *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Ibid. 1988. N 58. S. 383–403.

[105] *Ingesman P.* Religiøs symbolik og sociale ambitioner: Den højre gejstligheds segl i dansk senmiddelalder // Ibid. 1987. N 56. S. 283–300; *Idem.* Middelalderens danske bispesegl og deres heraldik // Slægter. Skjolde. Steder. S. 101–126.

[106] *Verwohlt E.* Hvide-slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 190–213; *Idem.* De jyske Hvider og deres heraldik // Ibid. 1988. N 57. S. 318–335; *Ulsig E.* En ukendt gren af det danske kongehus i det 14. århundrede // Slægter. Skjolde. Steder. S. 3–10; *Holstein P.* Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 137–174; *Bjerg H.Chr.* Et Ukendt Tordenskioldsegl // Ibid. 1964. N 10. S. 432–434.

[107] В Новгородской I летописи содержится известие о том, что в 1302 г. новгородцы "посылаша послы за море в Доньскую землю, и привезоша миръ докончавше" (ПСРЛ. М., 2000. Т. III. С. 91). Этот мирный договор был, вероятно, утвержден не сохранившимися грамотами, скрепленными печатями, по обычаю, который тогда существовал и в Дании, и в Русской земле, а следовательно, как это было заведено в датском делопроизводстве, несомненно, при договорной грамоте, выданной новгородцам датской стороной, присутствовала и гербовая печать короля Дании (Эрика VI Менведа), а кроме того, возможно, вместе с ней договор скрепляли также и гербовые печати королевских советников.

[108] С XIV в. как правители западно-русских областей короли Польши и великие князья Литовские носили титулы русских государей.

[109] ОМОП. Ч. 1, кн. 3. № 3698–3699; Dänische Silberschätze aus der zeit Christians IV. Aufbewahrt in der Kaiserlichen Schatzkammer zu Moskau / Hrsg. von F.R. Martin. Stockholm, 1900. S. 4, 7, 13. В той же сокровищнице числилось "Блюдо хоромное, Великого Государя Царя и великого Князя Петра Алексеевича, всея великия, малыя и белыя Россiи Самодержца", на котором был изображен герб Дании – щит с тремя львами, увенчанный короной (ОМОП. Ч. 2, кн. 1. № 618).

тия в царскую сокровищницу, на которых обнаруживаем изображения гербов таких датских аристократических родов, как Алефельдт (Alefeldt), Скеель (Skeel), Фриис (Friis), Розенкранц (Rosenkrantz) и Подебуск (Podebusk)[110].

В русских архивах хранятся и гербовые печати датчан, например, знаменитых мореходов, служивших в Российском государстве в первой половине XVIII в., Витуса Беринга и Мартина Шпанберга[111].

От начала XVII в. имеем первое письменное свидетельство о том, что тогда русские люди в немалом числе получили возможность познакомиться с изображениями датских гербов. По сообщению одного из участников посольства короля Дании Кристиана IV, пребывавшего в Российском государстве в 1602 г., возле гроба умершего в тот год в Москве датского королевича, герцога Шлезвига и Гольштейна Ханса Младшего, жениха царевны Ксении Годуновой, выставлялся его "наследственный герб" Кроме того, когда затем происходили похороны королевича в московской Немецкой слободе, участники похоронной процессии несли знамена с гербами Дании, Мекленбурга и Шлезвиг-Гольштейна[112].

Пройдет еще семьдесят лет, и в Москве будет создана "Большая Государственная книга или корень российских государей" (1672 г.)[113], памятник русской книжности, известный больше под названием "Царского Титулярника" или просто "Титулярника" В этой книге найдется место и для первого (доподлинно известного) изображения герба короля Дании (Кристиана V), выполненного в России. Данное художественное творение, исполненное красками, по всей видимости, как об этом свидетельствует сопровождающий его текст: "Гербъ і печать короля Датцкого", имело своим источником изображение герба государя Дании, находившееся на его печати. Сведения же о цветах эмблем, из которых состоял этот герб, почерпались из какого-то письменного источника. Что касается имен тех русских художников, которым было поручено создавать иллюстрации для "Титулярника", то на этот счет располагаем документальным свидетельством, уцелевшим от XVII столетия: "...а писали те гербы и клейма золотописцы Григорей Благушин, Федор Лопов, Матвей Андреев..."[114].

В XVII столетии, а возможно, и раньше, сведения о датских королевских гербах образованными русскими людьми могли, несомненно, почерпаться в иноземных книгах. В последней трети этого столетия, когда в России стал заметно возрастать интерес к геральдике, появились и первые русские пере-

---

[110] ОМОП. Ч. 2, кн. 1. № 823, 1015, 1016; Кн. 2. № 1672.

[111] *Okhotina Lind N., Møller P.U., Rambusch S.* Vitus Berings og Martin Spanbergs våbenskjolde på nyfundne laksegl i russiske arkiver // Herald. Tidsskr. 1999. N 80. S. 445–449.

[112] Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии. Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена Младшего из королевского рода и проч., наследника Норвежского, герцога Шлезвигского, Голштинского, Стормарнского и Дитмаринского, графа Ольденбургского и Дельменгорского и проч. / Пер. с нем. А.Н. Шемякина // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. С 21–22. Знамя с гербом Мекленбурга в данном случае несли по той причине, что мать герцога Ханса, королева София, происходила из дома герцогов Мекленбургских.

[113] Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903. № 69. "Титулярник" хранится в Российском государственном архиве древних актов (Москва).

[114] Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. VI, № 43. С. 188–200.

воды сочинений западноевропейских писателей, в которых, среди прочего, можно было обнаружить тексты с геральдическим содержанием. В одном из таких переводных текстов, датированном 1671 г., который в рукописи имеет подзаголовок "Потентаты, или гербы, многих столиц" находим подробное описание гербов земель и отдельных фигур, присутствовавших в составном гербе короля Дании, или, как там написано, "Датской земли" То были: "Бревна 2 жолтых и лазоревых в красном поле" (Ольденбург), "Венца 3 жолтых в лазоревом поле" (Три короны), "Геллебард белой з златым древом" (алебарда, которую держит лев в гербе Норвегии), "Гвоздя 3 белых в красном поле" (знаки герба Гольштейна), "Змия в жолтом поле" (символ Славян), "Крест жолтой в лазоревом поле" (Дельменхорст), "Крест великой белой" и "Крест белой в красном поле" (знак Даннеброга), "Кропивных листов 3 белых в красном поле" (Гольштейн), "Конь бел в красном поле" и "Рыцерь на коне" (Дитмаршен), "Лев с геллепардом" (Норвегия), "Лев, при нем 9 сердец" (символ Готов), "Львы лазоревы в жолтом поле" и "Сердец 9 в жолтом поле" (Дания), "Лебедь белой, на шее желтой венец в красном поле" (Стурмари), "Овца белая в красном поле" (Фарерские острова), "Слон златой, на спине златая башенка – рыцерской чин в Датской земле" (знак ордена Слона)[115]

Сведения о датском королевском гербе содержались и в рукописи, известной под названием "Описание Российского царствия и окрестных государств и земель гербам", которая, вероятно, была составлена с использованием иноземных книжных источников именно с той целью, чтобы служить "памятью" для художников, трудившихся над изображениями гербов в "Титулярнике"[116].

Таким образом, во второй половине XVII в. случайные впечатления, которые русские люди могли иметь о датских гербах, начали уже перерастать у них в познавательный интерес, находивший свое отражение, весьма, правда, скромное, в живописном творчестве и рукописании.

В XVIII в. познавательный интерес к датской геральдике, обнаружившийся в верхних слоях русского общества в предыдущее столетие, продолжал удовлетворяться, главным образом, сообщениями, которые почерпались из переводной литературы. В 1760–1780-е годы в русском переводе были опубликованы ученые сочинения по истории Дании Л. Хольберга и швейцарца П.А. Малле (1730–1807), из которых любознательный русский читатель мог почерпнуть, среди прочего, и краткие сведения о датской государственной символике. Здесь находим рассказ о небесном происхождении датского знамени (Даннеброга)[117] и о символическом значении трех корон в гербе коро

---

[115] В основе этого русского перевода лежал польский текст, обнаруживаемый в книге "Klucz prognostykarski..." ("Ключ астрологический"), издание которой относится к середине XVII в. (*Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы. СПб., 1903. С. 441–443). Сам же русский текст "Потентатов", сохранившийся в трех списках, впервые был напечатан только в 1983 г. *Белоброва О.А.* Из истории древнерусской геральдической литературы // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 79–103.

[116] *Белоброва О.А.* Указ. соч. С. 79–80.

[117] История Датская, сочиненная господином Голбергом которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский. СПб., 1766. Ч. II. С. 233; Датская история г. Маллета, переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым. СПб., 1777. Ч. I. С. 413–414.

лей Дании. Так, у П.А. Малле говорится о том, что три короны первой стала использовать королева Маргрета Датская (1353–1412) как герб "троякого основанного ею государства" "так что по праву можно его назвать Гербом соединения"[118].

В 1770 г. в Москве из печати вышла учебная книга по географии Ф.Г Дильтея, переведенная с французского языка. Среди прочих известий в ней находим подробные описания государственных гербов, в том числе "Гербы датские" ("Les armes de Danemarc"). На вопрос: "Какие гербы Датских государей?" ("Quelles sont les armes des Rois de Danemarc?"), дается такой ответ: "Они стоят под Королевским шатром; подпоры оных суть два дикие человека, вверьху шатра читают надпись: DOMINUS MIHI ADIUTOR (Господь мне помощник. – *В.А.*). Щит разчетверен Даннеброгским крестом. В первой четверти золотой главы с девятьми красными сердцами, видны три голубые леопарда, по причине Датского королевства; а во второй красного цвету золотой коронованный лев с серебреною алебардою для королевства Норвегскаго. Третия четверть разделена горизонтально, где в верьхней голубой части видны три золотые короны по причине трех северных королевств, а в нижней золотой части два голубые льва, по причине герцогства Шлезвигскаго. Четвертая четверть также горизонтально разделена, в верхней золотой части виден голубой леопард, ходящий по девяти красным сердцам, по причине королевства Готскаго, а в нижней краснаго цвета золотой змей для королевства Вандалскаго. Средний щит разделен горизонтально, а сверху перпендикулярно, на правой стороне видна крапива для Голштинии, а на левой Стормарнской лебедь, внизу же Дитмарсенской Кавалер, все сие в красном поле. Щит находящийся в центре, разделен перпендикулярно, где в правой стороне видны в золотом поле две связки красного цвета, по причине Графства Олденбургскаго, а в левой красной стороне серебряной крест для графства Делменгорстскаго. Весь щит окружен Орденами Слона и Даннеброга"[119].

В XIX–XX вв., как и прежде, в России знания о датской геральдике в основном ограничивались данными о государственной символике Дании. Так, например, в "Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона" находим следующее описание датского герба: "В золотом, усеянном червлеными сердцами щите три коронованных лазуревых леопарда; щит помещен в 1-й части сложного щита из гербов земель, вошедших в состав государства"[120].

О датско-шведской распре из-за герба "три короны", разгоревшейся во второй половине XVI в., писал профессор Императорского Санкт-Петербургского университета Г.В. Форстен на страницах своего обширного труда,

---

[118] Маллетова история Датская. СПб., 1786. Ч. IV. С. 340–342.

[119] *Дилтей Ф.Г* Детский атлас, или новой удобной и доказательной способ к учению Географии / Пер. с фр. П.Н. Оболенского и Д.А. Новосильцова. М., 1770. Т. 3. С. 226–229. В этой же книге сообщается о цветах и происхождении Даннеброга: "знамя краснаго цвету с белым крестом, которое упало с неба во время баталии с Лифляндцами, которые еще в то время были язычники" (Там же. С. 224–225). Благодарю О.Н. Наумова, обратившего мое внимание на это издание

[120] *Винклер П. фон* Гербы главнейших государств. Дания // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. VIII. С. 466.

нии Л.Н. Геделунда, в которой содержался краткий рассказ о небесном про исхождении Даннеброга[123].

В 1911 г. впервые на русском языке было опубликовано краткое истори ческое описание датского флага и герба[124], в основе которого лежали факты из статьи датского историка А. Тисета, изданной в 1895 г.[125]

Своим происхождением этот исторический материал был обязан запро су, который Министерство юстиции России через русского посланника в Ко пенгагене сделало в Министерство иностранных дел Дании. В отличие от предыдущих описаний датского герба, издававшихся на русском языке, это описание явилось непосредственно от датчан и, более того, носило офици альный характер. Оно также ценно тем, что русский переводчик старался по возможности адекватно передать содержание датских терминов того време ни, в том числе гербовых цветов и фигур: "*Герб* состоит из: *главного щита* с *серединным щитом*, на котором в свою очередь наложен *центральный щит*, каковой последний поделен на золотой и синий цвета и изображен древнейший родовой герб Королевского Дома, а именно в первом поле *2 красных балки* Ольденбурга и во втором поле – *висящий золотой крест* Дельменгорста. *Серединный щит* весь красного цвета и поделен на 4 поля с изображением гербов, принадлежавших ранее Монархии немецких земель: 1) *Гольштинский, так называемый крапивный лист*, из серебра и в середи не образованной из небольшого щита, деленного на серебряный и красный цвета, с вогнанным в каждом из 3 отделений серебряным гвоздем; 2) *идущий серебряный гусь с золотой короною вокруг шеи* (Сторман, ныне южная часть Гольштинии); 3) *едущий на белом коне золотой рыцарь в вооружении* с синим щитом, на котором висящий золотой крест (знак Дитмартена…); 4) *золотая лошадиная голова* (…знак Герцогства Лауенбургского). Главный щит разделен белым красноватым крестом Данеброга, поделен на 4 каррэ; первое имеет на белом поле *три коронованных льва*, один над другим, окру женных *9 красными сердцами* (стародавний датский королевский и государ ственный знак…); второе каррэ также из золота и показывает *2 идущих друг над другом голубых льва* (знак Герцогства Шлезвигского…); третье каррэ по делено поперек на 2 части: верхняя часть синяя и на ней *3 золотых короны*

---

[121] *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. I. С. 13–14; 1894. Т. II. С. 100, 108.

[122] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 109.

[123] *Геделунд Л.Н.* История Дании / Пер. графа Н. Пратасова-Бахметева. СПб.; М., 1907. С. 72–73.

[124] Высочайше утвержденное при Министерстве Юстиции Особое Совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. Материалы. III. Сведения о гер бах, государственных и национальных цветах и кокардах в западноевропейских государст вах (Далее: Сведения о гербах). Ч. II. СПб., 1911. С. 8–13. Благодарю О.Н. Наумова, ука завшего мне на это издание.

[125] *Thiset A.* Det danske Rigsvaaben // Tidsskrift for Kunstindustri. Kbh., 1895. Anden Række. Bd. I. S. 75–79.

шведский герб… знак удержанной навсегда в государственном гербе после прекращения унии… нижняя часть, также синяя, поделена на 2 поля: 1) *белый сокол* (…знак Исландии); 2) разделенный поперек, наверху белый каменный баран (знак… для Фарерских островов) и нижняя – *белый медведь* (знак Гренландии…); четвертое карро поделено поперек на золотое и красное поля, соответственно знакам, отвечающим 2 королевским титулам: Готов и Вендов – именно синий (*лев, идущий над 9 красными сердцами*) (наверху 4, потом 3, внизу 2 сердца)… и *коронованный золотой дракон*… Главный щит поддерживается… двумя вооруженными дубинами дикарями и окружен цепями и знаками ордена Данеброга, а внутри их опять цепями и знаками ордена Слона, все на подбитой горностаем пурпурно-красного бархата королевской мантии с золотыми каймами и кистями, на которой наверху королевская корона"[126].

Сам факт, что государственное учреждение Российской империи еще в начале XX столетия должно было получать сведения о датских национальных символах из датских же источников, не может ни свидетельствовать о том, сколь скудными оставались к тому времени в России познания о датской геральдике. И это происходило тогда, когда Большой герб Российской империи, утвержденный в 1857 г., уже заключал ряд эмблем, которые своим происхождением были обязаны датской геральдике, а именно: гербы Эстляндской губернии и герцогов Шлезвига и Гольштейна. Герб герцогов являлся родовым для русских государей как потомков императора Петра Федоровича, принадлежавшего по отцу к голштинской ветви датской Ольденбургской династии[127].

И в новейшей русской справочной, исторической и учебной литературе можно обнаружить лишь некоторые факты, касающиеся датской государственной символики[128], а также герба Копенгагена[129].

---

[126] Сведения о гербах. С. 8–10.

[127] Герб герцогов Шлезвига и Гольштейна мог соединяться с гербом России уже в XVIII в., как об этом свидетельствует изображение на серебряном талере ("Альбертов талер"), изготовленном в 1753 г. в Мангейме для Гольштейна, но не пущенном в обращение. На аверсе этой монеты обнаруживаем портрет великого князя Петра Федоровича и легенду на латинском языке: "PETRUS.D:G.MAGNUS DUX TOTIUS RUSSIAE" ("Петр, Божией милостью великий князь всей России"). На реверсе видим под императорской короной двуглавого орла, на груди которого, в соприкосновении друг с другом, представлены два щита: в правом находим российский герб, в левом – составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна; изображение сопровождено герцогским титулом на латинском языке: "HAER:NORW.DUX SLESV:HOLS:ST. et DITM:COM:OLD et DELM.1753" ("Наследник Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста") (*Северин Г.М.* Серебряные монеты Российской империи, 1682–1801. М., 2001. Табл. XXIX, 1891).

[128] См.: *Вилинбахов Г., Медведев М.* Знамя, упавшее с неба. Геральдический альбом. Лист 3 // Вокруг света. 1990. № 6. С. 53; *Сванидзе А.А.* Утверждение средневековых порядков // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 87; *Бурков В.Г.* Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы. СПб., 1998. С. 7–9; *Он же.* К истории скандинавской группы государственных эмблем и символов // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 162–171.

[129] *Туманьян Ю.А.* О названиях и гербах западноевропейских столиц // Гербоведъ. 1994. № 5-6. С. 98.

пор не становилась объектом специального научного исследования, хотя на русской почве по ходу истории обнаруживались следы прагматического и познавательного интереса к датским гербам, особенно к гербу королевскому, или государственному. Сам же этот интерес удовлетворялся в основном посредством свидетельств, черпавшихся из иностранной литературы, которая запечатлевала культурно-исторические, научные и обыденные, понятия и представления своего времени. В свою очередь, нельзя не заметить, что и русские переводы описаний датских гербов, известные от XVII–XX вв., равно и самодеятельные описания этих гербов, делавшиеся в России, имели тот же культурно-исторический характер, отражали частные или общие представления о русской геральдической словесности известной эпохи.

Проблема, задачи и методы исследования

Если оценивать научную деятельность исследователей датской геральдики в целом, можно отметить, что ученые, в большинстве своем датские, внесли значительный вклад в дело изучения гербов датчан. Этот вклад состоял и в том, что были приведены в известность, изданы и исследованы многочисленные источники, и в том, что в основном был определен круг тем, рассмотрение которых должно было дать понятие о датской геральдике. При этом находили применение различные исследовательские методы, в том числе методы культурно-исторический и сравнительно-исторический, которые, правда, использовались преимущественно при изучении отдельных эмблем и геральдических явлений. Как следствие, с течением времени гербы датчан получили признание со стороны историков в качестве такого же объекта изучения, какими стали другие общественно-исторические явления, возникавшие на датской почве.

В то же время нельзя не отметить, что на характер исторического изучения гербов в XIX–XX вв., причем не только в Дании, сильное влияние оказывали вневременные понятия абстрактно-теоретической геральдики указанных столетий, которые, как уже говорилось, сложились на почве отвлеченных естественно-правовых представлений XVII–XVIII вв. К тому же к изучению гербов часто обращались любители геральдики[130], не имевшие исторического образования или, во всяком случае, остававшиеся вне ведения относительно методов научно-исторического исследования. Все это приводило к тому, что, по обыкновению, при изучении истории гербов и геральдических явлений использовались без оговорок терминология и определения нормативной геральдики. Поэтому если историко-геральдическая мысль, обнаруживая новые темы и эмпирические данные, внесла, несомненно, большой вклад в описание и преимущественно первичную научную обработку датского геральдического материала, то в отношении исследования исторического развития понятия герба и культурно-исторических обстоятельств его употребления в

[130] Библиографию работ по датской геральдике см.: *Clemensen S., Rostock O., Achen S.T.* Dansk heraldisk bibliografi, 1569–1999. Odense, 2002.

датском обществе, ее научные достижения значительно скромнее. Более того, самая проблема рассмотрения герба как явления общественно исторической, или культурно-исторической, жизни датчан до сих пор не ставилась в научной литературе. Стало быть, ее решение может рассматриваться как вклад в дело изучения датской геральдики.

Приступая к решению этой проблемы, следует, однако, определиться с понятием, которое подлежит изучению, а именно с тем, что подразумевается под выражением "датская геральдика", а кроме того, необходимо представить обоснования временны́х пределов исследования.

По обыкновению, под словом "геральдика" понимают или учение о гербах, содержащее теоретические правила составления, описания гербов и практического использования этих правил, или вспомогательную историческую дисциплину, изучающую геральдический материал[131].

Та же задача, которая ставится в настоящей работе, предполагает изучение герба как культурно-исторического явления, а, стало быть, под "датской геральдикой" нами подразумевается ни что иное, как история герба и его элементов в свете обстоятельств культурно-исторической жизни датского общества.

Что касается временно́го отрезка исследования, то при определении его верхнего предела учитывается то обстоятельство, что на рубеже XVII–XVIII вв. на датской, как и в целом западноевропейской, почве в основном завершается формализация понятий о гербе и его элементах; это же время знаменуется началом исторических изысканий о гербах с научно-познавательными целями. Сложнее обстоит дело с нижним временным пределом, ибо дата возникновения самого понятия "герб" не распознается посредством точных хронологических свидетельств – особенность, характерная для многих явлений, порожденных в древности. Принимая, однако, во внимание тот факт, что первые следы развития герба в качестве явления культурно-общественной жизни Западной Европы обнаруживаются в источниках XII в., истоки датской геральдики будет уместно искать, прежде всего, именно в этом столетии. Стало быть, настоящее исследование охватывает отрезок времени, который можно охарактеризовать как эпоху зарождения, становления и развития представлений и понятий о "гербе" в датском обществе до той поры, пока не стали укореняться заповеди, или "принципы", формальной геральдики.

Но не только в исследовании герба как культурно-исторического явления видится важность постановки проблемы. Последняя обнаруживается также в том, что датская геральдика XII--XVII столетий впервые выставляется предметом отдельного исторического исследования. Таким образом, датская геральдика как объект научного интереса со стороны историка становится в один ряд с другими явлениями исторической жизни датчан эпохи Средневековья и первых столетий Нового времени, что, думается, может способствовать более полному раскрытию и пониманию культурного развития этой жизни. В то же время следует отметить, что данная работа представляет собой первое обобщающее историческое исследование по геральдике

---

[131] *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. С. 18, 116; *Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б.* Вспомогательные исторические дисциплины. М., 2000. С. 213.

XII–XVII столетий какой-либо из западноевропейских стран. А поскольку герб – это общее явление культурно-общественной жизни Западной Европы со времени высокого Средневековья, то исследование датской геральдики вышеуказанных столетий должно рассматриваться в качестве вклада в решение проблемы культурно-исторического изучения западноевропейской геральдики в целом. В свою очередь, этот вклад не может не послужить делу разрешения более широких задач, стоящих перед историками, которые занимаются исследованием характера культурно-исторической жизни народов Западной Европы, обстоятельств их духовного развития.

Кроме того, следует помнить, что геральдика, датская в частности, в наши дни также продолжает сохранять свое общественно-прагматическое значение, и, более того, ныне отмечается возросший интерес к ней, а, следовательно, ее историческое изучение может находить свое оправдание и с точки зрения решения практических задач современности. Речь идет не только о выяснении на историческом материале смыслового содержания существующих гербов и обстоятельств их создания, но также о раскрытии на почве истории самого понятия "герба" как традиционного элемента духовно-общественной жизни датчан.

Таким образом, датская геральдика в культурно-историческом рассмотрении, в конце концов, приобретает значение одного из элементов, характеризующих историческое самосознание датчан. Признаваемая же сегодня актуальность научного изучения самосознания, или идентичности, народа, проистекающая из обстоятельств духовно-материальной жизни современного мирового сообщества, делает, в частности, актуальным такое изучение и отдельных проявлений этого самосознания.

Теперь следует определиться с темами, изучение которых должно способствовать раскрытию культурно-исторического содержания датской геральдики XII–XVII вв. – главной задачи предлагаемого исследования. И здесь можно вспомнить, что историки датской геральдики обращались к исследованию, во-первых, различных сторон общественного употребления герба, во-вторых, его отдельных элементов. Соглашаясь с таким содержанием понятия геральдики как объекта научно-исторического изучения, считаем, что правильнее будет разбить наше исследование на две части. Соответственно сами темы, представленные в обеих частях, укажут и на тот круг конкретных задач, которые требуется разрешить при выполнении главной задачи.

Первую часть составят темы, характеризующие значение герба как общественного явления. В этой части предполагается начать исследование с выяснения культурно-исторических обстоятельств зарождения герба как общественного явления, как знака, отличного от других знаков. Далее следует обратиться к исследованию понятия герба со стороны его словесного обозначения и чувственно-зримого художественного образа. Выводы, полученные при рассмотрении двух первых тем, позволят затем перейти к изучению вопросов, касающихся развития идеи общественного употребления герба, гербового права, королевских герольдов и составных гербов; причем в самостоятельную главу выделяется история составного герба королей Дании. В первой части исследуется также геральдическое явление, известное как "производные гербы".

Во вторую часть включены главы, посвященные истории элементов герба, в число которых входят: щит, знаки щита, цвета, шлем, знаки шлема, корона, щитодержатели, знаки орденов и девизы. Уместно будет поместить в эту же часть главу, в которой рассматривается история словесного описания герба, поскольку сама эта тема касается обозначения на письме элементов герба.

После определения задач исследования обратимся к определению подходов и методов, посредством которых эти задачи могут решаться. Прежде всего, необходимо найти то основание, от которого должно отправляться все исследование. Самая поставленная проблема помогает обнаружить это основание. В самом деле, понимание герба как культурно-исторического явления уже предполагает, что источник представлений о такого рода явлении следует искать в переменах, которые с течением времени обнаруживались на почве духовной жизни и творческой деятельности человека. Стало быть, именно понятие о человеке как духовно-общественном, культурно-историческом деятеле и должно стать методологическим основанием настоящего исследования. Это понятие, прежде всего, предполагает рассматривать каждого человека как существо духовно-телесное, как неповторимую личность, которая обнаруживает себя в сокровенных душевно-сердечных переживаниях, находящих внешнее выражение в актах свободной воли. Именно отдельная личность выступает творцом конкретных явлений культуры, в которых запечатлеваются неповторимые, а, стало быть, отмеченные новизной, чувственные свойства и умопостигаемые сущности. Вместе с тем конкретная личность, поскольку она принадлежит к культурно-историческому обществу, в своей творческой жизни не может не испытывать влияния со стороны духовных понятий и представлений, или идеалов, этого общества, которое можно также охарактеризовать как соборную индивидуальность. Здесь нельзя не увидеть противостояния в единстве двух указанных индивидуальностей, которое собственно и создает почву для общественно-исторического развития как самого культурного явления, так и понятия о нем. Следовательно, любое культурно-историческое явление, получающее значение в качестве элемента общественной жизни, представляет собой результат совместной, развивающейся в противоречивом единстве духовной и практической деятельности двух индивидуальностей – отдельного человека и общества. Поэтому, когда ниже будет идти речь о душевных переживаниях культурно-исторической личности как источнике ее творчества, будет иметься в виду духовная работа личности и соборной индивидуальности в их диалектической связи. Именно такая личностно-соборная индивидуальность, творящая новое явление и в то же время выражающая духовно-общественные веяния, настроения и идеалы, понимается как созидательница культурно-исторических явлений, по которым распознается цельный и одновременно противоречивый духовный лик исторического общества, или дух времени.

Таким образом, изучение герба как культурно-исторического явления предполагает исследование духовно-исторических представлений и понятий личностно-соборной индивидуальности относительно публичного использования герба, его словесных обозначений, зрительных образов и умопостигаемого сверхчувственного содержания. Другими словами, знание о миросозерцании, мировоззрении, умозрении, умонастроении личностно-соборной

индивидуальности в культурно исторической обусловленности может только дать ключ к пониманию характера общественного употребления герба, смыслового содержания отдельных элементов, обнаруживавших себя в диалектике религиозного и мирского, формы и содержания, единичного и общего, части и целого.

Но культурно-историческое понимание герба предполагает исследование духовно-материального выражения в нем не просто личностно соборной индивидуальности, но той же индивидуальности, обнаруживавшей себя на почве датской культуры как частного проявления духовной общности, которую называем культурно-историческим миром Западной Европы. Иначе говоря, датская культура изучаемой эпохи в ее различных проявлениях, в том числе геральдических, мыслится как часть по отношению к целому – западноевропейской культуре. Поэтому исследование будет основываться на выяснении духовно-общественных обстоятельств истории герба в Западной Европе с тем, чтобы после дать ответ в том, какие культурные условия могли обусловливать историческую жизнь герба в Дании. Действительно, нахождение каких-то общих характерных черт герба как явления культурно-исторической жизни Западной Европы предполагает и то, что эти общие черты должны обнаруживаться в гербах представителей различных западноевропейских народов. В свою очередь, сравнение с геральдическими обычаями, укоренившимися в других странах, не может не способствовать более точному определению тех частных обычаев, которые характеризовали индивидуальность датской геральдики. Таким образом, сравнительно-исторический метод также будет взят нами на вооружение.

Выше мы признали, что герб, будучи культурным явлением, есть продукт духа времени, как можно догадываться, находившего свое материальное выражение в различных отраслях творческой деятельности культурно исторической индивидуальности. Это дает нам основание рассматривать историческую судьбу герба в тесной связи с другими духовными явлениями, в первую очередь представленными в памятниках изобразительного и пластического искусства, к числу которых собственно и принадлежат гербовые изображения. В этом случае чувственно-зримые и умопостигаемые свойства герба должны обнаруживаться в художественных воззрениях известной эпохи, раскрывающихся через различные диалектические связи, характеризующие всякое произведение искусства.

Само собой разумеется, что все указанные исследовательские подходы и методы должны характеризовать работу и непосредственно с самими источниками. Главная мысль, которой здесь руководствуемся, заключается в том, что всякий источник представляет собой такое явление, происхождение которого обусловлено культурно-историческими переживаниями и понятиями личностно-соборной индивидуальности. К тому же характер большей части наших источников – изображения знаков или гербов на различных памятниках уже не мог не предполагать того, что в первую очередь следует определить время и культурные условия создания известного геральдического памятника. Но и к письменным – документальным, законодательным и повествовательным – источникам мы, конечно, не можем не обратиться с теми же вопросами.

В историографическом разделе было отмечено, что в продолжение нескольких столетий прилагалось много усилий по обнаружению и описанию источников датской геральдики эпохи Средневековья и первых столетий Нового времени. Однако эта многолетняя и кропотливая работа до сих пор не стала предметом обобщения в специальном источниковедческом сочинении. Отсюда следует, что задача определения состава и значения источников датской геральдики XII–XVII вв. должна решаться нами самостоятельно, но в то же время с опорой на те выводы, которые ранее были сделаны исследователями в отношении отдельных геральдических источников. Не претендуя на полноту решения данной задачи тем не менее постараемся очертить круг таких источников, сосредоточив главное внимание на их видах и важнейших характеристиках как геральдических памятников.

Из историографического обзора можно также заключить, что по месту своего создания источники датской геральдики делятся на памятники датские и иноземные. Как можно догадываться, указанное обстоятельство не могло не сказаться на характере сведений, которые сообщают эти источники. И дело не только и не столько в достоверности их внешних свидетельств, сколько в особенностях тех представлений и понятий, которые находили отражение в датских и иностранных источниках по отношению к гербам датчан, как в части их художественного воспроизведения и словесного описания, так и в части общественного употребления. Иначе говоря, датские источники выражали самосознание датчан касательно их гербов или гербов их соотечественников, источники же иноземного происхождения несли на себе печать самосознания иноземцев относительно датских гербов. Поэтому ниже предполагается представить геральдический материал, распределив его в следующей очередности: сначала датские, затем иностранные источники; в свою очередь, оба раздела будут посвящены описанию видов исторических памятников.

Датские источники

Печати (оттиски и матрицы) представляют собой важнейший источник по датской геральдике, особенно средневековой эпохи, которая характеризуется значительно большей скудностью исторических свидетельств, нежели Новое время. Чаще всего они обнаруживаются в качестве свидетельствующих знаков, привешенных к документам (вислые печати), и, намного реже, среди археологических находок (металлические матрицы[132]). Печати могут заключать изображения и легенды с двух сторон или только с одной стороны. Двусторонние печати, по обыкновению, употреблялись в Дании королями и некоторыми другими духовными и светскими особами.

[132] См.: *Andersen M.* Seglstemper fra middelalderen i danske samlinger // Middelalderlige seglstamper i Norden / Red. af M. Andersen og O. Tegner. Roskilde, 2002.

Как геральдический источник датские печати содержат сведения об иконографических свойствах герба и, в легенде, обычно круговой, о его носителе. Достоверность этих сведений очень велика, поскольку печать употреблялась ее владельцем. Ценность сведений, которые печати могли сообщать о гербе, умаляется, однако, тем обстоятельством, что печать по известным причинам не передает гербовые цвета.

Время создания печати и соответственно ее иконографии и легенды определяется приблизительно, обычно путем установления личности ее владельца, времени его жизни, датировки документов, которые она удостоверяла, и изучения художественных свойств изображений, характерных для той или иной эпохи в истории искусства.

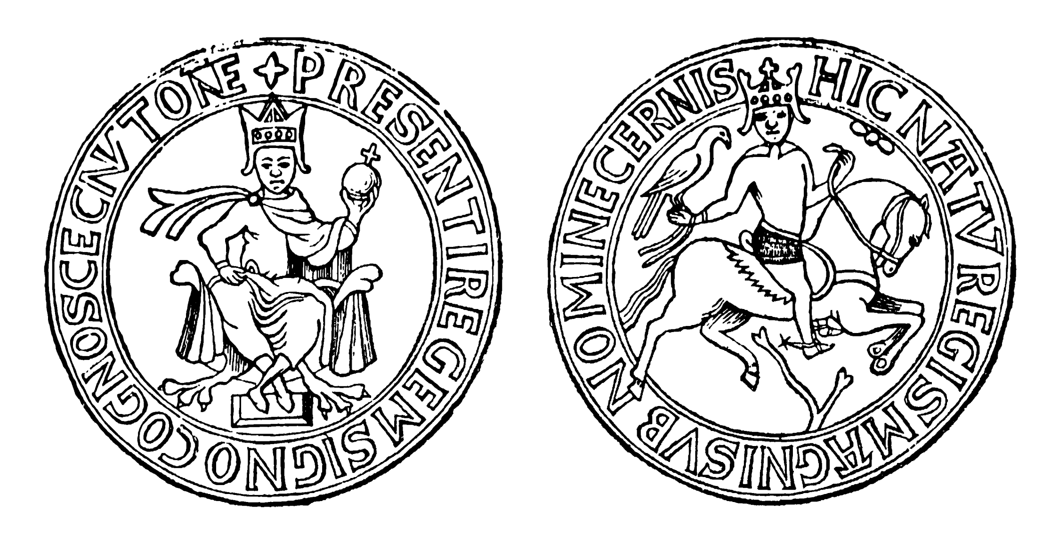
Возникновение обычая использования печатей у датчан связывается с развитием в Дании XI–XIII вв., вследствие влияния со стороны западноевропейской культуры, документального делопроизводства. Тем же культурным влиянием, несомненно, следует объяснять внешние характеристики датских печатей – свойства их легенд и иконографии, в том числе появление на них изображений гербов или таких символических знаков и образов, за которыми с течением времени утвердилось значение гербов. Отметим также, что легенды печатей могли заключать не только имена, но и титулы их владельцев, а кроме того речения (обычно религиозного содержания) или слова и выражения, которые были призваны указать на служебное назначение печатей. Все эти факты, почерпаемые из легенд печатей, несомненно, следует брать во внимание при изучении сфрагистического материала как источника по датской геральдике.

В Средние века и Новое время печати находились в употреблении у представителей различных общественных слоев и учреждений Датского королевства.

Ранее других в Дании иноземный обычай употребления печатей восприняли короли, и произошло это, по сохранившимся свидетельствам, только в XI столетии[133]. Известно, что печать имел король Кнут IV (1080–1086). Но в ее иконографии отсутствуют гербовые знаки[134] (илл. 4). Древнейшая из сохранившихся королевских печатей с гербовым щитом принадлежала Кнуту VI; она употреблялась около 1194 г.[135] (илл. 5). Позднее королевский щит мог представляться на печатях с дополнительными элементами: шлемом, короной, щитодержателями, орденскими знаками, речениями (девизами). Впрочем, со второй половины XIII в. короли Дании часто использовали печати, на которых короны изображались отдельно, без гербового щита. От конца XIII и первой половины XIV в. известны также королевские печати, представляющие только рыцарский шлем короля[136].

С XII в. печати стали употреблять родственники (сыновья, братья и т.д.) королей Дании, держатели ленов Датского королевства: герцоги Ютланд

[133] Печати королей Дании, их родственников и правителей датских земель см.: DKS; DKS II.
[134] DKS. N 1 a–b.
[135] DKS. N 5 a–b.
[136] *Trætteberg H.* Kongesegl // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 49–50.

Илл. 4. Печать Кнута IV, 1085 г.

ские (Шлезвигские)[137] и Сённерхаландские, графы Нёррехаландские, владетели Лолланнские и Лангеландские. Правда, самые ранние из этих печатей сохранились лишь под документами середины XIII в.; все они заключают изображения гербовых эмблем. Кроме того, с XIII в. печати с различными знаками, в том числе с гербовыми щитами и шлемами, употребляли королевские дочери, а с XIV в. и датские королевы[138].

Первые свидетельства о печатях королевских "людей" (*homines*) и "верных" (*fideles*), или херресманов (*herresmand, herresmænd*), с конца XIII в. обозначавшихся также как "рыцари и оруженосцы (вебнеры)" (*milites et armigeri (militares), riddere og væbnere (a vapn, svende, riddersmændsmænd)*), а с XVI в. как "дворяне" (*adelsmænd, adel*)[139], обнаруживаются в грамотах конца XII столетия. Однако древнейшие из "дворянских" печатей сохранились только под одним из документов 1224 г.[140], и на них обнаруживаются изображения гербовых щитов и шлемов. С тех пор в Дании не прекращалась традиция помещать гербы на дворянских печатях. Все известные печати датских

---

[137] Это герцогство включало земли, расположенные на юге Ютландского полуострова, и прилегающие к ним острова. В XIV в. оно также называлось "Южной Ютландией" (*Sunder Jucia, Sunderjuten, Sunder Juland*) или "герцогством Шлезвигским" (*ducatus Sleswicensis*), по имени города Шлезвиг, находившегося на его территории. Его правитель мог носить титул: в 1326 г. "герцог Шлезвигский и Ютландии" (*dux Sleswicensis et Jucie*) или в 1390 г. "герцог Ютландии и Шлезвигский" (*dux Jucie et Sleswicensis*). В 1424 г. в одном документе упоминается "герцогство Шлезвигское, или Ютландии" (*ducatus Sleswicensis siue Jucie*). Впоследствии вошло в обыкновение употреблять только имя "герцогство Шлезвигское", или "герцогство Шлезвиг" (*Albrectsen E.* Herredømmet over Sønderjulland, 1375–1404. Kbh., 1981. S. 279–280).

[138] Эти печати изданы в DKS и DKS II.

[139] *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie: Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det 17. Aarhundrede. Kbh., 1917. S. 381.

[140] DD. R. 1, bd. 6. N 16.

Илл. 5. Печать Кнута VI, около 1194 г.

херресманов, или дворян, уцелевшие от средневековой эпохи и начала Нового времени, были изданы Х. Петерсеном и А. Тисетом[141].

К первой половине XII в. восходят ранние упоминания о печатях датских монастырских общин и прелатов. На этих печатях, вероятно, представали христианские образы и символы, подобно тем, которые обнаруживаются на такого рода печатях, сохранившихся от середины XII – XIII в. (илл. 6–9). Однако позднее, с последней трети XIII в., эта иконография постепенно стала дополняться также изображениями эмблем церковных учреждений, а кроме того личными знаками клириков (илл. 10–13). Как правило, эти эмблемы и знаки заключались в щиты, которые с XV в. могли приводиться в связь с рыцарскими шлемами, а также символами власти и предметами облачения прелатов[142] (цв. илл. 3).

Начало употребления печатей городскими общинами Дании относится к середине XIII в. Самая ранняя из уцелевших датских городских печатей принадлежала общине Копенгагена[143] (илл. 14).

С XIII в. печати в датских городах имели также торговые и ремесленные общины[144].

---

[141] *Petersen H.* Danske adelige Sigiller fra det XIII og XIV Aarhundrede (далее: DAS). Kbh., 1897; *Thiset A.* Danske adelige Sigiller fra det XV, XVI og XVII Aarhundrede (далее: DAS II). Kbh. 1905.

[142] *Prange K.* Danmark (Gejstlige segl) // KLNM. 1970. Bd. XV. S. 201–203. *Ingesman P.* Religiøs symbolik og sociale ambitioner. S. 283–300; *Idem.* Middelalderens danske bispesegl og deres heraldik. S. 101–126. Печати датских клириков см.: *Petersen H.* Danske geistlige Sigiller fra Middelalderen. Kbh., 1886.

[143] *Trætteberg H.* Stadssigill // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 699–700; *Norberg R.* Stadssigill. Sverige och Danmark // Ibid. S. 706–709. Печати датских городов см.: DKSS.

[144] *Grandjean P.B.* Danske Gilders Segl fra Middelalderen. Kbh., 1948; *Idem.* Danske Haandværkerlavs Segl. Kbh., 1950.

Илл. 6. Печать монастыря Всех Святых в Лунде, около 1150 г.

Илл. 7. Печать монастыря св. Марии в Ольборге, около 1200 г.

Илл. 8. Печать соборного капитула Роскилле, конец XII в.

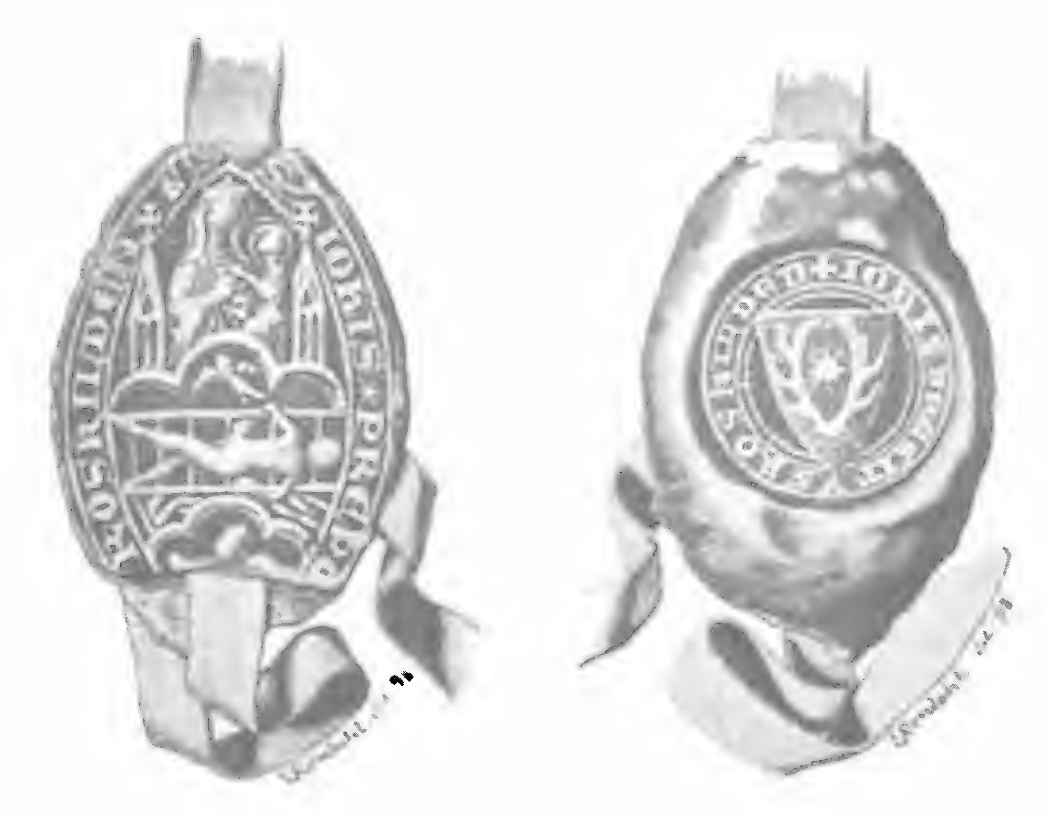

Илл. 9. Печать Радульфа, епископа Рибеского (1162–1170).

Вероятно, не ранее середины XIII в. вследствие влияния, исходившего прежде всего из Германии, употребление печатей с различными изображениями получает распространение у членов датских городских общин – бюргеров. Самая старая из ныне известных печатей датских бюргеров скрепляла документ, который датирован 1277 г. (илл. 15). Сколько-нибудь полное издание печатей датских бюргеров XIII–XVII вв. до сих пор отсутствует, хотя эти печати давно находятся в поле зрения исследователей датской сфрагистики и геральдики, что, в частности, отразилось в их многочисленных описаниях и публикациях. Так, немалое число печатей представителей бюргерства, возведенных в дворянское достоинство, можно найти в издании датских

Илл. 10. Печати Педера, епископа Роскиллеского (1254–1277).

Илл. 11. Печати Эсгера, епископа Рибеского (1246–1273).

Илл. 12. Печати Йенса Гранда, пробста Роскиллеского, 1277 г.

дворянских печатей XV–XVII вв.[145] Но большинство опубликованных сведений об иконографии печатей датских бюргеров почерпается из специальной литературы, посвященной бюргерской геральдике[146].

Началом XIV в. датируются первые свидетельства о печатях датских бондов (*bonde*) – собственников земельных угодий, обремененных государственными налогами и повинностями. Печати бондов все вместе никогда не издавались, но сведения о них представлены в специальной исследовательской литературе и в публикациях документов[147].

Первые печати датских административно-территориальных единиц, а именно земель (*terra, land*) и их подразделений – херредов (*provincia, herred*), восходят к XIV–XV вв. (илл. 16). Кроме того, от более позднего времени известны печати иммунитетных округов (*birke*), находившихся под управлением датских дворян. В эту же группу входят печати ленных графств (*lensgrevskab*), которые графы Датского королевства с 1671 г. имели право создавать из своих земельных владений. Печати земель, херредов, а также иммуа-

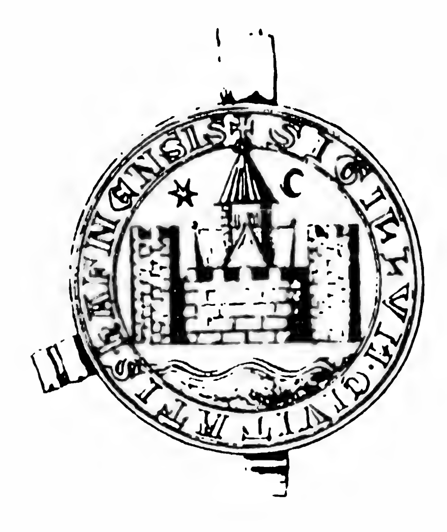
145 См.: DAS II.

146 *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik... S. 95–98; *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl... S. 441–451; *Nielsen I.* Ribeborgeres segl 1300–1450 // Herald. Tidsskr. 1976. N 34. S. 177–184; 1977. N 36. S. 279–284.

147 *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik... S. 100–101. Самое полное издание документов, в котором содержатся сведения о печатях бондов, см.: Diplomatarium Danicum. R. 2–4.

Илл. 13. Печать Эсгера Юля, архиепископа Лундского (1310–1325).

Илл. 14. Печать городской общины Копенгагена, 1275 г

Илл. 15. Печать бюргера из Роскилле Труида Ромильдсена, 1277 г.

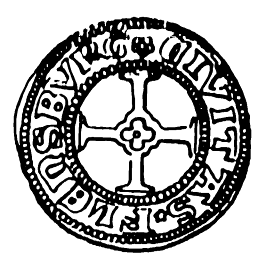

Илл. 16. Печать херреда Эверскин, 1414 г.

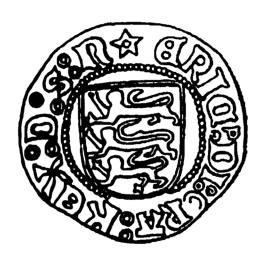
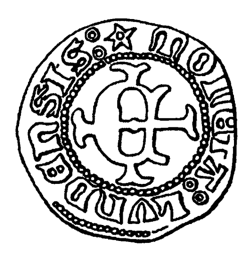
питетных округов изданы П.Б. Грансяном, а ленных графств – П. Хольстейном[148] (цв. илл. 4).

Рядом с печатями по степени достоверности сведений о характере иконографии гербов следует поставить *монеты*. Однако их значение как источника для исследования темы общественного употребления гербов датчанами не столь велико, как печатей, вследствие того обстоятельства, что датские монеты свидетельствуют почти исключительно о гербах королей Дании и герцогов Шлезвигских.

[148] *Grandjean P.B.* Danske Herreders Segl indtil 1660. Herunder Lands- og Birkesegl. Kbh. 1946; *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber. S. 396–403.

Илл. 17 Монета с гербом герцогства Шлезвигского, около 1379 г.

Илл. 18. Монета с гербом Дании, 1424 г.

Илл. 19. Монета Сёрена Норбю как правителя Готланда, 1523–1525 гг.

На всех датских монетах с гербами находится круговая легенда, которая может содержать сведения о месте чекана монеты, об имени, титуле правителя и государства, а также христианские речения.

Монетное дело в Дании с момента своего зарождения в IX в. постоянно испытывало сильное влияние со стороны западноевропейских образцов[149]. Тем же влиянием, несомненно, следует объяснять возникновение обычая представлять на датских монетах, в числе других знаков, гербы. Действительно, к тому времени, когда в Дании появляются первые монеты с гербами, в целом ряде стран Западной Европы (Леон и Кастилия, Франция, Англия и др.) такого рода монеты уже были в ходу. Первыми этот иноземный обычай переняли герцоги Шлезвигские из Голштинской династии, о чем свидетельствует серебряная монета (виттен, *witten*) с гербом герцогства Шлезвиг, которая была выпущена в обращение около 1379 г.[150] (илл. 17). Время же чекана первой монеты (сёслинг, *søsling*) с гербом Датского королевства приходится только на 1424 г., когда царствовал Эрик VII Померанский[151] (илл. 18).

В дальнейшем уже все датские короли XV–XVII вв. приказывали чеканить монеты с гербом Дании или еще с другими гербами, которые они носили, как бы эти монеты ни назывались: скиллинги (*skilling*), нобели (*nobel*),

---

[149] *Galster G.* Fremmed indflydelse på Danmarks møntvæsen i middelalderen // Nationalmuseets Arbejdsmark. 1957. Kbh., 1957. Датские монеты изучаемого времени см.: *Hauberg P* Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146 // DVSS. 1900. R. 6, bd. 5. hft. 1; *Idem.* Danmarks Myntvæsen i Tidsrummet 1146–1241 // DVSS. 1906. R. 6, bd. 5, hft. 3. S. 312–381; *Idem.* Danmarks Myntvæsen og Mynter i Tidsrummet 1241–1377 // ANOH. 1884; *Idem.* Danmarks Myntvæsen i Tidsrummet 1377–1481 // Ibid. 1886; *Galster G.* Danmarks Mønter // NK. 1936. Bd. XIX; *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2 udg. Kbh., 1976.

[150] *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 64

[151] Ibid. Fig. 71.

далеры (*daler, speciedaler, Joachimsdaler, breddaler*), гульдены (*gylden*), марки (*mark*), португалёсеры (*portugaløser*), кроны (*krone*). Гербы королей Дании XV–XVII вв., изображенные на монетах, описаны П.Б. Грансяном в книге, посвященной истории датского государственного герба[152]. Наиболее полное издание снимков с датских монет XV–XVII вв. осуществил Х. Шоу[153].

В Дании XV–XVI вв. монеты с гербом Датского королевства могли чеканиться не только по воле королей. От периодов междуцарствий 1448 и 1533 гг. известны скиллинги с этим гербом, которые были выпущены по приказанию ригсрода (Государственного совета) Дании[154].

В разряд датских монет зачисляются также скиллинги и виттены, выпускавшиеся в XVI в. на острове Готланд, который с 1361 г. находился под властью королей Дании. Эти монеты интересны в первую очередь тем, что на них представлены христианский символ – эмблема Готланда (агнец с крестовой хоругвью) и гербовый щит королевского наместника на острове. Так, на монетах 1523–1525 гг. (илл. 19) обнаруживается герб Сёрена Норбю, правившего Готландом от имени Кристиана II в 1517–1525 гг., а на монете чекана 1565 г. передан герб Йенса Билле, наместника короля Фредерика II в 1560–1571 гг.[155]

По своему значению как геральдического источника к монетам примыкают *медали*, которые с XVI в. стали выпускаться в Дании королями по случаю каких-то знаменательных событий. Но в отличие от монет на них обнаруживаются лишь гербы, которые носили датские короли. Состав этих гербов описан П.Б. Грансяном в книге о государственном гербе Дании.

Драгоценные сведения о гербах датчан сообщают *произведения живописи*. Преимуществом этих памятников как геральдического источника, по сравнению с печатями, монетами и медалями, является то, что они представляют гербы в цвете. Правда, краски со временем под воздействием физических изменений и вследствие поновлений, производившихся по ходу истории, могли терять свои первоначальные свойства. Кроме того, поновления могли приводить к изменению формы щита и других элементов герба под воздействием тех понятий о памятнике искусства и художественных воззрений и представлений, которые существовали в ту или иную эпоху. Очевидно, что в последних обстоятельствах нельзя не усмотреть слабые стороны некоторых, особенно средневековых, красочных изображений гербов как источника в сравнении с иконографией гербов на печатях, монетах и медалях. Но у этих изображений может обнаруживаться и другой недостаток как у геральдического источника. Дело в том, что гербы, представленные в живописи, нередко создавались без участия, присмотра их носителей, часто уже после смерти последних. Поэтому могло случаться так, что в этих гербах изначально содержались разного рода неточности или, более того, они неверно приписывались какому-либо лицу.

[152] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 163–213.

[153] *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh. 1926.

[154] *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 80, 94.

[155] *Hauberg P.* Gullands Myntvæsen // ANOH. 1891. R. II, bd. 6. S. 56, 72.

От XIII–XVI вв. на внутренних стенах многих датских церквей с разной степенью сохранности уцелели многочисленные *фрески*, заключающие изображения гербов. Большая их часть объединена в так называемые *гербовые фризы* (*våbenfriser*). Гербы в церковной стенописи нередко сопровождаются латинскими или датскими текстами, сообщающими имена их носителей и другие сведения.

Значительное число изображений гербов представлено в стенописи церкви св. Бендта (Sankt Bendts Kirke), или Бенедикта, Рингстедского монастыря (Зеландия). Эта церковь в период с 1181 по 1332 г. являлась местом последнего упокоения королей Дании, а также других представителей королевской семьи и некоторых из их родственников. Та тесная духовная связь, которая в течение многих лет определяла характер отношений между королями Дании и Рингстедским монастырем, объясняет присутствие в церкви св. Бендта живописных изображений четырех типических тронных образов королей с гербовыми щитами и шлемом датских государей (цв. илл. 5). Время создания этих фресок датируется концом XIII в. В дальнейшем, однако, они не раз подвергались поновлениям и ныне предстают в том виде, который им был придан при реставрации в начале XX в.

Приблизительно к тому же времени восходит изображение в церкви св. Бендта герба (восстающий лев) герцога Эстонии Кнута (ум. 1260), побочного сына короля Вальдемара II. В той же церкви от 1320-х годов сохранилась фреска, передающая герб шведского короля Биргера Магнуссона (ум. 1321), после изгнания из Швеции проживавшего в Дании. Здесь же представлен герб знатного датчанина Педера Крумпена (XIV в.), написанный около 1400 г.

В церкви св. Бендта находится также гербовый фриз, заключающий девяносто три щита. Из них два без гербов и без обозначения имен. С течением времени гербы фриза подвергались поновлениям, что привело к искажению их первоначального вида, прежде всего формы щитов. К этому следует добавить, что во время пожара 1806 г. некоторые изображения гербов погибли. О том, в каком виде гербовый фриз в церкви св. Бендта существовал в XVIII в., можно судить по цветному рисунку, выполненному в 1757 г. антикваром Сёреном Абильдгордом (цв. илл. 6). На этом рисунке щиты гербов имеют форму, характерную для ренессансного искусства XVI в., причем десять щитов оставлены пустыми. Такой вид гербы фриза, возможно, имели с момента их написания: или около 1575 г., как считал Н.М. Сaксторп, или в 1584 г., по мнению К. Пранге. При создании этого гербового фриза использовались более древние изображения гербов, которые находились в той же церкви. Действительно, во время реставрационных работ, проводившихся в XX в., на стенах церкви св. Бендта удалось обнаружить изображения двенадцати старых гербов, относимых ко второй половине XV – началу XVI в. Все они нашли отражение в новом фризе, созданном во второй половине XVI в. Гербы фриза в церкви св. Бендта принадлежали зеландским дворянам, которые жили в XIV – первой трети XVI в. Однако их гербы расположены не в хронологическом порядке, т.е. без учета времени жизни их владельцев. В настоящее время гербовый фриз в Рингстеде предстает взору зрителя таким, каким он стал после реставра-

ционных работ начала XX в., проводившихся архитектором Х. Сторком в сотрудничестве с А. Тисетом[156].

Другой большой гербовый фриз находится в церкви Сорёского (Sorø) монастыря (Зеландия). С XII в. этот монастырь также был тесно связан духовными узами с представителями знатных дворянских родов, гербы которых и представляет фриз. Здесь же изображен герб короля Вальдемара IV Аттердага, погребенного в Сорё в конце 1375 г. Этот фриз создавался постепенно, начиная с конца XIII в. В первой половине XVI в. по приказу аббата Хенрика Кристиернсена Торнекранса (ок. 1470–1538) он был сильно поновлен, в частности изменения претерпели формы щитов. Поновления совершались и в последующее время. В 1871–1873 гг. реставратор Я. Корнеруп предпринял попытку придать гербам их первоначальный вид, но его работа, как мы уже знаем, была оценена критически. Свой нынешний вид Сорёский фриз принял после реставрации 1927 г. Сохранились также изображения его гербов, выполненные на бумаге С. Абильдгордом (1756 г.) (цв. илл. 7) и Ф. Венделльбу (1836 г.), благодаря чему можно судить о том, как выглядели эти гербы до реставрационных работ Я. Корнерупа[157].

Значительно лучше сохранились четыре гербовых фриза, находящиеся в соборе Богоматери (Vor Fru Kirke) ютландского города Орхуса (цв. илл. 8–9). Три из них датируются XIV в., четвертый – началом XVI столетия. Начало создания древнейшего из этих фризов относится приблизительно к 1340 г., когда был написан герб королей Дании (три льва в окружении сердец). В самом деле, над этим гербом имеется надпись: “domicellus waldemar” (молодой господин, или юнкер, Вальдемар) (цв. илл. 10). Так обозначался в документах перед вступлением на датский престол в 1340 г. Вальдемар Аттердаг. Его герб на фризе собора Богоматери был изображен, вероятно, по приказу епископа Орхусского Свена, который вместе со своими земляками ютландцами видел в юном датском королевиче своего вождя в борьбе против владычества голштинских графов в Ютландии. Прочие гербы принадлежат ютландским дворянам, жившим в годы правления Вальдемара Аттердага и позже. Орхусские фризы также реставрировались, последний раз в 1957 г., но без существенных поновлений[158].

Большое число дворянских гербов представлено фресковой живописью еще в пяти ютландских храмах: в Хадерслевском кафедральном соборе (Haderslev Domkirke) и четырех церквах: Виннерслевской (Vinderslev), Сённерхольмской (Sønderholm), Йермской (Hjerm) и Бедстедской (Bedsted). В соборе города Хадерслев находится гербовый фриз, который датируется при

---

[156] *Hiort E.* Skjoldefrisen i Ringsted – og de manglende våbener. S. 285–297; *Saxtorph N.M.* Op. cit. S. 165–167; *Prange K.* En lavadelig våbenfrise? S. Bendt klosterkirke, Ringsted 1287–90 – eller måsk 1584? // Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989. S. 89–91.

[157] *Kornerup J.* Skjalm Hvides Slægts Grave og Skjoldmærker i Sorø Kirke. S. 195–252; *Petersen H.* Skjoldefrisen i Sorø Kirke. S. 1–54; *A[chen] S.T.* Friserne i Sorø og Ringsted. S. 271–272; *Saxtorph N.M.* Op. cit. S. 169–170; *Ranvig S.* Sorø krøniken. Kbh., 1986. Bd. I. S. 50–51; *Prange K.* Hvidernes våbenfrise: Sorø klosterkirke 1290'erne – og meget senere // Danske kalkmalerie: Tidlig gotik. S. 98–101.

[158] *Saxtorph N.M.* Op. cit. S. 323–325; *Prange K.* Stormænd i Østjylland: Århus Vor Frue kirke o. 1340 – o. 1375 // Danske kalkmalerie. Tidlig gotik. S. 180–183.

близительно 1500 г. он состоит из гербов дворян, которые происходили в основном из голштинских родов. В стенописях Виннерслевской церкви, относимых к середине XVI в., изображены гербы шестнадцати предков Нильса Скееля и его жены Карен Краббе. В Сённерхольмской церкви (1556 г.) находятся изображения тридцати двух гербов предков Габриеля Гюлленстьерне аф Рефсторп и его супруги Кирстен Фриис, а в Йермской (1558 г.) – шестнадцати гербов предков Манса (Могенса) Мунка аф Вольструп. Несколько позже, уже около 1575 г., были написаны гербы тридцати двух предков Нильса Люкке и его супруги Карины Краббе в Бедстедской церкви[159].

В 1920-х годах при реставрационных работах в замке Кронборг на одной из древних стен был обнаружен фриз с изображениями девятнадцати гербов. Средоточием композиции здесь является "герб Христа" (*Arma Christi*) (илл. 3), известный по памятникам искусства позднего Средневековья[160]. По сторонам от него представлены гербы короля Эрика Померанского (1396–1439), его супруги (с 1406 г.) Филиппы Английской (1393–1430) и их ближайших советников – датских и шведских епископов и светских вельмож. Кронборг был построен во второй половине XVI в. на месте замка Крогген, воздвигнутого при короле Эрике Померанском; и та стена, на которой находятся упомянутые гербы, уцелела именно от старого замка. Время написания Кронборгского гербового фриза датируется 1420-и годами, когда судя по документам, лица, которым принадлежали гербы, являлись советниками короля Эрика[161].

В Копенгагене, на внутренней стене дома XV в., расположенного на улице Вингордстреде (Vingårdstræde), сохранился гербовый фриз, который заключает полные или частичные изображения семнадцати гербов дворян, известных от времени правления королей Эрика VII Померанского и Кристофера III Баварского (1440–1448). Создание этих изображений датируется второй четвертью XV в. По мнению С.Т. Ахена, владельцы гербов Копенгагенского фриза могли являться членами рыцарского орденского "братства", существовавшего в Дании при короле Эрике и, возможно, при Кристофере[162].

Датская фресковая живопись, особенно представленная в церквах, содержит и другие многочисленные сведения о гербах датчан; в большинстве своем эти изображения датируются концом XIV – XVI в. (цв. илл. 11–12).

Уже на исходе изучаемого времени в статутах датских орденов Слона и Даннеброга (1693 г.) было предписано вывешивать на досках в церкви замка Фредериксборг изображения гербов рыцарей этих орденов. Данное положение орденских статутов в дальнейшем, начиная с 1694 г., как правило, выполнялось. Однако не все изображения гербов в названной церкви уцелели в первоначальном виде, виной чему явились пожар 1859 г. и последующие реставрационные работы[163].

---

[159] *Saxtorph N.M.* Op. cit. S. 16, 245–246, 251, 255, 298, 306, 330.

[160] *Haastrup U.* Hellig heraldik i dansk kalkmalerie // Slægter. Skjolde. Steder. S. 127–135.

[161] *Mackeprang M.* En Skjoldefrise fra Erik af Pommerens Tid paa Krogen Slot // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. Kbh., 1932. S. 78–80.

[162] *Achen S.T.* En middelalderlig våbenfrise i København. S. 191–200.

[163] *Achen S.T.* Danske storkorsvåbener gennem 25 år // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 56–57.

В церкви св. Бендта Рингстедского монастыря сохранились изображения гербов тридцати семи земских судей Зеландии, занимавших эту должность в период с 1530 по 1805 г. По неизвестной причине отсутствует только герб Хенрика Аренфельдта, бывшего судьей в 1557–1562 и 1566–1568 гг. Каждый герб предстает на отдельной доске, с указанием порядкового номера, имени судьи и года (с 1725 г. обычно еще с числом и месяцем) его вступления в должность. Присутствие этих гербов в церкви св. Бендта объясняется тем, что в ее северной капелле в период с 1584 по 1805 г. проводились заседания зеландского ландстинга (земского суда). Изображения гербов создавались постепенно. Самые ранние из них восходят к концу XVI в., последнее – к 1781 г. К изучаемому времени относятся девятнадцать гербов, написанных приблизительно с 1585 по 1689 г.[164].

Уже первые *живописные портреты* датчан, написанные во второй половине XV в., как правило, для выставления в церквах, заключали изображения гербов. Самый ранний датский портрет с гербом передает образ Йенса Иверсена, епископа Орхусского (1449–1482) (цв. илл. 13). На этой картине, содержащей также образ апостола Иоанна, в числе других предметов видим атрибуты духовной власти епископа и щит с гербом знатного дворянского рода Ланге, к которому принадлежал Йенс Иверсен. Картина написана около 1480 г. немецким мастером Бернтом Нотке для алтаря кафедрального собора Орхуса[165].

К этому же времени восходят первые парные датские портреты с гербами. На картине, датируемой приблизительно 1475 г., в образе благочестивых христиан предстают датский вельможа Ивар Аксельсен (ок. 1420–1487) и его супруга Магдалена, дочь шведского короля Карла VIII Кнутссона. Родовые гербы супругов, принадлежавших соответственно к родам Тотт и Бунде, изображены неизвестным художником под их руками, сложенными для молитвы[166] (илл. 20).

К 1470-м годам относится также написание парного портрета царствовавшей тогда в Дании королевской четы, Кристиана I (1448–1481) и Доротеи Бранденбургской. Здесь обнаруживаем два щита с гербами датского короля и гербами отца королевы, курфюрста Бранденбургского[167] (цв. илл. 14).

Обычай изображать гербы на живописных портретах королей и знатных особ продолжал господствовать в Дании и в XVI–XVII столетиях, в эпоху ренессансного и барочного искусства. В это время гербы, состоявшие, как правило, из гербовых щитов и шлемов, по обыкновению, размещались в верхней части картины, чаще всего в левом или правом углу. На некоторых портретах одно лицо представляется с двумя гербами (цв. илл. 15; илл. 21, 22).

Повторимся, однако, что при обращении к живописным портретам как историческому источнику следует помнить, что не все они создавались при жизни изображенных на них лиц. Поэтому гербы, обнаруживаемые на этих

---

[164] *Hiort E.* De sjællandske landsdommeres våbenskjolde... S. 75–93.

[165] См.: *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997. S. 257 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).

[166] Находится в Гюллендалевской библиотеке в Копенгагене (Ibid. S. 252).

[167] Сохранился в копии XVI в., находящейся в замке Фредериксборг (Ibid. S. 211).

Илл. 20. Ивар Аксельсен (Тотт) и его жена Магдалена (Бунде). Неизвестный художник, около 1475 г.

Илл. 21. Педер Скрам. Неизвестный художник, 1571 г.

Илл. 22. Олаф Крогнос и его жена Анна Харденберг
Неизвестный художник, 1577 г.

портретах, могли заключать неточности как со стороны состава их знаков, так и со стороны художественных свойств гербовых элементов.

Бо́льшая часть портретов с гербами хранится в Национально-историческом музее Дании, находящемся в замке Фредериксборг (Frederiksborg), Национальном музее Дании в Копенгагене, дворцах Гавнё (Gavnø), Глоруп (Glorup), Росенборг (Rosenborg), Росенхольм (Rosenholm), Херлуфсхольм (Herlufsholm), Брагетроллеборг (Bragetrolleborg), Фрисенборг (Frisenborg) и Рюгорд (Rygord). Отдельного издания этих живописных памятников не существует, но почти все они опубликованы как иллюстрации в исторических книгах и музейных путеводителях[168].

В XIII–XIV вв. на западноевропейской почве утверждается обычай помещать изображения гербов на *надгробных памятниках* светских и духовных лиц. Этот обычай, как можно заключить по сохранившимся свидетельствам источников, был воспринят датчанами не позднее первой половины XIV в. Действительно, самое раннее датское надгробие с гербом датируется приблизительно 1325 г. Речь идет о надгробии короля Эрика VI Менведа (1286–1319) и его супруги, королевы Ингеборг Шведской, находящемся в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. На этом памятнике представлен типизированный скульптурный образ датского короля в одеянии, украшенном знаками

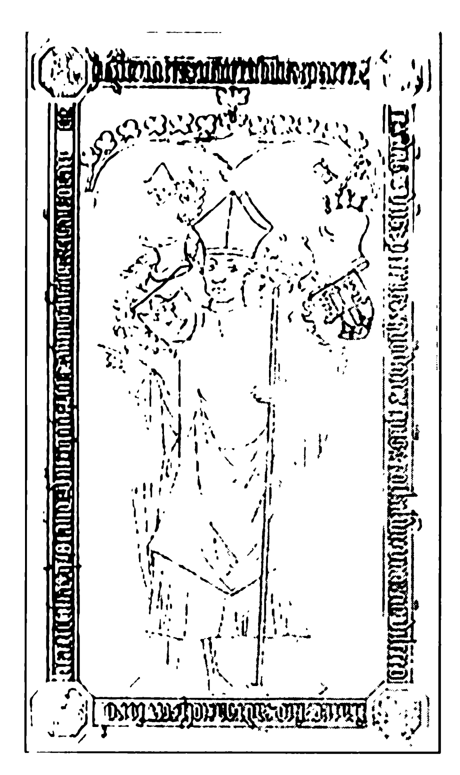
[168] См.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994. S. 39–45; *Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T.* Rigets mænd lader sig male 1500–1750. Kbh., 1973. S. 202 (DKH. Bd. 2); *Rian Ø.* Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997. S. 19, 59, 70, 118, 295, 315 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. II); *Fridericia J.A.* 1588–1699. Kbh., 1896–1902 (DRH. Bd. IV).

Илл. 23. Надгробие Эрика VI и его жены Ингеборг Шведской. Церковь св. Бендта Рингстедского монастыря, около 1320 г.

Илл. 24. Надгробие Иоганна Мольтке, его жены и дочери. Кельдбюская церковь, середина XIV в.

Илл. 25. Надгробие епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат). Роскиллеский собор, около 1416 г.

королевского герба тремя львами и многочисленными сердцами[169] (илл. 23).

Следующий по времени создания датский памятник такого рода восходит к последним десятилетиям XIV столетия. Речь идет о надгробии сына короля Вальдемара Аттердага, герцога Лолланнского Кристофера (ум. 1363), погребенного в соборе Богоматери города Роскилле. На этом надгробии видим рыцарский шлем и три щита, в которых заключены соответственно три льва, дракон и лев над многочисленными сердцами; кроме того, драконы представлены на доспехах скульптурного изваяния герцога[170] (цв. илл. 16).

Древнейший датский дворянский надгробный памятник с гербом находится в Кельдбюской (Keldby) церкви, расположенной на острове Мён. Время создания этого памятника, представляющего собой надгробную плиту, датируется второй половиной XIV столетия. На ней переданы рельефные изображения гербового щита и шлема рыцаря Иоганна Мольтке (ум. 1326), образ этого рыцаря, его жены Эльсебе (ум. 1355) и их дочери Кристины (ум. 1347). Прежде плита находилась в месте погребения указанных лиц, а именно в капелле св. Георгия в Спайльсбю (Spejlsby), расположенной на том же острове[171] (илл. 24).

Несколько позднее, в первой половине XV в., изображения гербов начинают помещать на надгробиях датчан духовного звания. Из них древнейшее заключает образ епископа Роскилле Педера Йенсена (Лодехат) (ум. 1416), погребенного в Роскиллеском соборе[172] (илл. 25).

С течением времени, в XV–XVI вв., на надгробных памятниках, посвященным знатным особам, число гербов постепенно возрастало. Их могло быть два, четыре, восемь, шестнадцать, двадцать четыре, тридцать два или тридцать восемь, как на надгробной плите короля Ханса, его супруги Кристины Саксонской и их сына Франца, находящейся в соборе св. Кнута в Оденсе[173] (илл. 26).

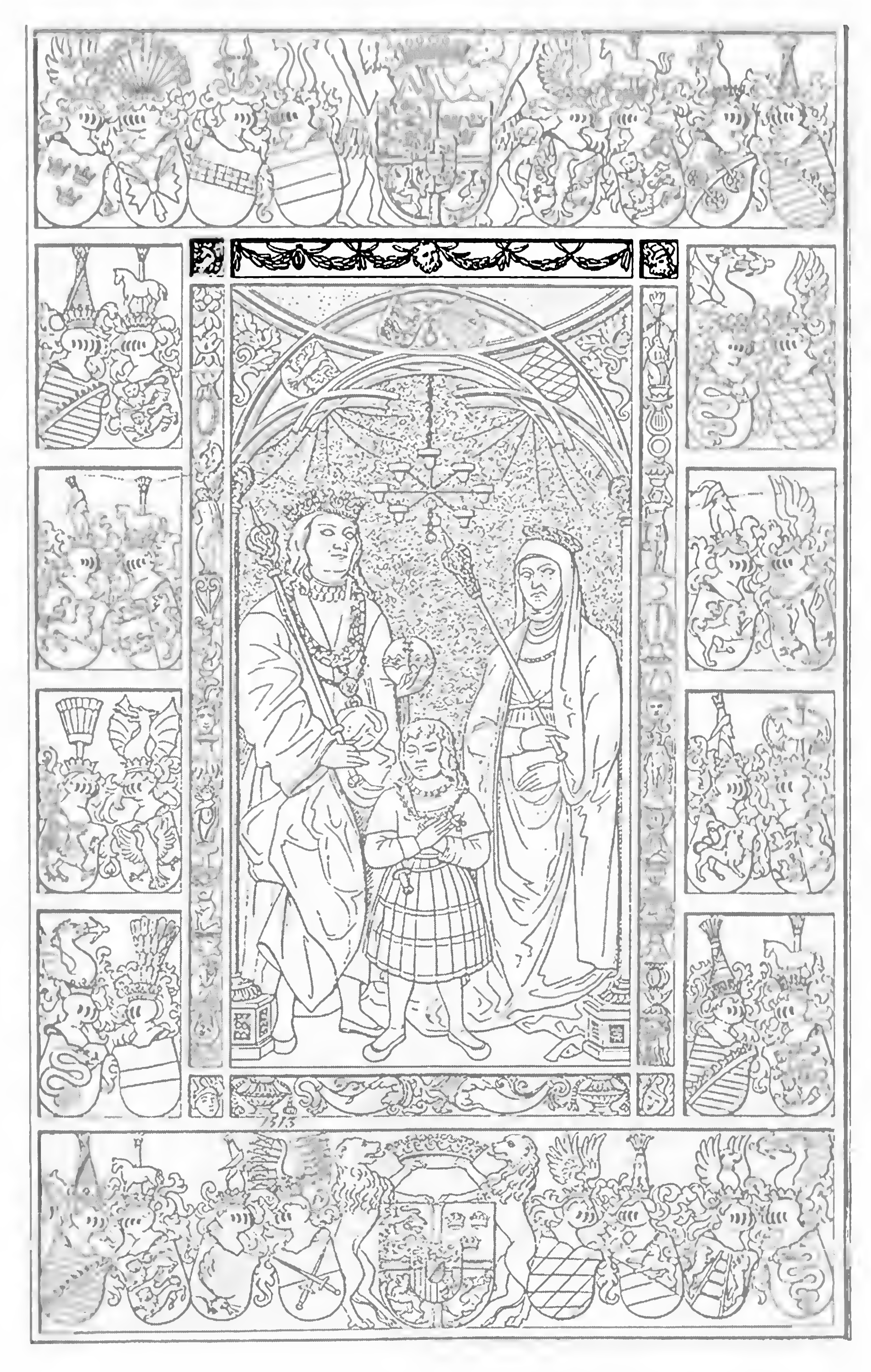
169 *Trætteberg H.* Konge- og fyrstebilder // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 37; *Lassen E.* Fra runesten til altertavle... S. 194–195.

170 *Erslev Kr.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905. S. 337 (DRH. Bd. II); *Lassen E.* Fra runesten til altertavle... S. 201–203.

171 *Holstein P.* Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 149–151.

172 *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissances Tid. Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Bd. I. S. 12. Fig. I.

173 *Prange K.* Studiet af dansk adel i senmiddelalderen. Kbh., 1994. S. 351; *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissances Tid. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 20.

Илл. 26. Надгробие короля Ханса, его жены Кристины Саксонской и их сына Франца. Собор св. Кнута в Оденсе, около 1515 г.

Илл. 27. Надгробие Хольгера Ульфстанда и его жены Биргитты Росенспарре. Валльбюская церковь, конец XV в.

Всего надгробий с гербами, являющихся памятниками в основном позднеготического, ренессансного и барочного искусства, от XV XVII вв. уцелело полностью или частично несколько сотен (илл. 27–29). Из них хуже всего сохранились изображения гербов на плитах, встроенных в пол церквей. В значительно более сохранном виде до нас дошли изображения гербов на стелах и эпитафиях[174]. На некоторых из них, созданных в основном в XVII в., гербы представлены в цвете (цв. илл. 17–18)[175].

Гербы на надгробиях всегда изображались в одном стиле, характерном для времени создания памятников, вследствие чего элементы тех гербов, которые обозначали предков почивших особ, наделялись нехарактерными для них художественными свойствами. На некоторых надгробиях и эпитафиях гербы надписаны или подписаны именами родов.

Илл. 28. Надгробие епископа Орхусского Ове Билле. Антворсков, середина XVI в. Рис. С. Абильдгорда, середина XVIII в.

Ценный материал для изучения датской геральдики дают *гравюры* XVI–XVII столетий. Гербы на них могли представать вместе с портретами знатных особ или в составе других изображений. Наиболее ранние из гравированных портретов датчан датируются 1523 г. На этих гравюрах, созданных Лукасом Кранахом Старшим, представлены портреты и гербы короля Кристиана II (1513–1523). На одной гравюре, хранящейся в Британском музее, находится составной герб Кристиана[176], на других каждая из эмблем этого герба заключена в отдельный щит[177] (илл. 30).

[174] Снимки с дворянских надгробий XV–XVI вв. изданы Кр.А. Йенсеном: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens of Renaissances Tid. Kbh., 1951. Bd. I: Tiden 1470 1570; Kbh. 1953. Bd. II: Tiden 1570–1600; Kbh., 1951. Planchebind. Table 1–114.

[175] *Lassen E., Eller P Grandjean B.L., Holck Colding T* Rigets mænd lader sig male 1500 1750. III. 101; *Olesen E.* Margrethe Skovgaards gravsten i Sankt Knuds kirke i Odense // Herald. Tidsskr. 1990. N 61. S. 18–27.

[176] См.: *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til... S. 287.

[177] См.: *Bartholdy N.G.* Christian II's våbener og Den gyldne Vlies. S. 400.

Илл. 29. Надгробие Клауса Ульфельдта и его жены Дорте Лунге-Дюре. Эрлевская церковь, 1554 г.

Илл. 30. Кристиан II. Гравюра Лукаса Кранаха Старшего, 1523 г.

Гравированные портреты датских дворян получают распространение позднее, в первой половине XVII в., причем на некоторых из них обнаруживается большое число дворянских гербов, как, например, на гравированных портретах Кристена Фрииса аф Крагеруп (1581–1639)[178] (илл. 31) и Кристена Скееля (1603–1659)[179] (илл. 32).

Со времени зарождения в Дании книгопечатания в конце XV в. титульный лист или его оборотная сторона в датской книге, по обыкновению, заключали изображение составного герба царствовавшего короля или, реже, герба Дании. Иногда этот обычай находил отражение и в книгах датчан, издававшихся за границей. Так, герб Кристиана II представлен на гравюре, помещенной на титульном листе первого печатного текста

[178] Хранится в Государственном музее искусства в Копенгагене (См.: *Rian Ø.* Op. cit. S. 245)

[179] Находится в замке Фредериксборг; см.: *Dyrvik S.* Truede tvillingriker 1648–1720. Kbh., 1998. S. 46 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. III).

Илл. 31. Кристен Фриис. Гравюра С. де Пассе, 1630-е годы

“Деяний датчан” Саксона Грамматика, увидевшего свет в Париже в 1514 г.[180] (илл. 33).

В 1427 г. в результате победы над датским флотом ганзейцы захватили в качестве трофея *знамя* короля Эрика Померанского, на котором с обеих сторон были изображены, начиная от древка, Богородица с младенцем Иисусом на руках, стоящий перед ней св. Иаков, держащий свой знак (раковину), и четыре герба: Дании, Швеции, Норвегии и Померании. Указанные гербы были представлены в четырех отделениях, созданных белым крестом, горизонтальная полоса которого на конце знамени проходила по темно-красному полю. Это знамя, на котором, как нетрудно заметить, были совмещены три типа изображений, характерных для знамен средневековой Западной Европы: со святыми, крестом и гербом, власти Любека выставили в церкви св. Марии. Здесь знамя Эрика Померанского хранилось вплоть до 1942 г.,

[180] Danorum Regum heroumque Historie... P., 1514.

Илл. 32. Кристен Скеель. Гравюра А. Хельвега, середина XVII в.

когда оно погибло под руинами церковных стен во время бомбардировки, совершенной англо-американской авиацией. К счастью, еще до войны с него успели снять точную цветную копию, которая ныне выставлена для обозрения в датском замке Фредериксборг[181] (цв. илл. 19).

Помимо знамен в средневековой Западной Европе гербы могли изображаться на предметах *одежды* – обычай, получивший распространение и в Дании. Об этом свидетельствуют надгробие Эрика Менведа (ок. 1320 г.) и мантия (*Kroningskaabe*), на которой вышиты щиты с гербами короля Дании Ханса (1481–1513), родовыми гербами его матери королевы Доротеи Бранденбургской и жены Кристины Саксонской[182] (цв. илл. 20).

От конца XVI и XVII в. сохранилось несколько датских *гербовников* (*våbenbøger*), и по сей день в полном объеме не изданных. Наиболее ранним

[181] *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden... S. 1–56; *Eller P.* Frederiksborg Museum. S. 27–28.
[182] См.: *Erslev K.* Den senere Middelalder... Иллюстрация между с. 18 и 19.

Илл. 33. Титульный лист парижского издания "Деяний датчан" Саксона Грамматика, 1514 г.

из них является гербовник, составленный в конце XVI в. безвестным бывшим монахом Эсромского (Esrom) монастыря (Зеландия). Эта книга, именуемая "Древнейшие гербы дворянства Дании" ("Antiquissima Nobilitatis Danicae Insignia"), ныне хранится в Королевской Библиотеке в Копенгагене. Она содержит изображения 137 гербов, часто с указанием имен дворян, живших преимущественно в XVI столетии[183].

Ряд датских гербовников несколько более позднего времени хранится в Государственном архиве Дании. Рубежом XVI–XVII вв. датируется "Гербовник Нильса Крага" ("Niels Krags våbenbog"). Свое название он получил по той причине, что был найден среди рукописей королевского историографа Нильса Крага (1550–1602). В нем содержится несколько десятков гербов представителей дворянских родов XV–XVI вв.[184]

Большое число рисунков датских гербов, снабженных их описанием, изображено в рукописи, известной под названием "Знатный дворянский род и гербовник" ("Höyadelig Stam og Waabenbog"). Этот манускрипт датируется первой половиной – серединой XVII в.[185]

К тому же времени восходят гербовники и родословные книги, составленные представителями датских аристократических семей, преимущественно женщинами: Анной Краббе (1552–1618) – "Anne Krabbes Våbenbog"; Юттой Гюлленстьерне (1613–1650) – "Jutte Gyldenstiernes Våbenbog"[186], Лисбет Брюске (1585–1674) – "Lisbet Bryskes Våben-og Slægtebog"[187], Сусанной Гойе (XVII в.) – "Susanne Gøyes våbenbog"[188], а также Херманом Бильке (XVII в.) – "Herman Bielkes våbenbog"[189] (цв. илл. 21).

---

183 *Hiort E.* Skjoldefrisen i Ringsted – og manglende våbener. S. 290, 292.
184 *Dahlerup T.* Kabelslægts våben og vasaller. S. 347–348.
185 *Buhl I.* Tre heraldiske Håndskrifter i Roskilde Adelige Jomfrukloster // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 212–213.
186 *Hiort E.* Skjoldefrisen i Ringsted – og manglende våbener. S. 288–289.
187 *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 22.
188 *Vogt S., Tønnesen A.* Heraldik – fra korstog til IC3-tog // Herald. Tidsskr. 1997. N 76. S. 277.
189 *Nissen H.* Austrätt borgens heraldikk med Ove og Herman Bielkes aner // Herald. Tidsskr. 1988. N 57. S. 340–341.

Указанные гербовники содержат материал о гербах датчан XVI–XVII столетий. Кроме того, в них имеются изображения гербов, приписываемых лицам, жившим в более раннее время.

Как правило, составители датских гербовников изображали гербы в одном стиле, исходя из понятий геральдического искусства своего времени.

В самом конце XVII в. начинается история датского гербовника, в который заносились изображения гербов лиц, возводившихся в достоинство рыцарей орденов Слона (цв. илл. 22) и Даннеброга. Ведение гербовых книг датских орденов было определено орденскими статутами, ранее всего статутом ордена Даннеброга 1691 г. К настоящему времени эти гербовники насчитывают десять фолиантов, в которых заключены изображения гербов около трех тысяч орденских рыцарей, преимущественно получавших орден Даннеброга. Хранятся эти фолианты в Орденском капитуле (Ordenskapitlet), находящемся в королевском дворце Амалиенборг (Копенгаген)[190].

От датского Средневековья сохранилось несколько предметов *мебели* с изображениями гербов. Все они не имеют цветовой окраски. Создание самого древнего памятника датируется концом XIV в. Это кресло с гербовым щитом и шлемом короля Дании из Дальбюской (Dalby) церкви (Сконе). Ныне оно находится в музее Лундского университета[191].

Другое изображение герба короля Дании, представленное щитом и шлемом, обнаруживается на так называемом "Кресле каноника" ("Kannikestol") из кафедрального собора Роскилле. Время создания этого памятника датируется 1420-ми годами[192] (цв. илл. 23).

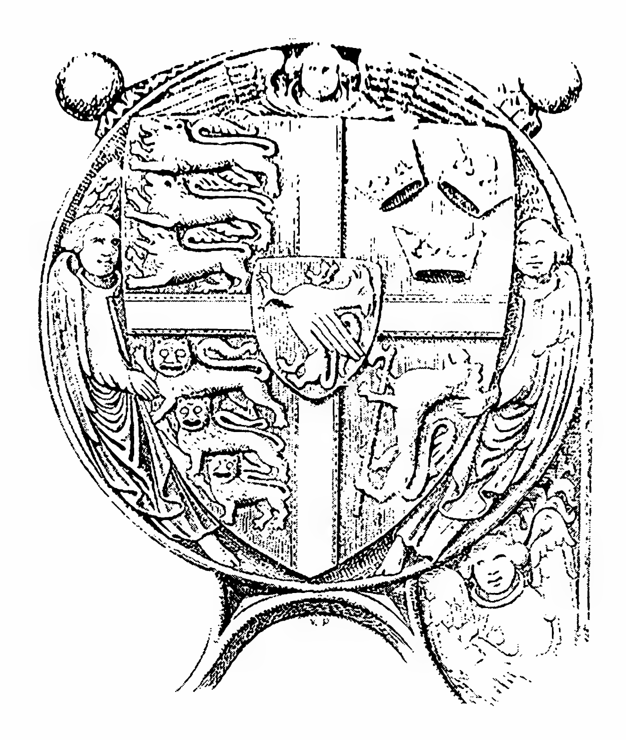
Приблизительно к тому же времени восходит кресло из Киркебёской (Kirkebø) церкви, расположенной на фарерском острове Стромё. На этом кресле переданы изображения трех щитов: один с королевскими гербами (илл. 34), второй с эмблемой Фарерских островов (баран), третий с тремя коронами[193].

От XVI–XVII вв. сохранилось много других датских памятников, на которых обнаруживаются изображения гербов королей Дании и их подданных. От этого времени дошли изображения гербов на фасадах зданий, над порталами дворцов и на различных предметах. Отметим некоторые из них.

Так, к первым годам XVI в. восходит ларец, в котором хранились привилегии дворян Шлезвига и Гольштейна. Он украшен цветными изображениями гербов владетелей этих герцогств, епископов Шлезвига и Любека, а также двадцати четырех дворянских родов. Ларец находится в музее немецкой земли Шлезвиг-Гольштейн в замке Готторф (Gottorf)[194] (цв. илл. 24).

В музейной экспозиции замка Фредериксборг представлен сундук с резными цветными гербами родов Росенспаре и Росенкранц, сделанный около 1580 г.[195] (илл. 35).

[190] *Bartholdy N.G.* Tilblivelsen af våbenerne for riddere af Dannebrog... S. 311–325; *Achen S.T.* Danske storkorsvåbener gennem 25 år. S. 56–57.
[191] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben... Fig. 7. S. 24–25.
[192] Ibid. Fig. 15. S. 30–31.
[193] *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden... S. 42.
[194] *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til... S. 308.
[195] *Eller P.* Frederiksborg Museum. S. 44.

Илл. 34. “Герб короля Дании” Кресло из Киркебёской церкви (фарерский остров Стромё), 1406–1430 гг.

Илл. 35. Сундук с гербами родов Росенспарре и Росенкранц, около 1580 г.

От второй четверти XVI в. известны самые старые образцы датских *артиллерийских орудий*, обозначенных гербами. На пушке из Военного музея в Стокгольме, датированной 1531 г., помещена эмблема города Раннерса. Два других орудия, отлитые в Копенгагене мастером Лауритсом Мадсеном в 1541 и 1543 гг., несут герб короля Дании: первое находится в Военном музее в Осло, второе – в Военном музее в Стокгольме[196].

В замке Росенборг хранится *шпага*, которая с 1671 по 1840 г. употреблялась при коронациях датских королей (*Salvingskårde* или *Kroningskårde*). Она была изготовлена в Гамбурге мастером Лукасом Шаллером и в 1643 г. передана королем Кристианом IV сыну Фредерику (с 1648 король Фредерик III) в качестве свадебного подарка. С самого начала на ней присутствовали изображения восемнадцати гербов, которые короли Дании носили в XVII в. Позднее, в 1819 г., после того как король Фредерик VI стал герцогом Лауэнбурга, к ним добавился еще и герб этого княжества[197] (цв. илл. 25).

В середине XVI в. на датской почве зарождается обычай включать гербы в *экслибрисы*. Первые книги с такими экслибрисами датируются 1554 г.; они принадлежали адмиралу Херлуфу Тролле (1516–1565) и его супруге Биргитте Гойе (ок. 1511–1574)[198].

---

[196] *Barfod J.H.* Christian 3.s flåde. Kbh., 1995. S. 72–73, 105, 109.

[197] *Bencard M., Hein J.* Rosenborg: De Danske Kongers Kronologiske Samling. Rosenborg, 1995. S. 86; *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 126–127.

[198] См.: *Hassø A.G.* Danske Exlibris. Kbh., 1942.

Со второй половины XVI в. вошло в обыкновение помещать гербы на картинах, изображавших *генеалогические древа* знатных датчан. Первое живописное произведение такого рода было создано в Дании около 1570 г. по распоряжению вдовы короля Кристиана III (1536–1559), Доротеи Мекленбургской, для капеллы замка Сённерборг (остров Альс). Изображенное здесь древо почившего супруга королевы Доротеи представляет портреты короля Кристиана и его мужских и женских предков в четырех поколениях; каждое лицо обозначено гербовым щитом[199] (цв. илл. 26). Такого рода древо королевы Софии Мекленбургской, вдовы Фредерика II, сохранилось в Нюкёбингской (Nykøbing) церкви на острове Фальстер. Оно написано художником А. Клементом в 1624 г.[200] Примером древа дворянского рода служит древо рода Билле, приблизительно датируемое 1690 г.[201] (цв. илл. 27).

Много драгоценных сведений о гербах обнаруживается в датском *актовом материале* XV–XVII вв.

В позднее Средневековье в Дании, как и в других западноевропейских странах, стало правилом подтверждать дарование от имени короля, а также герцога Шлезвига и Гольштейна дворянских прав письменным документом, который в исторической литературе получил название "*дворянской грамоты*" (*adelsbrev*). В таком документе, по обыкновению, содержалось словесное описание и цветное изображение герба того лица, которому эти права жаловались. "Дворянские" грамоты в Дании известны со времени правления Эрика Померанского. Самая ранняя из них, датируемая 1398 г., дошла до нас в списке, без изображения герба. Первый дворянский патент, сохранившийся в подлиннике, относится только к 1433 г.[202] (цв. илл. 28). В нем герб изображен под текстом. В последующих "дворянских" или "гербовых" грамотах гербы изображались в самом тексте (цв. илл. 29).

Обычай включать описания и изображения гербов в дальнейшем обнаруживал себя в патентах на пожалование графского и баронского титулов (цв. илл. 30), учрежденных в Дании в 1671 г.

От XV–XVII вв. сохранились также королевские грамоты, в которых утверждались только гербы. Известно, что эти так называемые "*гербовые грамоты*" (*våbenbrev*) выдавались: со второй четверти XV в. городским общинам[203], бюргерам в начале XVI в. клирикам и с конца XVII в. королевским чиновникам, не принадлежавшим к дворянскому сословию.

Всего датских дворянских, графских, баронских и просто гербовых грамот, изданных за период с конца XIV по XVII в. включительно, известно около двух сотен[204]. Они написаны в основном на датском языке, встречаются также тексты немецкие, латинские и французские. До 1671 г. эти, и прочие грамоты королей Дании не регистрировались и не протоколировались в

---

[199] Ныне находится в замке Фредериксборг (см.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. S. 34–35; *Rian Ø*. Op. cit. S. 15).

[200] *Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T.* Rigets mænd lader sig male 1500–1750. S. 160–161.

[201] *Eilstrup P., Nielsen K., Rasmusen H.* Vore gamle herredgårde. Kbh., [1970]. S. 13.

[202] *Liedgren J.* Adelsbrev // KLNM. 1956. Bd. I. S. 18; *Verwohlt E.* Dansk våbenret. S. 9–10.

[203] *Trætteberg H.* Stadsvåpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 19–20.

[204] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 383–391; *A[chen] S.T.* Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 314.

государственной канцелярии. Поэтому сведения о них были получены только при изучении государственных и частных архивов. Значительное число дворянских и гербовых грамот, выданных до 1671 г. со временем попало в Государственной архив Дании. Специального издания, в котором были бы собраны все грамоты на пожалование гербов, до сих пор не существует. Но многие из них опубликованы отдельно или в различных собраниях документов[205], правда, не всегда с изображениями гербов.

Сведения о гербах и эмблемах, ставших предметом спора королей Дании с иноземными правителями, содержатся в *памятниках дипломатических сношений* Дании. Сюда входят акты, освещающие распрю Эрика Померанского с графами Гольштейна из-за Шлезвига в 1420-е годы, и документы, касающиеся датско-шведских отношений второй половины XVI – XVII в.[206]

Для изучения общественного использования гербов датчанами большую ценность представляют некоторые *юридические памятники* XVI–XVII вв. К ним принадлежат королевские указы второй половины XVI – XVII в.[207], статуты орденов Слона и Даннеброга (1693 г.)[208], "Датское уложение" 1683 г. – первый общегосударственный свод законов Дании[209] – и ряд судебных определений[210].

Кроме того, в датских актах содержатся сведения о герольдах королей Дании, а также факты, позволяющие рассматривать геральдические темы в связи с культурно-исторической жизнью датчан.

Первые датские литературные памятники, в которых сообщается о гербах датчан, датируются второй половиной XVI столетия. Среди них находим как поэтические, так и прозаические произведения, написанные на датском и латинском языках. В основном эти сочинения заключают сведения о гербах, их элементах и герольдах королей Дании. Самое раннее одновременное описание всех эмблем составного герба датского государя дано на латыни в книге, содержащей отчет неизвестного очевидца о похоронах короля Фреде-

---

205 Niels Nielssøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. Kbh., 1745. Bd. I. S. 97–99; Povel Matthissøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. Kbh., 1746. Bd. II. S. 33–36; Niels Madsøns Vaaben og Adels–Brev, givet af Kong Hans 1497 // DM. Kbh., 1747. Bd. III. S. 161–163; Rep. R. 2, bd. 3. N 4508, 4596, 5446, 5962, 6207; 1932. Bd. 4. N 7427, 7453; 1933. Bd. 5. N 9846; 1934. Bd. 6. N 10407, 10424; 1935. Bd. 7. N 11912; *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 315–318, 327–330, 333; *Dahlerup T.* Kabelslægtens våben og vasaller. S. 349.

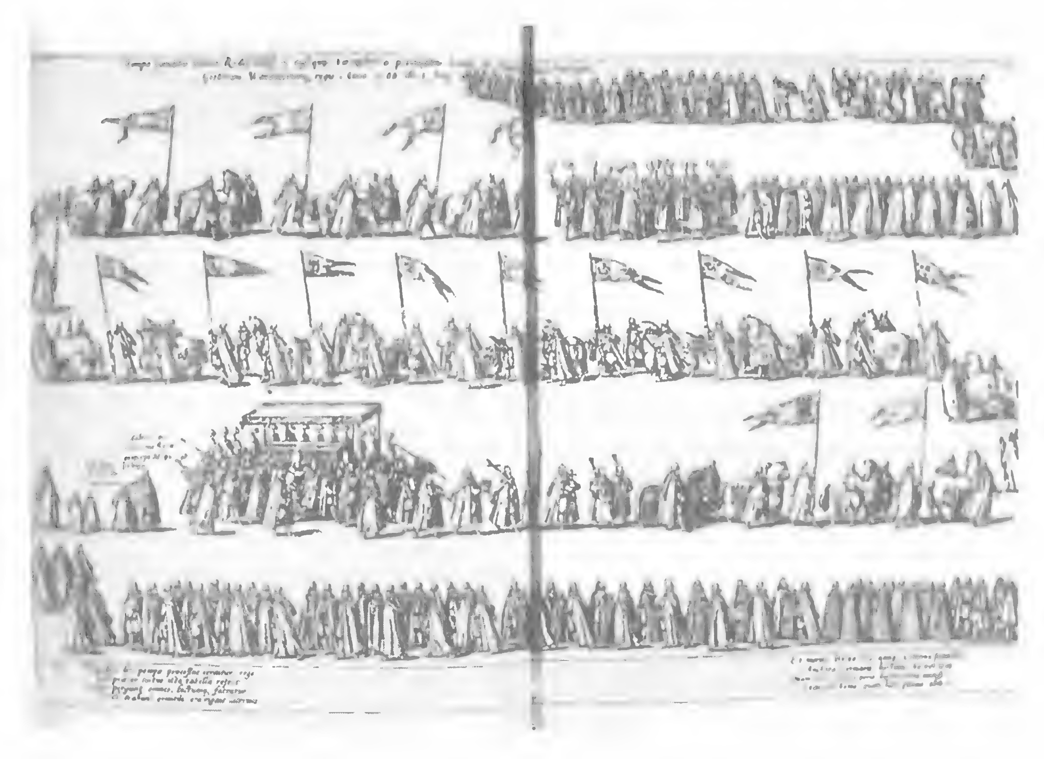
206 Danmark-Norges Traktater 1523–1750 med dertil hørende Aktstykker / Udg. af L. Laursen. Kbh., 1912. Bd. II: 1561–1588; Sveriges traktater med främmande magter, jemte andra dithörande handlingar / Udg. af O.S. Rydberg och C. Hallendorff. Stokcholm, 1903. D. 5, hlf. 1.

207 Kongelige Majestatz Obne Breff, Lydendis om Hues Almindelige Mandater og Forordning. Kbh., 1590; Konning Christian den Fierdis Recess, Vodragen aff atskillige Breffue oc Forordninger udi Kiobenhaffn. Kbh., 1615; Forordninger, Recesser og andre kongelige Breve, Danmarks Lovgivning vedkommende, 1558–1660 / Udg. af V.A. Secher. Kbh., 1887–1903. Bd. I–V; Chronologisk Register over de Kongelige Forordninger og Aabne Breve, samt trykte Anordninger, som fra Aar 1670 af ere udkomme / Udg. af J.H. Schou. Kbh., 1777; *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 323–326, 330–332.

208 *Grandjean H.F* De kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.

209 Christian V's Danske Lov / Udg. af V.A. Secher. Kbh., 1929.

210 *Huitfeldt A.* Bispekrøniken. Den Geistlige Histori offuer alt Dannarckis Rige. Kbh., 1604. XXVI. Birgervs; Udvalg af Gamle Danske Domme, afsagte paa Kongens Retterting og paa Landsting / Udg. af J.L.A. Kolderup-Rosenvinge. Kbh., 1847. Bd. III. S. 220 221; *Vaupell O.* Rigskansler Grev Griffenfeldt. Kbh., 1880 1882. Bd. 2. S. 99–174.

Илл. 36. Похороны короля Фредерика II в 1588 г. Гравюра, 1588–1593 гг.

рика II (1588 г.)[211]. Этот текст в 1593 г. был перепечатан в книге Г. Онса о короле Фредерике, но уже в сопровождении гравюр, на которых представлены, среди прочего, изображения гербов датского короля и королевских герольдов[212] (илл. 36).

Известно также поэтическое сочинение герольда короля Дании по имени Клаус де Вале, в котором содержатся сведения, характеризующие обязанности датских герольдов как вестников войны (1611 г.)[213].

Иностранные источники

Большинство иноземных сведений о гербах, приписываемых датчанам, содержится в памятниках средневековой книжности; это в основном иллюстративный материал.

Драгоценные сведения по истории датской геральдики доставляют две немецкие *"лицевые" летописи.*

[211] Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II. Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve regis, etc. Vna cum Epitaphijs non nullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588.

[212] *Ens Lorchensis G.* Rerum Danicarvm Friderico II inclitae memoriae, rervm potiente, terra mariqve gestarum Historia. Francofurti, 1593.

[213] *Wale Claus de.* Kong Christian IV's Herolds Reise ind udi Sverig at forkynde Krigen imod Carl IX. 1611 // DM. 1745. Bd. I. S. 273–288, 302–318.

Илл. 37. Сражение у Борнхёведе в 1227 г. "Саксонская всемирная хроника", середина XIII в.

Илл. 38. "Северный король". "Мекленбургская рифмованная хроника" Э. Киркберга, около 1378 г.

В Бременском манускрипте "Саксонской всемирной хроники" (середина XIII в.), на миниатюре, иллюстрирующей неудачное для датчан сражение при Борнхевёде (4 июля 1227 г.) между войсками короля Дании Вальдемара II и графа Генриха Шверинского, датские рыцари предстают со щитами, на которых изображены геральдические знаки[214] (илл. 37).

Во втором по времени создания манускрипте той же хроники, а именно Берлинском, относимом к последним десятилетиям XIII в., на цветной миниатюре, иллюстрирующей Борнхёведскую битву, один из рыцарей держит щит, а другой знамя с изображением герба короля Дании – тремя синими львами в золотом поле.

В манускрипте "Мекленбургской рифмованной хроники" Эрнста Киркберга (ок. 1378 г.) представлен король на коне, держащий три знамени с гербами Дании, Норвегии и Фолькунгов (королевской династии Швеции) (илл. 38). Здесь же изображены с гербовыми знаменами Швеции (три короны), Мекленбурга, Шверина и Ростока шведский король Альбрехт (1364–1389) и его отец герцог Альбрехт II Мекленбургский[215] (цв. илл. 31).

Изображения гербов, сопровождаемые, по обыкновению, словесными обозначени-

---

[214] *Verwohlt E.* Hvide–slægtens heraldik. S. 196–198.

[215] *Trætteberg H.* Riksvåpen og kongevåpen // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 277–278; *Kirckberg E.* Der Meklenburg Reimkronik // *Westphalen E.J.* Monumenta inedita rerum Germanicarum. Leipzig, 1745. Bd. IV.

ими титулов или, реже, имен их датских носителей, содержатся во многих средневековых *гербовниках* – гербовых свитках и книгах, созданных в различных западноевропейских странах.

От второй половины XIII – середины XV в. насчитывается десять гербовников, в которых обнаруживаются гербы датчан, а именно королей Дании и некоторых вельмож: Вийнбергенский ("L'armorial Wijnberghen", "Wijnbergen- våbenbogen", 1268–1280-е годы, Северная Франция); Цюрихский ("Die Wappenrolle von Zürich", ок. 1340 г., Швейцария); Наваррского герольда ("Armorial de héraut Navarre", 1368–1375 гг., Наварра); Белленвилльский ("L'armorial Bellenville", 1370–1386 гг., Нидерланды); Гельдернский ("Armorial Gelre", 1370–1386 гг. и дополнения 1440-х годов, Гельдерн, Нидерланды); д'Юрфе ("Armorial d'Urfé", ок. 1425 г., Франция); Гимнихский ("Armorial Gymnich", 1440–1461 гг., Германия); Бергсхаммарский ("Bergshammarvapenboken", 1436–1450 гг., Нидерланды)[216]; "Книга Рэндла Холмса" ("Randle Holmes' Book", начало XV в., Англия)[217].

Из этих геральдических памятников следует выделить Вийнбергенский, Гельдернский и Белленвилльский гербовники. Первый ценен тем, что в нем находится самое древнее цветное изображение датского королевского герба (датируется 1270–1288 гг.), снабженное к тому же подписью, указывающей на титул его владельца: "le roy de denemarche" ("король Дании")[218] (цв. илл. 32).

В Гельдернском гербовнике впервые предстает в цвете датское знамя (красное полотнище с белым крестом), известное как Даннеброг (*Dannebrog*). Оно прикреплено к шлемовой фигуре (рогам) герба, который представлен с титулом короля Дании, написанном на нидерландском языке (*die coninc van denmarke*). Это изображение было создано или в конце правления короля Вальдемара Аттердага (ок. 1375 г.), или при его внуке и преемнике короле Олафе (1376–1387)[219] (цв. илл. 33).

В Белленвилльском гербовнике обнаруживается первое упоминание об имени датского знамени – "Denenbroce"; этим словом надписан щит, заключающий белый крест в красном поле; при этом щит изображен на той же странице, что и герб короля Дании[220].

Из гербовников конца Средневековья, содержащих сведения по датской геральдике, следует назвать швейцарский гербовник, составленный Конрадом Грюненбергом (Conrad Grünenberg) в 1483 г., в котором находится изображение герба короля Дании (илл. 39).

К датским гербам, вероятно, следует также отнести и два герба, представленные в дополнении к копии "Гербовника Конрада Грюненберга", которая датируется второй четвертью XVI в. и ныне хранится в Центральной библиотеке Цюриха (Zentralbibliothek Zürich). На одном из этих гербов, сопровожденный подписью "Creutz von Himel" ("Крест с Неба"), изображен белый крест в красном поле. Если под означенным гербом разумелась эмбле-

[216] *Raneke J.* Vapenböker // KLNM. 1975. Bd. XIX. S. 508–510; *Clemmensen S.* Middelalderens vabenbøger – den første heraldik i farver // Herald. Tidsskr. 1998. N 78. S. 329–352; *Черных А.П.* Гербовники XIII в. // СВ. 2007. Вып. 68(2). С. 90–110.

[217] *Trætteberg H.* Norges våpen... S. 32.

[218] *Achen S.T.* De skandinaviske kongevåbener... S. 443–444.

[219] *Achen S.T.* Gelre-våbenbogen... S. 105–115.

[220] *Achen S.T.* Dannebrog. S. 426.

Илл. 39. Герб короля Дании.
"Гербовник Конрада Грюненберга", 1483 г.

ма датского знамени Даннеброга, то находящаяся под ним подпись, несомненно, должна была отражать суть предания о ниспослании этого знамени с Неба датчанам-крестоносцам. Второй герб с подписью "Herzogthumb Laland" (герцогство Лолланнское находилось в Дании) представляет собой золотого дракона в синем поле[221].

К 1446–1460 гг. относится создание первого гербовника бургундского ордена Золотого Руна (*Toison d' or*)[222], в котором содержатся конные изображения королей Норвегии и Швеции, украшенные соответственно норвежским и шведским гербами. Как звали этих королей, точно неизвестно. Это мог быть и король Швеции Карл VIII (с перерывами 1448–1470), в 1448–1449 гг. занимавший престол Норвегии и впоследствии представлявшийся с гербом как шведским, так и норвежским, и короли Дании Кристофер Баварский (1440–1448) и Кристиан Ольденбургский (1448–1481), также носившие шведскую и норвежскую короны и гербы Швеции и Норвегии.

Второй гербовник ордена Золотого Руна, хранящийся ныне в Вене, в Австрийской национальной библиотеке (Österreichische Nationalbibliothek), восходит к 1520-м годам. В нем содержится изображение герба короля Кристиана II, члена братства этого ордена, который в конце XV в. перешел по наследству от герцогов Бургундских из династии Валуа к их родственникам Габсбургам[223].

Изображения гербов датчан представлены еще целым рядом иноземных памятников.

Самым ранним из них является так называемая "Люнебургская столешница", датируемая приблизительно 1328 г. На ней, в числе цветных изобра-

[221] *Bartholdy N.G.* Dannebrogskorsets form og visionære bagrund // Herald. Tidsskr. 1991. N 64. S. 169–170.

[222] Хранится в парижской Арсенальной библиотеке (Bibliothèque de l'Arsenal) (*Clemmensen S.* Middelalderens våbenbøger... S. 346–347).

[223] См. с. 491.

жений гербов других государей, представлены гербовые щиты и шлемы короля Дании и герцога Ютландского[224].

Около 1410 г. по завещанию и на средства, оставленные архиепископом Кентерберийским Уильямом Картни (ум. 1396), в Кентербери был сооружен проход, соединяющий архиепископские покои с кафедральным собором. Его стены украсили многочисленные цветные изображения гербов, между которыми и сегодня можно увидеть гербы Дании, Норвегии, Швеции и Померании, помещенные на отдельных щитах, а также щит с "брачным гербом" королевы Филиппы, супруги Эрика Померанского и дочери Генриха IV. Этот щит разделен по вертикали на две части: слева (по отношению к зрителю) представлены вышеназванные четыре герба короля Эрика, справа изображены гербы английских королей – три лилии и три льва[225].

Говоря о присутствии гербов датских королей на картинах, созданных за пределами Дании в позднее Средневековье, следует отметить произведение нидерландского мастера Хуго (Гуго) ван дер Гуса, передающее образы шотландского короля Иакова III и его супруги, королевы Маргариты Датской, дочери Кристиана I. Перед коленопреклоненной Маргаритой видим раскрытое Евангелие, которое лежит на небольшом столике, украшенном изображением ее "брачного герба", представляющего собой ромбовидный (так называемый дамский) щит, на котором совмещены гербы короля Шотландии и короля Дании, т.е. мужа и отца Маргариты (цв. илл. 34). Эта картина, хранящаяся в Национальной галерее Шотландии в Эдинбурге и, вероятно, написанная вскоре после бракосочетания Якова и Маргариты, а именно около 1469 г.[226], содержит самое раннее из известных ныне, в том числе цветных, изображений "брачного герба" датской принцессы.

Еще одно живописное произведение, исполненное в XV столетии за пределами Дании, передает уже изображение самого короля Кристиана I и одновременно представляет его гербовой щит. Речь идет о фреске из римского Госпиталя Святого Духа (San Spirito), восходящей к последней четверти XV столетия. Здесь показана церемония пожалования папой Сикстом IV Золотой розы – почетного знака Римской курии – королю Кристиану в 1474 г., во время пребывания короля Дании в Риме[227].

Отметим также цветное изображение герба короля Дании, уцелевшее в тирольском городе Инсбруке, в доме, принадлежавшем судье императора Максимилиана I Вальтеру Целлеру (Zeller). Дом был построен в 1495 г., а фреска, представляющая герб датского государя, датируется приблизительно 1515 г.[228]

Географические карты XVI–XVII вв. также служат источником по истории датской геральдики, поскольку они обычно содержали изображения гербов. Первая карта, на которой обнаруживается герб датского государя, была составлена профессором математики Копенгагенского университе-

---

[224] См.: *Neubecker O.* Le grand livre de l'héraldique: L'histoire, l'art et la science du blason. P., 1976. P. 154–155.

[225] *Achen S.T.* Et par unionsvåbener i England // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 447–448.

[226] *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til... S. 228.

[227] Ibid. S. 243.

[228] *Hye F.-H. von.* Tidlige heraldiske vidnesbyrd om europæisk bevidsthed i det gamle Tirol: Med særligt henblik på våbenerne for Danmark, Norge og Sverige // Herald. Tidsskr. 2004. N 89. S. 393

Что касается иноземных средневековых *письменных источников* по датской геральдике, то таковых столь же мало, сколь и аналогичного рода датских источников. В основном это упоминания о герольдах королей Дании, восходящие ко второй половине XIV – первой трети XVI в.[230], и отрывочные описания самих гербов. Замечательно, однако, что именно в зарубежных памятниках письменности, датируемых XIV в., обнаруживаем первые описания гербов датчан: в списке одного норвежского документа, который был составлен в 1306 г., находим описание печати графа Халландского (Нёррехалландского) Якоба Нильсена[231], а у испанского писателя – знамени короля Дании (*el Rey desta daçia*)[232].

С середины XVI в. значение иностранных источников, в которых почерпаются сведения по истории датской геральдики, уже сильно падает, поскольку с этого времени находимые в них изображения гербов или тексты, как правило, являются лишь снимками или пересказами датских памятников художества и письменности.

---

[229] *Petersen C.S.* Markus Jordan // DBL. 1986. Bd. 7. S. 450; *Багров Л.* История картографии. М., 2004. С. 190. Ее изображение см.: *Barfod J.H.* Christian 3.s flåde. S. 261.

[230] См. с. 368–379.

[231] DD. R. 2, bd. 6. N 4 (епископы Эрланд Фарерский и Арне Бергенский, а также капитул Бергенской церкви свидетельствуют грамоту графа Якоба от 8 марта 1305 г.).

[232] Libro del conoscimiento de todos los reinos y tierras y señoríos que son por el mundo... / Ed. M. Jimener de la Espada. Barcelona, 1980. P. 11: "vn pendon de oro con tres leones prietos" (золотое знамя с тремя черными львами). Благодарю А.Н. Черных за сведения об этой книге.

ЧАСТЬ I

ГЕРБЫ В ЖИЗНИ ДАТСКОГО ОБЩЕСТВА

Глава первая

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЗАРОЖДЕНИЯ ГЕРБОВ

Признавая характер духовности той или иной эпохи источником возникновения и последующего переживания культурных явлений, герб можно определить подобно тому, как князь Е.Н. Трубецкой назвал икону, "умозрение в красках"[1]. Герб, однако, мог представать не только изображенным красками, а потому более точно его можно охарактеризовать как "умозрение в художестве". Поскольку речь идет о гербе как о явлении искусства, обнаруживавшем себя на почве духовных перемен в западноевропейском мире, то вопрос о культурно-исторических обстоятельствах зарождения гербов должен разрешаться посредством выяснения особенностей именно того умозрения, которое через художественную объективацию выражалось в определенный период истории народов Западной Европы.

Но герб был и остается объективацией духовно-исторических переживаний не только в искусстве, но и в обществе. Он всегда представал в истории не просто явлением искусства, но одновременно художественной эмблемой, имевшей индивидуальное значение в культурно-общественной обусловленности. Отсюда герб еще точнее можно охарактеризовать как "умозрение в художестве духовно и социально обусловленной индивидуальности". А стало быть, при выяснении культурно-исторических обстоятельств зарождения гербов предметом исследования должны стать именно те духовно-общественные переживания, на почве которых только и могли возникнуть художественно-индивидуальные эмблемы.

Если теперь обратиться к источникам, то нельзя не отметить, что древнейшие известия об использовании представителями европейских народов личных и родовых эмблем и знаков, в том числе на предметах оружия, восходят к греческим древностям[2]. Но при последующих культурно-исторических обстоятельствах эти родовые эмблемы вышли из употребления, а потому уже на этом основании в них нельзя видеть начало личных

[1] *Трубецкой Е.Н.* Умозрение в красках. М., 1915.

[2] См.: *Молчанов А.А.* Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики) // Signum. 2005. N 3. С. 5–20.

германском мире. Не берут средневековые гербы начало и в римских древностях, которые, по крайней мере в императорский период, не обнаруживают следов использования римскими гражданами личных или родовых эмблем.

Что касается германцев, то на заре своего исторического существования, по сообщениям античных писателей, что подметил еще Л. Хольберг (1729 г.)[3], они имели лишь обыкновение раскрашивать свои щиты различными цветами, которым, вероятно, придавалось символическое значение. Но в этом случае речь не шла о личных эмблемах, ибо в один цвет окрашивались щиты всех воинов. Эта традиция покрывать поверхность щитов одноцветными красками продолжала жить у северных германцев и в начале Средневековья, и в IX–XI вв., когда они были известны западноевропейским народам под именем норманнов и данов, и в XII–XIII вв.[4]

В XIX в. близ селения Галлехус, расположенного на юге Ютландского полуострова, на территории, принадлежащей Дании, был найден рог, который, согласно начертанной на нем рунической надписи, сделал германец по имени Хлевагаст из Хольта. На этом предмете, датируемом началом V в., среди многочисленных изображений фигур людей и животных видим двух воинов, держащих мечи и круглые щиты, на которых представлены знаки, в одном случае – в виде круга и точек, в другом – в виде круга с лучами. Рядом находится третий воин, но на его круглом щите какие-либо знаки отсутствуют[5]. По этим фактам можно заключить, что на пороге Средневековья северные германцы могли отличать щиты посредством различных изображений. Однако являлись ли эти изображения личными или родовыми эмблемами, определенно сказать нельзя. Во всяком случае, от V–VIII вв. и затем от эпохи викингов других изобразительных, а равно и письменных свидетельств о существовании у германцев обычая представляться с такими эмблемами не обнаруживается.

Впрочем, в сохранившихся от VI–IX вв. законах германцев, которые в эпоху Великого переселения народов обосновались в пределах или вблизи границ Римской империи, сообщается об употреблении германцами знаков для отличия вещей, принадлежавших тому или иному собственнику[6]. Такие знаки в хозяйственных целях в раннее Средневековье могли использоваться и северными германцами. Во всяком случае, в областных "правдах" скандинавских народов конца XII–XIII в., запечатлевших на письме многие старинные обычаи, содержатся упоминания о "знаках собственников" (*ejermærke*), использовавшихся при клеймении скота. Об этих знаках, в частности, сообщается в датских земских уложениях – "Зеландской Правде Эрика" и "Ютландской Правде"[7].

---

[3] *Holberg L.* Om Dannemarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 617, 621.

[4] Ibid. S. 621.

[5] *Jacobsen L., Moltke E.* Danmarks Runeindskrifter. Kbh., 1941. Atlas. Gallehus-guldhorn.

[6] *Tønnesen A.* Bomærker og runer // Herald. Tidsskr. 1985. N 51. S. 23.

[7] *Már Lárusson M.* Ejermærke // KLNM. 1958. Bd. III. S. 543–546; *Steensberg A.* Kvægavl // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 582–587.

И в дальнейшем, в позднее Средневековье и Новое время, подобные знаки в Дании употребляли собственники, принадлежавшие к различным общественным слоям, в том числе к сословию бондов[8].

Но на предметах вооружения и одежде, как это имело место с гербами, "знаки собственников" никогда не помещались, а потому их никак нельзя рассматривать в качестве гербов. Стало быть, то умозрение, которое породило и в дальнейшем побуждало использовать "знаки собственников" не имело отношения к умозрению, вызвавшему к жизни гербы.

К эпохе викингов восходил также обычай представлять на щитах картины из жизни героев, причем одновременно эти изображения сопровождались описаниями в песнях скальдов, называвшихся "щитовыми драпами". Если верить "Драпе о Рагнаре", в IX в. датский конунг Рагнар Кожаные Штаны подарил такой щит ее сочинителю, скальду Браги Старому[9]. Но "щитовым драпам" никогда не придавалось значения личных эмблем.

С большим доверием следует отнестись к сообщениям письменных источников эпохи викингов и более позднего времени о присутствии на знаменах норманнов и данов изображения ворона[10].

Так, в Англосаксонской хронике под 878 г. рассказывается о захвате англосаксами знамени, которое сами норманны называли "ворон" (*Hraefn*). По сообщению составителя "Анналов Сент-Ниотс ("Annals of St. Neots"), английского памятника начала XII в., в котором также говорится об этом событии, знамя с вороном (*Reafan*) было выткано сестрами норманских вождей[11].

Тот же знак присутствовал на знамени датчан в начале XI столетия, о чем сообщается в "Восхвалении королевы Эммы" ("Деяниях короля Кнута"), написанном около середины XI в. неизвестным монахом из фламандского монастыря Сен-Бертен. В этом сочинении, на основе, вероятно, каких-то датских источников, рассказывается, что войско Кнута Великого под предводительством Торкиля в битве с англосаксами у Ашингтона (лат. Aescenedunum) (1016 г.) одержало победу под знаменем, представлявшем собой белое шелковое полотнище с изображением ворона (*coruus*)[12].

Но являлся ли ворон, изображавшийся на знаменах норманнов, и в частности датчан, личной или родовой эмблемой их предводителей?

Рассказывая об этом знамени, составитель "Деяний короля Кнута" утверждает, что изображенный на нем ворон мог чудесным образом преображаться с тем, чтобы предсказать исход битвы: если он взмахивал крыльями, раскрывал клюв, шевелил лапами, то это был верный знак победы, но если он съеживался, тогда следовало ожидать поражения. Мы не знаем, каким предстал ворон во время сражения в 878 г., но в битве при Ашингтоне он принял устрашающий вид, предвещавший датчанам победу, о чем не преми

---

[8] В Средние века и Новое время бондом в Скандинавских странах называли собственника земельных угодий, обремененного государственными податями и повинностями.

[9] *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 430–431.

[10] См.: *Lukman N.* The Raven Banner and the Changing Ravens: A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance // Classica et mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'historie. Copenhague, 1958. Bd. XIX. P. 133–151.

[11] Ibid. P. 140–141; Encomium Emmae Reginae / Ed. by A. Campbell. L., 1949. Appendix V. P. 96.

[12] Encomium. Lib. II, 9.

нул сообщить своим воинам, ведя их в бой, Торкиль: "Да будем сражаться мужественно, товарищи, ибо ничто нам не угрожает: об этом даже свидетельствует подвижный ворон на пророчествующем знамени"[13].

Рассказы о "пророчествующем знамени", несущем изображение ворона, впоследствии нашли отражение в исландских сагах XIII в., в частности в "Саге о Ньяле" и "Саге об Оркнейцах" В последнем случае оно предстает в качестве боевого стяга оркнейского ярла Сигурда Хлодвессона (ум. 1014) и называется "знаком ворона" (*Hrafnsmerki*)[14].

Таким образом, из приведенных свидетельств о знамени с вороном можно заключить следующее. Во-первых, у норманнов в продолжение довольно длительного времени, которое в исторической литературе принято называть эпохой викингов, существовал обычай помещать на знаменах образ ворона. Во-вторых, этот знак на своих знаменах изображали различные скандинавские вожди и правители. Вследствие этого можно сделать вывод, что ворон не считался знаком какого-либо отдельного лица или рода. Если же мы вспомним о том "мистическом" отношении, которое к знаменному ворону испытывали норманнские воины, то должны будем признать, что употребление этого знака обусловливалось религиозным миросозерцанием норманнов, до начала XI в. остававшихся в большинстве своем язычниками.

Косвенный намек на то, что датчане в IX в. сражались под знаменем с изображением ворона как именно языческого знака, содержится в поэтическом панегирике королю Людовику Немецкому, написанном около 850 г. ирландским монахом Седулием Скотом (Sedulius Scotus). Этот писатель, рассказывая о крещении некоторых датских воинов, явившихся в качестве послов к франкскому королю, называет язычников "воронами", с обращением в веру Христову становящимися "голубями" (*ex corvis esse columbas*)[15]. Для христианского писателя средневековой эпохи слова обозначали конкретные образы, которые наделялись символическим значением. Поэтому назвать датских язычников "воронами" Седулий мог как раз под впечатлением от образа ворона, изображавшегося на знаменах норманнов.

Что же касается причины, почему именно ворон приобрел у скандинавских народов значение религиозной воинской эмблемы, то ее, вероятно, следует искать в том обстоятельстве, что ворон считался знаком О́дина – языческого германского бога войны и мудрости. В самом деле, в старинных германских сказаниях О́дин иногда представлялся "вороньим богом" (*Hrafnáss*), по-видимому, на том основании, что по народным поверьям, бытовавшим еще в XIII в., прибегал к советам двух мудрых воронов, называвшихся Хугин и Мунин[16].

Языческий знак, впрочем, мог стать гербом, но только в том случае, если он превратился бы в эмблему конкретного лица. И самым ярким примером превращения языческого знака в герб служит орел древней Римской республики-империи (изначально символа верховного божества римлян – Юпитера),

[13] «"Pugnemus", inquit, "uiriliter, sotii, nihil enim nobis erit periculi: hoc denique testatur instabilis coruus presagientis uexilli"» (Ibid.).

[14] Ibid. Appendix V. P. 96–97.

[15] *Lukman N.* Op. cit. P. 136.

[16] Encomium. Appendix V. P. 97.

который, после многих столетий забвения по причине отвержения его христианами в начале Средневековья, около 1200 г., в новых культурно-исторических обстоятельствах, был востребован на роль знака христианского римского императора. Но что касается германского языческого знака "ворона" то с ним такого превращения не произошло. После принятия христианства скандинавскими правителями он был предан забвению, о чем свидетельствует его отсутствие на предметах, принадлежавших христианским государям Дании, Норвегии и Швеции XI–XIII вв.

Итак, в эпоху викингов и, скорее всего, в более раннее время у северных германцев не существовало личных эмблем, не связанных с хозяйственной деятельностью, также, как не было подобных эмблем и у других народов Западной Европы в период раннего Средневековья. Поэтому можно утверждать, что между древнегреческой эпохой, которая, вероятно, может характеризоваться использованием личных и родовых знаков, и XII столетием имел место длительный период, когда у западноевропейских народов отсутствовал обычай употребления эмблем в качестве отличительных знаков конкретных лиц или родов. В свою очередь этот вывод позволяет заключить, что то культурно-общественное явление, которое вошло в обыкновение по-русски называть гербом, с фактической очевидностью обнаружившее себя на западноевропейской почве в XII в., было явлением новым, а, следовательно, своим возникновением оно было обязано только духовности высокого Средневековья, и прежде всего XII столетия. Стало быть, особенности умозрения именно этого столетия, запечатлевшегося в памятниках искусства и отразившегося в общественных понятиях, должны стать предметом нашего дальнейшего рассмотрения.

Миросозерцание людей Западной Европы, каким оно, по обыкновению, обнаруживало себя в высокое Средневековье[17], утверждая свои идеалы в христианском вероучении, исходило из единства мира низшего, земного, и мира вышнего, небесного, упорядоченных через отношение к Богу или посредством связи идеальной, на началах иерархии состояний (чинов). Иерархия земная представлялась образно-символическим отражением и подобием иерархии горней, и, в свою очередь, каждый чин обеих иерархий мыслился порождением не выводимого не из какого другого источника Творца, в Котором только и находил свое конечное объяснение смысл всего, земного и небесного, миропорядка. Но, находя мир явлений в производном, зависимом и, следовательно, подчиненном положении по отношению к миру умопостигаемых, идеальных понятий, или сущностей, человек высокого Средневековья представлял себе эти сверхчувственные понятия через земные типические образы, наделенные чувственными физическими свойствами. Конкретное воспринималось как частное проявление и подобие идеальной "вещи" как предметное обнаружение типического, универсального, которое находило оправдание в Боге. Другими словами, хотя за универсалиями чаще всего и признавалось подлинное существование, но раскрывали себя они в одно

[17] О духовных переживаниях западноевропейского человека высокого Средневековья см. *Эйкен Г.* История и система средневекового миросозерцания. СПб., 1907; *Бицилли П.М.* Элементы средневековой культуры. СПб., 1995 (1-е изд.: Одесса, 1919); *Ле Гофф Ж.* С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентации на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей: Человек в истории, 1991. М., 1991. С. 25–47.

родных конкретных явлениях[18]. Самая степень совершенства конкретного образа определялась в зависимости от того, насколько он по своим качествам приближался к представлениям о качествах его идеального прообраза. Такая связь образа и прообраза, символа и символизируемого свидетельствовала об объективировании духовных вещей в вещах чувственных. Последним обстоятельством, в свою очередь, объяснялась склонность человека высокого Средневековья воспринимать и осознавать земные явления как символические знаки их Творца.

В раннее Средневековье идеал христианской жизни основывался на противопоставлении земного и небесного мира и призывал не тосковать по чувственным вещам. Отсюда вытекали те этические и зависимые от них эстетические воззрения, которые руководили создателями произведений изобразительного и словесного искусства еще в начале высокого Средневековья. Отстаивая религиозно-аскетический идеал, эти воззрения учили внешне не обнаруживать суетные душевные страсти, больше смотреть очами духовными, нежели телесными, в искусстве побуждали к созданию типических образов, лишенных индивидуально-телесных черт. По свидетельству памятников романского искусства, расцвет которого пришелся на XI–XII вв., это достигалось посредством устранения всего того телесно-чувственного в зрительном образе, что отвлекало от постижения через этот образ сверхчувственного идеала – Творца всего видимого и невидимого. Но в XII в. духовная жизнь Западной Европы протекала уже под знаком умаления созерцательного начала, сближения мира земного с миром небесным, что обусловливалось новым религиозным настроением. Христа стали воспринимать больше не грозным Царем Небесным, а страдающим Искупителем грехов человеческих, что усиливало тягу к подражанию земной жизни Спасителя, Его крестным страстям.

На почве этого религиозного миросозерцания внимание человека все больше сосредотачивалось на природном, чувственном мире, на его конкретных явлениях, что сказалось, в частности, на характере богословско-философской мысли, в XII в. обнаружившей большой интерес к проблеме соотношения универсалий с конкретными вещами, и субъективные впечатления, которые при этом возникали, стали искать формального выражения. В то же время не исчезла тоска по представлению "невидимого через видимое", умопостигаемого горне через словесную и зрительную образность. Однако на смену отвлеченно-духовным образам романского искусства, в которых находил отражение религиозно-аскетический идеал предшествующей эпохи, приходили образы, представавшие с индивидуально одухотворенными свойствами. Тоска по их созданию развивалась из субъективного религиозно-символического ви́дения природных явлений, проистекала из возникшего стремления наглядно, через чувственные формы запечатлеть душевные переживания личности по небесному идеалу, который по-прежнему выставлялся исходной точкой в воззрениях на миропорядок. Вначале такие образы характеризовались больше отвлеченными чертами, но с развитием из новой духовности готического искусства в конце XII и первой половине XIII в. ин-

—

[18] В западноевропейской философии XII–XIII вв. это господствовавшее в ту эпоху воззрение нашло отражение в учении приверженцев "умеренного реализма" (см.: *Эйкен Г.* Указ. соч. С. 533, 539).

дивидуальные чувственные и даже натуралистические свойства в них начали проступать все отчетливее. При этом сохранявшаяся формальная типизация художественных образов в готическом искусстве обусловливалась идеализацией не телесного, а сверхчувственного. Другими словами, типическая объективация духовных индивидуальностей покоилась на их общей умопостигаемой сущности[19].

Вместе с тем для религиозно-символического умозрения, погруженного в создание и толкование знаков и образов понятий горнего мира, все больше тяготевшего к отражению в изобразительном и словесном искусстве чувственных вещей как творений Божьих, открывался простор для творческой фантазии на темы земной жизни в ее индивидуальном обнаружении, но с типическими идеалами. Об этом свидетельствовали и новые явления в искусстве высокого Средневековья: "изящная" словесность, обнаруживавшая интерес к светским темам и конкретной предметности в ее типической обусловленности[20]; готическая художественность, развивавшая духовно-индивидуальную образность в связи с соборностью[21]; музыкальное многоголосие (полифония), характеризовавшееся самостоятельностью отдельных голосов и их гармоническом единстве и чувственной выразительностью, "естественной приятностью"[22]. Самое творчество, исходившее из идеальных понятий, с середины XII в. получает все большую личную окраску и стремится представить себя через конкретные имена.

Религиозное оправдание чувственной предметности, использование красоты земных вещей во славу Божию создавало основу для художественно-тематического обогащения словесности, изобразительности и музыкальности, роста красочно-предметного элемента, его индивидуально-типической выразительности в западноевропейском культурно-историческом мире. Таким образом, с XII в. получило развитие искусство, в котором обнаруживалось диалектическое противоречие между типической образностью как символом понятия-вещи Небесного Града и ее конкретными чувственными проявлениями, обусловленными все более утверждавшимся субъективным видением земной предметности. Из этого противоречия в высокое и позднее Средневековье, с усилением светских настроений, начала развиваться самостоятельность и самодостаточность от природы и религии художественного творчества, самой "художественной концепции"[23].

Стало быть, можно отметить, что в XII в. на западноевропейской почве происходил рост субъективного душевно-религиозного переживания, разви

---

[19] О характере эстетики высокого Средневековья см.: *Дворжак М.* Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи // Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001. С. 53–175; *Панофский Э.* Аббат Сюжер из Сен-Дени // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства: Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 131–172; *Он же.* Перспектива как "смволическая форма". Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004. С. 213–325; *Эко У.* Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб., 2003.

[20] О литературе высокого Средневековья см.: *Зюмтор П.* Опыт построения средневековой поэтики. М., 2003.

[21] *Дворжак М.* Идеализм... С. 118.

[22] *Шестаков В.П.* От этоса к аффекту: История музыкальной эстетики от античности до XVIII века. М., 1975. С. 124–125.

[23] *Дворжак М.* Идеализм... С. 148.

Илл. 40. Большой камень из Еллинге, вторая половина X в.

валась духовная индивидуальность, искавшая чувственного выражения через конкретные явления, но в типических словесных, изобразительных и звуковых формах, число которых постоянно умножалось. Создавался зрительный мир чувственно-художественных символов, бывших плодом противоречивого религиозно-мирского соборно-индивидуального умозрения.

С этим пониманием характера перемен, которые обнаружились в западноевропейском миросозерцании XII в., обратимся к памятникам искусства, запечатлевшим духовные переживания датчан эпохи высокого Средневековья в отношении знаков и эмблем. И здесь нельзя не начать с того, чтобы не отметить в качестве главного фактора, определявшего эти переживания, распространение христианского вероучения среди датчан.

Начало проповеди Евангелия в Дании относится к первой половине IX в., но только с конца X в. христианство прочно утверждается на датской почве. Именно этим временем датирован один из древнейших памятников датского христианского искусства. Речь идет о большом поминальном камне из Еллинге (Ютландия), который около 985 г. воздвигнул король Харальд I в честь своих родителей, короля Горма и королевы Тюры. На одной из трех сторон этого памятника находится изображение распятого Христа на фоне змеевидной ленты, на другой стороне – фигура животного, вероятно, стилизованного льва, вступившего в единоборство со змием (илл. 40). На камне также выбит рунический текст, который завершается словами: “Харальд, который владел всей Данией и Норвегией и датчан сделал христианами”[24]. Судя по присутствию на камне из Еллинге образа распятого Христа, в композиции "лев, борющийся со змием", вероятно, нашло отражение христианское настроение короля Харальда. Лев и змий в данном случае могли являться христианскими символами с противоположным религиозно-нравственным значением: через образ льва передавалось положительное духовное качество, через образ змия – отрицательное. Более того, лев мог здесь выступать символом Христа, в согласии с древней христианской традицией[25].

Со своим положительным значением, а также в качестве олицетворения зла в соответствии с его различным религиозно-этическим истолкованием христианской традицией образ льва представал и в христианском искусстве Дании XII – первой половины XIII в., а именно в период господства романского стиля. От этого времени сохранились рельефные изображения львов на внешних стенах храмов и на купелях. XII столетием датируются некоторые предметы церковного и светского обихода, выполненные в виде львиных фигур[26]. В XII столетии в датских церквах получили распространение фресковые изображения Спаса Вседержителя в окружении символов четырех евангелистов: орла (Иоанн), льва (Марк), тельца (Лука) и ангела (Матфей)[27]. В Вайльбюской (Vejlby) церкви евангелист Марк изображен рядом с крылатым львом, который держит ленту с надписью “leo” (лев)[28].

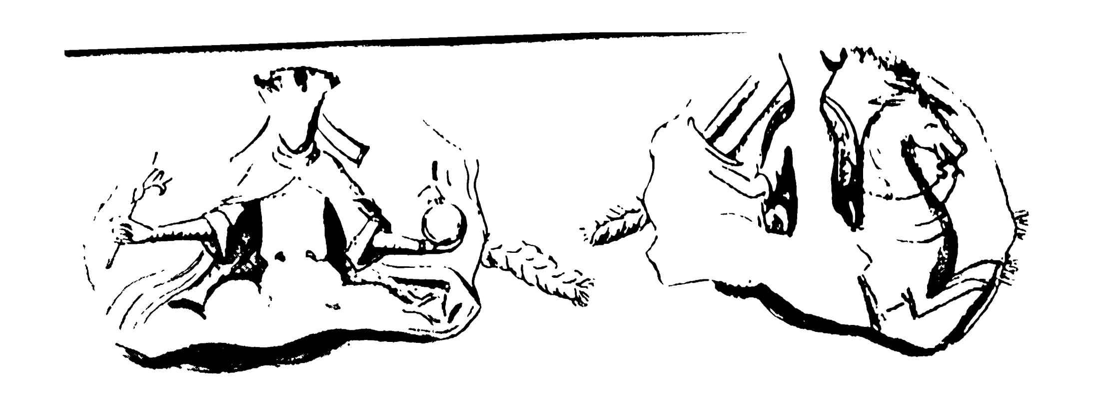
[24] См.: *Клиндт-Енсен О.* Рунические камни – зеркало социальных отношений // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 129–130, 140–141.

[25] *Уваров С.С.* Христианская символика. М.: СПб., 2001. Ч. I: Символика древнехристианского периода. С. 243–244; *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 51.

[26] *Lassen E.* Fra runesten til altertavle ca. 900–1500. Kbh., 1972. S. 46–89 (DKH. Bd. 1).

[27] *Kaspersen S.* Majestas Domini og den himmelske lovsang: Vä kirke 1121–30 // Danske kalkmalerier. Romansk tid, 1080–1175 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1986. S. 98–99.

[28] Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987. S. 43. В XI в., по сообщению “Восхваления королевы Эммы”, образы львов (*leones*), а кроме того, драконов (*dracones*), дельфинов (*delphinos*) и других “чудовищ” (*monstrorum*) помещались также на корме датских кораблей (Encomium. Lib. I. 4. P. 12).

Илл. 41. Печать короля Дании Эрика III, 1140 г.

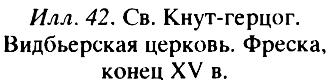
Представление о льве как о художественном образе пришло к северным германцам, вероятно, вместе с христианским вероучением. Конечно, норманны и до обращения в христианство, во время своих военных и торговых путешествий в южные страны, могли видеть живых львов и узнать, что у тамошних народов эти животные считаются самыми сильными и отважными. Но ни среди персонажей, ни как образ для сравнения в скандинавской мифологии лев не упоминается. Это верный знак того, что образ льва с его этическими и эстетическими характеристиками был воспринят скандинавскими народами только вместе с христианским вероучением, а потому и его духовное содержание поначалу должно было определяться христианским мировоззрением. К тому же само слово "лев" (*leo*) северными германцами было заимствовано из языка латинского – богослужебного и литературного языка римско-католической церкви и в целом западноевропейской словесности раннего и высокого Средневековья.

С XI в. христианские символы также определяли характер иконографии датских монет и печатей, следуя западноевропейским образцам. В самом деле, в Западной Европе XI–XII вв. получает широкое распространение (особенно на печатях государей) изображение всадника-рыцаря, обычно скачущего. Тогда же конный рыцарь был представлен на датских монетах, чеканенных в Лунде при королях Свене II Эстридсене (1047–1074) и Эрике II (1134–1137)[29], а также на печати Эрика III Агнца (1137–1146)[30] (илл. 41). Но конный рыцарь был не личным знаком короля Дании, а только образом, в котором выражался тип идеального государя как воина-рыцаря. В этом образе нашел свое отражение духовный идеал эпохи Крестовых походов – воин Христов (*miles Christi*), готовый сражаться, в том числе и на поле брани, во славу Господа, чтобы тем самым обрести спасение. Для христианского государя, в котором с IV в. христиане привыкли видеть внешнего охранителя Церкви, в XI–XII вв. отвечать такому идеалу было нормой.

В XI–XII вв. в иконографии печатей королей Западной Европы получает распространение еще один типический королевский образ, а именно вос-

[29] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. Fig. 31, 40.
[30] DKS. N 4 b.

Илл. 42. Св. Кнут-герцог.
Видбьерская церковь. Фреска,
конец XV в.

Илл. 43. Св. Кнут-герцог
Скивеская церковь. Фреска,
около 1500 г.

сидящий на троне король, увенчанный короной, со скипетром в одной руке, с державой – в другой. Этот художественный образ обнаруживается на печатях датских королей Кнута IV (1080–1086), Эрика Агнца и Кнута VI[11]. Средневековое христианское миросозерцание, воспринимавшее земные явления в качестве символов сверхчувственных "вещей" мира горнего, усматривало в царе (короле) земном образ Царя Небесного. Отсюда то сходство, которое обнаруживается у тронного образа короля с тронным изображением Спасителя в композиции Христос во славе, или Спас Вседержитель, широко представленной в романском искусстве, в том числе в стенных росписях датских церквей XII столетия.

По данным саг XII–XIII вв., на щите короля Норвегии св. Олафа (1016–1030) в пору его борьбы с норвежскими язычниками изображался крест. И произведения искусства высокого и позднего Средневековья, по обыкновению, представляли св. Олафа с предметами, в том числе щитом, обозначенными крестом. Как исповедники веры Христовой датские святые Кнут-король (Кнут IV), убитый в 1086 г., и Кнут-герцог (Кнут Лавард), стяжавший венец мученика в 1131 г., также являлись в средневековой иконогра

[11] Ibid. N 1 a, 4 a, 5 a.

Илл. 44. Монета Вальдемара I, 1157–1181 гг.

лесме, в церкви Рождества Христова от середины XII в. сохранилась фреска, представляющая короля датчан (*rex danorum*) св. Кнута со щитом, в который заключено изображение креста. Образ св. Кнута-герцога с крестовым знаменем представлен, например, на фресках конца XV в. в датских церквах[33] (илл. 42–43). Но еще раньше, с конца царствования Свена I Вилобородого (986–1014)[34], сына "крестителя датчан" короля Харальда Гормсена, вошло в обыкновение, под влиянием иконографии англосаксонских монет, изображать знак креста на монетах датских королей. В XI–XIII вв. монеты с этим знаком чеканились, по крайней мере, при Кнуте II (1018–1035), Магнусе Добром (1042–1047), Свене II (1047–1074), Харальде III (1074–1080), Кнуте IV (1080–1086), Эрике III (1137–1146), Вальдемаре II (1202–1241), Абеле (1250–1252), Кристофере I (1252–1259) и Эрике V (1259–1286)[35].

В иконографии монет датских королей XI в. кресты представлены также на щитах воинов. На монете Свена II щит с четырьмя точками, образующими крест, держит конный воин[36], вероятно, являющий собой образ короля. Та же композиция из четырех точек обнаруживается на щите короля, который изображен на монете, чеканенной в ютландском городе Виборге при Кнуте IV[37]. Кроме того, на монете, датируемой временем правления Вальдемара I (1157–1181), изображено знамя с крестом[38] (илл. 44). На печатях Кнута IV, Эрика III и Кнута VI, а затем и других датских королей крест предстает на символе королевского звания – державе. Его видим также на короне короля, изображенного на печати Кнута IV (илл. 4), и вообще, как правило, этот знак присутствовал на датских средневековых печатях между словами легенды, обычно в самом верху. В те же столетия крест обнаруживал себя среди знаков других произведений датского христианского искусства – живописи и пластики. Из всего этого можно заключить, что в XI–XII вв. и в более позднее время датские короли, как и другие христианские государи, а также вообще христиане, использовали знак креста в качестве типического христианского символа, чем свидетельствовали свою приверженность вере Христовой.

---

[32] См.: *Fenger O.* "Kirker rejses alle vegne" 1050–1250. Kbh., 1989. S. 97 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 4). О крестовом знамени св. Кнута-герцога также см.: Ч. I, гл. II.

[33] *Steenstrup J.C.H.R.* Oltiden og den ældre Middelalder. Khb., 1901. S. 536–537. (DRH. Bd. I).

[34] *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 18.

[35] Ibid. Fig. 19, 22, 23, 26, 27, 30–36, 41, 53, 56–58.

[36] Ibid. Fig. 31.

[37] Ibid. Fig. 36.

[38] Ibid. Fig. 49.

То же следует сказать о других христианских символах, представленных на монетах датских королей XI–XII вв. На монете, чеканенной в Лунде при Кнуте Великом[39], с одной стороны изображен символ Христа Агнец Божий, что подтверждается присутствующей здесь надписью ANGNVS DEI, с другой стороны находится символ Святого Духа – голубь со славой вокруг головы (илл. 45). Агнец Божий помещен также на монетах Хардекнута (1035–1042)[40], Эрика I (1086–1103)[41], Вальдемара I (1157–1182)[42] и на печати шведского короля Кнута Эрикссона (1167–1199)[43]. Кроме того, этот символ Христа представлен в иконографии стенных росписей датских церквей романской эпохи[44].

Илл. 45. Монета Кнута Великого. 1018–1035 гг.

Из сказанного, таким образом, явствует, что христианская символика утверждалась в датском искусстве конца X – XII в. взамен языческой символики, к которой принадлежал, например, образ ворона, представавший на знаменах норманнских язычников. При этом новые символы являлись на монетах и печатях королей Дании в качестве типических христианских знаков, посредством которых выражалось христианское миросозерцание датских государей. Стало быть, до конца XII в. указанные памятники еще не заключали знаков, которые можно было бы охарактеризовать как личные знаки короля Дании, а не короля и христианина вообще.

Переход к новой религиозной символике, несомненно, стал одним из знаковых проявлений общего духовного переворота, произошедшего у датчан и других северных германцев в XI–XII столетиях, на что, в частности, указывают перемены в характере их словесности. Речь идет не только о распространении латинской книжности, отражавшей преимущественно христианское миросозерцание писателей, но также о произведениях литературы, написанных на скандинавских языках, в том числе на основе устной традиции, уходившей корнями в дохристианское время. Так, скальдическая поэзия, зародившаяся в языческую эпоху, в XI–XII вв. наполнилась христианскими образами и условными понятиями (кеннингами), и, напротив, имена героев языческой мифологии из нее почти исчезли[45]. Те же хрис

[39] Ibid. Fig. 20.
[40] Ibid. Fig. 25.
[41] *Steenstrup J.C.H.R.* Op. cit. S. 497.
[42] *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 47.
[43] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. Stokcholm, 1936. D. I. Fig. 10–11.
[44] *Haastrup U.* Danske kalkmalerier 1080–1175 // Danske kalkmalerier: Romansk tid. S. 48; *Franck B.* Ecclesia og Synagoga: Spentrup kirke o. 1200 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 110–111.
[45] Отметим также, что интерес к языческой словесности и мифологии в Скандинавии, прежде всего в Исландии, возобновившийся в XIII в. на почве собирания сведений об отеческой старине, не имел под собой желания возвратиться к религиозным верованиям германского язычества (*Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Указ. соч. С. 40–41, 609–674).

тианские настроения обнаруживаются и в памятниках права скандинавских народов, в XII XIII вв. запечатлевших на письме многие древнегерманские обычаи.

От середины XII – начала XIII в. сохранились письменные свидетельства, из которых видно, что европейские государи могли наделяться прозвищами "льва" и "агнца" Например, герцог Саксонии и Баварии Генрих (ум. 1195) представлялся на своих монетах как "HEINRICUS LEO DUX"[46]. По сообщению датского историка Свена Аггесена (ок. 1185 г.), "вследствие характера медоточивой сладости" или, в другой редакции, "за приятнейший нрав" "Агнцем" называли короля Дании Эрика III (1137–1146)[47].

В то же время короли и князья могли сравниваться со львом и агнцем. Король Норвегии Сверре (1184–1202) назывался "король великий, свирепый как лев, кроткий как агнец" (*sverus rex magnus, ferus ut leo, mitis ut agnus*)[48]. Датский герцог Кнут Лавард (ум. 1131) после причисления к лику святых в 1170 г. прославлялся как "судья справедливый, для злых лев, для кротких агнец" (*Dux, iudex iustus, sevis leo, mitibus agnus*)[49].

Очевидно, что при характеристике упомянутых правителей имена животных использовались в качестве знаков вполне определенных нравственных качеств, которыми наделялся идеальный христианский король или князь. Но лев и агнец в христианской традиции символизировали Христа, при этом государь народа являл собой образ Царя Небесного, следовательно, в сравнениях правителя со львом и агнцем, как можно догадываться, земной владыка уподоблялся Владыке мира горнего. Иными словами, в упомянутых сравнениях лев представал олицетворением Божией силы (и, стало быть, символом Христа), карающей злодеев через государя, который при других обстоятельствах мог быть к своим подданным милостив, подобно агнцу – другому символу Христа.

Но если в словесности XII–XIII вв. государь народа уподоблялся льву как носитель нравственных качеств, которые олицетворял лев – символ царственного величия Христа, то нечего удивляться тому, что в XII в. образ льва стал изображаться также на монетах и печатях королей и князей. В Средние века, по обыкновению, слово-понятие мыслилось предметно, через чувственный образ, вследствие чего самое словесное уподобление государя льву служило духовной почвой для изображения образа льва на вещах, принадлежавших носителю королевских или княжеских прав. Требовалось только желание сделать такое изображение, что, в свою очередь, не могло не обусловливаться характером миросозерцания эпохи. И такое миросозерцание себя обнаружило, несомненно, в XII в., о чем свидетельствует тот факт, что

---

[46] *Gönner E.* Das Wappen des Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zietschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang XXVI. 1967. Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahres. Stuttgart, 1967. S. 29.

[47] "...ob melliflue dulcedinis habitudinem Agnum cognominabant", "ob suauissimos mores Agnum cognominabant" (Svenonis Aggonis filii... Brevis historia regvm Dacie // SMHD. 1917. Vol. I, cap. XVI. P. 136–137).

[48] *Fjordholm O.* Om opphavet til det norske løvevåpen: En historiografisk framstilling // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 31.

[49] Vita altera Kanuti ducis. In passione Sancti Kanuti. Ad vesperas // Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, 1892. T. XXIX. P. 11.

в это и затем в последующее столетие образ льва как знак королей и князей различных земель христианского мира получил широкое распространение[50].

Вывод о льве как первоначально типическом знаке христианского государя находит подтверждение в том обстоятельстве, что на печатях представителей различных княжеских династий XII в. поначалу лев обычно не обнаруживал характерных различий, которые могли бы свидетельствовать о его значении личного или родового знака. Замечательно также и то, что прямые потомки некоторых князей, живших в XII в. и выбиравших своим знаком льва или львов, позже носили гербы, заключавшие в себе другое, большее или меньшее, число львов. При этом гербы с образом льва различались цветами и порой дополнительными знаками. Возникавшие таким путем личные эмблемы затем приобретали устойчивый характер, переходя по наследству, – становились наследственными и родовыми гербами.

Так, одного льва обнаруживаем на щите конного рыцаря, изображенного на печатях представителей немецкого княжеского рода Вельфов, а именно герцога Сполето Вельфа VI (1152 г.) и герцога Саксонии и Баварии Генриха Льва (1154 г.). На печати Генриха Льва, употреблявшейся в 1191 г.[51], отсутствует образ рыцаря и лев представлен без щита. Но на печатях (1201, 1213 гг.)[52] одного из сыновей Генриха Льва, герцога Саксонского и пфальцграфа Рейнского Генриха (ум. 1227), скачущий рыцарь держит щит с изображениями двух львов. В то же время младший брат Генриха, Вильгельм Люнебургский (ум. 1213), использовал печати (1200, 1205 гг.)[53] с образом одного льва (без щита). Средний же сын Генриха Льва, император Оттон Брауншвейгский (ум. 1218), по крайней мере, с 1208 г. носил щит с орлом (символом Священной Римской империи) и с тремя львами (вероятно, знаками герцога Швабского). Из трех братьев только Вильгельм имел мужских потомков, которые как герцоги Брауншвейгские и Люнебургские носили гербы с двумя или с одним львом[54].

На печатях двух братьев из рода Штауфенов, герцогов Швабских Фридриха V (1167–1191) и Конрада II (1191–1196), щит скачущего рыцаря заключает одного восстающего льва[55]. Но на печати их младшего брата, герцога Швабии Филиппа (1196–1208), с 1198 г. короля Римского, на щите конного рыцаря представлены три льва[56]. Именно эта эмблема после смерти Филиппа стала гербом правителей Швабии Оттона Брауншвейгского (1208–1212) и Генриха (1216–1220)[57], сына императора Фридриха II Штауфена и внучатого племянника герцога и короля Филиппа.

---

[50] *Pastoureau M.* Treité d'héraldique. 2 ed. P., 1993. P. 256. Эмблема льва в XII–XIV вв. воспринималась в качестве типического символа власти государя-воина, вероятно, у христиан Европы, не только Западной, но и Восточной, в том числе у русских князей (*Лаппо-Данилевский А.* Печати галичско-владимирских князей и их современников // Болеслав Юрий II, князь Малой Руси. СПб., 1907. С. 211–308; *Некрасов А.И.* О гербе суздальских князей // Сб. ст. в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 406–409; *Вагнер Г.К.* Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: г. Юрьев-Польской. М., 1964).

[51] Die Siegel des herzoglichen Hauses Braunschweig und Lüneburg / Hrsg. von G.v. Schmidt Phiseldeck (далее: *Schmidt-Phiseldeck G.v.* Op. cit.). Wolfenbüttel, 1882. I. 2 (1154 г.), 5 (1191 г.)

[52] Ibid. II. 2 (1201 г.), 3 (1213 г.).

[53] Ibid. VI. 1 (1200 г.), 2 (1205 г.).

[54] См. с. 344.

[55] *Gönner E.* Op. cit. S. 20.

[56] Ibid. S. 21.

[57] Ibid. S. 21.

Граф Анжуйский Жоффруа IV (ум. 1151) из рода Плантагенетов в 1128 г., по описанию второй половины XII в., при возведении в рыцарское достоинство получил щит с двумя львами. Однако на его надгробии, созданном во второй половине XII в., изображен щит с шестью львами. Внук Жоффруа, герцог Аквитанский и Нормандский и граф Анжуйский, а затем и король Англии Ричард I, употреблял печати, на которых конный рыцарь предстает держащим щит, в первом случае, с одним львом (1189 г.), во втором случае, с тремя львами (1195 г.). В то же время брат Ричарда Иоанн, "господин Ирландии" (*dominus Hiberniae*), использовал печать с изображением двух львов. После же смерти Ричарда (1199 г.) Иоанн, став королем Англии, начал употреблять новую печать, на которой представлен щит с тремя львами. Эта эмблема с тех пор являлась гербом английских королей. Но другие потомки Жоффруа во второй половине XII и первой четверти XIII в. носили щиты с одним и шестью львами[58]. Кроме того, образ графа Жоффруа на его надгробии изображен со щитом, окрашенным в синий цвет, а его потомки короли Англии представлялись с эмблемой "три золотых льва в красном поле"

Время, когда образ льва стал изображаться на предметах, принадлежавших скандинавским королям и правителям, точно неизвестно. В саге о короле Норвегии Магнусе III Голоногом (1093–1103) из собрания саг о норвежских королях, известного под названием "Круг Земной", рассказывается, что перед битвой с ирландцами в 1103 г. этот король имел "красный щит со львом, выложенным золотом"; кроме того, "сверху рубашки на нем был красный плащ из шелка, и на нем спереди и сзади золотым шелком был выткан лев"[59]. Но "Круг Земной" – литературный памятник первой половины XIII столетия. Поэтому его создатель, исландский писатель Снорри Стурлусон, мог представить короля Магнуса III со щитом и в плаще короля Норвегии Хокона IV (1217–1263), своего современника. На печати короля Хокона, употреблявшейся в 1236 г., конный рыцарь действительно держит щит со львом[60]. Это самое раннее доподлинное свидетельство того, что норвежский король имел своим знаком льва. По данным изобразительных источников второй половины XIII в., лев на щите короля Норвегии представал окрашенным в золотой цвет на красном фоне. Но нельзя исключать, что лев являлся знаком короля Норвегии и раньше, уже при короле Сверре (1184–1202), деде Хокона IV, как можно заключить из приведенного выше свидетельства об уподоблении этого короля льву. Кроме того, временем Сверре или его ближайших преемников, правивших до 1217 г., возможно, датируются норвежские монеты с образом льва.

К концу XII и началу XIII в. восходят и первые свидетельства о льве как знаке правителей Швеции, ярлов и королей. Лев обнаруживается на щите рыцаря, изображенного на печати ярла Биргера Броса: второго лица в Шведском королевстве. Два льва (без щита) представлены на печати короля Эрика X

[58] *Humphery-Smith C.* Hvorfor tre leoparder? // Herald. Tidsskr. 1982. N 46. S. 261–264.

[59] "Hafði Magnús konungr hjálm á höfði ok rauðan skjöld ok lagt á með gulli léo... Hann hafði silkihjúp rauðan yfir skyrtu ok skorit fyrir ok á bak léo með gulu silki": *Snorri Sturluson.* Heimskringla. Reykjavik, 1944. S. 646 (Рус. пер. М.И. Стеблин-Каменского см.: *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980. С. 479).

[60] *Fjordholm O.* Op. cit. S. 31–35; *Trætteberg H.* Riksväpen og kongeväpen. Norge // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 284–286.

Кнутссона (1210–1216)[61]. Позднее, в XIII–XIV вв., короли Швеции носили гербы с тремя и одним львом.

В иконографии сохранившихся печатей двух королей Дании, правивших до середины XII в., Кнута IV (1080–1086) и Эрика III (1137–1146), образ льва отсутствует[62]. Не обнаруживается он также на датских монетах XI–XII вв. И только на печати короля Кнута VI (ок. 1194 г.) представлен щит с тремя львами. Из последнего факта, однако, еще не следует, что образ льва стал знаком короля Дании только в конце XII в., при Кнуте VI. Нельзя исключать, что лев мог быть представлен в иконографии несохранившейся печати короля Вальдемара I (1157–1181), царствовавшего именно в то время, когда у западноевропейских государей стал утверждаться обычай изображать на печатях образ льва. Подтверждением того, что в Дании, во всяком случае, в 1180-е годы образ льва мог помещаться на печатях лиц королевского и княжеского происхождения, служит изображение идущего льва на печати датского вельможи Кнута Прицлавсена (ум. ок. 1188). На этой печати, употреблявшейся в 1183 г., Кнут представлен княжеским сыном[63]. Действительно, он был внуком князя ободритов Никлота и сыном князя Прицлава (Прислава), владетеля рюгенского и мекленбургского. Со стороны матери Кнут приходился правнуком королю Дании Эрику I Доброму, внуком герцогу Шлезвигскому Кнуту Лаварду и племянником Вальдемару I. Бóльшую часть жизни он провел в Дании, где получил от дяди в ленное владение остров Лолланн[64]. Следовательно, Кнут был не только княжеским сыном, но имел статус феодального правителя, знаком чего, по-видимому, и являлся образ льва на его печати. Во всяком случае, это не был родовой герб Кнута Прицлавсена, ибо в гербах его родственников, рюгенских и мекленбургских князей, по данным иконографии их печатей, первые известия о которых восходят к следующему столетию, образ льва отсутствовал.

Кроме того, к 1170–1180-м годам относится фреска в Сённер Нерроскон (Sønder Nærå) церкви, которая содержит изображение щита с восстающим львом[65] (цв. илл. 36). Имелся ли в виду в данном случае знак короля Дании, неизвестно. Но, как бы то ни было, из этого факта также следует, что еще до 1190-х годов у датчан лев мог изображаться на боевом щите.

Сколько, однако, львов первоначально изображалось на предметах, принадлежавших королям Дании, можно только догадываться. Впрочем, в XII столетии Дания являлась частью западноевропейского культурно-исторического мира и ее правители уже мыслили понятиями этого мира. Как следует

---

[61] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. I. Fig. 14.

[62] DKS. N 1a-b, 4 a-b.

[63] "S. Canuti filii principis Prislai». Иконография ныне утерянной печати Кнута Прицлавсена известна по рисунку, сделанному датским историком Корнелиусом Хамефортом (1546–1627) (см.: *Bartholdy N.G.* Valdemarernes løvevåben: Hovedtræk af en teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 29; *Svane E.* I Skjoldet springe Løver: Afledninger af Kongevåbenet. Odense, 1994. S. 25).

[64] Об этом сообщает современник Кнута Прицлавсена, датский историк Саксон Грамматик (*Saxonis* Gesta Danorum / Ed. J. Olrik et A. Ræder. Kbh., 1931. T. I, lib. XIV. P. 490). Биографические сведения о Кнуте см.: *Albrectsen E.* Knud Pritzlavsen // DBL. 1981. Bd. 8. S. 63.

[65] *Prange K.* De ældste heraldiske figurer: Sønder Nærå kirke og Høen kirke 1175–1200 og 1200–25 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 155.

вие, представления датских королей о символических знаках должно было черпаться из духовного источника, который определял характер миросозерцания государей других земель Западной Европы. Поэтому можно предполагать, что первоначально короли Дании представлялись, как это, например, имело место у Штауфенов и Вельфов, с одним львом, символизировавшим общественный статус правителя.

Предположение относительно употребления христианскими королями и князьями XII в. образа льва поначалу преимущественно в качестве типического для государей символа их общественного статуса находит свое оправдание в характере искусства этого столетия, что в свою очередь обусловливалось умозрением того времени. Это умозрение во многом еще обнаруживало отвлеченно-аскетическое отношение к художеству, видело в нем, по обыкновению, вспомогательное средство для создания душевного настроения, которое обращалось бы к постижению понятий горнего мира. Отсюда художественные образы людей и животных, в том числе львов, представали в романском искусстве и поначалу также в искусстве готическом, развивавшемся с середины XII в., с отвлеченно-типическими чертами[66].

Обратим также внимание еще на одно обстоятельство. Выше говорилось, что на королевских и княжеских печатях XI–XII вв., по обыкновению, представлялся конный воин, вооруженный мечем или копьем и непременно щитом, иногда также держащий знамя. И примечательно, что на печатях, относимых к более раннему времени, щит своей лицевой стороной всегда обращен в глубину печати, так что зритель не имеет возможности составить представление о характере изображений, которые на нем могли бы присутствовать. В таком положении щит предстает, например, на печатях английского короля Вильгельма Завоевателя (1069 г.)[67], графа Фландрии Карла Доброго (1119–1122 гг.) (илл. 46), сына датского короля Кнута IV, короля Эрика III Агнца (1140 г.)[68] (илл. 41), герцога Генриха Льва (1146 г.)[69] и короля Швеции Карла VII Сверкерссона (1160-е годы)[70].

Однако уже на некоторых печатях, бывших в употреблении с 50-х годов XII в., и всегда на печатях, датируемых последней третью того же столетия, а также и началом XIII в., конный рыцарь несет щит, обращенный к зрителю своей лицевой стороной, на которой обнаруживается какая-то эмблема. Такие щиты с образом льва находим, например, на печатях герцога Генриха Льва (1154 г.)[71], графа Фландрии Филиппа Эльзасского (1162 г.)[72], герцогов Швабии Фридриха V и Конрада II, шведского ярла Биргера Броса (1180–1202 гг.)[73], английского короля Ричарда (1189–1195) и короля Дании Вальдемара II (1204 г.)[74] (илл. 47).

---

[66] *Дворжак М.* Идеализм... С. 121.

[67] См.: *Bengtsson H.* Den höviska kulturen i Norden: En konsthistorisk undersökning. Stockholm, 1999. S. 121.

[68] DKS. N 2–4b.

[69] *Schmidt-Phiseldeck G. v.* Op. cit. I. 1.

[70] См.: *Bengtsson H.* Op. cit. S. 122.

[71] *Schmidt-Phiseldeck G. v.* Op. cit. I. 2.

[72] См.: Geschiedensis van Vlaanderen. Amsterdam, 1937. D. II. Вклейка после с. 112.

[73] См.: *Bengtsson H.* Op. cit. S. 127.

[74] DKS. N 6.

Илл. 46. Печать графа Фландрии Карла Доброго, 1119 г.

Илл. 47. Печать Вальдемара II, 1204 г.

Объяснение такому изменению в положении щита на королевских и княжеских печатях, вероятно, следует искать именно в том значении, которое щитовой эмблеме стало придаваться в умонастроении западноевропейских правителей. Пока употребление такого рода эмблемы носило более или менее случайный характер, она могла присутствовать или отсутствовать на щите, не воспринималась как знак лица, владевшего этим щитом, не возникало особого желания выставлять ее напоказ на таком публично-правовом объекте, как печать. И лишь с обретением щитовой эмблемой значения отличительного знака общественной индивидуальности последовала и мысль представить ее в иконографии печати.

Увеличение же числа львов до трех на щите датского короля с добавлением знаков сердец, вероятно, следует датировать только концом XII в., когда эмблемы с тремя львами появляются у государей других стран Западной Европы – короля Англии и герцога Швабии. К тому же времени относится становление идеи о наследовании индивидуальных эмблем, о чем свидетельствует дальнейшая судьба личных гербов Ричарда Львиное Сердце и Филиппа Швабского. В начале XIII в. эта идея укоренилась и на датской почве: эмблему Кнута VI вместе с королевским титулом унаследовал его младший брат Вальдемар II (1202–1241).

Сама же мысль, предопределившая указанный переворот в иконографии королевской и княжеской эмблематики Западной Европы, исходила, несомненно, из душевно-духовной потребности личности в самоопределении через внешние знаки, в чем сказалось общее духовное настроение эпохи. Личность короля или князя уже не удовлетворялась только типическими символами ее общественного статуса, теперь она желала представить эти типические символы с отличительными свойствами, которые указывали бы на их конкретного носителя. Возникла тоска представляться не только посредством образа восседающего на троне короля или конного рыцаря, чем выражался тип короля и рыцаря вообще, но и через дополнительные знаки, в том числе цве

товые, которые свидетельствовали бы о короле Дании или Англии, герцоге Швабии или Брауншвейга. Иными словами, с помощью новых и личных знаков происходила конкретизация общественных индивидуальностей (короля и князя), их “просветление” и “прояснение” В результате появлялась личная эмблема, характеризовавшаяся устойчивыми иконографическими свойствами и статусом наследственного знака правителя народа конкретной страны. И такая лично-наследственная эмблема с львиным образом, наделенная индивидуальными качествами, окончательно становится фактом на рубеже XII–XIII вв.

Илл. 48. Печать Готланда, XIV в.

Другие типические христианские символы впоследствии тоже могли получить значение гербовых знаков. Так, еще по крайней мере с XII в. крест посредством различной цветовой окраски представал знаком общественной индивидуальности. Кресты со своими цветами символизировали церковные учреждения, духовно-рыцарские ордена и отряды отдельных государей, участвовавшие в крестовых походах. Белый крест на красном фоне, во всяком случае, с середины XIV в. считался знаком короля Дании, и с конца того же столетия вошло в обыкновение изображать его на королевском щите рядом с гербами земель. Этот знак являлся среди эмблем короля Дании со своим значением и, как и гербы, мог заключаться в отдельный щит. Другой знак, Агнец Божий, например, поначалу изображался на печати общины острова Готланд как религиозный символ (знак Христа) (илл. 48)[75], но в позднее Средневековье стал гербом Готланда, и в таковом качестве во второй половине XVI в. он был включен в число гербов короля Дании[76].

Итак, перемены в воззрениях на знаки и эмблемы на датской и вообще западноевропейской почве, приведшие к появлению гербов, происходили тогда, когда религиозное миросозерцание людей Западной Европы начало обнаруживать тоску по преодолению духовно-отвлеченной образности во имя образности духовно-индивидуальной. Отсюда можно догадываться, что появление гербов как символов отдельных лиц или общественных индивидуальностей было обязано развитию в XII в. именно этого душевно-духовного настроения. Но из этого вывода следует и вывод другой: в XII в. существовали сами общественные единицы, с течением времени все сильнее тосковавшие по духовно-индивидуальной знаковой выразительности. Поэтому понятия, которые предопределяли характер общественного строя XII в., тоже подготавливали появление гербов.

Действительно, высокое Средневековье в странах Западной Европы характеризуется становлением сословно-иерархического строя. При этом са-

---

[75] *Erslev K*. Den senere middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905. S. 333 (DRH. Bd. II).
[76] Подробнее см.: главу V, . 316–317.

моопределение сословий, или сословных (общественных) индивидуальностей, происходило не только на почве различия их прав и обязанностей, мыслившихся как Божии установления, но и на основе их культурного обособления, через знаковые различия, выражавшиеся в образе жизни, воспитании, поведении, употреблении вещей, одежде, воинском снаряжении. Руководящее политическое положение в этом сословном обществе занимали военно-феодальные состояния, которые хотя по своему правовому положению и были упорядочены иерархически, но в культурном отношении к исходу XII в. уже осознавали себя в идеале однородной общностью – чином рыцарей (*ordo militum*). В этой социальной среде королей и их вассалов, господ и их военных слуг, в XII в. сложилась оригинальная придворно-рыцарская, или куртуазная, культура, характеризовавшаяся набором известных правил поведения и условностей. Она представала со своими нравственными и общественными понятиями, обрядами и церемониями, музыкальными и литературными предпочтениями, словесным и изобразительным языком образов и символов и, наконец, предполагала в рыцаре дух личного самоутверждения через деяния и внешние отличительные знаки[77]. Самое выражение *ordo militum* свидетельствовало о том, что чин рыцарей в идеале мыслился как сообщество индивидуальностей, которые, однако, относились друг к другу "по образу и подобию" являлись носителями схожего по своим духовным качествам сословного самосознания. Индивидуальное начало в рыцаре находило свое выражение в его личных отношениях с господином, которому он служил, или с его *homo*, человеком, если рыцарь сам был господином. Но эти личные отношения господина и его человека строились по типическим правилам, утверждались через типические символические действия, однородные по своей сущности. Звание рыцаря имело личный характер, давалось конкретному лицу. Но оно призывало рыцаря следовать типическим добродетелям этого чина. В рыцаре, таким образом, обнаруживалось противоречивое единство общего, типического и конкретного, индивидуального и, в конце концов, личностного. И это противоречие в XII в. стало искать объективированного, знакового выражения, что явилось следствием общего духовного настроения эпохи, отразившегося в различных видах искусства. Например, в музыке новая духовность сказалась в переходе от монодии, хорового пения в унисон, к полифонии, к гармоничному хоровому многоголосию, а в зодчестве – от романского стиля, умалявшего все чувственно-формальное, к стилю готическому, это чувственно-формальное развивавшему. Как в полифоническом звучании все голоса имели самостоятельное значение, но при этом составляли сложное гармоническое единство через их индивидуальное отношение к Богу, так и в готическом соборе отдельные законченные архитектурные формы образовывали единое гармоническое целое на почве идеальных связей – "полифонию в камне" Чин рыцарей и был таким многоголосием отдельных лиц, образовывавшим гармоническое целое – культурно-общественную индивидуальность через идеальные понятия, отливавшиеся в типические образы.

[77] О "чине рыцарей" и рыцарской культуре в Средние века см.: *Keen M.* Chivalry. New Haven, L., 1984 (рус. перевод: *Кин М.* Рыцарство. М., 2000); *Flori J.* Chevaliers et chevalerie au Moyen Age. P., 1998 (рус. пер.: *Флори Ж.* Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006).

При таких духовных обстоятельствах происходило рождение личного рыцарского герба, и в этой эмблеме не могло не обнаружиться противоречие общего и частного, целого образа и его отдельных художественных знаков – индивидуальностей, связанных друг с другом идеальными понятиями. С одной стороны, герб являлся типическим атрибутом рыцаря как представителя *ordo militum*, с другой стороны, своими отличительными знаками он указывал на личность своего носителя.

Итак, можно предполагать, что у правителей и их "людей" личные эмблемы утверждались как элемент куртуазной культуры, в качестве внешних отличительных знаков, характеризовавших конкретных представителей духовно-общественной индивидуальности – *ordo militum*. В самом деле, по данным изобразительных и литературных источников, у государей и их военных слуг обычай носить такие эмблемы, или гербы, стал укореняться именно во второй половине XII в., когда придворно-рыцарская культура уже самоопределилась, притом, что в это самое время у представителей других сословных сообществ, или духовно-общественных индивидуальностей личные эмблемы еще не находили употребления.

Герб, стало быть, зарождался как элемент сословной культуры, возникшей на почве иерархического строя общества и социально-культурного обособления рыцарского чина и при этом в условиях господства религиозно-символического миросозерцания, в котором обнаруживался рост религиозно-духовного субъективизма, искавшего объективированного выражения. При религиозном характере искусства высокого Средневековья герб не мог не быть эмблемой, отражавшей в своих знаках религиозное настроение рыцаря, который к тому же в идеале мыслился воином Христовым, защитником христианской веры, носителем христианских добродетелей. Сам обряд посвящения в рыцари в XII–XIII вв. имел религиозный характер, причем церковное освящение получали различные предметы, определявшие внешние свойства рыцаря, включая оружие[78]. Однако при всем том рыцарь оставался, если только не был членом духовно-рыцарского орденского братства, мирянином, человеком с мирскими заботами и переживаниями, что выражалось и в его служебных обязанностях воина и должностного лица, и в его хозяйственной деятельности землевладельца, и в светских проявлениях придворно-рыцарской культуры. Следовательно, рыцарство, как и другие культурно-общественные явления высокого Средневековья, имело противоречивый, религиозно-мирской характер. Но в таком случае и те чувственные вещи, которые определяли зрительный образ рыцаря, не могли не иметь тот же характер. А поскольку герб был среди этих вещей, его также должно характеризовать как религиозно-светскую эмблему.

Действительно, через составлявшие его знаки-символы герб отсылал к сверхчувственным понятиям, но своей соборностью эти знаки представляли рыцаря как члена общественной индивидуальности, и в таковом качестве герб мог становиться фактором социальных отношений, например, служить символом короля конкретного народа и наследоваться преемником этого короля, вызывая тем самым мирские чувства. И в этой противоречивости герба заключалась его культурно-историческая живучесть при новых духовно-

---

[78] *Флори Ж.* Указ. соч. С. 256–271.

социальных обстоятельствах, с течением времени все меньше обнаруживавших связь с религиозной духовностью XII столетия и все больше выражавших мирские настроения, и как произведения искусства, и как фактора общественных отношений и переживаний. Иными словами, светское использование герба как личной и лично-наследственной эмблемы уже на заре его истории создавало почву для того, чтобы с развитием обмирщенного умозрения герб был открыт для художественных обогащений и широкого общественно-тематического употребления. Создавались духовные условия для становления и самого геральдического искусства как отдельного культурного явления, характеризовавшегося своей художественной концепцией.

На западноевропейской почве, в соответствии с общим миросозерцанием Средневековья, придворно-рыцарская культура утверждалась также как культура идеальная, международная, ибо и сами ее носители мыслились в понятиях универсальных, типических. Следовательно, все духовные качества и отражавшие их внешние знаки-символы, с которыми средневековому сознанию рисовался образ рыцаря, тоже не могли не приобрести универсальный характер и тем самым не распространиться во всем западноевропейском обществе. В результате создавались благоприятные условия и для распространения типического образа рыцаря со всеми его духовными и формальными объективированными качествами у различных народов, принадлежавших к религиозно-культурному миру Западной Европы.

В XI–XIII вв. сословный строй постепенно утверждался и в Дании. И здесь в эти века на правовой и культурной почве происходило обособление *ordo militum*. По свидетельству немецкого хрониста Арнольда Любекского, писавшего свою "Славянскую хронику" на рубеже XII–XIII вв., в его время у датских вельмож уже прочно укоренился обычай посылать сыновей для завершения образования в Париж[79], снискавший в те столетия славу одного из ведущих школьных и университетских городов Западной Европы. Эти молодые датчане возвращались затем в отечество не только с книжными знаниями, но также с умонастроением тех общественных слоев, среди которых они вращались вне пределов родной земли. И можно догадываться, что это была также среди французской аристократии с ее куртуазными обычаями. Так, епископ Абсалон (ум. 1201), происходивший из знатного датского рода, был не только образованным человеком, обучавшимся в Париже, но и воином, лично принимавшим участие в сражениях несмотря на свой высокий духовный сан. Другим ярким примером датского вельможи, обильно вкусившего плоды латинской образованности, служит личность Свена Аггесена (ум. ок. 1200), представителя одной из знатнейших семей Дании и первого известного по имени датского историографа. В его рассказах о королях Дании и обычаях королевской дружины[80] проступает лик не просто исторического писателя, воспитанного на лучших образцах античной и средневековой латинской словесности, но и общественного деятеля, сознание которого глубоко пронизано военно-аристократическим духом. Тот же дух в своем еще более многословном историче

[79] *Arnoldi* Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868. Lib. III, 5.

[80] См.: *Svenonis Aggonis filii* opvscvla historica. I. Lex castrensis. II. Brevis historia regvm Dacie. III. Genealogia regvm Dacie // SMHD. 1917. Vol. I. P. 55–144.

как историю деяний королей и военных героев датского народа.

В то же время рядом с произведениями латинской литературы на скандинавской почве получают хождение, как о том свидетельствуют их многочисленные прозаические переложения на норвежский и исландский язык в XIII в.[81], поэтические сочинения французской и немецкой придворной "изящной" словесности, в том числе романы о короле Артуре и рыцарях его Круглого Стола. В этих романических произведениях и их скандинавских пересказах, известных под названием "рыцарских саг", по обыкновению, отражались идеальные понятия придворно-рыцарской культуры, которые, в свою очередь, затем становились образцом для подражания. Но восприятие новых духовных понятий всегда обусловлено соответствующей душевной предрасположенностью. Очевидно, что и распространение куртуазной литературы в Скандинавских странах вытекало из сердечного настроения в их аристократических кругах – настроения, подготовленного культурно-общественным развитием этих кругов в XI–XII вв.

Участвовали датские *milites* и в крестовых походах, причем в тех, которые направлялись не только в прибалтийские земли, но и в Святую Землю, что тоже, конечно, должно было способствовать их культурному сближению с *ordo militum* Франции, Англии, Германии и других стран римско-католического мира. Сама королевская семья Дании, через своих мужских и женских представителей в XI–XII вв. завязавшая родственные связи со многими европейскими королевскими и княжескими семьями, среди которых были французские Капетинги и немецкие Штауфены и Вельфы, очевидно, немало поспособствовала уже в XII столетии утверждению в Дании элементов придворно-рыцарской культуры. Среди этих элементов были обряд посвящения в рыцари и рыцарские турниры, о чем имеем доподлинные известия, восходящие ко второй половине XII–XIII столетию. Так, в датских летописях той эпохи – "Лундских анналах", "Сорёских анналах", "Зеландской хронике" "Рюдских анналах" под 1188 г. и "Анналах Вальдемаров" под 1187 г. – обнаруживаем сообщение о том, что датский королевич герцог Ютландский Вальдемар "стал рыцарем"[82]. В свою очередь Арнольд Любекский рассказывает, что в его время датчане "вследствие обилия лошадей, много упражняясь в рыцарских единоборствах, славятся конными сражениями, равно как и морскими"[83]. Это сообщение немецкого писателя подтверждается памятниками датского искусства, созданными в XII столетии. При реставрационных работах в церкви селения Люнгбю (Lyngby), находящегося близ города Орхуса (Северная Ютландия), была открыта фреска, датируемая последней четвертью XII в., с изображением поединка на копьях двух конных воинов[84]

---

[81] См.: *Матюшина И.Г* Поэтика рыцарской саги. М., 2002.

[82] "Dux Waldemarus factus est miles" (Annales Lundenses, Annales Ryenses) // DMA. P. 60, 76; "Dux Valdemarus II miles factus est" (Annales Valdemarii // Ibid. P. 91); "Dux Waldemarus fit miles" (Annales Sorani, Chronica Sialandie // Ibid. P. 110, 167).

[83] "Unde propter equorum copiam in militari palestra se exercitantes, equestri pugna simul et navali gloriantur" (*Arnoldi* Chronica. Slavorum. Lib. III, 5).

[84] *Haastrup U.* Skitser på grovpudsen: Strövelstorp kirke og Lyngby kirke 1175–1200 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 83.

Средние века принадлежавшем Дании, был найден маленький (15 см) оловянный фриз, созданный около 1200 г., который тоже передает единоборство двух конных рыцарей[85]. Концом XII в. датируются также фрески в Ольской (Ål) и Хойенской (Højen) церквах, на которых представлены сражающиеся рыцари[86] (цв. илл. 38–39).

Зная все эти факты датской культурно-общественной жизни эпохи высокого Средневековья, можно заключить, что в Дании не позднее второй половины XII столетия уже сложилась социальная среда, которая, благодаря воспитанию, образованию и вообще миросозерцанию ее представителей, была способна воспринимать элементы западноевропейской придворно-рыцарской культуры[87]. Среди этих элементов обнаруживаются и различные знаки и образы.

В самом деле, вспомним, что иконография монет и печатей датских королей XII в. была подобна иконографии монет и печатей государей других западноевропейских стран. И в то же время не забудем о печати короля Кнута VI (ок. 1194 г.), на которой представлен щит с тремя львами и сердцами эмблемой, которая с тех пор являлась гербом королей Дании. И хотя древнейшие печати "людей" датских королей сохранились лишь при документе, датированном 1224 г., на этих печатях щиты и шлемы представлены с разными знаками. Это позволяет предполагать, что обычай помещать на предметах защитного оружия личные знаки у датских рыцарей к тому времени уже существовал и, более того, возможно, он восходил ко второй половине XII столетия, о чем косвенно свидетельствуют памятники датского искусства. Так, в стенописи Веллевской (Vellev) церкви (ок. 1175 г.) представлены два воина со щитами, на одном из которых видны горизонтально расположенные семь синих балок в красном поле, на другом, от которого сохранилась только верхняя часть, обнаруживаем в том же положении три белые балки в красном поле. Контуры фигуры, похожей на боевой топор, просматриваются на щите одного из конных воинов, изображенного в Люнгбюской церкви. Красного цвета щит с белой, немного скошенной справа налево полосой на щите воина, борющегося с другими воинами, видны в стенописи Ольской церкви (цв. илл. 38). Рыцарские щиты с различными знаками запечатлены на фреске из Хойенской церкви (цв. илл. 39).

Помимо свидетельств изобразительных памятников, существует одно письменное известие, обнаруживаемое в "Деяниях датчан" Саксона Грамматика. Рассказывая о сражении при Вольгасте (Померания), произошедшем в 1184 г. между датчанами и поморскими славянами, он отметил, что один славянский воин сумел опознать епископа Роскиллеского Абсалона, имевшего во время боя воинское облачение, по знакам, которые были изображены на его щите (*ex clipei notis agnitum habuit*)[88].

---

[85] *Verwohlt E.* Turneringer og ridderspil i Norden // Herald. Tidsskr. 1979. N 39. S. 431–433.

[86] *Olsen R.A.* Sværd: Ål kirke, Mårslet kirke, Hornslet kirke og Vellev kirke // Danske kalkmalerier Senromansk tid. S. 116; *Prange K.* De ældste heraldiske figurer. S. 154.

[87] О придворно-рыцарской культуре в Скандинавских странах, нашедшей отражение в памятниках искусства, см.: *Bengtsson H.* Op. cit.

[88] *Saxonis* Gesta Danorum. T. I, lib. XVI. P. 546; *Verwohlt E.* Absalons slægt og våben // Absalon. fædrelandets fader / Red. af F. Birkebæk m. fl. Roskilde, 1996. S. 25–41.

Эти знаки Саксон мог наблюдать лично, ибо входил в ближайшее окружение епископа Абсалона и пользовался его покровительством, в том числе и в деле написания своего исторического сочинения, а потому известие датского историка о присутствии знаков на щите Абсалона может восприниматься в качестве свидетельства очевидца. Но какой была эмблема этого церковного и государственного деятеля Дании, неизвестно[89].

Кроме того, датчане XIII в. считали, что традиция носить щиты с личными эмблемами в их отечестве уже существовала, по крайней мере, в предыдущее столетие. Свидетельство тому обнаруживается на гербовом фризе церкви Сорёского монастыря (вторая половина XIII в.), где один из щитов, заключающий эмблему, подписан именем датского вельможи Токе Эббесена, жившего в середине – второй половине XII в.[90] Также полагали иноземцы. Как уже отмечалось, английские изобразительные источники XII–XIII вв. представляли данов и их предводителей эпохи викингов несущими щиты с индивидуальными эмблемами. А в исландской "Саге о Кнютлингах" (ок. 1260 г.), повествующей о деяниях датских королей, сообщалось, что во время убийства (в 1086 г.) Кнута IV брат этого короля по имени Бенедикт "имел красный щит, на котором был изображен золотой рыцарь"[91].

Итак, как бы ни были скудны приведенные факты, говорящие о ношении личных эмблем датчанами в XII и начале XIII в., эти факты все же дают основание считать, что в изучаемое время в Дании, как и в прочих странах Западной Европы, уже имелись начатки культурного явления, которое в русской традиции принято называть гербом. Становление гербов относится к эпохе утверждения целого ряда новшеств в искусстве (например, готики в зодчестве и пластике, полифонии в музыке, рыцарского романа и поэзии трубадуров в словесности), а также в обществе, в котором в первую очередь следует отметить развитие понятий о сословно-иерархическом строе. И рождение герба, наряду с прочими упомянутыми духовными явлениями, прояснило лик новой культурно-исторической общности – западноевропейского мира. Это наводит на мысль, что возникновение гербов, прежде всего, обусловливалось общим духовным переворотом, совершавшимся на западноевропейской почве с XII в. Его суть заключалась в религиозном оправдании чувственных, земных вещей к вящей славе Божией, в качестве символов по-

---

[89] В 1536 г. по желанию аббата Сорёского монастыря Хенрика Кристиернсена (ум. 1538) в монастырской церкви было установлено каменное надгробие над могилой архиепископа Абсалона. В нижней части надгробия, сохранившегося доныне, был изображен щит с заключенным в нем прыгающим оленем, под которым подразумевался герб Абсалона. Изображение герба, приписываемого Абсалону, имеется и в небольшом сочинении, изданном в 1589 г. под названием "Происхождение и могущественный дворянский род епископа Абсалона с его братом господином Эсберном Снаре" (Biskop Absalons ...met sin... Broders Her Esbern Snaris Herrekomst oc Adelige Stamme) другим аббатом Сорёского монастыря, Мортеном Педерсеном (1537–1595). Показанный здесь уже в цвете герб, также заключенный в щит, представляет собой в синем поле прыгающего золотого оленя, увенчанного красными рогами, на фоне многочисленных золотых шестиконечных звезд. Из каких, однако, источников почерпали свои сведения настоятели Сорёской обители, остается тайной для историков (*Verwohlt E.* Hvide-slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 203).

[90] *Verwohlt E.* Hvide-slægtens heraldik. S. 190, 199.

[91] "...hann hafdi skjöld rauðan, ok dreginn á riddari með gulli" (Sögur Danakonunga. 1. Sögubrot af Fornkonungum. 2. Knytlinga Saga / Utg. C. af Petersens och E. Olson. Kbh., 1919–1925. S. 136–137).

пятий вещей умопостигаемых, их субъективного переживания и видения, а также все более нараставшего общественного индивидуализма, искавшего знакового выражения. Культурные истоки становления гербов в Дании брали начало именно в переменах, происходивших в религиозном умозрении датчан, королей и их военных слуг, составивших, как и в других странах Западной Европы, к исходу XII в. духовно-общественную индивидуальность – чин рыцарей. Каждый рыцарь мыслился как образ и подобие, конкретное проявление типического идеала – воина Христова Небесного Града, что в условиях господства религиозно-символического миросозерцания и развития духовного индивидуализма создавало почву для ношения рыцарями типической эмблемы, характеризовавшейся, однако, конкретно-художественными знаками. В самоопределении рыцарей через такие знаки обнаруживалась их тоска по духовно-правовому, или культурно-сословному, обособлению от лиц, принадлежавших к другим духовно-общественным индивидуальностям или чинам, находила одно из выражений получившая развитие в XII в. универсальная для Западной Европы придворно-рыцарская культура. В гербах рыцарь представлял свои религиозные переживания, обусловленные особенностями миросозерцания эпохи, желал языком красочных и образных знаков-символов сообщить об этих переживаниях дольнему и горнему миру. Гербовые изображения, как можно заключить из характера искусства XII в., создавались с целью передачи посредством красок и образов религиозно-нравственных понятий; и, как и другие явления искусства, они, несомненно, имели наглядно-учительное значение. Но рыцари и их культура обнаруживали противоречивый, религиозно-светский характер, что предопределяло такой же характер у рыцарских гербов, которые на этой духовной почве не только представлялись знаками религиозных переживаний, но также употреблялись с мирскими целями. Эмблемы, например, с образом льва, вначале получали значение символов общественного статуса государя как образа Царя Небесного, а в дальнейшем, с их индивидуализацией посредством дополнительных знаков стали личными и лично-наследственными гербами королей и князей конкретных королевств и княжеств. Так в конце XII в. возник и герб короля Дании.

Следовательно, через явления "геральдического" искусства XII в. стала выражаться личность, стремившаяся утвердиться посредством индивидуальных символических знаков не только в Боге, не только в мире сверхчувственного, горнего (что по-прежнему сохраняло значение идеала в общественном сознании), но и в человеческих, меняющихся суетных представлениях. Отсюда можно заключить, что и последующая судьба герба у датчан должна была определяться представлениями духовно-общественными.

Глава вторая

ИМЯ И ОБРАЗ ГЕРБА

Всякое культурно-историческое явление как объективация соборно-личностного умозрения осознавалось в качестве понятия и получало собственное имя, что, однако, особенно в древности, нередко случалось по прошествии какого-то времени. Так обстояло дело, о чем уже выше говорилось, с происхождением на западноевропейской, и в частности датской, почве слова "геральдика"; так, можно догадываться, случилось и с возникновением имени эмблемы, которая по-русски обозначается термином "герб" Иначе говоря, становление понятия "герб" предполагало и нахождение для него словесного знака, что обусловливалось культурной почвой, которую сдобривали духовно-исторические переживания. Из сказанного, таким образом, вытекает, что имена для обозначения явления "герб", которые могли употребляться датчанами по ходу истории, предопределялись характером миросозерцания соответствующей эпохи.

В связи с этим следует вспомнить, что со времени принятия христианства умонастроение датчан, в том числе в части их представлений о предмете геральдического искусства, в силу культурно-исторических причин, ранее рассмотренных, обречено было пребывать в согласии с тем мировоззрением, которое предопределяло духовный лик западноевропейского сообщества. Стало быть, при исследовании вопроса об имени "герба" на датской почве во внимание должны приниматься и те слова, которыми обозначалось понятие "герб" в других странах Западной Европы.

Начатки гербовой терминологии не могли не обнаружиться уже в XII–XIII вв., а именно тогда, когда происходило рождение и становление самого явления герба. И мы уже знаем, что умозрение высокого Средневековья рассматривало всякого рода явления через универсальные, в действительности сущие, укорененные в сверхчувственном мире понятия, которые находили свое материальное выражение в подобных по отношению друг к другу единичных предметах-образах. Отсюда можно предполагать, что специальный термин "герб" у людей западноевропейского культурно-исторического мира вырабатывался по мере того, как в их сознании утверждалось общее понятие герба, которое объективировалось в типических образах. Стало быть, слово "герб" должно было являться в качестве термина, посредством которого изустно или на письме обозначалось понятие о внутренних (смысловых) и внешних (художественных) качествах герба, делавших его

отличным от других знаков. И, напротив, в дальнейшем зрительный образ герба, предполагавший особое понятие о нем, должен был вызывать желание обозначить его словом "герб" Однако этот образ герба, подобно образу любого другого культурно-исторического явления, с течением времени не мог не претерпевать изменений и со стороны его внешних признаков, и со стороны его смыслового наполнения, на основе чего предполагаем, что имя "герб" могло служить обозначением его разных исторических образов и понятий.

В памятниках западноевропейской письменности, восходящих к концу XII – XIV в., обычно содержатся указания на предметы, которые являлись носителями "гербовых" знаков. Среди таких предметов особенно часто упоминается щит, и в XIII в. именно слово "clipeus" ("щит") указывалось в легендах королевских и княжеских печатей, на которых передавалось изображение щита, заключающего знаки. Известно также, что в хронике Матвея Парижского (ок. 1250 г.) изображения королевских и княжеских гербов обозначены словом "щит" (*scutum*), например: "Щит короля Норвегии"[1], "щит императора Оттона, половина которого от щита Империи, другая же от щита короля Англии"[2].

Со времени Вальдемара II (1202–1241) и вплоть до царствования Вальдемара IV (1340–1375) словом "clipeus" ("clipevs"), по обыкновению, именовался гербовый щит и на печатях королей Дании. Так, на печати Вальдемара II (1216–1241 гг.)[3], на той стороне ее, где изображен щит с тремя львами и сердцами, читаем: "CLIPEVS W[ALDEMARI RE]GIS DANORVM" ("щит Вальдемара короля датчан") (илл. 49). На печати Эрика IV (1241 г.) щит с тремя львами и сердцами сопровождают слова: "CLIPEVS ERICI DANORVM [SCLAVOR]VM Q[VE] R[EG]IS"[4] (илл. 50). Щит с тем же гербом на печати Вальдемара IV (1345 г.)[5] представлен легендой "CLIPEVS W[ALDEMARI DEI GRA]CIA DANO[RV]M SLAVORVM Q[VE] REGIS ET DVCIS ESTON[IAE]" ("щит Вальдемара Божией милостью короля датчан и славян и герцога Эстонии"). Слово "clipevs" обозначает гербовый щит также на печатях герцогов Ютландских, живших в XIII–XIV вв.[6] (илл. 51–52), и датского вельможи Якоба Снесена (1225 г.)[7] (илл. 53).

---

[1] "Scutum regis Norwagie" (цит. по: *Trætteberg H.* Norges våpen i engelske kilder i middelalder // Herald. Tidsskr. 1970. N 21. S. 32–33).

[2] "Scutum Ottonis impehatoris cujus medietas de scuto est Imperii, alia vero de scuto regis Angliae" (цит. по: *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. S. 282). Здесь имеется в виду то, что на щите императора Оттона IV были изображены орел (имперский герб) и три льва (герб короля Англии).

[3] DKS. N 7 b.

[4] Ibid. N 11 b.

[5] Ibid. N 39 b. В описании этой печати, приводимом в DKS, имя короля Вальдемара при реконструкции утраченных букв и слов легенды по ошибке дано в именительном падеже "WALDEMARVS" (Ibid. S. 5). Поскольку в сохранившемся тексте титулы "короля и герцога" (REGIS ET DVCIS) представлены в родительном падеже, то очевидно, что имя носителя этих титулов тоже должно было быть написано в родительном падеже – "WALDEMARI"

[6] В первый раз на печати герцога Эрика Абельсена, употреблявшейся в 1260–1272 гг "CL[I]PEVS ERICI DVCIS IVCIE[" (Ibid. N 126 b).

[7] "CLIPEVS IA[COB]I FILII SVNONIS" (DAS. N 7).

Илл. 49. Печать Вальдемара II, 1216–1241 гг.

В тот же период, а именно в XIII–XIV вв., нередко вместо "гербового" щита на печатях датских вельмож мог представать шлем, несущий знаки. "Шлемовые" печати использовали также короли Дании Эрик VI (ок. 1308–1314 гг.), Кристофер II (1320–1330 гг.) (илл. 54), Вальдемар III (1326–1327 гг.) (илл. 55) и Вальдемар IV (1343–1355 гг.)[8]. При этом рыцарский шлем с его украшениями на королевских печатях обозначался словом "шлем" (*galea*) с указанием имени и титула владельца этого шлема, о чем, например, свидетельствует легенда печати короля Кристофера: "GALEA CRISTOFORI DEI GRA[CIA] DANOR[VM] SCLAVOR[VM] Q[VE] REGIS" ("шлем Кристофера, Божией милостью короля Датчан и Славян")[9].

Илл. 50. Печать Эрика IV, 1241 г.

Но если в XIV в. изображавшиеся на печатях по отдельности щит и шлем обозначались словами соответственно "щит" и "шлем", то какое имя должна была получить композиция из гербового щита и шлема, которая распространилась в иконографии печатей датской и, в целом, западноевропейской знати в том же XIV столетии? Этим именем, надо полагать, являлось слово "оружие" (*arma*), поскольку именно оно служило собирательным термином, которым

[8] DKS. N 23 b, 30 b, 32 b, 40. См. также с. 406–407.
[9] DKS. N 30 b.

Илл. 51. Печать герцога Ютландского Эрика Абельсена, 1260–1272 гг

Илл. 52. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1336–1354 гг.

Илл. 53. Печать Якоба Сунесена, 1225 г.

Илл. 54. Печать Кристофера II, 1320 г.

Илл. 55. Печать короля Вальдемара III, 1326 г.

Илл. 56. Печать Матея Та, 1339 г.

обозначались различные предметы вооружения, в том числе щит и шлем[10].

В самом деле, на печати одного датского вебнера, употреблявшейся в 1339 и 1341 г.[11], видим приведенные в связь гербовый щит и шлем и читаем такой текст: "S' ET ARMA MATHEI TA" (илл. 56), т.е. "печать и *arma* Матея Та"

[10] Например, в латинских текстах "Ютландской Правды", датируемых XIII–XIV вв., в статье "Об оружии" ("De armis") говорится, что датский воин должен иметь при себе "щит, меч, шлем и копье" (*clipeum, gladium, pileum ferreum et lanceam*) (*Kolderup-Rosenvinge J.L.A.* Samling af gamle danske Love. Kbh., 1837. D. III. Juske Lov. III. IV).

[11] DAS. N 280.

Этим текстом Матей Та, несомненно, хотел представить содержание иконографии своей печати, а именно принадлежавшие ему шлем с рогами, украшенными шестью перьями, и рассеченный и дважды пересеченный щит. Поэтому в данном случае слово "arma" выступало в роли собирательного имени, которым обозначены два предмета "оружия", несущие отличительные знаки их владельца. Сами изображения предметов гербового оружия, представавших по отдельности или в композиционной связи, в XIV в. являлись еще образами существовавших в действительности щита и шлема, поэтому они не могли восприниматься в качестве только художественно-символических знаков. Такое значение щиту и рыцарскому шлему в гербе стали придавать лишь в XVI в., когда эти предметы воинского снаряжения уже перестали употребляться[12].

Но в таком случае встает вопрос, какими словами поначалу датчане обозначали изображения на щите или знамени и эмблемы на шлеме? Ответить на этот вопрос помогают несколько свидетельств, которые обнаруживаем в датских исторических произведениях XII–XIV вв. Как уже упоминалось, Саксон Грамматик сообщает, что епископ Абсалон во время сражения с поморскими славянами был узнан по "знакам" (*notis*) его щита. Современник Саксона, Свен Аггесен, автор "Краткой истории королей Дании" (ок. 1185 г.), рассказывает, что на место своей мученической кончины (1131 г.) герцог Кнут Лавард явился "обозначенный святым крестом на знамени, а не защищенный щитом или шлемом"[13]. Очевидно, что в данном случае крест на знамени должен был рассматриваться в качестве христианского "знака", которым герцог Кнут пожелал "обозначить" себя.

Наконец, в "Зеландской хронике", а именно в той ее части, которая была написана во второй четверти XIV в., под 1328 г. сообщается, что люди графа Гольштейна Иоганна III, захватив "замок в Копенгагене", "водрузили" над ним "знамя графа, обозначенное крапивным листом"[14], т.е. знамя с гербом голштинских графов из рода Шауэнбург. Стало быть, и во второй четверти XIV в. изображение на знамени датчанами воспринималось в качестве "знака"

В XIII–XV вв. латинское слово "знак" (*signum, insigne*) для наименования изображения на щите и знамени использовалось также в других западноевропейских странах, в частности в Германии. В грамоте, данной королем Римским Альбрехтом Габсбургом епископу Гуркскому Генриху и церкви Гуркской (1305 г.)[15], находим следующий текст: "Войску Императорского Величества подобает не только быть защищенным *armis*, но и быть украшенным блеском *armorum signis*" Слово "armis" употреблено здесь, несомненно, в качестве имени боевого оружия, а выражение "armorum signis" – соответственно,

[12] См. с. 382, 412.

[13] ...sancte crucis insignitus uexillo, non clipeo protectus aut galea" (*Svenonis Aggonis filii* Brevis historia regvm Dacie // SMHD. 1917. Vol. I, cap. XIII). Свен Аггесен писал свою "Краткую историю" после причисления Кнута Лаварда к лику святых (1170 г.), когда в датской иконографии утверждался обычай представлять образ этого святого с крестовым знаменем (илл. 42–43).

[14] ...uexillum comitis folio urtice insignitum erexerunt" (Chronica Sialandie // DMA. S. 122).

[15] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 5.

"знаков оружия". В том же документе далее говорится, что церковь Гуркская "прежде имела мало примечательный *signum armaturae*" а потому король пожаловал епископу Генриху, его преемникам и церкви Гуркской "*armaturae signum* менее обидный" для изображения этого знака "на щите и знамени" (*in clypeo et vexillo*). В этой грамоте упор делается на изображениях, помещавшихся на предметах вооружения[16], а стало быть, и выражение "armaturae signum" следует понимать, подобно выражению "armorum signis" буквально – в смысле "знака оружия"

То обстоятельство, что под словами "arma" и "armatura" в приведенных выше выражениях поначалу подразумевалось именно боевое оружие, подтверждается текстом "insignia armorum et vexilli terre Bawarie" (1337 г.)[17], который обнаруживается в другом немецком документальном источнике. Поскольку здесь речь идет о "знаках" (*insignia*) "знамени" (*vexilli*), то под словом "arma" (*armorum*), несомненно, подразумевался буквально предмет вооружения, вероятно, щит. И эти "знаки оружия и знамени" представляли "землю Баварии" по той причине, что они являлись "знаками оружия и знамени" правителя Баварии – герцога Баварского.

Далее надо отметить, что изображения на щитах, знаменах и других предметах немцы называли словом "знак" не только на латыни, но и на народном языке. Это немецкое слово – "zeichen" – в качестве имени щитовой эмблемы обнаруживается, например, в сочинениях немецких поэтов конца XII и первой половины XIII столетия[18]. Несомненно, и датчане, говоря на родном языке, при обозначении изображений, представавших на щитах и знаменах, использовали слова "mærke" (merke) и "tegn", соответствовавшие латинским словам "signum" и "insigne"

Следовательно, можно сделать вывод, что в период зарождения и становления на западноевропейской почве культурно-исторического явления герба датчане уже использовали те общие по смыслу слова, посредством которых люди Западной Европы обозначали "гербовые эмблемы" на щитах и знаменах. И то, что эти слова, имевшие широкое значение "знаков" вообще, употреблялись в качестве первых имен "герба", свидетельствует о том, что поначалу в Дании, как и в Германии, не было особого термина для обозначения эмблем, представавших на рыцарском оружии.

Впрочем, уже в памятниках немецкой поэзии высокого Средневековья в качестве имени эмблемы щита использовалось слово, которое может быть охарактеризовано как специальное имя "герба": "wapen" или "wappen"[19].

---

[16] В данном случае предметом оружия являлось и копье со знаменем, как следует из описания гербовой эмблемы: на щите и знамени один из знаков "герба" – лев располагался ближе "к копью" (*ad hastam sit leo*). Да и самое слово "armatura" в этом тексте обозначает разные предметы вооружения.

[17] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 216.

[18] См.: Ibid. S. 65–66.

[19] Говоря о времени появления указанных "геральдических" терминов в Германии, необходимо, однако, помнить, что, хотя они обнаруживаются уже в сочинениях немецких поэтов рубежа XII–XIII вв. (см.: Ibid. S. 69–70), сами рукописи с этими сочинениями датируются серединой XIII – XIV в. Отсюда, принимая во внимание обычное для Средневековья вольное обращение с текстами произведений словесности, нельзя исключать того, что первые упоминания слов "wapen" и "wafen" в значении "гербовой эмблемы" отражали более поздние представления создателей рукописей.

Этот термин, по первому своему значению служивший именем "оружия", находил себе латинское соответствие, представленное, правда, уже в немецких документальных источниках XIV в., в слове "arma"[20]. Подтверждение тому находим в образцах грамот на пожалование благородного достоинства (*nobilitas, nobilium militarium*) и отличавших его "insignia nobilitatis", "signum armature" и "arma", которые представлены в "Формулах Канцелярии Императора Карла IV" (1366–1369 гг.)[21].

Так, в формуле XLI, имеющей подзаголовок "Император делает благородным, дает *arma*" (*Imperator nobilitat, dat arma*), говорится о том, что император Карл дарует "в подтверждение благородного достоинства... *signum armature* посредством обозначения или изображения рисунка на щите"[22], после чего приводится в качестве образца описание щитовой эмблемы. Очевидно, что в данном случае под выражением "signum armature" подразумевалось изображение на щите, которое иначе, как видно из заглавия формулы, называлось словом "arma" В следующей формуле (XLII), слово "arma" в свою очередь, соотнесено с выражением "nobilitatis insignia", под которым (вместе со словом "clenodia") в формуле XXXV подразумеваются знаки "на щите и шлеме"[23].

Существование в XIV в. представлений о смысловом тождестве терминов "arma" и "insignia" подтверждается тем, как их употреблял в своем трактате "De insigniis et armis" советник императора Карла IV Бартоло ди Сассоферрато. Под словом "arma" он подразумевал эмблему, о чем свидетельствует текст "Arma in clipeis depingenda"[24], или в переводе на русский язык "Гербы, которые следует изображать на щитах" Словом "arma" Бартоло обозначает и свою эмблему[25]. Но в другом месте он говорит о той же эмблеме как об "insignia"[26]. Из этого отождествления двух слов выясняется и смысл того, почему Бартоло часто их употребляет рядом, в виде выражения "arma et insignia" В этом выражении второе слово выступает в роли пояснения первого: в данном случае "arma" – не боевое "оружие", а эмблема "оружие" состоящая из различных знаков.

Слово "insignia" и выражение "nobilitatis insignia" в качестве пояснения смыслового значения слова "arma" встречаются и в более поздних латинских документальных источниках: "Arma seu Insignia nostra Imperialia, videlicet Aquilam nigram in Campo aureo" (1397 г.)[27], "Arma sive Nobilitatis insignia" (1434 г.)[28]. Здесь союз "или" (*sive, seu*) употреблен именно для связи слова

---

[20] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 217.

[21] Formulae Cancellariae Imp. Caroli IV (см.: Ibid. S. 342–343).

[22] "...pro confirmatione nobilitatis... signum armature designatione seu depicte in clipeo... concedimus" (Ibid. S. 343).

[23] Ibid. S. 342–343.

[24] *Bartholi* de insigniis et armis tractatus // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943. P. 226, § 31.

[25] "Arma Bartholi... est Leo rubeus cum duabis caudis in campo aureo" ("*Arma* Бартоло... есть красный лев с двумя хвостами в золотом поле") (Ibid. P. 224, § 3).

[26] Ibid. P. 228, § 3.

[27] "Наш императорский герб или знаки, а именно черного орла в золотом поле" (из императорской грамоты на пожалование герба "герцогу Ломбардии" Иоанну, см.: *Seyler G.A* Geschichte der Heraldik. S. 349).

[28] "Герб или знаки благородства" (из грамоты императора Сигизмунда, см.: Ibid. S. 217).

ли, что речь идет о боевом оружии.

Тот же смысл слов "arma" и "insignia" когда они связывались союзом "или" имел в виду и составитель английского "Трактата о гербах" начала XV в. Он спрашивал: "Но какие *arma aut insignia* носили двенадцать колен сынов Израилевых?" И отвечал, ссылаясь на "евреев" что это были: "В (колене) Рувима – мандрагора, Симеона – копье, Левия – ковчег завета, Иуды – лев, Иссахара – осел, Завулона – корабль..."[29]

В позднее Средневековье в Англии словом "arma" принято было обозначать гербовую эмблему, изображенную главным образом на щите, тогда как слово "signum" использовалось в качестве имени одного из знаков этой эмблемы. Причем под "знаками" в "armis" английские писатели подразумевали изображения и фигур, и цветов. В "Трактате о гербах" магистра Иоханнеса де Бадо Аурео (начало XV в.) встречаем выражения "о гербах, нарисованных на щитах", "знаки в гербах" и "о знаках, нарисованных на щитах"[30]. Неизвестный составитель другого "Трактата о гербах", живший в первой половине XV в., спрашивает: "Почему орел черный?", и отвечает: "Потому что этот цвет орла есть знак отваги"[31]. Говоря о красном цвете, он признает, "что этот цвет означает отвагу или ужас", и при этом добавляет, что "этот цвет носит в *armis* король Англии"[32]. В то же время, рассказывая о животных и других фигурах, автор "Трактата" называет их "знаками" (*signa*). Впрочем, в позднее Средневековье главный, или наиболее отличительный, знак щитовой эмблемы мог тоже восприниматься как "герб" (*arma*), о чем находим свидетельство в том же "Трактате о гербах". Его автор утверждает, что "носить лилию есть знак нестойкости, потому что лилии не крепки", и тут же добавляет, что "этот герб принадлежит королю Франции"[33].

Таким образом, можем сделать вывод, что в XIII–XIV вв. слово "arma" ("wapen") в сознании людей Западной Европы постепенно приобрело дополнительное значение. Оно стало обозначать не только предметы вооружения, но также (вначале, возможно, в устной речи) ту эмблему, которая по-русски называется "гербом" Отсюда, в свою очередь, следовало, что имя "герба" как оригинального общественно-культурного явления утверждалось на основе осознанного представления о неразрывной связи этого явления с оружием. Другими словами, специальное имя "герба", словесно отличившее этот знак в ряду других знаков, возникло вследствие перенесения названия предмета, на котором изображалась эмблема, на саму эмблему. Этому, несомненно, способствовало само миросозерцание средневекового человека, которое, в силу

"Sed qualia arma aut insignia portabant duodecim tribus filiorum Israel? Hebrei tradunt hec fuisse: In Reuben mandragora, in Simeon hasta, in Levi archa testamenti, in Iuda leo, in Isachar asinus, in Zabilon navis..." (Tractatus de armis // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943. P. 155).

...de armis... in clipeis depictis", "signa in armis" и "De Signis in Clipeis Depictis" (*Magistri Johannes de Bado Aureo* Tractatus de armis // Ibid. P. 55, 109).

31 "Quare aquilam nigram? Quia color ille in aquila est signum ferocitatis" (Tractatus de armis. P. 156).

"De rubeo colore dicitur superius quod iste color signat ferocitatem vel terrorem... Quem colorem in armis portat Rex Anglie" (Ibid. P. 156–157).

"Et portare florem est signum instabilitatis, quia flores non sunt duraturi. Que arma ad regem Francie pertinent" (Ibid. P. 185).

своего предметно символического характера, обычно представляло явление художественного творчества, еще только только осознававшееся как понятие, через имя физического носителя этого художественного явления. В ряду других предметов, обозначавшихся словом "оружие" в роли носителя "герба", по свидетельству письменных и изобразительных средневековых источников, чаще всего выступал щит. Поэтому в XIII–XIV вв. утвердилось обыкновение называть словом "оружие" в основном именно щитовую эмблему.

Возвращаясь на датскую почву, находим здесь памятники художества и словесности, в которых слова "clipeus" и "arma" использованы для обозначения "герба"

Выше мы видели, что на печатях королей Дании XIV в. обычно изображался "гербовый" щит, который в легенде обозначался словом "clipevs" Это слово присутствует также на печати короля Олафа III (1376 г.)[34], но теперь оно обозначает трех коронованных львов датского государя, изображенных без щита. Стало быть, слово "clipeus" на печати короля Олафа употреблено в качестве имени самой гербовой эмблемы датского государя. Очевидно, что в данном случае перед нами пример, который показывает, как привычка находить на королевской печати щит с эмблемой с течением времени создала духовную основу для того, чтобы имя щита стало восприниматься как имя находившегося на нем эмблематического изображения.

Но слово "clipeus" в значении эмблемы-герба не утвердилось в латинской словесности Дании. Оно было вытеснено термином "arma", и произошло это, несомненно, по той причине, что в позднее Средневековье данный термин в пределах культурно-исторического мира Западной Европы получил признание в качестве универсального имени "герба"

Действительно, уже в конце XIV в. слово *arma* как имя "герба" было употреблено в одном акте, изданном в Дании. Речь идет о документе, датированном 5 октября 1387 г.[35], в котором свидетельствуется достоверность грамоты короля Олафа III от 7 мая 1376 г. и находившейся при этой грамоте королевской печати посредством ее описания. То была вышеупомянутая печать короля Олафа с изображением трех коронованных львов без щита, которое в ее легенде, однако, поименовано как "clipeus" Теперь же данное изображение описывалось как "arma regis Dacie tres leones coronati", при том, что приводился и текст легенды (*litteris textualibus*) печати со словом "clipeus" Это письменное свидетельство о подлинности грамоты и печати короля Дании было составлено и заверено Якобом Йенсеном и Якобом Кнутсеном, каждый из которых представлялся "клириком Роскиллеского диоцеза" (*clericus Roskildensis dyocesis*) и "публичным по императорскому постановлению нотариусом" (*publicus imperiali auctoritate notarius*). Оба датских клирика, следовательно, имели звание императорского нотариуса, которое, по западноевропейским средневековым понятиям, обыкновенно давало право заверять акты в любом королевстве или княжестве римско-католического мира. Но получение этого звания предполагало, конечно, знание делопроизводства императорской канцелярии с его формулами и терминами. Поэтому

[34] "CLIP[PEUS OL]AUI DEI GRACIA DANORUM SCLAUORUM GOTHORUM Q[UE] REGIS" (DKS. N 47 b). См. илл. 135 на с. 287.
[35] DD. 1993. R. 4. bd. 3. N 249.

употребление слова "arma" в качестве имени герба в дипломатике императоров Священной Римской империи со времени Карла IV создавало почву для того, чтобы и датчане, получившие звание императорских нотариусов, использовали универсальные термины императорского же нотариата.

Таким образом, средневековое делопроизводство Западной Европы, как и любое другое явление западноевропейского Средневековья, тяготевшее к типической выразительности, являлось одним из источников распространения универсальной "геральдической" терминологии, и словесного обозначения "герба" в частности. А то, что слово "arma" как имя "герба", по крайней мере, с конца XIV в. прочно утвердилось в латинской дипломатике Дании, подтверждается документами последующих столетий.

Так, в одном из документов 1424 г.[36], освещающих распрю короля Дании Эрика Померанского с графами Гольштейна из-за герцогства Шлезвигского или Ютландского (*Ducatum sleswicensem siue Ducatum Jucie*), сообщается, что это "герцогство Южной Ютландии" (*Ducatus Iucie australis*) не является частью "regnum Dacie", при этом "имея особое и определенное оружие, а именно двух белых леопардов в синем поле" (*habens arma specialia et distincta, videlicet duos Leopardos blaneos in campo glauco*). Очевидно, что здесь словом "arma" обозначена красочная эмблема герцогства Ютландского, хотя ее цвета переданы неточно[37].

В другом документе 1424 г. король Эрик ставит в вину жителям острова Фемерна, что на их знамени и печати изображен "folium Vrtice, quod est signum et de armis Dominorum de Holsten"[38], т.е. "лист крапивы, который является знаком и оружия государей Гольштейна". Ясно, что в данном случае король Дании имел в виду один, главный знак эмблемы графов Гольштейна – крапивный лист, из чего можно предположить, что слово "arma" в данном случае означало саму эту эмблему. И в самом деле, в число других знаков герба голштинских графов входили три гвоздя (на крапивном листе) и цвета – белый (гвозди и лист крапивы) и красный (поле).

Но последний текст дает также основание утверждать, что в позднее Средневековье датчане, как англичане и немцы, употребляли слово "arma" в значении эмблемы, которая состояла из различных знаков (*signa*). Вспомним, что Саксон Грамматик словом "знаки" (*notis*) тоже обозначал изображение на щите епископа Абсалона. Стало быть, восприятие датчанами позднего Средневековья гербов в качестве суммы отдельных знаков было унаследовано от эпохи, когда еще только зарождалось и утверждалось самое явление герба.

Представление о гербе как о совокупности знаков и в то же время толкование герба как знака удерживалось в сознании датчан и в последующее время. Свидетельство тому находим в сочинении Л. Хольберга о гербах короля Дании и Норвегии (1729 г.). Так, например, он пишет, "что король Кристофер Баварский был первым из датских королей, кто принял и поместил славянский герб среди других знаков королевского датского

[36] Acta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem Slesvicensem ac Comitis Holsatiae ab altera parte de Ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. Bd. VII. P. 341.

[37] Герб герцогства Ютландского представлял собой двух синих львов в золотом поле.

[38] SRD. Bd. VII. P. 299–300.

Илл. 57. Гербовая грамота, данная королем Эриком Померанским городской общине Мальмё, 1437 г.

герба"[39]. Здесь под "знаками" (*tegn*) подразумеваются гербы, из которых слагался, используя более позднюю терминологию, "составной" герб короля Дании.

Можно, однако, догадываться, несмотря на отсутствие письменных свидетельств, что в Дании, одновременно с использованием в документах в качестве имени "герба" латинского термина "arma", постепенно вошло в обыкновение употреблять в том же смысле и датское слово "vapn" ("vaaben" "våben"), обозначавшее предметы вооружения[40].

Как бы то ни было, при Эрике Померанском это слово уже употреблялось в значении "гербовой эмблемы", о чем свидетельствует грамота, в которой говорится о пожаловании королем Эриком герба городской общине Мальмё (1437 г.) (илл. 57). Поскольку здесь речь идет о том, что мальмёсцы

...at Kong Christoffer af Baveren haver været den første af de Danske Konger, der har optaget og indlemmet det Slaviske vaaben iblandt de andre Kongl. Danske Vaaben tegn" (*Holberg L.* Om Dannemarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 627).

[40] В датском тексте "Ютландской Правды" в качестве общего имени предметов вооружения употреблено слово "wapn"; в латинском тексте того же памятника ему соответствует слово "arma" (*Kolderup-Rosenvinge J.L.A.* Op. cit. D. III. Jyske Lov. III. IV Um wapn (De armis)).

могут использовать, или "вести" (*at føre*), "оружие" на печати и щите" (*Wapn... vti jncigle oc Schiold*)[41], понятно, что в данном случае слово "wapn" обозначает не предмет вооружения, а щитовую эмблему, или герб.

Следовательно, в датском языке первой половины XV в. слово "wapn" уже употреблялось в качестве имени "герба" что служит дополнительным подтверждением использования в этом значении и латинского слова "arma"[42], ставшего к тому времени общеупотребительным именем "герба" в западноевропейских странах. А это, в свою очередь, служит еще одним подтверждением того вывода, что понятия о гербах в Дании развивались в рамках западноевропейской традиции. Вместе с тем и другие западные европейцы, жившие в высокое и позднее Средневековье, тоже воспринимали щитовые эмблемы датчан в том смысле, какой ими придавался щитовым эмблемам их государей и "дворян" Об этом свидетельствует хотя бы то, что с XIII в. гербовые щиты датских королей и вельмож включались в западноевропейские гербовники.

Что же касается знаков рыцарского шлема, то из источников высокого и позднего Средневековья известно, что в Германии, по обыкновению, они назывались словом "clenodia" Так, епископ Бриксенский Бруне в грамоте от 2 февраля 1286 г. свидетельствовал, что дозволил своему племяннику графу Конраду Кирхбергскому использовать "наш клейнод нашего шлема" (*vnser cleinode von vnserm helme*)[43].

Также Эберхард фон Видерспрех грамотой от 5 апреля 1328 г. разрешил своему родственнику Отто фон Грейффенбергу носить "meinen schildt vnd helm, vnd mein wappen, cleinot"[44]. Последний текст, вероятно, следует понимать так, что в первой его части речь идет о носителях, щите и шлеме, тех знаков, которые названы затем своими особыми именами: "wappen" – эмблема щита и "cleinot" – украшение шлема.

Такой особый термин для обозначения украшения шлема, как "клейнот", в XIV в., мог, вероятно, употребляться и в Дании. Во всяком случае, в первой половине XV в. он был известен датчанам, о чем свидетельствует

---

41 *Trætteberg H.* Stadsvåpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 20.

42 В Дании XIV–XV вв. для обозначения человека с "дворянскими" правами, который не был посвящен в рыцари (*miles*), употреблялся латинский термин "armiger", переводившийся на датский язык выражением "a vapn" ("af vaaben", "væbner") (*Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie: Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel of det 17. Aarhundrede. 2. udg. Kbh., 1947. S. 381). Утверждать, что под этим термином, который с античных времен имел значение "носителя оружия", или "оруженосца", подразумевался "носитель герба", нельзя – за отсутствием прямых свидетельств на этот счет в источниках. Можем, впрочем, предполагать, что слово "armiger", как и слово "arma", в позднее Средневековье приобрело значение "геральдического" термина, т.е. могло истолковываться в смысле "носителя гербового оружия, или герба" Именно такой смысл в термины "aff wapn", "af vaaben" или "væbner" вкладывали некоторые ученые датчане XVIII в. Например, в комментарии к одному из средневековых датских документов (1433 г.), изданному в "Датском журнале" за 1747 год, читаем, что эти слова означали "дворянина, который носит герб или имеет дворянский щит и шлем" (*en Adels-Mand, som fører Vaaben eller haver adeligt Skiold og Helm*) (DM. 1747. Bd. III. S. 229). Нельзя, однако, не отметить, что указанные термины как имена одной из категорий "дворян" вышли из употребления еще в XV столетии, так что их смысл впоследствии мог быть утерян и неправильно истолкован.

43 *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 2.

44 Ibid. N 8.

упомянутая выше грамота Эрика Померанского, выданная городским властям Мальмё. В ней король жалует горожанам "вести герб и *Clenodia* на печати и щите" (*Wapn oc Clenodia vti incigle oc Schiold at føre*). Поскольку далее в грамоте следует описание не только щитовой эмблемы (*Wapn*), но и знаков шлема, то под словом "Clenodia" по видимому, и подразумевались эти самые знаки.

Но в датских грамотах XV в. и позднейшего времени слово "clenodia" в качестве имени знаков на шлеме более не встречается, из чего можно заключить, что в Дании это слово использовалось редко или, во всяком случае, в эпоху Эрика Померанского уже выходило из употребления. Вместо него иногда, как, например, в грамоте короля Ханса, выданной Нильсу Мадсёну (1497 г.), находим выражение "Hielme Tegn" ("шлемовый знак")[45].

Впрочем, в дворянском патенте Франца Эберхарда Спехана 1670 г.[46] обнаруживаем выражение "Klenodie af Skjold og Hjelm" Но здесь под словом "Klenodie" подразумевался "герб", состоявший из знаков шлема и щитовой эмблемы. Такой вывод делаем на основании того, что несколько ранее, вслед за описанием знаков герба, дана отсылка к "вышеуказанным щиту, шлему и гербу" (*ovenbemeldte Skjold, Hjelm og Vaaben*). Иначе говоря, в данном случае слово "Klenodie" было употреблено в качестве синонима слова "Vaaben"[47].

Возникновение в XIV в. художественных изображений, представлявших собой композицию из щита и шлема, несомненно, стало следствием получившей к тому времени развитие в Западной Европе мысли о включении в число отличительных знаков рыцаря не только эмблемы щита, но и украшений шлема. В том же столетии, в частности в Германии, слова "щит" и "шлем", в значении носителей эмблем и украшений, вошло в обыкновение употреблять в виде устойчивого выражения "щит и шлем" (*schildt und helm; clipeus et galea*)[48]. Это выражение, однако, обнаруживается не в легендах печатей, а в документальных источниках, чаще всего в грамотах с описанием щитовых и шлемовых знаков.

В западноевропейских документах второй половины XIV в., например, немецких, появляется, помимо словосочетания "щит и шлем", и другое выражение – "герб, щит и шлем" (*wappen, schild und helm*)[49]. Причем, как следует из текста некоторых грамот, под словом "wappen" подразумевались знаки и щита, и шлема. Примером служит текст из грамоты римского короля Венцлава (Венцеля, Вацлава), выданной в 1392 г. братьям Гансу и Клаусу Конц

---

[45] Niels Madsøns Vaaben og Adel-Brev, givet of Kong Hans 1497 // DM. Bd. III. S. 163.

[46] Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 328–329.

[47] "Clenodia sive Kleinod" среди "Synonyma" имен "герба" упоминает также в своем трактате о праве гербов немецкий писатель середины XVII в. Т. Хёпинг (*Hoepingh Th.* De insignium sive armorum prisco et novo jure tractatus juridico-historico-philologicus. Horibergae, 1642. P. 13). Но слово "клейнод" в различном его написании вообще могло употребляться в качестве просторечного имени монархических символов, о чем свидетельствует тот же Хёпинг, говоря "De insignibus imperii vulgo clinodia" ("Об инсигниях империи, в просторечии клинодиях") (Ibid. P. 149).

[48] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 216–217.

[49] Ibid. S. 217.

ман фон Штафффурт. В ней говорится об их "гербе щита и шлема" (*wappen uff dem schilte und dem helm*)[50].

Выражения "щит и шлем" и "герб, щит и шлем", по обыкновению, представлены также в дворянских грамотах, издававшихся в Дании со времени царствования Эрика Померанского. Так, в сохранившейся в списке дворянской грамоте Поуля Йенсена, которая датируется 1426 или 1441 г., говорится только о "щите и шлеме" (*skjold og hjelm*), после чего следует описание знаков щита и шлема. Это выражение, и тоже при отсутствии слова "vapn" обнаруживаем затем в большинстве грамот XV и начала XVI в., в частности в грамоте, выданной Нильсу Мадсёну (1497 г.). В ней король Ханс жалует "дворянские" права (*Friiheidh oc Frælse*) "со щитом и шлемом, а именно целую серую белку в красном поле, и в качестве шлемового знака половину передней части серой белки"[51].

Слово "vapn" могло отсутствовать и в грамотах, издававшихся уже в Новое время. Например, его нет в дворянском патенте Йоргена Рейквейна (1655 г.), которого король Фредерик III пожаловал "щитом и шлемом, как-то: вооруженная рука, на которой держится красная виноградная кисть, в синем поле и на открытом шлеме три красных знамени с белым крестом"[52].

Поулю Маттиссёну вместе с "дворянскими" вольностями (*Friheet ok Frelsse*) был пожалован (1433 г.)[53] "щит и шлем... а именно два белых рога буйвола в синем поле и на шлеме два белых рога буйвола, в соответствии с тем, как они здесь ниже изобразительно описаны". Но вслед за тем в той же грамоте, дошедшей до нас в подлиннике, говорится об "утверждении этих прежде писанных" (*Stadhfestelsse thenne forscreffne*) "Frihets ok Wapns" Под словом "Wapn" здесь, как в немецких грамотах того времени и в грамоте на пожалование герба городу Мальмё (1437 г.), конечно, подразумевался "герб", а не буквально оружие – щит и шлем.

В другой же "дворянской" грамоте, Нильса Нильссёна, изданной тоже в 1433 г.[54], находим уже формулу "герб, щит и шлем" (*Wapen, Schiold oc Hielm*): "...в щите половина золотой звезды с пятью зубцами и половина красной луны в синем поле, и на шлеме золотая звезда с пятью зубцами". Эта формула обыкновенно встречается в дворянских грамотах, издававшихся в XVI–XVIII вв., хотя нередко с написанием слова "vaaben" на последнем месте (*Skiold, Hielm og Vaaben*), например, как в дворянских патентах Франца Эберхарда Спехана (1670 г.), Маттиаса Мота (1679 г.)[55] и Ханса Воскама (1701 г.)[56].

---

[50] Ibid. S. 349.

[51] "...met Skiold oc Hielm, som ær ith heelth groeth Eggernæ vdi ith røeth feldht, oc till Hielme Tegn ith halfft frammerdeell aff ith groeth Eggernæ" (Niels Madsøns Vaaben og Adels- Brev. S. 163).

[52] "...med Skjold og Hjelm, som er en væbnet Arm, holdendes en rød Vindrueklasse, udi et blaat Felt med et hvidt Kors" (цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 317).

[53] "Schiold och Hielm... Sua som ær tw huinde Wesene Horn uti eet blaat feld och uppa Hielmen tw huide Wesene Horn, efter thy som the her fornethen maledh bescreuen stande" (Povel Matthissøns Vaaben og Adels-Brev, givet of Kong Erik of Pommern 1433 // DM. 1746. Bd. II. S. 36).

[54] "...i Schiolden en halff gull Stierne met fem Tagger oc en halff rødh Mane vti et blat Feld, oc vpa Hielmen en gull Stierne met fem tagger" (Niels Nielssøns Vaaben og Adels-Brev, givet of Kong Erik of Pommerm 1433 // DM. 1745. Bd. I. S. 99).

[55] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 333.

[56] *A[chen] S.T.* Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 312.

Из дворянских грамот, выданных Эриком Померанским, следует, что тогда под словом "wapn" в Дании, как ранее в Германии, уже начали понимать знаки не только щита, но и шлема. Действительно, в указанных грамотах отсутствует особый термин для шлемовых знаков, а кроме того, нельзя не заметить, что после описания знаков щита и шлема в ряде грамот говорится о ранее упомянутом "wapn". Самая мысль о подведении шлемовой эмблемы под понятие "wapn", вероятно, имела своим источником то, что эту эмблему к XV в. вошло в обыкновение создавать на основе знаков щита, причем последние могли заимствоваться полностью или частично: и в части фигур, и в части цветов. Действительно, выше мы видели, что щитовая эмблема Поуля Маттиссёна представляла собой "два белых рога буйвола в синем поле", и на его шлеме также были "два белых рога буйвола". На шлеме же Нильса Нильссёна находилась пятиконечная золотая звезда, которая вместе с полумесяцем показана в его щите. В обоих случаях щитовые и шлемовые знаки в конце грамот в целом называются "Wapn" ("Wapne").

В Дании обычай создавать знаки шлема на основе щитовой эмблемы сохранялся, о чем свидетельствуют дворянские грамоты, и после эпохи Эрика Померанского, что, конечно, только еще более способствовало утверждению в сознании датчан представления о термине "wapn" как об имени эмблем щита и шлема.

Замечаем, однако, что формальные качества самих щита и шлема в грамотах словесно не описывались, а, следовательно, их имена служили только указанием на те материальные явления, щит и шлем, которые в идеале признавались носителями эмблем и знаков, подпадавших под понятие "герба". Этим фактом объясняется и то обстоятельство, что знаки герба могли представать на других предметах, например, знамени или одежде. И все же щит и шлем в высокое и позднее Средневековье являлись главными предметами, на которых было принято представлять гербовые знаки. Они являлись непременными атрибутами рыцаря, вследствие чего, особенно щит[57], воспринимались в качестве символов рыцарского достоинства. Отсюда, вероятно, и возник обычай, по которому с XIV в. дворянские грамоты, издававшиеся в Западной Европе, содержали указания на "щит и шлем" как на носители герба. В Дании этой традиции следовали и в Новое время, когда щит и шлем уже перестали быть предметами вооружения и превратились в чисто художественные изображения, за которыми, однако, сохранялось их старинное символическое значение – знаков, теперь, правда, отвлеченных, дворянского достоинства.

Высокое и позднее Средневековье было тем временем, когда "гербовые" щит и шлем были не только предметами рыцарского вооружения, но и представлялись в виде художественных изображений. Причем если раньше, в XII – первой половине XIV в., "гербовое" оружие служило источником соз

[57] Признание в высокое Средневековье именно за щитом права считаться первым и основным носителем гербовой эмблемы, вероятно, может находить свое объяснение в том факте, что к XIII в. на европейской почве вошло в обыкновение придавать щиту символическое значение знака общественно-политического положения государей и их вассалов на феодальной лестнице, о чем, например, находим свидетельство в "Саксонском зерцале" Эйке фон Репкова (ок. 1180 – после 1223) (Саксонское зерцало. М., 1985. Земское право. I. 3. § 2).

дания таких художественных изображений, то впоследствии, с появлением грамот на гербы, и сами эмблемы, нарисованные и описанные в этих документах, могли служить образцами, по которым передавались гербовые знаки на предметах вооружения или на других вещах. Кроме того, став художественными изображениями в живописных произведениях, в гербовниках, на печатях, монетах, надгробиях и прочих вещах, "гербовые" щит и шлем не могли не начать восприниматься в качестве таких художественных образов, которые характеризовались набором устойчивых элементов – гербовых знаков и их носителей в виде щита и шлема. Подобное же впечатление на зрителя должно было производить и то композиционное целое, которое с XIV в. часто представляли собой гербовые щит и шлем. Следовательно, создавалось новое, теперь уже чисто художественное явление, которое существовало самостоятельно от "гербового" оружия, порождая особые душевные переживания и на их почве эстетические представления. В свою очередь, эти переживания и представления, конечно, вызывали потребность обозначить запечатленный в сознании образ каким-то именем. И поскольку "гербовые" знаки зритель находил на предметах оружия, то эти знаки воспринимались через имена их носителей. Иначе говоря, художественный образ герба, представавший, по обыкновению, в виде приведенных в связь щита и шлема с их знаками, получал в грамотах позднего Средневековья словесное определение посредством выражений "щит и шлем" или "оружие (герб), щит и шлем" Эти выражения сохранялись, но уже по традиции, и в датских дворянских грамотах Нового времени.

Нельзя также не отметить, что "геральдический" термин "vaaben" мог употребляться и без сопровождения выражения "щит и шлем", причем иногда даже в королевских грамотах, как, например, в грамоте, в которой король Фредерик II объявляет о пожаловании герба городу Рённе (1562 г.). Здесь говорится о "Byens Vaaben" ("герб города") и о "гербе, который должен представлять собой три белых трески в синем поле"[58]. Но щит, заключающий данную эмблему, изображен и в грамоте, и на самой ранней из сохранившихся печатей Рённе, употреблявшейся в 1584–1655 гг.[59] Шлем же грамотой не предусматривался. Нет его и на городской печати.

Вместе с тем художественные изображения гербовых щитов или композиций, образованных из щитов и шлемов, с течением времени стали называться, подобно гербовой эмблеме, только словом "оружие" в значении герба. Подтверждения тому находим в датских источниках XVI в., например, в стенной росписи Сённерхольмской церкви (1556 г.), которая содержит изображения тридцати двух гербов (приведенных в связь щитов и шлемов), принадлежавших предкам Габриеля Гюлленстьерне и его жены Кирстен, происходившей из рода Фриис. Здесь гербовые щиты родственников Кирстен подписаны следующими словами: "Эти *vabben* есть шестнадцать предков почтенной и благородной женщины госпожи Кирстен Габриелевой"[60].

---

[58] "...et Vaaben, som skal være Tre hvide Torske udi et blaat feldt" (Povel Matthissøns Vaaben og Adels-Brev... S. 98).

[59] DKSS. N 16 I.

[60] "...disse vabben er erlig oc welbyrdige kvinde frv kirsten gabriels hinnis sexten anner" (*Saxtorph N.M.* Jeg ser på kalkmalerier: Alt hvad der findes i danske kirker. 3. udg. Kbh., 1979. S. 247).

Такое отдельное, без щита и шлема, употребление слова "оружие", вероятно, может находить свое объяснение в том обстоятельстве, что в позднее Средневековье слово "vaaben" настолько привыкли употреблять по отношению к знакам щита и шлема, что последние имена для краткости могли опускаться. А это, в свою очередь, не могло не свидетельствовать о том, что вместе со своим устойчивым именем "оружия" знаки щита и шлема обрели к тому времени и самостоятельное, несвязанное с их носителями смысловое существование.

Говоря о "геральдическом" термине "arma", мы не должны оставлять без внимания и тот факт, что этот термин, подобно слову "arma", обозначавшему боевое наступательное и оборонительное оружие, не имел формы единственного числа. Поэтому он мог употребляться в отношении как одного, так и двух или нескольких гербов. Например, от конца XV столетия в стенописях одной из капелл Роскиллеского собора сохранились изображения щитов с гербами отцовского (Баден) и материнского (Оксе) рода епископа Роскилле Олуфа Мортенсена (ум. 1485), и при этих щитах читается следующий текст: "*Arma* достопочтенного отца господина Олуфа Мортенсена, епископа Роскиллеского, основателя этой капеллы, чья душа да упокоится в мире Христа"[61]. В данном случае, поскольку словом "arma" подписаны сразу два гербовых щита, оно, несомненно, обозначало именно два герба.

В свою очередь, к позднему Средневековью восходят свидетельства, обнаруживаемые, помимо письменных источников, в церковных стенописях, из которых следует, что в Дании слово "arma" употреблялось и как имя одного герба. Эти свидетельства настенной живописи, например, представлены фресками первой трети XVI столетия в Нордбюской (Nordby) церкви, расположенной на острове Самсё. Здесь изображены гербовые щиты двух последних католических епископов Орхуса, Нильса Клаусена (Скаде) (1491–1520) и Ове Билле (1520–1536), которые подписаны соответственно: "*Arma* господина Нильса Клаусена, епископа Орхусского" и "*Arma* господина Ове Билле, епископа Орхусского"[62].

В связи с отсутствием формы единственного числа у слова "arma" нельзя не задаться вопросом, с каким значением, единственного или множественного числа, представало это слово в подписях, сопровождавших изображения многочастных гербовых щитов королей Дании. Тем самым мы должны будем ответить и на другой вопрос: что датчане могли подразумевать под многочастным гербовым щитом – композицию из различных гербов, носимых одним государем, или один герб, состоявший из двух или нескольких гербов.

Действительно, от XVI в. сохранилось несколько изображений многочастных гербовых щитов королей Дании, подписи которых содержат слово "arma" Так, на титульных листах книг, издававшихся Кристиерном Педерсеном, щит с гербами короля Кристиана II обычно подписан выражением "Arma regis Danie"[63] (илл. 58). Такое же выражение, с той единственной раз

---

[61] "Arma venerendi patris domini Olavi Martini episcopi Roskildensis fundatoris hujus capelle cujus anima in pace Christi requiescat" (Ibid. S. 98).

[62] "Arma domini Nicolai Clauseni episcopi Arusiensis "Arma domini Ove Bille episcopi Aurusiensis (Ibid. S. 306).

[63] См.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905. S. 226 (DRH. Bd. III).

Илл. 58. "Герб короля Дании" в книгах, издававшихся Кристиерном Педерсеном, 1515–1522 гг.

ницей, что вместо "Daniae" указано "Daciae" находим под многочастным щитом короля Кристиана IV на обороте титульных листов, которые предваряют тексты "Ютландской Правды" и королевских указов, вышедших из печати в 1590 г.[64]

Следовательно, в XVI в. термин "arma" (и, соответственно, "vaaben") вошло в обыкновение прилагать не только к гербу какой-нибудь одной страны, но и к гербам различных государств и земель, если эти эмблемы заключались в один щит. К этому следует добавить, что в XVI–XVII вв. те же гербы часто могли представать в отдельных щитах, которые разным способом были приведены в связь, составляя тем самым цельную композицию. И такая композиция в Новое время также воспринималась как "vaaben" короля Дании[65].

Самое художественное умозрение ренессансной и барочной эпох создавало почву для развития целостного восприятия двух или нескольких гербов или гербовых щитов, приведенных каким-либо способом в связь. Если в готическом искусстве высокого и позднего Средневековья все элементы композиции характеризовались как индивидуальности, иерархическая и гармоническая слаженность которых позволяла образовывать зрительный образ, то в произведениях мастеров начала XVI в. эти индивидуальные знаки начали представляться как множественное единство, призывая тем самым к ви́дению не столько частных деталей, сколько выраженного через них образа. В свою очередь искусство барокко предполагало изображение уже целостной картины, в которой все художественные элементы утрачивали свою предметную обособленность и составляли целостное единство[66].

Однако развитие целостного ви́дения двух и нескольких гербов в их композиционной обусловленности и, как следствие, обозначение таких гербовых композиций словом "герб" не означало, что эмблемы земель, с которыми представлялся король Дании, теряли свое индивидуально-символическое значение. Это подтверждается письменными источниками Нового времени, например, документами второй половины XVI и начала XVII в., в которых освещается вопрос о датско-шведской распре, возникшей на почве ношения

[64] Den Rette Judske Lowbog, Nu Nylige offuerseet, Corrigerit oc Dansken Forbedrit, Aar M. D. LXXXX. Kbh., 1590; Kongelige Majestatz Obne Breff, Lydendis om Hues Almindelige Mandater oc Forordning. Kbh., 1590.

[65] См. с. 323–324.

[66] О формальном выражении множественности и единства в искусстве XV–XVII вв. см.: *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М., 2002. С. 182–230.

датского, норвежского и шведского гербов королями Дании и Швеции[67]. Отметим также, что Л. Хольберг в очерке "О гербе Дании и Норвегии" (1729 г.) дает индивидуальную характеристику всем гербам датского государя. Но при всем том в композиционной связи эти гербы представляли или множественное единство, или целостное единство; и в том и другом случае выражалась сверхидея по отношению к индивидуально-символическому смыслу каждого из земских гербов[68].

На XVI–XVII вв. приходятся также перемены в грамматических формах, с которыми употреблялось "геральдическое" слово "vaaben" – датский эквивалент латинского термина "arma". Поначалу это слово при обозначении как одного, так и двух или нескольких гербов имело одно написание. С таким написанием оно, по обыкновению, предстает и в памятниках письменности XVI в. Но в этом столетии появляются и грамматические нововведения, выражавшиеся в том, что количество гербов, скрывавшихся за термином "vaaben", начинают обозначать при помощи указательных местоимений, определенных артиклей и прилагательных, поставленных соответственно во множественном или единственном числе. Например, выше мы видели, что текст, которым сопровождаются изображения гербов предков Кирстен Фриис в Сённерхольмской церкви (1556 г.), начинался со слов "disse vabben" ("эти гербы"). Такой способ определения числа сохранялся также и XVII и первой половине XVIII в., о чем свидетельствует употребление Л. Хольбергом (1729 г.) выражений "det Kongelig Danske vaaben" ("королевский датский герб") и "de Kongelige Danske vaaben" ("королевские датские гербы").

Однако, по крайней мере, уже со второй половины XVI в. "геральдический" термин "vaaben", в отличие от имени оружия, время от времени начинает употребляться с окончанием "-e", которое в датском языке указывало на множественное число. Так, датчанин Расмус Ханссён Реравиус (ок. 1540–1582) в поэтической истории короля Фредерика II свидетельствовал, что его современник, королевский герольд Йохан Баптист, в 1571 г. "на своем одеянии герольда" носил "Danmarks riges vaabene" ("гербы государства Дании"). В другом месте своего сочинения, в описании коронации короля Фредерика (1559 г.), Реравиус сообщает, что королевские герольды Николаус Фонтейн и Каролус Скотте были одеты в "платье герольда", украшенное "Danmarks Vaaben"[69]. Что следует подразумевать под этим выражением – собственно "герб Дании" или "составной" герб датского государя, из контекста неясно. Можно, однако, догадываться, что, если автор в одном и том же своем сочинении употребил слово "vaaben" с окончанием множественного числа и без него, то он сделал это сознательно. А если дело обстояло именно так, то тогда под выражением "Danmarks Vaaben" Реравиус подразумевал один "герб Дании". Но, зная о том, что во второй половине XVI в. герольды датских королей носили одеяния, на которых по уже устоявшейся традиции присутствовало изображение щита с нескольки

[67] См. с. 217–222.

[68] О смысле композиций из гербов королей Дании, см. с. 258–338.

[69] *Reravius Rasmus Hansen*. Storm. Her Frederichs den Andens og Storm. Frue Sophiæ, Beggis deris Kronings og Brøllups Historie. Kbh., 1576 (Цит. по: *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder // Herald. Tidsskr. 1972. N 25. S. 219–220).

ми гербами короля Дании[70], можно предполагать, что слово "vaaben" в выражении "Danmarks vaaben" употреблялось в качестве имени "составного" герба Дании. Отсюда выводим, что оба вышеупомянутых выражения, использованные Реравиусом, обозначали ни что иное, как "составной" герб Дании или ее короля.

Слово "vaaben" с окончанием множественного числа для обозначения трех гербов и без окончания для наименования "составного" герба короля Дании впоследствии использовал также Л. Хольберг, о чем с очевидностью свидетельствует следующий текст, который читаем в его очерке "О гербе Дании и Норвегии": "Шлезвигский герб есть два синих льва в золотом поле; голштинский – белый крапивный лист с тремя гвоздями в красном поле; и стурмарнский – белый лебедь с короной вокруг шеи в красном поле. Эти три герба после смерти герцога Гольштейна в 1459 году королем Кристианом I, который стал государем той страны, были внесены в королевский датский герб"[71].

Данный текст интересен еще и тем, что в нем слово "vaaben" представлено уже с новым окончанием множественного числа, а именно "-er" ("vaabner"), которое в дальнейшем применительно к "геральдическому" термину "vaaben" ("våben") стало общеупотребительным в датском языке.

Известно также, что в XIII–XVII вв., гербовые щиты и шлемы датчан иногда снабжались разного рода дополнительными знаками (коронами, наметами, щитодержателями, орденами, мантиями и т.д.). Вместе с тем эти знаки, о которых ниже будем говорить отдельно[72], мало-помалу начинали осознаваться как элементы герба и в таковом качестве в Новое время включаться в описания гербов датчан. В результате на датской почве начала развиваться эмблема, впоследствии названная по-датски "fuldstændigt vaaben" ("полный герб"). Впрочем, в сознании датчан такая насыщенная дополнительными знаками эмблема обыкновенно воспринималась и просто как "vaaben"

В то же время следует отметить, что в XVII, XVIII и последующих столетиях в Дании никогда не исчезало и традиционное представление о том, что под гербом (*vaaben*, *arma*) в первую очередь следует понимать изображение на щите. Так, в реестре "Дворянские патенты", который начал вестись в царствование Кристиана V (1670–1699), в изложении содержания патента Петера де Спрехельсен аф Дроннингборг (1682 г.) сообщается о "щите и родовом гербе" (*clypeum ac arma gentilitia*)[73].

Позднее Л. Хольберг, разъясняя в своем очерке "О гербе Дании и Норвегии" (1729 г.) смысл "геральдического" термина "vaaben", написал следующее: "...adelige vaaben, skiold og hielm, ellers med et Dansk ord kaldet skioldemerke"[74], который переводится как "...дворянский герб, щит и шлем, иначе

[70] См. с. 376–377.

[71] "Det Slesvigske vaaben er 2de blaae løver udi et guult felt; Det Holstenske et hvidt nelle-blad med 3de nagler udi et rødt feldt, og det Stormarnske en hvid Svane med en krone om halsen udi et rødtfeldt; Disse 3de vaabner blev efter Hertugens af Holsten død aar 1459. af Kong Christian den 1te hvilken Herre samme lande vare tilfaldne, indlemmet i det Kongelig Danske vaaben" (*Holberg L.* Om Dannemarks og Norges Vaaben. S. 630).

[72] См. ч. II настоящего издания.

[73] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 337.

[74] *Holberg L.* Op. cit. S. 617.

одним датским словом называемый skioldemerke (знак щита)". Из этого текста видно, что слова "щит и шлем" служили лишь поясняющим дополнением к выражению "дворянский герб", который изображался в качестве знака (или эмблемы) прежде всего на щите.

В том же XVIII столетии в качестве синонима слова "vaaben", обозначавшего изображение на щите, входит в употребление также составное слово "vaabenmerke" ("våbenmerke"). Его, например, обнаруживаем в третьем томе "Датского журнала" (1747 г.), в описании иконографии печати епископа Оденсеского Науне (1416 г.), в частности его гербового щита: "*Vaaben-Merke* были три небесные волны, над которыми две стрелы с наконечниками, направленными в разные стороны"[75]. Синонимом этого слова, в свою очередь, позднее стало другое составное слово – "vaabenbillede"; оба эти термина по своему значению соответствуют русскому геральдическому выражению "гербовая эмблема".

Выше было отмечено, что в качестве пояснения "геральдического" термина "arma" со времени позднего Средневековья в латинской словесности мог использоваться термин "insignia". Употреблялся он в XV–XVIII вв. и в Дании, причем довольно часто. Тождественное "геральдическое" значение обоих слов обнаруживается в первый раз на датской почве в тексте привилегий орденского братства короля Кристиана I, которые в 1474 г. утвердил папа Сикст IV. В них говорится, что "каждый из пятидесяти братьев", из которых должно было состоять это братство, обязывался завещать орденской капелле, находившейся в соборе Роскиллеской Богоматери, знак ордена в виде цепи с пятью рейнскими золотыми флоринами и своим собственным гербом (оружием) или знаками (*suis propriis armis sive insignibus*)[76]. Здесь под словом "insignia", несомненно, подразумевались не какие-то лично-отличительные знаки вообще, а личные знаки, которые по-другому назывались "arma".

От конца XVI в. сохранились свидетельства о том, что к тому времени в Дании для обозначения герба вместо "arma" употреблялось слово "insigne", а во множественном числе – "insignia". В книге с описанием похорон датского короля Фредерика II (1559–1588), изданной в 1588 г., рассказывается, что во время траурной процессии, направлявшейся к месту последнего упокоения почившего государя, несли знамена и вели лошадей с попонами, на которых были представлены "insignia". И, как следует из дальнейшего текста, на каждом знамени находилось по изображению "insigne" какой-либо страны, а именно тех государств и земель, эмблемы которых на тот момент присутствовали в гербе короля Дании. Например, в этом тексте называется "Знамя, на котором был *insigne* Эзельский, как-то орел", "Знамя с *insigni* Ольденбургским, у которого две красных балки в золотом поле", или "Знамя с тремя синими львами в золотом поле, что есть *insigne* королевства Дании". Завершает перечень знамен "Знамя регалий королевства Дании, на котором его (короля Фредерика. – *В.А.*) *insigne* был изображен полностью" (*Vexillum*

---

[75] "Vaaben-Merke var tre Himmel-Buer hvorover tvende Pile med Spidsette paa Skak op ad" (DM. 1747. Bd. III. S. 258).

[76] *Bircherodius Janus*. Breviarium eqvestre, seu De Illustrussimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Ejusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704. S. 43.

Regaliorum regni Daniae, in quo eius insigne integre depictum fuit)[77]. На гравюре того времени, которая иллюстрирует описание рассматриваемой траурной процессии, данное знамя предстает с изображением многочастного гербового щита короля Фредерика[78]. Отсюда заключаем, что словом "insigne" у датчан XVI в. было принято обозначать и герб их государя, состоявший из нескольких гербов.

В то же время автор описания похорон Фредерика сообщает, что два королевских герольда несли "regia insignia"[79], под которыми, согласно показанию гравюры, подразумевались изображения многочастного гербового щита датского короля, находившиеся на платье герольдов. В данном случае слово "insignia", судя по тому, какое значение тот же автор вкладывал в него ранее, обозначало совокупность отдельных "insigne", заключенных в один щит. Также на обороте титульного листа изданного в 1590 г. "Датского морского права" обнаруживаем королевский многочастный щит со следующей подписью: "Insignia Illustrissimi Danorum etc. regis Frederici II" ("*Insignia* светлейшего короля датчан и прочее Фредерика II")[80].

Стало быть, на датской почве за словом "insignia" к исходу XVI в. утвердилось значение многочастного гербового щита. Отсюда открывался путь к тому, чтобы образ такого щита стал осознаваться в качестве одного "герба" под названием "insignia"

В значении "геральдического" термина слово "insigne" ("insignia") употребил и датский писатель Й. Коллинг в сочинении, посвященном географическому описанию земель, подвластных датской короне (1594 г.). Этим словом он назвал главные фигуры герба королей Дании, "один из их благороднейших *insignium*", – "три... синего цвета льва" (*tres... caerulei coloris Leones*)[81]. Правда, из употребленной здесь грамматической формы невозможно определить, как Й. Коллинг в именительном падеже обозначал датскую эмблему – "insigne" или "insignia". Но в том же его сочинении обнаруживаем следующий текст: "государи греков в качестве *insignia* имеют золотое руно" (*Principes Graecorum insignia habent aureum vellus*)[82], в котором слово "insignia", несомненно, обозначает один знак, или герб, в виде золотого руна.

В дальнейшем, в XVII в., слово "insigne" для обозначения герба в единственном числе в латинской словесности Дании вышло из употребления; вместо него датчанами, писавшими по-латыни, обычно использовалось слово "insignia" Об этом свидетельствуют выражения, которые обнаруживаются в

---

77 Descriptio Pompae funebri, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II. Daniæ, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve Regis, etc. Vna cum Epitapijs nonnulis in obitum eiusdem. Lipsiæ, 1588. P. 13–17.

78 *Ens Lorchensis G.* Rerum Danicarvm Friderico II inclitae memoriae, rervm potiente, terra mariqve gestarum Historia. Francofurti, 1593. Tabula 15.

79 Descriptio Pompae funebris. P. 18.

80 Den Danske Søraet, Som Stormectigste Høyborne Første oc Herre Her Frederich den Anden Danmarckis, Norgis, Wendis oc Gottis Konning etc. Lod udgaa Aar effter Guds hyrd M. D. Lxi. Kbh., 1590.

81 *Koldensis Jonas.* Daniae descriptio // *Stephanius Stephanus Johannis.* De regno Daniae et Norwegiae... Lugduni Batavorum, 1629. P. 250–251.

82 Ibid. P. 250.

реестре дворянских грамот конца XVII в.: при описании содержания патент Петера де Спрехельсен аф Дроннингборг в одном варианте говорится "clypeum ac arma gentilitia", в другом — о "clypeum et gentilitia insignia"[83]. Поскольку в данном случае речь идет о "щите и родовом гербе" одного конкретного человека, то, очевидно, слово "insignia", выступая в роли синонима термина "arma", служит обозначением одного герба.

Около того же времени, в 1693 г., выражения "свой родовой герб" (*insignia sua gentilitia*), "его родовой герб, нарисованный своими подлинными цветами" (*Insignia illius Gentilia vivis suis coloribus depicta*) и "его родовой герб" (*Insignia ejus Gentilia*) были использованы в латинском переводе статутов ордена Слона[84]. В датском тексте этих статутов, изданном в том же году, выражениям "insignia gentilitia" и "insignia gentilia" соответствовал термин "Vaaben"[85] – эквивалент латинского термина "arma"

В Германии XVII в., как и в предыдущие столетия, слово "insignia" также переводили на народный язык словом "wappen" Например, у Т. Хёпинга есть сочинение "De Dignitatis Singularis Insignibus, uulgo WAPPAE dictis"[86] или по-русски "О знаках личного достоинства, называемых в просторечии оружие", в котором он, перечисляя "синонимы" (*Synonyma*) наименований "герба", указывает на "Wappes sive Wappen oder Wapen"[87]. Кроме того Т. Хёпинг приводит ряд латинских слов и выражений, которые в качестве имени "герба" являлись синонимами слов "Insignia", "Insignium" или "Insigne", а именно: "Arma", "Arma Nobilium" и "Armorum Insignia"[88]. Некоторыми из этих терминов (*insigne, arma*) обозначался "герб" и в латинской словесности Дании.

Впрочем, в Дании, как и в Германии, в XVII в. и позднее латинское слово "insignia" могло по-прежнему употребляться для наименования двух или нескольких гербов. На это указывает выражение "Regnorum insignia" которое находим в описании датских монет, составленном на латинском языке в конце XVII столетия. Данным выражением, которое переводится как "гербы государств (королевств)", автор описания, Х. Якобеус, называет многочастные гербовые щиты королей Дании Ханса и Фредерика I, заключавшие эмблемы нескольких стран, в том числе королевств Дании, Норвегии и, при Хансе, Швеции[89].

В то же время многочастный гербовый щит короля Кристиана II Х. Якобеус назвал "Daniae insignia ejus temporis completa", что в русском переводе

---

[83] Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel. S. 337.

[84] *Bircherodius Janus.* Op. cit. S. 86–93.

[85] *Grandjean H.F* De Kgl. Danske Ridderordener. Kbh., 1903. Elefant-Ridder-Ordens Statuter. § 10 36, 37, 40, 42, 45.

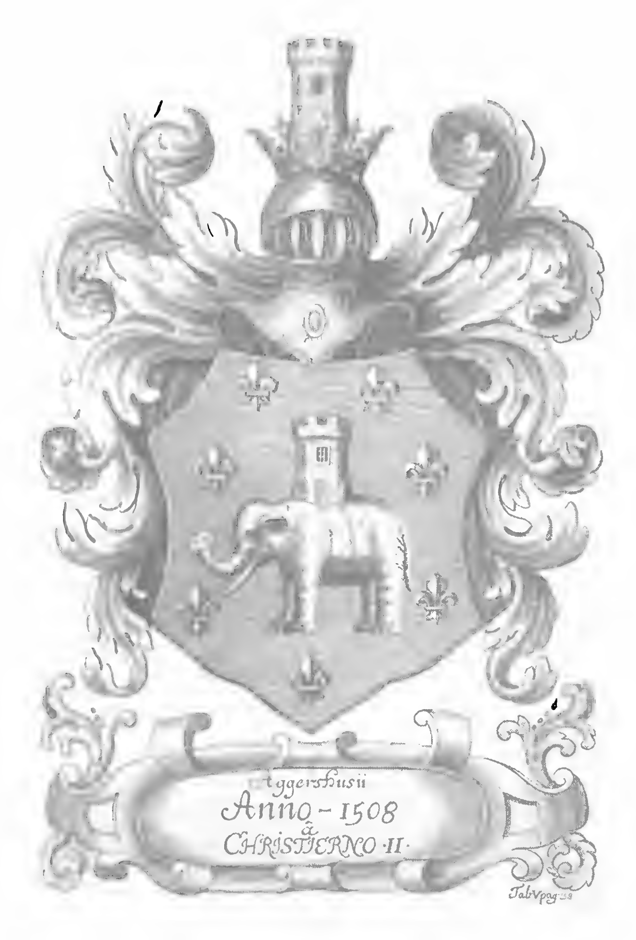
[86] *Hoepingh Th.* Op. cit. Caput secundum. § IIX.

[87] Ibid. P. 13.

[88] Ibid. P. 9–11. Помимо этих имен, Хёпинг исчисляет еще ряд "Synonyma" слов "insignia" и "arma": "Imagines", "Stemmata", "Schemata", "Signa", "Intersigna", "Intersigne" "Intersignium" "Symbola", "Emblemata", "Nota et Argumentum", "Tesserae", "Decora", "Clenodia sive Klenod" и "Schild und Helm" (Ibid. P. 11–13). Однако, за исключением последнего выражения и отчасти слова "клейнод", все эти термины в качестве имен "герба" в Дании не употреблялись.

[89] *Jacobaeus Oligero.* Museum Regium seu Catalogus Rerum tam naturalium, quam artificialium, quae in basicila bibliothecae augustissimi Daniae Norvegiaeqve monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696. P. 69, 71.

звучит как "полный герб Дании его (т.е. Кристиана. *В.А.*) времени"; а такой же щит Кристиана III тот же писатель обозначил как "Insignia Daniae plena" ("полный герб Дании")[90]. Из этих текстов видно, что, поскольку здесь говорится об одном государстве, под словом "insignia" датчанами конца XVII в. подразумевался также один герб, хотя и составленный из гербов нескольких стран.

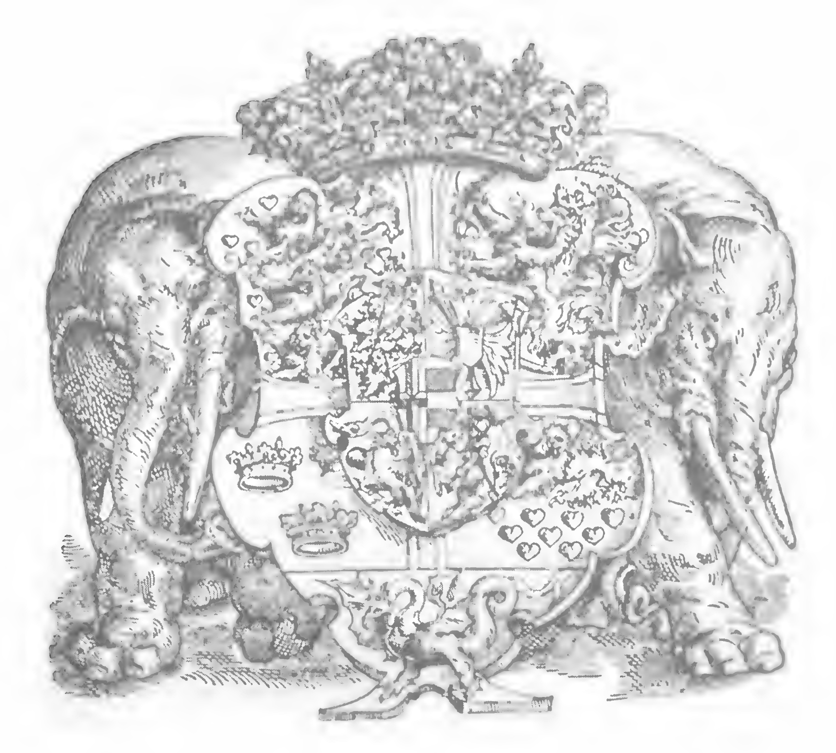

Илл. 59. Герб соборного пробста в Роскилле Эрика Валькендорфа. Гербовая грамота, 1508 г.

Обратим еще внимание на латинский перевод Й. Биркерода (1704 г.) грамоты на право ношения герба, которую будущий король Кристиан II в бытность наследником престола выдал соборному пробсту в Роскилле Эрику Валькендорфу (1508 г.) (илл. 59). В подлинном, датском тексте этого документа читаем выражение "Vaaben Skiold og Hielm", тогда как в латинском переложении Биркерода – "arma et insignia, scutum et clypeum"[91]. Нет сомнений, что в данном случае слово "insignia" исполняет роль синонима – пояснения слова "arma", под которым подразумевается герб, тогда как синонимами являются слова "scutum" и "clypeum" (щит).

Кроме того, в книге Й. Биркерода обнаруживаем изображение щита с гербами короля Дании. Оно было скопировано с гравюры Й. Аммана, которая была опубликована в "Кулинарной книге" М. Румпольта, изданной во Франкфурте-на-Майне в 1587 г.[92] В издании XVI в. гербовый щит, увенчанный короной и подпираемый двумя слонами, не имел подписи (илл. 60). В книге же Й. Биркерода под ним находим следующий текст: "Insignia Friderici II Regis Dan. et Norveg." Поскольку к концу XVII в. уже вошло в обыкновение слово "insignia" использовать в качестве латинского имени "герба", этот текст можно перевести как "Герб Фредерика II, короля Дании и Норвегии" Но в данном случае термин "insignia" обозначал не только щит

[90] Ibid. S. 70, 72.
[91] *Bircherodius Janus.* Op. cit. S. 37–38.
[92] *Krag H.* Hvorfra kom Elefantene? // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 58–59.

Илл. 60. Герб короля Дании. "Кулинарная книга" М. Румпольта, 1587 г

с гербами, или "составным" гербом, но также корону и щитодержатели. Стало быть, к тому времени этот термин, как и "геральдическое" слово "vaaben" стал употребляться датчанами по отношению к сложным по своему составу художественным композициям, включавшим в себя одновременно с гербовым щитом (и шлемом, как в дворянских гербах) различные дополнительные элементы герба.

Таким образом, "геральдический" термин "insignia", подобно его латинскому синониму "arma" и датскому слову "vaaben", со временем начал использоваться для наименования разных по составу знаков художественных композиций. И этому, несомненно, способствовало новое понятие о зрительных образах герба с его возможными дополнительными элементами, утвердившееся на западноевропейской почве в XVI–XVII вв. Но и самые воззрения на художественное творчество ренессансной и барочной эпох создавали основание для развития ви́дения гербового щита и шлема с их дополнительными знаками как целостного образа.

Подводя общий итог, можно сделать вывод, что понятие о гербе и, соответственно, его имени и художественном образе на западноевропейской почве, датской в частности, с течением времени претерпевало историческое развитие. Самое же это развитие имело своим источником коренные изменения в миросозерцании человека Западной Европы: на смену средневековому умонастроению с его символическим, конкретно-предметным мышлением шло мировоззрение человека Нового времени, склонного создавать отвлеченные понятия, часто обозначавшиеся, однако, старыми терминами. Худо-

жественное умозрение также развивалось от подчеркивания деталей в образе к стремлению создать целостное впечатление от зрительной картины. И мы видели, что со времени высокого Средневековья имя "герба" претерпевало перемены в словоупотреблении датчан; при этом оно постепенно наполнялось новым художественным содержанием. Вначале говорилось о "знаке" или "знаках" оружия, о самом оружии или его отдельных предметах – щите и шлеме. Затем в позднее Средневековье, как и в других странах Западной Европы, в Дании стал использоваться специальный термин "arma", иногда в первое время для пояснения смысла дополнявшийся словом "insignia". Последнее слово, а также иногда его форма единственного числа "insigne" и само в XIV–XVII вв. часто употреблялось как имя "герба". Термину "arma" в датском языке соответствовало слово "vaaben", которое как "геральдический" термин в конце изучаемого времени стало использоваться с указательными местоимениями и окончаниями, определявшими единственное или множественное число. Кроме того, слово "vaaben" и его латинский эквивалент в позднее Средневековье и Новое время, по обыкновению, писались вместе с выражением "щит и шлем", которое могло также использоваться отдельно как имя "герба".

Все специальные термины для "герба" сначала обозначали совокупность отдельных знаков, изображавшихся в первую очередь на боевом щите, или, позднее, в целом знаки щита и шлема. Затем под впечатлением от художественных изображений гербовых щитов и шлемов они стали прилагаться собственно к щиту (с одним, двумя или несколькими гербами) или к эмблеме, состоявшей из гербового щита и шлема. Наконец, термином "vaaben" или его латинскими эквивалентами начали обозначать художественные композиции, включавшие два или несколько гербовых щитов или представлявшие собой щиты, снабженные различными отличительными знаками – дополнительными элементами герба. К этому следует добавить, что все представления, находившие свое словесное выражение в специальном наименовании "герба" (*vaaben; skjold og hjelm; vaaben, skjold og hjelm; arma; insigne; insignia; insignia gentilia*), с течением времени не сменяли, а дополняли друг друга, так что в Новое время это наименование стало использоваться для обозначения различных гербовых композиций. А это, в свою очередь, дает основание утверждать, что с течением времени термин "герб" приобретал все более отвлеченно-многозначный характер.

Нельзя также не заключить, что специальные наименования и художественные образы "герба" на датской, как и в целом на западноевропейской, почве вырабатывались среди носителей придворно-рыцарской культуры, в среде правителей и их военных слуг, рыцарей и вебнеров, или дворян. Это лишний раз свидетельствует о том, что самое развитие явления герба в XII–XVII вв., прежде всего, происходило в высшем "светском обществе" Дании, равно как и других стран Западной Европы. Но "гербовая" терминология, создававшаяся придворной культурой, находила свое выражение не только в дипломатике, но также в литературных сочинениях, в частности в трактатах о гербах. И создатели этих сочинений, несомненно, тоже много способствовали тому, чтобы установилась традиция использования специальных имен "герба" – в том числе и в Датском королевстве.

Глава третья

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ГЕРБА В ДАТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Выясняя исторические обстоятельства возникновения герба, мы пришли к выводу, что в Дании, равно как и в других странах Западной Европы, герб зарождался в качестве элемента придворно-рыцарской культуры, как один из знаков, характеризовавших типический общественный образ носителей этой культуры – государей и их военных слуг, рыцарей и вебнеров ("дворян"). Самое историческое имя "герба" утверждалось на почве понятий, которые вырабатывались под впечатлением от знаков, увиденных именно на предметах рыцарского оружия, существовавших в действительности и в виде художественных изображений. Иными словами, со времени своего возникновения как культурно-исторического явления герб в Дании осознавался рыцарской, дворянской эмблемой, наделявшейся чертами узнаваемого образа. Но из предыдущего изложения вытекает также и то, что впоследствии в Дании под гербами подразумевались эмблемы городских общин, или городов, церковных учреждений, земель и областей, подвластных королям Дании, или Датского королевства. К этому следует присовокупить, что с течением времени на датской почве имя "герба" начало прилагаться к эмблемам лиц, которые по своему происхождению не принадлежали к дворянскому сословию. Стало быть, в Дании постепенно понятие "герба" дополнялось новым социальным и политическим содержанием, из чего можно заключить, что в датском общественном сознании по ходу истории происходило развитие идеи герба как отличительного символического знака.

В то же время нельзя не отметить, что историки геральдики, датские в частности, по обыкновению оставаясь равнодушными к вопросу о духовно-исторических условиях возникновения и развития понятия "герба", привыкли, не вдаваясь в объяснения, обозначать его именем разного рода эмблемы, обнаруживаемые на печатях средневековых городов и их обитателей. На тех же неопределенных основаниях в историографии утвердилось представление о существовании якобы уже с эпохи зарождения и становления "дворянских" гербов понятий о "гербах" государств, княжеств и их отдельных областей, а также церковных учреждений. Отсюда самая проблема развития в общественном сознании идеи герба в сторону наполнения этого понятия новым социальным и политическим содержанием осталась в историографии без должного внима-

ния. Таким образом, выяснение культурно исторических обстоятельств, при которых совершалось это развитие на датской почве, по сути дела является темой новой и, следовательно, нуждающейся в подробном изучении.

Бюргерские гербы

Приступая к исследованию данной темы, прежде всего вспомним, что важнейшей особенностью герба как "дворянской" эмблемы было то, что он служил знаком-символом конкретной личности-индивидуальности, через которую типически выражалась духовно-общественная индивидуальность под названием *ordo militum*. Эта особенность характеризовала герб и тогда, когда его стали рассматривать в качестве родовой, наследственной дворянской эмблемы. Следовательно, одно из условий, которое требовалось для признания за эмблемой лица, не принадлежавшего к чину рыцарей, или дворянскому сословию, значения герба, заключалось в наличии самой личности-индивидуальности. Одновременно данное лицо должно было испытывать душевную потребность в том, чтобы представлять себя через индивидуальные знаки. И такая потребность у датчан, не принадлежавших по общественному положению к *ordo militum*, развилась уже в Средние века, о чем свидетельствуют знаки, которые использовались датскими горожанами и бондами. По иконографическим признакам эти знаки можно подразделить на две категории. Одни представляют собой сочетание разнообразных геометрических линий, напоминающих буквы рунического алфавита, иногда с добавлением окружностей или полуокружностей. Другие предстают в виде разнообразных фигур, в том числе таких, которые характерны для дворянских гербов.

Что касается руноподобных знаков, употреблявшихся в Средние века и Новое время не только датчанами, но и другими народами германского корня[1], то они обнаруживаются главным образом на печатях или в виде подписей под документами, а также на надгробиях и иных предметах, причем иногда эти знаки предстают заключенными в щитах. Самые древние их изображения в Дании датируются началом XIV в. Из этого, принимая во внимание состояние наших источников, еще нельзя заключать, что руноподобные знаки не употреблялись в более раннее время. Ибо печати, главный источник, содержащий сведения о руноподобных знаках, мало-помалу входят в употребление у датских горожан и бондов только с конца XIII столетия. Между тем как знаки собственников, каковыми обыкновенно их считают исследователи, руноподобные знаки могли использоваться уже в V в., если верно их отождествление с теми знаками собственников, о которых содержатся упоминания в тогдашних и позднейших памятниках германского права, в том числе датских "правдах". Это подтверждается археологическими находками. Самые ранние из них, относящиеся приблизительно к 400 г., – это древки стрел, обнаруженные в середине XIX столетия в Нюдамском болоте (Nydam-mose), находящемся на юге Ютландского полуострова. На этих "Нюдамских древках" (*Nydam-Pile*) вырезаны знаки, характеризуемые теми

[1] См.: *Homeyer C.G.* Die Haus- und Hofmarken. B., 1870.

же внешними признаками, что и знаки на печатях, принадлежавших датчанам XIV–XVII вв.[2]

Свидетельство того, что у скандинавских народов еще в конце эпохи викингов или даже в XII в. существовал обычай вырезать знаки на древках стрел, находим и в "Саге о Йомсвикингах" (*Jómsvikinga saga*), памятнике исландской словесности начала XIII столетия. Но тождество внешних признаков, характеризующих знаки разных эпох, еще не есть доказательство того, что и по своему смысловому значению они однородны. Поэтому, не имея оснований считать данную мысль ошибочной, мы не можем не усомниться и в смысловой однородности руноподобных знаков, которые представлены на древках стрел, извлеченных из Нюдамского болота, а равно и руноподобных знаков, встречаемых на печатях датчан, самые ранние из которых восходят к началу XIV столетия. Первые могли представлять собой магический символ, который владелец вырезал в надежде, что стрела приобретет чудодейственную силу и тем самым неотвратимо нанесет неприятелю смертельную рану[3].

Однако мог ли такого рода символ иметь значение личного знака, каковым, несомненно, предстают руноподобные знаки на печатях датчан и других северных германцев, живших в XIV и последующих столетиях? На этот вопрос, за отсутствием прямых доказательств, мы тоже можем давать лишь предположительные ответы, причем как отрицательный, так и положительный, ибо нельзя исключать, что и символ с магическим смыслом мог выступать в роли личного знака.

Что касается дешифровки весьма малочисленных руноподобных знаков, восходящих ко времени до XIV в., то в этом направлении положительных результатов добиться пока не удалось. Этого нельзя сказать о раскрытии содержания знаков, обнаруживаемых на печатях представителей скандинавских народов. Еще датский собиратель древностей О. Ворм в книге "Руны, или древнейшая датская словесность, в просторечии называемая готика" (*Runer Seu Danica Literatura Antiqvissima, vulgo Gothica dicta*, 1636 г.), опираясь на сообщение своего исландского корреспондента, писал, что эти знаки по большей части представляли собой имена, зашифрованные с помощью букв рунического алфавита. Впоследствии, в XIX–XX вв., это отчасти нашло свое подтверждение в изысканиях специалистов в области рунического письма и руноподобных знаков[4].

Очевидно, что такого рода знаки представляли конкретных лиц, имели индивидуальный характер. В то же время есть немало примеров, когда отцовский знак становился основой для создания знаков сыновей посредством внесения некоторых изменений в его иконографию. Впрочем, как можно заключить из памятников XIV–XVII вв., иногда знак отца и без изменений мог наследоваться его детьми и, более того, через дочерей переходить в другой род, что прослеживается на примере знаков представителей бюргерских родов из Роскилле (илл. 61) и Хельсингёра[5].

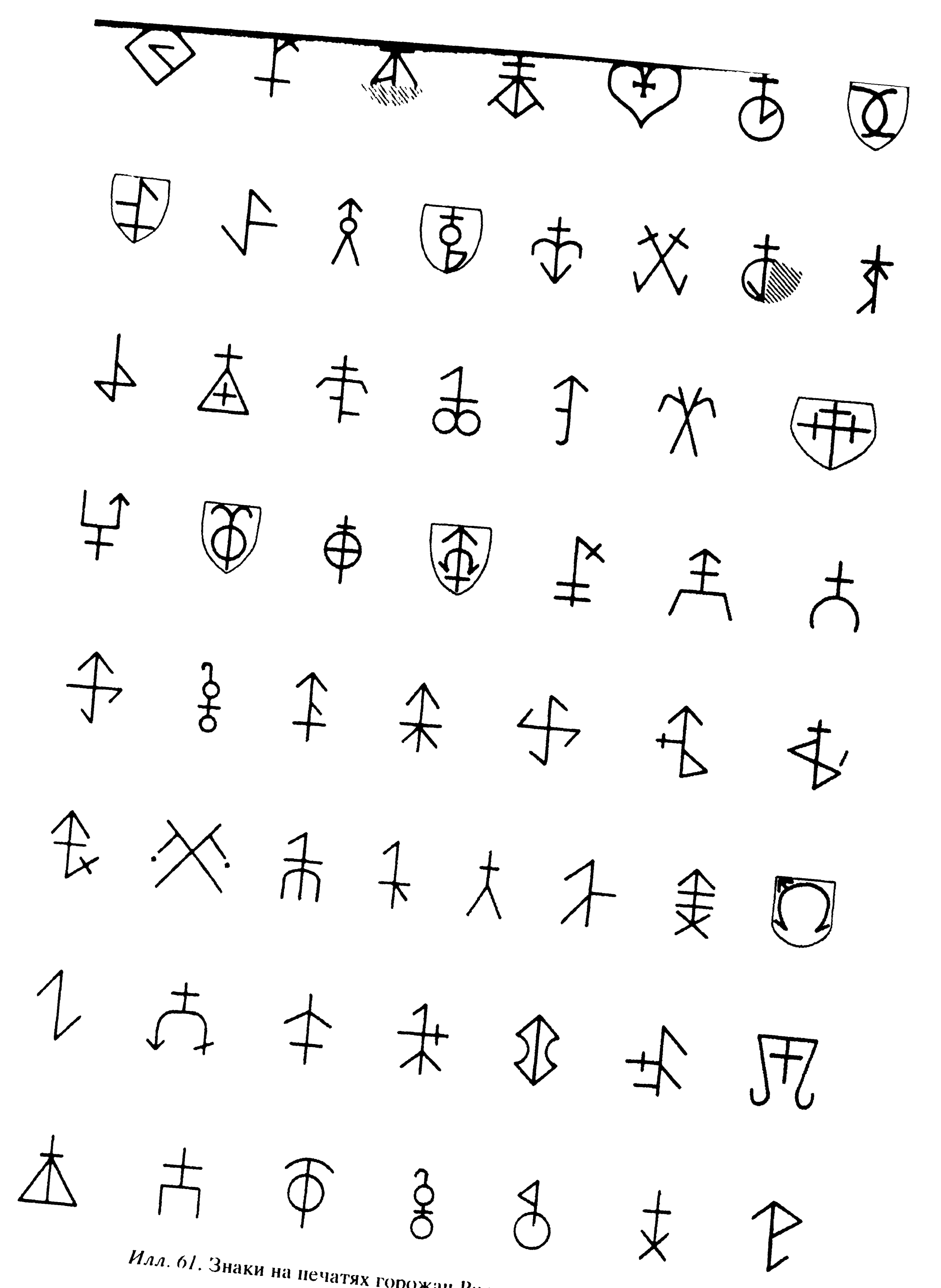
---

[2] *Jacobsen L., Moltke E.* Danmarks Runeindskrifter. Kbh., 1941. Atlas, fig. 44; *Tønnesen A.* Bomærker og runer // Herald. Tidsskr. 1985. N 51. S. 23.

[3] *Jacobsen L., Moltke E.* Op. cit. S. 37–38.

[4] *Tønnesen A.* Bomærker... S. 24–34.

[5] *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450 // Herald. Tidsskr. 1974. N 30. S. 446–447; *Tønnesen A.* Helsingørs bomærker. Kbh., 1968; *Idem.* Lavadelens brug af bomærker // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 146.

Илл. 61. Знаки на печатях горожан Роскилле, 1338–1450 гг.

В XVI–XVII вв., как, по видимому, и в более раннее время, руноподобные знаки принято было обозначать словом "mærke". Так, например, в городской книге города Хельсингёра за 1549–1556 гг. сохранился документ, составленный на датском языке от имени Фрерика Тённесена, что подтверждалось, как сказано в тексте, его "собственным знаком" (*mitt eget merke*), который изображен под текстом грамоты именно в виде руноподобного знака[6].

О. Ворм обозначал такой знак латинским словом "littera" (буква), а другой датский ученый филолог XVII в. П. Сюв в сочинении "Размышления о кимбрийском языке" (1663 г.) назвал его "bomærke"[7]. Этот термин затем и стал общеупотребительным в Скандинавских странах для наименования руноподобных знаков. Кроме того, в XVIII–XX вв. он нередко прилагался к другим личным знакам, в том числе представлявшим собой инициалы и монограммы, которые составлялись из латинских букв.

Со Средних веков руноподобные знаки датских горожан и бондов иногда заключались в щиты, чему обнаруживаем свидетельства на печатях, а также, изредка, в церковной стенописи. Появление таких изображений, вероятно, было связано с тем, что представители указанных сословий действительно могли помечать руноподобными знаками, при отсутствии у них гербовых эмблем, свои боевые щиты, с которыми их обязывали являться в народное ополчение датские законы. Нельзя также исключать и того, что данный обычай являл собой подражание дворянским гербовым эмблемам, которые на печатях и в церковной стенописи всегда предстают заключенными в щитах.

В XVI столетии получил также развитие обычай, согласно которому руноподобные знаки, заключенные в щитах или рамках, принято было изображать на надгробиях датских бюргеров. Следовательно, функциональное назначение такого рода знаков расширилось. На надгробии, как еще раньше на печати, данный знак выставлялся не в качестве знака собственника, а в качестве обозначения лица, которому это надгробие посвящалось. Такую же роль на надгробиях дворян еще с XIV в. выполнял герб. Отсюда можем заключить, что практика украшения надгробий бюргеров их личными знаками развилась под влиянием более древней практики обозначать дворянские надгробия гербами. Но, переняв от герба функцию надгробной эмблемы, руноподобный знак не стал гербом, ибо его носителем оставалось лицо, не принадлежавшее к дворянскому сословию. Из этого, впрочем, еще не следовало, что такой знак вовсе не мог перейти в разряд гербов. Тому подтверждением служат польские и немецкие руноподобные гербы, вероятно, имевшие своим источником древние знаки собственников. В Дании, однако, не принято было употреблять руноподобные знаки в качестве дворянских гербов, о чем свидетельствуют и гербы аристократических родов, и гербы тех лиц, которые получили дворянские права по грамоте в XV–XIX вв.

Таким образом, говоря о руноподобных знаках, бывших в употреблении у датчан в Средние века и Новое время, а порой еще и в XX столетии[8], можно отметить, что эти знаки, изображенные на печатях и надгробиях,

[6] Helsingør stadsbog 1549–1556. Rådstueprotokol og bytingbog / Udg. ved E. Kroman. Kbh., 1971. S. 72.

[7] *Tønnesen A.* Bomærker... S. 24–25.

[8] *Tønnesen A.* Bomærkeføring i vore dage // Herald. Tidsskr. 1970. N 22. S. 86–88.

альность.

Однако руноподобные знаки употреблялись не только бюргерами и бондами, но и лицами из дворянского сословия. Известны случаи, датируемые XV–XVI вв., когда и датские дворяне изображали такие знаки на своих печатях. Но одновременно следует отметить, что дворяне эти происходили из родов, которые имели гербы, иконографией отличавшиеся от руноподобных знаков, и что эти гербы они носили. Примером может служить иконография печати Ивара Нильсена, происходившего из знатного рода Ланге (Lange), которую он употреблял в 1416 г., когда в документах писался горожанином ютландского города Варде (*bymand i Varde*). На этой печати представлен щит с гербом рода Ланге (три розы) и одновременно руноподобный знак, изображенный над щитом[9].

Следовательно, можно сделать вывод, что руноподобный знак указывал не на сословие лица, а на его имущественное положение в обществе, а именно на обладание правом собственности на какое-то имущество, в том числе землю. А собственником в Дании эпохи Средневековья и Нового времени мог быть и недворянин, член городской общины или бонд, т.е. представитель податных, или так называемых "несвободных" (*ufri*), сословий. Напротив, герб, как мы пытались показать выше, по своему происхождению не являлся знаком собственника, а был эмблемой, которая отличала ее владельца как представителя военно-служилого сословия. Вот почему бюргеры при возведении в дворянское звание, как свидетельствуют дворянские грамоты XV–XVII вв., получали непременно и гербы. При этом новые дворяне всегда заменяли свои старые печати, на которых присутствовали руноподобные знаки, на печати с утвержденными королем гербами. Об этом, например, свидетельствуют печати члена городского совета Копенгагена Герлака Флора (Gerlak Flor). Еще не имея дворянских прав, он использовал печать с bomærke (1449 г.). Но уже как вебнер Герлак скреплял документы печатью с гербом (1453 г.)[10] (илл. 62). Также перемена в иконографии печатей отмечается у бургомистра Хельсингёра Педера Хансена, основателя дворянского рода Лиллиефельд (Lilliefeld). В 1468–1473 гг. он употреблял печать с руноподобным знаком, но в 1476 г. получил дворянские права и в 1481–1492 гг. уже использовал печать с изображением пожалованного ему герба[11].

Впрочем, у новых дворян и их потомков знаки собственников по-прежнему находили свое употребление, как видно на примере того же рода Лиллиефельд и рода Росенвинге (Rosenvinge), основатель которого, именитый горожанин Хельсингёра Могенс Йенсен получил дворянские права в 1505 г.[12]

Но если гербы упомянутых родов оставались неизменными из поколения в поколение, то руноподобные знаки, которые использовали их представители, будь то отец и дети, две сестры или два брата, еще раз это отметим, как правило, отличались друг от друга некоторыми дополнительными деталями. Эти отличия, несомненно, указывали на индивидуальный

---

[9] DAS II. F XLIII, 9.
[10] *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905. S. 602 (DRH. Bd. II).
[11] DAS II. F XV, 3.
[12] *Tønnesen A.* Lavadelens brug af bomærker. S. 146.

характер знака, что проистекало от его изначального назначения – служить знаком собственника[13].

С XVI в. руноподобные знаки начинают дополняться латинскими инициалами, а то и вовсе ими вытесняться, о чем свидетельствуют, например, надгробия конца указанного столетия. Так, на надгробии бургомистра города Кёге Педера Педерсена (Peder Pedersen), датируемом 1583 г., предстает щит, заключающий одновременно с руноподобным знаком латинские буквы "PP"[14] (илл. 63), а на надгробии его земляка Ханса Сверисена (Hans Sverisen), умершего в 1588 г., представлен щит, на котором подобного рода знак изображен в сопровождении инициалов "HS". На надгробной плите каноника Петруса Иоханниса (Petrus Iohannis), почившего в 1592 г., которая находится в кафедральном соборе Роскилле, обнаруживается щит только с инициалами "PI"[15]. В XVII столетии латинские инициалы могли принимать вид монограмм. Такую монограмму, образованную из начальных букв имени и отчества, видим в качестве единственного знака на щите, который был выставлен в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. Этот щит сопровождает имя земского судьи Зеландии (1662–1665) Кристена Стеенсена, не принадлежавшего к дворянскому сословию[16] (илл. 66).

Илл. 62. Печати члена городского совета Копенгагена Герлака Флора: 1 – до получения им дворянских прав (1449 г.); 2 – как вебнера (1453 г.)

Руноподобные знаки, снабженные латинскими инициалами, как и гербы, иногда могли представляться в качестве указателей на родственные связи. Этим можно объяснить присутствие на надгробной плите Эллины Сёренсдаттер Фог (ум. 1583), сохранившейся в кафедральном соборе Роскилле, щита с подобного рода знаком и инициалами "SF", которые, несомненно, указывали на имя и личное (или родовое) прозвище ее отца бюргера Сёрена Фога (Søren Fogh)[17]. С той же иконографией предстает в Роскиллеском соборе щит на надгробной плите сестры Эллины, Анны Сёренсдаттер Фог (ум. 1582)[18].

---

[13] По своему происхождению и первоначальному назначению руноподобные знаки, бывшие в употреблении у германских народов, в том числе датчан, вероятно, могут быть сопоставлены с русскими знаками Рюриковичей (литературу о них см.: *Молчанов А.А.* Знаки Рюриковичей: история изучения (Библиографический указатель) // Signum. М., 1999. N 1. С. 13-24).

[14] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 104.

[15] Ibid. Tavle 109.

[16] *Hiort E.* De sjællandske landsdommeres våbenskjolde i Sct. Bendts kirke i Ringsted // Herald. Tidsskr. 1975. N 32. S. 80.

[17] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 109.

[18] Ibid. Kbh., 1953. Bd. II. S. 291.

Илл. 63. Надгробие бургомистра города Кёге Педера Педерсена и его двух жен. Кёге, 1583 г.

Памятники датского искусства, датируемые XVI–XVII вв., свидетельствуют, что в первые столетия Нового времени знаки в виде инициалов или монограмм, составленные из латинских букв, получили широкое распространение в Дании. Их можно увидеть и в щитообразных рамках, подобно гербам, и над гербовыми щитами представителей аристократических родов. Однако в качестве дворянских гербов, подобно руноподобным знакам, они никогда не употреблялись. Исключение составляют только гербы графов Даннескьольд, потомков побочных сыновей датских королей XVII в., в которые по предписанию Кристиана V были внесены начальные буквы имен этих королей[19].

Знаки, сходные по своему внешнему виду с дворянскими гербами, встречаем преимущественно на печатях именитых горожан и, очень редко, бондов, живших в конце XIII – XV в. Приблизительно с того же времени, как свидетельствуют источники, такие знаки могли изображать на своих печатях или иных предметах также ремесленники. Следует при этом отметить, что эмблемы означенного разряда, по обыкновению, предстают в щитах. Это обстоятельство послужило одним из доводов в пользу утвердившегося в историографии предположения о ношении гербов представителями различных датских сословий еще в Средние века[20].

Но в правоте этого предположения можно усомниться хотя бы на том основании, что в Дании при даровании дворянских прав непременно происходило и пожалование эмблемы, которая называлась гербом, а также обозначалась выражением “щит и шлем”. Если герб не являлся принадлежностью дворянского звания, тогда, спрашивается, зачем нужно было его жаловать одновременно с дарованием дворянских прав?

Кроме того, замечаем, что эмблемы на печатях, по своему характеру неотличимые от гербов, в конце XIII – XVI в. имели в основном именитые датские бюргеры, среди которых многие упоминаются в источниках в должности бургомистра и городского советника. И причину этому, вероятно, следует искать как раз в том, что эти именитые горожане принадлежали к дворянскому сословию. Действительно, источники содержат свидетельства, на основании которых можно сделать не только такое предположение, но и привести прямые доказательства, его подтверждающие. Для XIV в. примером может служить род Муле аф Фалькендале (Mule af Falkendale), представители которого обозначались в документах как “горожане” (*cives*) зеландского города Роскилле и неоднократно отправляли в этом городе должность бургомистра. Основатель этого “бюргерского” рода, вероятно, выходец из Германии, Гюнцелин, живя в Роскилле, упоминается и среди рыцарей (1308 г.)[21], и как горожанин (1309 г.)[22]. Его сын, Гюнцекин Гюнцелинсен (упом. 1329–1361), тоже, по обыкновению, называясь горожанином и занимая должность бургомистра, одновременно имел дворянское звание (*armiger*). На его печати обнаруживаем гербовый щит (илл. 64)[23]. Наконец, сын

---

[19] См. с. 362.
[20] *Verwohlt E.* Dansk våbenret // PHT. 1958. R. 13, bd. 6. N 78. S. 3–5.
[21] DD. 1948. R. 2, bd. 6. N 113 (“...domini Gyncelini militum”).
[22] Ibid. N 198 (“...Gyncelinus ciuis Roskildensis”).
[23] См.: *Erslev K.* Den senere Middelalder... S. 601.

Гюнцекина, Гюнцелин Гюнцекинсен (ум. 1400), будучи горожанином, упоминается как "vir nobilis et honestus" ("муж благородный и почтенный")[24].

Илл. 64. Печать горожанина Роскилле Гюнцекина Гюнцелинсена, 1356 г.

Еще больше примеров, свидетельствующих о принадлежности именитых датских бюргеров, носивших "геральдические" эмблемы, к дворянскому сословию, обнаруживаем в источниках XV–XVI вв. Так, например, уже известный нам горожанин Хельсингёра Педер Хансен (Лиллиефельд) и после причисления к дворянскому сословию продолжал оставаться жителем родного города, занимая в нем должность бургомистра (1481–1492). Городским советником в Хельсингёре (1499– 1521) был и его сын, Ханс Педерсен. Сыновей последнего, Педера и Йоргена, источники тоже знают под именем бюргеров, хотя они по-прежнему сохраняли принадлежность к дворянскому сословию и носили герб, пожалованный их деду[25]. Ту же картину наблюдаем и в отношении другого бюргерского рода из Хельсингёра – Росенвинге. Возведенный в дворянское достоинство Могенс Йенсен (1476 г.) и его прямые потомки, жившие в XVI в., продолжали сохранять свое положение именитых горожан Хельсингёра[26].

Известны и случаи, относящиеся к XV в., когда, наоборот, представители знатных дворянских родов, как, например, выше упоминавшийся Ивар Нильсен (Ланге) или Кнут Фриис (герб: три белки), занимавший должность городского советника в Оденсе (1496 г.)[27], становились бюргерами.

Все эти факты, касающиеся ношения в Средние века и в начале Нового времени датскими бюргерами гербов, на наш взгляд, свидетельствуют о явлении, характерном для общественного строя некоторых средневековых западноевропейских городов, а именно тех, в которых руководящую роль играли представители городского патрициата. Они могли принадлежать и к старым дворянским родам, подобно рыцарю Гюнцелину, Ивару Нильсену Ланге и Кнуту Фриису, и к получившим дворянские права по грамоте, подобно Лиллиефельдам и Росенвинге. Те же датские бюргеры, которые не были рыцарями или вебнерами, употребляли только руноподобные знаки, что подтверждается наличием таковых на их печатях.

Таким образом, приходим к заключению, что в Дании эпохи Средневековья и начала Нового времени бюргеры могли быть и дворянами, и недворянами, каковое деление, по всей видимости, и находило свое отражение в характере эмблем этих двух социальных слоев городских общин. Первые, входившие

[24] DAA. 1904. S. 315–317; *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450. S. 443–444.
[25] DAS II. F XV, 4, 9–11, 13.
[26] Ibid. F XXXIV, 1–7
[27] Ibid. C XIII, 2–3.

в довольно узкий круг именитых горожан, в силу принадлежности к дворянскому сословию, носили гербы; вторые, составлявшие большинство, дворянских прав и соответственно гербов не имели, а потому изображали на своих печатях только руноподобные знаки, происходившие от знаков собственников.

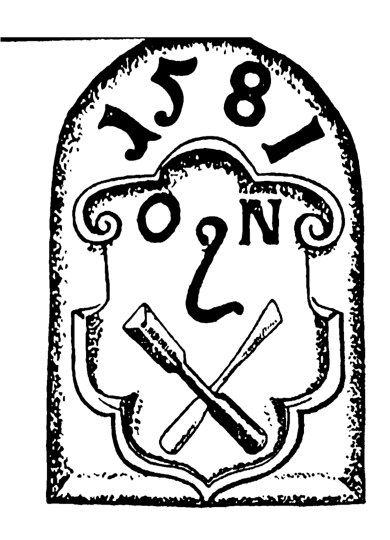
Свидетельство, иллюстрирующее тот факт, что в Дании на исходе Средних веков под гербом подразумевалась только та эмблема, которую носил представитель дворянского сословия, мы обнаруживаем у датского историографа Арильда Витфельдта (1546–1609). Он описал судебное дело между знатным дворянином рыцарем Хенриком Круммедиге и архиепископом Лундским Биргером Гуннерсеном (1497–1519), которое возникло в начале XVI столетия на почве внешнего сходства их щитовых эмблем. Так, на обвинение рыцаря Хенрика, заявившего, что архиепископ использует "дворянский и чужой герб" (*Adels oc it fremmit Vaaben*), будучи "сыном бонда" (*Bonde Søn*), Биргер ответил, что "это не какой-либо герб, но знак" (*det er icke noget Vaaben men it Mercke*). Кроме слова "mercke" Биргер Гуннерсен для наименования своей эмблемы использовал еще слово "tegn" (*Mercke oc Tegn*), которое тоже переводится на русский язык как "знак"[28].

Но если сын бонда Биргер Гуннерсен имел щит с эмблемой (цв. илл. 3), которая не являлась гербом, то можем предположить, что и щиты с такого рода эмблемами, которые обнаруживаются на печатях некоторых бондов, живших в XIV–XV вв., тоже не рассматривались в качестве гербов.

Те же два термина, "mærke" и "tegn", в XV–XVI вв. употреблялись и для обозначения знаков датских ремесленников, например, золотых дел мастеров, чему находим самое раннее свидетельство в королевском указе о регламентации деятельности мастеров области Сконе, который датируется временем правления Кристофера Баварского (1440–1448). В указе предписывалось: "каждый золотых дел мастер должен помечать свое изделие, которое он делает, своим *mercke*"[29]. Это положение затем было повторено в указах королей Ханса (1491 г.)[30] и Кристиана II (1515 г.)[31], в первом из которых использовано слово "mercke", а во втором – "tegen"

Что касается самих изображений, выступавших в роли эмблем ремесленников, то нельзя не заметить, что они обыкновенно намекали на род занятий их хозяев, т.е., в соответствии со средневековым миросозерцанием, имели наглядный характер. Например, житель острова Борнхольм по имени Рун Смит (Smed – Кузнец) в конце XIII в. использовал клеймо с изображением щита, в который заключены молот и клещи. На колоколе, отлитом в XIV в. для церкви св. Мартина в Нестведе, присутствует знак мастера: щит с изображением колокола между месяцем и семиконечной звездой. Предметы, указывающие на профессиональную деятельность, представляли на своих печатях бюргер из Роскилле Астер Скреддере (Skreddere – Портной) – ножницы (1478 г.) и бюргер из Оденсе, цирюльник и лекарь Бартоломеус Леге (Læge Врач) – бритву (1480 г.)[32]. Кроме того, с конца XVI в. знаки ремесленников

[28] *Huitfeldt A.* Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige. Kbh., 1604. S. 91–92.
[29] DRL 1397–1513. N 11 (§ 1).
[30] Ibid. N 41.
[31] DRL 1513–1523. N 6, 8 (§ 1).
[32] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik i dansk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1961. N 3. S. 95–104.

Илл. 65. Знак Олуфа Нильсена Крога, Свогерслевская церковь, 1581 г.

могли изображаться в сопровождении инициалов их владельцев. Примером служит знак каменных дел мастера Олуфа Нильсена Крога (1581 г.), изображение которого сохранилось в церкви Свогерслева (Svogerslev)[33] (илл. 65). По тому же принципу, что и эмблемы ремесленников, в конце Средних веков и в Новое время создавались эмблемы датских ремесленных цехов.

Слово “tegn” присутствует также в “Городском уложении”, составленном при Кристиане II (1522 г.), в качестве термина для эмблем, которые должны были изображаться перед постоялыми дворами: “...каждый постоялый двор в городе должен вывешивать знак, нарисованный на доске, вне этого дома, довольно высоко на длинной жерди; где-то должен быть нарисован лев, где-то олень, где-то мавр, где-то гриф, луна, звезда или другое подобное, и, таким образом, у каждого постоялого двора свой знак, по которому постоялый двор и должен впредь называться, и имя каждого хозяина должно быть обозначено под помянутым знаком на той же доске”[34].

В XVI–XVIII вв. подобного рода эмблемы вывешивались также на других частных городских домах, дабы, при отсутствии у них нумерации, которая стала вводиться в Дании лишь с конца XVIII в., можно было легко их найти. Эти эмблемы хозяева домов использовали нередко на своих печатях и по ним же могли создавать себе прозвища, превращавшиеся со временем в родовые фамилии[35].

Но терминологические различия, дававшие о себе знать еще на исходе Средних веков при наименовании гербов и эмблем, по виду напоминавших гербы, все же мало-помалу начинали стираться. Внешнее сходство некоторых эмблем недворян с дворянскими гербами, вероятно, этому немало способствовало. Так, замечаем, что знатный дворянин А. Витфельдт в своей хронике, написанной в конце XVI в., уподобляет эмблему архиепископа Биргера Гуннерсена гербу, хотя сам этот прелат, как мы видели, таковым ее не считал. Основанием для этого уподобления, надо полагать, послужило то, что эмблема архиепископа внешне напоминала дворянский герб. Действительно, на его печатях обнаруживаем композицию из щита и шлема[36] (цв. илл. 3).

---

[33] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Bd. II. S. 113.

[34] “...och schall huert herberge vti staden lade wdhenge eth tegn malit paa en fiell wden for samme hus, well høgt paa en lang stang; somme schulle haffue en løufue malit, somme en morian, en griib, en monne, en stierne eller sligt andit, och saa huert herberge syt tegn, thereffter som herbergit schall hide och kaldis, och schall huer werdis nafn vere tegnit vnder forschrefne tegn paa samme fiel” (DRL 1513–1523. N 12, § 104–106).

[35] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik. S. 102–104.

[36] DGS. Tavle III. N 32–33. Те же щит и шлем присутствовали на печати Биргера Гуннерсена, которую он употреблял в 1490 г., еще до вступления на архиепископскую кафедру, в бытность канцлером королевы Доротеи Бранденбургской (Ibid. Tavle LX. N 1019).

На исходе Средневековья подобную композицию могли использовать и датские бюргеры. От XV в. на стене церкви св. Петра Нестведского монастыря сохранилась фреска, которая передает щит, заключающий руноподобный знак и шестиконечную звезду, с рыцарским шлемом, покрытым наметом. Судя по надписи, которой сопровождается изображение, эти щит и шлем принадлежали Карлу Маттессону, упоминаемому в документах первой половины XV в. среди горожан Нестведа[37].

Сами короли Дании могли способствовать тому, чтобы лица, не принадлежавшие к дворянскому сословию, представлялись с рыцарским щитом и шлемом. Сохранилась грамота короля Кристофера III, датируемая 1444 г., из которой следует, что этот датский государь пожаловал бургомистру немецкого города Кольберга по имени Ганс Шлиф, его брату и их потомкам эмблему под названием "Wappen", в описании представавшую на щите и шлеме (*Schildt und Helm*). Поскольку в тексте документа ничего не сказано о дворянских правах, можно догадываться, что в данном случае речь шла о гербе не как о дворянском атрибуте, а лишь как о знаке отличия, дарованном королем Дании. Причиной же такой милости (*Gnade*) со стороны короля Кристофера, по сообщению грамоты, явилась верная служба ему братьев Шлиф (*Ihren getrewen von ihrer Dienste... zu beweisen*)[38].

В немецкой грамоте другого датского короля, Ханса, составленной в 1488 г., говорится о "Wapen, Schildt vnde Helm", которые были пожалованы жителю Южной Ютландии по имени Йес Томмсен и его наследникам (цв. илл. 29). И в этой грамоте отсутствует упоминание о дворянских правах, а королевская милость обосновывается верной службой (*truwe Denste*) Йеса[39].

Впрочем, обе вышеупомянутые гербовые грамоты были выданы лицам, проживавшим за пределами собственно королевства Дании – в немецком городе Кольберг и герцогстве Шлезвигском, в котором общественная жизнь с давних пор протекала под сильным влиянием немецкой культуры. Сам язык этих грамот свидетельствует о том, что они предназначались для чтения в немецкой среде, к которой и принадлежали их получатели. В то же время следует иметь в виду, что для культуры Германии позднего Средневековья был характерен обычай, когда императоры в знак особой милости посредством грамот производили пожалования гербов недворянам без возведения их в дворянское достоинство. Причем все эти гербы по своим внешним свойствам ничем не отличались от дворянских гербов. Иначе говоря, в Германии бюргерский герб возник в подражание гербу дворянскому, переняв от последнего значение отличительного лично-родового знака в виде художественного образа, который характеризовал эмблему под названием "герб". Из этого можно заключить, что короли Кристофер и Ханс, награждая недворян за верную службу гербами, лишь следовали обычаю немецкой культуры.

Что же касается того, чтобы подданный датской короны получал от своего государя лично-родовой герб вне связи с пожалованием ему дворянских

---

[37] *Verwohlt E.* Borgerlig Heraldik... S. 100.

[38] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. Anhang. Urkunden. N 64.

[39] Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 317–318.

прав, то такие факты для XV–XVII вв. неизвестны. Но это еще не означает, что у датских бюргеров не могло не возникнуть желание в подражание дворянам, а равно и немецким бюргерам, представлять свои эмблемы в виде композиции из рыцарского щита и шлема. "Герб" Карла Маттесеона, изображенный в церкви Нестведского монастыря, – тому подтверждение. Правда, в XV – первой половине XVII в. эмблемы недворян, включавшие щит и шлем, в Дании представляли собой явление весьма редкое, и только после 1650 г. число таких эмблем начинает быстро возрастать. Известно, например, что в 1655 г. семнадцать именитых копенгагенских бюргеров, о принадлежности которых к дворянскому сословию ничего не известно, имели печати, на которых щиты с личными знаками были изображены наподобие дворянских гербов – вместе с рыцарскими шлемами[40].

Шлем, украшенный знаком и наметом, обнаруживаем также над щитом, в котором вместо герба представлены инициалы лица, а именно Кристена Стеенсена, ранее упоминавшегося земского судьи Зеландии (1662–1665). При жизни он не имел ни дворянского звания, ни герба. Упомянутая же эмблема была измышлена уже после смерти Кристена Стеенсена, в конце XVII в., когда создавалась галерея изображений гербов земских судей Зеландии в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. По своим внешним признакам – форме щита и характеристикам шлема – она ничем не отличалась от находившихся рядом с ней гербов других зеландских судей, происходивших из дворянских родов, например, герба аристократа Олуфа Брокенхуса, который занимал должность судьи в 1665–1668 гг.[41], сразу после Кристена Стеенсена (илл. 66). Следовательно, можно утверждать, что в данном случае эмблема недворянина была уподоблена дворянским гербам. И сделано это было, вероятно, по той причине, что Кристен Стеенсен занимал должность, которая в конце XVII столетия давала королевским служащим неблагородного происхождения права, равные дворянским, согласно указу 1679 г.

Уподоблению эмблем простолюдинов дворянским гербам могло способствовать и то обстоятельство, что со времени позднего Средневековья герб постепенно терял свое изначальное значение – эмблемы дворянина-воина. В эту эпоху дворянские права и титулы стали жаловаться европейскими государями, датскими королями в частности, не только за воинские деяния, но и за иные заслуги или услуги. В Дании большинство лиц, получавших дворянские права и гербы, происходило из бюргерской среды. Это было обусловлено в первую очередь ростом в Датском королевстве XV–XVII вв. экономического и, как следствие, общественного значения этого сословия – явление, характерное и для других стран Западной Европы той эпохи. Вместе с тем происходили перемены в умонастроении именитых бюргеров, выражавшиеся в их стремлении к обретению прав, равных дворянским. На датской почве оно стало особенно заметно во второй четверти – середине XVII в. и проявлялось, прежде всего, в стремлении руководящих слоев городских общин добиться от верховной власти прав на приобретение и владение дворянскими землями. Одновременно усиливалось влияние бюргеров в столичной и

[40] Ibid. S. 312.
[41] *Hiort E.* De sjællandske landsdommere. äbenskjolde. S. 80.

Илл. 66. Гербы земских судей Зеландии Кристена Стеенсена и Олуфа Брокенхуса; вторая половина XVII в.

местной администрации. Выходцы из городских слоев, находившиеся на службе короля, – “служащие из бюргерского сословия” (*betjente af den borgerlige stand*), все настойчивее высказывались за уравнение своего юридического статуса с правовым положением дворян. Войны со Швецией середины XVII в. показали также, что датские горожане являлись той силой, которая составляла главную опору короля в деле обеспечения обороны государства. Все это подготавливало почву для роста политического значения датского городского сословия, что вскоре и нашло отражение в той важной роли, которую бюргерство сыграло в событиях 1660 г., увенчавшихся падением политического могущества датской аристократии в лице Государственного совета и установлением королевского единовластия, или абсолютизма. Поддержка, оказанная тогда городскими общинами королю Фредерику III, обусловливалась тем, что в новом государственном строе верхи бюргерского сословия усматривали необходимое условие для повышения своего общественно-правового статуса[42].

Но в XV–XVII вв. именитые горожане Дании, подобно бюргерам других стран Западной Европы, ратовали еще не столько за уничтожение дворянских привилегий, сколько за то, чтобы самим приобрести эти привилегии. Отсюда проистекало стремление богатых и влиятельных бюргеров, в том числе находившихся на королевской службе, к получению дворянских прав. Сами эти права, однако, обязывали соответствовать тому образу, который по ходу истории характеризовал дворянина в культурном отношении. Помимо условностей поведения и свойств внешнего вида со времени высокого Средневековья такой образ предполагал наличие герба, что, как мы уже знаем, и обнаруживалось в дворянских грамотах, которые получали датские

42 См.: *Fridericia J.A.* Adelsvældens sidste Dage: Danmarks Historie fra Christian IV's Død til Enevældens Indførelse (1648–1660). Kbh., 1894; *Ladewig Petersen E.* Fra standssamfund til rangssamfund 1500–1700. Kbh., 1980 (Dansk social historie. Bd. 3).

бюргеров, следовательно, стремление к общественно правовому идеалу, к которому душевно был предрасположен выходец из городского сословия, не могло не сопровождаться желанием уподобиться культурно, через внешние признаки самим носителям идеала – дворянам. Именно в этом душевном настроении бюргеров, вероятно, и нужно искать главное объяснение тому, что некоторые наиболее именитые из них в подражание дворянам с позднего Средневековья заключали свои личные знаки в рыцарские щиты и, особенно с середины XVII в., дополняли такие щиты рыцарскими шлемами.

В свою очередь датская родовая знать, в среде которой на исходе Средних веков возобладало стремление, подогреваемое представлениями о чистоте дворянской крови, к сословной замкнутости, при первых королях из Ольденбургского дома стала решительно выступать за то, чтобы ограничить бюргерам доступ в дворянскую сословную среду. В конце концов, воспользовавшись своим политическим могуществом, вельможи смогли добиться того, что в хондфестнинг 1513 г.[43], который король Кристиан II скрепил своей печатью перед вступлением на престол, была внесена статья, по которой дворянские права в дальнейшем должны были даваться единственно за достойное поведение "на поле боя" (*poæ marken*). Мало того, для получения звания дворянина требовалось еще согласие Государственного совета, состоявшего из представителей аристократических родов. Это положение королевского хондфестнинга 1513 г. в целом оставалось в силе вплоть до середины XVII в. и, несомненно, повлияло на сокращение числа пожалований дворянских прав, о чем свидетельствуют реестры документов королевской канцелярии, малочисленность уцелевших дворянских грамот и редкие упоминания о таких фактах в других источниках. И только после 1660 г., когда старая родовая аристократия перестала делить политическую власть с королем, обретшим положение абсолютного монарха, количество дворянских дипломов заметно возросло.

Этому росту числа новых дворян способствовало и то, что должностные лица короля, не имевшие дворянского происхождения, согласно привилегиям, которые они получили 1679 г., были приравнены по своим правам к дворянам. Отныне "королевские служащие из бюргерского сословия" обладали дворянскими "вольностями" уже в силу того обстоятельства, что получали чин, предусмотренный табелью о рангах, которая была введена в 1671 г. указом короля Кристиана V[44]. В тех же привилегиях 1679 г. эмблема чиновника, не имевшего дворянских предков, впервые официально признана "гербом" (*vaaben*). Очевидно, что такое имя эмблеме служащего из бюргерского сословия было дано по той причине, что ее владелец приравнивался в правовом отношении к дворянину. И замечательно, что своим внешним видом эмблемы чиновников бюргерского происхождения, названные гербами, к тому времени ничем не отличались от дворянских гербов. Отсюда делаем

[43] DRL 1513–1523. N 1 (§ 28). Хондфестнинг (*håndfæstning*) – законодательный акт, заключавший положения, которые король обязывался соблюдать в период своего правления. Хондфестнинги издавались в Дании с 1282 по 1648 г., с 1320 г. обычно перед избранием нового короля (См.: *Matzen H.* Dansk Kongers Haandfæstninger. Kbh., 1889).

[44] *Bartholdy N.G.* Adelsbegrebet under den ældre enevælde: Sammenhængen med privilegier og rang i tiden 1660–1730 // HT. 1971. R. 12, bd. 5. S. 592–595.

вывод, что привилегии 1679 г. явились благоприятным ответом на то душевно-духовное настроение именитых и чиновных представителей бюргерского сословия, которое они выражали символически посредством своих эмблем, по художественно-иконографическим свойствам подобных дворянским гербам. Таким образом, эмблема бюргера, которая прежде выставлялась в качестве символа его общественно-правового идеала – сословного статуса дворянина, с достижением желанного идеала получила имя эмблемы, которая считалась символом дворянского статуса. При этом последний символ продолжал сохранять свое значение, что и было законодательно подтверждено в "Датском уложении", изданном в 1683 г. Здесь обладателями дворянских привилегий признаются не только те лица, которые для себя, своих законных детей и потомства получили право "на дворянский щит и шлем", но так же те особы, которые "выполняют какое-либо поручение в ранге"[45].

Что же касается знаков, принадлежавших датским бюргерам, которые не имели дворянских прав по рождению и должности на королевской службе, то они и в конце XVII в., и в следующем столетии официально гербами по прежнему не назывались. Свидетельство тому обнаруживаем в альбоме, начало которому положил бургомистр города Раннерса Нильс Якобсен (1550–1624). В этой рукописи, помимо записок самого бургомистра, содержится еще и заметки, сделанные его потомками, жившими в XVIII столетии Авторы этих заметок, Иохум Поульсен (1681–1756) и Йенс Поульсен (1713–1784), среди прочего не преминули отметить, не вдаваясь при этом в объяснения, что Нильс Якобсен употреблял "boemerke", согласно описанию, напоминавшую герб: "три стропила острием вниз" (*tre sparrer med spidsen ned ad*). В то же время эмблему жены Нильса, Маргреты (ум. 1595), они обозначили словом "vaaben"[46].

Такое терминологическое различие в обозначении этих двух эмблем, надо полагать, основывалось на представлениях, которые господствовали у людей XVIII столетия в отношении дворянских и бюргерских эмблем. Как и в более ранние времена, в это столетие под гербом подразумевалась эмблема дворянина. Поэтому, зная о том, что Нильс Якобсен – и это подтверждается документами XVI–XVII вв. – не принадлежал к дворянскому сословию, его потомки обозначили эмблему Нильса словом "boemerke", которое по обыкновению прилагалось к знакам недворян. Но о супруге Нильса Якобсена им было, напротив, известно, что она происходила из дворянской среды. Действительно, ее родителями, о чем имеются доподлинные свидетельства, были дворяне Кристофер Лауридсен из рода Удсен (ум. 1580) и Маргрета Вестени (ум. 1576)[47].

---

[45] "Adelen, som ere de alene, som for dem, deres ægte Børn og Afkom til Adelig Skiold og Hielm ere berettigede... betjene nogen Bestilling i Rangen" (Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel.. S. 323–324).

[46] "В той же церкви на исповедальном стуле изображены его знак и ее герб" (*Udj samme kirke er hands boemerke og hendes vaaben paa skriffte stolen afmalet*); "старый серебряный кубок, на котором находятся год 1594 и знак Нильса Якобсена, а также герб его супруги госпожи Маргреты Удсен" (*gamle sølf skaale, hvorpaa findes aarstal* 1594 *og Niels Jacobsons boem[ærke], samt hans hustruens frue Margrethe Udsøns vaaben*) (Borgmester Niels Jacobsens stambog / Udg. ved A. Fabritius. Kbh., 1966. S. 26–27).

[47] Ibid. S. 42.

тил, что под этим словом, по обыкновению, подразумеваются предметы оружия, среди которых щит и шлем. Когда же оно употребляется "специально" (*specialiter*), им обозначается "дворянский герб, щит и шлем" (*adelige vaaben, skiold og hielm*)[48].

Очевидно, что датский писатель первой половины XVIII в., сам по рождению не принадлежавший к дворянскому сословию и лишь впоследствии получивший дворянство и титул барона, подразумевает под гербом такую эмблему, которую носят именно дворяне.

Но уже приближалась новая эпоха в жизни европейских народов, которая, начавшись в конце XVIII в., ознаменовалась решительными общественно-политическими преобразованиями, важнейшим итогом которых явилось падение самодержавно-монархической формы правления и уравнение в правах сословий. Проведены были эти преобразования и на датской почве. С провозглашением Дании конституционной монархией в 1849 г. в стране были отменены дворянские привилегии, тогда же прекратилась и выдача патентов на дворянское звание. С уравнением в правах дворян и их потомков с лицами недворянского происхождения, в первую очередь бюргерами, создались благоприятные условия для окончательного отождествления дворянских гербов с эмблемами или знаками представителей бывших непривилегированных сословий. И действительно, с этого времени термин "vaaben" все чаще начинает использоваться для обозначения эмблем (но отнюдь не руноподобных знаков) лиц, чей род не имел дворянских корней. При этом важно отметить, что, получив полное признание в качестве гербов, эти эмблемы сохранили и тот художественный образ, который характеризовал дворянские гербы. Этот образ представлял собой щит, обычно приведенный в связь с рыцарским шлемом. Такой же внешний вид придавался вновь создававшимся гербам бюргеров. С начала XX в. используется и выражение "бюргерская геральдика" (*borgerlig heraldik*) для наименования отрасли датской геральдики, призванной заниматься изучением гербов и знаков недворян или недворянских родов.

Государственный герб

Если обратиться к средневековым гербовникам, то можно заметить, что изображенные в них гербовые эмблемы, ныне известные как гербы государств или стран, сопровождаются, по обыкновению, текстом, который состоит из личных имен (или чаще без них) и титулов (с указанием названия страны) государей. И в литературных памятниках Средневековья, в том числе в трактатах о гербах, как правило, гербы представляются принадлежностью их носителей, обозначенных конкретным именем или титулом. Стало быть, эмблемы, получившие впоследствии значение символов государств

[48] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Vaaben Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 617.

или стран, поначалу воспринимались как личные и наследственные гербы государей – королей или князей.

Сами корни такого восприятия, несомненно, следует искать в характере средневекового миросозерцания. В высокое Средневековье, когда зарождались гербы, в силу господства религиозно-символического умозрения, склонного к представлению сверхчувственных понятий через конкретные вещи дольнего мира, государство не осознавалось самостоятельным явлением. Действительно, тогда королевство (государство) еще мыслилось как сумма прав короля (государя), которыми он мог пользоваться в отношении подвластных народа и земли (страны). Следовательно, оно еще не могло восприниматься как индивидуальность, обладающая отдельными от короля правами. Не имея же самобытного конкретно-вещного выражения, чувственно зрительного образа и правового статуса, королевство могло представляться только символами, которыми обозначался король. В свою очередь в Средние века различались понятия "королевство" и "земля" Королевство, сущность которого характеризовалась категориями универсально-типическими, находилось в земле с конкретным именем. Отсюда в латинской словесности название страны при слове "королевство" всегда писалось в родительном падеже: regnum Daciae (Angliae, Franciae).

Сами духовные истоки и обстоятельства происхождения гербов в качестве личных эмблем служат достаточным доказательством того, что понятие "королевского герба" было первичным по отношению к понятию "герба королевства" Примером тому служит история гербов королей Швеции XIII–XIV вв. Первый, доподлинно известный герб шведских государей заключал в себе знаки трех львов. Его носили Эрик XI Эрикссон (1222 1250) и Вальдемар Биргерссон (1250–1275). После низложения Вальдемара его брат, новый король Магнус Биргерссон (а вслед за ним и его потомки – короли Швеции из династии Фолькунгов) в качестве королевского символа использовал герб, который принадлежал ему еще до вступления на престол: восстающий лев на фоне трех скошенных балок и многочисленных сердец. В свою очередь после свержения со шведского престола династии Фолькунгов (1364 г.) представитель другой династии, Альбрехт Мекленбургский, стал носить новый герб короля Швеции – три короны, за которым с той поры и удерживалось значение символа Шведского королевства[49].

Впрочем, история изменения гербов королей Швеции, свидетельствуя о гербе государя как об источнике происхождения государственного герба на западноевропейской почве, для XIII–XIV вв. являет собой редкий случай. В других странах в указанные столетия гербы королей, по обыкновению, наследовались вместе с королевским званием. Это вело к тому, что жители того или иного королевства привыкали видеть в качестве символа своих королей одну и ту же эмблему, а через это мало-помалу начинали воспринимать ее как символ вообще носителя королевского звания своей страны. То, что личная королевская эмблема со временем обрела характер именно символа вообще носителя королевского титула страны, подтверждается тем фактом, что в XIII–XIV вв., как правило, даже представитель другого королевского или княжеского дома, принимая титул короля, наследовал и герб своего

---

[49] См. с. 270–271.

предшественника на королевском престоле. Вместе с тем, поскольку понятие "королевства" было неотделимо от понятия "короля" создавались душевно-духовные условия для развития представлений о символе короля как символе его королевства.

Из сказанного, таким образом, заключаем, что понятие "герб королевства" поначалу не могло существовать в отрыве от понятия "герб короля" и что самостоятельное значение первое понятие могло приобрести только на почве превращения королевства в самобытную индивидуальность, обладающую несводимым к личности короля юридическим статусом.

Такое самостоятельное положение западноевропейское государство (королевство) постепенно начинает обретать только в XIII–XV вв., с начатками абстрагирования понятия "королевства" от личности короля, с упрочением сословного строя и вызреванием идеи сословной "общины королевства", противопоставлявшей себя королю. Отсюда создавались условия для развития сословно-представительных учреждений, а вместе с тем, посредством установления договорных отношений короля и представителей "общины королевства", начинало оформляться особое право этой "общины" как юридического "лица". В результате мало-помалу в позднее средневековье на основе прав "короны", которая символизировала словом и образом короля и королевство, и "общины королевства" утверждается идея общего права "королевства", вследствие чего появляется необходимое условие и для развития мысли о гербе как государственном символе. Но на западноевропейской почве эта мысль смогла укорениться только с падением средневекового миросозерцания, в Новое время, когда с развитием отвлеченно-политических идей понятие "королевства" окончательно стало трактоваться абстрагировано не только от понятий "короны" и "общины королевства" Самое же отвлеченное понимание государства создавало почву и для отождествления его с землей (страной), в которой оно находилось.

Обращаясь теперь к истории развития идеи герба Датского государства и Дании, следует отметить, что в XIII–XIV вв. у датчан утвердился обычай использовать выражение "королевство Дании" отдельно от личности короля. Особенно заметно это было в периоды частых междуцарствий XIV в. Даже при физическом отсутствии короля "королевство Дании" мыслилось существующим, однако, как и при наличии особы короля, в качестве суммы королевских прав. Вместе с тем в Датском королевстве к концу XIII в. оформился сословный строй, а в XIV столетии вызрела идея сословной "общины королевства Дании" (*communitas regni Dacie*), представителями которой перед лицом короля и "короны" выступали епископы, герцоги Ютландские, рыцари и вебнеры. Эти знатные особы сначала собирались на больших собраниях "двора" (*hof, danehof*; лат. *parlamentum danorum*), а затем на заседаниях узкого аристократического Государственного совета (*rikes rade, rigsråd*; лат. *consilium regni*). Вступая в договорные отношения с королем, что, например, явствует из текста "Земского мира" 1360 г.[50], эти представители "общины

---

[50] См.: *Антонов В.А.* "Земский мир" 1360 г. и политическая жизнь Дании в правление короля Вальдемара IV Аттердага (1340–1375) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 34–54; *Он же.* Политическое значение ригсрода Дании в правление короля Вальдемара Аттердага (1340–1375) // Там же. М., 1998. С. 31–45.

королевства Дании" свидетельствовали о развитии у датчан мысли о самостоятельном, отдельном от короля и "короны", юридическом существовании упомянутой "общины" Тем самым закладывались основы и для возникновения идеи об общем праве короля и его подданных, откуда лежал путь к отвлеченно-юридическому статусу Датского государства, что характеризовало индивидуальность этого государства.

Илл. 67. Печать королевства Дании. 1388 г.

Знаем также, что история королевского престола Дании последней четверти XIV и первой половины XV в. дает нам яркий пример усвоения за гербом представителей угасшей династии значения герба вообще носителя титула короля Дании. Действительно, в этот отрезок времени датский престол занимали отпрыски различных династий: Норвежской, Померанской, Баварской (Виттельсбахи) и Ольденбургской, а также объявлялся один претендент из Мекленбургского дома, и все они, принимая звание короля Дании, брали герб, который с конца XII в. носили короли из старой датской династии Эстридсенов, пресекшейся в 1375 г.

Вместе с тем должны были утвердиться и представления о гербе королей Дании как символе их королевства, о чем находим косвенные свидетельства в данных сфрагистических и нумизматических источников. Так, на печати 1388 г., которая была в употреблении в судах Датского королевства в начале междуцарствия (1387–1396), наступившего вслед за смертью короля Олафа Норвежского (1376–1387), в сопровождении легенды "печать королевства Дании для судебных дел", была изображена корона поверх креста[51] (илл. 67).

После избрания нового короля, Эрика Померанского (1396 г.), была изготовлена другая печать. Она заключает легенду "печать Эрика, Божией милостью короля Датчан для судебных дел" и крест, обремененный щитом с тремя львами[52] (илл. 68).

Такую смену иконографии на печати, предназначенной для скрепления приговоров одного и того же суда, можно объяснить тем обстоятельством, что эмблема с тремя львами, которая символизировала датского короля, не могла быть употребляема в период междуцарствия, при физическом отсутствии в Дании короля. Но мы знаем, что и при короле Олафе на его печати "ad causas" изображалась только корона[53], которая символизировала как короля, так и неотделимое от него королевство. Следовательно, щит с тремя львами на печати "ad causas" короля Эрика представлялся со значением не только королевской эмблемы, но и символа королевства.

[51] "SIGILLUM REGNI DACIE AD CAUSAS" (DKS. N 54).
[52] "SIGILLUM ERICI DEI GRACIA REGIS DANORUM AD CAUSAS" (Ibid. N 63).
[53] Ibid. N 46.

Илл. 68. Печать короля Эрика Померанского, 1396 г.

Но даже если королевская эмблема в начале царствования короля Эрика еще и не воспринималась в качестве собственно символа королевства Дании, на что указывает присутствие в легенде печати 1396 г. имени не "королевства", а "короля" то она могла приобрести значение такого символа к концу правления Эрика. Этому могло способствовать, между прочим, то обстоятельство, что к тому времени датчане привыкли видеть герб короля на печати "ad causas", поскольку она находилась в употреблении довольно долго, вплоть до 1436 г.

Во всяком случае, спустя двенадцать лет является первое свидетельство, позволяющее вполне определенно утверждать, что герб короля Дании к тому времени уже стал осознаваться и в качестве символа Датского королевства, даже в отсутствие особы короля. На скиллинге, выпущенном в обращение в 1448 г., в период девятимесячного междуцарствия, длившегося от момента смерти короля Кристофера Баварского и до избрания на датский престол Кристиана Ольденбургского, при легенде "монета королевства Дании", был изображен щит с тремя львами[54]. Точно такая же иконография присутствует на другом скиллинге, чеканенном несколько ранее, в годы царствования Кристофера Баварского (1440–1448). Но на этой монете представлена другая легенда: "Кристофер Божией милостью король Дании"[55]. Очевидно, что в первом случае щит с тремя львами символизировал не короля Дании, а Датское королевство, что и подтверждается выражением "монета королевства Дании"

В период следующего междуцарствия, последовавшего в 1533 г., Государственный совет, у которого тогда находилась верховная власть, выпустил скиллинг с легендой "SENATVS REGNI DANIE", т.е. "Государственный совет королевства Дании", и с эмблемой в виде щита с тремя львами[56], как, несомненно, символом Датского королевства.

Таким образом, можно заключить, что в период с конца XIV и по начало XVI в. на датской почве укоренилась традиция рассматривать одну и ту же эмблему в качестве символа и носителя королевского звания и королевства Дании. В царствование короля Олафа и в период последовавшего затем междуцарствия 1387–1396 гг. три льва, по-видимому, еще символизировали не столько королевство Дании, сколько короля Дании. Но несколько позже, вероятно, при Эрике Померанском, зародилась идея использования этой эмблемы как символа Датского королевства, которая затем мало-помалу утвердилась в общественном сознании.

[54] "MONETA REGNI DACIE" (*Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 52. Fig. 80).
[55] "CRISTOFER D(EI) G(RACIA) REX DACIE" (Ibid. S. 52. Fig. 78).
[56] Ibid. S. 60. Fig. 94.

Вместе с тем в позднее Средневековье в Западной Европе, как о том свидетельствует, например, выражение "старый герб Швеции" в нидерландских гербовниках конца XIV – XV в.[57], вошло в обыкновение символизировать королевскими гербами не только королевства, но и те земли (страны), в которых эти королевства находились. Произошло это на почве отождествления земель с королевствами, о чем свидетельствует выражение "эти три королевства Дания, Швеция и Норвегия" (*thisse thry koningxrike Danmarc, Suerike oc Norghe*) в грамоте, содержащей положения о Кальмарской унии (1397 г.)[58]. И поскольку к тому времени герб короля уже символизировал королевство, этот герб стал символом и земли.

И хотя датские письменные источники позднего Средневековья не содержат упоминаний выражения "герб Дании", можно догадываться, что на исходе той эпохи оно использовалось датчанами в просторечии. Во всяком случае, во второй половине XVI в. уже существовала традиция представлять герб короля Дании как герб датский или Дании. Это, например, подтверждается документами, в которых содержатся условия датско-шведских соглашений, заключенных в Роскилле (1568 г.) и Штеттине (1570 г.). В Роскилльских соглашениях говорится о "датском и норвежском гербе" (*danske och norske vaaben*)[58], а в Штеттинском договоре, составленном на немецком языке, речь идет о "гербе" (*wappen*) "три короны" (*die drey cronen*), который признается не только эмблемой королевства Швеции, но и общим символом всех трех скандинавских государств – Дании, Швеции и Норвегии[59]. В то же время, как свидетельствует Р. Реравиус (1576 г.), под "гербом Дании" (*Danmarks Vaaben*), который изображался на платье королевских герольдов, подразумевали и составной герб короля[60].

Однако после XVI в. еще долго не делалось различий между гербом короля Дании и гербом Датского королевства, или Дании. И собственно герб Дании (три льва и сердца), и составной герб ее короля, в котором были представлены символы других государств и земель, продолжали символизировать одновременно государя и государство, которое отождествлялось с Данией как землей (страной). Так, например, Х. Якобеус (1696 г.) в описании датских монет обозначал изображенные на них составные гербы королей Дании выражением "Daniae insignia" или "Insignia Daniae plena"[61].

Такому положению дел способствовал во многом и режим абсолютной королевской власти (1660–1848), при котором Датское государство не имело отличного от короля юридического лица. И только после государственных реформ (1848–1849 гг.), с установлением конституционно-ограниченной монархии в Дании окончательно складываются общественно-политические и юридические условия для закрепления за гербом носителя датского королев

[57] Имеются в виду гербовники Гельдернский и Бергсхаммарский (см. с. 266).
[58] DRL. 1397–1513. N 2.
[59] DNT. N 10.
[60] "...aber die drey cronen nicht vor des konigreichs Schweden eigen, sondern vor aller dreyer reiche, Dennemarck, Schweden und Norwegen, gemeins wappen" (Ibid. N 13 A).
[61] *Jacobaeus Oligero*. Museum Regium seu Catalogus Rerum tam naturalium, quam artificialium, quae in basicila bibliotecae augustissimi Daniae Norvegiaeqve monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696. P. 70, 72.

ского титула значения герба Дании. Вместе с тем, постепенно в общественном сознании утвердилась мысль, что Данию символизируют два герба большой и малый. В конце XIX и XX столетии в качестве "Большого государственного герба" (*Det store rigsvåben*) рассматривался составной королевский герб, тогда как "Малым государственным гербом" (*Det lille rigsvåben*) считалась эмблема собственно Датского королевства или Дании. В настоящее время термины "Большой" и "Малый государственный герб" выходят из употребления, заменяясь терминами соответственно "Королевский герб" (*Det kongelige våben, Kongevåben*) и "Государственный герб" (*Statsvåben*). Термин же "Rigsvåben" используется ныне, как правило, в качестве общего имени обоих гербов[62].

Областные гербы

Все, что выше было сказано о происхождении государственного герба, должно быть повторено и в отношении гербов тех областей, которые в Средние века и в Новое время имели статус герцогств или графств. Иначе говоря, многие областные эмблемы западноевропейских государств тоже берут свое начало от гербов феодальных правителей – герцогов и графов.

Что касается Дании, то здесь только одно феодальное владение существовало длительное время, а именно герцогство Ютландское, или Шлезвигское. Герб первой династии этого герцогства, пресекшейся в 1375 г., представлял собой два синих льва и многочисленные красные сердца в золотом поле. Сердца, впрочем, в XIV в. не всегда изображались. Именно без сердец этот герб использовался представителями последующих династий, правивших в Шлезвиге: сначала графами Гольштейна из дома Шауэнбургов (до 1459 г.), а затем Ольденбургами – королем Дании Кристианом I и его потомками. При Шауэнбургах и Ольденбургах герб герцогов вошло в обыкновение рассматривать и как герб самого герцогства. Со времени короля Кристиана I герб Шлезвига всегда присутствовал в составном гербе датских государей, символизируя то, что они являлись герцогами Шлезвигскими, о чем также свидетельствовал их титул. Два синих льва в золотом поле и сегодня являются гербом одной из датских областей, а именно амта Южная Ютландия, охватывающего территорию северной части бывшего герцогства Шлезвигского, которая осталась в составе Дании[63].

Иначе обстоит дело с происхождением эмблем тех датских областей, которые никогда не обладали статусом ленного (феодального) владения и, как следствие, не имели своих областных государей. Эмблемы таких областей земель (*terra, land*) и их подразделений – херредов (*provincia, herred*), из которых состояло Датское королевство в Средние века и в первые столетия Нового времени, зарождались, как о том свидетельствуют наши источники, в виде изображений на печатях. Такие печати в конце XIII – XIV в. создавались в первую очередь в целях употребления в местных судах, для скрепления судебных актов. Не будучи гербами владетельных особ, эти эмблемы первона-

[62] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995. S. 9.
[63] *Achen S.T.* Amtens våbener // Herald. Tidsskr. 1987. N 55. S. 208.

чально не рассматривались как "arma" (*vapn, vaaben*), но лишь как знаки (*mærke, signum*). Именно словом "signum" в одной из грамот короля Эрика Померанского (1424 г.) обозначен "лист крапивы" (*folium urticae*), изображавшийся на печатях жителей острова Фемерн (*in sigillis terrae eorum*)[64].

Не могли областные знаки в начале своего существования называться "гербами" ("оружием") и по той причине, что предмет, на котором они представали, не являлся предметом вооружения. Однако постепенно, в XV–XVI вв., когда "геральдическое оружие" – щит и шлем – все больше приобретало значение отвлеченно-символическое, когда в обыденном сознании начинали стираться различия между разными по своему происхождению видами эмблем, к знакам датских административно-территориальных единиц стали прилагаться термины "vaaben", "insigne" и "insignia" Ранее употреблявшийся знак мог утверждаться в качестве "vaaben" и королевскими грамотами. Самый ранний случай такого рода относится к 1447 г., когда король Кристофер Баварский объявил гербом эмблему южноютландского херреда Лёг (Løg herred)[65].

Несколько позже, в XVI в., с указанными терминами стали представлять и те эмблемы земель (Фемерн, Борнхольм, Гренландия, Готланд, Фарерские острова, Исландия), которые были представлены в составном королевском гербе. Действительно, именно словом "insigne", как и эмблемы королевств, герцогств и графств, они обозначены в описании похорон короля Фредерика II (1588 г.). На гравюре того времени, передающей один из эпизодов этих похорон, все названные областные гербы предстают на щитах (илл. 36). Как и символы королевств и княжеств, они отвечали образу герба. Можно также сослаться на грамоту короля Фредерика II, относящуюся к 1580 г., в которой новая эмблема (золотая корона в синем поле) острова Фемерн обозначена термином "vaaben"[66].

В те же столетия на почве признания за эмблемами вышеупомянутых областей значения гербов не могли не возникнуть духовные условия и для восприятия в таковом качестве знаков прочих островных земель и херредов. Эти знаки вошло в обыкновение заключать в щиты, т.е. они, получая значение герба, приобретали и характерный для герба художественный образ.

Отметим также, что только с развитием научного знания о датской геральдике в конце XIX и первой половине XX в. за эмблемами земель Дании утвердилось имя "областные гербы" (*landskabsvåbener*).

Городские гербы

Не сразу термин "arma" (*vapn, vaaben*) стал использоваться для обозначения эмблем и датских городских общин, или городов. Свое происхождение многие из этих эмблем вели от иконографии печатей, которые городские общины Дании употребляли с XIII столетия. На этих печатях, восходящих в ос

[64] Acta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem slecvicensem ac Comitis Holsatiae ab altera parte de Ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. 1792. T. VII. P. 300.

[65] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse af offentlige våbener og slægtsvåbener // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 456.

[66] DNT. Bd. II. S. 433.

новном к XIV–XVI вв. знаки представлены заключенными в щиты в единичных случаях, да и то лишь начиная с конца XV в., из чего уже можно вывести, что самая иконография печатей датских городов поначалу не обозначалась словом "оружие".

В то же время изображения, которые обнаруживаются на ранних печатях датских городов, характеризуется особенностями, свойственными иконографии печатей многих западноевропейских городов высокого Средневековья[67]. Среди этих типических изображений часто представлены башни с крепостными стенами и соборы, по обыкновению сопровождаемые знаками дневного и ночного светила в виде звезды и луны на ущербе[68]. Сообразуясь с религиозно-символическим миросозерцанием той эпохи, в которую на западноевропейской почве получили распространение городские печати с подобными знаками (XII–XIII вв.), можно с большой долей уверенности утверждать, что указанная иконография носила характер христианско-символический. Картина крепости и собора являла собой образ, символизировавший Небесный Град, Горний Иерусалим, которому уподоблялись все христианские грады дольнего мира. И такой типический образ, представававший на печати, конечно, поначалу не мог выставляться в качестве символического знака отдельного города, подобно тому, как образ восседающего на троне короля – иконография, характерная для королевских печатей тех столетий, указывавшая на прообраз Небесного Царя, – не рассматривался в качестве отличительной эмблемы и тем более герба короля конкретного королевства. Впрочем, как и тронные образы государей на королевских печатях, крепости и соборы на печатях городских характеризовались только сходством, подобием существенных признаков, что, в свою очередь, предполагало присутствие частных различий. С течением времени, в XIII–XV вв., с развитием готического искусства и номиналистического умозрения, под влиянием впечатлений от внешнего, "натурного" вида строений конкретного города, в условиях нараставшего обмирщения западноевропейского искусства, таким различиям стало уделяться все большее внимание. Иными словами, иконография городских печатей развивалась по пути индивидуализации типических изображений, подготавливая тем самым почву для появления отличительных знаков городских общин. И, конечно, наряду с крепостями и соборами этот путь проделывали и другие знаки, которые, как образы святых или агнец с крестовой хоругвью, а также якорь, лилия и корабль (их религиозно-символическое употребление в Средние века хорошо известно), составляли христианское содержание иконографии печатей датских городов (илл. 69–71). В том же направлении развивалось представление и о тех городских знаках, которые с очевидностью выставлялись символами мирских воззрений, как атрибуты светских и духовных владетелей, занимавших по

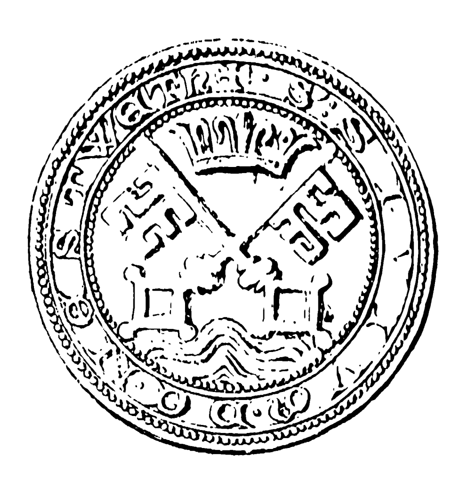
---

[67] О типах иконографии печатей средневековых городов Западной Европы см.: *Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 306.

[68] DKSS. Indledning. S. 7–9. Печати с изображением крепости и собора с XIII–XIV вв. употребляли общины крупнейших датских городов: Ольборга, Орхуса, Калуннборга, Копенгагена, Лунда, Мальмё (Ibid. S. 9; Tavle 1 b, 2 a, 6 a, 7 i, 26 g, 27 g). Отметим также, что средневековые датские города не имели укреплений в виде крепостных стен, чем дополнительно подтверждается символический характер изображений крепостей и башен на печатях их обитателей.

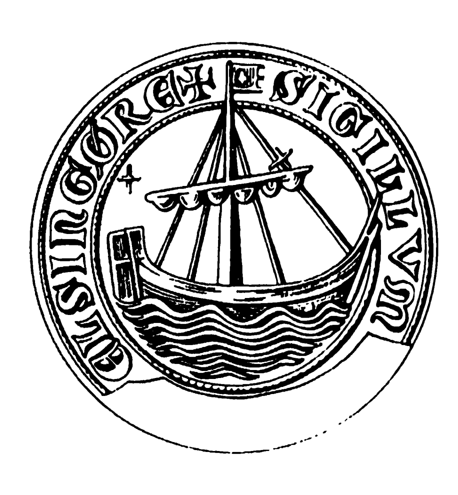
Илл. 69. Печать городской общины Роскилле, 1286 г.

Илл. 70. Печать горожан Нестведа, 1421 г.

отношению к городским общинам положение сеньоров[69]. Однако, как мы увидим ниже, не все ранние знаки печатей городов Дании утвердились под именем "герба". Некоторые из этих знаков должны были уступить место новым эмблемам, и именно по той причине, что последние являлись со значением "герба", а не только "знака".

Неизвестно, какой термин употреблялся в Дании XIII–XIV вв. по отношению к эмблемам городских печатей. Но мы знаем, что в соседней, родственной по языку и обычаям Швеции в XIV в. таким термином было слово "merke", чему находим свидетельство в "Городском уложении" короля Магнуса Эрикссона (1350 г.). Из текста этого законодательного памятника следует, что за городами Швеции признавалось право иметь свой знак (*Stader hafwi sitt Merkie*)[70]. Вероятно, что и в Дании XIII–XIV вв. данный термин был в ходу для обозначения иконографии городских печатей или отдельных знаков этой иконографии. Во всяком случае, так обстояло дело еще на рубеже XV–XVI столетий. В указе короля Ханса 1491 г., регламентировавшем деятельность датских ювелиров, сказано, "что каждый золотых дел мастер в любом городе должен ставить знак города и свой собственный (*bysens oc sith eget mercke*) на любое изделие,

Илл. 71. Печать городской общины Хельсингёра, 1456 г.

[69] См.: Там же. С. 230–232.
[70] *Fritteberg* // Stadsväpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 19.

От XV столетия, однако, сохранилось достоверное свидетельство, обнаруживаемое в подлинной грамоте короля Эрика Померанского, датируемой 1437 г. (илл. 57), что эмблема одного из датских городов, а именно Мальмё, уже обозначалась термином "wapn" Но в данном случае речь шла об особой милости короля Эрика, который решил отблагодарить за верность и службу бургомистра, совет и общину города Мальмё тем, что "на вечное время" (*til ewech tiidh*) даровал им право представлять герб на печати и щите (*Wapn oc Clenodia vti jncigle oc Schiold at føre*). Этот герб в тексте грамоты был представлен следующим образом: "голова красного грифа с красной шеей и красными ухом и клювом, на голове позолоченная корона в белом поле. И на шлеме голова того же красного грифа с позолоченной короной, с пучком страусовых перьев на короне, белым и красным"[73].

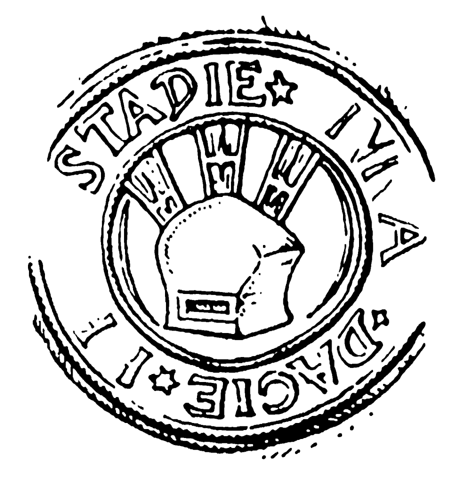
В соответствии с определением королевской грамоты, горожане Мальмё с тех пор стали изображать пожалованный им герб на печатях своего города[74]. Правда, и свою старую печать, известную с 1350 г., на которой была изображена церковь над волнами, месяц и шестиконечная звезда, они временами по-прежнему употребляли вплоть до 1521 г.[75]

Из приведенного описания герба города Мальмё, а также из его цветного изображения, помещенного под текстом грамоты, нетрудно определить, что мальмёсцы получили от короля Эрика герб, который своими внешними, художественными свойствами сильно отличался от эмблем, представавших в Средние века на печатях датских городов, и, напротив, походил на дворянские гербы. Тем самым можно заключить, что сообщение термина "wapn" новой эмблеме города Мальмё в XV в. явилось следствием причины исключительной. Король сознательно пожаловал городской общине Мальмё эмблему, которая в Дании эпохи позднего Средневековья представляла собой типичный образ дворянского герба. Другие же датские города, не имевшие права на использование такого рода эмблем, в XV – первых десятилетиях XVI в. по-прежнему продолжали употреблять печати с иконографией, которая обозначалась термином "знак"

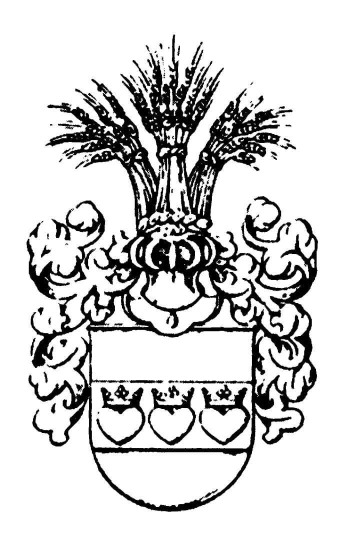
То, что на средневековую иконографию печатей датских городов еще в XVI в. смотрели не как на гербы, видно из содержания следующего документа. В 1562 г. король Фредерик II выдал "нашим подданным горожанам в нашем городе Рённе на нашей земле Борнхольм" через их уполномоченных, городских советников Хенрика Олуфсена и Педера Ибсена, грамоту. Из ее текста явствует, что прежде эти горожане "никакого герба города... не имели, но, однако, использовали печать, на которой стояли три рыбы" Поэтому

71 DRL 1397–1513. N 41.
72 DRL 1513–1523. N 6.
73 "Swasom er et røt grips howith meth rødh hals oc rødhe øren oc owen pa howithet een forgult krone vti et hwit feld. Oc vpa hielmen sammelethis eet røt grips howit meth een forgylt krone meth een busk strudzfiedhre myt aa kronen, hwidh oc rødh" (Цит. по: *Trætteberg H* Stadsvåpen. S. 19–20).
74 DKSS. Tavle 28 c–h.
75 Ibid. Tavle 27 g.

Илл. 72. Печать города Рённе, 1584 г. *Илл. 73.* Печать города Хальмстада, 1567 г

Илл. 74. Герб города Хальмстада, 1603 г. *Илл. 75.* Герб Копенгагена, 1661 г.

жители Рённе "покорно просили, чтобы мы гербом, который они могли бы использовать на печати их города, милостиво одарили бы" И король объявил: "...по нашей особой милости… этой нашей открытой грамотой дозволяем и даем нашим подданным горожанам в Рённе и их преемникам в том же месте герб, который должен быть три белые трески в синем поле", дабы они могли "тот же герб всегда впоследствии использовать на печати их города"[76].

[76] "Giøre alle vitterligt, at efterdi vore Undersaatte Borgere udi vor Kiøbsted Rødne paa vort Land Boringholm have med deres Fuldmægtige Henrich Olufsrn og Peder Jbsen Raadmænd dersammest eds lader give tilkende, hvorledes at de her til dags ingen Byens Vaaben... haft havet, og haver dog bruget et Jndseigl, hvorudi haver standet tre Fiske og derfore underdanigst begieret, at vi med et Vaaben, som de udi deres Byens Seigl kunde bruge, naadeligen ville begave. Thi have vi af vor

Данный герб, заключенный в щит, мы и обнаруживаем на древнейшей из сохранившихся печатей Рённе, бывшей в употреблении в 1584–1655 гг. Помимо гербового щита на этой печати представлен образ св. Иоанна в полном облачении католического епископа (небесного покровителя горожан), его инициалы "SI" и дата "1584"[77] (илл. 72), из чего видно, что иконография городских печатей могла включать не только гербы. О том же свидетельствует иконография двух из печатей Мальмё, использовавшихся в 1508–1555 и 1574–1610 гг. Кроме городского герба, пожалованного Эриком Померанским, на первой изображен один дикарь, на второй – два дикаря[78].

В дальнейшем, уже в XVII в., насколько можно судить по сохранившимся документальным свидетельствам, короли Дании произвели еще четыре пожалования гербов датским городам. В двух случаях, касающихся гербов городов Хальмстада и Копенгагена, старая иконография печатей дополнялась новыми знаками и, в результате, вместе с этими знаками она становилась частью гербового изображения. Так, городская община Хальмстада с XIV до начала XVII в. употребляла печати с изображением рыцарского шлема, который украшали сначала четыре линии в виде латинской буквы "w", а затем три снопа колосьев (илл. 73). Около 1603 г. король Кристиан IV пожаловал этой общине герб, представлявший собой, помимо рыцарского шлема с упомянутыми снопами, дополненного лишь наметом, синий щит с тремя увенчанными коронами красными сердцами на горизонтальной серебряной балке (илл. 74). Как следствие, новая эмблема Хальмстада, которая с того времени была представлена на его печатях[79], приняла образ типичного для той эпохи дворянского герба. Подобный образ приняла также эмблема Копенгагена после того, как в 1661 г. общине этого города король Фредерик III пожаловал герб (*Waaben*), состоявший из овального щита со старым знаком копенгагенских печатей в виде трех башен, и, кроме того, с тремя рыцарскими шлемами и двумя львами-щитодержателями (илл. 75).

Два другие герба были утверждены Кристианом IV для новых городов – Кристиансстада (1622 г.)[80] и Кристиансхавна (1639 г.)[81].

Самое то, что некоторые датские города имели эмблемы, которые назывались гербами, могло подать повод к тому, что эмблемы и других городов Дании, которые поначалу гербами не являлись, со временем получили это имя. Во всяком случае, в дальнейшем термин "arma" ("vaaben") стал употребляться для обозначения уже эмблем всех датских городов, причем не только тех, которые во второй половине XVI – XVII в. были пожалованы по грамоте в качестве герба, но и тех, которые изначально, еще с XIII–XIV вв., являлись знаками на печатях. Так, на печати города Рибе, бывшей в употреблении в

---

synderlig Gunst og Naade undt og givet, og nu med dette vort aabne Brev unde og give forskrevne vore Undersaatte Borgere udi Rødne og deres Efterkommere der sammesteds et Vaaben, som skal være Tre hvide Torske udi et blaat Feldt, og samme Vaaben altid herefter at bruge udi deres Byens Indsegl" (DM. Bd. II. S. 98).

77 "S'CIVITATIS ROTHA IN INSULA BORNHOLM" ("печать города Рённе на острове Борнхольм") (DKSS. Tavle 16 l).

78 Ibid. Tavle 28 e, g.

79 DKSS. Tavle 24 a–i; *Hähnel M.* Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11. S. 25–26.

80 Ibid. Tavle 23 g–h.

81 Ibid. Tavle 2 k.

1554–1653 гг., находим легенду "S' ET ARMA CIVITATIS RIPENSIS" ("печать и герб города Рибе") и на щите старинную эмблему этого города – собор и три льва, частично закрытых изображением собора[82]. Прежде, в 1295–1543 гг., эта эмблема изображалась на рибеских печатях без щита и гербом не называлась[83] (илл. 76). Сохранилась также другая печать Рибе, датируемая 1583–1625 гг., на которой видим щит с тем же гербом в сопровождении трех букв: "RSV" Эти буквы расшифровываются как "Ribe Stads Vaaben" ("герб города Рибе")[84].

Илл. 76. Печать городской общины Рибе, 1295 г.

Что касается эмблем большинства других датских городов, то в источниках XVI–XVII вв. они еще довольно редко упоминаются под именем "vaaben" Самое это слово встречаем только в легенде печати города Кристиансхавна, восходящей к 1648–1657 гг.: "CHRISTIAN SHAFFNS STADZ WABEN" ("герб города Кристиансхавна"). Но в данном случае точно известно, что на печати изображен пожалованный королем герб.

Кроме того, в легендах печатей двух городов – Лемвига[85] и Рудкёбинга[86], – употреблявшихся соответственно в 1608–1655 и 1610–1648 гг., присутствует слово "insignia", которое в латинских текстах XVII в. обыкновенно служило синонимом слова "arma" ("герб"): "INSIGNIA CIVITATULAE LEMVIG" ("*insignia* городка Лемвига"), "[I]NSIGNIA CIVITATIS RUDCOPENSIS" ("*insignia* города Рудкёбинга").

Конечно, из того факта, что слово "герб" отсутствует в легендах печатей других датских городов, вовсе не следует, что эмблемы этих городов во второй половине XVI–XVII вв. не могли уже восприниматься в качестве гербов. Ведь даже на печатях тех нескольких городов, которые имели пожалованные королями гербы (Мальмё, Рённе, Хальмстад и Кристианстад), слова "vaaben" ("arma", "insignia") не находим.

Источники второй половины XVI – XVII в. свидетельствуют также о том, что не все эмблемы городов, которые обозначались словом "vaaben" или его латинскими соответствиями, изображались на щитах, не говоря уже о шле

[82] Ibid. Tavle 15 b.
[83] Ibid. Tavle 14 d–e.
[84] Ibid. Tavle 15 e.
[85] Ibid. Tavle 9 f.
[86] Ibid. Tavle 16 i–k.

мах, которые лишь в нескольких случаях являлись элементами городских гербов. Так, без щитов представлены эмблемы на печатях Лемвига и Рудкёбинга. Отметим, однако, что и та эмблема, о которой нам доподлинно известно, что она была пожалована городу в качестве герба, как в случае с эмблемой города Кристианестада, изображалась на печатях без щита (1624–1657 гг.). Как можно заключить по этому факту, в XVII в. понятие "городского герба" не обязательно предполагало наличие щита или шлема. Но и во второй половине XVI в., судя по тексту грамоты на пожалование герба горожанам Рённе, эти элементы отсутствовали в описании городского герба. Такое разнообразие иконографии "герба", как уже отмечалось выше, проистекало из расширения представлений о его художественных свойствах, чему способствовало абстрагирование самого понятия "герб" от первоначальных носителей гербовых знаков – щита и шлема. Это, в свою очередь, создавало духовную почву для того, чтобы во второй половине XVI – XVII в. за старинными эмблемами печатей датских городов мало-помалу утвердилось имя "vaaben" или его латинских заместителей. Впрочем, в дальнейшем, в XVIII–XX вв. такой элемент, как щит, обыкновенно изображался в качестве художественного обрамления городского герба.

Отметим также, что уже в XX столетии в датской геральдической литературе для обозначения имен городских эмблем, помимо слова *byvåben* ("герб города"), вошел в употребление термин *kommunevåben* ("герб общины"). Более того, во второй половине указанного столетия выражение "герб города" приобрело характер исключительно исторический, как обозначение понятия, которое перестало отражать явление современной действительности. В самом деле, в новейшую эпоху в Дании под "городом" стали понимать культурно-географическое пространство, которое в административном отношении может являться территорией одной, двух или нескольких самоуправляющихся "общин". Именно эти административно-территориальные единицы, на которые поделена вся Дания, а не "города", стали символизироваться гербами. У большинства общин гербы новые, созданные только во второй половине XX в., но существуют и такие общины – как правило, расположенные в пределах старых датских городов, – которые унаследовали гербы, правда, зачастую с некоторыми изменениями, этих городов. К этому добавим, что самое понятие "герб общины" свидетельствует о том, что в Дании сохранилось представление о гербе не только как о символе индивидуального лица или рода, но и как о символе коллективной индивидуальности – сообщества людей, проживающих на известной территории и обладающих известными правами и обязанностями. Такое представление, несомненно, своими корнями восходит к Средневековью и первым векам Нового времени, когда печати и гербы городов трактовались как печати и гербы их горожан, объединенных в общины со статусом "лица" юридического.

Церковные гербы

Первые знаки римско-католических церковных учреждений в виде образов святых, крестов и других христианских символов известны по данным сфрагистики. Печати с такими знаками, представлявшими собой типичные для христианского мира эмблемы, в XII–XIII вв. вошли в употребление и у

датских духовных учреждений или, точнее, у их руководителей – епископов, аббатов, приоров, соборных пробстов[87].

Илл. 77. Печать епископа Виборгского Кнута Миккельсена, 1450-е годы

В иконографии печатей учреждений католической церкви поначалу отсутствовали знаки, заключенные в щиты, и, следовательно, ни к этой иконографии, ни к ее отдельным знакам не мог прилагаться термин “оружие” (*arma*). Не могли эти церковные эмблемы обозначаться словом “оружие” и по той причине, что деятели церкви не принадлежали к миру придворно-рыцарской культуры. Говоря иначе, сословный, культурно-общественный типический образ лиц духовного звания в эпоху рождения и становления герба не характеризовался предметами оружия, такими как щит и шлем с их знаками.

Религиозно-символический характер иконография печатей церковных учреждений и их руководителей или представителей имела до второй половины XIII в., когда, несомненно, вследствие постепенно нараставшего обмирщения сознания человека западноевропейского мира, в среде католического духовенства, в том числе и датского, появляется тяга к использованию печатей с личными знаками. Но сами эти знаки возникали до того, как они представали на печатях. В высокое Средневековье нередко случалось, что прелат римско-католической церкви облачался в воинские доспехи, брал в руки оружие, и при этом его щит мог заключать изображение, которое характеризовалось как личные знаки. В Дании во второй половине XII в. таким прелатом был епископ Абсалон, который, по свидетельству его современника Саксона Грамматика, в одном из сражений был узнан по каким-то знакам, представавшим на его боевом щите. Во второй половине XIII – XV в. такого рода личные знаки католических прелатов и на их печатях представали заключенными в щиты (илл. 77) и, подобно дворянским эмблемам, по крайней мере, с XIV в. обозначались именем “arma” или по-немецки “wappen” (“vapn”). В то же время надо иметь в виду, что многие прелаты происходили из дворянских родов, вследствие чего изображали на своих печатях именно родовые гербы.

В Дании, однако, о чем свидетельствует случай с эмблемой архиепископа Биргера Гуннерсена (ум. 1519), еще на пороге Нового времени гербами не признавались личные знаки тех прелатов, которые не происходили из дворянского сословия. На характер имени этих личных знаков не могло повлиять и то обстоятельство, что они представали, как видно из иконографии печатей Биргера Гуннерсена, в образе дворянского герба, с рыцарским щитом и шлемом (цв. илл. 3). Впрочем, по традиции, восходившей к XII в., на руководящие должности в церковной иерархии Дании избирались преимущественно представители “дворянских” родов. С конца XIII в. отпрыски таких ро

[87] *Prange K.* Danmark (Gejstlige segl) // KLNM. 1970. Bd. XV. S. 201-203.

дов, становясь клириками, обычно употребляли печати иконографией, включавшей, кроме церковных символов, лично родовые гербы. Этот обычай около XIV в. переняли также датские епископы, в позднее Средневековье, вплоть до Реформации 1530-х годов, за редким исключением происходившие из аристократических родов. Отсюда проистекало то, что термин, прилагавшийся к эмблемам отцов-дворян – "vaaben", сохранялся и в качестве имени тех же эмблем, унаследованных сыновьями-клириками. Однако ни в Дании, ни в других западноевропейских странах личные или родовые эмблемы духовных особ никогда не исполняли роль эмблем церковных учреждений. Для таких целей использовались другие знаки.

В то время, когда у католических клириков утверждался обычай носить личные или родовые эмблемы, в Западной Европе стали создаваться отличительные знаки для святых, которые являлись основателями или считались небесными покровителями тех или иных церковных учреждений. В позднее Средневековье получила распространение, в том числе в Дании, даже особая эмблема Иисуса Христа, со щитом и, порой, шлемом, которые несли изображения орудий Страстей Господних (илл. 3). В XIV в. за такими эмблемами тоже закрепилось имя "arma": например, "arma Sancti Wencezlai Martiris" ("герб Святого Вацлава Мученика")[88], "arma Christi" По крайней мере, с XV в. термин "оружие" (*wapen*) употреблялся по отношению к эмблеме Христа и в Дании[89].

Поскольку епископы и другие прелаты на своих должностях мыслились преемниками или наместниками тех святых, которым были посвящены их епархии и обители, то у этих прелатов, наряду с их личными гербами, вошло в обыкновение носить и гербы покровителей их духовных учреждений. Примером здесь может служить герб папы Римского – два ключа и корона или тиара, – который мыслился гербом апостола Петра – первого епископа Рима. Эти знаки герба св. Петра присутствовали в эмблемах также других церковных учреждений, находившихся в разных странах Европы; они представлены и на печати датского монастыря св. Петра в Нестведе[90].

Измышленные средневековым сознанием гербы святых могли представать на печатях и без изображений этих святых, каковые, вместе с различными христианскими символами, поначалу составляли непременное иконографическое содержание печатей церковных учреждений. Следовательно, гербы святых представали как символы самих этих святых и вместе с тем учреждений, которым они покровительствовали. В то же время прелаты на своих печатях рядом с гербами их небесных патронов помещали и свои личные эмблемы. Обычай передавать на печатях епископов два герба – небесного заступника и личный, – в первой половине XIV в. прочно утвердившийся на западноевропейской почве, к началу XV в. пустил корни и в Дании.

---

[88] См. грамоту короля Чехии Яна Люксембургского (1339 г.), в которой этот государь дарует "герб Святого Вацлава Мученика", "славного Патрона нашего Королевства" (*Regni nostri Patroni gloriosi*) епископу Николаю Тридентскому, "его преемникам, а также... Церкви Тридентской" (*successoribus suis, ac... Ecclesiae Tridentinae*) (*Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 13).

[89] *Mackeprang M.* Christi Lidelsesredskaber – "Christi Vaaben": En arkæologisk skitse // ANOH. 1951. Kbh., 1952. S. 178–195.

[90] *Achen S.T.* Himmeriges Nøgle og Næstved Byvåben // Herald. Tidsskr. 1962. N 6. S. 261–265.

Например, на печати епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат) (ум. 1416) находим в центре композиции образ патрона Роскиллеской епархии, папы Римского св. Луция, по бокам от него меньшего размера образы апостолов Петра и Павла, ряд других знаков и два гербовых щита. В одном из этих щитов представлены два ключа и крест – герб св. Луция и, соответственно, посвященной ему Роскиллеской епархии, в другом – личный герб епископа: голова человека с бородой и в шапке[91] (илл. 78). Те же два гербовых щита, но на этот раз увенчанные шлемами с нашлемниками и наметами, позднее были изображены на надгробной плите епископа Педера, сохранившейся в Роскиллеском кафедральном соборе. Здесь, однако, гербы переданы вместе с образом самого почившего прелата[92] (илл. 25).

Илл. 78. Печать епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат), начало XV в.

Как и на печати епископа Педера Лодехата, на печатях других датских прелатов позднего Средневековья, вплоть до конца католической эпохи (1536 г.), обычно было принято изображать образы святых патронов, правда, часто в сопровождении только личного (родового) герба прелата. С такой иконографией предстает, например, печать епископа Роскиллеского Лаве Урне под несколькими документами 1527–1530 гг. (илл. 79). На ней видим восседающего на престоле папу Римского св. Луция – небесного покровителя Роскиллеской епархии – и, у подножия престола, рыцарский щит с гербом аристократического рода Урне (орлиная лапа), увенчанный епископской митрой с посохом[93].

Илл. 79. Печать епископа Роскиллеского Лаве Урне, 1527 г.

Сам факт присутствия образа святого на печатях датских прелатов, с гербом ли духовного учреждения или без него, служит еще одним очевидным свидетельством того, что в Дании изначальная иконография печатей католических клириков существовала как особый знаковый ряд. Иными словами, эта иконография возникла и в дальнейшем претерпевала изменения как церковная

[91] См.: *Albrectsen E.* Fællesskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997. S. 168 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
[92] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissances Tid. Kbh., 1951. Bd. I. N 1.
[93] DM. 1747. Bd. III. S. 289.

эмблематическая традиция. И только оскудение христианского мировоззрения у римско-католического духовенства, столь явно обозначившееся в высокое и позднее Средневековье, создало духовную почву для появления в его среде потребности в употреблении, наряду с церковными образами и символами, гербов – знаков куртуазной, мирской культуры.

Этому способствовало и то, что многие епископы и аббаты по землям их церковных учреждений являлись феодальными владетелями, обязанными в силу феодального права выставлять военные отряды, которые они иногда сами и возглавляли. На этой почве, несомненно, в подражание светским правителям, у прелатов развился обычай отличать свои щиты и знамена знаками, которые символизировали их епархии и обители. В дальнейшем такие знаки могли претерпевать изменения, вероятно, с согласия вышестоящего сеньора, как это произошло в 1305 г. по воле короля Римского Альбрехта с "signum armaturae" епископа и епископства Гуркского. Король предписал епископу Генриху, его преемникам и церкви Гуркской носить щит и знамя с эмблемой, описанной следующим образом: справа золотой лев в черном поле, слева деление по горизонтали, вверху цвет белый, внизу – красный[94]. Из данного примера хорошо видно, что носителем знака церковного учреждения непременно мыслился его руководитель, в нашем случае – епископ.

Поначалу знаки и гербы датских духовных учреждений, вероятно, также создавались по собственному почину их высших клириков – епископов и других прелатов. Но от конца Средневековья имеем одно свидетельство о том, что в Дании, как и в Германии, государь мог пожаловать церковное учреждение и его руководителя гербом. В 1508 г. наследник датского престола, "наследственный король Норвежского государства, избранный король Дании и Швеции" Кристиан (Кристиан II) "открытой грамотой" даровал пробсту Роскиллеского кафедрального собора Эрику Валькендорфу и "его преемникам соборным пробстам... герб, щит и шлем" То был "позолоченный слон с позолоченным за́мком на спине в синем щите, и на том же синем щите позолоченные лилии, и в качестве знака на шлеме позолоченный за́мок, стоящий внутри короны" (илл. 59)[95].

Таким образом, пожалованный герб датского церковного учреждения мыслился личностно, через его руководителя. К этому добавим, что герб пробстов Роскиллеского собора представлен в типическом образе дворянского герба, в образе, которому в позднее Средневековье следовали и личные (родовые) эмблемы высших чинов церковной иерархии. Отсюда заключаем, что эмблемы учреждений католической церкви в Дании получали имя герба в том числе вследствие обретения ими образа, отвечавшего внешним, чувственно-зримым свойствам, которые определяли понятие "герба" в придворно-рыцарской культуре.

[94] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. Anhang. Urkunden. N 5.

[95] "Wi Christiern Guds Nade ret Arfve Konning til Norgis Rige udvalt Konning Danmark og Sverrig... dette vort Aabne Brev... give det værdige prælaturæ Dom-Prousted i Roeskilde og hans Efterkommere Dom-Prouster der sammestæds... Vaaben Skiold og Hielm som er en Forgyldt Elephant med it Forgyldt Slot paa Ryggen uthi en blaa Skiold og samme blaa Skiold ther imellem oversat med sine Forgyldte Lilier og til hiertegn paa Hielmen it Forgyldt Slot staaendes inden i Kronen" (*Bircherodius Janus*. Breviarium eqvestre, geu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Eiusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704. P. 37).

Однако век существования гербов датских католических учреждений был недолог. Лютеранская Реформация, победившая в Дании в 1536 г., упразднила эти учреждения. А вместе с ними канули в Лету их гербы. Впрочем, вскоре после укоренения в Дании евангелического вероучения были учреждены епископства Датской лютеранской церкви. И со временем у этих церковно-административных новообразований и их руководителей тоже возникли отличительные эмблемы, за которыми в новейшую эпоху утвердилось имя "герба"

* * *

Подводя итог рассмотрению вопроса о развитии идеи герба в датском обществе, можно сделать вывод о том, что понятие "герба", первоначально на датской почве усвоенное в дворянско-аристократической среде, только со времени позднего Средневековья стало прилагаться к эмблемам, обозначавшим Датское королевство и Данию, ее области, города и церковные учреждения. С 1679 г. гербами признавались также эмблемы королевских чиновников, уравненных в правах с дворянами. Самое приложение имени "герба" к недворянским эмблемам явилось следствием усвоения за этими эмблемами культурно-общественного значения и чувственно воспринимаемых художественных свойств, которые определяли понятие "герба" в аристократической среде. Действительно, по внешним характеристикам гербы недворян, Дании, ее городов и областей, церковных учреждений и их деятелей представали в образе, по обыкновению включавшем в себя рыцарский щит и, часто, шлем. Как и гербы дворянские, бывшие не только (и не всегда) родовыми, но и непременно личными эмблемами, эти гербы являлись символами личности и общественной индивидуальности. Гербы Датского королевства и герцогства Шлезвигского вели свое происхождение непосредственно от личных эмблем их правителей. Следовательно, еще до распространения понятия и термина "герб" на недворянские эмблемы носители последних являлись индивидуальностями, которые в Средние века и Новое время распознавались через правовое состояние. Самоопределение юридической индивидуальности именно через отличительную эмблему свидетельствовало также о том, что, как и в среде аристократии, в других слоях датского общества развивалось такое индивидуальное начало, которое искало самовыражения и самоутверждения посредством внешних знаков. И, поскольку по своему происхождению герб являлся знаком лица, принадлежавшего к дворянско-аристократической среде, утверждаться в обществе через эмблему, по художественным свойствам походившую на герб или прямо признававшуюся за него, означало выражать тоску по социокультурным качествам дворянства. Иными словами, интерес к гербам в различных слоях датского народа развивался на почве перемен, определявших течение духовной и стоявшей в зависимости от нее общественно-политической жизни Датского королевства. Эти перемены отражали душевное настроение и, как следствие, характер умозрения датского, а равно и всего западноевропейского общества в позднее Средневековье и последующее Новое и Новейшее время, все больше утверждавшегося в самодостаточных суетных представлениях дольнего мира.

Глава четвертая

ГЕРБОВОЕ ПРАВО

Напрасно мы стали бы искать в средневековых законодательных памятниках Дании не только какие-либо сведения о гербовом праве, но и упоминания о самих гербах. Такое равнодушие средневекового датского законодателя к гербам, по-видимому, связано с тем, что в тогдашнем датском обществе не возникало вопроса о том, лицам какого общественно-правового положения можно носить гербы, а какого – нельзя. Не стоял этот вопрос по той причине, что в средневековой Дании, как мы пытались выше показать, существовало представление о том, что носить "знаки оружия", или "герб, щит и шлем", подобает государям и их военно-служилым людям, дворянам – рыцарям и вебнерам. Само это представление отвечало воззрениям на культурный образ, который со времени высокого Средневековья характеризовал лицо, принадлежавшее к придворно-рыцарскому обществу, или, по позднейшим понятиям, к дворянскому сословию. По той же причине, надо думать, в Дании не вводились законодательные запреты на употребление эмблем, схожих по внешнему виду с гербами, для лиц, не имевших дворянского звания, также и в Новое время, когда уже был издан ряд законов, где находим предписания относительно употребления гербов. Эти предписания касались лишь небольшой части вопросов, связанных с темой датского гербового права. Поэтому данная тема должна исследоваться, конечно, не только на основе свидетельств юридических документов, но и преимущественно путем наблюдения над использованием гербов в повседневной жизни. Иными словами, не только закон, но и обычай должен изучаться историком гербового права Дании.

Личные и родовые гербы

Выше отмечалось, что поначалу гербы датчан имели характер личных знаков. В то же время мы видели, что с начала XIII в. герб короля Дании стал наследоваться младшим родственником. Однако этим родственником вплоть до конца XIII в. могло быть только лицо, носившее титул датского короля; все остальные мужские отпрыски королевской семьи имели личные эмблемы[1]. Отсюда видно, что идея о родовом гербе на датской почве утвердилась только со временем и далеко не сразу получила развитие и среди "дворян" Дании.

[1] См. с. 339–359.

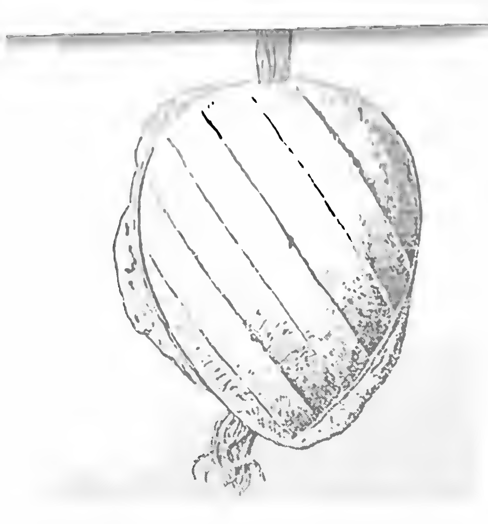
Действительно, для XIII в. мы располагаем свидетельствами о том, что лица, принадлежавшие к одному роду, могли носить разные гербы, причем эти свидетельства дает самый достоверный источник – печати. Так, на печати маршала Йенса (Иоханнеса) Эббесена из рода Виде-Скьяльмсен, уцелевшей при документе от 1224 г.[2] (илл. 80), представлен щит с тремя балками, скошенными справа налево. Но на печати его дяди по отцу, Якоба Сунесена, находящейся при документе, датируемом 1225 г.[3] (илл. 53), обнаруживаем щит с тремя горизонтальными балками, украшенными к тому же витиеватым узором. На печати Абсалона Андерсена из рода Ульфельдт (Ulfeldt) при документе, изданном в 1264 г.[4], видим поделенный по вертикали на две половины щит: справа пятнадцать роз, слева друг над другом три знака, похожих на латинскую букву "w" (илл. 81). Тот же документ скреплен печатью брата Абсалона, Странго Андерсена[5], и щит, который на ней представлен, заключает изображение крылатого волка (илл. 82). Этот герб ранее, как свидетельствует иконография печати от 1230 г., носил Педер Странгесен[6] (илл. 83), вероятно, дядя по отцу Абсалона и Странго[7], а позднее – их двоюродный брат по отцу, Абсалон Нильсен (печать 1284 г.[8]) с потомками, и их же племянник по младшему брату, Абсалон (Аксель) Йонсен (печать 1326 г.[9]) с потомством[10].

Очевидно, что гербы Йенса Эббесена и его дяди, вследствие своих иконографических отличий, могли быть только личными эмблемами их носителей. О личном характере обоих гербов, надо полагать, свидетельствует и то, что на печати Якоба Сунесена содержится словесное указание об имени владельца щита: "CLIPEVS IA[COB]I FILII SVNONIS". С тем же личным характером предстают гербы на щитах Абсалона Андерсена и его брата Странго. Однако Странго носил герб, который раньше принадлежал его вероятному дяде, Педеру Странгесену. Стало быть, в данном случае мы имеем дело уже с наследованием эмблемы, которая прежде употреблялась одним из представителей рода. Но чем объяснить тогда, что не два брата, а только один из них унаследовал герб старшего родственника? Вероятно, поначалу в рыцарском (дворянском) гербе видели только личный знак, символ одного лица, а потому наследоваться этот знак мог только одним человеком.

Вспомним, что епископ Абсалон, происходивший из рода Виде-Скьяльмсен, согласно сообщению Саксона Грамматика, во время сражения держал щит со знаками, по которым его распознал славянский воин. Несомненно, такое узнавание могло произойти лишь в том случае, если другой человек щита с такими знаками не носил. Иными словами, Абсалон имел личную эмблему (возможно, в виде оленя[11]), как и младшие представители его рода

---

[2] DAS. N 3.
[3] Ibid. N 7.
[4] Ibid. N 25.
[5] Ibid. N 26.
[6] Ibid. N 8.
[7] DAA. 1923. S. 501–503.
[8] DAS. N 52.
[9] Ibid. N 184.
[10] DAA. 1923. S. 502–505.
[11] См. с. 114.

Илл. 80. Печать Йенса Эббесена, 1224 г.

Илл. 81. Печать Абсалона Андерсена, 1264 г.

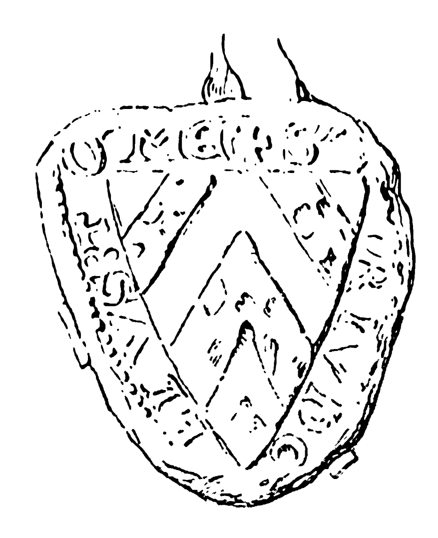
Илл. 82. Печать Странго Андерсена (Ульфельдт), 1264 г.

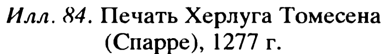

Илл. 83. Печать Педера Странгесена (Ульфельдт), 1230 г.

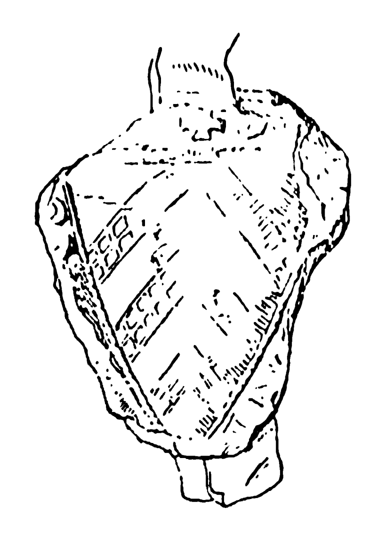
его двоюродный племянник Якоб Сунесен и внучатый племянник Йенс Эббесен. По мужской линии род Виде-Скьяльмсен (Hvide-Skjalmsen), за исключением одной его ветви, вымер около середины XIII в.[12] При этом печати доподлинно известных представителей рода, помимо печатей Йенса Эббесена и его дяди, а также их дальнего родственника, Нильса Стигсена (1327 г.)[13], не сохранились. Поэтому лишь на основании эмблемы, представленной на печати Нильса Стигсена, правнука Стига Токесена, младшего родственника и

[12] DAA. 1893. S. 154–156; 1898. S. 223–225.
[13] DAS. N 194.

Илл. 84. Печать Херлуга Томесена (Спарре), 1277 г.

Илл. 85. Печать Мартина Томесена (Спарре), 1277 г.

двоюродного брата Якоба Сунесена, можно узнать о том, какой была последующая судьба одного из личных гербов в роду Виде-Скьяльмсен. И дело обстояло так, что Нильс носил щит с тремя горизонтальными балками, но без орнамента, каковой мы видели на таких же балках в гербе Якоба Сунесена. Стало быть, можно предположить, что и Стиг Токесен носил щит с теми же знаками, что и его потомок, а именно герб, который, как видно из отличия его от герба Якоба, поначалу являлся личной эмблемой Стига и только впоследствии превратился у его потомков в наследственный герб.

Но если мысль о наследовании герба одним лицом в Дании находила практическое применение еще в первой половине XIII в., то идея о родовом гербе, т.е. о гербе, который носится одновременно двумя или несколькими мужчинами одного рода, на датской почве стала утверждаться, вероятно, не ранее второй половины того же столетия. Во всяком случае, первое подлинное свидетельство об этом находим в иконографии печатей Херлуга Томесена (илл. 84) и его брата Мартина Томесена (илл. 85) из рода Спарре (Sparre). На этих печатях, сохранившихся при документе от 1277 г.[14], представлены щиты с тремя стропилами, покрытыми шахматным узором. Около того же времени или несколько позже в герб рода Ульфельдт превратилась и эмблема, которую носили Педер Странгесен и его предполагаемый племянник Странге Андерсен. Свидетельство тому видим в том отмеченном выше факте, что представители двух ветвей этого рода с конца XIII в. или, по крайней мере, с начала XIV в. изображали именно ее на своих печатях.

То, что к концу XIII в. у датчан уже вполне укоренилась идея о лично наследственном гербе и в то же время только-только начинала утверждаться мысль о родовом гербе, можно проиллюстрировать примерами, которые предоставляет гербовый фриз церкви Сорёского монастыря. На этом фризе, начало которому было положено в конце XIII в., изображены гербовые

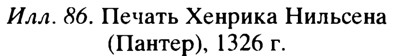
[14] Ibid. N 42–43; DAA. 1917. S. 502–504.

щиты мужских потомков Скьяльма Белого (ум. ок. 1113) и других представителей датской знати, живших в период с XII по XVI в.[15] Правда, подлинность гербов, надписанных именами лиц, живших до второй половины XIII в., вызывает сомнения. Но если даже отвергать достоверность этих гербов, иконография тех из них, которые были изображены в период создания фриза, может служить источником для характеристики существовавших тогда в Дании представлений о гербе как о наследственной эмблеме. Так, по данным Сорёского фриза, прямые потомки Скьяльма Белого, принадлежавшие к нескольким ветвям его рода, время жизни которых приходилось на XII – середину XIII в., использовали разные эмблемы. Гербы Скьяльма Белого, его внука Токе Эббесена, сына и внука последнего – Стига и Юриса (ум. 1246), представляют собой в белом поле три синие горизонтальные балки, обремененные фигурой бело-синего голубя (или сокола). Этот же герб обнаруживаем на щитах братьев Токе (ум. ок. 1214) и Оге (ум. ок. 1200) Стигсенов, сыновей другого внука Скьяльма, Стига Токесена (ум. 1151)[16]. В то же время у третьего внука Скьяльма, Эсберна Ассерсена Снаре (Snare) (ум. 1204), на щите представлена орлиная лапа четверочастного деления. Такой же герб находим на щитах сыновей Эсберна, Иоханнеса (ум. 1213) и Абсалона Бельга (Belg) (ум. ок. 1200)[17]. Но у их брата, Нильса Муле (Mule) (ум. 1241), и его сына Эсберна Снерлинга (Snerling) (ум. 1233) герб состоит из других знаков: с правой стороны щита олений рог, с левой – три горизонтальных балки[18]. У представителей еще одной ветви потомков Скьяльма Белого, происходившей от его внука Суне Эббесена (ум. 1188), Педера (ум. 1214) и Андерса (ум. 1228) Сунесенов, щиты заключают три горизонтальные балки, но по-разному окрашенные: эмблема Педера – синие балки в золотом поле, у Андерса – синие в красном поле[19]. Но их племяннику, Педеру Якобсену (ум. 1225), приписан щит, на котором горизонтальные балки изображены в шахматном порядке: синие и золотые[20]. Уместно здесь вспомнить, что на печати отца Педера, Якоба Сунесена, представлен щит с тремя горизонтальными балками, украшенными узором.

Таким образом, зачинатели гербового фриза в церкви Сорёского монастыря, изображая одинаковыми гербы отцов и сыновей в двух ветвях рода Скьяльма Белого, тем самым подтверждали существование в Дании конца XIII в. представлений о гербе как о наследственной эмблеме. При этом представители двух ветвей этого рода считались носителями одного герба – трех балок, обремененных фигурой голубя. Видим также, что в щитах двух родных братьев заключены разные эмблемы. В то же время у двух других братьев обнаруживаем одинаковые гербы, причем герб этих братьев совпадает с гербом их отца. Стало быть, создатели фриза не могли не осознавать, что в их время у датчан уже существовал обычай наследования герба двумя или несколькими родственниками. Но, несомненно, выраженные здесь пред-

[15] *Ranvig S.* Sorø krøniken. Kbh., 1986. Bd. I. S. 9–32.
[16] Ibid. N 1, 87, 89, 91, 92, 95.
[17] Ibid. N 3, 5, 6.
[18] Ibid. N 9, 10.
[19] Ibid. N 81, 108.
[20] Ibid. N 83.

Илл. 86. Печать Хенрика Нильсена (Пантер), 1326 г.

Илл. 87. Печать Уффе Нильсена (Пантер), 1326 г.

ставления о родовом характере герба еще только начинали утверждаться на датской почве, ибо самое разнообразие гербов у представителей одного рода свидетельствовало о продолжении существования воззрений на герб и как на символ отдельного лица. Впрочем, наделение некоторых близких родственников одинаковыми гербами зачинателями гербового фриза в церкви Сорёского монастыря и одновременное присутствие одного герба на печатях двух братьев из рода Спарре, указывает на то, что в среде датской знати последней трети XIII в. наметилась тенденция воспринимать герб в качестве родового знака. И, как мы видели на примере гербов представителей двух ветвей рода Ульфельдт, с течением времени эта тенденция должна была получить развитие.

В самом деле, от XIV в. дошло уже много фактов, почерпаемых из иконографии дворянских печатей, которые указывают на родовые гербы как на явление вполне обыкновенное у датских рыцарей и вебнеров той эпохи. Одинаковые гербы одновременно носили, например, братья Хенрик и Уффе Нильсены из рода Пантер (Panter) (1326 г.)[21] (илл. 86–87). Тот же характер отличал иконографию гербовых печатей Стига Андерсена (1345–1360 гг.) и его сына Уффе Стигсена из ютландского рода Виде (1356 г.)[22] (илл. 88–89). Можно привести также случай, когда один герб в одно и то же время использовался в качестве эмблемы щита большим числом родственников. Имеем в виду представителей рода Лунге (Lunge): братьев Якоба (илл. 90) и Олафа (илл. 91) Олафсенов, сыновей Якоба, Фольмера (илл. 92) и Андерса, а также их двоюродного племянника и брата из младшей ветви рода Лунге, выделившейся в первой половине XIV в., Эббе Якобсена (начало 1380-х годов)[23].

О том, что у датских рыцарей и вебнеров к концу XIV в. утвердился обычай носить герб как уже родовую эмблему, свидетельствует и то, что в гра

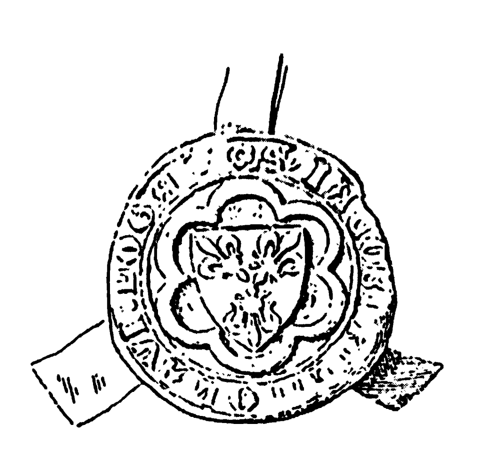
[21] DAS. N 188–189.
[22] Ibid. N 338, 469.
[23] Ibid. N 797, 815, 764, 930, 801; DAA. 1902. 305–314.

Илл. 88. Печать Стига Андерсена (Виде), 1345–1360 гг.

Илл. 89. Печать Уффе Стигсена (Виде), 1356 г.

Илл. 90. Печать Якоба Олафсена (Лунге), 1380–1384 гг.

Илл. 91. Печать Олафа Олафсена (Лунге), 1382 г.

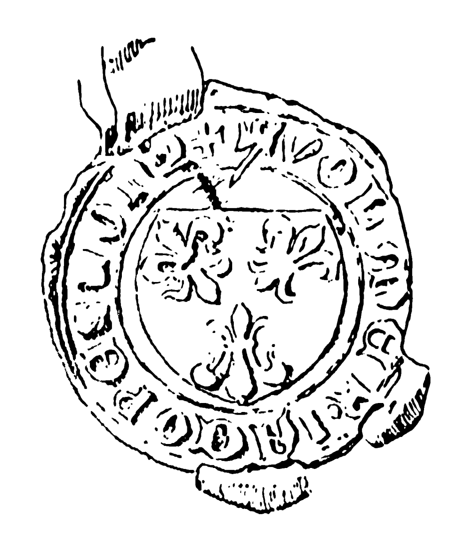
мотах на дворянство, издававшихся в Дании со времени Эрика Померанского, вошло в обыкновение делать указание о праве передавать потомкам вместе с дворянскими правами и пожалованный герб.

В ранних грамотах, например, той, которую получил Поуль Маттиссён (1433 г.), говорится вообще о "прямых законных потомках" (*rette echte Affkomme*)[24]. Позднее, как следует из грамоты, данной Нильсу Мадсёну

---

[24] Povel Matthissøns Vaaben og Adels-Brev, ginet of Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1746. Bd. II. S. 36.

(1497 г.), в упомянутое выражение стали добавлять слово "дети": "прямые законные дети и потомки" (*rette echte Børn oc Affkomme*)[25]. Однако от этого добавления смысл правила не менялся, а только уточнялся: именно "прямые законные дети" в первую очередь являлись носителями отцовского герба.

Илл. 92. Печать Фольмера Якобсена (Лунге), 1382 г.

В дальнейшем в дворянские патенты стали вноситься и другие дополнения, пояснявшие, кто должен наследовать герб в семьях новых дворян. В грамоте, выданной Й. Рейквеину (1655 г.), говорится о том, что король жалует дворянские права и герб "ему и его законным детям и прямым потомкам, рожденным и нерожденным, при той жене, которую он ныне имеет" (*hans ægte Børn og rette Afkomme, fødte og ufødte, ved den Frue han nu haver*)[26].

В патенте, который получил Ф.Э. Спехан (1670 г.), приводится несколько выражений отличных друг от друга, но одинаковых по смыслу: "законные дети и прямые живые наследники и потомство, рожденные и нерожденные" (*ægte Børn og rette Livsarvinger og Afkom, fødte og ufødte*), "законные дети и прямые живые наследники мужского и женского пола" (*ægte Børn og rette Livsarvinger af Mand- og Kvindekjøn*), "прямые законные дети и потомство мужского и женского пола" (*rette ægte Børn og Afkom af Mand- og Kvindekjøn*), "законное потомство мужского и женского пола" (*ægte Afkom af Mand- og Kvindekjøn*), "законные живые наследники и их потомки мужского и женского пола" (*ægte Livsarvinger og deres Descendenter af Mand og Kvindekjøn*), "законные живые наследники и потомство" (*ægte Livsarvinger og Afkom*)[27]. Такие или подобные выражения находим также в других дворянских патентах конца XVII и начала XVIII в., например, в грамоте, выданной Х. Воскаму (1701 г.)[28].

Стало быть, можно заключить, что в грамотах на дворянство, издававшихся в Дании со времени позднего Средневековья, право на ношение герба признавалось только за прямыми и законными потомками владельца герба, и в первую очередь за детьми. При этом отсутствовали какие-либо запреты относительно одновременного ношения герба представителями одного рода, что предопределялось обычаем, утвердившемся на датской почве, как выше отмечалось, еще в XIV столетии.

Сами условия, при которых произошло рождение сначала лично-наследственного, а затем и родового герба, вероятно, следует искать в характере

---

[25] Niels Madsøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Hans 1497 // DM. 1747. Bd. III. S. 163.

[26] Цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 316.

[27] Цит. по: Ibid. S. 328–329.

[28] *Achen S.T.* Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 312.

перемен, определявших отношения между королем Дании и его военными слугами. В "Ютландской правде" изданной в 1241 г. эти отношения еще основывались на том понимании, что херреман (*herreman, homo domini*), или "дворянин", должен был давать личную присягу королю, вследствие чего его земельные владения освобождались от податных обязательств, которые несли бонды, бывшие наследственными собственниками земельных угодий. Соответственно и сын херремана мог унаследовать общественный статус отца и связанные с этим статусом права и вольности только после принесения такой присяги. Стало быть, к середине XIII в. в Датском королевстве принадлежность к военно-служилому сословию обусловливалась личной службой *homo regis*, из чего следовало, что у датчан тогда еще не существовало юридического понятия наследственно-родового "дворянства"[29].

При таких обстоятельствах личная гербовая эмблема рыцаря и вебнера как типический знак его общественно-правового состояния и культурного образа, по-видимому, и должна была наследоваться только тем родственником, который утверждался в "дворянских" правах. В первую очередь этим родственником являлся один из сыновей, тогда как прочие сыновья, по возрасту или по каким-либо другим причинам, могли оставаться вне лично-правовых отношений с королем и, как следствие, не иметь статуса королевского человека, или "дворянина". К этому надо присовокупить, что в первой половине XIII в., судя, например, по характеру гербов представителей датской королевской семьи, еще сохранялись представления о гербовой эмблеме как отличительном знаке одного лица. Поэтому два или несколько близких родственников, если даже они все имели "дворянский" статус, одновременно не могли носить одну эмблему.

Но во второй половине XIII в. положение начинает меняться. Постепенно укореняется правило, согласно которому сыновья датских херреманов, или по новой терминологии рыцарей и вебнеров, тоже непременно должны были быть людьми короля. На этой почве в XIV в. мало-помалу фактически установилось понятие о наследственно-родовом характере датского "дворянства", что нашло отражение в текстах грамот на пожалование дворянских прав эпохи Эрика Померанского, в которых они представлены как наследственные[30].

Вместе же с развитием понятия "дворянского рода", надо полагать, утверждалось и понятие о "родовом дворянском гербе" как символе рода, что и нашло свое юридическое закрепление в упомянутых грамотах. Иными словами, история становления понятия "родового герба" в Дании находилась в прямой зависимости от истории становления понятия "родового дворянства": символом личного статуса херремана был его личный герб; переход этого личного статуса к одному из сыновей херремана сопровождался наследованием его эмблемы, тем самым приобретавшей значение лично-наследственного герба; наконец, превращение личного дворянства в родовое означало появление и наследственно-родового, или просто родового, герба.

[29] *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie: Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det 17. Aarhundrede. 2. udg. Kbh., 1947. S. 382–383.
[30] Ibid. S. 383.

Из определений дворянских грамот следует, что помимо мужчин в число законных представителей рода, которым дозволялось носить отцовский герб, входили и женщины. И можно утверждать, что это правило основывалось на обычае, который утвердился в Дании раннее времени появления первых грамот на дворянство. Действительно, еще в XIII–XIV вв. знатные датчанки употребляли печати, на которых представлены гербовые щиты. Из них древнейшая восходит к 1268 г. Она принадлежала особе, которая в документе, сохранившемся вместе с печатью, названа "Гро, дочь Гунни по прозвищу Винт, жена Эсберна Вовенсена" (*Gro, filia Gunni dicti Wint, uxor Esberni Wowensen*)[31]. Иконография печати представлена щитом с двумя знаками: лилией и расположенной над ней птицей (илл. 93). Этот гербовый щит, вероятно, принадлежал отцу Гро, ибо на печати ее мужа, употреблявшейся в том же году, обнаруживаем щит с колоколом[32].

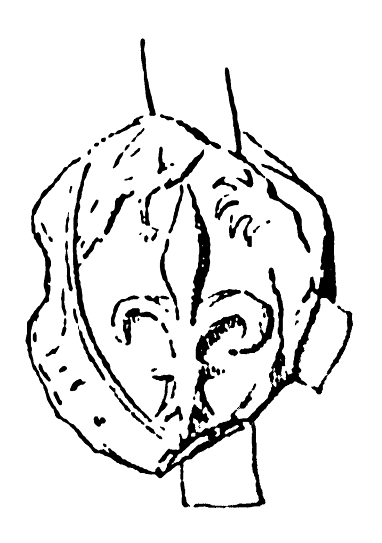
Можем также догадываться, что щит с тремя лилиями (две над одной), представленный на печати госпожи Этле (1272 г.)[33] (илл. 94), принадлежал ее отцу, имя которого источники не называют. Во всяком случае, в том, что дочери датских рыцарей и вебнеров в Средние века помещали на печатях именно гербовые щиты своих отцов, окончательно убеждаемся, обозревая иконографию печатей XIV и последующих столетий. Самый ранний такой пример предоставляет печать Елены, "дочери господина Николая (Нильса) Ране" (NICHOLAI RANAE FILIA) и жены Арнфаста Гремерсена, употреблявшаяся в 1337 и 1350 гг.[34] (илл. 95). На этой печати щит заключает те же знаки, которые изображены на печати отца Елены, сохранившейся при документе от 1306 г.[35] (илл. 96).

Говоря о праве датских дворян на использование гербов, надо, однако, иметь в виду, что, поскольку герб возник как эмблема воина, изображавшаяся на предметах рыцарского оружия, прежде всего на щите, то изначально он символизировал исключительно мужских представителей рода. Понятно, что женщина в повседневной жизни не могла носить рыцарского оружия с гербовыми знаками, так что самое это оружие не могло ее символизировать. И лишь с исчезновением такого оружия как элемента воинского снаряжения, в то же время с превращением его в условно-символические знаки дворянского достоинства создавались духовные условия для возникновения представлений о том, что оружие-герб (*arma, vaaben*) есть эмблема не только мужского представителя дворянского рода, но и женского. Окончательно это представление утверждается в Новое время, с исчезновением рыцарства как военной силы и его вооружения. Из сказанного, таким образом, следует, что присутствие в Средние века отцовского гербового щита на печати женщины должно было только наглядно показывать, кто был отец этой женщины и, соответственно, каково было ее социальное и родовое происхождение.

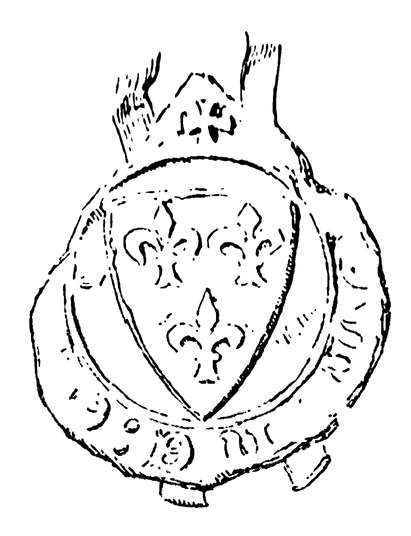
О том, что в Дании еще в XIII–XVI вв. герб не символизировал непосредственно саму женщину, свидетельствует гербовый фриз в церкви Сорёского

---

[31] DAS. N 37.
[32] Ibid. N 36.
[33] "[S' D]OMINE E[TLE]" (Ibid. N 41).
[34] "S' ELENE FILIE NICHOLA[I]" (Ibid. N 273).
[35] Ibid. N 86; DAA. 1910. S. 340–345.

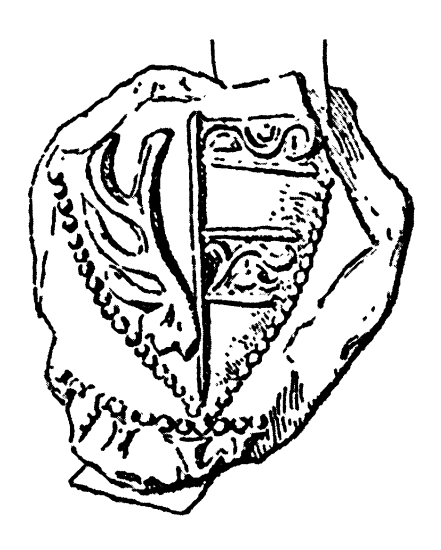
Илл. 93. Печать Гро, дочери Гунни Винта, 1268 г.

Илл. 94. Печать госпожи Этле, 1272 г.

Илл. 95. Печать Елены, дочери Нильса Ране, 1337 г.

Илл. 96. Печать Нильса Ране, 1306 г.

монастыря, заключающий имена и гербы знатных вкладчиков этой обители. Здесь гербовые щиты надписаны только мужскими именами, тогда как женские имена заключены в расположенные рядом фигурные рамки. На отсутствие в высокое Средневековье собственно женских гербов указывает также то, что в иконографии печатей знатных женщин XIII–XIV вв. нередко вместо гербовых щитов представлены различные христианские символы. Последние находим на печатях дочери короля Вальдемара II Хелены, жены Вильгельма Люнебургского[36]; королев Дании середины–второй половины

[36] DKS. N 8.

XIII в.: Мехтильды Гольштейнской[17], супруги короля Абеля (1250–1252), Маргреты Померанской[18], жены короля Кристофера I (1252–1259), и Агнессы Бранденбургской[19], супруги Эрика V Клиппинга (1259–1286). О том же свидетельствуют печати многих дочерей, жен и вдов датских дворян.

Из дворянских грамот нельзя с точностью установить, существовал ли в Дании обычай, согласно которому дочери могли передавать свои родовые гербы потомкам. Впрочем, в нашем распоряжении имеется одна грамота на пожалование герба, изданная в 1679 г., в которой содержится косвенное свидетельство об отсутствии в Дании такого обычая. В ней король Кристиан V объявляет, что даровал "герб и щит" М. Моту (Moth), "всем его законным детям и прямым живым наследникам и потомству мужского и женского пола, а также и его трем сестрам, нашей возлюбленной Эльсебет Маргрете, Иде Кирстине и Беате Ингеборг Мот"[40]. Поскольку здесь называются дети и потомки М. Мота и отсутствует упоминание о потомках его сестер, можно заключить, что за последними не признавалось права передавать родовой герб по наследству детям. Объяснение этому находим в том, что герб служил символом не только лица, но и рода, к которому это лицо принадлежало. Дети причислялись к роду их отца, поэтому они носили герб отцовского рода, что подтверждается тем фактом, что на печатях мужских и женских представителей дворянских родов, восходящих к XV–XVII вв., всегда представлены отцовские гербы. И напротив, отсутсвуют свидетельства, которые указывали бы на то, что в этот период на дворянских печатях изображались только гербы, обозначавшие род матери.

Что касается XIII–XIV вв., то нельзя исключать, что в эти века рыцари и вебнеры могли представляться с гербом дедов со стороны матери. Так, известны две печати рыцаря Андерса Эббесена Фроста (Frost, Vrost), маршала короля Вальдемара IV. На одной (1360 г.) изображен щит с тремя розами гербом рода Ланге (Lange)[41] (илл. 195), на другой (1362 г.) – щит, разделенный горизонтально на два поля – герб рода Бильд (Bild)[42]. Можно догадываться, что один из этих гербов был отцовским, другой носил отец матери Андерса[43].

Еще раньше жил рыцарь Олаф Флеминг (Fleming), который в 1316 г употреблял печать с гербом в виде бычьей головы[44], а в 1320 г. имел печать со щитом, в котором был заключен образ медведя[45]. От кого Олаф унаследовал эти гербы, сведений не имеется. Не сохранилось свидетельств

[17] Ibid. N 13.
[18] Ibid. N 16–17.
[19] Ibid. N 20.
[40] "Matthias Moth... alle hans ægte Børn og rette Livsarvinger og Afkom af Mand og Kvindekjøn saavalsom og hans trende Søstre, os elskelig Elsebeth Margrete, Ide Kirstine og Beata Ingeborg Moth" (цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 333).
[41] "S' ANDREE EBBYS" (DAS. N 537).
[42] "S' ANDS VROST" (Ibid. N 549).
[43] Доподлинная родословная Андерса Фроста неизвестна. Его причисляют и к роду Бильд (DAA. 1888. S. 68–69), и к роду Ланге (Ibid. 1901. S. 239).
[44] "S' OLAVI DICTI FLEMING" (DAS. N 116).
[45] "S' OLAVI FLEMING" (Ibid. N 136).

и о его предках[46]. Но, как и в случае с Андерсом Фростом, можно предполагать, что господин Олаф Флеминг представлялся с гербом и отца, и рода матери.

То, что в Средние века датские рыцари и вебнеры имели право распоряжаться гербом матери, подтверждается документом, датированным 1418 г. В нем сообщается, что датский вельможа рыцарь Андерс Уффесен (Виде), "ради родства и верности", даровал Свеннингу и Миккелю Андерсенам, которым он помог получить дворянские права от короля Эрика Померанского, "щит и шлем своей матери" (*sin Moders Skiold og Hielm*)[47].

Отсюда, вероятно, развился обычай, по которому в конце XV–XVII вв. датские дворяне часто помещали на своих портретах герб не только отца, но и матери, а также более дальних предков. Вспомним также, что в эти столетия на дворянских надгробиях и в XVII в. на гравированных портретах изображались гербы предков до шестого колена (тридцать два герба[48]), что должно было указывать на знатность почившей особы. И в самом деле, по свидетельству вельможи Детлева Алефельдта (1678 г.), к середине XVII в. аристократизм дворянина в Дании и герцогствах Шлезвиг и Гольштейн вошло в обыкновение подтверждать тридцатью двумя предками (*32 Ahnen*) благородного происхождения, как со стороны отца, так и со стороны матери[49].

В Средние века и в начале Нового времени у жен и дочерей датских рыцарей и вебнеров (дворян) отсутствовала традиция обозначаться гербами их мужей и отцов. Объяснение, возможно, нужно искать в том, что в Дании изучаемого времени не существовало обычая, согласно которому дворянки при вступлении в брак перенимали родовые прозвища (фамилии) мужей. И лишь с конца XVII в. женщины, происходившие из дворянских семей, сначала титулованные (графини и баронессы), мало-помалу начинают носить титулы и фамилии мужей и, как следствие, обозначаться их гербами.

Но дворянки могли выходить замуж и за тех лиц, которые не имели дворянского достоинства, и вплоть до XVII в. это никак не отражалось на их праве носить отцовский герб. В качестве примера можно указать на то, что жена бургомистра Раннерса Нильса Якобсена (1550–1624), не имевшего дворянского звания, дворянка по рождению Маргрета, носила герб своего рода

---

[46] DAA. 1892. S. 147–148.

[47] Povel Matthissøns Vaaben og Adels- Brev. S. 35. Мать рыцаря Андерса Уффесена происходила из аристократического рода Мунк (DAA. 1898. S. 228).

[48] В XVI–XVII вв. на дворянских надгробиях постепенно утвердился обычай изображать от четырех до шестнадцати гербов, принадлежавших одному–четырем поколениям предков: два герба (отца и отца матери), четыре (отца, отца матери, отцов двух бабушек), восемь (отца, отца матери, отцов двух бабушек и отцов четырех прабабушек) (илл. 29), шестнадцать (отца, отца матери, отцов двух бабушек, отцов четырех прабабушек и отцов восьми прапрабабушек) (цв. илл. 18). С середины XVII в., как свидетельствует гравюра с портретом Кристена Скееля, знатный дворянин мог представляться также с гербами отцов шестнадцати прапрапрабабушек, а, стало быть, в целом с тридцатью двумя гербами (илл. 32). Легко заметить, что не было принято указывать гербы мужей бабушек, прабабушек, прапрабабушек и прапрапрабабушек, как можно догадываться, по той причине, что гербы этих мужей уже ранее изображались в качестве родовых гербов матери, бабушек, прабабушек и прапрабабушек.

[49] *Ahlefeldt Detlev v.* Memoren aus den Jahren 1617–1659 / Hrsg. von L. Bobé. Kbh., 1896. S. 8–9.

(Удсен, Udsen). Действительно, в этом ей не препятствовали какие либо определения датского законодательства того времени. Но позднее (1641 г.), по настоянию аристократии, королевским указом было постановлено, что дворянка, которая "своим дворянским званием и происхождением настолько пренебрегла", что вышла замуж за недворянина, теряла право на использование герба своих предков[50].

Этот запрет, возникший на почве душевной тоски датской аристократии по кастовой замкнутости, обусловливался, однако, не только желанием законодателя защитить сословную честь дворян, но и заботой о соблюдении их сословных имущественных прав от притязаний со стороны все более окрепнувшего экономически и идеологически бюргерства. Дело в том, что в Дании со времен Средневековья дворянская земля была освобождена от государственных податей, используя тогдашнюю терминологию, считалась "свободной землей" (*fri jord*) и, согласно законоположениям, издававшимся с 1483 г., не могла находиться в собственности у лиц, принадлежавших к податным, или "несвободным сословиям" (*ufri stænder*). В развитие этого положения в XVI в. было законодательно введено и другое правило. Поскольку по датскому праву дворянская дочь могла наследовать земельные владения родителей, то, выйдя замуж за представителя податных сословий, очевидно, дабы дворянская земля не оказалась в собственности у "несвободных людей" – ее мужа и родившихся от него детей, она теряла права на родовые владения[51]. В законоположениях XVI в. это установление еще не сопровождалось запретом на ношение родительских гербов[52], и только в 1641 г. такой запрет получил правовую силу. Отсюда можно сделать вывод, что к тому времени в Дании уже сложилось представление о дворянском гербе как о знаке, который служил символом не только дворянского достоинства, характеризуемого особыми духовными качествами, но и соответствующих этому достоинству сословных имущественных прав. Это представление, несомненно, стало развиваться на датской почве еще в Средние века, на что указывают тексты издававшихся со времени Эрика Померанского грамот на дворянство, в которых дарование дворянских прав всегда сопровождалось дарованием гербов.

Но в эпоху датского абсолютизма (1660–1848), начало которой ознаменовалось падением общественно-политического могущества родовой аристократии, для бюргеров доступ к получению прав, которыми пользовались дворяне, постепенно настолько облегчился и браки дворянок с недворянами стали делом настолько обыкновенным, что у правительства уже не возникало желания чинить препятствия для таких браков. Как следствие, и запрет на

---

[50] *Verwohlt E.* Dansk våbenret // PHT. 1958. R. 13, bd. 6. S. 12. N 78.

[51] *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie. S. 389.

[52] В последнем из указов XVI в., в которых содержится определение по данному вопросу, а именно в Коллингском рецессе Кристиана III (1558 г.), в статье "Если свободная женщина выходит замуж за несвободного" (*Om frii Quinde tager wfrii Mand*), лишь говорится, что при таких обстоятельствах наследственные земли дворянки переходят к ее ближайшим родственникам: "отцовские имения к отцовским родственникам и материнские имения к родственникам матери" (Stomectigste Høyborne Førstis och Herres Her Christians den tredie Danmarckis Norgis Wendis oc Gøttis Konges etc. Recess Offuerseet oc met ny Arcticle forbedrit Paa Koldinghuss Aar etc. MDLVIII. Kbh., 1559. § 36).

ношение родовых гербов дворянками, вышедшими замуж за недворян, в этот период фактически утратил свою силу.

Закрепляя на письме право на ношение родового герба только за прямыми и законными потомками дворянина, издатели дворянских грамот XV–XVII вв., очевидно, тем самым не признавали такого права за его внебрачными детьми. Отсюда, однако, еще не следовало, что побочные дети вовсе были лишены возможности когда-либо носить отцовский герб. В грамоте, датируемой 1440 г., говорится, что рыцарь Педер Нильсен (Ульфельдт) дозволил тезке Педеру Нильсену носить герб своего рода вместе с епископом Оденсеским Хеннике (вероятно, братом рыцаря Педера) и с собой, "как родственник должен носить с другим [родственником]". Вслед за этим король Кристофер Баварский по просьбе епископа Хеннике пожаловал того же Педера Нильсена дворянскими правами и гербом рода Ульфельдт, "который есть в белом поле половина красного волка и половина красного орла, и на шлеме половина красного волка". Этот "новый дворянин" Педер Нильсен, вероятно, был побочным сыном отца братьев рыцаря Педера и епископа Хеннике[53].

Таким образом, возможность ношения отцовского герба внебрачным сыном не исключалась при условии, что имелось разрешение законных носителей герба отцовского рода и что это разрешение, причем вместе с дворянскими правами, утверждалось королем.

Значение герба как символа наследственных дворянских прав и одновременно родовой дворянской эмблемы, с XV в. закреплявшееся в грамотах на дворянство, ясно выступает также из первого датского законодательного акта, в котором среди прочего содержатся определения относительно ношения дворянского герба. В этом указе, изданном королем Фредериком II в 1582 г. под названием "О дворянах, которые прелюбодействует"[54], говорится, что король "пришел в расстройство" от того, что среди дворян "находятся некоторые, которые совершают прелюбодеяние и держат у себя распутных женщин, и этой жизнью к прискорбию обнаруживают распущенную жизнь, Богу Всемогущему во гнев, дворянскому сословию во стыд, священному браку в пренебрежение и другим христианам в дурной пример"[55]. Вместе с тем это распутное поведение дворян могло приводить к их бракам с "несвободными женщинами" (*wfri Quinder*) и появлению потомства, которое должно будет "считаться за дворянских детей" (*holdis for Adels Børn*) и, как следствие, получит право наследовать дворянское, "свободное земельное имение" (*Arffue udi Friit Jordegods*), состоять в "дворянском сословии" (*Adelig Stand*), носить "родовое имя, щит и герб" (*Stamme Naffn, Skiold oc Vaaben*). Поэтому, дабы этого не случилось, король Фредерик, по совету и с одобрения Государственного совета, постановил, что, если "какой-либо дворянин взял себе несвободную женщину или в будущем возьмет и произведет с ней детей, то тогда эти

---

[53] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 383.

[54] Om Adelen som Tage Boelskaff // Kongelige Majestatz Obne Breff, Lydendis om Hues Almindelige Mandater oc Forordning. Kbh., 1590.

[55] "...Wi vaare komme udi forfaring, At iblant Adelen her udi Rigit skulle findis nogle som holde Boelskaft oc løse Quinder hos sig, oc met dennem Leffue udi aabenbare forargeligt, løsactig Leffuit, Gud Allmectigste til fortørnelse, Adelig Stand til beskemmelse, Det hellige Ecteskaff til foractelse, Oc deris Jeffnchristen til it ont Exempel" (Ibid).

их дети не должны признаваться за дворянских детей или свободных людей"[56]. В то же время "они не должны и не могут носить щит и герб или дворянское родовое имя... и те же дети, которые с несвободной женщиной произведены, не могут наследовать какое либо земельное имение после отца или отцовых родственников"[57]. Очевидно, что данный указ ставил условием ношения дворянского родового герба обладание дворянскими правами. Другими словами, как и в случае с более поздним запретом на ношение родительских гербов дворянками, вышедшими замуж за "несвободных людей" датский законодатель 1582 г. видел в дворянском гербе символ общественного статуса дворянина и связанных с этим статусом наследственных имущественных прав.

Как уже говорилось, со времени царствования Эрика Померанского (1396–1439) в Дании укоренился обычай, ранее, в XIV столетии, утвердившийся в некоторых других странах Западной Европы, выдавать от имени короля грамоты на дворянские права, в которых содержались одновременно описание и цветное изображение герба нового дворянина. Но самая традиция утверждать гербы при пожаловании дворянских прав, возможно, брала свое начало в Дании с более раннего времени, с XIII или XIV в., когда такого рода обычай получил свое развитие на западноевропейской почве. Только до конца XIV в. описание пожалованного герба, равно как и сами дворянские звания (вебнера и рыцаря), в Дании еще не закреплялось грамотой. Впрочем, нельзя исключать и того, что поначалу, вплоть до XIV в., у датчан, как и у других народов Западной Европы, господствовал обычай, в силу которого лица, обязанные государю личной военной службой, по собственному почину брали себе гербы. Этот почин мог исходить из возникших в высокое Средневековье представлений, что у каждого дворянина непременно должен быть личный герб как элемент его культурного образа.

Однако датская родовая знать с развитием у нее стремлений к кастовой замкнутости, что явственно обнаружилось со времени царствования первых Ольденбургов, стала неодобрительно относиться к появлению новых дворян, получавших те же привилегии, что и потомки старинных родов. В конце концов, пользуясь своим политическим могуществом, она добилась, чтобы в хондфестнинг Кристиана II (1513 г.) была внесена статья, согласно которой король обязывался не давать кому-либо дворянских прав "без согласия всего Государственного совета" (*vden all riighins raadz sambtycke*)[58], т.е. той же аристократии, поскольку совет состоял из ее представителей. Эта статья затем повторялась во всех последующих хондфестнингах, которые датские короли скрепляли своими печатями перед восшествием на престол. И мы знаем, что данный закон со времени короля Кристиана II (1513–1523) находил практическое употребление, чему подтверждением служат грамоты, которыми жаловались дворянские права и гербы. В них, как, например, в грамоте, которую получил

[56] "Første, at huor nogen Adels Mand haffuer tagit sig wfri Quinde, eller her effter tagendis vorder, oc effter Børn met hende, Da skulle samme deris Børn icke vere, eller holdis for Adelbørn eller fri Folck (Ibid).

[57] "Disligist skulle de icke heller mue føre Skiold oc Vaaben eller Adelig Stamme Naffn... oc samme Børn, som met wfri Quinde afflede ere, icke mue komme til Arffudi nogit Jordegods effter Fader eller Fæderne Frender" (Ibid).

[58] DRL 1513–1523. N 1 (§ 28).

Йорген Рейквейн (1655 г.), неизменно присутствовала формула "по совету, воле и с согласия нашего любезного Государственного совета Дании" (*med vores elskelige Danmarks Riges Raads Raad, Villie og Samtykke*)[59].

Стало быть, с 1513 г. Государственный совет, состоявший из представителей датской аристократии, тоже имел отношение к утверждению гербов новых дворян. Но такое положение дел сохранялось лишь до 1660 г., когда король Дании получил права самодержавного монарха. Этот новый статус короля снова позволил ему единолично производить пожалования дворянских прав с одновременным утверждением гербов, о чем свидетельствуют дворянские патенты, выданные после 1660 г.

В то же время, по датскому праву, действовавшему до введения самодержавной формы правления, король не мог издавать законы без получения предварительного согласия Государственного совета. Поэтому и законодательные памятники Дании конца XVI и первой половины XVII в., содержащие положения о дворянских гербах, обнаруживают присутствие и влияние этого "согласия". Примером служит первый в ряду этих памятников, а именно уже известный нам указ Фредерика II "О дворянах, которые прелюбодействуют" (1582 г.). Этот акт, отвечавший желанию датской аристократии преградить доступ побочным детям дворян к сословным правам отцов, их родовым именам и гербам, был издан "по совету нашего любезного Государственного совета Дании" (*met vore Elskelige Danmarckis Rigis Raad*) и "по их совету, воле и с согласия" (*effter deris Raad, beuilling oc samtycke*).

В Средние века и в начале Нового времени в Дании только мужчины могли получать дворянские права и, соответственно, герб, что следует объяснять существованием в течение долгого времени представлений о дворянине исключительно как воине. Именно таким представлением, как мы помним, руководствовались еще в 1513 г. составители хондфестнинга Кристиана II, внося в этот документ положение о том, что только достойные деяния на поле боя могли служить основанием для возведения в дворянское достоинство. Но в дальнейшем представления о дворянском гербе только как символическом знаке дворянина-воина отошли в прошлое, и со второй половины XVII в. патенты на право ношения гербов стали выдаваться женщинам. Первый такой случай, насколько известно, датируется 1662 г.[60], когда король Фредерик III пожаловал герб госпоже Кристиане, дочери короля Кристиана IV от его морганатической супруги Кирстины Мунк и жене датского вельможи Ганнибала Сехестеда. В последующее время, вплоть до середины XIX в., женщинами, которым жаловались гербы, являлись в основном королевские фаворитки и морганатические жены. Они получали титул княгини или графини и одновременно герб, который служил символом княжеского или графского достоинства.

Таким образом, можно утверждать, что право женщин на получение или создание собственного герба на датской почве утвердилось лишь к исходу XVII столетия.

---

[59] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel. S. 316.

[60] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel mod oldenborgernes kongelige linie: Kirstine Munks og hendes børns titel og våbenføring // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 164.

Что же касается эмблем недворян, в том числе и тех, которые со временем стали рассматриваться в качестве гербов, то каких-либо свидетельств о том, что при своем создании или позже они тоже утверждались государственной властью, не обнаруживается. Из этого, однако, не следует, что эмблемы простолюдинов не имели публично-правового признания, поскольку они размещались на печатях, служивших знаками правоспособности лица.

На исходе Средневековья в Дании, кроме царствовавшего короля, герб мог пожаловать также престолонаследник – король-соправитель. Так, в 1505 г. сын короля Дании, Норвегии и Швеции Ханса (1481–1513), "избранный король" Кристиан, даровал Могенсу Йенсену (Росенвинге), "его законным детям и потомкам вольности, которые имеют другие рыцари и свены в государстве Дании со щитом и шлемом, как-то: синяя роза в белом поле и белое крыло в красном поле, и в качестве шлемового знака на шлеме белое крыло"[61]. В 1508 г. Кристиан пожаловал также соборному пробсту Роскилле Эрику Валькендорфу и "его преемникам соборным пробстам" Роскиллеским "герб, щит и шлем". В это время он носил титул: "Божией милостью по праву наследственный король государства Норвегии, избранный король Дании и Швеции, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[62].

Помимо королей в Дании правом возводить в дворянское достоинство и даровать гербы пользовались, будучи владетельными особами, архиепископы Лундские (до Реформации), о чем располагаем тремя свидетельствами от XV – начала XVI в., и герцоги Шлезвигские, чьи самые ранние грамоты на пожалование дворянства и гербов дошли от первой половины XVI столетия[63]. Это свое право архиепископы и герцоги Шлезвигские, вероятно, основывали на старинном положении, которое содержалось в "Ютландской Правде" (1241 г.) и в дальнейшем действовало на всей территории Дании. Оно закрепляло за епископами и герцогами возможность брать в своих епископствах и герцогствах на службу лиц, которые получали права "дворян" или, как последние еще в середине XIII в. назывались, херреманов[64].

Кроме того, из хроники А. Витфельдта известно, что маршал Тюге Краббе дважды (в 1510, 1535 гг.) жаловал дворянство за воинские деяния[65], но, вероятно, имея на то полномочия от королей (Ханса и Кристиана III).

Через королевские патенты, по крайней мере со второй половины XVII в., производились также изменения в дворянских гербах, что обычно случалось при пожаловании графского и баронского титулов, учрежденных в 1671 г. По указу короля Кристиана V от 11 февраля 1679 г., тем же способом свой герб могли "в знак особой королевской милости… изменить и улучшить" (*til et sær kongelig Naades Tegn… forandre og forbedre*) и королевские

[61] Rep. R. 2, bd. 6. N 10424.

[62] "Christiern Guds Naade ret Arfve Konning til Norgis Rige udvalt Konning til Danmark og Sverrig Hertug udi Slesvig Holstein Stormarn og Dithmarsken Graeve udi Oldenburg og Delmenhorst" (*Bircherodius Janus*. Breviarium eqvestre, seu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Efusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704. S. 37).

[63] *Ilsøe A.* Begrebet Dansk Adel... S. 390–391.

[64] *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie... S. 382.

[65] *Huitfeldt A.* Kong Hansis krønicke. Kbh., 1599. S. 1077; *Idem.* En kaart historiske Beskriffuelse, paa hues merckeligt, som sig aarlige vnder Christian den Tredie hafftuer tildragit. Kbh., 1595. S. 1442.

служащие из бюргерского сословия" (*Betjente af den borgerlige Stand*). Они приравнивались к дворянам в силу своего служебного положения[66], вследствие чего их эмблемы тоже приравнивались к дворянским гербам.

Как предмет собственности герб мог вызывать ссоры, приводившие к судебным разбирательствам, о чем располагаем двумя свидетельствами, относящимися к XVI столетию. В первом случае причиной тяжбы явилось сходство эмблем, находившихся в обладании истца и ответчика – знатного дворянина рыцаря Хенрика Круммедиге (ок. 1465–1530) и архиепископа Лундского (1497–1519) Биргера Гуннерсена, происходившего из простолюдинов. Это дело, рассматривавшееся королем Хансом и Государственным советом в 1510 г., выиграл архиепископ, ибо сумел доказать, что, хотя его эмблема напоминала родовой герб господина Круммедиге (дерево), но имела совершенно иной символический смысл, и к тому же, по признанию самого Биргера, являлась не "гербом", а "знаком"[67].

Второй случай, относящийся к 1573 г., тоже касался сходства гербов, однако на этот раз один из участников спорного дела, дворянин Хеннинг Венстерман, выступил защитником не своего родового герба, а герба рода Урне (Urne), из которого происходила его мать. Этот ревнитель чести аристократического рода Урне и своей собственной был до крайности оскорблен, когда узнал, что герб упомянутого рода (в синем поле черная орлиная лапа с золотым когтем) носит и дворянский род Гламбек (Glambek), не считавшийся знатным. И однажды, будучи не в силах совладать с нахлынувшим на него чувством возмущения, Хеннинг Венстерман ворвался в дом Клауса Гламбека и в ярости разбил оконное стекло, на котором помещалось изображение герба Гламбеков. Но и на этот раз король и Государственный совет вынесли решение не в пользу зачинщика ссоры, поскольку выяснилось, что род Гламбек пользовался своим гербом уже около двухсот лет[68].

Из последнего судебного разбирательства видно, что датские дворяне следили за правомерностью использования не только отцовского, наследственно-родового герба, но и герба рода матери, из чего можно заключить, что герб материнского рода также имел важное символическое значение для дворянина. И выше мы видели, что это значение обусловливалось практическими соображениями: через гербы предков по материнской линии дворянин иллюстрировал свое благородное происхождение. В конце XVI и XVII в. гербы мужских и женских предков, правда, числом не более четырех могли заключаться в один щит[69]. А во второй половине XVII в. некоторые дворяне начинают получать и королевские патенты, закрепившие право на составные гербы, включавшие, в том числе, гербы двух или нескольких предков. Вероятно, первыми такие составные гербы в 1662 г. от короля Фредерика III получили Ганнибал Сехестед и его супруга Кристиана: в их гербах малые щиты заключали эмблемы четырех предков. Но подобного рода гербы, даже после утверждения их королем, в силу самого состава гербов ближайших

---

[66] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 331–332.

[67] *Huitfeldt A.* Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Dammarckis Rige. Kbh., 1604. S. 91–92; *Verwohlt E.* Dansk våbenret. S. 16.

[68] *Kolderup-Rosenvinge J.L.A.* Gamle Danske Domme. Kbh., 1837. Bd. III. S. 220–221.

[69] См. с. 251–253.

предков, который был представлен в этих гербах, сохраняли характер личных эмблем. Из этого можно сделать вывод, что герб рода матери и гербы других родов, из которых происходили предки дворянина, как в составных гербах, так и на различных предметах, в первую очередь призваны были свидетельствовать о родословной человека с точки зрения его знатности, а именно о его древних аристократических корнях. При таких обстоятельствах знатный дворянин, каким, например, являлся X. Венстерман, конечно, должен был обращать внимание на то, чтобы лицо, по его представлениям, худородное не обозначалось гербом того аристократического рода, с которым оно не было связано кровными узами.

Поскольку с XII–XIII вв. гербы, по обыкновению, являлись элементом иконографии печатей, то правовая защита печатей от чужого использования, вероятно, не могла не включать и правовую защиту изображенных на них гербов. По мнению датских историков, стремлением предоставить такую защиту объясняется существование в средневековой Дании обычая бросать матрицы печатей, часто с нанесенными повреждениями, в могилы их владельцев. Подтверждением тому служат археологические находки, обнаруженные в захоронениях знатных особ. Например, одной из таких находок, которая была сделана в 1994 г. в городе Роскилле, является кусок матрицы гербовой печати, принадлежавшей герцогу Кристоферу Лолланнскому (ум. 1363), сыну короля Вальдемара Аттердага[70].

Что же касается защиты печатей частных лиц со стороны писаного права, то она была установлена в Дании только в "Датском Уложении" 1683 г., где (кн. 6, гл. 18, § 6) сказано: "Буде найдено и доказано, что кто то скрепил грамоту печатью другого человека, и он такую грамоту использует к своей выгоде и в ущерб другому, то тогда он теряет свою руку, честь и имущество"[71].

Памятуя о том сильном влиянии, которое с XII в. оказывалось на господствующий слой датского общества со стороны западноевропейской придворно-рыцарской культуры, можно предположить, что уже в Средние века в Дании, подобно, например, Франции, Англии и Германии, укоренилось представление о том, что герб дворянина является символическим знаком его дворянской чести. Во всяком случае, выше мы видели, что датские дворянские грамоты с XV в. и законодательные памятники конца XVI и первой половины XVII в. свидетельствовали о связи дворянского достоинства с родовым гербом. Вместе с тем в странах Западной Европы утвердилось представление о том, что после лишения дворянина чести по приговору суда за недостойные деяния должна производиться и "расправа" над его гербом. Однако находил ли применение этот обычай, возникший, несомненно, на почве символизма средневекового права, в Дании в период высокого и позднего Средневековья, за отсутствием свидетельств в источниках утверждать не беремся. Но с достоверностью известно, что такие надругательства над гербами осужденных дворян считались правомерными в Дании во второй половине XVII в., и они совершались как раз вследствие лишения дворянина его

[70] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse af offentlige våbener og slægtsvåbener // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 449.

[71] Цит. по: Ibid. S. 448.

прав за бесчестные проступки. Так, 4 сентября 1661 г. подвергся публичному уничтожению герб знатного дворянина Кая Люкке (ок. 1625–1699), осужденного за преступление против королевской особы (*crimine laesae majestatis*), а именно за оскорбление, нанесенное королеве Софии Амалии, к лишению дворянской чести и связанных с этим прав состояния[72]. Также по приговору суда, оглашенному 26 мая 1676 г., граф Гриффенфельдт должен был понести следующее наказание: “потерять честь, жизнь и имущество, его графское имя и другое достоинство должны быть уничтожены, *его герб испорчен*, его графство и собственность конфискованы, и сам он должен умереть от меча палача” К такому наказанию граф Гриффенфельдт был присужден по обвинению в преступлении, которое тоже классифицировалось как оскорбление королевского величества. И хотя в последний момент Гриффенфельдту была дарована жизнь, его графский герб все же подвергся публичному осквернению: была разорвана бумага с изображением этого герба. Точно такое же наказание, связанное с надругательством над гербом преступника, казнимого за подобное преступление, нашло свое законодательное оформление в “Датском Уложении” 1683 г. Здесь, в четвертой главе шестой книги, имеющей название “О преступлении против Королевского Величества, или *Crimine Majestatis*”, в частности, сказано: “Если злодей является дворянином или [обладателем] более высокого ранга (т.е. титулованной особой. – *В.А.*), тогда его герб (*Vaaben*) должен быть испорчен” Очевидно, что мы сталкиваемся тут со случаем, когда существовавший прежде обычай был закреплен законом. Известно, что этот закон был применен на практике 28 апреля 1772 г., когда по приговору, вынесенному по тому же обвинению, по которому судили Люкке и Гриффенфельдта, подверглись надругательству гербы графов Струенсе и Брандта, а сами они были казнены. О том, каким образом этот приговор был приведен в исполнение, помимо письменных источников свидетельствует сцена казни Струенсе, переданная на гравюре того времени. В момент, когда голова злодея лежала на плахе и над нею вознесся топор палача, другой палач, по имени Готтшалк Мюльхаусен, стоя рядом на эшафоте, вскинул вверх свои руки, держа в них два куска разорванной бумаги, на которых были изображены части графского герба Струенсе[73].

Говоря о гербовом праве, нельзя также пройти мимо вопроса, касающегося использования отдельных элементов герба. Сразу следует отметить, что до конца XVII в. при их использовании датчане исходили из обычая, который, однако, со временем мог закрепляться на письме, в грамотах, выдававшихся частным лицам государем, и тем самым приобретать значение непреложного установления и прецедента. Именно на таких началах вошло в обыкновение указывать в грамотах на дворянство в качестве обязательных элементов герба щит и шлем. Что касается других внешних элементов герба, то они впервые получают письменное закрепление только на исходе XVII столетия. Тогда же в Дании появляются королевские указы, устанавливающие иерархию среди некоторых гербовых элементов, а именно шлемов и корон, с целью отличия дворянских рангов, введенных в правление Кристиана V (1670–1699). Но эти указания в дальнейшем далеко не всегда

[72] *Bøggild-Andersen C.O.* Kaj Lykke // DBL. 1981. Bd. 9. S. 228–230.
[73] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse... S. 449–450.

соблюдались и, более того, под влиянием новых общественных настроений с течением времени, по-видимому, уже к концу XVIII в., фактически пришли в забвение.

Таким образом, можно заключить, что на исходе XVII в. государственная власть посредством правовых предписаний попыталась учредить ранговые шлемы и короны, но на практике эти предписания не вылились в твердо соблюдаемые правила, поскольку отражали преходящее умонастроение своей эпохи. Впрочем, отголоски упомянутого настроения давали о себе знать еще в XIX–XX вв., находя выражение в обычае изображать так называемые "бюргерские гербы" со шлемами, которые по своим художественным свойствам отличались от шлемов "дворянских гербов" Но данное обыкновение, еще раз подчеркнем, не основывалось на законодательной норме, в том числе и той, которую пытались ввести в конце XVII в.[74]

С эпохи высокого Средневековья постепенно складывалось представление о том, какое употребление могло быть дано дворянским гербам в повседневной жизни. В дворянских патентах эпохи раннего датского абсолютизма, т.е. в то время, которым завершается наше исследование, характер такого употребления вошло в обыкновение передавать приблизительно тем текстом, который приведен в патенте Ф.Э. Спехана (1670 г.). Этот новый дворянин и его потомки могли свой "щит, шлем и герб использовать и носить во всех честных, порядочных, дворянских и рыцарских деяниях, во все времена, также и во всех случаях и во всех местах по собственной воле и к удовольствию и так, как они это к их чести или по другим случаям по необходимости могли сделать, равно как другие наших наследственных государств и земель прямые, природные и урожденные, турнирные и рыцарственные дворяне свой щит, шлем и герб носят и используют"[75]. Данное определение, очевидно, предполагало довольно широкое применение гербов в повседневной жизни дворян, основанное на уже сложившейся традиции.

Правда, в королевских указах, издававшихся в XVII в., находим определения, которыми устанавливались некоторые ограничительные или разрешительные правила при публичном использовании гербов. В 1602 г., в целях ограничения излишней роскоши в дворянском быту, среди прочего, вышел запрет, подтвержденный затем в указе 1615 г., согласно которому гербы, представавшие на дворянских гробах, не должны были изготавливаться из золота и серебра или иметь позолоту. Позже, уже под конец века, было постановлено, что "герб не должен никем выставляться и носиться, кроме только тех, кто имеет право на использование щита и шлема" (1682 г.), и что "каждый, кто имеет право на использование герба, может использовать герб на своей карете" (1683 г.)[76].

Впрочем, на исходе XVII в. "гербом" называлась уже не только дворянская эмблема, но и уподобленная ей эмблема королевского служащего, при

---

[74] Об отдельных элементах герба и касающихся их законоположений подробнее см. ч. II.

[75] "Skjold, Hjelm og Vaaben bruge og føre udi alle ærlige, redelige, adelige og ridderlige Actioner, til alle Tider, saa og udi alle Tilfælde og paa alle Steder efter egen Villie og Velbehag og saa, som de det til deres Ære eller anden Leilighed fornøden eragte kunne, lige som andre vore Arve Rigers og Landes rette, baarne og indfødte, Tourneer og Riddermæssige Adelsfolk dere. Skjold, Hjelm og Vaaben føre og bruge" (цит. по: *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 328–329).

[76] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 34–36; *Verwohlt E.* Dansk våbenret. S. 3–7.

равненного по правам к дворянину. Стало быть, определения 1682 и 1683 гг. действовали также и в отношении этого, не имевшего дворянского диплома лица. В то же время никак нельзя согласиться с точкой зрения, утвердившейся в датской историко-геральдической литературе, что под указанные определения подпадали "гербы" всех бюргеров. В указах ясно оговорено, что изложенные в них разрешения дарованы только тем лицам, которые "имеют право на использование герба" или "щита и шлема" А такое право в датских законах конца XVII в. было закреплено исключительно за дворянами и приравненными к ним по привилегиям королевскими служащими. Кроме того, от этого времени не известно ни одного свидетельства, из которого следовало бы, что эмблемы датских бюргеров, не бывших на службе короля, обозначались словом "герб" (*vaaben*).

Особые правила использования гербов в конце XVII в. были установлены для лиц, награждавшихся датскими орденами Слона и Даннеброга. По положению статутов этих орденов 1693 г., гербы дворян, удостоенных звания орденских рыцарей, должны были выставляться в Орденской капелле, учрежденной в церкви замка Фредериксборг. Одновременно гербы этих рыцарей, по другому положению статутов, следовало изображать в орденских книгах. Эти предписания сохраняли свою силу и в последующие столетия[77].

Таким образом, во всех датских законоположениях о гербах, восходящих к концу XVI и XVII в., речь идет исключительно о дворянском гербе, который представляется символом особых, сословных дворянских прав и духовных качеств.

Нетрудно, однако, заметить, что правовые документы – дворянские патенты и законодательные акты – не дают детального описания всех случаев публичного употребления дворянских гербов. И лишь из других источников, памятников письменности и материальной культуры, мы узнаем, что дворяне, согласно постепенно утверждавшемуся обычаю, приказывали изображать свои гербы на различных предметах, им принадлежавших. Причем делали они это, как можно догадываться, в целях представительских или, как сказано в патенте Спехана, к своему "удовольствию", "чести" или "по другим случаям по необходимости" Если не считать предметов рыцарского вооружения и снаряжения, в число таких памятников, ныне нам известных, входили печати, монеты, книги, надгробия и настенные росписи в церквах и замках, живописные и гравированные портреты, архитектурные сооружения, предметы домашнего обихода и вещи личного употребления. Известно также, что в XVI–XVII вв. существовал обычай, по которому при похоронах датских королей, например, Фредерика II (1588 г.) (илл. 36), и герцогов Шлезвига и Гольштейна выставлять их гербы. Из описания похорон в Москве герцога Ханса (1602 г.) видно, что среди гербов могли быть представлены и родовые гербы матери покойного; в данном случае это был герб герцогов Мекленбургских, к роду которых принадлежала мать Ханса, королева София. Тому же обычаю, во всяком случае, в XVII в., следовали и дворяне. Примером служат похороны члена Государственного совета Ханса Линденова, запечатленные на гравюре А. Хельвега (илл. 97). Здесь многочисленные гербы предков

[77] См. с. 495.

Илл. 97. Похороны Ханса Линденова. Гравюра А. Хельвега, около 1655 г

почившего вельможи предстают прикрепленными к большим свечам, которые держат участники траурной церемонии[78].

В Новейшее время в Дании по-прежнему создаются гербы для мужчин и женщин, но уже без связи с получением дворянского достоинства, возведение в которое прекратилось в Дании в середине XIX в., с упразднением особых дворянских прав. Обычно это делается при награждении заслуженного лица орденом Даннеброга или, реже, орденом Слона, поскольку статуты этих орденов сохраняют положения конца XVII в. о выставлении гербов орденских рыцарей в Орденской капелле с занесением их изображений в орденские книги. С 1963 г. вновь созданные гербы датчан (как и гербы граждан других Скандинавских стран), по обыкновению, заносятся также в "Скандинавский гербовый реестр" (*Skandinavisk Vapenrulla*), который ведется в шведском городе Кристиансстаде. Однако эта регистрация сама по себе не дает прямой правовой защиты гербу рода или отдельного лица от его использования посторонними лицами. Но тот факт, что герб занесен в указанный реестр, во время судебного разбирательства может послужить доказательством того, кому он принадлежит.

[78] См.: *Heiberg S.* Kongelig reputation og adelig kultur // Struktur og funktion. Festskrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1994. S. 198.

При отсутствии в современной Дании особых законоположений о правовой защите личного или родового герба такая защита может быть обеспечена посредством регистрации герба (при уплате налога), которую затем необходимо продлевать каждые десять лет, в качестве знака (*kendetegn*), имеющего собственный устав "родового объединения" (*slægtsforening*). Герб лица или рода попадает под непосредственную защиту закона и в том случае, когда он зарегистрирован в качестве товарного знака (*varemærke*) фирмы[79].

Королевские гербы

Мы уже знаем, что герб короля Дании, зародившись со значением личной эмблемы Кнута VI, в дальнейшем обозначал всякого носителя звания датского короля и, как следствие, служил символом самого королевства Дании. На этой почве, можем догадываться, должны были укорениться известные понятия, определявшие особенности статуса королевской эмблемы и соответственно правила употребления данного символа носителя государственной власти и самого государства со стороны других лиц. И, прежде всего, здесь нужно обратить внимание на то, при каких обстоятельствах герб короля Дании вошло в обыкновение выставлять в качестве символа королевских детей.

Еще в высокое Средневековье установился обычай, по которому с королевским гербом и одновременно с гербом своего супруга могли представляться дочери шведских, датских и норвежских королей, вышедшие замуж за иностранных владетельных особ. Самый ранний факт использования "гербовой" печати представительницей скандинавских королевских семей датируется 1237 г.[80] В этот год "София, госпожа Ростока" (*domina de Rostok*), жена князя Генриха Борвина III Ростокского и дочь короля Швеции Эрика X Кнутссона (1210–1216)[81], употребила печать, на которой изображена сама госпожа и два щита. Один из щитов, помещенный справа от княгини, заключает герб мужа (гриф), другой, расположенный по левую от нее сторону, – трех львов, которые в 1237 г. были символом короля Швеции[82].

---

79 *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse... S. 464–468.

80 *Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 288. Fig. 274; DKS. N 18.

81 Ранее считалось, что София была "урожденной принцессой Дании" (*geb. Prinzessin von Dänemark*) (*Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. S. 288). Но позднее было доказано, что ее отцом являлся именно шведский король Эрик Кнутссон (*Sollied H.* En ukjendt svensk kongedatter // Historisk Tidskrift. Stockholm, 1951. N 1. S. 64–71).

82 Свидетельств о гербе с тремя львами короля Эрика Кнутссона не сохранилось: на его печати представлены (без щита) только два льва, обращенные друг к другу (*Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. Stockholm, 1936. D. I. Fig. 14), и эти знаки не образовывали герба. Однако сын Эрика и брат Софии, король Швеции Эрик XI Эрикссон (1222–1250), употреблял печать с изображением трех львов (Ibid. Fig. 20, 22, 24). Унаследовал ли этот герб Эрик Эрикссон от отца, неизвестно. Поэтому нельзя исключать и того, что София представлялась с гербом брата как царствовавшего тогда короля Швеции. Но и в этом случае щит с тремя львами на ее печати указывал на происхождение "госпожи Ростока" из рода шведских королей. Отметим в этой связи, что замужние дочери скандинавских королей могли для обозначения своего происхождения называться сестрами царствовавших братьев. Так, современница Софии, Хелена Датская, в грамоте 1233 г. представилась "женой Вильгельма Люнебургского, дочерью Вальдемара, короля Датчан" (*Helena, conjux Wilhelmi de Luneburg, filia Waldemari regis Danorum*), а на своей печати – как "Хелена Люнебургская, сестра Вальдемара, короля Дании" (HELENA DE LVNEBVRCH SOROR WALDEMARI REGIS DANIE) (DKS. N 8). И действительно, Хелена была дочерью Вальдемара I (1157–1181) и сестрой Вальдемара II (1202–1241), в царствование которого была изготовлена и использовалась ее печать.

Другая "принцесса", Рикса (ум. ок. 1308), дочь короля Дании Эрика V (1259–1286), была выдана замуж за "господина Славии" (*dominus Slavie*) Николая Верлейского (ум. 1316), происходившего из рода князей Мекленбургских[83]. И на ее печати, сохранившейся при одном документе 1301 г.[84] (илл. 98), изображена женщина, держащая в правой руке шлем мужа, а в левой шлем отца, несущий рога с павлиньими перьями; кроме того, ниже рук видим, с правой стороны, щит мужа, заключающий турью голову, слева, щит с тремя львами – гербом датских королей. В документе и в легенде печати Рикса представлена как "госпожа Славии, дочь короля Дании"[85]. Очевидно, что именно этот титул иллюстрировало "оружие" верлейского государя и датского короля.

Илл. 98. Печать Риксы, "госпожи Славии, дочери короля Дании" 1301 г.

Находим "оружие" мужа и отца также на печатях Риксы (Рикардис), жены брата королевы Хельвиг, герцога Ютландского Вальдемара V Эриксена[86]. На первой ее печати (1358 г.)[87] изображена та же художественная композиция, которая представлена на печати Софии, "госпожи Ростока" Только теперь шлемы и щиты обозначены символами мужа и отца Риксы: справа от женского образа помещено "оружие" герцога Вальдемара, слева – графа Гунцелина Текленбургского и Шверинского. На второй печати (1373 г.)[88] шлемы отсутствуют, щиты же, которые держит герцогиня, заключают по-прежнему гербы мужа и отца. И на печатях, и в документах жена и позднее вдова (с 1364 г.) герцога Вальдемара Эриксена представлена с титулом "герцогини Ютландии" или "герцогини Шлезвигской"[89].

От XIV в. известны, кроме того, "гербовые" печати представительниц королевских семей Норвегии и Швеции. Из них три печати принадлежали Ингеборг (1301–1361), дочери норвежского короля Хокона V (1299–1319)[90]. Ее первым мужем был герцог Эрик (ум. 1318), сын короля Швеции Магнуса Биргерссона. Поэтому на первой печати (1318 г.) Ингеборг ее образ держит два знамени с гербами отца и мужа: на одном изображен герб Норвегии, на другом – герб королей Швеции из рода Фолькунгов. Под руками женского

---

[83] *Jørgensen E.* Richiza (Regitse, Rixa) // DBL. 1982. Bd. 12. S. 203.
[84] DKS. N 27.
[85] "Rixa, domina Slavie, filia regis Dacie", "S' RIXE DOMINE SLAVIE FILIE REGIS DACIE" (Ibid).
[86] *Albrectsen E.* Richardis (Regitse, Rixa) // DBL. 1982. Bd. 12. S. 197.
[87] DKS. N 141.
[88] Ibid. N 142.
[89] "S' DVCISSE IVCIE", "Ricardae, dei gracia ducissa Sleswicensis "Vrowe Rixe, hertoginne to Sleswich" (Ibid. N 141, 142).
[90] О ней см.: *Koht H.* Ingebjorg Håkonsdatter // NBL / Red. E. Bull, E. Jansen. Oslo, 1934. Bd. VI. S. 506–512.

образа помещены также шлемы отца и мужа[91]. Эрик носил титул "герцог Швеции", вследствие чего Ингеборг представлялась "герцогиней Швеции" (*ducissa Svecie*).

Вторая печать Ингеборг Норвежской употреблялась в 1336 г.[92], когда дочь короля Хокона V была вдовой уже не только первого мужа, герцога Эрика Шведского, но и второго, Кнута Порсе (ум. 1330), герцога Халланда и Самсё. На этой печати видим три щита, в которые заключены гербы Норвегии, Швеции и герцога Халландского и Самсёского (горизонтальная балка над идущим львом). В это время Ингеборг носила титул "герцогини Швеции, Халланда и Самсё"[93]. У нее были вдовьи владения в Швеции, где царствовал (1319–1362) ее сын от герцога Эрика, король Магнус, бывший одновременно королем Норвегии (1319–1355), и она управляла герцогством Кнута Порсе от имени малолетних герцогов Хокона и Кнута, которых родила во втором браке.

С тем же тройным титулом Ингеборг представлялась в 1346 и 1352 гг., когда использовала еще одну печать, на которой, кроме трех вышеназванных, изображен четвертый герб – орел[94]. Этот знак принято считать символом острова Самсё[95], но единственным доводом в пользу такого отождествления является присутствие имени Самсё в герцогском титуле Ингеборг. Однако ее второй муж, герцог Халланда и Самсё, носил только один герб[96], и понятно почему: Халланд и Самсё составляли одно феодальное владение – "герцогство Халланда и Самсё"

Но если орел на печати Ингеборг не был символом Самсё, то чьим гербом он являлся? И здесь на помощь приходит иконография печатей двух ближайших родственниц герцогини Ингеборг. Ее дочь от герцога Эрика Шведского, Еуфемия, была выдана замуж за князя Мекленбургского Альбрехта II. В 1344 г. она употребила печать с четырьмя гербовыми щитами, окружающими букву "А", которая, вероятно, указывала на имя мужа княгини. В двух щитах, изображенных справа, видим гербы Альбрехта – символы его двух княжеств: Мекленбурга (голова тура) и Ростока (гриф). Два других щита заключают изображения гербов Швеции (Фолькунгов) и Норвегии[97].

То, что княгиня Еуфемия представлялась с гербом Швеции, не может вызывать удивления, ибо к тому времени уже существовала традиция помещать на печати дочери герб отца. Но присутствие на печати Еуфемии герба короля Норвегии, отца ее матери, должно рассматриваться как новшество, которое, как часто случалось в Средние века, само давало начало традиции. И действительно, вскоре эта новая практика нашла выражение на печатях королевы Бланки Намюрской (ум. 1363), жены Магнуса, короля Норвегии и Швеции, брата Еуфемии Шведской и снохи герцогини Ингеборг Норвежской.

На этих печатях, употреблявшихся в 1346–1352 гг., образ королевы окружают четыре щита: в двух верхних заключены гербы мужа – символы Швеции

---

[91] *Trætteberg H.* Det norske kongevåpen Gelre-våpenboka // Herald. Tidsskr. 1971. N 23. S. 138.
Ibid. S. 138; DKS. N 162.
[93] "Ingiburgis, dei gracia ducissa Swecie Hallandie et Samsø" (DKS. N 162).
[94] *Trætteberg H.* Det norske kongevåpeni Gelre-våpenboka. S. 139; DKS. N 163.
[95] *Svane E.* I Skjoldet springe Løver: Afledninger af Kongevåbenet. Odense, 2002. S. 34.
[96] DAS. N 226.
[97] *Trætteberg H.* Det norske kongevåpen i Gelre-våpenboka. S. 138.

и Норвегии, в двух нижних — герб отца, графа Иоанна Намюрского, и герб графов Артуа (ветвь Капетингов), из рода которых происходила мать Бланки, Мария[98].

Илл. 99. Печать королевы Филиппы, 1420 г.

Возвращаясь теперь к иконографии третьей печати герцогини Ингеборг Норвежской, можем задаться вопросом: а не являлся ли орел на этой печати гербом деда Ингеборг со стороны ее матери, норвежской королевы Еуфемии (ум. 1312)? И ответ будет положительным: да, является, доказательством чему служит герб рода графов Арнштайна (Аренштейна), к которому принадлежал граф Гюнтер Арнштейнский (ум. 1284), отец королевы Еуфемии[99]. Стало быть, орел на печати Ингеборг, как и герб Норвегии, обозначал родовое происхождение "герцогини Швеции, Халланда и Самсё".

С первой половины XIV в. герб датского короля вошло в обыкновение изображать также на печати его супруги – королевы Дании. Из ныне известных самая древняя печать датской королевы, содержащая изображения гербов, принадлежала Хельвиг Ютландской (1347 г.)[100], с 1340 г. жене короля Вальдемара IV. На этой печати представлены два щита: один с двумя львами – гербом отца королевы, герцога Эрика Ютландского, другой с тремя львами – гербом ее мужа.

Впоследствии королевы Дании почти всегда обозначались составными гербами своих мужей, при этом, как правило, одновременно с отцовскими, по обыкновению, тоже составными гербами. С таким гербом первой из датских королев стала представляться Филиппа Английская (ум. 1430), супруга (с 1406 г.) короля Эрика Померанского и дочь короля Англии Генриха IV, о чем свидетельствует иконография ее печати (1420 г.)[101] (илл. 99). Вместе с гербами мужей королевы носили их титулы, что указывало на правовой статус жен датских государей. Стало быть, сам статус супруги короля Дании давал право королеве на ношение гербов как символов имен королевского титула. В число этих гербов, как ниже увидим, со второй половины XVI в. могли входить эмблемы тех земель, имена которых не были представлены в королевском титуле. И эти эмблемы также изображались в составных гербах датских королев. Другими словами, тот герб, который носил король

---

[98] Ibid. S. 138; *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungesigill. Stockholm, 1947. D. III. Fig. 68; *Bengtsson H.* Den höviska kulturen i Norden: En konsthistorisk undersökning. Stockholm, 1999. S. 124–125.

[99] *Schreiner J.* Eufemia // NBL. 1926. Bd. II. S. 608–609; *Axelsson S.* Om drottning Eufemias släktskapsförhållanden: En källkritisk undersökning // (Norsk) Historisk Tidsskrift. Oslo, 1956. N 37, hft. 7. S. 266–273. О роде и гербе графов Аренштейнских см.: *Heinrich G.* Die Grafen von Arenstein. Cologne, 1961.

[100] DKS. N 43.

[101] Ibid. N 64.

Дании, становился по праву гербом и его супруги королевы – правило, неизменно соблюдавшееся вплоть до XX столетия[102].

Таким образом, можно утверждать, что в Средние века в Скандинавских странах утвердился обычай, согласно которому женщины в королевских семьях представлялись с гербами мужей и ближайших предков, к числу которых сначала относился отец, а впоследствии и мать. При этом гербы предков лишь указывали на родовое происхождение королевы или княгини (герцогини), а, стало быть, не использовались в качестве знаков, которыми символизировались политические притязания, как это обыкновенно случалось при ношении гербов государями и их мужскими потомками.

Этот обычай, соблюдавшийся вплоть до Новейшего времени, несомненно, возник за пределами Дании, как ранее отмечалось, из потребности в символическом представлении отца супруги государя через его герб, в том числе составной, который датские государи носили с конца XIV столетия. В свою очередь этим объясняется тот факт, что незамужние дочери королей Дании в Средние века не употребляли печатей с отцовскими и вообще с какими-либо гербами: на родной почве отсутствовала сама необходимость символически обозначать их происхождение. Не употреблялись такие печати и в XVI–XVII вв., что указывает на продолжение существования упомянутого обычая и в эти столетия. В то же время сами культурно-исторические условия, при которых в Западной Европе установилась практика изображать на печатях замужних королевских или княжеских дочерей, наряду с гербами мужей, отцовские гербы, следует усматривать не только в символическом умозрении средневекового человека, но также в правовых воззрениях той эпохи на престолонаследие. В самом деле, эти воззрения основывались на установлениях обычая или закона, которые предполагали, что звание и связанные с ним права короля могли наследоваться только мужчинами. Само собой разумеется, что при таких обстоятельствах не существовало представлений о том, что дочери государей, в нашем случае королей Дании, могли использовать отцовский герб в качестве символа их притязаний на датскую корону. Тем самым не было оснований и для протестов со стороны мужчин носителей королевского герба Дании по поводу присутствия этого герба на печатях их родственниц, состоявших в браке с другими государями.

Что касается сыновей королей Дании, то лишь некоторые из них имели право носить датский королевский герб.

Первые доподлинные свидетельства о ношении герба короля Дании сыном этого короля восходят к первой половине XIII в. Они обнаруживаются на печатях королей Вальдемара Молодого (ум. 1231) и Эрика IV, которые употреблялись соответственно в 1230 и в 1232 гг.[103], т.е. тогда, когда эти короли являлись соправителями своего отца, короля Вальдемара II (1202–1241)[104].

Данный факт позволяет заключить, что к тому времени на датской почве сложилось представление о том, что носитель титула короля датчан соот-

---

[102] См. с. 244–246.

[103] DKS. N 9a–b, 10a–b.

[104] Первое такое избрание, одновременно с первым коронованием, в Дании состоялось в 1170 г., когда королевское достоинство при царствовавшем короле Вальдемаре I (1157–1181) получил его сын и впоследствии преемник на престоле Кнут VI.

ветственно имеет право на ношение и символа этого титула — королевского герба. Причем это представление предполагало как наследование титула и герба умершего короля, так и одновременное ношение герба и титула двумя королями-соправителями. Оба короля датчан, согласно средневековому умозрению, были однородны по своей сверхчувственной сущности, а потому символизировались одинаковыми по образу и подобию знаками. Таким образом, герб короля Дании признавался символом королевского достоинства, его духовных качеств, а, стало быть, право на ношение этого герба находилось в зависимости от права на титул короля Дании. Действительно, с признанием Вальдемара Молодого и Эрика королями Дании на них переносились и все те понятия, которые характеризовали статус короля и его духовно-культурный лик. Это видно не только из того, что они стали обозначаться королевским титулом и гербом, но также из того, что они были представлены на другой стороне печатей в образе восседающего на троне короля, с короной, скипетром и державой, т.е. в типическом образе, который находим и на печати короля Вальдемара II.

Те же представители королевской семьи, которые не имели королевского титула, в XIII в. носили личные гербовые эмблемы[105]. Однако в XIV в. положение меняется. Теперь королевский герб, вопреки старому обычаю, стал изображаться также на печатях сыновей королей Дании, не обладавших королевским достоинством. Его находим на печатях: герцога Кристофера Халландского и Самсёского (ок. 1315–1320)[106], сына Эрика V; юнкера (*junkerre, domicellus*)[107] Отто, герцога Эстонского и Лолланнского (1333 г.)[108] (илл. 100), и его младшего брата юнкера Вальдемара (ок. 1340)[109] (илл. 101), сыновей Кристофера II[110]; а также герцога Кристофера Лолланнского (начало 1360-х годов)[111], сына Вальдемара IV.

Говоря же о причинах, которые способствовали появлению этого нового обычая, следует обратить внимание на то, что все четыре королевича в момент использования печатей с королевским гербом являлись главными претендентами на датский престол; и двум из них, действительно, впоследствии удалось стать королями: Кристоферу Халландскому (Кристофер II) и юнкеру Вальдемару (Вальдемар IV). Стало быть, можно предположить, что во всех упомянутых случаях герб короля Дании на печатях королевичей выступал в роли символа их притязаний на королевскую корону. В самом деле, герцог Кристофер Халландский при отсутствии сыновей у его старшего брата короля Эрика VI считался главным претендентом на датский престол, и этим можно объяснить, что еще при жизни брата он стал употреблять печать с королевским гербом. Эту же печать Кристофер продолжал использо

---

[105] См. с. 340–352.

[106] DKS. N 29.

[107] В Скандинавских странах и Германии XIII–XV вв. титул юнкера, или молодого господина, носили юные отпрыски королевских и княжеских семей, по обыкновению, не являвшиеся еще самостоятельными правителями.

[108] DKS. N 35.

[109] Ibid. N 36.

[110] Следует, однако, отметить, что на печатях юнкеров Отто и Вальдемара щиты заключают только трех львов. О возможных причинах отсутствия в их гербах сердец см. с. 347–348.

[111] DKS. N 29, 36, 44.

Илл. 100. Печать юнкера Отто Кристоферсена, 1333 г.

Илл. 101. Печать юнкера Вальдемара Кристоферсена, 1340 г.

вать после смерти короля Эрика, в период междуцарствия (1319–1320 гг.), представляясь при этом в документах с титулом "Божией милостью герцог Дании" (*dei gracia dux Dacie*). Видим также, что юнкер Отто, вступив после смерти своего отца короля Кристофера II (1332 г.) в борьбу за датский престол[112], начал скреплять документы печатью, на которой изображение щита с тремя львами сопровождается легендой: "тайная печать Отто Божией милостью юнкера датчан" Тот же гербовый щит и ту же легенду, с заменой только имени "Отто" на имя "Вальдемар", обнаруживаем на печати юнкера Вальдемара, которую он использовал, объявив себя претендентом на корону своих предков. В правление самого Вальдемара его единственный сын герцог Кристофер Лолланнский рассматривался в качестве будущего преемника отца на датском престоле, что нашло отражение в легенде его печати: "наследник королевства Дании и герцог Лолланна" (S' CHRISTOFORI [HEREDI]S REGNI DACIE ET DVCIS LALANDIE). Присутствие на этой печати щита с королевским гербом вполне объясняется его значением символического знака, который указывал на статус Кристофера как предполагаемого престолонаследника. Замечательно, что на другой печати Кристофера, на которой он обозначен лишь титулом герцога Лолланнского (1360, 1362 гг.)[113], изображен не королевский герб, а дракон, бывший, вероятно, символом Кристофера как правителя Лолланна.

Самая мысль использовать королевский герб со значением символа притязаний на корону Дании, надо полагать, развилась из ранее возникших представлений об этом гербе как отличительном знаке не только царствовавшего короля, но и короля-соправителя, который по праву считался наследником престола.

[112] О политической деятельности королевича Отто см.: *Антонов В.А.* Юнкер Отто Кристоферсен и его борьба за корону Дании // СВ. 2000. № 61. С. 99–112.
[113] "S' CHRISTFORI DUCIS LALADIE" (DKS. N 45).

Илл. 102. Печати Альбрехта IV Мекленбургского как претендента на датский престол. 1376 и 1387 гг.

На этой почве должно было зародиться также представление о том, что каждый, кто объявлял себя королем Дании, непременно брал себе и герб, который это звание символизировал. И действительно, от второй половины XIV в. известен случай, когда одновременно с царствовавшим королем Олафом III (1376–1387) в качестве претендента на датский престол герб короля Дании носил, о чем свидетельствует иконография его печатей, герцог Альбрехт (Альберт) IV Мекленбургский, сын Ингеборг, старшей дочери короля Вальдемара IV. При этом на печатях с датским гербом и в документах, при которых указанные печати сохранились, он представлялся с титулом короля Дании (1376 и 1387 гг.[114]) (илл. 102).

Таким образом, право на ношение знаков датского королевского герба в XIII–XIV вв. обусловливалось правом на обладание титулом короля Дании и соответственно Датским королевством или, по крайней мере, притязанием на это право.

Вместе с тем не будем забывать, что на исходе XIII в. на датской почве уже стал укореняться обычай наследственно-родового ношения гербов. Поэтому нельзя исключать, что от присутствия знаков королевского герба на печатях законных сыновей королей Дании из династии Эстридсенов могло создаваться впечатление, что эти знаки являлись тоже наследственно родо

[114] "S' [ALBERTI RE]G[IS] DACIE... OR(?)" (Ibid. N 51); "S' ALBERTI REG[IS] DACIE AC DVC[IS] MAGNOPO[LENSIS]" ("печать Альберта короля Дании и герцога Мекленбургского") (Ibid. N 52). В гербе Альбрехта, изображенном на этих печатях, представлены три льва без сердец. Последние, вероятно, отсутствовали по той же причине, по которой их нет в гербах юнкеров Отто и Вальдемара (см. с. 347–348).

выми. Однако самая потребность в изображении знаков королевского герба на печатях датских королевичей, еще раз отметим, исходила из признания правового статуса последних как претендентов на датскую корону. Стало быть, если в XIV в. герб короля Дании (или отдельные его знаки) и стал мало-помалу осознаваться в качестве родового знака королевской семьи Эстридсенов, то происходило это на почве признания за ее представителями права наследования звания датского короля или, точнее, тех духовных качеств, которые это звание характеризовали.

Но династия Эстридсенов пресеклась уже в XIV в., со смертью в 1375 г. короля Вальдемара IV. Началась длительная, продолжавшаяся около ста лет, эпоха правления в Дании королей, избиравшихся из разных иноземных родов; причем три ближайших преемника Вальдемара IV не имели потомства. При таких обстоятельствах еще прочнее утвердилось освященное многовековым обычаем понятие об избирательном и ненаследственном характере королевского звания в Дании[115], вследствие чего и на королевский герб стали смотреть как на эмблему, которая служила символом исключительно царствовавшего короля Дании и самого Датского королевства. Это привело к тому, что при первых государях из Ольденбургского дома действовало правило, согласно которому сыновья королей не имели права носить герб Датского королевства. Оно распространялось даже на того королевича, который избирался в короли Дании при жизни своего царственного отца или в период междуцарствия, до коронации. В отличие от королей-соправителей XIII–XIV вв., носивших тот же титул, что и правящие короли, престолонаследник или претендент на корону из Ольденбургской династии обозначался лишь как “Божьей милостью избранный государства Дании”[116] или “Божьей милостью избранный король Дании”[117].

Получая такой титул, королевич только провозглашался в качестве законного претендента на датский престол, а потому за ним не признавалось право на ношение знаков королевского достоинства. Чтобы это право за ним было закреплено, “избранный король Дании” после смерти своего предшественника должен был утвердить хондфестнинг, определявший границы его королевской власти, и короноваться. И действительно, по сравнению с королем-соправителем из дома Эстридсенов, над которым обряд коронования совершался еще при жизни короля-отца, король-претендент из рода Ольденбургов не только не носил герб Датского королевства, но также не изображался в образе короля, восседающего на троне, увенчанного короной, с державой и скипетром.

Такое положение дел сохранялось до 1555 г., когда была изготовлена печать “избранного короля Дании” (ELECTUS REX DANIAE) Фредерика II[118],

---

115 *Jørgensen P.J.* Dansk Retshistorie... S. 303–307.

116 Ханс, сын Кристиана I: “met gudz nade vduald till Danmarks rige”, “met gutz nadhe wdwald til Danmarcks… riige” (1476–1483 гг.) (DKS. N 85–86).

117 Кристиан II, сын Ханса: “met guds nade… vduald konnung till Danmarck” (1508–1513 гг.) (Ibid. N 96–97); Фредерик I, сын Кристиана I: “von gottes gnadenn erwelter kuning zu Dannemarken”, “met guds nade vdtuoldt koning tiill Danmarck”, “met gutz naade vduald koning tiil Danmark” (1523 г.) (Ibid. N 106, 108–109); Кристиан III, сын Фредерика I: “mett guds naade wduoldt konning tiill Danmarck” (1536 г.) (Ibid. N 119).

118 DKS II. Tavle 1 a.

сына Кристиана III (1536–1559), на которой среди других гербов составного герба датского короля были изображены эмблемы Дании и Швеции (три короны). Причины, приведшие к появлению печати датского престолонаследника именно с таким составом гербов, следует искать в обстоятельствах датско-шведских отношений середины XVI столетия. Король Кристиан, после того как шведский король Густав Ваза был провозглашен наследственным государем Швеции, предъявил права своей династии на наследование шведского престола. И чтобы подчеркнуть свой статус наследственного монарха, он приказал поместить на печати своего сына герб не только Швеции[119], но и Дании.

Однако это новшество, касавшееся ношения королевичем-претендентом датского герба, будучи вызвано политическим моментом, не сразу получило признание в правящих кругах Дании. Так, сын короля Кристиана IV (1588–1648), Кристиан (1603–1647), объявленный престолонаследником в 1608 г., до конца своей жизни носил новый для Датского королевства титул "избранный государь (принц) Дании" (*electus princeps daniae; den udvalgte Prins*)[120]. В его первом составном гербе, который представлен на печати 1627 г.[121], символ Датского королевства отсутствует. Однако на всех последующих печатях принца Кристиана, употреблявшихся с 1630 по 1647 г.[122], этот герб изображен, очевидно, с той целью, чтобы наглядно указать на наследственное право старшего сына короля Кристиана IV на корону Дании.

Из этих двух случаев, связанных с использованием датскими престолонаследниками герба Датского королевства, видно, что Ольденбурги не оставляли мечты придать своей династии статус наследственного королевского дома Дании. Но благоприятные политические условия для осуществления этой мечты сложились только в 1660 г., когда Фредерик III был провозглашен самодержавным и наследственным датским королем. И с этого времени окончательно установилось правило, по которому не только престолонаследник (кронпринц), но и все другие сыновья королей наряду с титулом "принца Дании" (*prins af Danmark*) стали носить герб Датского королевства. Тогда же утверждается обычай, согласно которому гербы принцев в части щитовых эмблем непременно должны были соответствовать составному королевскому гербу, тем самым фактически превратившемуся в родовой знак Ольденбургской династии. Как следствие, все перемены, производившиеся в этом гербе в течение XVIII–XX вв., находили соответствующее отражение и в гербах датских принцев.

В настоящее время это правило соблюдено в отношении герба старшего сына королевы Маргреты II, кронпринца Фредерика, чего нельзя, однако, сказать о гербе его младшего брата, принца Дании Иоахима. В гербе последнего сердцевой щит заключает не только эмблему Ольденбурга, как в королевском гербе, но еще и эмблему рода французских графов де Лаборд де Монпеза (de Laborde de Monpezat)[123], из которого происходит супруг короле

---

[119] Подробнее вопрос о праве на ношение герба Швеции королями Дании см. с. 217

[120] DKS II. S. 29.

[121] Ibid. Tavle 15 d.

[122] Ibid. Tavle 15 e–i.

[123] См.: *Tønnesen A.* Heraldik på skydeskiver // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 445.

вы и отец обоих братьев, принц Дании Хенрик (*Prins Henrik af Danmark*). Последний вместе с родовым гербом в качестве знака его титула принца тоже носит герб Датского королевства[124].

Говоря о титуле собственно датского короля, надо иметь в виду, что он включал имя короля не только "Датчан", или "Дании", но также "Славян" (с конца XII в.) и "готов" (с 1362 г.). Поэтому и те гербы, которые обозначали два последних имени, с тех пор как они стали изображаться в королевском составном гербе (XV в.)[125], рассматривались в качестве таких же символов короля Дании, каким являлся герб Датского королевства. Отсюда при первых Ольденбургах утвердилось понимание, что гербы Славян и Готов имеют право использовать только царствующие короли. Этим, в свою очередь, объясняется, почему до 1660 г. королевичи из Ольденбургского дома носили эти гербы лишь тогда, когда они носили и герб Дании, о чем свидетельствует иконография печатей "избранного короля" Фредерика (1555 г.) и "избранного государя" Кристиана (1632–1647 гг.).

Поскольку долгое время, вплоть до XX в., составной королевский герб считался официальным государственным гербом, то он мог, по обыкновению, обозначать и государственные (королевские) учреждения. И лишь в Новейшее время, а именно в 1959 г., этот герб, называемый также "большим государственным гербом", был закреплен королевской резолюцией за королем, королевским домом, двором и королевской гвардией. Он может быть использован также фирмой, которая является поставщиком товаров и услуг для королевского дома и двора; при этом такая фирма называется "королевским придворным поставщиком" (*kongelig hofleverandør*); право на такое название утверждается королем (ныне королевой) через гофмаршала[126].

Что же касается древнего герба королей Дании, ставшего со временем гербом-символом Датского королевства, то еще в XV–XVI вв. вошло в обыкновение изображать его на монетах, чеканившихся в периоды междуцарствий (1448 и 1533 гг.[127]) Государственным советом, который до провозглашения нового короля осуществлял управление страной. Стало быть, еще на исходе Средневековья начал утверждаться обычай использования первого герба короля Дании в качестве символической эмблемы органов власти Датского королевства. В XX в. за ним закрепилось сначала имя "малого государственного герба", а затем просто "государственного герба". С 1959 г., в соответствии с королевской резолюцией, только этот герб употребляется в качестве геральдического знака государственных учреждений Датского королевства (Дании) и его дипломатических представительств за рубежом[128].

С конца XIV в. на датской почве, под иноземным влиянием, стал утверждаться обычай заключать в королевский щит (или щиты), кроме герба Датского королевства, а также ряда других стран, эмблемы, которые обознача-

---

[124] В четверочастном щите принца Хенрика эмблема Дании представлена в первой и четвертой четверти, как в королевском гербе, а родовая эмблема – во второй и третьей четверти (см.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben Odense, 1994. S. 156).

[125] См. с. 289–295.

[126] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995. S. 10–11.

[127] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 52 (Fig. 80), 60 (Fig. 94).

[128] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone... S. 10.

ли наследственно-родовые титулы и владения короля Дании[129]. При первых королях Ольденбургской династии в число этих наследственно-родовых титулов и земель вошли королевство Норвегия, герцогства Шлезвиг, Гольштейн, Стурмарн, Дитмаршен, графства Ольденбург и Дельменхорст. Именно указанный статус перечисленных земель создал правовую почву для того, чтобы их эмблемы получили признание в качестве родовых гербов всех мужских отпрысков королей Дании из Ольденбургского дома. В результате, по мере включения этих гербов в составной королевский герб, они стали помещаться и в составной герб королевичей. Последним родовым гербом, получившим место на щите датского короля, был герб Дитмаршена (ок. 1560 г.). Тогда же окончательно сложился и составной наследственно родовой герб королевичей, являвшийся символическим отражением того наследственно-родового титула, который к тому времени они использовали в силу своего статуса: "законный наследник королевства Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста" Этот титул, который первыми стали использовать сыновья основателя Ольденбургской династии в Дании короля Кристиана I (1448 1481), Ханс и Фредерик[130], означал, что королевские сыновья и братья, а также их потомки либо имели долю во владении упомянутыми землями, как это было с герцогствами, либо обладали правом на их возможное наследование при определенных политических обстоятельствах.

В составной герб королей Дании время от времени входили также эмблемы земель, которыми датский государь надеялся или стремился овладеть. Это могло, однако, отзываться международными конфликтами. Впрочем, довольно долгое время, а именно в конце XIV – первой половине XVI в. употребление "гербов притязания" в Скандинавских странах королями или претендентами на короны не становилось предметом споров и переговоров. Свидетельством тому является отсутствие такого рода известий в источниках, в том числе в документах, содержащих положения о правах претендентов на королевские престолы Дании, Норвегии и Швеции.

В самом деле, выше мы видели, что герцог Альбрехт IV Мекленбургский, выставив свои права на датский престол после смерти Вальдемара IV, стал употреблять и печати с гербом короля Дании (илл. 102). Однако против

---

[129] О титуле и составном гербе королей Дании см. с. 258–337.

[130] Ханс: "rett arwingh till Norrighe, hertugh i Slesuigh oc Holsten Stormarn oc Ditmarchen hertugh, i Oldenborgh oc Delmenhorst grewe" (1476 г.) (DKS. N 85); Фредерик: "erfgenahme to Norwegen, hertzog tho Schleswig Holstein vnd Stormarn, graff zu Altenburg vnd Delmenhorst" (1493 г.), "erfgename to Norwegnn, hertog to Sleswiick Holsten Stormarnn vnd der Dithmerschnn, greue to Oldenborch vnd Delmenhorst" (1514 г.), "rett arffuinng tiill Norge, hertug i Slesuick Holsten Stormarnn oc Ditmersken, greffue i Oldenborg oc Delmenhorst" (1523 г.) (Ibid. N 105, 107, 109). В том случае, если королевич провозглашался престолонаследником, этот его титул дополнялся титулом "избранный король Дании" До 1513 г. королевич из Ольденбургского дома мог также носить титул "избранный государства Швеции" (Ханс: "wdwald til Danmarcks oc Swerigis riige, arffwingh til Norige, hartiigh i Sleswigh oc hartigh i Holsten Stormaren oc Dythmarsken, graffue i Oldenborgh oc Delmenhorst", 1480 г.) или "избранный король Швеции" (Кристиан, сын Ханса: "ret arff konnung till Noriges rigæ, vduald konnung till Danmarck och Suerige, hertug vti Slesuig Holsten Stormarnn och i Ditmerchen, greffue i Oldenborg och Delmenhorst", 1508 г.) (Ibid. N 86, 96), если объявлялся в Швеции престолонаследником. О составном гербе датских королевичей из Ольденбургской династии см. с. 236 237.

ная сторона в лице дочери короля Вальдемара норвежской королевы Маргреты и ее сына короля Дании Олафа, а также их приверженцы из датского Государственного совета ни в одном из документов, которые до нас дошли, не обнаружила желания как-то выразить свое отношение к присвоению Альбрехтом датского королевского герба.

"Герб притязания", а именно эмблему герцогства Шлезвигского, по свидетельству Кронборгского фриза, одно время помещал в своем многочастном гербе и король Эрик Померанский. И можно догадываться, что делал он это по той причине, что выдвигал права на владение Шлезвигом, который после 1375 г. находился под властью графов Гольштейна как ленников датской короны. В данном случае в документах, в которых нашла отражение эта распря, также не обнаруживаем каких-то протестов со стороны голштинских графов на присвоение датским государем герба герцогства, не находившегося в его непосредственном владении.

Еще один такого рода конфликт возник в середине XV в. между королем Дании Кристианом I и королем Швеции Карлом VIII Кнутссоном (Бунде) вследствие их стремления занять норвежский престол. Оба претендента были провозглашены королями Норвегии (1449 г.) и поэтому с полным правом поместили в своих составных гербах эмблему этого королевства. В последовавшей затем войне король Карл, однако, потерпел поражение и, согласно датско-шведскому договору, заключенному 1 мая 1450 г. в Хальмстаде, принужден был отказаться от звания короля Норвегии. Но упоминаний о гербе королевства св. Олафа в этом договоре не содержится. Не встречаем таких упоминаний и в документах последующего времени, когда Карл, оставаясь уже только королем Швеции (1448–1457, 1464–1465, 1467–1470 гг.), продолжал употреблять печать, изготовленную в 1449 г. На ней представлен составной герб: в первой и четвертой четверти главного щита изображена эмблема Шведского королевства, во второй и третьей – Норвежского; в малом щите, наложенном на большой, заключен родовой герб короля Карла[131] (илл. 103).

Очевидно, что король Карл Кнутссон и после формального отказа от норвежской короны не переставал считать себя обладателем права, на основании которого он смог бы когда-нибудь вновь обрести эту корону. Но, приходя к такому выводу, в свою очередь, нельзя не признать, что король Дании и Норвегии Кристиан I и советы этих королевств со своей стороны не выставляли никаких претензий к королю Карлу и шведскому Государственному совету относительно продолжавшегося использования королем Швеции его старой печати с гербом Норвегии. Король Кристиан I после обретения норвежской короны вступил также и на шведский престол, что дало ему право носить герб Швеции. Этот герб, как и титул короля Швеции, Кристиан продолжал носить и тогда, когда шведы отказали ему в повиновении, перестав считать его своим королем. По тому же пути пошли, после низложения со шведского престола, и два последующих короля Дании, Ханс и Кристиан II. И во всех трех случаях Государственный совет Швеции не протестовал, как видно из отсутствия известий на этот счет в памятниках письменности.

[131] Печать Кристиана см.. DKS. N 74; изображение составного герба Карла см.: *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. Stokcholm, 1942. D. II. Fig. 71.

Таким образом, понятие герба "три короны" как "герба притязания" королями Дании эпохи Кальмарской унии (1397–1523) еще не становилось поводом для датско-шведских разногласий. Но, несомненно, оно уже готовило почву для той знаменитой датско-шведской распри о трех коронах – символе Шведского государства, о которой столь часты упоминания в исторической литературе, в том числе русской. Она пришлась на время царствования в Дании Кристиана III (1536–1559), Фредерика II (1559–1588) и Кристиана IV (1588–1648). Опираясь на права своих предков, королей эпохи Кальмарской унии, эти датские государи возобновили и упрочили обычай помещать в датском королевском гербе эмблему "три золотые короны в синем поле". Известно, что с самого начала своего царствования Кристиан III строил планы по возрождению унии скандинавских королевств. И первым шагом в этом направлении явилось юридическое оформление более тесной связи между Данией и Норвегией, что привело к фактической утрате Норвежским королевством статуса самостоятельного государства (1536 г.). Данное событие, впрочем, уже давно подготавливалось, и в части правовых доводов, и в части символических знаков. Еще при короле Хансе Норвегия стала рассматриваться как наследственное достояние королевского дома Дании из Ольденбургского рода. Символически это нашло свое выражение в титуле и составном гербе датских королевичей. Все они представлялись с титулом "истинный наследник Норвегии", который иллюстрировался норвежским гербом, неизменно занимавшим в их составном гербе первое поле. Теперь же, с 1536 г., использование этих символов датскими королевичами и их потомками окончательно получало правовое обоснование.

Илл. 103. Печать "короля Швеции, Норвегии и Готов" Карла VIII, 1449 г.

Иной статус был у Шведского королевства; оно являлось выборной монархией. Это давало надежду Кристиану III со временем вступить на шведский престол. Но пока его занимал Густав I (1523–1560), пользовавшийся поддержкой большинства шведов. Поэтому королю Дании оставалось только подготавливать почву для осуществления своей внешнеполитической мечты. И уже с 1537 г. он встал на путь ее претворения средствами дипломатическими, приведшими к подписанию в Брёмсебру 14 сентября 1541 г. датско-шведского договора о проведении двумя государствами общей внешней политики[132].

При таких обстоятельствах в составном гербе Кристиана III вначале появилась эмблема Готов, вероятно, в качестве символического намека на внешнеполитическую цель короля Дании: взойти на престол "королевства Свеев и Готов".

[132] *Hørby K., Venge M.* Tiden 1340–1648. Første halvbind: 1340–1559. Kbh., 1980. (Danmarks historie. Bd. 2). S. 340.

Илл. 104. Печать Кристиана III, 1546 г.

Содержание этой цели еще явственнее обнаружило себя посредством изображений гербов после того, как шведские сословия на съезде в Вестеросе в 1544 г. провозгласили Густава Вазу наследственным королем Швеции. Это решение шведов вызвало неудовольствие со стороны Кристиана III и, несомненно, послужило причиной того, что на его печати, изготовленной в 1546 г.[133] (илл. 104), в числе других гербовых щитов был изображен и щит с тремя коронами – гербом Швеции. Но этим символическим актом король Дании не ограничился. В 1548 г. он повелел поместить герб Швеции на карете дочери Анны, которая направлялась в Саксонию. В том же году была изготовлена печать[134] для старшего сына и наследника Кристиана III, "Божией милостью избранного короля Дании и Норвегии" Фредерика[135]. На ней присутствовало изображение нового составного королевского герба, в котором эмблеме с тремя коронами было отведено третье поле главного щита, эмблеме Готов четвертое, а символу Славян самое нижнее поле, или подножие. Этот составной герб позднее был представлен на титульном листе "Библии Кристиана III" (1550 г.) и на королевской печати, изготовленной в 1556 г.[136]

---

[133] DKS. N 122 a–b.
[134] DKS II. Tavle 1 a.
[135] "FRIDERICUS D[EI] G[RACIA] ELECTUS REX DANIAE ET NORVEGIAE" (DKS II. S. 15).
[136] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. Kbh., 1929. S. 185–186; DKS. N 120, 122 a.

Его цветное изображение, датируемое 1568–1570 гг., находится в Капелле королевы Доротеи (*Dronning Dortheas Kapel*) в замке Сённерборг[137] (цв. илл. 40).

Замечательно, что именно в 1546 г. была изготовлена последняя печать, согласно ее легенде, "некогда короля Дании, Швеции и Норвегии, герцога Шлезвига и Гольштейна" Кристиана II, на которой представлен его составной герб с эмблемой Швеции[138]. Этой печатью Кристиан II скрепил акт об отречении от прав на свои бывшие королевства и герцогства в пользу двоюродного брата, короля Кристиана III, и его потомков. Таким образом, Кристиан III провозглашался наследником Кристиана II не только в Дании и Норвегии, но и в Швеции. И герб "три короны" по этой причине он также стал рассматривать в качестве наследственной эмблемы.

Как можно догадываться по этим фактам, Кристиан III решил обратить постановление государственного собрания (ригсдага) Швеции об учреждении наследственного статуса шведской монархии в свою пользу. Другими словами, посредством изображения эмблемы Швеции на своей печати и печати сына Фредерика, а также на карете дочери Анны король Дании наглядно выразил право своего рода на наследование шведской короны. Но, в отличие от датских королей эпохи Кальмарской унии (1397–1523), Кристиан III ограничился лишь гербовой демонстрацией своих притязаний на Шведское королевство, ибо титул "король Швеции" ни он, ни его наследник не носили.

Такая символическая демонстрация притязаний на шведскую корону со стороны датского государя, конечно, не могла остаться незамеченной королем Густавом. И здесь мы становимся впервые на твердую почву письменных свидетельств, касающихся датско-шведских препирательств о гербах. Король Густав, согласно документальным источникам 1555–1557 гг., выражал неудовольствие тем, что на печатях короля Дании и его сына были изображены три короны. Но только после смерти Кристиана III в начале января 1559 г., в письме от 6 июля 1559 г. к новому королю Дании Фредерику II он попросил исключить эту эмблему из датского королевского герба, поскольку, по его мнению, она издревле являлась шведским гербом. На это послание король Фредерик ответил, что герб "три короны" носили как знак союза трех королевств его предшественники на датском престоле: королева Маргрета, короли Эрик Померанский, Кристофер Баварский, Кристиан I, Ханс и Кристиан II. Что же касается герба Швеции, то им является эмблема со львом и тремя балками (герб Фолькунгов), которая также была представлена в составном гербе короля Густава как эмблема Готов. При этом король Фредерик предлагал разрешить данный спор на переговорах датских и шведских представителей[139].

Ясно, что ответ Фредерика не мог удовлетворить короля Швеции, который справедливо усмотрел в нем лукавство короля Дании. Такое же умонастроение в отношении датского определения символического смысла трех корон обнаружил по вступлении на шведский престол и сын короля Густава Эрик XIV (1560–1568). Его ответом королю Фредерику стал приказ изобра

[137] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 101.
[138] DKS. N 101.
[139] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 186–187.

зить в своем составном гербе, рядом с двумя символами Швеции, эмблемы Норвегии и Дании[140], причем датскому символу было отведено последнее, четвертое поле. Этим местом король Эрик, несомненно, желал нарочито принизить "достоинство" датского герба, а через него Дании и короля Фредерика.

Илл. 105. Печать городской общины Ревеля, XIV в.

Теперь наступала очередь короля Дании просить объяснений относительно присутствия его эмблем в составном гербе шведского короля. И оно вскоре последовало. Представитель короля Эрика разъяснил, что три льва в гербе его государя – это вовсе не герб Дании, а эмблема эстляндского города Ревеля, который признал над собой власть короля Швеции в начале Ливонской войны (1558–1583). Что же касается второго герба, то, по словам шведского дипломата, он точно обозначает Норвегию, но король Швеции имеет полное право носить ее, поскольку в прежние времена это королевство принадлежало шведским королям[141].

Действительно, на печатях Ревеля с XIII в. изображались три льва (илл. 105), которые поначалу указывали на принадлежность города королям Дании, до 1346 г. владевшими герцогством Эстонским. Однако в эмблеме Ревеля отсутствовали сердца[142], которые были в гербе датского короля. Между тем на печати короля Эрика три льва представали именно вместе с сердцами. Следовательно, под "гербом Ревеля" король Швеции на самом деле представлял герб Дании, что не могли не заметить датчане.

Конечно, король Фредерик не мог остаться равнодушным к таким речам, и, как следствие, его представители на переговорах в Копенгагене в январе 1562 г. потребовали исключения эмблем "Ревеля" и Норвегии из герба короля Эрика. Но государь Швеции оставался непреклонен. Поэтому в январе 1563 г. датские послы в Швеции снова подняли этот вопрос, но в ответ получили требование об исключении трех корон из герба короля Дании[143].

В результате эта "гербовая" распря послужила одним из поводов к началу так называемой Северной семилетней войны (1563–1570), главной причиной которой явилось датско-шведское противоборство из-за господства на Балтике, в Скандинавии и Ливонии[144].

Но спор о гербах не прекращался и во время войны, только теперь он получил литературное выражение. В 1564 г. король Эрик написал трактат[145],

[140] *Svane E.* Det danske Rigsväben og Kongevåben. S. 104.
[141] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 188.
[142] О гербе Ревеля см.: *Leimus I.* Revals våbener og segl // Herald. Tidsskr. 2000. N 82. S. 47–57.
[143] Ibid. S. 189.
[144] *Jensen F.P.* Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kbh., 1982.
[145] *Karlsson M.* Erik XIV. Oratio de iniusto bello regis Daniae anno 1563 contra regem Sueciae Ericum 14 gesto. Stockholm, 2003. P. 84–191.

повествовавший о неправых деяниях королей Дании против Шведского государства. В числе прочего в этом историко-публицистическом произведении немало страниц было отведено изложению доказательств, на основе исторических свидетельств, древнего происхождения в Швеции герба "три короны" и исключительного права на его ношение шведских королей.

В свою очередь, несомненно, по заказу короля Дании Фредерика II (1559–1588), в 1567 г. появилось сочинение на эту же тему датского писателя, в котором, по обыкновению, видят историка Ханса Сванинга (ок. 1500–1584). В этом трактате, известном под названием "Ответ или объяснение на сообщение, которое заново выпущено шведами относительно всего того, что случилось и послужило предметом для переговоров между датчанами и шведами в 1565 году"[146], напротив, оправдывались деяния королей Дании в Северной Европе и правомочность ношения ими герба "три короны" Свои умозаключения автор подкреплял историческими свидетельствами, которые он находил среди гербов, в основном представавших на печатях датских государей эпохи Кальмарской унии.

Военные действия, однако, не принесли каких-либо существенных преимуществ ни Дании, ни Швеции, и определения Штеттинскго мирного договора 1570 г. носили компромиссный характер, в том числе и те положения, которые были посвящены разрешению спора о гербах. В итоге шведская сторона согласилась, что король Швеции Юхан III (1568–1592), наследовавший низложенному королю Эрику, и его преемники на шведском престоле не будут носить гербы Дании и Норвегии. Что касается "трех корон" (*dreier cronen*), то они признавались обеими договаривающимися сторонами "собственным гербом" (*eigen wappen*) Шведского королевства. Но за королями Дании также сохранялось право на ношение "трех корон" (*die drey cronen*), но только в качестве "общего герба" (*gemains wappen*) "всех трех государств" Дании, Норвегии и Швеции. Кроме того, король Фредерик II отказывался от притязаний на шведский престол[147].

Действительно, в дальнейшем датчане официально стали толковать три золотые короны в синем поле в гербе своего государя именно как эмблему союза трех королевств. В этом убеждаемся, читая описание знамен с гербами короля Фредерика II, которые выставлялись во время церемонии его похорон в 1588 г. Здесь называется "знамя с тремя коронами, которые обозначают три королевства и их унию"[148].

На этом, однако, датско-шведский спор о трех коронах не прекратился. Как следует из упоминаний об этой эмблеме на датско-шведских переговорах конца XVI – начала XVII в.[149], шведы все еще не оставляли надежды до

---

[146] En retractat eller forklaring paa den beretning, som er nylig udgangen de svenske til vilje om alt det som er sket og forhandlet mellem de danske og de svenske år 1565 // MHD. Bd. 2. S. 117–162.

[147] DNT. Bd. II. N 13 A.

[148] "Vexillum cum tribus coronis, qvae significant tria regna et horum vnionem" (Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve Regis, etc. Vna cum Epitapijs nonnullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588. P. 16).

[149] Sveriges traktater med främmande magter, jemte andra dit hörande handlingar / Utg. av O.S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm, 1903. D. 5, hft. 1. N 2, 4 b, 16, 17 a–b, 18 a–b.

биться исключения трех корон из составного герба короля Дании. Тем самым они, вероятно, выказывали недоверие датчанам или опасались, что эта эмблема могла быть истолкована как шведский герб и в Дании, и в других странах.

Этот спор нашел разрешение только по окончании новой датско-шведской, так называемой Кальмарской войны (1611–1613), в третьей статье Кнерёдского договора 1613 г. Здесь говорилось, что "...поскольку и до Штеттинского договора и после всегда была распря между государствами относительно герба Три Короны (*vaben de 3 Croner*), который короли Швеции считают законным Шведским гербом (*det rette Svenske vaben*) или эмблемой щита (*skioldemercke*), но мы, напротив, держим за союзный герб (*unionsvaben*), который оба государства имеют равное право употреблять, мы относительно этого вышенаписанного разномыслия постановили таким образом, что этот вышенаписанный спор о Трех Коронах должен быть отныне оставлен и никогда снова не должен быть возобновляем потомками, королями Дании и Швеции, но короли обоих государств Дании и Швеции впредь вольны этот вышенаписанный герб Три Короны использовать беспрепятственно на вечные времена, однако мы и наши потомки, короли Дании, с вышенаписанным гербом Три Короны не должны удерживать какое-либо право на государство Швецию, но тем самым держаться того отказа, который определяет Штеттинский договор"[150].

Таким образом, с 1613 г. три короны в гербах королей Дании юридически окончательно перестали рассматриваться как символ Швеции. Отныне в составном гербе государей Дании за ними закрепилось значение памятного знака-герба о некогда существовавшей Кальмарской унии трех скандинавских королевств. И в самом деле, это значение, впервые установленное Штеттинским договором 1570 г., датчанами на письме уже не подвергалось сомнению. Так, на обороте титульного листа книги С.И. Стефаниуса "О государстве Дании и Норвегии" (1629 г.) в числе других щитов с гербами короля Дании изображен щит с тремя коронами, который сопровождается подписью "уния трех королевств" (*vnio III. regn.*)[151]. Л. Хольберг в рассказе (1729 г.) об эмблемах составного герба своего государя, короля Фредерика IV, называл "три золотые короны" "общим гербом государств, который можно назвать гербом Унии"[152].

После окончания "великой распри" о трех коронах между Данией и Швецией в XVII в. произошел еще один, но уже незначительный конфликт, возникший вследствие обнаружения шведами среди гербов датского короля эмблем тех земель, которые к тому времени принадлежали Шведскому государству. В 1670 г. шведское правительство потребовало разъяснений по поводу присутствия в гербе Кристиана V эмблем островов Готланда и Эзеля, которые еще по Брёмсебрускому договору 1645 г. Дания уступила Швеции.

---

[150] Цит. по: *Haxthausen O.* Dronning Margrethe II's våben // Herald. Tidsskr. 1973. N 27. S. 301.

[151] *Stephanius Stephanus Iohannis.* De regno Daniae et Norwegiae, insulisque adjacentibus juxta ac de Holsatia, ducatu Sleswicensi, et finitimis provincijs, tractatus varij. Lugduni Batavorum, 1629.

[152] "Rigernes tilfælles vaaben, som man kand kalde Unions vaaben, ere 3de gyldene kroner" (*Holberg L.* Om Danmarks og Norge. Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 630).

На этот запрос датский посланник Н. Юель отвечал, что упомянутые эмблемы вовсе не являются гербами Готланда и Эзеля, ибо еще при отце его государя Кристиана V, короле Фредерике III, они стали обозначать датские острова Фальстер и Лолланн[153].

Несомненно, ответ датской стороны, переданный ее представителем, не был искренним, поскольку в описаниях эмблем королевского герба, дававшихся позднее в Дании, упомянутые спорные гербы всегда представлялись символами Готланда и Эзеля. Отсюда можно догадываться, что самая эта неискренность вызывалась необходимостью со стороны Фредерика III и его сына Кристиана V не обострять отношений со Швецией. Но одновременно им не хотелось отказываться и от гербов, которые носили их предки, и не столько из уважения к традиции, сколько по причине тайной мечты о возвращении Готланда и Эзеля под власть датской короны.

Как бы то ни было, в 1670 г. шведы если не поверили разъяснению датчан относительно символического значения эмблем "Готланда" и "Эзеля" то, по крайней мере, решили им удовлетвориться. И поступили они так, вероятно, на том основании, что со стороны короля Дании данное разъяснение имело характер официального признания за этими эмблемами статуса гербов двух островов, принадлежность которых Датскому королевству и Швеции не оспаривалась. Во всяком случае, в дальнейшем "дело" о присутствии указанных эмблем среди гербов датского короля шведским правительством более не возобновлялось.

Стало быть, можно предположить, что в 1670 г. и позже эмблемы островов Готланда и Эзеля в гербе государей Дании имели значение "гербов притязания", которым при благоприятных политических обстоятельствах мог быть возвращен их прежний символический смысл.

Такие обстоятельства возникли в период Сконской войны между Данией и Швецией (1676–1679), когда датчане захватили Готланд. Но удержать его они не смогли. Что же касается Эзеля, то для его возвращения под власть датской короны политических условий и вовсе не существовало. Более того, по Ништадскому договору 1721 г. Швеция уступила этот остров России, чем предопределялось безразличие шведов к последующей судьбе его герба. В свою очередь, и со стороны русских государей каких-либо протестов относительно использования эзельской эмблемы датскими королями не поступало[154].

Последнее датско-шведское столкновение из-за гербов произошло на почве использования королями Дании и Швеции геральдического символа Норвегии. По Кильскому договору 1814 г., король Фредерик VI уступил Норвежское королевство шведскому королю Карлу XIII, но эмблему Норвегии не спешил удалять из своего составного герба. Делал он это, согласно разъяснениям датской стороны, на том основании, что упомянутый договор никаких определений о гербе Норвегии не содержал. Но такой ответ не мог удовлетворить шведское правительство, усматривавшее в нем, и как можно догадываться, не без причин, отговорку, за которой скрывалось

[153] *Bjerg H.Chr.* Grønlands våben // Herald. Tidsskr. 1975. N 31. S. 41.
[154] О символах Готланда и Эзеля в составных гербах королей Дании см. с. 316–317.

желание короля Дании сохранить норвежскую эмблему в своем гербе в качестве символа притязаний на корону Норвегии. Следствием явились протесты со стороны властей Швеции (с 1815 г.), находившие обоснование в том, что шведские короли после 1814 г. занимали престол Норвегии и по праву носили ее герб. Этот дипломатический конфликт удалось уладить только к 1819 г., когда, в том числе по совету императора Александра I (1817 г.)[155], король Фредерик согласился исключить норвежскую эмблему из своего составного герба[156].

Таким образом, из последнего датско-шведского препирательства, возникшего из-за герба Норвегии, видно, что и после изучаемого нами времени в общественном сознании скандинавских народов, в первую очередь у их политических деятелей, продолжало сохраняться представление о гербе страны как о символе не только господства над нею, но и притязания на власть в ней. Такие представления на скандинавском Севере, несомненно, сохранялись и в XX столетии. Об этом свидетельствует то, что с обретением Норвегией (1905 г.) и Исландией (1944 г.) независимости их символы были исключены из составных гербов королей соответственно Швеции и Дании. Отсюда можно заключить, что понятия о праве использования государственных гербов, которыми руководствовались короли Скандинавских стран в XVIII–XX вв., основывались на традиции, утвердившейся в Дании, Швеции и Норвегии еще в XIV–XVII вв.

От XVII в. известен также случай, когда эмблемы, присутствовавшие в гербе датского короля, стали предметом тяжбы в самом королевском семействе Дании. Виновником этого спора явился король Кристиан IV (1588–1648). В 1627 г. по его воле, не подкрепленной, однако, каким-либо письменным документом, датской аристократке Кирстине Мунк (1598–1658), с которой король Кристиан состоял в морганатическом браке с 1615 г., а также сыновьям и дочерям, которые родились от этого союза, был дарован титул "графини (графа) Шлезвига и Гольштейна" (*grevinde (greve) til Slesvig og Holsten*). С того же времени дети Кирстины Мунк[157] и короля Кристиана стали обозначаться составным гербом, который носили датские королевичи и их потомки – герцоги Шлезвига и Гольштейна. Изображения этого составного герба, включавшего эмблемы Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста, можно и сегодня увидеть в Роскиллеском соборе на саркофагах умерших в младенческом возрасте графа Фредерика Кристиана (1625–1627) и графини Марии Катрины (1628) и, кроме того, на других предметах[158], принадлежавших взрослым детям Кирстины Мунк. Этот же герб обнаруживается на печати (с 1642 г.) и портрете (1640-е годы) графа Вальдемара Кристиана

---

[155] См.: Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1974. Сер. 2: 1815–1830 гг. Т. I (IX). С. 475–476 (N 143) и 645, 648 (N 193).

[156] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 221–224.

[157] Сама же графиня Кирстина всегда обозначалась гербовым щитом своего рода – Мунк (три розы), правда, увенчанным королевской короной (*Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel... S. 158), которая, несомненно, указывала на ее статус супруги короля Дании.

[158] Герб детей графини Кирстины, как и герб герцогов Шлезвига и Гольштейна, включал в себя также три коронованных шлема с эмблемами Норвегии, Шлезвига и Гольштейна (Ibid. S. 156–165).

(1622–1656)[159], среди прочего, известного тем, что одно время (1644–1645 гг.) он ходил в женихах русской царевны Ирины Михайловны.

Но король Фредерик III (1648–1670), сын Кристиана IV от его первой и равной по происхождению жены, королевы Анны Катрины Брауншвейгской (1575–1612), утвердившись на престоле, решил нарушить волю своего почившего отца в отношении тех прав, которые были дарованы Кирстине Мунк и ее детям. Как следствие, сначала он лишил их княжеских привилегий (1650 г.), а затем стал добиваться от них отказа от титула и герба, которые они получили от короля Кристиана. Во время этой тяжбы, в 1656 г. умер, не оставив потомства, главный представитель интересов своей семьи граф Вальдемар Кристиан, единственный из сыновей Кирстины Мунк, к моменту смерти Кристиана IV остававшийся в живых, так что в дальнейшем переговоры велись с его матерью. Наконец, не добившись на этих переговорах успеха, указом от 14 января 1657 г. король Фредерик запретил бывшей морганатической супруге Кристиана IV и ее дочерям пользоваться титулом графинь Шлезвига и Гольштейна. В том же указе содержался запрет детям Кирстины Мунк носить герб датских королевичей и герцогов Шлезвига и Гольштейна – "герб, который нам и нашему Королевскому и Княжескому Дому только принадлежит" (*det Vaaben, som os oc voris Kongelig oc Førstelig Huus allene tilkommer*)[160].

Известно, что Кирстина Мунк подчинилась этому указу. Но ее дочери и после 1657 г. продолжали носить титул графинь Шлезвига и Гольштейна[161].

---

[159] Надо отметить, что по просьбе короля Кристиана IV император Священной Римской империи Фердинанд II в 1630 г. пожаловал Вальдемара Кристиана "титулом и достоинством графа Гольштейна" (*mit dem Titul vnd Qualitet eines Grauen von Holstain*) (цит. по: Ibid. S. 158). Однако патент, закреплявший этот титул за Вальдемаром Кристианом, не давал ему права именоваться "графом Шлезвига", что и понятно, поскольку Шлезвиг, в отличие от Гольштейна, являлся леном не Империи, а датской короны. Тем не менее впоследствии, в 1646 г., Вальдемар Кристиан, несомненно, с согласия отца, а также, возможно, исходя из того, что Шлезвиг и Гольштейн состояли в унии, обозначал себя следующим титулом: "Мы, Вальдемар Кристиан, Священной Римской империи граф Шлезвига и Гольштейна" (*Wir Waldemar Christian dess Heiligen Römischen Reichs Graffe Zu Schlessewwig vnd Holstein*) (цит. по: Ibid. S. 160). В патенте также ничего не говорилось о гербе Вальдемара Кристиана (Ibid. S. 158), хотя титул "графа Гольштейна", вероятно, предполагал, что его обладатель мог носить, по крайней мере, историческую эмблему Гольштейна – крапивный лист. Во всяком случае, две из сестер графа Вальдемара Кристиана, София Элисабет и Хедевиг, в том числе на основании патента их брата, в качестве "графинь Шлезвига и Гольштейна" обозначались не только составным гербом датских королевичей, но также одним голштинским гербом, о чем свидетельствуют их печати, восходящие соответственно к 1651 г. и 1662–1663 гг. (Ibid. S. 161–163).

[160] Цит. по: Ibid. S. 162.

[161] Причем, чтобы, вероятно, избежать королевского гнева, они прибегали к элементам конспирации, а именно, по обыкновению, представляли свой титул в сокращенном виде или инициалами, но при этом порой предваряли его указанием на свое королевское происхождение: "Christiana foed Ecte Kongedaatter aff Danmarck och G(revinde) t(il) s(lesvig) h(olsten)" ("Кристиана, урожденная законная дочь короля Дании и графиня Шлезвига и Гольштейна"), "Leonora Christina Kongl. Datter af Danmark og Gr. til Slesv. og Holstein", "Hedewig G t s h", "E(lisabeth) A(ugusta) GTSH" и "Elisabeth Augusta gzsh". Кристиана обозначалась также как "урожденная графиня из королевского дома Дании" (*Christiana geboren greffiine von dem koninglichen hause von Dennemarken*), а Леонора Кристина – как "Графиня" (*L(eonora) C(hristina) G(revinde)*, *Leonora Christina Comtesse*) или "Ее Высокородная Милость Графиня Леонора Кристина" (*Hendes Højbaarne Naade Grefwinne Leonora Christina*) (Ibid. S. 163–165).

и некоторые из них по прежнему обозначались или гербом Гольштейна, или составным гербом герцогов Шлезвига и Гольштейна[162].

Что касается причины, побудившей короля Фредерика III к принятию таких решений, то существует предположение, что у этого государя имелись опасения относительно возможных притязаний детей Кирстины Мунк и их потомков на престол Дании и соответственно Норвегии, а также на герцогства Шлезвиг и Гольштейн[163].

Однако если и можно допустить, что король Фредерик в условиях ненаследственной королевской власти подозревал графа Вальдемара Кристиана в тайном помысле занять датский престол, то такое подозрение вряд ли могло у него возникнуть в отношении сестер графа. Для признания дочери короля царствующей королевой Дании в XVII в. просто еще не существовало культурно-исторических, в том числе правовых, обоснований. Это видно из того, что самое государственное право Дании той эпохи, следуя древнему германскому обычаю, сложившемуся на почве представлений о носителе королевской власти как, прежде всего, воителе и военном предводителе, исключало женщин из числа кандидатов на датскую корону. Стало быть, королевские постановления, в том числе указ 1657 г., направленные на лишение Кирстины Мунк и ее дочерей бывших у них прав, никак не могут объясняться тем, что король Фредерик III смотрел на этих своих родственников-женщин как на возможных претендентов на королевское достоинство Дании. Но если король Фредерик требовал от дочерей Кирстины Мунк отказаться от титула графинь Шлезвига и Гольштейна и гербов Ольденбургского дома не из-за опасений за судьбу престола, то тогда нужно признать, что главная причина, по которой он того же добивался от Вальдемара Кристиана, также не касалась вопроса о престолонаследии. И уже самое появление указа 1657 г. после смерти графа Вальдемара Кристиана должно свидетельствовать о том, что эта главная причина была иной. Какой же?

Ответ на поставленный вопрос, по нашему разумению, следует искать в определении и следствиях правового положения Кирстины Мунк как морганатической супруги короля Дании. Действительно, уже в силу этого ее статуса, она, в отличие от королев Дании, не носила титулов своего мужа и, как можно догадываться, на том же основании была лишена права на ношение его гербов. В свою очередь, данное обстоятельство, несомненно, должно было повлиять и на правовое положение детей короля Кристиана IV, рожденных в неравном браке с Кирстиной Мунк. И мы располагаем свидетельствами, из которых видно, что именно так и произошло. Важнейшим из этих свидетельств является то, что дети Кирстины Мунк, по воле их отца, пользовались титулом, который, во-первых, носила их мать и, во-вторых, не носили королевские дети, рожденные в равном браке. Причем этим титулом обозначались не только сыновья, но и дочери Кирстины, что также указывало

---

[162] Из дочерей Кирстины Мунк лишь Кристиана отказалась от ношения герба герцогов Шлезвига и Гольштейна. Но это случилось, вероятно, только в 1662 г., когда король Фредерик пожаловал ей особый герб, в котором присутствовала фигура льва как символа, указывающего на королевское происхождение Кристианы (подробнее о происхождении этого герба см. с. 364).

[163] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel... S. 160.

на отличие их правового положения от правового статуса сыновей и дочерей королев Дании. В самом деле, выше отмечалось, что сын датского короля от равного брака назывался "законным наследником Норвегии, герцогом Шлезвига и Гольштейна и т.д." тогда как его родная сестра в девичестве представлялись лишь в качестве "урожденной королевского дома Дании" а в замужестве носила титул своего супруга, непременно иноземного государя. К этому добавим, что дочери Кирстины Мунк и короля Кристиана стали женами лишь датских дворян, и произошло это, конечно, по той причине, что они в силу статуса их матери не могли рассчитывать на брак с представителями владетельных домов.

Однако король Кристиан считал Кирстину Мунк своей супругой перед Богом и рожденных от нее сыновей и дочерей своими законными детьми, что впоследствии, в 1648 г., подтвердил также Государственный совет Дании. Отсюда, надо полагать, проистекало желание короля Кристиана приблизить членов своей второй семьи к правовому положению представителей королевского дома. Этим объяснялась его стремление закрепить за ними княжеский статус и титул "графов (графинь) Шлезвига и Гольштейна" титул, в котором сами имена "Шлезвиг" и "Гольштейн" должны были указывать на общественное положение и происхождение его носителей. Что же касается юридических обоснований, которыми король Кристиан мог руководствоваться при наречении Кирстины Мунк и ее детей титулом графов именно "Шлезвига и Гольштейна", то их, вероятно, следует искать в понятиях, которые Кристиан имел относительно своего статуса как наследственного владетельного герцога Шлезвига и Гольштейна. Иными словами, наделяя титулом графов "Шлезвига и Гольштейна" Кирстину и ее детей, король Кристиан стремился представить последних в качестве членов, прежде всего, своего княжеского дома, хотя и не вполне равных по правам, о чем должен был свидетельствовать их графский титул, его детям от брака с королевой Анной Катриной. А поскольку родовой эмблемой его княжеского дома являлся составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна, то, вероятно, следуя обычаю давать родовой герб детям морганатических жен, который существовал в немецких княжеских домах, король и герцог Кристиан решил наделить сыновей и дочерей Кирстины Мунк наследственным гербом своего рода.

Из сказанного следует, что именно обеспечение признания за Кирстиной Мунк и ее детьми права на принадлежность к королевскому и княжескому дому Дании-Норвегии и Шлезвига-Гольштейна являлось главной заботой короля Кристиана, когда он принимал решение о даровании членам этой семьи титула "графов (графинь) Шлезвига и Гольштейна" и герба своего рода. При этом король Кристиан не имел целью поставить их в равные права с герцогами Шлезвига и Гольштейна, да и сама Кирстина и ее дети на такие права не претендовали, а, стало быть, вопрос о возможности занятия кем-нибудь из этих детей престола даже не мог рассматриваться. Об этом знал король Фредерик, что и подтверждается содержанием его указа 1657 г. Здесь все обоснования запрета на использование Кирстиной Мунк и ее дочерьми графского титула и родового герба династии Фредерика сводятся к тому, что члены второй семьи короля Кристиана по своему происхождению не могли принадлежать к Ольденбургскому дому правителей Дании-Норвегии и

Шлезвига Гольштейна. И поскольку никаких точных доказательств того, что они имели право на "такое высокое положение" (*saadan Høyhed*), предоставлено не было, то король Фредерик III воспретил "госпоже Кирстине Мунк и ее детям", как и всем другим своим подданным, носить "вышеупомянутые титул или герб" (*offuen bemelte Tittel eller Vaaben*)[164].

Следовательно, можно утверждать, что запрет на использование детьми Кирстины Мунк герба герцогов Шлезвига и Гольштейна, содержавшийся в королевском указе 1657 г., обуславливался в первую очередь тем, что король Фредерик III не признавал за этими детьми Кристиана IV права на принадлежность к "нашему Королевскому и Княжескому Дому". Другими словами, король Фредерик указал на то, что право лица на ношение гербов королевского рода Дании стояло в прямой зависимости от права этого лица считаться членом этого рода.

Итак, первая в истории Дании морганатическая жена датского короля и ее дети окончательно исключались из числа особ, принадлежавших к Ольденбургской династии, и вместе с тем лишались возможности обозначаться гербами этой династии. Это фактически означало, что сыновья и дочери Кирстины Мунк оказывались в положении внебрачных детей Кристиана IV В то же время, как свидетельствует пример с гербом одной из дочерей Кирстины, Кристианы, пожалованном ей королем Фредериком III (1662 г.), дети от неравного брака короля Дании могли рассчитывать на получение гербов, производных от королевских гербов. И можно отметить, что затем, в XVIII–XIX вв.[165], данное правило действовало также в отношении других морганатических жен королей Дании, что свидетельствует о прочности представлений об их статусе, утвердившихся в XVII столетии.

При таких воззрениях на морганатический брак короля Дании и статус детей, рождавшихся в этом браке, конечно, не могло идти речи также о том, чтобы дети датских королей от внебрачных связей, не говоря уже об их матерях, имели бы право носить королевские гербы. Вместо последних королевские фаворитки и их дети получали гербы, которые в части некоторых фигур и цветов лишь намекали на свое происхождение от королевских гербов. Такие эмблемы незаконнорожденных сыновей датских королей известны с первой половины XIII в., а королевских метресс – с конца XVII в. На тех же началах гербы для метресс и внебрачных сыновей королей Дании, а также потомков этих сыновей продолжали создаваться и в XVIII–XIX вв.[166]

Стало быть, и в этом случае следует говорить о преемственности обычаев, которые укоренились на датской почве в Средние века или, по крайней мере, до конца XVII столетия. И эти обычаи, несомненно, также возникли из представлений, что правовой статус побочных отпрысков королей Дании, с одной стороны, не допускал за ними права ношения отцовских гербов, но с другой – предполагал для них возможность обозначаться гербами, производными от королевских гербов.

Поскольку королевский герб считался всегда личным гербом короля Дании и только во вторую очередь гербом государственным, то изменения в

---

[164] Цит. по: Ibid. S. 162.
[165] См. с. 365.
[166] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel... S. 162.

составе и расположении эмблем в этом гербе в продолжение многих столетий, начиная со времени правления Эрика Померанского, совершались, надо полагать, по воле самих королей. Долгое время эти изменения и состав эмблем не подтверждались письменными актами, и только при Фредерике VI (1819 г.) впервые такое подтверждение состоялось[167]. Существующий сегодня королевский герб тоже получил официальное признание после апробации его королевой Маргретой II в год вступления ее на престол (1972)[168].

Какие-либо законы, которые на письме предполагали бы наказания за неправомерное использование королевского (государственного) герба, в Дании эпохи Средневековья и первых столетий Нового времени отсутствовали. Нельзя, однако, сомневаться, что этот герб находился под защитой обычая, бытовавшего в обществе, и что его неправомерное использование влекло наказание.

Защите королевского герба способствовал также правовой статус такого атрибута государственной власти, как королевская печать, на которой с конца XII в. непременно присутствовало изображение королевского герба. Сохранилась подлинная грамота короля Вальдемара IV, датируемая 1341 г., в которой этот король обращается к своему "канцлеру и подканцлерам, которые хранят наши печати, большую, тайную и правовую"[169]. И мы знаем, что на "большой" печати Вальдемара IV всегда присутствовало изображение герба короля Дании.

Хотя от Средних веков и начала Нового времени до нас не дошли свидетельства о незаконном употреблении датских королевских печатей, можно с большой долей уверенности утверждать, что если такие действия все таки совершались, то наказания за них, как это имело место в других странах, следовали самые суровые. Такая суровость наказания отчасти нашла свое отражение и в "Датском Уложении" 1683 г., где впервые датское писаное право встало на защиту "грамоты, руки и печати короля" (*Konges Breve, Haand og Segl*), назначив для злодея, осмелившегося на их подделку, кару в виде лишения "чести и имущества"[170].

Конечно, защите королевских гербов в Дании уделялось внимание и после XVII столетия. Более того, со времени издания первого датского уголовного уложения в 1866 г. королевские гербы, включая собственно эмблему Датского королевства, в числе других публичных гербов и знаков получили защиту писаного права в виде денежного штрафа[171].

Непосредственным присмотром за правомочным использованием королевского герба в изучаемое время, как можно догадываться, ведали королевские должностные лица, среди которых, возможно, были герольды, а также канцлеры, когда дело касалось королевских печатей. И в дальнейшем надзор за королевскими и государственными символами осуществлялся представи

---

[167] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 229.

[168] *Svane E.* Det danske Rigsväben og Kongeväben. S. 152.

[169] "...cancellario et uicecancellariis nostra sigilla seruantibus, magnum secretum et legale" (DRI indtil 1400. N 27). Под "тайной" подразумевалась печать малая, под "правовой" — печать, употреблявшаяся для скрепления судебных актов.

[170] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse... S. 449.

[171] Ibid. S. 451.

телями государственной власти, в том числе полицейскими чиновниками. С 1985 г. дела, касающиеся употребления государственного герба (большого и малого), разбирает Государственный архив (*Rigsarkivet*), что подтверждено законом об архивах от 8 мая 1992 г., в котором (§ 6) говорится: "Государственный архив рассматривает дела относительно использования государственного герба. Государственный архив дает рекомендации государственным и коммунальным властям в вопросах, касающихся публичных гербов, печатей и эмблем, а также флагов"[172].

Таким образом, можно утверждать, что в XIII–XVII вв. право на использование королевских гербов находило свое выражение преимущественно в виде установлений обычая, которые, в свою очередь, обусловливались понятиями о правовом положении королей и их потомков. Следует также признать, что из правового статуса Государственного совета как правительства Дании в периоды междуцарствий с XV в. явилось обыкновение изображать на его печати герб Датского королевства. Нельзя, наконец, не отметить, что именно эти обычаи, возникшие и укоренившиеся на почве представлений и понятий своего времени, в последующие столетия служили основой для определения особого статуса королевского герба и собственно государственного герба Дании, а также влияли на обстоятельства их ношения членами королевского дома Дании и употребления государственными учреждениями.

Городские и областные гербы

В Средние века датские города, обычно пользуясь правом внутреннего самоуправления, находились под властью светских государей (королей, герцогов Шлезвигских) или епископских кафедр, как, например, Копенгаген, до XV в. являвшийся владением епископов Роскиллеских, или сконский город Охус, принадлежавший до XVI в. архиепископам Лундским. При таких обстоятельствах нельзя исключать, что уже в Средние века эмблемы датских городов, которые обнаруживаются на их печатях с конца XIII в., должны были получать признание от владетелей городов или даже создаваться по воле этих владетелей.

На то, что такая воля действительно могла проявляться, указывает характер иконографии эмблем на печатях некоторых городов, а именно присутствие на этих печатях символов правителей, которым подчинялись городские общины. Так, на печатях Рибе, известных с конца XIII в.[173], обнаруживаем изображение трех коронованных львов, наполовину прикрытых образом собора (илл. 76). Государем этого города был король Дании, герб которого как раз включал в себя трех коронованных львов. Отсюда можно предположить, что в эмблеме общины рибеских горожан частичное изображение знаков герба государя этой общины имело следующее символическое

---

[172] "Rigsarkivet behandler sager vedrørende brug af rigsvåbenet. Rigsarkivet er rådgivende for statslige og kommunale myndigheder i spørgsmål vedrørende offentlige våbener, segl og emblemer samt flag" (цит. по: Ibid. S. 451).

[173] DKSS. Tavle 14 d (1295 г.), e ("SIGILLUM CIVITATIS RIPENSIS", 1310–1543 гг.).

значение: эти знаки должны были указывать на правовую зависимость Рибе от короля Дании. И, как можно догадываться, идея создания такой символической иконографии на рибеской печати исходила от датского государя. Позднее печать с двумя львами, частично прикрытыми башней использовали власти города Фленсбурга[174] (1421 г.; илл. 106). Происхождение этой эмблемы, несомненно, следует связывать с тем обстоятельством, что непосредственным государем жителей Фленсбурга являлся вассал короля Дании, герцог Ютландский (Шлезвигский) – носитель герба с двумя львами.

Илл. 106. Печать городской общины Фленсбурга. 1412 г.

Можно также указать на иконографию печатей общины сконского города Охуса, древнейшая из которых употреблялась в конце XIII в.[175]: над волнами посох епископа, церковная хоругвь и лестница. Присутствие здесь епископского посоха, вероятно, должно было указывать на подвластное положение охусской общины по отношению к ее господину, архиепископу Лундскому.

Сама идея включения в эмблемы городских общин знаков их государей в XIII–XIV вв. находила свое художественное выражение и в других землях Западной Европы, о чем, например, свидетельствует присутствие в гербе Парижа элементов герба короля Франции (лилии) и в эмблеме общины Любека части образа орла, обозначавшего императора Священной Римской империи. Стало быть, эта идея возникла и утвердилась на почве универсального миросозерцания Запада конца высокого Средневековья, миросозерцания предполагавшего обозначение правовой зависимости городских общин от их государей посредством символических изображений. Но отсюда, вероятно развилась и та мысль, что вообще государь должен утверждать эмблему или герб подвластной ему городской общины. Во всяком случае, в Дании в период с XV по XVII в., как видно на примере гербов общин Мальмё (1437 г.) Рённе (1562 г.), Кристиансстада (1622 г.) и Копенгагена (1661 г), новые городские гербы непременно утверждались королем, причем через грамоты

Таким же образом, по крайней мере, с XV в., короли поступали и в отношении областных эмблем, чья история в Дании прослеживается от начала XIV столетия. Так, известно, что в 1447 г. Кристофер Баварский утвердил эмблему южноютландского херреда Лёг (Løg herred)[176], а в 1580 г. Фредерик II восстановил герб острова Фемерн (Femern)[177].

---

[174] DKSS. Tavle 23 a ("SIGILLUM COMMUNITATIS WILLE AOOSIENSIS" 1280/90 1512 гг.), b (1527–1610 гг.).

[175] *Erslev K.* Den senere middelalder [1241 1481]. Kbh., 1898 1905. S. 407. (DRH. Bd. II).

[176] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse… S. 456.

[177] DNT. Bd. II. S. 433. Остров Фемерн ныне принадлежит Германии.

Последний случай любопытен еще и тем, что свидетельствует о наличии у королей Дании права менять одну эмблему области на другую. Так, из одной грамоты короля Эрика Померанского, датируемой 1424 г.[178], узнаем, что жители Фемерна (лат. Imbria) сначала помещали на своих земских печатях (*in sigillis terrae eorum*) корону (*corona*), вероятно, как знак их тогдашней подвластности именно датской короне. Действительно, в иконографии печати города Бурга (Burg), находившегося на Фемерне, в 1349 г. присутствовала корона. В том же году употреблялась и "печать земли Фемерна" (*sigillum terre imbrie*) с изображением короны[179]. Но после перехода острова под власть графов Гольштейна как вассалов королей Дании фемернцы стали использовать печать и знамя с "листом крапивы" (*folium urticae*), несомненно, по той причине, что это был знак герба их непосредственных государей. Король Эрик был недоволен этой переменой, но ему не удалось возвратить Фемерн под прямую власть датской короны. Поэтому крапивный лист еще долгое время представал на печати жителей этого острова, пока в 1580 г. король Фредерик II, ссылаясь на какие-то старинные документы, вероятно, упомянутую грамоту Эрика Померанского, не восстановил первоначальную эмблему Фемерна – золотую корону в синем поле. При этом она получила имя "герба" и позднее была включена в число гербов, с которыми представлялся король Дании[180].

Поскольку в Средние века и в Новое время городские и областные эмблемы, как свидетельствуют источники, создавались обыкновенно для использования на печатях, то и защита этих эмблем, очевидно, была неотделима от защиты самих печатей. В датских городах обязанность по "охране печати" (*custodia sigilli*), о чем говорится в уставе общины Копенгагена 1254 г., возлагалась на самих горожан[181]. Этими горожанами обычно являлись члены городского совета, как было пояснено в новом уставе копенгагенской общины, датируемом 1294 г.

О том, кто в Средние века и Новое время исполнял соответствующие обязанности в отношении печатей общин херредов и земель, мы доподлинными свидетельствами не располагаем. Но вряд ли ошибемся, если предположим, что это были лица, уполномоченные самими этими общинами.

После XVII в. на датской почве продолжалось создание гербов городов и территорий (титулярных владений, амтов и коммун), причем по воле и носителей этих гербов, и государственной власти. Неизменным оставалось также правило, по которому новые гербы административных единиц Дании утверждались королем или на то уполномоченными государственными учреждениями. Контроль власти находил свое выражение и в том, что с конца XIX в. начинает вестись учет всех наличных областных и городских (коммунальных) гербов. Так, в 1885 г. всем магистратам было предписано предоставить в Министерство внутренних дел изображения эмблем их городов. Затем

---

[178] Asta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem Slesvicensem as Comitis Holsatiae ab altera parte de Ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. 1792. T. VII. S. 300; *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 152–153.

[179] *Svane E.* I skjoldet springe løver. S. 117.

[180] См. с. 317.

[181] DD. R. 2, bd. 1. N 138 (§ 12).

именно в этом министерстве все новые гербы коммун должны были получать свою первичную апробацию, с последующей их публикацией в "Государственном вестнике" ("Stadstidende") и занесением в реестры Патентного директората. Но с 1989 г. согласно закону о коммунальном управлении, только последнее учреждение осуществляет регистрацию гербов и печатей коммун. При этом регистрируемые гербы, по определению Патентного директората от 14 июня 1993 г., непременно должны проходить экспертизу у Государственного геральдического советника (*Statens heraldiske konsulent*), каковым является Государственный архив (*Rigsarkivet*). Примечательно, что эмблема (*mærke*) может и не быть зарегистрирована как герб, если, как сказано в том же определении, она "отклоняется от основополагающих геральдических принципов при формировании и выборе цвета" (*afviger fra grundlæggende heraldiske principer med hensyn til udformning og farvevalg*). После регистрации коммунальный герб получает юридическую защиту от государства, и его неправомерное использование влечет за собой наказание в виде штрафа[182].

Однако о самих "основополагающих геральдических принципах" ни в этом документе, ни в каком-либо другом законодательном источнике Дании сведений не обнаруживается. Стало быть, в данном случае определение Патентного директората имело в виду те представления о правилах создания гербов, которые к исходу XX в. существовали у датских знатоков геральдики. Эти представления, в свою очередь, следовали обычаям словесного и художественного описания гербов, которые в основном сложились к исходу XVII столетия в условиях господства рационалистического мышления. Таким образом, "основополагающие геральдические принципы" создания коммунального герба с точки зрения датского права являются только исторически сложившимся обычаем, который в деталях не обозначен и не утвержден законом. Но в таком случае эти "принципы", строго говоря, не могут считаться обязательными для исполнения. И все же сам факт указания на них в подзаконном акте государственного учреждения может рассматриваться как важное событие в истории датского гербового права. Впервые была сделана попытка, правда, по нашему мнению, неудачная, юридически закрепить сложившиеся представления о том, на каких началах должны создаваться датские гербы.

* * *

Итак, можно утверждать, что в XII–XVII вв. датское гербовое право обнаруживало себя в представлениях и понятиях, характер которых пребывал в зависимости от перемен, происходивших в воззрениях на общественное употребление гербов и правовой статус их носителей. Иначе говоря, в указанные столетия в Дании гербовое право являлось лишь отражением общественного права. И поскольку общественное право Дании претерпевало изменения на почве культурно-исторических переживаний датчан, то, стало быть, датское гербовое право в XII–XVII вв. также раскрывало себя в историческом развитии. При таких обстоятельствах становится понятным, поче

[182] *Verwohlt E.* Retsbeskyttelse… S. 459–461.

му в эти столетия герб не мог обнаруживать себя в письменных текстах, в том числе в юридических актах, самостоятельно, вне связи с культурно-правовыми условиями и понятиями, проявлявшимися постепенно в жизни датского общества. Этим, в свою очередь, должно объясняться и отсутствие сообщений о существовании в Дании изучаемого времени самого термина "гербовое право", в том числе в значении свода правил по созданию, описанию и употреблению гербов: не было понятия, не было и слова, которое это понятие представляло бы изустно или на письме. Таким образом, использование термина "гербовое право" по отношению к периоду, охватывающему XII–XVII вв., следует рассматривать только как опыт по обобщению исторической или историко-юридической мыслью тех свидетельств письменных и изобразительных источников, которые характеризовали герб в обстоятельствах культурно-правовой жизни датчан. И мы видели, что при этих обстоятельствах датское гербовое право проявляло себя в основном через возникновение и развитие ряда обычаев, которые в XV–XVII вв. могли отражаться и закрепляться в правовых актах. В то же время в Дании со второй половины XV в. стали появляться орденские уставы, а со второй половины XVI в. указы и законы, которые содержали новые правила использования гербов. Однако, еще раз подчеркнем, во всех этих юридических памятниках герб рассматривался не как самостоятельное явление, а только в качестве символа-знака культурно-правовых понятий, возникавших на почве исторической жизни датского общества. Для того же, чтобы стать отдельным предметом правотворчества, герб должен был бы утратить связь с общественно-правовой мыслью, которая обусловливала его историческое существование, или, говоря иначе, он должен был бы превратиться в самодостаточный субъект какого-то неопределенного права. Но этого случиться не могло, ибо в противном случае существование герба как общественного явления потеряло бы всякий смысл и, стало быть, интерес к гербу со стороны правоведов лишился бы оправдания. И действительно, после XVII в. правовой статус герба в Дании по-прежнему обнаруживал себя в зависимости от того, какое значение общественное право придавало гербу в качестве символа-знака понятий этого права.

Глава пятая

СОСТАВНЫЕ ГЕРБЫ

Обычай объединять два или более гербов в так называемый составной герб[1] начал утверждаться на западноевропейской почве в первой половине XIII в. Различают два способа, посредством которых создавался такой герб: либо через приведение в связь гербовых щитов, либо через соединение гербов в одном щите[2].

Причины, побуждавшие носить два и более герба и создавать составные гербы, были разными. Одной из причин являлось желание символически проиллюстрировать факт союза двух или нескольких королевств, княжеств и владений под властью одного государя. Именно с такой целью с конца XIV в. стали приводиться в связь гербы королей Дании[3].

Но еще до начала истории составного герба датских государей зарождается составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна. После признания со стороны короля Дании Олафа за графом Гольштейна Герхардом VI Шауэнбургом в 1386 г. права на владение герцогством Шлезвигским этот граф начал представляться со щитом, в который были заключены его родовая эмблема (крапивный лист) и символ герцога Шлезвигского (два льва). При этом обе эмблемы, в соответствии с утвердившимся к тому времени в Западной Европе обычаем, заняли в четверочастном щите по две четверти: шлезвигская первую и четвертую, а голштинская вторую и третью. Этот составной герб герцога Шлезвигского и графа Гольштейна Герхарда II (VI), обнаруживаемый впервые на его печати при документе 1392 г.[4], затем носили его дети. И в таком виде этот герб от своих родственников Шауэнбургов унаследовал король Дании Кристиан I Ольденбургский, когда в 1459 г. был провозглашен наследственным герцогом Шлезвига и графом Гольштейна (герцогство с 1474 г.): он включил щит с эмблемами этих двух владений в свой составной королевский герб[5].

---

[1] Имя "составной герб" в XII–XVII вв. не использовалось. Поэтому ниже оно будет употребляться только как условное обозначение композиций из гербов или гербовых щитов.

[2] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подг. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 279–280.

[3] См. след. главу.

[4] DKS. N 148.

[5] Ibid. N 78.

Илл. 107. Печать датского королевича Ханса, 1476 г.

Впоследствии при потомках и наследниках Кристиана составной герб продолжавших пребывать в унии Шлезвига и Гольштейна претерпел существенные изменения. Первые перемены произошли уже в гербе старшего сына короля Кристиана, герцога Ханса (впоследствии король Дании). На его печати, которую он использовал с 1476 по 1483 г., т.е. до того времени, когда окончательно утвердился на королевском престоле, кроме эмблем Шлезвига и Гольштейна, удержавших за собой два первых поля, видим еще в третьем и четвертом поле эмблемы герцогства Стурмарнского (лебедь с короной на шее) и графства Ольденбургского (две горизонтальные балки)[6] (илл. 107). Причины, приведшие к появлению двух последних эмблем в гербе Ханса, находят свое объяснение в утвердившемся тогда воззрении, что Стурмарн[7], подобно Шлезвигу и Гольштейну, являлся наследственным владением герцога Ханса, а Ольденбург был той землей, где правил род графов Ольденбургских, из которого происходил Ханс.

Новые изменения в гербе герцогов Шлезвига и Гольштейна произвел младший брат Ханса, герцог Фридрих I (1471–1533), с 1523 г. король Дании и Норвегии Фредерик I. Желая указать, что он, подобно королю Хансу и его сыну Кристиану II, принадлежит к роду наследственных государей Норвежского королевства[8], на которое при благоприятных обстоятельствах он мог предъявить права (что затем и случилось), Фридрих, как свидетельствуют его печать, бывшая в употреблении в 1493–1523 гг.[9], и монеты 1514 и 1522 гг.[10] (илл. 108), стал носить еще и гербовую эмблему Норвегии. Ей, как самой почетной, было отведено первое поле в главном щите, тогда как эмблемы герцогств, по сравнению с их прежним положением, на том же щите получили место рангом ниже: второе поле заняла эмблема Шлезвига, третье – Гольштейна и четвертое – Стурмарна. Что же касается эмблемы Ольденбурга, то она в качестве родового герба, как и в многочастном гербе ко-

---

[6] Ibid. N 85.

[7] Стурмарн издревле являлся владением графов Гольштейна из рода Шауэнбургов, что находило отражение в их титуле ("граф Гольштейна и Стурмарна"), но герба Стурмарна при Шауэнбургах не существовало. Поскольку первым этот герб стал использовать герцог Ханс (впервые на печати 1476 г.), то его создание, несомненно, следует датировать временем правления в Гольштейне первых Ольденбургов (Кристиана I и Ханса), возможно, 1474 г., когда Стурмарн вместе с Гольштейном от римского императора Фридриха III получил статус герцогства.

[8] Норвегия, в отличие от Дании, являлась наследственной монархией, а потому норвежский герб могли носить все члены правящей династии.

[9] DKS. N 105.

[10] *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1923. Tavle 6. 1514 (1), 1522 (1).

ролей Дании, была заключена в сердцевой щит[11]. Этот герб видим и на печатях герцогов Кристиана II (1508 г.)[12], сына Ханса, и Кристиана III (1529–1536 гг.)[13], сына Фридриха.

Илл. 108. Далер герцога Шлезвиг-Гольштейна Фридрих I. 1522 г.

Позднее, будучи уже королем Дании, оставаясь при этом герцогом Шлезвига и Гольштейна, а именно в 1526 г.[14], король-герцог Фредерик I включил в свой составной герб еще эмблему графства Дельменхорстского (крест). А вслед за ним и другие датские короли и герцоги Шлезвига-Гольштейна, которые все являлись потомками Фредерика, стали ее носить. На печатях Фредерика и Кристиана III[15] эта эмблема предстает во втором и третьем поле того же щита, в котором, соответственно в первом и четвертом поле, заключена эмблема Ольденбурга. Мысль о соединении обеих названных эмблем в поле одного щита возникла, несомненно, оттого, что Дельменхорст являлся старинным владением династии графов Ольденбурга, к которой принадлежал Фредерик и его потомки. Со второй же половины XVI в. щит с этими двумя эмблемами в составных гербах королей и герцогов обычно занимал место сердцевого щита, который мог быть или четверочастным, каким он представал на упомянутых выше печатях Фредерика I и Кристиана III, или двухчастным: справа герб Ольденбурга, слева – Дельменхорста.

Последней эмблемой, которая была включена в составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна, стала эмблема герцогства Дитмаршенского, созданная вскоре после окончательного покорения Дитмаршена (1559 г.) королем Фредериком II и его дядьями, герцогами Шлезвига-Гольштейна. Вместе с тем и титул "наследник Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста", который со времени Ханса и Фридриха I носили герцоги, полностью нашел отражение в эмблемах их герба[16].

В таком виде составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна продолжал существовать в последующее время. Его носили герцоги и их потомки, принадлежавшие к различным ветвям Ольденбургской династии (Готторпской, Сённерборгской и др.), а кроме того, как мы уже знаем, все датские

---

[11] Герб герцога Фридриха изображен также на далере 1522 г. (*Bendixen K.* Danmarks mønt. udg. Kbh., 1976. S. 57).
[12] DKS. N 96–97.
[13] Ibid. N 117–119.
[14] Ibid. N 113.
[15] Ibid. N 122 a. На этой печати Кристиана, как и на печати Фредерика, все остальные гербы заключены в отдельные щиты.
[16] Подробнее об эмблемах Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста см. ч. I, гл. 6, а о гербе герцогов Шлезвига – с. 342–348.

Илл. 109. Герб епископа Любекского Августа Фредерика Шлезвиг-Гольштейнского, 1667 г.

королевичи (до 1660 г.) и графы и графини Шлезвиг-Гольштейна, каковой титул некоторое время использовали сыновья и дочери короля Кристиана IV от его неравного брака с дворянкой Кирстиной Мунк. В конце XVI – XVIII в. этот герб также мог заключать символы епископств Северной Германии, если представители королевского дома Дании и семьи герцогов Шлезвиг-Гольштейна занимали их кафедры (илл. 109).

Составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна, каким он предстает при Хансе, Фридрихе I и его ближайших потомках, включал эмблемы не только тех княжеств, которыми управляли герцоги, но также и тех земель (Норвегия, Ольденбург, Дельменхорст[17]), государями которых они в действительности не являлись. Эти гербы имели статус родовых эмблем, и, таким образом, герб герцогов из Ольденбургской династии, по сравнению с гербом их предшественников из Шауэнбургского дома, представлял собой уже сочетание двух отличных друг от друга гербов: еще сохранявших значение государственно-родовых и просто родовых. Со временем, в XVII–XVIII вв., по мере того как род герцогов Шлезвига и Гольштейна численно умножался и многие его члены переставали быть владетельными князьями, и остальные эмблемы этого герба переходили в разряд чисто родовых. Именно с эмблемами такого статуса составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна можно увидеть и в Большом гербе Российской империи, куда он был включен в качестве родового герба императоров, потомков Петра III, происходившего из рода герцогов Шлезвиг-Гольштейн-Готторпских[18]. Из этого рода также происходили короли Швеции, царствовавшие в 1751–1818 гг. Все они представлялись с родовым гербом герцогов Шлезвиг-Гольштейна. Но когда в 1814 г. представитель этой шведской династии Карл XIII стал королем Норвегии, норвежский герб был исключен из его родовой эмблемы и помещен на большой щит, рядом с эмблемами Швеции (шведов и ётов)[19].

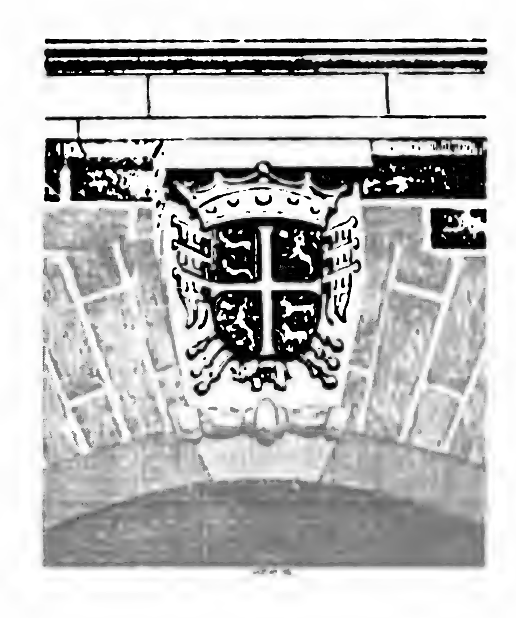
---

[17] Кристиан I, вступив на датский престол, отказался в пользу своего брата от владетельных прав на Ольденбург и Дельменхорст.

[18] В России, впрочем, этот герб могли неоднократно видеть уже во второй половине XVI – середине XVII в. Его носили приезжавшие к нам датские королевичи герцог Магнус, муж княжны Марии Владимировны Старицкой, герцог Ханс, жених царевны Ксении Борисовны Годуновой, и граф Шлезвиг-Гольштейна Вальдемар Кристиан, жених царевны Ирины Михайловны Романовой.

[19] *Bergroth T.C.* Kungliga stormästarevapen i Svenska Frimurare Orden // Herald. Tidsskr. 1998. N 77. S. 316.

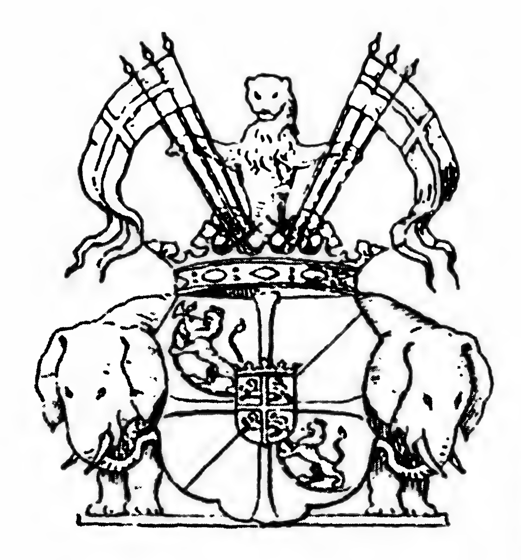
По примеру герба герцогов Шлезвига и Гольштейна, очевидно, создавались и составные гербы лиц, которым были пожалованы титулы (ленс)графов (*lensgreve*) и (ленс)баронов (*lensfriherre, lensbaron*), учрежденные в Датском королевстве в 1671 г. Эти титулованные особы имели право, которым, однако, пользовались не всегда, из своих земельных владений учреждать на правах ленных владений или майоратов графства и баронства, для которых короли утверждали особые гербы (для баронств редко). От соединения последних с родовыми или личными гербами и образовывались в конце XVII – XIX в., тоже с их обязательным королевским утверждением, составные гербы датских титулованных дворян.

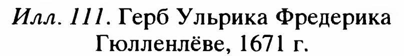

Илл. 110. Герб Ульрика Фредерика Гюлленлёве. Нюхавнские ворота дворца Шарлоттенборг, 1672 г

Вначале, по-видимому, не существовало какого-либо правила относительно того, каким способом должны соединяться личные гербы графов с гербами их графств. Сохранилось свидетельство, из которого видно, что гербы первоначально могли заключаться в отдельные щиты, соединенные между собой лентой, в данном случае лентой ордена Слона. Примером служат гербы Ульрика Фредерика Гюлленлёве, графа аф Лаурвиген (с 1671 г.), которые представлены на его печати, датируемой рубежом XVII–XVIII вв. Здесь в правом щите заключен личный герб Ульрика Фредерика (два льва), а в левом графства Лаурвиген (восстающий коронованный лев, держащий изогнутую алебарду)[20]. Но над Нюхавнскими воротами дворца Шарлоттенборг в Копенгагене еще сегодня можно увидеть изображение составного герба того же графа. В нем две упомянутые эмблемы заключены в один четверочастный щит: личная в первом и четвертом поле, графская во втором и третьем (илл. 110). Известен и другой составной герб первого графа аф Лаурвиген. В этом гербе личная эмблема помещена в малый щит, который наложен на щит больший, содержащий в первом и четвертом поле эмблему графства, а во втором и третьем – так называемое скошение слева (илл. 111). Именно составные гербы графов, образованные посредством соединения родовых гербов с гербами графств через наложение щита с первыми на щит со вторыми, т.е. тем же способом, каким создавался составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна, особенно прижились на датской почве. Причем главный щит, как, например, в гербе графа Могенса Фрииса аф Фриисенборг (1671 г.)[21] (илл. 112), обычно заключал только эмблему графства, если она была четверочастная. В глав

[20] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58. S. 385.
[21] *Bartholdy N.G.* Rangkroner og hjelme under den ældre enevælde // Herald. Tidsskr. 1980. N 46. S. 10

Илл. 111. Герб Ульрика Фредерика Гюлленлёве, 1671 г.

Илл. 112. Герб графа Могенса Фрииса аф Фриисенборг. Графский патент, 1671 г.

ный щит графского герба помещались также эмблемы других родов, с которыми граф состоял в родстве. Кроме того, в нем мог присутствовать герб второго графства, которым граф владел или, во всяком случае, эмблему которого он мог носить с позволения короля как родственник пресекшегося графского рода. Примером служит герб графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле (1883 г.): в первом и четвертом поле представлена эмблема рода Билле, во втором – графства Лаурвиген, а в третьем – графства Лангеланн; щиток же заключает эмблему рода Алефельдт, из которого этот вельможа происходил.

Известны, кроме того, графские гербы, в которых эмблемы графств были изображены в малых щитах на том основании, что они полностью или частично происходили от родовых или личных эмблем графов. Примером может служить герб графа (с 1673 г.) Педера Гриффенфельдта, в котором эмблема графства Гриффенфельдт – коронованный гриф (в гербе графа он предстает с алебардой) – была создана на основе знака (половина грифа) уже существовавшего личного дворянского герба Педера Гриффенфельдта, которая в составном гербе отсутствует[22] (илл. 113).

Датская геральдика знает также случаи, когда личные гербы клириков соединялись в границах одного щита с эмблемами духовных учреждений, к которым эти клирики имели отношение. На датируемых серединой XV – первой третью XVI в. печатях датских приоров ордена св. Иоанна Иерусалимского (госпитальеров), чьи резиденции находились в Антворскове и Дуехольме, обнаруживаем изображения щитов, в которых заключена эмблема ордена – крест. Последний занимает все пространство щита, образуя тем самым четыре четверти, в одной из которых видим личный герб того или

---

[22] Алебарда была позаимствована из норвежского герба, вероятно, с той целью, чтобы указать на местонахождение графства Гриффенфельдт в Норвегии (*Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber. S. 387–389).

Илл. 113. Педер Шумахер, граф Гриффенфельдт. Гравюра 1670-х годов

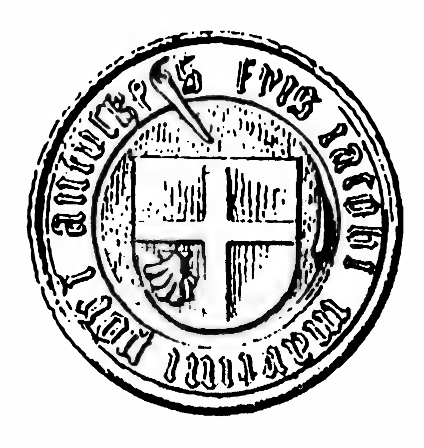
иного приора. У приора Дуехольмского Йенса Бруна (1453 г.) его личный герб, например, показан во второй четверти, у приоров Антворсковских Якоба Мортенсена (1471 г.) (илл. 114) и Эскиля Томсена (1513 г.) – в третьей, а Педера Педерсена (1492 г.) – в четвертой[23] (илл. 115).

Составной герб носил также Андерс Барбю (ум. 1559) – канцлер короля Кристиана III и одновременно лютеранский соборный пробст в Роскилле и епископ в Любеке. Его составной четверочастный герб, который можно увидеть на надгробной плите Андерса в Роскиллеском кафедральном соборе, включает две эмблемы. Одна из них – епископства Любекского – заключена в первую и четвертую четверть, другая – самого епископа – помещена во вторую и третью четверть[24].

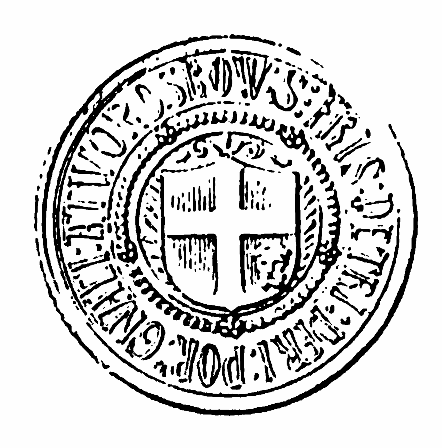
---

[23] *Frosell B.A.* Med kors og klostersegel: Johanniternes ældre heraldik – særligt i Skandinavien // Herald. Tidsskr. 1995. N 71. S. 16–18.

[24] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1953. Bd. II. S. 101, 1951. Planchebind. Tavle 5. N 100.

Илл. 114. Печать приора ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Антворскове Якоба Мортенсена, 1471 г.

Илл. 115. Печать приора ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Антворскове Педера Педерсена, 1492 г.

Илл. 116. Печать герцогини Ютландской (Шлезвигской) Риксы, 1373 г.

Илл. 117. Печать королевы Маргреты, 1375–1376 гг.

Что касается характера размещения эмблем на щитах упомянутых клириков, то легко заметить, что первенство в их составных гербах всегда отдавалось эмблеме духовного учреждения, чем, несомненно, делалось указание на принадлежность лица к такому учреждению. Это находило свое выражение и в том, что эмблема ордена госпитальеров занимала все пространство щита, а личная эмблема — только одну из его четвертей, и в том, что в гербе Андерса Барбю первая четверть была отдана эмблеме епископства, которое он возглавлял.

Помимо указанных выше причин, вызывавших образование составных гербов, на датской почве такого рода гербы могли создаваться и с иной целью. Эта цель предполагала выразить родственные отношения через изображение гербов государей. В XIII столетии она получила развитие в ряде стран Западной Европы. Тогда же ею стали руководствоваться и некоторые уроженцы Дании. На печатях XIII и начала XIV в., которые принадлежали бывшим замужем за иноземными правителями дочерям датских королей, находим изображение женской фигуры, представлявшей собой образ обладательницы печати, и расположенные справа и слева от нее два отдельных щита: правый заключал герб мужа, а левый – герб отца. Печати с такого рода композицией использовали дочь короля Швеции Эрика Кнутссона София (1237 г.)[25], жена князя Генриха Борвина Ростокского и дочь короля Дании Эрика V Рикса (1301 г.)[26], вышедшая замуж за князя Николая Верлейского. Ту же композицию обнаруживаем и на печатях датской королевы Хельвиг Ютландской (1347 г.)[27], супруги Вальдемара Аттердага, и жены герцога Ютландского Вальдемара V Риксы (1358, 1373 гг.) (илл. 116)[28], дочери графа Текленбургского и Шверинского.

В XIV в. к гербам отца и мужа мог также добавляться герб отца матери принцессы, о чем, например, свидетельствует иконография печати королевы Маргреты Датской (1353–1412), супруги Хокона Магнуссона, короля Норвегии (1355–1380) и Швеции (1362–1364). Она приказала изобразить на своей печати (1375–1376 гг.)[29], помимо двух гербовых щитов мужа с эмблемами Норвегии и династии Фолькунгов (Швеции), еще два гербовых щита (илл. 117). В них были заключены: в первом – герб короля Дании, отца Маргреты (Вальдемара IV), во втором – герб герцогов Ютландских, к которому принадлежала ее мать королева Хельвиг (ум. 1374).

Гербовые щиты на печатях представительниц королевских и княжеских родов, несомненно, служили выражением идеи не союза государств и земель, как это имело место в составных гербах государей, а лишь свидетельствовали об узах родства, которыми были связаны королевы и герцогини.

Уже по иконографии печати “госпожи Ростока” Софии Шведской можно заключить, что изображенные здесь два гербовых щита объединены друг с другом не только единым пространством печати, если можно так выразиться, но и посредством женской фигуры, чьи руки держат эти щиты. На следующей по времени создания печати, принадлежавшей верлейской княгине Риксе Датской, щиты не соприкасаются с изображением княгини. Однако изображенная дама держит на правой и левой руке по шлему с гербовыми знаками. Эти шлемы принадлежали владельцам представленных под руками княгини гербовых щитов, чем, по-видимому, выражалась та же мысль, что и в предыдущем случае. Снова женский образ, держащий щиты, предстает на печати шлезвигской герцогини Риксы Текленбург-Шверинской, что свидетельствует об устойчивом характере этой композиции, просуществовавшей

[25] DKS. N 18.
[26] Ibid. N 27.
[27] Ibid. N 43.
[28] Ibid. N 141–142.
[29] Ibid. N 53.

более ста лет. Наконец, на печати королевы Маргреты Датской четыре гербовых щита примыкают к трону, на котором восседает сама королева. Таким образом, видно, что на всех четырех печатях тем или иным способом находила свое материальное воплощение идея о приведении гербовых щитов или шлемов (а через них фактически и гербов) в связь. Следовательно, в данных случаях мы имеем дело, еще не с составными гербами, а только с такими по раздельности изображенными гербами, посредством которых выражалась та же идея, что и в составных, или "брачных", дамских гербах позднейшего времени.

Но недалеко уже было то время, когда гербы мужей и отцов датских принцесс и королев стали соединяться более явным способом. Такого рода соединения гербов стали фактом в первой половине XV столетия. На печати (1420–1425 гг.)[30] Филиппы Английской, жены короля Дании, Швеции и Норвегии Эрика Померанского, составные гербы мужа и отца, короля Англии Генриха IV Ланкастерского[31], заключены в один щит: первый справа, второй слева (илл. 99). В результате образовался новый, так называемый "брачный герб" (*alliancevåben*), который приобрел значение личного герба высокородной дамы[32]. Королева Филиппа стала представляться с ним, вероятно, уже в 1406 г., когда она сочеталась брачными узами с королем Эриком. В дальнейшем, правда, такой тип личного женского брачного герба, часто встречаемый в других странах Западной Европы, не создавался очень редко для королев Дании, но датские принцессы, выходившие замуж за иноземных государей, его использовали. Примером может служить "брачный герб" Маргариты Датской, супруги шотландского короля Иакова III. Этот герб, помещенный в ромбовом щите, запечатлен вместе с портретными изображениями Иакова и Маргариты на картине кисти голландского художника Хуго ван дер Гуса (1469 г.): правая сторона щита отведена для герба короля Шотландии, левая – для составного герба отца королевы, короля Дании, Швеции и Норвегии Кристиана I Ольденбургского (цв. илл. 34).

Со времени Доротеи Бранденбургской (1430–1495), следующей после Филиппы Английской королевы Скандинавских стран, вошло в обыкновение употреблять иной способ приведения в связь гербов мужа и отца при образовании составных гербов королев Дании. Доротея была сначала женой

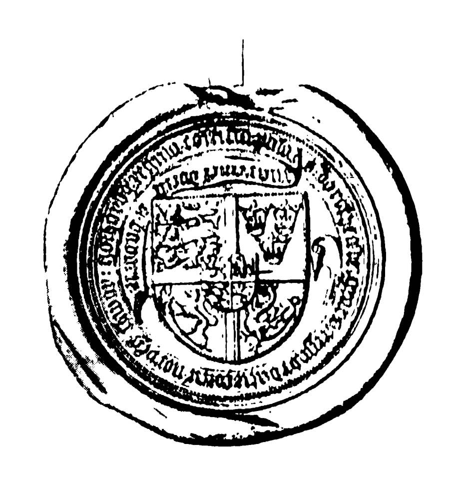
---

[30] Ibid. N 64.

[31] Герб короля Генриха, как и двух его предшественников на английском престоле (Эдуарда III и Ричарда II), состоял из эмблем Франции (лилии) и Англии (три льва). Гербовый щит отца Филиппы, приведенный в связь с рыцарским шлемом короля Англии, изображен на ее надгробии в шведском Вадстеновском монастыре (см.: *Erslev K.* Den senere middellader [1241–1481]. Kbh., 1898–1905. S. 433 (DRH. Bd. II).

[32] Мысль о создании брачного герба для королевы Филиппы путем объединения в одном щите гербов ее супруга и отца, вероятно, была позаимствована у англичан. Известно, что такого рода герб создавался для английских королев со второй половины XIV в. Например, его носила супруга Ричарда II, королева Анна Богемская; только ее герб был четверочастным: в первой и четвертой четверти передавалась четверочастная эмблема супруга, составленная из гербов королей Франции (три лилии) и Англии (три льва), а во второй и третьей – четверочастная эмблема отца Анны, императора Римского и короля Богемии (Чехии) Карла IV, составленная из гербов империи (орел) и Чехии (лев) (см.: *Nicolai Vptoni* de Studio militari Libri Quatuor // *Nicolai Vptoni* de Studio militari libri Quatuor. *Johan. De Bado Aureo* Tractatus de Armis. *Henrici Spelmanni* Aspilogia / Ed. E. Bissaeus. L., 1654. P. 223).

короля Дании, Швеции и Норвегии Кристофера Баварского, а затем, после его смерти, вышла замуж за следующего со южного скандинавского короля, Кристиана Ольденбургского. Эти браки Доротеи с представителями двух разных династий нашли отражение и в гербах с которыми она представлялась.

Илл. 118. Печать королевы Доротеи Бранденбургской. 1448 г.

Так, на ее печати 1448 г. малый щит, заключающий родовые гербы Кристофера Баварского и Доротеи, обременяет большой щит с эмблемами Дании, Швеции, Норвегии и Славян (илл. 118)[33].

После того как в 1460 г. король Кристиан стал владетельным государем Шлезвига, Гольштейна и Стурмарна, в составном гербе его супруги появился также второй средний щит с эмблемами и этих герцогств. При этом родовые гербы Доротеи были заключены теперь в малый средний щит и щиток. Такой составной герб обнаруживаем, например, на ее последней печати, употреблявшейся в 1482–1492 гг.[34] и на фреске в Роксиллеском соборе (цв. илл. 45).

Как видим, три герба отца Доротеи, маркграфа Бранденбургского, а именно орел, лев и четверочастное деление в одном щите, могли представать вместе с родовыми эмблемами ее супругов, соответственно, сначала Кристофера (1448 г.)[35] – лев и ромбы, затем Кристиана (1459 г.)[36] – две балки. Нельзя при этом не заметить, что в границах щита родовым гербам супругов Доротеи всегда отводилось более почетное место, нежели гербам маркграфа Бранденбургского. Так, на печати 1448 г. эмблемы Кристофера Баварского занимают правую сторону, а на печати 1459 г. эмблема Кристиана Ольденбургского – первую четверть четверочастного щита. К этому добавим, что с переменой гербов Доротея меняла и свой титул. Как супруга короля Кристофера Баварского она носила следующий титул: "Божией милостью королева Дании, Швеции, Норвегии, Славян и Готов, пфальцграфиня Рейнская и герцогиня Баварская"[37]. Состоя же в браке с Кристианом Ольденбургским, Доротея титуловалась по-разному, но всегда так, как и ее супруг.

---

33 DKS. N 81; *Erslev K.* Der senere middelalder... S. 492.

34 DKS. N 84: в малом среднем четверочастном щите заключены: в первой и четвертой четверти – орел, во второй и третьей – восстающий лев; в щитке – четверочастное деление.

35 Ibid. N 81: гербы отца Доротеи орел и лев заключены во второе и четвертое поле малого четверочастного щита, остальные поля занимают эмблемы баварских Виттельсбахов: в первом и четвертом – восстающий лев, в третьем – ромбы.

В малом четверочастном щите первое поле отдано родовой эмблеме Ольденбургов (две балки), а прочие три поля занимают эмблемы составного герба маркграфа Бранденбургского: во втором – орел, в третьем – восстающий лев, в четвертом – четверочастное деление (Ibid. N 82).

"Dorothea, meth gudhs nathe Danmarks Swerigis Norgis Wendis och Gotes drodningh, palantz greinne vpa Ryn och hertughinne i Beyeren" (Ibid. N 81).

Последний ее титул был таким: "Божией милостью королева Дании, Швеции, Норвегии, Вендов и Готов, герцогиня Шлезвигская и герцогиня Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, графиня Ольденбурга и Дельменхорста"[38].

На таких началах, т.е. путем наложения одного щита на другой, создавался также "брачный герб" следующей королевы Кристины Саксонской (1461–1521), супруги короля Ханса[39], и, по обыкновению, составные гербы других датских королев, всегда происходивших из иноземных королевских или княжеских домов[40]. Кроме того, эмблемы составных гербов мужей и отцов в брачных гербах датских королев могли заключаться в отдельные щиты, находившиеся друг с другом в соприкосновении. Вся композиция при этом увенчивалась королевской короной и с XVII в. сопровождалась изображавшимся внизу знаком ордена Слона – белым слоном. Такой брачный герб, например, принадлежал королеве Софии Амалии Брауншвейг-Люнебургской (1628–1685), супруге Фредерика III[41].

Составные гербы датских королев и принцесс, образованные путем наложения одного гербового щита на другой или посредством приведения этих щитов в тесную связь тем или иным способом, продолжали создаваться и в XX столетии. В частности, такие гербы были созданы для королевы Ингрид Шведской (1910–2000), супруги Фредерика IX, и принцессы Александры, в 1995 г. вышедшей замуж за принца Иоахима Датского, второго сына королевы Маргреты II[42].

Если мысль о соединении эмблем отцов и супругов датских принцесс и королев в пределах одного щита начала укореняться только в первой четверти XV в., то мысль о выражении родственных отношений датских вельмож посредством заключения двух эмблем в один щит зародилась еще в XIII столетии. Свидетельства тому находим на печатях двух представителей дома герцогов Ютландских: герцога Вальдемара IV (1286–1287 гг.)[43] (илл. 119), сына герцога Эрика Абельсена (ум. 1272) и Маргреты, дочери князя Рюгенского Яромара, а также Эрика (1309 г.)[44], сына герцога Вальдемара IV и Елизаветы, дочери герцога Саксонского Иоганна. На обеих печатях изображен щит, в правой половине которого присутствуют два льва, переданные, однако, не полностью, как в гербах герцогов Ютландских, а только их передней частью. Усеченная же часть львов, которая должна была находиться в левой

---

[38] "Dorothea, met gwdz nade Danmarcks Swerigis Norgis Wendis oc Gothes drotning, hertuginne vdi Sletzswiig oc i Holtzsten Stormarn oc Ditmersken hertuginne, i Oldenborg oc Delmenhorst grewinne" (Ibid. N 84). Как следует из этого титула королевы Доротеи, повторявшего титул ее супруга, в нем присутствовали названия герцогства Дитмаршен и графства Дельменхорст, эмблемы которых в конце XV в. еще отсутствовали в составном гербе короля Дании (об этом см. ч. I, гл. 6).

[39] Таким брачный герб королевы Кристины изображен на стеле, созданной ок. 1515 г. для собора Св. Кнута города Оденсе (илл. 20).

[40] Кристина Саксонская первой из королев Дании стала указывать на свое родовое происхождение: "урожденная герцогиня Саксонии" (*innata ducissa Saxonie; innbaren hertuginne i Sassen*) (DKS. N 91–92, 94).

[41] Изображение этого герба хранится в Росенборгском музее (Копенгаген).

[42] *Bartholdy N.G.* Prinsesse Alexandras våben // Herald. Tidsskr. 2000. N 81. S. 9–12; *Idem.* Dronning Ingrids castrum doloris // Ibid. 2001. N 83. S. 97–104.

[43] DKS. N 130.

[44] Ibid. N 132.

половине щита, отдана другим героям: на печати герцога Вальдемара IV – князей Рюгенских, а на печати Эрика Вальдемарсена – герцогов Саксонских из династии Виттинов. Таким образом, получились составные гербы, созданные из двух эмблем. Эти новые гербы, очевидно, были призваны указать соответственно на род отца и род матери владельцев этих составных гербов; причем отцовской эмблеме, согласно тогдашним представлениям, была отведена более почетная, правая сторона щита. Причину, по которой эмблема герцогов Ютландских была передана не полностью, а частично прикрытой эмблемами материнских родов, можно усмотреть в том, что последние эмблемы мыслились как бы перенесенными на тот щит, где уже находилась эмблема этих герцогов. Тем самым, вероятно, хотели символически выразить мысль о более высоком достоинстве отцовского герба, подтверждая руководящее положение в семье мужа и отца. Составные гербы герцога Вальдемара IV и его сына Эрика содержат разные эмблемы в левой (материнской) половине щита, а следовательно, их гербы имели такой же личный характер, что и составные гербы датских принцесс и королев. И оба герба создавались не с целью служить символом герцога Ютландского, а только, еще раз подчеркнем, для того, чтобы указать на родовое происхождение отцов и матерей.

Илл. 119. Печать "герцога датчан" Вальдемара IV Ютландского. 1286–1287 гг.

Действительно, хотя легенда печати Вальдемара Эриксена, использовавшейся в 1286–1287 гг., не сохранилась, в документах, ею скрепленных, он титулуется не герцогом Ютландским, как в 1283–1285 гг., когда употреблял другую печать, именно с титулом герцога Ютландского[45], а "Божией милостью герцогом Датчан" (DEI GRACIA DUX DANORUM). Этот титул Вальдемар Эриксен взял себе, вероятно, по той причине, что после убийства короля Эрика V Клиппинга в 1286 г. он, наряду с вдовствующей королевой Агнессой Бранденбургской, стал одним из правителей Дании при малолетнем короле Эрике VI. Герба же, который соответствовал бы званию герцога Датчан, не существовало, поэтому, надо полагать, у Вальдемара и появилась мысль о создании и принятии герба, составленного из родовых эмблем его отца и матери.

Замечаем также, что на печати, содержащей изображение составного герба Эрика Вальдемарсена, сей последний назван только "сыном Вальдемара, герцога Ютландии" (S' ERICI FILII WALDEMARI DVCIS IVCIE), как и в документе, под которым привешена эта печать: "Эрик, господина Вальдемара герцога Ютландии сын" (*Ericus domini Waldemari ducis Iucie filius*)[46].

[45] Ibid. N 127 a–b. От этой печати уцелели только отдельные осколки, которые, к сожалению, не позволяют составить представление о присутствовавшей на ней гербовой эмблеме.
[46] DD. R. 2, bd. 6. N 189.

На личный характер составных гербов Вальдемара и его сына Эрика указывает и то, что эти особы впоследствии, когда титуловались в документах герцогами Ютландскими, носили другие гербы, которые соответствовали этому титулу: на их печатях, употреблявшихся соответственно в 1307–1308 гг.[47] и в 1314 г.[48], показан щит только с двумя львами.

С XIII столетия гербы, являвшиеся по своему происхождению составными, могли носить и датские херреманы (рыцари и вебнеры). Точными свидетельствами об этом, правда, мы не располагаем, но характер ряда эмблем на "дворянских" печатях XIII–XIV вв. дает основание для такого предположения. Печать Стеффена Эденсена (1267 г.)[49] заключает рассеченный по вертикали щит, в правом поле которого видим дерево над волнистыми линиями, а в левом – три горизонтальные балки. Последнюю эмблему в XIII в. изображали на своих щитах представители знатного рода Виде-Скьяльмсен, а потому нельзя исключать, что мать Стеффена Эденсена принадлежала к этому роду, и герб Стеффена, таким образом, мог образоваться посредством объединения в одном щите эмблем отца и матери. Другой пример герба, который мог возникнуть вследствие соединения эмблем двух родов, являет нам герб рода Ране (вторая половина XIII – XIV в.): в рассеченном по вертикали щите правое поле занимает один олений рог, а левое – две (или три) горизонтальные балки. Известно, что оленьи рога в XIII в. носили в качестве герба несколько датских вельмож, и в частности представители знатного рода Сальтенсее (Saltensee), так что герб рода Ране мог образоваться путем наложения на левый рог другой эмблемы, которая, в свою очередь, могла быть гербом рода Виде-Скьяльмсен. К сожалению, не сохранилось никаких известий о происхождении рода Ране, чей старейший представитель, Йон Ранисен, упоминается под 1260 г.[50]

Однако то, что потомки Йона носили одинаковую эмблему, наводит на мысль, что она могла создаваться не просто с той целью, чтобы указать на родовое происхождение отца и матери первого из Ране, как это имело место с составными гербами герцогов Ютландских. Эта эмблема измышлялась в качестве личного герба, который его носитель мог передать своим потомкам. Возможно, подобные наследственные эмблемы создавались для внебрачных сыновей знатных лиц. А если это так, то первый Ране мог быть бастардом, плодом внебрачной связи представителей двух знатных родов – отцовского (Сальтенсее?) и материнского (Виде-Скьяльмсен?), что символически и нашло отражение в его гербе, перешедшем затем к его потомкам.

Родовые и личные гербы датских дворян со временем могли дополняться новыми фигурами, которые по своему происхождению представляли собой других родов. Это произошло, например, с гербом рода Росенкранц (Rosenkrantz, Rosenkrants), которым первоначально, в XIV–XV вв., являлась черно-белая шахматная "перевязь" справа в красно-синем поле. В первой четверти XVI в. к этой фигуре, сохранившей свое изначальное положение, была добавлена еще фигура увенчанного золотой короной восстающего бе-

[47] DKS. N 131.
[48] Ibid. N 133 b. Эрик стал герцогом Ютландским в 1312 г. после смерти отца.
[49] *Verwohlt E.* Hvide slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 209.
[50] DAA. 1910. S. 340–341

лого (или серебряного) льва, которому было отведено место во втором и третьем поле уже фактически четверочастного щита. Считается, что льва род Росенкранц перенял у пресекшегося около середины XV в. знатного рода Эберстейн, с которым, возможно, состоял в родстве[51].

В случае с новой эмблемой рода Росенкранц, однако, мы имеем дело не с объединением двух гербов в границах одного щита, а только с размещением в гербе одного рода (Росенкранц) знака, позаимствованного из герба другого рода (Эберстейн). Так думать нас побуждает то, что в гербе Эберстейнов, судя по печатям его представителей, фигура льва изображалась в одноцветном поле, а в гербе рода Росенкранц она передана на фоне двух цветов (синего и красного), которые образуют скошение слева. Именно в эти цвета окрашивалось поле герба рода Росенкранц еще до появления в нем фигуры льва, о чем свидетельствуют цветные изображения изначального герба этого рода, представленные на фризе в Орхусском соборе (вторая половина XIV в.) (цв. илл. 8–9) и в Гельдернском гербовнике (середина XV в.). Следовательно, появление дополнительной фигуры в старом гербе рода Росенкранц означало создание нового герба этого рода.

От датского Средневековья известны и другие гербы, состав знаков которых позволяет предположить, что они образовались таким же способом, как новый герб рода Росенкранц. Примером может служить заключенный в щит герб соборного пробста из Роскилле Йенса Гранда (Grand), впоследствии архиепископа Лундского, который обнаруживаем на его печати конца XIII в.: оленьи рога, между которыми помещена семиконечная звезда (илл. 12). Относительно оленьих рогов мы уже отмечали, что в XIII столетии они являлись гербом нескольких датских вельмож. Что же касается семиконечной звезды, то в начале XIV в. (и, вероятно, раньше, в XIII в.) она была представлена в гербе представителей знатных родов Виде (Hvide) и Гюлленстьерне (Gyldenstierne), возможно, происходивших от одного предка. Таким образом, герб Йенса Гранда мог возникнуть вследствие или соединения знаков, взятых из разных гербов, или внесения какого-либо из знаков в герб одного из упомянутых родов. К сожалению, эти догадки прямо не подтверждаются фактами из родословной Йенса Гранда. Известно только, что его мать состояла в близком родстве с родом Виде-Скьяльмсен, который, в свою очередь, связывался родственными узами с родом Сальтенсее, в гербе которого были представлены оленьи рога[52].

С XVI столетия в Дании начинает зарождаться еще один тип составного дворянского герба. Если вышерассмотренные составные гербы датчан создавались с целью превращения их в родовые эмблемы, в которых два герба, соединяясь в границах одного щита, превращались в знаки нового герба, то тип составного герба, о котором пойдет речь, предполагал, что образовавшие его различные гербы сохраняли свой прежний статус. При описа

[51] *Nissen H.* Baroniet Rosendals heraldik // Herald. Tidsskr. 1992. N 66. S. 260. Датский дворянский род Эберстейн (Eberstein) происходил, о чем сохрани[illegible] документальные свидетельства, от немецкого графа Альбрехта Эберштейнск[illegible] обосновавшегося в Дании при короле Эрике V (1259–1286); не будучи уже графами, представители этого рода, однако, удержали за собой графский герб Эберштейнов (DAA. 1892. S. 101–105).

[52] *Verwohlt E.* Hvide slægtens heraldik. S. 207.

гербами тех родов, которым они изначально принадлежали.

Уже на дворянских надгробиях, датируемых XV–XVI вв., обычай изображать обращенные друг к другу гербы супругов или их отцов и матерей часто предполагал приведение в связь этих гербов либо через соприкосновение щитов, шлемов и наметов, что видим, например, на надгробной плите Корфица Рённова (ум. 1494)[53] и Биргитты Флемминг (илл. 209), либо посредством связывания. Это мог быть образ рыцаря, держащего щиты, как на надгробии Хольгера Ульфстанда (ум. 1485) и Биргитты Росенспарре[54] (илл. 27), или переплетающиеся ленты, как на надгробной плите Андерса Гальта (ум. 1529)[55]. И в гербовнике Анны Краббе (1552–1618) гербы ее родителей, Эрика Краббе аф Буструп (1510–1564) и Маргреты Ревентлов (1525–1606), и бабушек, Анны Росенкранц (ум. 1550) и Сидсель Ланге (ум. 1553), соприкасаются наметами[56].

Очевидно, что такие композиции, составленные из двух дворянских гербов, создавались с определенным умыслом, с той же целью, с какой приводились в связь княжеские и королевские гербы на печатях скандинавских принцесс и королев XIII–XIV вв., а именно проиллюстрировать гербами родственные связи. В случае с дворянскими гербами речь шла в первую очередь о супружеских узах владельцев гербов и, как следствие, указывалось на родовое происхождение их детей.

Из обычая приводить в связь раздельно изображенные гербы близких родственников, или хотя бы только показывать их обращенными друг к другу, несомненно, и развилась в конце XVI столетия мысль об объединении этих гербов в пределах одного щита, подобно тому как это ранее произошло с гербами членов королевской семьи. Один из ранних примеров объединенных таким способом дворянских гербов обнаруживаем на портрете Маркварда Билле (1568–1631), датируемом 1596 г.[57] (илл. 120). Здесь видим рассеченный по вертикали щит, правое поле которого отдано гербу отцовского рода (Билле, Bille), а левое – материнского (Рённов, Rønnov). На надгробной же плите родителей Маркварда, Йенса Билле (1531–1575) и Катрины Рённов (ум. 1592), оба эти герба еще изображены по отдельности, но обращенными друг к другу[58]. Гербы родителей, заключенные в один щит, представлены также на портретах Фалька Гойе (Gøje) и его жены (с 1628 г.) Карен Билле. Оба портрета, хранящиеся в замке Фредериксборг, написаны в 1647 г. художником Иоханом Тимом (Thim)[59].

Позже, во второй половине XVII в., число дворянских гербов, заключенных в один щит, было доведено до четырех. Так, на ковре, датированном

---

[53] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle I. N 2.

[54] Ibid. Tavle 5.

[55] Ibid. Tavle 22.

[56] *Buhl I.* Tre heraldiske Håndskrifter i Roskilde Adelige Jomfrukloster // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 210.

[57] *Heiberg S.* Kongelig reputation og adelig kultur // Struktur og funktion. Festskrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1994. S. 193.

[58] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Bd. II. N XXXI.

[59] *Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T.* Rigets mand lader sig male 1500–1750. Kbh., 1973. S. 202–203 (DKH. Bd. 2).

1653 г. вытканн четверочастный щит с расположенными над ним четырьмя шлемами, над которыми запечатлены инициалы владельцев этого составного герба – "C.H.A.S. Они указывали на Кристофера Васа (Christoffer Hvas) (1598–1658) и его жену с 1630 г. Анну Ставерсков (Anne Staverskov) (ум. 1678). В данном случае в щит были заключены гербы родителей супругов. В двух правых (с точки зрения несущего щит) полях находятся гербы рода Вас (вверху) и рода Крусе (Kruse), из которого происходила мать Кристофера; слева расположены гербы рода Ставерсков (вверху) и Краг (Krag), из которого происходила мать Анны. Таким образом, перед нами "брачный" герб дворянской четы[60] (цв. илл. 41).

Илл. 120. Марквард Билле. Неизвестный художник, 1596 г.

Вскоре в составной герб, помимо эмблем родов отца и матери, стали входить и гербы других родственников. При этом порядок расположения эмблем обычно подчинялся требованиям семейной иерархии. Например, в четверочастном щите Йоргена Браге (Brahe) (1585–1661) первое поле занимает герб отца (Браге), второе – рода матери (Розенкранц), третье – матери отца (Билле), а четвертое – бабки с материнской стороны (Гойе). На таких же началах создавался и составной герб супруги Й. Браге, Анны Гюлленстьерне (1596–1677). В первом поле этого герба находим родовую эмблему отца (Гюлленстьерне), во втором – матери (Харденберг, Hardenberg), в третьем – матери отца (Подебуск, Podebusk) и в четвертом – бабки по материнской линии (Рённов)[61] (илл. 121).

Таким образом, мы видим, что в границах одного щита каждого супруга оказались собранными вместе эмблемы четырех родов, из которых происходили ближайшие предки обладателей гербов с четверочастной композицией. Этими предками были отец, мать, соответственно также их отцы, от которых они унаследовали свои гербы, и две бабки. Именно в такой последовательности, как и в гербе Й. Браге, только изображенные в отдельных щитах, предстают эмблемы родителей и двух бабок Анны Краббе в составленном

---

[60] *Prange K.* Heraldik på auktion // Herald. Tidsskr. 1997. N 75. S. 224–225.

[61] Цветные изображения этих четверочастных гербов хранятся в Национальном музее Дании (См.: *Achen S.T.* Identifikation of anonime våbenskjolde. Kbh., 1972. S. 35).

Илл. 121. Гербы Йоргена Браге и Анны Гюлленстьерне, первая половина XVII в.

Илл. 122. Гербы Стена Билле и Карен Билле на сундуке, датированном 1685 г.

ею гербовнике. Весьма вероятно, что четверочастный герб, составленный из родовых эмблем, как и двухчастный герб, заключавший эмблемы отца и матери, возник на почве, подготовленной более ранней традицией изображать гербы ближайших предков рядом и в порядке родовой иерархии.

Двухчастные и четверочастные дворянские гербы рассматривались как личные, однако они могли использоваться детьми, которые через передачу составных гербов родителей указывали на свое и своих предков знатное происхождение. Так, в 1685 г. для Софии Билле (1664–1706) был изготовлен сундук с изображениями расположенных рядом четверочастных гербов ее родителей, Стена Билле (1630–1686) и Карен Билле (1642–1671), принадлежавших к двум ветвям, Керсгордской (Kærsgård) и Аллиннеской (Allinde), одного и того же аристократического рода. Порядок расположения эмблем родов в полях гербового щита Карен соответствует той родовой иерархии, сообразно которой были изображены эмблемы в четверочастных гербах Й. Браге и его супруги. Это эмблемы рода ее отца – Андерса Билле (1600–1657), матери – Софии Росенкранц, матери отца – Метты Баннер (Banner) и бабки с материнской стороны – Перниллы Гюлленстьерне. Герб же Стена Билле содержит иной порядок расположения эмблем предков, при котором первое поле отдано эмблеме матери, Лисбет Брюске (Bryske) (1585–1674), второе – эмблеме отца, Хенрика Билле (ок. 1585–1655), третье – бабки по матери, Гьертруд Лунге-Дюре (Lunge-Dyre), и четвертое – матери отца, Хиллеборг Гюлленстьерне (илл. 122). В столь необычной последовательности этих эмблем, которая с очевидностью вступает в противоречие с семейной иерархией, на самом деле не следует усматривать что-то необычное или ошибочное; составной герб Стена Билле в данном случае должен восприниматься как один из элементов композиции, другим элементом которой является герб его супруги[62]. Суть же этой композиции, прежде всего, заключалась в том, чтобы показать через гербы Стена и Карен их супружескую связь. С этой целью, в соответствии со старинной традицией, о которой мы уже говорили, гербу жены была отведена левая (геральдически) сторона, а гербу мужа – правая, более почетная, и при этом, как требовала традиция, последний герб представал зеркально отраженным. Так что, если бы составной герб Стена Билле был изображен без герба его жены, то заключенные в нем эмблемы четырех родов предстали бы взору зрителя в изначальном своем порядке: в первом поле мы увидели бы эмблему рода Билле, во втором – Брюске, в третьем – Гюлленстьерне и в четвертом – Лунге-Дюре.

Через эту композицию, образованную из двух четверочастных гербов, в сумме заключающих восемь гербов, проводилась та же мысль, которая в XVI–XVII вв. часто находила свое выражение с помощью изображения того же числа гербов на дворянских надгробиях, – указывалось на родовую принадлежность составлявших три поколения четырнадцати предков Софии Билле.

Таким образом, подобно тому как на надгробиях в продолжение XIV–XVI вв. число отдельно передававшихся гербов предков датских дворян мало-помалу возрастало от одного до шестнадцати (1–2–4–8–16), составные

[62] *Nissen H.* Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Herald. Tidsskr. 1989. N 60. S. 472–473.

гербы, слагавшиеся из эмблем предков в границах одного щита, в последующее время также имели тенденцию заключать все большее число этих же эмблем. Вначале их было две, затем четыре. И могло бы стать восемь, если бы два обращенных друг к другу четверочастных герба супругов, например, Стена и Карен Билле, по примеру двух или четырех одночастных, тем же способом сгруппированных, были объединены в пространстве одного щита. Иначе говоря, возникла бы эмблема подобная той, которая в начале XV в. была создана из четверочастных гербов королей Эрика Померанского и Генриха IV Ланкастерского в качестве брачного герба их соответственно жены и дочери, королевы Филиппы.

Но щиту с восьмью гербами дворянских родов так и не суждено было возникнуть в Дании. И причину тому, вероятно, следует искать или в нежелании насыщать один щит бо́льшим, нежели четыре, числом гербов, или в отмирании у датской аристократии к концу XVII в. самой традиции показывать свою родословную посредством размещения в границах одного щита родовых эмблем предков. Последнему предположению, по-видимому, следует отдать предпочтение, поскольку дворянские надгробия и портреты с того же времени все реже начинают украшаться большим числом гербов. Отмирание этой общей традиции отражать родословную через гербы предков у датской родовой аристократии, надо полагать, вызывалось падением общественно-политического значения самих родословных.

Действительно, обычай изображать гербы предков на надгробиях или других памятниках развился у датской знати в XV–XVI вв. под влиянием утвердившегося к этому времени в ее среде представления о своей сословной исключительности. Принадлежность к кругу вельмож, которые фактически и юридически делили политическую власть с королями Дании, определялась наличием сначала, по-видимому, двух, а затем непременно нескольких (трех или четырех) поколений предков, происходивших из аристократических или, во всяком случае, дворянских родов. И гербы предков призваны были служить наглядным подтверждением знатного происхождения дворянина. Но на рубеже XVII–XVIII вв., после установления абсолютной власти короля (1660–1661 гг.), произошло падение политического влияния датской родовой аристократии. Новый государственный строй позволял подняться к вершинам власти выходцам из неродовитого дворянства или вовсе лицам неблагородного происхождения. Вместе с тем произошло переосмысление самого понятия аристократии. Воля короля отныне определяла статус подданного Датского королевства. Поэтому знатными особами стали считаться дворяне, не только имевшие длинную вереницу дворянских предков, но и получившие от короля учрежденные в 1671 г. титулы графов и баронов. Причем среди титулованных дворян, как и дворян без титула, появилось немалое число лиц, происходивших из других сословий. Политическое положение и материальное благополучие новых аристократов ставило их вровень и нередко выше представителей древних родов, экономически сильно оскудевших и занимавших незначительные должности на королевской службе. При таких обстоятельствах родословные и, следовательно, их геральдические иллюстрации теряли свое прежнее общественно-политическое значение.

На смену только что рассмотренному виду составного дворянского герба в конце XVII в. приходит составной герб, который мог включать, помимо ро-

довой эмблемы, эмблемы рода супруги, графств и баронств, а также эмблемы основателей родовых усадеб (*stamhus*). В таких составных гербах, в основном принадлежавших титулованным дворянам, эмблемы различных родов и владений могли размещаться и в границах одного щита, и в нескольких щитах: главном и заключенных в нем (один в другом) среднем и сердцевом щите. Однако у титулованных дворян родовой герб, как правило, заключался в сердцевом щите, по примеру гербов членов королевской семьи, а прочим гербам отводилось место в среднем и главном щите. Так, Ивер Юль Хёег (Juul Høeg) (1652–1683), после того как был возведен в звание барона аф Хёгхольм (Høgholm) (1681 г.), стал носить четверочастный герб в первой и четвертой четвертях с эмблемой супруги, Хелле Тролле (Trolle), во второй и третьей четвертях эмблему рода Юль, из которого происходила мать барона; эмблема рода Хёег, к которому принадлежал отец Ивера, заняла поле сердцевого щита[63] (см. илл. 30). Герб, который носил барон Георг Мольтке-Росенкранц с 1828 г. включает щиток с гербом его рода – Мольтке – и главный щит с гербом рода его жены (с 1827 г.) Катрины Хеннингии Аннетты Росенкранц (1795–1845), в котором, однако, отсутствует фигура льва[64].

Илл. 123. Герб графа Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса. 1867 г.

Упомянем также многочастный герб (1867 г.) графа Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса (Krag-Juel-Vind-Friis), владетеля графства Фриисенборг (Friisenborg). Здесь гербы родственников размещены в трех щитах: четверочастный главный несет эмблему графа Фрииса аф Фриисенборга, четверочастный средний – эмблемы родов Фриис (первая и четвертая четверть), Юель (вторая четверть) и Краг (третья четверть), к которым принадлежали основатели имений [соответственно Фриисенборг, Юеллинге (Juellinge) и Стенбаллегорд (Stenballegård)], перешедших во владение графа Могенса; щиток заключает эмблему рода Винд, из которого происходил обладатель данного герба[65] (илл. 123).

Все подобные многочастные гербы, в отличие от составных гербов, образованных из родовых эмблем отцов, матерей и бабушек, утверждались королем и передавались по наследству. Вместе с тем их обладатели обычно прибавляли к своим родовым прозвищам фамилии тех родов, чьи гербы они начинали носить, так что фамилии становились двойными (Юль Хёег, Мольтке-Росенкранц), тройными (Алефельдт-Лаурвиг-Билле) и четверными (Краг-Юель-Винд-Фриис). Впрочем, количество фамильных прозвищ иногда уступало числу гербов, из которых складывался составной герб. Кроме

[63] Ibid. S. 470–471.
[64] *Holsten P.* Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 164.
[65] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 253.

Илл. 124. Якоб Ульфельдт. Неизвестный художник, 1570-е годы

того, графы и бароны добавляли к своим фамилиям названия графств и баронств, которыми они владели: графы Фриис аф Фриисенборг, Алефельдт аф Лангеланн, Мольтке аф Брегентвед (Bregentved), бароны Хёег аф Хёгхольм и Росенкранц-Росендаль (Rosendal)[66].

Нетитулованные дворяне Датского королевства еще со времен Средневековья также следовали обычаю присоединять к своим личным и родовым именам названия усадеб, являвшихся средоточием их земельных владений. Но эти имения, которые могли быть унаследованы от родителей и их родственников, а кроме того, получены в качестве приданого жены, в Средние века, как можем заключить по отсутствию свидетельств, вероятно, еще не обозначались гербами. Мысль об этом, по-видимому, получила развитие уже в Новое время, в XVI–XVII вв., когда герб стал представлять не только конкретного человека, но и земельные владения. Так, на портретах некоторых датских аристократов XVI в. обнаруживаем гербы их жен. Примером служит портрет члена Государственного совета Якоба Кнутсена Ульфельдта (ум. 1593), написанный в 1576–1579 гг. (илл. 124). Здесь изображены два герба: рода Ульфельдт и рода Флемминг (Flemming), из которого происходила

[66] Ibid. S. 248–256; *Nissen H.* Baroniet Rosendals heraldik. S. 257.

супруга Якоба, Анна Якобсдоттер Флемминг (1544–1570). И причина, вследствие которой на портрете господина Ульфельдта был передан герб его умершей жены, надо предполагать, заключалась в том, что этот датский вельможа унаследовал после смерти своей супруги ее родовое владение Бавельсе (Bavelse). Название этого владения Якоб присоединил к названиям своих наследственных владений, добавлявшихся к его родовому имени, и стал представляться как Якоб Ульфельдт тиль Ульфельдсхольм (Ulfeldsholm), Сельсё (Salsø) и Бавельсе[67].

Однако родовые гербы датских дворянок как символы их земельных владений стали включаться в составные гербы их мужей только в конце XVII в., когда с той же целью в составных гербах стали помещать гербы матерей и других родственников.

Наряду с традицией создавать составные гербы посредством заключения двух и более гербов в один щит, на который могли накладываться и другие щиты с одним или многими гербами, в XVII–XIX вв. в Дании продолжала развиваться и традиция приведения в связь отдельных гербовых щитов. Так, на печатях и других памятниках XVII–XIX вв., можно встретить изображения двух соприкасающихся и при этом увенчанных одной короной щитов с гербами супругов.

Завершая рассмотрение круга вопросов, касающихся датских составных гербов, можно заключить, что причины, вызывавшие создание таких гербов, были разными. Через приведенные в связь тем или иным способом гербы их владельцы стремились указать и на право обладания княжеством, областью, ленным владением или имением, и на принадлежность лица к известному церковному учреждению, и на разнообразные родственные связи. Эти укоренившиеся на датской почве обыкновения, однако, не были местным измышлением, а явились результатом заимствований из других западноевропейских стран. Дания принадлежала к культурно-историческому миру Западной Европы, вследствие чего в Средние века и Новое время для усвоения датчанами "геральдических" обычаев этого мира имелись необходимые духовные условия. В то же время можем отметить, что указанные обычаи на датской почве с течением времени развивались под воздействием местных обстоятельств. А это свидетельствовало о том, что составные гербы датчан являлись знаками, не только отражавшими культурную принадлежность датского общества к западноевропейскому миру, но и служившими выражением перемен в духовной и общественной жизни Дании, которая все больше наполнялась мирскими переживаниями, искавшими внешнего знакового представления.

---

[67] Jacob Ulfelds Jordebog på Ulfeldsholm, Selsø og Bavelse 1588 / Udg. ved Sv. Gissel. Kbh., 1964. *Bruun H.* Jacob Ulfeldt // DBL. 1984. Bd. 15. S. 145–147. В данном случае с помощью предлога "til" обозначена принадлежность имения его владельцу.

Глава шестая

СОСТАВНОЙ КОРОЛЕВСКИЙ ГЕРБ

Обычай заключать в один щит гербы двух или нескольких королевств и княжеств, оказавшихся под властью одного правителя, на западноевропейской почве зародился не позднее начала XIII в., о чем свидетельствует факт ношения щита с двумя гербами (тремя львами Швабии и орлом Империи) императором Оттоном IV (1208 г.). С 1237 г. король Леона и Кастилии Фернандо III стал представляться со щитом, в котором была заключена четверочастная композиция из двух гербов: в первом и четвертом поле изображался лев Леона, во втором и третьем – замок Кастилии. В дальнейшем такие гербовые композиции использовали и другие государи, например король Арагона и Сицилии Иаков II (1292 г.), король Чехии и граф Люксембургский Ян (1310 г.) и король Англии Эдуард III (1340 г.), предъявивший права на корону Франции[1]. При этом, по обыкновению, два герба иллюстрировали двойные титулы, как, например, "король Леона и Кастилии" или "король Англии и Франции"

В XIV в. обычай представляться с двумя или несколькими гербами получил распространение и у скандинавских правителей. Его зачинателем явился король Норвегии (1319–1355) и Швеции (1319–1362) Магнус Эрикссон. На его печати, употреблявшейся в 1321–1360 гг.[2], обнаруживается щит с норвежским гербом и щит с гербом короля Швеции из рода Фолькунгов. Королем Норвегии (1355–1380) и Швеции (1362–1380) был также сын Магнуса, Хокон. Но, согласно Гельдернскому гербовнику (ок. 1375 г.), этот король (*dye coninc van noorwegen*) носил уже щит с четверочастной композицией из гербов Норвегии и Швеции-Фолькунгов[3] (цв. илл. 42). В том же гербовнике изображен четверочастный щит политического противника Хокона, Альбрехта Мекленбургского, короля Швеции в 1364–1389 гг., заключающий гербы Швеции (три короны), Мекленбурга, Ростока и Шверина (цв. илл. 43)[4].

---

[1] *Trætteberg H.* Det norske kongevåpen i Gelre-våpenboka // Herald. Tidsskr. 1971. N 23. S. 140–143; *Idem.* Unionsvåpen // KLNM. 1975. Bd. XIX. S. 300.

[2] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. Stockholm, 1942. D. II. N 32, 33.

[3] В первом и четвертом поле заключен норвежский герб (золотой лев с топором в красном поле), во втором и третьем – герб Фолькунгов (золотой лев и красные сердца на фоне трех скошенных белых балок в синем поле) (*Trætteberg H.* Det norske kongevåpen i Gelre-våpenboka. S. 136).

[4] *Scheffer C.G.U.* De svenska vapen i Gelre-vapenboken // Herald. Tidsskr. 1971. N 23. S. 120.

Щит с этой гербовой композицией представлен также на печати короля Альбрехта (1385 г.)[5].

Все гербы, которые носили Магнус, Хокон и Альбрехт, иллюстрировали титулы этих государей. Первые двое представлялись с двойным титулом "король Норвегии и Швеции", Альбрехт – как "король Швеции, герцог Мекленбургский, граф Шверина и господин Ростока".

Со времени Кнута VI (1181–1202) короли Дании из династии Эстридсенов, за исключением, возможно, Вальдемара III (1326–1330)[6], на своих печатях повелевали изображать щит с тремя львами, а также с многочисленными сердцами[7], которыми заполнялось свободное пространство щита.

Сначала этот герб иллюстрировал двойной титул датского короля – "король данов и славян" (*danorum sclauorumque rex*), который в 1193 г.[8] учредил Кнут VI. Имя "славяне", или "венды"[9], в этом титуле указывало на установившееся при Вальдемаре I (1157–1181) и Кнуте верховенство датских королей над князьями Славии (Slavia, Sclavia), или Вендской земли (Vendland), правителями славянских народов руянов, ободритов и поморян, населявших земли по юго-западному побережью Балтийского моря.

Некоторые короли Дании, а именно Вальдемар II (1202–1241) до 1214 г.[10], Абель (1250–1252) весь период своего царствования[11] и Вальдемар III (1326–1330) до середины августа 1326 г.[12], одновременно с королевским титулом носили титул "герцог Ютландии" (*dux Iutiae*). До 1214 г. Вальдемар II представлялся также с титулом "господин Нордальбингии"[13].

В 1219 г. король Вальдемар II завоевал землю эстов – Эстляндию (*Estlandia, Estland*), или Эстонию (*Estonia*). Около 1223 г. здесь было учреждено герцогство, подвластное датской короне, но при этом не входившее в состав Дании. Правителями герцогства Эстонского (*ducatum Estoniae*) до продажи его в 1346 г. Тевтонскому ордену, с небольшими перерывами, являлись

---

[5] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. II. N 54.

[6] На большой печати этого короля вместо щита со львами и сердцами обнаруживаем шлем, украшенный рогами с четырьмя павлиньими перьями (DKS. N 32b). В последней по времени издания книге по истории датского государственного и королевского герба говорится, что король Кристофер II тоже употреблял печать только с изображением шлема (*Svane F.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 29, 70–71). Однако известен документ от 1324 г., скрепленный печатью Кристофера, на которой представлен щит с тремя львами и сердцами (См. *Riis Th.* Les institutiones politiques centrales du Danemarque 1100–1332. Kbh., 1977. S. 159).

[7] Девять сердец, которые мы видим сегодня в гербе Дании, вошло в обычай изображать только в XVI столетии.

[8] DD. R. 1, bd. 3, del 1. N 189.

[9] По-латыни *sclavi*, *slavi*, по-немецки *wende* (*wenden*), по-датски *wende*, *wenden* (*vender*). Отметим также, что в XVI–XVII вв. слово "Sclavorum" иногда заменялось словом "Vandalorum" что явилось во многом следствием влияния воззрений историков конца Средневековья, особенно немецкого писателя Альберта Кранца, автора книги "Wandalia", изданной в Кёльне в 1519 г., отождествлявших вендов (славян) с древним германским народом вандалов (*Liedgren J.* Vendes vapen // KLNMs. 1975. Bd. XIX. S. 646).

[10] DD. R. 1, bd. 4. N 45 (1202 г.); bd. 5. N 73 (1214 г.).

[11] Ibid. R. 2, bd. 1. N 1 (1250 г.); N 61 (1252 г.).

[12] Ibid. Bd. 9. N 295.

[13] "Ego Waldemarus dei gracia Danorum Sclauorumque rex dux Iutie dominus Nordalbingie" (Ibid. R. 1, bd. 4. N 53). Нордальбингией называлась земля, находившаяся к северу от реки Эльбы.

Илл. 125. Печать Олафа III, 1376 г.

непосредственно датские короли[14]. При обращении к жителям герцогства или когда обнаруживалась угроза утраты этого герцогства, они, по обыкновению, представлялись с титулом "герцог Эстонии" (*dux Estoniae*). Первым этот титул стал носить король Эрик IV (1241–1250), о чем свидетельствует его грамота, датированная 1248 г.[15] В дальнейшем герцогами Эстонии иногда называли себя короли Эрик V (1259–1286) с 1269[16], Эрик VI (1286–1319) с 1299 г.[17], Кристофер II (1320–1332) с 1321 г.[18], Вальдемар III (1326–1330) с 1326 г.[19] и Вальдемар IV (1340–1375) с 1340 г.[20]

В 1362 г. король Вальдемар IV (1340–1375) завоевал часть шведской области Ёталанд (по-латыни *Gothia*), после чего в свой титул "король Данов и Славян" добавил слово "Готы" (*gothi*)[21], которое также присутствовало в двойном титуле короля Швеции – "король Свеев (Шведов) и Готов (Ётов)" Таким образом, титул датского короля стал тройным: "король Данов (Дании), Славян и Готов" (*rex danorum (Dacie) sclauorum gothorumque*).

Все эти перемены в титулах, свидетельствовавшие о желании королей Дании словесно указать на их власть в различных землях за пределами Датского королевства, однако не влекли за собой ношения новых гербов.

После вступления на датский престол (май 1376 г.) тройной титул и герб королей Дании из династии Эстридсенов стал носить и Олаф III (1376–1387)[22] – сын короля Норвегии и Швеции Хокона и Маргреты, дочери Вальдемара IV (илл. 125). В 1380 г. он унаследовал также норвежскую корону и отцовские права на шведский престол, что нашло выражение в его новом титуле "Божией милостью Дании, Норвегии, Славян, Готов король и истинный наследник королевства Швеции"[23]. Вскоре была изготовлена и новая печать Олафа, на которой, помимо щита с датским гербом, был изображен щит с гербом Норвегии[24]. Документ, при котором эта печать сохранилась, называет Олафа уже "королем Норвежцев, Датчан и Шве-

---

[14] *Riis Th.* Estlands administration i danskertiden // 1219. Dannebrog og Estland. Roskilde, 1992. S. 39–43.
[15] DD. R. 1, bd. 7. N 276.
[16] Ibid. R. 2, bd. 2. N 140. В одной грамоте, датированной 1266 г., Эрик V представлен также господином Эстонии (*dominus Estonie*) (Ibid. N 41).
[17] Ibid. Bd. 5. N 11.
[18] Ibid. Bd. 8. N 351.
[19] "Waldemarus dei gracia Danorum Slauorumque rex, Iutiae et Estoniae dux" (Ibid. Bd. 9. N 293).
[20] Ibid. R. 3, bd. 1. N 37–38.
[21] Ibid. Bd. 6. N 199.
[22] DKS. N 47 b, 48.
[23] "Olauus, dei gracia Dacie, Norwegie Slauorum Gotorum rex et verus heres regni Sweeie" (Ibid. N 49).
[24] Ibid. N 50.

дов"[25] Нельзя также исклю чать, что в конце жизни он мог представляться и с гербом короля Швеции (Фолькунгов), по примеру своего отца.

Сохранившиеся изобразительные памятники не содержат свидетельств о ношении королем Олафом щита с двумя или тремя гербами. Однако его преемник на престолах Норвегии (с 1389 г.), Дании и Швеции (с 1396 г.) Эрик Померанский такой щит носил, хотя поначалу он также представлялся с гербами, заключенными в отдельные щиты.

Илл. 126. Иконография первой печати Эрика Померанского как союзного короля Дании, Норвегии и Швеции, 1398 г

В центре иконографической композиции одной из печатей Эрика, уцелевшей при документе, датированном августом 1398 г., изображен восседающий на троне король, на груди которого пребывает наклоненный в правую сторону щит с тремя коронами, дв из которых, а именно верхние, обращены зубцами соответственно вправо влево; пространство печати заполняют также четыре щита с гербами Нор вегии, Дании, Померании (гриф – родовой герб короля Эрика) и старо шведской королевской династии Фолькунгов[26] (илл. 126).

Вскоре, однако, в августе–сентябре 1398 г., была изготовлена друга большая печать Эрика Померанского, находившаяся в употреблении п крайней мере до 1435 г.[27] На этой печати видим составной герб, образован ный из двух гербовых щитов; в большом щите, поделенном крестом на четы ре четверти, первая четверть отведена для герба Дании (причем три льв держат древко с крестовым знаменем), вторая – трем коронам (герб Шве ции), третья – гербу Фолькунгов и четвертая – грифу Померании; в мало щите, наложенном на большой по центру креста, заключена эмблема Нор вегии (илл. 127). То обстоятельство, что норвежский герб получил место малом щите, вероятно, следует объяснять тем, что Эрик раньше всего (уж в 1389 г.) был избран королем именно этого государства, тогда как на пре стол Дании и Швеции он вступил только в 1396 г. Кроме того, расположени норвежского герба в щитке могло обусловливаться тем, что в Норвегии, отличие от двух других скандинавских королевств, корона наследовалас

Одновременно с только что описанным составным гербом, во всяко случае в 1420-е годы, король Эрик представлялся еще с двумя составным гербами, имевшими свои иконографические особенности. Так, на щите, из

"Olavus, Noricorum Danorum Sveorum que rex" (Ibid).
[26] Ibid. Suppl. 2.
[27] Ibid. N 61.

Илл. 127. Печать Эрика Померанского, 1398–1435 гг.

бражение которого сохранилось в стенной росписи Кронборга (Крогена), в сравнении с гербом на печати, заметны три отличия: во-первых, здесь не видим щитка[28], во-вторых, герб Норвегии предстает в третьей четверти разделенного крестом четверочастного щита, вместо герба Фолькунгов; в-третьих, четвертая четверть отдана гербу герцогства Шлезвигского.

Причины включения герба Шлезвига в составной герб короля Эрика, как можно догадываться, были политическими. Действительно, после смерти в 1404 г. графа Гольштейна Герхарда VI, герцога Шлезвигского (с 1386 г.), оставившего малолетних детей, король Эрик пожелал установить непосредственную власть над Шлезвигом. Свои действия он объяснял тем, что, по датскому праву, которое распространялось и на Шлезвиг, лены датской короны не могут наследоваться. В 1413 г. король Эрик решил подкрепить это деяние судебным решением, и в верховном суде Дании сыновья графа Герхарда, Генрих IV (ум. 1427), Герхард VII (ум. 1433) и Адольф VIII (ум. 1459)

---

[28] М. Макепранг, впрочем, высказал предположение, основанное на сохранившихся красных пятнах в центре креста, что щиток в этом гербе все-таки присутствовал, и в нем, возможно, была заключена родовая эмблема короля Эрика – померанский гриф (*Mackeprang M.* En Skjoldefrise fra Erik af Pommerens Tid paa Krogen Slot // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. Kbh., 1932. S. 78–80).

были лишены прав на герцогство Шлезвигское, в том числе под предлогом не выполнения ими вассальных обязанностей. В 1424 г. суд императора Сигизмунда также постановил, что Шлезвиг подвластен датской короне. Но графы эти постановления не признали и продолжали бороться за отцовское герцогство, что нашло отражение в ношении ими титула "герцога Шлезвигского" и герба Шлезвига[29]. Создание гербового фриза в Кронборге датируется 1420-ми годами, на которые приходится именно пик датско-голштинского противостояния из-за герцогства Шлезвигского.

Другой составной герб Эрика Померанского, который известен по изображению на его знамени, захваченном ганзейцами в качестве трофея в 1427 г., состоит из четырех эмблем, разделенных крестом: три первые четверти, как и в гербе из Кронборга, отведены соответственно гербу Дании, трем коронам и гербу Норвегии, четвертую же четверть занимает померанский гриф (цв. илл. 19).

Точно такое же расположение указанных эмблем обнаруживаем и в "брачном" гербе королевы Филиппы Английской, жены Эрика, на ее печати, бывшей в употреблении в 1420–1425 гг.[30] (илл. 99), но созданной, несомненно, раньше, и в стенной росписи в Кронборге. Этот составной герб королевы Филиппы изображен также на щите, который был вывешен в переходе, соединяющем дворец архиепископа Кентерберийского с кафедральным собором Кентербери, вероятно, вскоре после замужества Филиппы (1406 г.). В последнем гербе обнаруживается, однако, одно отличие от предыдущего, а именно: норвежскому гербу отведено четвертое поле, а померанскому третье. Причину, вызвавшую такое расположение эмблем, быть может, следует искать в ошибочных представлениях художника или его заказчика о местоположении эмблем в составном гербе Эрика Померанского[31].

Как бы то ни было, брачный герб королевы Филиппы свидетельствует о том, что он был составлен из четверочастных гербовых композиций ее мужа и отца. Следовательно, наряду с составным гербом, изображенным на большой печати Эрика Померанского, гербовая композиция из четырех гербов на знамени 1427 г. долгое время, во всяком случае, приблизительно с 1406 г. и до конца 1420-х годов, также являлась официальным составным гербом короля Дании, Швеции и Норвегии.

Не все эмблемы, которые употреблял король Эрик в своих многочастных гербах, поддаются однозначному истолкованию. Самым трудноразрешимым является вопрос о том, что символизировали три короны. Он осложняется тем, что история употребления трех корон в Скандинавских странах началась задолго до времени царствования короля Эрика Померанского и что эта эмблема в разное время могла наделяться разным смысловым содержанием[32].

---

[29] DKS. N 153–156.

[30] Ibid. N 64.

[31] *Achen S.T.* Et Par Unionsvåbener i England // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 447–448.

[32] Об использовании эмблемы "три короны" в Скандинавии и толковании ее символики см. *Toll H.* De älsta svenska konungavapenbilderna och trekroner-vapnet. Stockholm, 1919; *Fleetwood H.* Uppkomsten av trekronorsmärket i Sveriges riksvapen // Meddelanden från Riksheraldikerambetet. Malmö, 1935. N 3. S. 1–17; *Seitz H.* De tre kronorna: Det svenska riksvapnet i sitt europeiska sammanhang. Stockholm, 1961; *Idem.* Tre kronor som europeisk symbol och svensk

Илл. 128. Печать короля Швеции Магнуса Биргерссона, 1277–1278 гг.

Самое раннее свидетельство ее использования в Скандинавии обнаруживается на печати шведского короля Магнуса Биргерссона, которая находилась в употреблении в 1277–1278 гг.[33] На ней видим изображение трех корон, которые – одна сверху и две по бокам – окружают щит с гербом Фолькунгов (илл. 128). Сомнительно, однако, что три короны здесь уже выступали в роли символа Шведского государства (*Sverige*; *regnum sveorum*), поскольку самого понятия государственного герба в XIII столетии еще просто не существовало; в то время знали только гербы государей. Гербом же короля Швеции при Магнусе Биргерссоне был герб Фолькунгов, о чем свидетельствуют изображения щита с этим гербом как на печатях Магнуса, так и в Вийнбергенском гербовнике.

Кроме того, самое расположение трех корон вокруг гербового щита короля Магнуса Биргерссона наводит на мысль, что эти фигуры первоначально не имели значения герба, а употребляемы были только в качестве какого-то дополнительного символа. На это указывал еще немецкий историк геральдики Г. Зайлер. По его предположению, которое затем было поддержано шведским историком Х. Толлем, три короны, окружавшие гербовый щит короля Магнуса Биргерссона, суть те три короны, которые ранее увенчивали головы трех львов на печати старшего брата Магнуса, короля Вальдемара, низложенного в 1275 г. Обоснование для такого предположения названные ученые усматривали в том факте, что Вальдемар Биргерссон после потери королевского престола употреблял печать, на которой три льва представали без корон. Поскольку эмблему "три льва" в сопровождении многочисленных сердец, по мнению Г. Зайлера и Х. Толля, Вальдемар носил в качестве личного герба, происходившего от герба его родственников, королей Дании, то Магнус, унаследовав престол после брата, не мог использовать эту эмблему. Придав эмблеме Фолькунгов значение герба короля Швеции, Магнус довольствовался для узаконения своего нового политического положения только тем, что перенял из герба старшего брата три короны, окружив ими свой гербовый щит.

На это умозаключение, однако, можно выдвинуть следующие возражения. Во-первых, непонятно, зачем королю Магнусу потребовалось под-

---

riksvapen // Herald. Tidsskr. 1960. N 2. S. 60–72; *Idem*. Sverige (Riksvåpen og kongevåpen) // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 290–291; *Verwohlt E*. Sveriges Tre Kroner // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 215–223; *Scheffer C.G.U*. Det kungliga mönstret i den medeltida heraldiken med särskild hansyn till Albrekt av Mecklenburgs tronbestigning i Sverige // Ibid. 1980. N 42. S. 57–68; *Loÿe G. de*. Om ursprunget till det svenska riksvapnet Tre Kronor // Ibid. 1986. N 54. S. 155–174; *Lingren U*. Nytt om "Sweriges tree Chronor" // Ibid. 1989. N 49–50. S. 51–55; *Bartholdy N.G*. De tre kroner og korset: Uniossymbolik, ambitin ag rivalitet // Ibid. 1997. N 76. S. 233–257.

[33] *Verwohlt E*. Sveriges Tre Kronor. S. 216.

тверждать свое королевское звание сразу тремя коронами, при том что восстающий лев, заключавшийся в его щите, был уже увенчан короной[34]. Во-вторых, из факта присутствия или отсутствия трех корон на головах львов, о чем свидетельствуют гербы королей Дании и Швеции конца XII – XIII в., никак не следует, что тем самым делалось указание на положение короля царствующего или лишенного престола. Например, на печатях датских королей Кнута VI и Вальдемара II (1202–1241) (илл. 5, 49) три льва предстают без корон, а на печатях сына и соправителя Вальдемара Эрика IV (1232 и 1241 гг.) (илл. 50), а также шведского короля Эрика XI Эрикссона (1224 г.) – с коронами[35]. Трех коронованных львов, заключенных в щит, находим и на печати внука короля Вальдемара Биргерссона, рыцаря Вальдемара Эрикссона (1345 г.)[36]. Добавим к этому, что уже сам факт употребления Магнусом Биргерссоном в качестве короля Швеции герба Фолькунгов вместо герба, который носили два его предшественника на шведском престоле (Эрик Эрикссон и Вальдемар Биргерссон), свидетельствовал о сознательном желании Магнуса отказаться от принятия первого известного нам герба королей Швеции. Если бы он пожелал посредством старого королевского герба придать законность своему избранию на шведский престол, то он, скорее всего, не довольствовался бы только изображением на своей печати трех корон, по которым, к слову сказать, и невозможно было передать самую мысль о праве Магнуса на королевское звание, но перенял бы и герб брата. Поскольку же после Магнуса Биргерссона его королевский герб вместе с престолом унаследовал его сын, Биргер Магнуссон, за гербом их рода, а именно Фолькунгов, закрепилось и значение герба королей Швеции. Таким образом, толкование значения трех корон на печати короля Магнуса Биргерссона, предложенное Г. Зайлером и Х. Толлем, не можем признать удовлетворительным.

То, что лишь герб Фолькунгов признавался в последней четверти XIII и большей части XIV в. гербом короля Швеции, подтверждается также печатями других шведских королей этой династии: Биргера Магнуссона[37], Магнуса Эрикссона[38] и его сына Эрика XII (1357–1359)[39]. Вспомним, что и на печатях жены Магнуса Эрикссона, Бланки Намюрской, и жены Хокона Магнуссона, Маргреты, тоже был представлен герб Фолькунгов как символ короля Швеции. Если бы Магнус Эрикссон носил герб "три короны", что пытался

---

[34] В бытность свою еще герцогом Магнус Биргерссон, как свидетельствует его печать от 1275 г., носил герб, в котором восстающий лев представал без короны (*Scheffer C. G. U.* Sverige // Herald. Tidsskr. 1969. N 20. S. 470). Отсюда можно предположить, что, став королем, Магнус увенчал короной льва в своем гербе именно с целью подчеркнуть свое новое политическое положение.

[35] Известно также, что и восстающий лев в норвежском гербе вплоть до времени правления короля Эрика II (1280–1299) изображался без короны (*Fjordholm O.* Om opphavet til det norske løvevåpen // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 33).

[36] См.: *Raneke J.* Svenska medeltidsvapen. Lund, 1982. Bd. I. S. 22.

[37] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. II. Fig. 4–6, 12–19, 25–31.

[38] Ibid. Fig. 34–43, 46–48.

[39] Ibid. Fig. 49, 50. Отметим также, что в начале своего царствования печать с гербом Фолькунгов как символом короля Швеции употреблял король Альбрехт Мекленбургский (Ibid. Fig. 51).

доказать Ж. де Лой[40], то, по понятиям того времени, этот герб, несомненно, вошел бы в число тех гербов, с которыми должна была бы представляться на своих печатях и его королева.

К этому можно присовокупить еще один факт, обнаруженный в двух средневековых нидерландских гербовниках. В более раннем из них, а именно в Гельдернском, начало которому было положено около 1375 г., изображены рядом два гербовых щита: один большей, другой меньшей величины. Больший, четверочастный, сопровождаемый подписью на нидерландском языке "die coninc van Zweden" ("король Швеции"), заключает четыре герба (три короны и символы Мекленбурга, Шверина и Ростока). Несомненно, в данном случае нашему взору предстает составной герб короля Швеции Альбрехта Мекленбургского (1364–1389). Три короны в этом гербе указывают на самое высокое его звание, а именно на титул шведского короля, остальные же эмблемы суть гербы княжеств, находившихся под властью герцогов Мекленбургских. В щите меньшей величины находим изображение герба Фолькунгов, который присутствующая рядом надпись представляет как "die edel wapen van Zweden" ("старый герб Швеции") (цв. илл. 43). Такое же понимание эмблемы "три короны" и герба Фолькунгов обнаруживает и составитель Бергсхаммарского гербовника, восходящего к первой половине XV столетия. Здесь тоже видим изображенными рядом два гербовых щита: большой и маленький. Из них первый заключает три короны, и этот щит сопровождает подпись на нидерландском языке: "die coninc van Sweden". Второй содержит изображение герба Фолькунгов, и над этим гербом читаем надпись, сделанную на том же языке: "die oude wapen van Sweden" ("старый герб Швеции"). Из приведенных свидетельств, таким образом, видно, что создатели Гельдернского и Бергсхаммарского гербовников – нидерландские герольды – отразили бытовавшее в их время представление о том, что в старые времена, к которым можно отнести и годы правления Магнуса Эрикссона, символом Шведского государства являлась эмблема Фолькунгов, а герб "три короны" имел уже более позднее происхождение.

В пользу предположения, что три короны, изображенные на печати Магнуса Биргерссона, первоначально не имели значения герба шведских королей, надо полагать, свидетельствует и тот факт, что в конце XIII – первой половине XIV в. три короны представали и на других скандинавских памятниках, и не только шведских, но и датских. Так, на печати младшего современника Магнуса Биргерссона, короля Дании Эрика VI, бывшей в употреблении в 1287–1304 гг. (илл. 129), видим восседающего на троне увенчанного короной короля, справа и слева от которого изображено по одной короне[41]. Подоб-

---

[40] Ж. де Лой приписывает королю Магнусу герб: в синем поле три золотые короны (две над одной), который был изображен в числе других гербовых щитов на фризе во дворце кардинала Байоннского в Авиньоне около 1335 г. (*Loÿe G. de*. Op. cit. S. 155–171). Однако все доказательства, предложенные де Лойем, имеют только косвенный, предположительный характер. Но если даже и можно допустить, что под этим щитом с тремя коронами в Авиньоне подразумевали герб короля Швеции, еще не факт, что такой герб уже в действительности существовал. В Авиньоне его могли приписать шведскому государю на том основании, что видели три короны на шведских печатях и монетах, известных от первых десятилетий XIV в. (см. ниже).

[41] DKS. N 21 a.

Илл. 129. Печать Эрика VI, 1287–1304 гг.

ную композицию обнаруживаем и на печати соборного капитула шведского города Упсала (1310 г.)[42]; на ней с короной на голове предстает небесный покровитель Швеции св. Эрик, т.е. живший в XII столетии шведский король Эрик IX. Очевидно, что на этих двух печатях, как и на печати Магнуса Биргерссона, нашла свое материальное выражение одна и та же мысль, ибо фигуры королей и гербовый щит короля, по средневековым понятиям, допускавшим представление лица его символом, могли заменять друг друга.

Сохранились, кроме того, монеты, чеканенные, соответственно, в Дании при Эрике VI и в Швеции в конце 1330-х годов, на которых изображены три короны, переданные также без щитов. На одной датской монете, датируемой приблизительно 1290 г., короны расположены таким же порядком, как и в будущем гербе Швеции: две над одной и все в вертикальном положении[43]. На другой датской монете, равно как и на шведских, короны, обратив свои зубцы в разные стороны, образуют круг[44]. Высказывалось предположение, что три короны на шведской монете могли символизировать три страны, а именно Норвегию, Швецию и Сконе, в которых правил король Магнус Эрикссон[45]. Если, однако, этому суждению дать веру, то следует признать, что и три короны на датских монетах тоже служили символом трех королевств, находившихся под властью короля Дании. Но известно, что эти монеты датируются временем правления Эрика VI, который, будучи датским королем, не претендовал на короны других королевств. Поэтому возникает сомнение в том, что на указанных монетах три короны могли символизиро

[42] *Verwohlt E.* Sveriges Tre Kroner. S. 216.
[43] *Bartholdy N.G.* De tre kroner og korset... S. 233.
[44] *Loÿe G. de*. Op cit. S. 169.
[45] Ibid. S. 168–169; *Bartholdy N.G.* De tre kroner og korset... S. 234–235.

вать три королевства. К этому следует присовокупить, что в датской области Сконе никогда не было королевства, поэтому сконской короны, в отличие от корон Дании, Швеции и Норвегии, не существовало, как не существовало короны славянской, которая могла бы символизировать имя славян, присутствовавшее в титуле Эрика VI.

В самом деле, во всех документальных источниках, относящихся ко времени правления короля Магнуса Эрикссона в области Сконе (1332–1360), последняя всегда упоминается с именем "terra" ("земля"), тогда как к Дании, Норвегии и Швеции непременно прилагается слово "regnum" ("королевство", "государство").

Так, в договоре графа Иоганна III Гольштейн-Плёнского с королем Магнусом от 4 ноября 1332 г., по которому область (земля) Сконе переходила под власть шведского короля, речь идет о "terra Schania", находившейся под властью "coronae regni Daciae"[46]. Упоминание о "terra Scanie" как об одной из скандинавских областей обнаруживаем и в отчете (ок. 30 августа 1334 г.) Петра Гервасии, папского сборщика денария св. Петра "in regnis Dacie Suecie Gocie et Norwegie"[47]. Также папа Бенедикт XII, отклоняя прошение короля Магнуса об утверждении за ним права на владение Сконе (23 января 1339 г.) на том основании, что эта область является частью Датского королевства, говорит о "terra Skanie memorati regni Dacie"[48]. Да и сами шведские короли Магнус (в 1340 г.) и его сын Эрик XII (в 1356 г.) в своих грамотах, в которых подтверждались вольности и привилегии жителей Сконе, ведут речь о "terra Scanie"[49].

Ссылки же на то, что в нескольких подлинных грамотах король Магнус Эрикссон предстает как "rex Swecie, Norwegie et Scanie", нельзя принять за убедительный довод, ибо здесь мы имеем дело только с личным, а именно королевским титулом Магнуса: имея титул короля Швеции и Норвегии, он само собой титуловался и королем Сконе. Отдельного же звания "короля Сконе", передававшегося вне связи с титулом короля Швеции и Норвегии, памятники письменности той поры не знают. То, что Магнус являлся королем в Сконе в силу только своего личного титула, но при этом не был королем "королевства Сконе", поскольку такового не существовало, прекрасно подтверждается другими документами. В целом ряде подлинных грамот 1336 и последующих лет он обозначен как "regnorum Swecie et Norwegie terreque Scanie rex" ("королевств Швеции и Норвегии и земли Сконе король")[50]. И лишь в одной грамоте 1336 г., сохранившейся в списке, в приведенной формуле отсутствует слово "terra"[51], что можно объяснить единственно недосмотром писца.

Таким образом, существовала датская корона, и область Сконе как составная часть Дании была этой короне подвластна. А если не было "Сконского королевства", то, вне всякого сомнения, не могло быть и "короны королевства Сконе", вследствие чего эта несуществующая "сконская корона"

---

[46] DD. R. 2, bd. 10. N 403. Граф Иоганн по договоренности с королем Дании Кристофером II владел Сконе на правах залогового лена, каковые права он теперь и уступал за деньги королю Магнусу.

[47] Ibid. Bd. 11. N 152.

[48] Ibid. Bd. 12. N 136.

[49] DRL indtil 1400. N 24, 29.

[50] DD. R. 2, bd. 11. N 279, 315, 317; Bd. 12. N 187.

[51] Ibid. Bd. 11. N 261.

не могла находить своего образного, художественного воплощения на печатях и монетах. Такой ход мысли основываем на том факте, что средневековое сознание не было склонно к абстрактному мышлению. Поэтому средневековый человек воспринимал отвлеченные понятия через их материально образные и непременно типические знаки. Представления об этих знаках, однако, складывались на основе обобщений родовых свойств конкретных предметов дольнего мира, в то же время воспринимавшихся как подобия в идеале существующей вещи. В Средние века корона того или иного короля и воспринималась именно как типический образ идеального прообраза-понятия, который служил символом Царя Небесного и горнего царства-королевства, являвшего себя типически в конкретных земных королевствах. Отсюда проистекало то, что только королевства и носители королевского звания символизировались коронами.

Говоря же о трех коронах на монетах Эрика VI, мы должны вспомнить и о трех коронах, изображенных на его печати, и задаться вопросом о связи между теми и другими. Тот же вопрос, несомненно, оправдан и в отношении трех корон на шведских печатях и монете. И, если мы вспомним, что в XIII столетии в западноевропейском мире вошло в обыкновение эмблему "три короны" воспринимать в качестве символа трех волхвов, или трех королей (царей), явившихся на поклонение младенцу Христу, ответ здесь, вероятно, может быть только один: на вышеупомянутых шведских и датских печатях и монетах присутствовало изображение религиозного символа[52].

Этот символ трех волхвов-королей (царей) на монетах и печатях, имевший своим прообразом три золотые короны, которыми в XII–XV столетиях в средневековой западноевропейской живописи, в том числе скандинавской, вошло в обыкновение увенчивать главы этих евангельских персонажей[53], как и любой другой религиозный символ, конечно, мог принимать и значение герба. Так и случилось, когда умозрение средневекового человека сделало три короны эмблемой городской общины Кёльна[54]. Но, подоб

---

[52] С конца XIII в. эмблема "три короны" вообще получает распространение в странах Западной Европы, вероятно, именно вследствие того, что являлась христианским символом. Около 1280 г. она была представлена на щите одного французского рыцаря. Щит с шестью лилиями в окружении трех корон обнаруживается на печати бальи Монтань д'Овернь (Montagnes d'Auvergne) во Франции (1303 г.). В 1296 г. печать с тремя коронами употреблял краковский епископ. Три короны над щитом с тремя львами предстают также на футляре печати короля Англии Эдуарда II (1319 г.). Еще раньше, в 1299 или 1300 г., войско его отца Эдуарда I выступало под знаменем с тремя коронами как символом св. Эдмунда (*Seitz H.* De tre kronorna. S. 123).

[53] *Покровский Н.В.* Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001. С. 227–228. В Дании самое раннее изображение Святых Трех Королей (*De Hellige Tre Konger*) с золотыми коронами на головах обнаруживается в стенных росписях Кельдбюской (Keldby) церкви, датируемых приблизительно 1275 г. (*Saxtorph N.M.* Jeg ser på kalkmalerier: Alt hvad der findes i danske kirker. 3. udg. Kbh., 1979. S. 198). Примечательно, что изображенные на этой фреске короны того же типа, что и короны, которые несколько времени позже были представлены на датских и шведских нумизматических и сфрагистических памятниках.

[54] Кёльн являлся тем местом, где с 1164 г., после перенесения их из Милана по воле императора Фридриха Барбароссы, хранились останки трех волхвов, чем, очевидно, и следует объяснять принятие их символов – трех корон в качестве эмблемы этого города в конце XIII в. (*Seitz H.* De tre kronorna. S. 31–32).

по другим религиозным символам, три короны могли становиться гербом и отдельных лиц. Именно этот символ, возможно, стал приписываться королю Артуру[55] и, по мнению Х. Зайтца[56], к которому присоединяемся, был принят в качестве нового шведского герба королем Альбрехтом Мекленбургским (1364–1389). Произошло это вскоре после вступления Альбрехта на престол, как свидетельствует его печать, бывшая в употреблении с 1364 г.[57]

---

[55] Примечательно, что в сочинениях более древних писателей королю Артуру приписывалась другая эмблема, но тоже религиозная, – образ Богоматери. Так, англосаксонский историк Ненний в начале IX в. помещал "образ святой присной девы Марии" (*imaginem sanctae Mariae perpetuae virginis*) на плечах Артура. Другой английский писатель, который, вероятно, использовал сочинение Ненния, Гальфрид Монмутский, в "Истории бриттов" (ок. 1136 г.), описывает "образ святой Марии Богородицы" (*imago sanctae Mariae Dei genitricis*) уже на щите Артура, повешенном на его плечах. Современник и соотечественник Гальфрида, историк Уильям Мальмсберийский в "Деяниях англов" (1125 г.) также, опираясь, очевидно, на сообщение Ненния, представляет Артура с "imagine Dominicae matris", который король бриттов носил на своем "оружии" (*armis*). А уже из произведений английских историков, скорее всего, из сочинения Гальфрида, о такой эмблеме Артура почерпнул сведения и нормандский поэт Вас, писавший в середине XII в. Что касается трех золотых (или серебряных) корон в синем поле, то эта эмблема за королем Артуром была закреплена только около 1300 г. (*Seitz H.* De tre kronorna. S. 66; *Brault G.J.* Early Blazon: Heraldic Terminology in the twelfth and thirteenth Centuries with special Reference to Arthurian Literature. Oxford, 1972. P. 24, 44). Авторы английских геральдических трактатов позднего Средневековья приписывали создание герба "три золотые короны в синем поле" (*tres coronas aureas in campo asorio*) легендарному королю бриттов Белину. Автор "Трактата о гербах" сообщает, что этот герб Белин принял после покорения Франции, Германии, Италии и Греции (Tractatus de armis. P. 207). Н. Аптон прибавил, что Белин "носил три золотые короны в синем поле, потому что он был три раза и в разных королевствах трижды коронован" (*portavit Tres Coronas Aureas In Campo Azorio, quia ipse fuerat trina vice, et in diversis Regnis ter coronatus*) (*Nicolai Vptoni* de Studio militari Libri Quatuor. *Iohan. De Bado Aureo* Tractatus de Arinis. *Henrici Spelmanni* Aspilogia / Ed. E. Bissaecus. L., 1654. P. 127). По сообщению автора "Трактата о гербах", этот герб затем носили другие короли бриттов, вплоть до Утера Пендрагона, который взял себе новый герб: "двух зеленых драконов, коронованных красными коронами, повернутых друг к другу спинами в золотом поле" (*duos dracones virides coronis rubeis coronatos terga adinvicem vertentes in campo aureo*). "Тот же герб и предыдущий носил король Артур" (*Que arma et priora portavit rex Arthurus*), сын Утера (Tractatus de armis // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943. P. 207). Заметим, что Гальфрид Монмутский о названных гербах Белина, Утера Пендрагона и Артура не упоминает. Он говорит только о "драконе", который использовался королем Артуром вместо знамени и как знак на шлеме (*Гальфрид Монмутский.* История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 99, 116, 119).

[56] *Seitz H.* Tre kronor... S. 60–72.

[57] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. II. Fig. 55; *Verwohlt E.* Sveriges Tre Kroner. S. 215. Отметим также, что в гербах три короны волхвов могли принимать различное положение. Так, в гербе Кёльна, датируемом серединой XIV в., короны были расположены в один горизонтальный ряд, все в вертикальном положении (См.: Ibid. S. 220). В гербе же короля Артура они могли размещаться обычным порядком или представать одна над другой, образуя композицию в виде столба, или, как ее называли английские геральдические писатели позднего Средневековья, "tres coronas palatas" (*Nicolai Vptoni* de Studio militari. P. 128). Как свидетельствуют автор "Трактата о гербах" и Н. Аптон, в их время в Англии верили, что герб "три золотые короны столбом в красном поле" якобы носили короли Англии из датской династии: Свен, Кнут и Хардекнут. Эту композицию из трех корон обнаруживаем также в гербовых щитах короля Артура, переданных, например, на так называемом "Ковре Тристана"

Откуда, однако, у Альбрехта или шведских вельмож, которые избрали его королем, возникла мысль принять эмблему "три золотые короны в синем поле" в качестве герба короля Швеции? Ответить на этот вопрос, по нашему мнению, помогает иконография печати, которую вскоре после низложения Эрика Померанского в 1439 г. стал использовать Государственный совет Швеции. На этой печати в сопровождении легенды "Святой Эрик, король Шведов (Свеев) и Ётов (Готов). Печать королевства Швеции" тоже был помещен щит с тремя коронами (две над одной, как на печати Альбрехта), удерживаемый изображенным во весь рост воином – образом св. Эрика[58]. Смысл данной композиции заключался в том, чтобы указать на принадлежность щита с тремя коронами св. Эрику. Иными словами, в 1439 г. шведы воспринимали герб "три короны" в качестве личного герба их самого почитаемого святого, который считался к тому же небесным покровителем Швеции. Этими обстоятельствами, по всей видимости, и следует объяснять тот факт, что на "печати королевства Швеции" был изображен образ святого короля Эрика с его гербом. Но мы видим, что св. Эрик на упомянутой печати величается также "королем Шведов и Ётов", чем, вероятно, подчеркивалось его вечное царствование над "Шведами и Ётами" Это вполне объяснялось его положением вечного святого покровителя Швеции, а, следовательно, и его герб рассматривался в качестве вечного герба королевства Швеции. А если так, то и каждый король Швеции, временно занимавший шведский престол, как, по-видимому, мог рассуждать швед той поры, непременно должен был носить герб св. Эрика. Первым таким "временным" шведским королем, принявшим герб св. Эрика, вероятно, и был Альбрехт Мекленбургский.

Что же касается причины, которая побудила Альбрехта или, что вероятнее, шведских вельмож, избравших его на королевский престол, приписать св. Эрику герб "три короны", чтобы он тем самым стал гербом короля и королевства Швеции, то, возможно, ее следует искать в иконографии упомянутой выше печати соборного капитула Упсалы. Размышляя над тем, какой герб должен носить их новый король, ибо герб низложенной династии Фолькунгов был, как свидетельствуют факты, отвергнут вместе с его носителями, шведы обратили внимание на эту печать, на которой образ св. Эрика предстает в окружении трех корон. Эти три короны, вероятно, как символы Трех Святых Королей (Волхвов) они и заключили в щит, с тем, чтобы в дальнейшем сей герб принадлежал св. Эрику. Самая же мысль о создании герба для этого святого, несомненно, имела своим источником умонастроение, которое господствовало в западноевропейском мире позднего Средневе

("Tristanteppich") из немецкого монастыря Винхаузен (Wienhausen), сотканном около 1300 г. (*Neubecker O.* Le grand livre de l'heraldique: L'historie, l'art et la ceience du blason. P. 1976. S. 32–33; *Scheffer C.G.U.* Det kungliga mönstret... S. 57–62), и в стенной росписи Дроннинглундской (Dronninglund) церкви (Дания), датируемой 1500–1520 гг. (*Lassen E.* Fra runesten til alter tavle ca. 900–1500. Kbh., 1972 (DKH. Bd. 1). S. 361–363). Любопытно в этой связи отметить, что в Гельдерском гербовнике три короны в гербе короля Швеции Альбрехта Мекленбургского представлены двумя композициями: в щите две короны расположены над одной, а на знаменах, которыми украшен гербовый шлем, они все изображены в столб.

[58] "Sanctus ericus svevorum gothorum rex. Sigillum regni Suecie" (SK. N 20).

ковья, ибо в это время, в XIV–XV вв., как известно, гербы измышлялись и для других святых[59].

Илл. 130. Тайная печать, которую употребляла королева Маргрета в 1390–1393 гг.

Возвращаясь к составным гербам Эрика Померанского, заметим, что в них три короны расположены таким же образом, как и на щите св. Эрика и, соответственно, короля Альбрехта, – две над одной и все три в вертикальном положении. Однако на первой печати Эрика, употреблявшейся им в качестве короля Дании, Швеции и Норвегии после заключения Кальмарской унии, во всяком случае, еще в августе 1398 г., с гербами, заключенными в отдельных щитах, обнаруживаем, что на одном из этих щитов три короны образуют иную композицию. Вертикальное положение здесь занимает только нижняя корона, а две верхние наклонены соответственно вправо и влево. И эта эмблема к тому времени тоже уже имела свою историю, хотя и весьма короткую.

Впервые щит с такой эмблемой появился на печати с легендой, состоявшей из пяти слов "secretum" (илл. 130). Ею от имени правительницы трех скандинавских государств королевы Маргреты скреплялись документы в Швеции (с 27 июня 1390 г.) и Дании (с 14 декабря 1391 г.); причем в самих грамотах Маргрета представлялась как "Божией милостью королева Швеции и Норвегии и истинная наследница и государыня королевства Дании"[60]. Очевидно, данная печать предназначалась для употребления в Швеции, Дании и, вероятно, в Норвегии, в которых незадолго до того, в 1387–1388 гг., Маргрету провозгласили правительницей. Но в легенде печати отсутствует какое-либо имя – человека или страны, из чего можем заключить, что эта печать не рассматривалась в качестве знака, который указывал бы на лицо или страну. Следовательно, изображенная на ней эмблема, надо полагать, тоже не имела значения родового или личного герба или герба как символа короля Швеции. В самом деле, Маргрета не была царствующей королевой[61],

---

[59] То, что в конце XIII – XIV в. существовал обычай наделять святых королей щитом с тремя золотыми коронами в синем поле, свидетельствуется тем фактом, что, например, в это время в Англии аналогичный герб приписывался англосаксонскому королю св. Эдмунду (*Seitz H.* De tre kronorna. S. 52–56). Гербовый щит с этой эмблемой, по свидетельству английского гербовника "Sir William le Neve's Roll" (ок. 1306 г.) (цв. илл. 1), также "принадлежал" другому англосаксонскому королю, причисленному к лику святых, Эдуарду Исповеднику (*le rei seint edward*) (Rolls of arms. Edward I (1272–1307) / Ed. by G.J. Brault. Woodbridge, 1997 (Aspilogia, being materials of heraldry; 3). P. 513.

[60] "Margrethe meth Guths nathe Swerikis oc Norgis drotning oc ret arwing oc førstinnæ rikes i Danmark" (SK. N 10). Эта печать употреблялась в Дании, по крайней мере, еще 6 июля 1393 г. (Ibid.).

[61] Надо помнить, однако, что титул "королевы Швеции и Норвегии" Маргрета носила только в силу того обстоятельства, что являлась женой и впоследствии (с 1380 г.) вдовой Хокона, короля Норвегии и Швеции. И когда она являлась правительницей в этих двух королевст-

а потому не могла носить гербы королей Дании, Норвегии и Швеции как правительница. К тому же в Средние века женщины могли носить только гербы родителей и мужа, о чем выше уже говорилось. И мы помним, что те гербы, которые Маргрета могла использовать на своих печатях, и которые мы действительно обнаруживаем на ее личной печати, датируемой 1375–1376 гг., представали только в значении гербов ее отца, отца ее матери и мужа[62].

Таким образом, принимая во внимание тот факт, что печать с тремя коронами предназначалась для употребления в Швеции, Дании и, возможно, в Норвегии, т.е. в тех королевствах, в которых правительницей была объявлена Маргрета, можем предположить, что на этой печати три короны имели лишь значение символов трех скандинавских королевств. Идея о создании такой эмблемы возникла у Маргреты или в ее окружении потому, что в период междуцарствия в Дании, Норвегии и Швеции нельзя было посредством гербов отразить мысль о регентском правлении Маргреты в этих трех королевствах. Поскольку же к тому времени в Швеции королевским гербом уже считались три короны, то, чтобы вновь созданная эмблема как-то отличалась от шведского герба, в ней две верхние короны и решено было изобразить наклоненными: одну в правую сторону, другую – в левую.

То, что королевская корона и раньше, уже в XIII–XIV вв., могла выступать в роли символа власти скандинавских королей и королевств, подтверждается присутствием корон вместо гербового щита на печатях правивших в эти столетия королей Дании и Швеции. Со значением символа королевства Дании корона, несомненно, предстает и на той печати, которая предназначалась для датских судов в период междуцарствия, последовавшего после смерти короля Олафа (1387 г.), на что указывает ее легенда: "SIGILLUM REGNI DACIE AD CAUSAS" (илл. 67). Ее обнаруживаем при документе, датируемом 1388 г., который тоже был издан в период междуцарствия от имени правительницы Маргреты[63].

Такую же эмблему, что и на печати Маргреты 1390–1393 гг., находим на малой печати короля Эрика, которая употреблялась в Дании (1403–1436), Швеции (1403–1423) и Норвегии (1421 г.)[64] (илл. 131). На этой печати три короны тоже заключены в щит, но последний, в отличие от щита, изображенной на печати Маргреты, предстает поверх креста[65]. Кроме того, она содержит в легенде указание имени и титула ее владельца: "SECRET[UM] ERICI DEI GRA[CIA] REGN OR[UM] DACIE SUECIE NORWEGIE SCLAUOR[UM] GOTHOR[UM] Q[UE]

вах, этот титул продолжал ею употребляться все по той же причине. В качестве правительницы Швеции Маргрета окончательно утвердилась только в 1389 г., после победы, одержанной ее войском при шведском селении Осле (24 февраля 1389 г.) над армией короля Альбрехта, который при этом был пленен. Изготовление данной печати, вероятно, следует отнести ко времени после битвы при Осле.

[62] См.: с. 243–244.

[63] DKS. N 54. В этом документе Маргрета титулуется как "dei gracia regina norvegie et suecie ac vera heres et princeps danorum sclauorum et gothorum" ("Божией милостью королева Норвегии и Швеции, а также истинная наследница и государыня Датчан, Славян и Готов").

[64] DKS. N 62.

[65] Такая же эмблема была вырезана (1420-е годы) на кресле, находившемся в церкви фарерского селения Киркебё.

REGIS ET DUC[IS] POMERAN[IE]" (тайная печать Эрика Божией милостью королевств Дании, Швеции, Норвегии, а также славян и готов короля и герцога Померании). Как можно догадываться, и в данном случае три короны символизируют три королевства, обозначенные в титуле Эрика[66].

Илл. 131. Тайная печать Эрика Померанского, 1403 г.

Отсюда можно предположить, что та же эмблема была изображена и на первой большой печати короля Эрика, изготовленной после заключения Кальмарской унии. В пользу данного предположения обычно приводится и тот довод, что самая мысль о расположении щита с этой эмблемой на груди восседающего на троне короля могла проистекать из желания подчеркнуть назначение данной "эмблемы" служить символом союза трех скандинавских королевств, чьи короны носил один король. Но в этом суждении не можем не обнаружить противоречие с умозрением средневекового человека. Действительно, трем коронам придается значение "герба унии" (*unionsvåben*)[67] трех королевств, т.е. герба такого понятия, которое не обозначалось каким-то конкретным материальным предметом, не вызывало зрительный образ. Другими словами, в конце XIV в. не мог существовать герб, который символизировал бы политический союз как явление. Следует помнить, что в изучаемую эпоху герб воспринимался в качестве эмблемы конкретной чувственной индивидуальности; а политический союз, сам по себе, такой индивидуальностью, очевидно, никак не являлся. Кроме того, заметим, что, когда создавалась печать с изображением щита с тремя коронами, которая употреблялась в годы правления Маргреты в Дании, Норвегии и Швеции (1390–1393), унии между тремя скандинавскими королевствами еще не существовало. Поэтому три короны в начале 1390-х годов никак не могли быть "союзным гербом". А между тем не вызывает сомнения, что щит с тремя коронами, изображенный и на груди образа короля Эрика Померанского на его первой большой печати и на его "secretum", ведет свое происхождение именно от композиции, созданной еще в 1389 или 1390 г. для передачи ее на печати королевы Маргреты. Об этом свидетельствует одинаковое расположение корон на всех трех печатях. Исходя из этого, вероятно, правильнее будет толковать три короны на упомянутых только что печатях не как герб, а как композицию со следующим символическим значением: три короны здесь выступают символами трех конкретных королевств, находившихся под властью одной правительницы или одного короля, и не более. Эти символы, конечно, не могли войти в составной герб короля

[66] Титул герцога Померании корона не могла символизировать по той причине, что в Средние века герцоги и графы не имели корон как символов их герцогского и графского статуса (см. с. 345–347).

[67] *Bartholdy N.G.* De tre kroner og korset... S. 240–241.

Эрика, впервые представленный на его второй большой печати, поскольку в то время такой герб мог включать только гербы правителей конкретных государств, владений, земель. Кальмарская уния, как и все другие средневековые унии, имела личный характер, т.е. была союзом государств, который находил свое воплощение через лицо одного государя. Стало быть, из гербов Эрика, заключенных в один щит, составилась эмблема, которая наглядно символизировала его личный статус короля одновременно трех союзных королевств – Дании, Швеции и Норвегии.

Что же касается трех вертикально расположенных корон в различных составных гербах короля Эрика, то в этой композиции трудно не признать герб короля Швеции. И главный довод в пользу такого суждения обнаруживается в брачном гербе королевы Филиппы, изображенном на ее печати. Как мы помним, в правой половине этого герба присутствовали четыре эмблемы, разделенные крестом. И если мы соотнесем эти эмблемы с титулом Филиппы, которая вслед за своим мужем называлась королевой Дании, Швеции, Норвегии и герцогиней Померании, то обнаружим, что упомянутые страны в титуле перечислены в той последовательности, в какой расположены на щите их гербы. Первое поле отведено для датских трех львов, второе для трех вертикально расположенных корон, третье – для норвежского льва и четвертое – для померанского грифа. Очевидно, что три короны здесь могут служить только символом короля Швеции, а следовательно, и Шведского государства, но никак не союза трех королевств.

Впрочем, во второй половине XIV в. три короны как герб короля Швеции не получили признания у представителя династии Фолькунгов короля Норвегии и Швеции Хокона Магнуссона и его жены Маргреты Датской, как видно из того, что они иллюстрировали свои титулы соответственно "король Швеции" и "королева Швеции" старым шведским гербом.

В качестве символа короля Швеции герб Фолькунгов, вероятно, под влиянием королевы Маргреты, был помещен в отдельном щите и на первой печати Эрика Померанского, созданной после заключения Кальмарской унии, а именно той, на которой щит с тремя коронами был представлен на груди короля. К такому заключению нас побуждает то обстоятельство, что на этой печати отсутствует эмблема с тремя вертикально расположенными коронами. Но уже на второй большой печати Эрика в его составном гербе три вертикально изображенные короны представлены во втором поле, а герб Фолькунгов – в третьем. Надо полагать, что тем самым была выражена мысль о достигнутом примирении двух точек зрения относительно того, какую из двух эмблем должно считать символом короля Швеции. Решили, что обе эмблемы достойны того, чтобы исполнять такую роль, хотя "первенство чести" все же было сохранено за "Tre Kronor", как можно заключить на основании того, что последней эмблеме было отведено более почетное поле. Подтверждением того, что в сознании шведов за гербом Фолькунгов в царствование Эрика Померанского начало утверждаться значение "младшего" или, как сказано в Гельдернском гербовнике, "старого" шведского герба, находим в составных гербах королей Швеции Карла VIII Бунде (1448 г.) и Густава I Вазы (1523 г.)[68]. Кроме родовых эмблем Карла и Густава, заключен

[68] *Tratteberg H.* Riksvåpen og kongevåpen. Generelt. Norge // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 281–282.

ных в щитке, в этих составных гербах видим в главном щите три короны, размещенные в первой и четвертой четверти, и эмблему Фолькунгов во второй и третьей четверти[69]. В гербе же королей Дании, наследовавших Эрику Померанскому, гербу Фолькунгов уже не нашлось места.

Помимо вышеописанных составных гербов королю Эрику приписывается еще один многочастный герб, который, судя по тому, что он не изображался на печатях, скорее всего, не имел характера официальной эмблемы. Речь идет о гербе, которым в годы правления этого короля было украшено кресло в Киркебёской церкви, расположенной на одном из Фарерских островов (илл. 34). Здесь тоже видим разделенный крестом четверочастный щит, на который наложен щиток, заключающий, однако, не норвежского льва с секирой, как на второй печати короля Эрика, а померанского грифа, т.е. родовую эмблему Эрика.

Таким образом, мы наблюдаем тут зарождение традиции, получившей впоследствии свое развитие при королях из Ольденбургской династии, когда родовая эмблема царствующего дома помещалась в щитке.

Необычным выглядит в этом гербе и состав эмблем, которые заключены в главный щит. В нем, помимо трех корон и норвежского восстающего льва с секирой, расположенных соответственно во второй и четвертой четверти, представлены две эмблемы “три льва”, которым отведены первая и третья четверть. И можно догадываться, что присутствие в этом составном гербе двух похожих эмблем объяснялось тем, что они призваны были символизировать разные государства. К такому выводу приходим еще и потому, что львы, которые помещены в первой четверти, имеют головы в профиль, а расположенные под ними в третьей четверти – анфас. Одним из этих государств, конечно, была Дания, а вторым принято считать Англию, именно на том основании, что супругой Эрика являлась дочь короля Англии. Причем английской эмблемой признаются три льва из третьего поля, что не бесспорно, ибо каких-либо убедительных фактов для доказательства такого отождествления из самого изображения обеих эмблем почерпнуть нельзя. Конечно, во всех официальных гербах короля Эрика эмблеме Дании отводилось первое место, но в тех же гербах обнаруживаем львов непременно с головами, обращенными анфас. В то же время в гербе королевы Филиппы, состоящем из гербов ее мужа и отца, датские и английские львы изображены совершенно одинаковым образом и, между прочим, все с головами в положении анфас.

Но, какое бы поле эмблема Англии в этом гербе ни занимала, самая причина присутствия ее в многочастном гербе короля Эрика Померанского вызывает отдельный интерес. Однако он не может быть вполне удовлетворен вследствие отсутствия каких-либо указаний в источниках о том, по чьей воле был создан этот герб: самого ли короля или неизвестного лица, и какой мыслью руководствовался его создатель, внося в него эмблему Англии. Сле-

---

[69] Нельзя исключать, что присутствие одновременно трех корон и герба Фолькунгов в одном из составных гербов Эрика Померанского, которые позднее наблюдаем и в четверочастных гербах Карла VIII, Густава Вазы и последующих шведских королей, явилось следствием зародившейся в начале XV в. у шведов мысли о том, что “новый” и “старый” гербы Швеции должны символизировать две главные области, образовавшие Шведское государство: три короны – Свеаланд, страну свеев, а герб Фолькунгов – Ёталанд, страну ётов.

довательно, остается строить лишь предположения о происхождении составного герба, изображенного на кресле из Киркебё. Так, вместе с другими исследователями можем допустить, что внесением эмблемы Англии в герб скандинавского короля хотели просто сделать указание на супружеские отношения Эрика и английской принцессы. Но в таком случае на основе этого умозаключения можно сделать вывод, что составной герб из Киркебё приписывался или королю Эрику, или его супруге. Имеет право на существование и другое предположение, а именно то, что этот герб мог символизировать притязание Эрика на престол Англии. Такое притязание не только могло проистекать из того факта, что Эрик был женат на Филиппе, но и явиться следствием той политической идеи, возможно, унаследованной Эриком от прежних королей Дании (последним в их ряду был Вальдемар Аттердаг[10]) которая в XI–XIV вв. не раз воодушевляла датских королей предъявлять претензии на английскую корону. Если второе предположение верно, хотя оправдать его фактами, почерпнутыми из письменных источников, нет возможности, тогда мы имеем здесь дело с так называемым "гербом притязания" Сама же мысль о внесении такого герба в составной герб короля Эрика могла быть позаимствована из той же Англии, короли которой со времени Эдуарда III взяли за правило помещать в своем составном гербе эмблему короля Франции в качестве именно "герба притязания"

Составной герб из Киркебё вызывает интерес еще и загадкой, которую задает эмблема "три короны". В самом деле, две верхние короны в этой эмблеме предстают здесь повернутыми соответственно вправо и влево, т.е. так же, как и в эмблеме, которая служила символом трех скандинавских королевств, тогда как во всех других составных гербах Эрика, о чем выше говорилось, эти две короны изображались в вертикальном положении. Такой вид эмблемы "три короны" в рассматриваемом составном гербе короля Эрика может дать основание для того, чтобы толковать представленные в ней короны как символы трех скандинавских королевств. Однако это толкование вряд ли можно считать правильным, ибо, как выше отмечалось, в позднее Средневековье, согласно тогдашнему умозрению, в составных гербах могли помещаться только эмблемы, служившие символом государей, их государств и земель, в которых эти государства находились.

Кроме того, если признать три короны в этой эмблеме символами трех королевств, то тогда становится непонятным, почему в изучаемом гербе, при наличии в нем эмблем королей Дании и Норвегии, а также герцога Померании, отсутствует эмблема короля Швеции. Поэтому можем с большой долей уверенности предположить, что в данном случае имеем дело с тремя коронами как гербом шведского короля, каковой герб лишь по недоразумению был передан в виде символов трех королевств. Это недоразумение могло иметь своим источником ошибочное суждение мастера или его непосредственного заказчика по поводу смыслового содержания известной им эмблемы "три короны": фарерцы могли воспринимать эмблему с двумя наклоненными коронами в качестве герба Швеции. Впрочем, нетрудно обнаружить и сам источ

[10] *Антонов В.А.* Дания и Столетняя война (50-е гг. XIV в.) // Тез. докл. XIII конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М., Петрозаводск, 1997. С. 118–120.

ник, приведший к неправильному изображению шведской эмблемы в составном гербе из Киркебё. На том же кресле, на котором вырезан этот герб, присутствует изображение эмблемы, уже известной нам по тайной печати короля Эрика: крест и обременяющий его щит с тремя коронами, две из которых (верхние) имеют наклонное положение. Таким образом, можем заключить, что именно эта тайная печать Эрика и дала художественный образец, по которому воспроизводился герб Швеции в составном гербе из Киркебё.

Составные гербы Эрика Померанского также имели одной из своих фигур крест, обычно отождествляемый со знаком датского крестового знамени, за которым, вероятно, поначалу у иноземцев, во второй половине XIV – XV в., а затем и у датчан, уже в Новое время, утвердилось имя "Даннеброга" Существует и другая точка зрения, высказанная Н. Бартольди, согласно которой крест в составных гербах Эрика Померанского являлся символом Кальмарской унии и знаком союзного крестового знамени[71]. Действительно, может возникнуть сомнение в том, что в многочастном гербе, которым выражалась идея подчинения трех скандинавских королевств одному государю, присутствовал символ только одного из этих королевств. Такое сомнение может еще больше укрепиться вследствие того, что на упоминавшейся малой печати короля Эрика (1403 г.) крест обременен щитом с тремя коронами – символами, как мы выше пытались показать, трех королевств, находившихся под властью одного правителя. Однако не будем спешить соглашаться с этими выводами. Прежде постараемся разобрать доводы, на которых их авторы основывались.

Начнем со второй точки зрения. По мнению Н. Бартольди, крест, изображенный на малой королевской печати 1403 г. и представленный в составных гербах Эрика Померанского, являлся знаком крестового знамени, которое Эрик Померанский якобы употреблял будучи королем трех скандинавских государств. Этот крест, который Н. Бартольди называет "крестом унии" (*unionskors*), согласно выводу датского исследователя, мог быть красным в золотом поле. Данный знак ученый отождествляет с красным в золотой окантовке крестом, которым поделен на четыре четверти гербовый щит на скульптурной статуэтке короля Швеции и Норвегии Карла VIII Кнутссона, созданной Б. Нотке. Кроме креста в этом четверочастном щите Карла представлены гербы: в первой и четвертой четверти – Швеции, во второй и третьей – Норвегии. Тем самым, полагает Н. Бартольди, Карл Кнутссон хотел подчеркнуть, что он является законным преемником первого союзного короля Дании, Норвегии и Швеции. Следовательно, красно-золотой крест в гербе короля Карла имел значение "креста унии", который ранее изображался на печатях и знаменах короля трех скандинавских королевств Эрика Померанского.

Но предположение о тождестве цветов креста в составном гербе Карла Кнутссона и креста в гербах его предшественников на престолах Швеции и Норвегии и, как следствие, о тождестве значения этих крестов имеет под собой весьма непрочное основание в данных источников. Свой первый довод Н. Бартольди основывает на том, что в составном гербе Эрика Померанского, изображенном на его большой печати, представлены два креста. Один

---

[71] *Bartholdy N.G.* De tre kroner og korset... S. 241–253.

делит главный щит на четверти, второй передан на знамени, древко которого держат в лапах три льва эмблемы Дании. Из этого факта делается вывод, что крестовое знамя в датской эмблеме – это Даннеброг, а крест, делящий щит на четверти, – "крест унии". Но на этот вывод можно возразить вопросом: почему в других составных гербах короля Эрика присутствует только один крест – тот, который делит щит на четверти. Н. Бартольди никак не объясняет это обстоятельство. По нашему же мнению, ответ следует искать в том, что в составном гербе Эрика Померанского, изображенном на его большой печати, оба креста мыслились как знаки одного крестового знамени, того, которое представлено в эмблеме Дании. Этот составной герб был первым у короля Эрика, поэтому при его создании, возможно, возникла идея дать точное указание об источнике большого креста. Бесцветное изображение герба на печати, по которой преимущественно узнавали о содержании этого герба, по-видимому, подталкивало именно к такому наглядному выражению мысли о происхождении креста, делившего щит на четверти.

Другие доводы относительно создания в конце XIV в. "креста унии" Н. Бартольди основывает на письменных свидетельствах, которые содержатся в двух грамотах короля Эрика Померанского, датируемых 1430 г. В них говорится, что священники из Вадстены и Кальмара во время богослужения должны носить на своей одежде "знамя государства, а именно красный крест в золотом поле" (*rykins/rykens baner swa som ær eth røth kors oppa eth gulth fiæld* и *rikesens baneer swa som ær eth røth kors vti eth gult feld*). Н. Бартольди считает, что в этих текстах, написанных на древнедатском языке, слово "rykins/rykens/rikesens", употребленное в родительном падеже, имеет форму не единственного числа, а множественного, а потому выражение "rykens/rikesens baner/baneer" следует переводить как "знамя государств"[72].

Действительно, в памятниках скандинавской письменности той эпохи слово "rykens/rikesens" могло использоваться со значением множественного числа, как, например, это имело место в акте о заключении Кальмарской унии (Unionsbrevet) 1397 г., на который и делает ссылку Н. Бартольди[73]. Однако можно привести и многочисленные примеры, обнаруживаемые в документах XIV–XV вв., когда те же слова употреблялись, вне всякого сомнения, со значением единственного числа. Так, в датском переводе хондфестинга короля Олафа (1376 г.), сделанном в XV в., находим выражение "без совета и согласия лучших людей государства" (*vthen meth righens bestæ mentz rath oc samthycke*)[74]. Доказательство того, что в данном случае слово "righens" употреблено в единственном числе, обнаруживается в том факте, что в хондфестинге содержатся законоположения, относящиеся только к Дании. Кроме того, в латинском оригинале этого памятника, сохранившемся в подлиннике, слово "государство" (*regnum*) представлено в форме родительного падежа единственного числа: "nisi cum consilio et consensu regni pociorum"[75]. В перево

---

[72] Ibid. S. 245–247.

[73] В этом акте содержатся, например, следующие выражения: "meth allæ thryggiæ rikesens goth wilghæ oc fulkomlicæ samthyct" ("по доброй воле и с полного согласия всех трех государств"), "alle thry riken", "disse thry riken", "andre tw riken" (DRL. 1397–1513. N 2).

[74] DRL indtil 1400. N 31. Text III. (19).

[75] Ibid. Text I. (19).

дах другого памятника датского законодательства – хондфестнинга короля Кристофера II (1320 г.), которые восходят к XV в., слово "rigens/rikesins" также предстает только в единственном числе, что подтверждается отнесением этого слова к Дании и латинским подлинником: "meth rigens øpperstæ mentz radh ok hielp", "meth rikesins radh oc hielpe" – "cum consilio et auxilio pociorum regni"; "efther ryghens godæ mens", "meth rikesins gothe men" – "per discretos regni"; "ryghens loff ok reth", "landsins oc rikesins ræt" – "iure terre et regni"; "meth prelaternis ok rigens ypperstæ mentz radh", "æfter prelate oc rikesins bæste mænsz radh" – "de consilio prelatorum et meliorum regni"[76].

Что же касается цветов "rykins/rikesens baner/baneer", называемых в грамотах Эрика Померанского, и толкования этого крестового знамени как "союзного флага" (*unionsflag*), а его крестового знака как "союзного креста", то и здесь доводы Н. Бартольди поддаются критике. Уже тот факт, что в упомянутых грамотах речь идет о священниках из Вадстены и Кальмара, монастыря и города, находившихся в Швеции, не может не навести на мысль, что под "государственным знаменем", которое эти священники должны были носить на своей одежде, естественнее подразумевать тогдашнее знамя Шведского государства. И тот красно-золотой крест, который позднее был заключен в составной герб короля Карла VIII Кнутссона, вероятно, как раз и являлся знаком этого знамени, а не союзной эмблемой. Подобно тому как противник Карла король Дании Кристиан Ольденбургский изображал в своих составных гербах, что подтверждается цветными изображениями последних, белый крест с красной окантовкой, являвшийся знаком бело-красного датского знамени, так и король Швеции снабдил свой составной герб знаком Шведского государства. Довод же Н. Бартольди о том, что шведский король повелел изобразить в своем составном гербе красно-золотой крест, поскольку якобы последний являлся со времени Эрика Померанского эмблемой унии, опровергается присутствием белого креста в цветных изображениях составных гербов первого короля Кальмарской унии. К тому же на гербовом

---

[76] Ibid. N 22. Text IV. (19), (27), (30), (37); Text V. (14), (18), (21), (26); Text I. (19), (27), (30), (37). Отметим также, что и в двух местах текста акта Кальмарской унии слово "rikesens" употреблено, вероятно, со значением единственного числа. Так, в *narratio* документа читаем: "...efter thet at allæ thisse thry rike Danmarc, Suerike oc Norghe meth en ræt endrecht oc sæmyæ oc kerlich oc gothwilghæ *huars rikesens om sich*... war... koning Eric til en ræt herræ oc koning taken, walder oc wnfongen ouer alle thisse thry riken" ("после того как все эти три государства Дания, Швеция и Норвегия с подлинным единодушием, единством, любовью и доброй волей, *каждое государство для себя*... короля Эрика законным государем и королем взяли, избрали и приняли во всех этих трех государствах"). В одной же из статей (9) *dispositio* упоминаются "rikesens men i Suerike", которые ранее договорились с королевой Маргретой о ее шведских имениях, а поскольку о таких имениях могли вести переговоры только представители Государственного совета Швеции, то и переводить указанное выражение следует как "люди (или мужи) государства Швеции (в Швеции)" ("государственные мужи Швеции"). Что выражение "rikesens men i Suerike" следует понимать именно таким образом, находит свое подтверждение в тексте проекта о возобновлении унии между Данией, Швецией и Норвегией, составленном в период с 11 августа 1436 по 25 июня 1438 г., где слово "rigen" употреблено в значении и множественного (*thessæ try rigen, alle try rigen*), и единственного числа. И в последнем значении это слово, между прочим, передано в *publicatio*, в выражении "rigens radh i Danmark (Swerige, Norghe)" ("совет (советник) государства Дании (Швеции, Норвегии)"): "Axell Pætersson, rigens radh i Danmark, Cristiern Nielisson, rigens radh i Swerige, Ændret Erlandson, rigens radh i Norghe" (DRL 1397–1513. N 7).

знамени Эрика, захваченном ганзейцами в 1427 г., горизонтальная линия креста на конце полотнища представлена на красном фоне (цв. илл. 19). Привести же убедительные доказательства в пользу того, что цвета крестов в этих гербах Эрика Померанского впоследствии были изменены, Н. Бартольди не смог

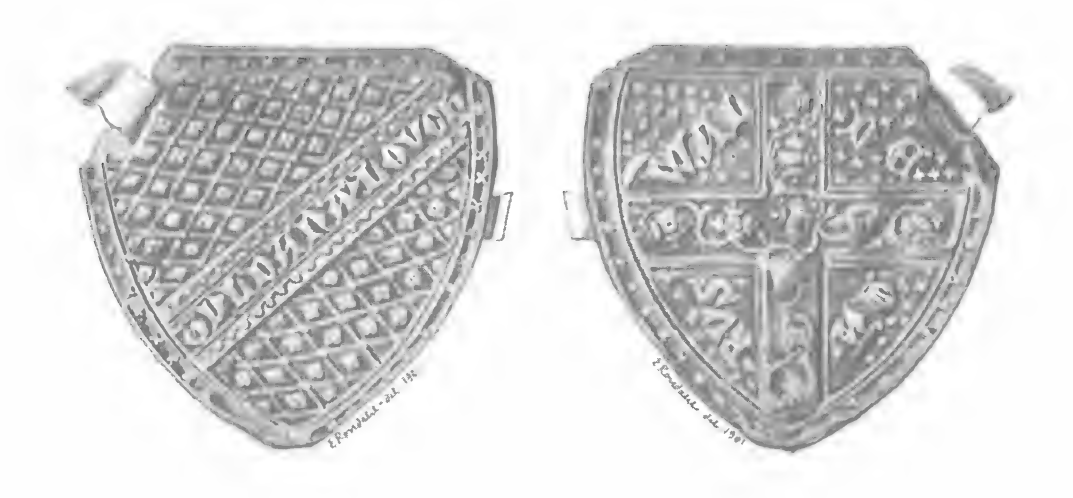
Наконец, согласиться с мнением датского историка о существовании "креста унии" и "флага унии" нельзя по соображениям мировоззренческого характера. Особенности умонастроения средневекового человека препятствовали появлению таких знаков, как это выше было показано в отношении невозможности существования "герба унии"

Но если крест на печатях и в гербах Эрика Померанского не являлся знаком "союзного знамени", то тогда в нем следует видеть знак знамени, которое обычно называется "датским крестовым флагом" В этом названии, однако, смущает слово "датский", ибо в него вкладывается смысл национальной принадлежности знамени. А хорошо известно, что понятия собственно национального знамени в позднее Средневековье и на заре Нового времени еще не существовало. На знаменах принято было изображать гербы королей и князей, а потому гербовые знамена символизировали государей и их государства (и земли). Гербовые знамена, по свидетельству иностранных источников XIV в., употребляли и скандинавские короли[77]. Мы также знаем, что знамя с гербами короля Эрика Померанского в 1427 г. захватили в качестве трофея ганзейцы.

Могли, конечно, употребляться европейскими государями и крестовые хоругви. Этот обычай стал укореняться на европейской почве со времени первого христианского императора Константина Великого, который, по преданию, одержал победу над своим врагом с помощью ниспосланного ему с небес знака креста. Известно, что в качестве главного символа Христа и знака христианского воинства крест обычно употреблялся и в эпоху Крестовых походов. Но это случалось первоначально, как правило, тогда, когда хотели указать на приверженность правителя Христовой вере и одновременно дать знать, что неприятель, против которого выступало войско под крестовой хоругвью, является врагом христианства, еретиком или язычником. С крестовым знаменем ходили в походы и короли Дании, по крайней мере, уже с XII столетия. Это подтверждается присутствием изображения такого знамени на одной из датских монет периода правления Вальдемара Великого (1157–1181) (илл. 44), который прославился крестовыми походами против прибалтийских славян-язычников. Следовательно, знамя с крестом в Дании могло находить свое боевое применение значительно раньше 1219 г., к которому в конце Средних веков датчане стали приурочивать чудесное обретение их предками красного полотнища с белым крестом. К этому следует присовокупить, что доподлинно неизвестно, какие эмблемы в XV в. изображались на том датском знамени, которое иноземцы называли Даннеброгом. Нельзя исключать того, что такое название могло быть употребляемо не

---

[77] В Гельдернском гербовнике "старый" и "новый" шведский герб сопровождаются изображениями знамен соответственно с гербом Фолькунгов и тремя коронами. На иллюстрации в "Мекленбургской хронике" Киркберга (ок. 1378 г.) "северный король" держит три знамени с гербами Дании, Норвегии и Швеции (Фолькунгов) (илл. 38). О знамени короля Дании с тремя львами сообщает также испанский источник XIV в. (см. с. 88).

Илл. 132. Печать короля Вальдемара IV, 1356–1363 гг.

только по отношению к самому крестовому знамени, но и к полотнищу, на котором, помимо креста, изображались еще и гербы королевств и княжеств, т.е. к знамени подобному тому, которого Эрик Померанский лишился во время сражения с ганзейцами в 1427 г.

Еще раньше, начиная с XI в., у датчан вошло в обычай помещать изображения крестов на монетах. Но крестовые монеты чеканились также государями других стран, а потому связывать появление крестов на датских монетах с тем, что в средневековой Дании крестовое знамя в Средние века уже обрело значение государственного символа, неверно. Крест на датских монетах XI – первой трети XIV в. – это только христианский символ, как и на крестовых знаменах, каковые, несомненно, употреблялись в Дании того времени.

Что касается печатей датских королей, то на них крест как главный знак появляется только при короле Вальдемаре IV Аттердаге (1340–1375). От времени его правления известны две двусторонние печати с треугольными щитами, которые предназначались для употребления в судах. На обеих печатях, с одной стороны, пространство щита делится крестом на четыре отделения, в которых частями передано имя короля Вальдемара. На одной, бывшей в употреблении в 1356–1365 гг.[78], читаем по слогам слово “WAL DE MA RVS” (илл. 132), на другой, скреплявшей документ, датируемый 1367 г.[79], начертано “WALDE MAR[VS] IIII [RE]X” (илл. 133). Замечаем также, что на первой из печатей линии креста орнаментированы, на второй же в них заключены изображения девяти однообразных корон, каковые имели своим прообразом или корону Дании – символ королевской власти Вальдемара Аттердага, или короны Святых Трех Королей[80]. Такое соединение креста с короной и коро-

---

[78] DKS. N 41 a.

[79] Ibid. N 42 a.

[80] Сохранилось известие, что в 1364 г. Вальдемар IV совершил паломничество в Кёльн и при этом принес в качестве дара Святым Трем Королям золотые короны (*Seitz H*. De tre kronorna. S. 105).

левским именем в пространстве щита, по всей видимости, было произведено с умыслом. Возможно, связывая свое имя с этим знаком, король Вальдемар Аттердаг тем самым желал указать на то, что христианский символ, крест, является той эмблемой, которую он употребляет в качестве своего личного знака. Это предположение вполне согласуется с тем фактом, что в Гельдернском гербовнике герб "короля Дании", изображение которого было сделано в конце правления или вскоре после смерти Вальдемара Аттердага, предстает со шлемом, украшенным, среди прочего, крестовой хоругвью, представлявшей собой красное полотнище с белым крестом (цв. илл. 33).

Илл. 133. Печать короля Вальдемара IV, 1367 г.

Можем попытаться установить и причины, которые дали основание Вальдемару Аттердагу считать крест своим личным знаком. В XIV столетии в Западной Европе существовал обычай, по которому лицо, посвященное в рыцарское достоинство у Гроба Господня, причислялось к особому рыцарскому братству, или ордену (*Ordo Equestris S. Sepulcri Hierosolymitani*)[81]. Знаком "рыцаря ордена Гроба Господня", как свидетельствуют немецкие источники, являлся иерусалимский крест, но мог быть и обычный четырехконечный крест как вообще символ Страстей Господних. На ношение такого знака имел полное право и король Вальдемар Аттердаг. В 1347 г. он совершил паломничество в Святую Землю и у "гроба Иисуса Христа" был посвящен в рыцари герцогом Эриком Саксен-Лауэнбургским, а затем совершил тот же обряд в отношении сопровождавших его дворян[82]. И действительно, с 1356 г., как мы выше видели, от имени короля Вальдемара в судах употреблялись печати с крестовым щитом. Первая из этих печатей пришла на смену печати, которая для тех целей использовалась в 1343–1355 гг. и на которой был изображен королевский шлем с двумя рогами и четырьмя павлиньими

---

81 См.: *Cramer V.* Der Ritterschlag am Hl. Grabe // Das Hl. Land in Vergangenheit und Gegenwart. Köln, 1940. Bd. 2. S. 137–199; *Idem.* Das Rittertum vom Hl. Grabe im 14. und 15. Jahrhundert // Ibid. 1941. Bd. 3. S. 111–200; *Elm K.* Kanoniker und Ritter vom Heiligen Grab: Ein Beitrag zur Entstehung und Frühgeschichte der palästinensischen Ritterorden // Die geistlichen Ritterorden Europas. Sigmaringen, 1980. S. 141–169.

82 Об этом узнаем из датских повествовательных источников XIV в. В "Зеландской хронике" в той ее части, которая была написана в царствование Вальдемара Аттердага, под 1347 г. сказано: "...король Вальдемар Святую Землю по обету со многими благородными особами передвигаясь на конях, посетил, и у Гроба Иисуса Христа, став рыцарем, многих из этих благородных особ рыцарями там сделал" (*...rex Valdemarus terram sanctam ex deuocione cum pluribus nobilibus equitando uisitauit, et ante sepulcrum Iesu Christi miles factus plures ex ipsis nobilibus milites ibi fecit*) (Cronica Sialandie // DMA. P. 125). В "Сконских анналах", составленных в 1380-е годы, сообщается, ошибочно под 1345 г., что король Вальдемар "...ходил в Святую Землю и был сделан там рыцарем у Гроба Господня герцогом Саксонии Эриком" (*...iuit ad terram sanctam et factus est ibi miles in sepulchro Domini per ducem Saxsonie Ericum*) (Ibid. S. 72).

перьями[83]. Возможно, временем между 1347 и 1356 гг. и следует датировать принятие Вальдемаром Аттердагом креста в качестве личного знака. Крест мог заключаться в щит, как свидетельствуют печати для судов, и представать на знамени, что запечатлел гельдернский герольд в своем гербовнике. Вероятно, в тот же период король Вальдемар определился и с цветами своего личного знака: стал носить знаки "белый крест в красном поле" Во всяком случае, в Гельдернском гербовнике крестовая хоругвь на шлеме датского короля представлена именно с такими цветами. А несколько позже в другом нидерландском гербовнике конца XIV в., Белленвилльском, был изображен щит с белым крестом в красном поле; и этот щит сопровождает надпись – "Denenbroce"

Но был ли Вальдемар IV Аттердаг первым датским королем, который использовал знамя с красным полотнищем и белым крестом, утверждать не решаемся. Нельзя исключать того, что крестовое знамя с этими цветами вошло в обыкновение употреблять в Дании значительно раньше, со времени царствования Вальдемара I или его сына Вальдемара II, которые прославились крестовыми походами против прибалтийских язычников.

О том, что в Дании еще до Вальдемара IV эмблема "белый крест в красном поле" могла являться знаком рыцаря, свидетельствует фреска в Киркерупской (Kirkerup) церкви, датируемая приблизительно 1325 г. Здесь представлен конный воин, держащий красный щит с белым крестом и копье, к которому прикреплено полотнище с теми же красочными знаками[84] (цв. илл. 44).

Заметим, однако, что уже в эпоху Крестовых походов складывается традиция отличать с помощью различных цветов крестовые знаки не только духовно-рыцарских орденов, но также, что имело место, например, во время Третьего крестового похода, тех крестоносцев, которые возглавлялись государями разных земель. Но при этом известно, что если цвета крестов, усвоенных духовно-рыцарскими орденами, как правило, не претерпевали изменений, то кресты, которые носили государи и их подданные, в XII–XIII вв. могли свои цвета менять. Доказательство тому находим в постоянстве окраски крестовых знаков, усвоенных иоаннитами, тамплиерами и тевтонами, и в употреблении англичанами сначала, во время Третьего крестового похода, белого креста, а впоследствии, со времени царствования Эдуарда I, креста красного, представшего на белом полотнище. Датские государи-крестоносцы в XII–XIII вв. могли тоже использовать кресты с различной окраской. Это предположение, впрочем, не исключает и того, что короли Дании в те столетия могли постоянно выступать в крестовые походы и под крестовой хоругвью, имевшей одни и те же цвета, а именно представлявшей собой белый крест на красном полотнище. Возможно, крестовая хоругвь с такими цветами сохранилась в Дании до середины XIV в. и навела Вальдемара Аттердага на мысль употребить ее в качестве личного символа. Возложить на себя "белый крест на красном фоне" Вальдемар мог

[83] DKS. N 40. На этой печати имеются надписи: "шлем Вальдемара, Божией милостью короля датчан и славян" (GALEA WALDEMARI DEI GRACIA DANOR[UM] SLAVOR[UM] Q[UE] REGIS) и "по законам земли" (AD LEGES T[ER[RE).

[84] Danske kalkmalerier: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red af U. Haastrup. Kbh., 1989. S. 139.

и по совету членов рыцарского ордена Св. Иоанна Иерусалимского, которые носили именно эти знаки[85]. Известно, что в первой половине 1340-х годов должность канцлера короля Дании занимал бывший глава саксонских иоаннитов Гебхард фон Бортфельд[86]. Тогда же в свите Вальдемара находился приор орденского дома в Антворскове Рикольф[87] – предводитель датских иоаннитов. Надо полагать, король Вальдемар и во время своего паломничества в Святую Землю поддерживал связь с братьями ордена Св. Иоанна, руководство которого в XIV в., после изгнания из Палестины, пребывало на Родосе. Свое расположение к иоаннитам Вальдемар IV сохранял также в последующие годы.

Свой личный знак Вальдемар Аттердаг, возможно, приказал использовать не только на печатях, но и в качестве флага на датских кораблях. Корабельные флаги в XIV в. обычно имели два конца. Такое полотнище, напоминавшее своим видом штаны, вероятно, представлял собой и флаг датских кораблей[88]. Этим своим видом он, скорее всего, и дал повод для того, чтобы называться "датскими штанами" – "Denenbroce" (*denen* – датский, *broce* – штаны, брюки). Под этим именем флаг датских кораблей стал известен сначала у иноземцев, возможно, уже в годы царствования Вальдемара Аттердага. Его так неуважительно могли называть немецкие и голландские[89] ганзейцы уже во время датско-ганзейских войн 1360-х годов. Однако в дальнейшем это непочтительное имя стало прилагаться вообще к "белому кресту на красном фоне", который король Дании изображал в щите или употреблял в качестве знамени. Возможно, к концу XIV в. в устах иностранцев оно даже утеряло свой первоначальный, уничижительный смысл. Вслед за составителем Белленвильского гербовника, который написал слово "Denenbroce" возле щита с белым крестом в красном поле, это слово, позаимствованное, вероятно, у немцев или голландцев[90], использовали авторы и редакторы "Шведской рифмо

---

[85] Заметим, что в позднее Средневековье крест иоаннитов на их корабельных флагах представал таким же, каким он изображен на шлеме короля Дании в Гельдернском гербовнике, т.е. обыкновенным четырехконечным, без раздвоения в конце перекладин.

[86] DD. R. 3, bd. I. N 140; bd. II. N 13. Сохранилась грамота, изданная в Павии 24 июля 1329 г., в которой говорится, что император Людвиг Баварский жалует Гебхарда фон Бортфельда, "preceptorem generalem domus hospitalis sancti Johannis Jeroslitani per Saxoniam", правом носить воинский щит, который имеют аббаты империи (*Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. Anhang. Urkunden. N 9).

[87] DD. R. 3, bd. I. N 343, 386.

[88] То, что под крестовым флагом о двух концах в XIV–XV вв. могли ходить датские корабли, свидетельствуется, например, изображением корабля с таким флагом на печати южноютландского херреда Эверскип (Everschip) (илл. 16). Эта печать уцелела под грамотой, датируемой 1414 г.

[89] Отметим, что в датском языке (древнем и новом) словом "broce" (*broke, broge*) знамя никогда не обозначались. Во всех германских языках оно употреблялось для наименования именно "штанов": в нидерландском (*broce, broek*), нижненемецком (*bruch*), древнеанглийском (*broc*) и древнеисландском (*brok*). Было оно известно и в Дании. В "Датской рифмованной хронике", изданной в 1495 г. в Копенгагене, королева Маргрета Датская говорит, что король Альбрехт Мекленбургский "называл меня бесштанным королем" (*Han kallede meg konning brogeløss*) (Den danske rimkrønike. Kbh., 1961. Bd. I. S. 150 (стих 4725)).

[90] В шведском, как и датском, языке слово "broke/brok" для обозначения знамени не употреблялось.

ванной хроники" XV XVI вв. в качестве имени знамени или "главного знамени" (*Hufvud-Baneren*) датского войска. Первый раз о Даннеброге зашла речь в рассказе о событиях 1439 г. "Danabroka", второй при описании сражения у Брункеберге в 1471 г. "Danabroke", "Danabrok"[91].

Датскими же королями слово "Даннеброг" как официальное имя их крестового знамени ни в XIV в., ни в XV в. не употреблялось. Следовательно, и крест, который мог быть представлен в составных гербах Эрика Померанского как знак крестового знамени, в Дании в ту эпоху тоже еще не мог называться "крестом Даннеброга" Что же касается иностранцев, то красное полотнище с белым крестом воспринималось ими как "датское" знамя, под именем "Даннеброг" или без него, лишь потому, что оно употреблялось в качестве флага на датских кораблях и боевого стяга королей Дании. Сами же датчане позднего Средневековья, скорее всего, в этом знамени видели исключительно христианский символ, с которым представлялся их король. Предание о небесном происхождении Даннеброга, утвердившееся в датском сознании на исходе Средних веков, служит тому доказательством. И в XVI в. официально слово "Даннеброг" не прилагалось к "датскому" крестовому флагу[92], и, как следствие, в отношении креста в гербе короля Дании не употреблялось выражение "крест Даннеброга" Однако, как свидетельствовал датский историк XVI в. Педер Ольсен, это слово к 1520-м годам уже использовалось датчанами как просторечное (*vsitato vocabulo*). В таком употреблении оно дожило до 1672 г., когда король Кристиан V учредил орден Даннеброга, тем самым придав просторечному имени датского крестового знамени официальное наименование. С этого времени и крест в королевском гербе стал официально называться "Даннеброгским крестом", или "крестом Даннеброга", что, например, засвидетельствовал Л. Хольберг в своем описании составного герба короля Дании и Норвегии (1729 г.): "det Dannebrogste kaars", "kaarset Dannebroge"[93].

Итак, опираясь на свидетельство гельдернского герольда, можем утверждать, что знак креста именно в качестве элемента герба короля Дании стал употребляться не ранее последних десятилетий XIV в. Сначала (впервые в Гельдернском гербовнике) ему была отведена роль одной их эмблем на-

---

[91] Gamla och Minsta Svenska Rimchrönikan. Chronicon Rhythmicum Majus // SRS. Upsaliae, 1818. Bd. I. S. 114–115, 176–177. Следует, однако, помнить, что "главное знамя" датского войска в битве при Брункеберге названо "Данаброком" только в младшей редакции "Рифмованной хроники", относимой ко времени после 1520 г. Эта редакция, вероятно, послужила источником для "Шведской хроники" Олауса Петри (1493–1552), созданной в 1530–1540-е годы. Описывая сражение при Брункеберге, этот хронист также именует "главное знамя" короля Дании "Данеброком" (*Hofvbaner Danebroka*). Кроме того, Олаус Петри рассказывает, что в 1464 г. во время войны со шведами король Дании Кристиан I потерял "один из своих лучших кораблей" (*ett af sin bästa skiepp*), и на этом корабле "бонды захватили знамя, которое они назвали Данаброка" (*På samma skiepp fingo bönderne ett baner, thet the kallade Danabroka*). (*Olai Petri*. Svenska chrönika // Ibid. S. 309, 323).

[92] Например, датский историк Х. Сванинг в 1558–1559 гг. писал о ниспосланном в Ливонии Вальдемару II "знамени государства, разделенном белым и красным в форме креста" (*vexillum regni, albo ac rubro in formam crucis discretum*) (цит. по: *Jørgensen A.D.* Undersøgelser vedrørende Danebroge og det danske Kongevåben // HT. 1887–88. R. 6, bd. I. S. 169).

[93] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 624, 626.

шлемника: он был изображен на шлеме. Позже, при создании составного герба Эрика Померанского, возникла мысль употребить знак креста для деления гербового щита на четверти. И в том, и в другом случае связь креста с королевским гербом обусловлена тем обстоятельством, что в кресте во второй половине XIV в. и в Дании, и за ее пределами уже привыкли видеть один из знаков короля Дании и, как следствие, Датского королевства. Именно такое значение кресту, надо полагать, было придано ранее на малой печати короля Олафа III 1376 г.[94] (илл. 134) и на печати "королевства Дании для судебных дел", которая была в употреблении в 1388 г.[95] (илл. 67), т.е. в то время, когда в Дании после смерти короля Олафа (лето 1387 г.) (илл. 135) настал период междуцарствия. На первой из этих печатей представлена корона с навершием в виде креста, на второй изображен крест, обремененный короной. Символ короля и королевства – корона, таким образом, в обоих случаях сопровожден знаком креста, который современник – гельдернский герольд изобразил на шлеме короля Дании.

Илл. 134. Печать Олафа III, 1376–1387 гг.

Илл. 135. Печать Олафа III, 1376 г.

Обычай соединять крест вместе другим символом короля Дании перенял и король Эрик Померанский. На его печати, изготовленной в 1396 г. для использования в судах[96] (илл. 68), представлен крест, обремененный щитом с тремя львами. Эта композиция, вероятно, должна была проиллюстрировать ту же мысль, какую ранее выражала эмблема "крест, обремененный короной" на печати 1388 г. Такая же иконография впоследствии была представлена на малой печати Кристофера III Баварского, употреблявшейся в Дании в 1445 г.[97] На печатях Эрика и Кристофера в легенде присутствует только имя "короля Дании", следовательно, и крест, и щит с тремя львами на обеих печатях имеют значение королевских знаков. Однако в позднее Средневековье символ короля был и символом королевства. Поэтому, как герб короля Дании стал гербом Датского королевства и

[94] "S OLAUI DEI GRACIA REGIS DANORUM AD CAUSAS" (DKS. N 46).
[95] "SIGILLUM REGNI DACIE AD CAUSAS" (Ibid. N 54).
[96] "SIGILLU ERICI DEI GRACIA REGIS DANORUM AD CAUSAS" (Ibid. N 63).
[97] "SINGNET CRISTOFERI REGIS DACIE ETC" (Ibid. N 69).

Дании, так бело красный крест государя Дании стал восприниматься как символ его государства. Соответственно и красное полотнище с белым крестом короля Дании получило значение датского знамени.

С самого своего включения в составной герб Эрика Померанского крест являлся отдельным знаком. О таком значении креста свидетельствует тот факт, что со времени Вальдемара Аттердага в Дании крест мог изображаться, как и гербы, в отдельном щите. Щит с белым крестом в красном поле, в сопровождении имени “Denenbroce”, изображен в Белленвилльском гербовнике. На печати короля Кристофера Баварского, употреблявшейся с 1441 г.[98], крест был помещен в первое поле четверочастного щита; в остальных четвертях пребывали гербы Пфальца, Баварии и Славян. И в дальнейшем, во второй половине XV в., и позже, как ниже увидим, крест мог заключаться в отдельный щит. Это явление обнаруживается, например, на печатях королей Кристиана I, Ханса, Фредерика I и на цоколе маленькой конной статуи Фредерика IV, изготовленной в 1700 г.[99]

Завершая обозрение составных гербов Эрика Померанского, нельзя не отметить, что в дальнейшем именно они послужили образцом для создания такого рода гербов его преемников на датском престоле. Так, во-первых, от времени царствования Эрика берет свое начало традиция размещать в многочастном королевском гербе эмблемы государств и владений, которыми обладал или на которые притязал король Дании. Во-вторых, в составной герб короля могли включаться родовые эмблемы царствующего короля, т.е. гербы тех герцогств или графств, в которых правили предки короля по линии отца. В-третьих, составной герб короля Дании, по обыкновению, содержал эмблему креста. Цветные изображения герба Эрика Померанского представляют крест белым. На знамени Эрика белый крест представлен на красном фоне. Позднее, со времени Кристиана I Ольденбургского, в красочных составных гербах белый крест изображался в красном обрамлении, чем подчеркивался тот факт, что крест в гербе являлся знаком бело-красного крестового знамени королей Дании[100].

Впрочем, одновременно с традицией создавать составные гербы в XV–XVII вв. сохранялся и обычай, впервые нашедший свое отражение в конце XIV в. на печатях королей Олафа и Эрика Померанского, принадлежавшие королям Дании гербы заключать в отдельных щитах.

Одним из ближайших родственников Эрика был его племянник со стороны сестры, Кристофер, пфальцграф Рейнский и герцог Баварский. В 1439 г. он прибыл в Данию и получил признание в качестве правителя королевства (*gubernator regni Dacie*), а впоследствии был избран королем: сначала Дании (апрель 1440 г.), затем Швеции (сентябрь 1441 г.) и Норвегии (июнь 1442 г.). Соответственно в эти годы происходили перемены в составе титулов и гербов Кристофера, о чем свидетельствуют его грамоты и печати.

---

[98] Ibid. N 67.

[99] Эта статуя хранится в Росенборгском музее в Копенгагене (См.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 131).

[100] На печатях для судебных дел Вальдемара Аттредага, периода междуцарствия (1388 г.) и Эрика Померанского (1396 г.) крест изображен с контурами обрамления, под которым, вероятно, тоже подразумевалась цветная (красная) окантовка.

К титулам и гербам пфальцграфа Рейнского и герцога Баварии[101] после 9 апреля 1440 г., когда Кристофер был провозглашен королем Дании (Кристофер III), добавился тройной титул датского короля[102]. Вскоре была изготовлена его новая печать, на которой четверочастный щит заключает гербы Дании, Пфальца, Баварии и Славян (дракон); эта печать сохранилась при документах, датированных августом 1440 – маем 1447 г.[103] (илл. 136).

Илл. 136. Печать Кристофера Баварского, 1440 г

В 1441–1445 гг. король Кристофер употреблял еще одну печать с теми же гербами. Но на этой печати герб Дании заключен в отдельный щит. В другом щите первое поле отведено для креста, второе отдано эмблеме Пфальца, третье – Баварии и четвертое – символу Славян[104] (илл. 137).

То, что кресту в гербовых щитах, изображенных на печатях короля Кристофера, отведено наиболее почетное место – центральное в щите на печати 1440 г. и первое поле в щите на печати 1441 г., – вполне объяснимо значением этого знака как наиглавнейшего христианского символа. Местоположение же гербов Дании, Пфальца и Баварии находит объяснение в иерархии титулов, которые эти гербы символизировали: звание короля Дании было выше звания курфюрста Пфальца, которому в свою очередь отдавалось первенство перед достоинством герцога Баварии[105].

Из состава гербов Кристофера Баварского видно, что он ввел одно новшество. Собственно титул датского короля к началу его царствования был тройным: "король Дании (датчан), славян и готов". Два последних имени, однако, не иллюстрировались отдельными гербами. Кристофер Баварский сделал первый шаг для изменения этой традиции. После избрания королем Дании он, помимо датского герба, стал носить эмблему Славян[106]. Ею являлся золотой дракон (*draco, lindorm*), в синем поле[107]. Возможно, это был тот герб,

---

[101] На первой печати Кристофера как пфальцграфа Рейнского и герцога Баварского (S'CRISTOFFERI COMITIS PALATINI RENI ET BAUARIE DUCIS) изображен четверочастный щит с гербом Баварии (ромбы) в первом и четвертом поле и гербом Пфальца (восстающий лев) во втором и третьем поле (DKS. N 65).

[102] "Danmarks Windis oc Godis koning palantz greue paa Rein oc hertugh i Beyeren" (Ibid.).

[103] "Danmarcs Wendis oc Gotes palantzgreue paa Rein oc hertigh i Beyeren" (Ibid. N 66).

[104] Ibid. N 67.

[105] Это находило отражение в титуле Кристофера. Звание пфальцграфа Рейнского предшествовало званию герцога Баварии по той причине, что на лестнице имперских чинов пфальцграф стоял выше, ибо являлся членом коллегии курфюрстов – избирателей римского короля (императора).

[106] *Liedgren J.* Vendes vapen // KLNM. Bd. XIX. S. 646.

[107] От времени короля Кристофера цветное изображение этого герба не сохранилось. Однако при следующем короле Дании, Кристиане Ольденбургском, герб Славян представлял собой именно золотого дракона в синем поле. Со времени Кристиана III (1536–1559) золо

Илл. 137. Печать Кристофера Баварского, 1441 г.

с которым в XIV в. представлялся герцог Кристофер Лолланнский, сын короля Вальдемара Аттердага.

Действительно, на печати этого герцога, сохранившейся при документах 1360 и 1362 гг.[108], изображен дракон. Также на надгробии Кристофера, созданном вскоре после его смерти (1363 г.), образ воина предстает в одеянии, украшенном многочисленными драконами; здесь же помещен щит с драконом (цв. илл. 16). Остров Лолланн расположен недалеко от Вендской земли, и на нем когда-то находились поселения славян[109]. Возможно, и в XIV в. славяне продолжали еще жить на этом острове. И хотя они к тому времени уже

той дракон изображался в красном поле. В описании похорон Фредерика II (1588 г.) сообщается о "знамени вандалов, гербом которых, как некоторые считают, является дракон" (*Vexillum Vandalirum, cuius insigne est, vt aliqui volunt, Draco*) (Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissime Domini, Dn. Friderici II. Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve. Regis, etc. Vna cum Epitapijs nonnullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588. S. 16). У Л. Хольберга (1729 г.) говорится о "драконе как славянском гербе" (*Dragen, som det Slaviske vaaben*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 627).

[108] В легенде этой печати датский королевич представляется герцогом Лолланнским: "S' CRISTOFORI DVCIS LALADIE" (DKS. N 45).

[109] *Fenger O.* "Kirker rejses alle vegne" 1050-1250. Kbh., 1989. S. 235 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 4).

приняли христианство, датчане, несомненно, помнили, что когда-то славяне (венды) были "pagani" и что к вере Христовой их привели короли Дании, и прежде всего Вальдемар I. Известно, что в христианском искусстве, о чем свидетельствовали и настенные росписи в датских церквах, символом язычества был дракон. Отсюда, как можно догадываться, возникла и мысль об использовании этого символа в качестве герба герцога острова Лолланна, поскольку там проживали бывшие язычники славяне.

Самое местоположение символа Славян в четверочастных щитах короля Кристофера намекает на то, что эта эмблема символизировала именно язычников-славян. Ей было отведено последнее, следовательно, наименее почетное, поле, тогда как крест – знак торжества христианства над язычеством – изображался на щитах короля Кристофера или в центре композиции, или в первом поле. Традиция изображать эмблему Славян в последнем поле и даже в подножии многочастного гербового щита, дабы, вероятно, подчеркнуть ее языческое символическое значение, была сохранена и при королях из Ольденбургского дома. И напротив, когда эмблема креста заключалась в отдельный щит, например, на печатях королей Ханса (1500 г.) и Фредерика I (1526 г.), то этот щит обычно возносился выше всех щитов, заключавших другие королевские эмблемы.

После герцога Кристофера Лолланнского щит с драконом никто в Дании не носил, что и позволило использовать этот герб уже в качестве герба не Лолланна, а Славян.

Можно, однако, догадываться, что не только желание посредством герба проиллюстрировать второе имя датского королевского титула руководило королем Кристофером. На то могли быть и внешнеполитические основания. Хотя к XV в. короли Дании утратили господство над землями прибалтийских славян, ставших уже фактически землями немецкими, за этой территорией по-прежнему сохранялось название "Склавия" (Славия), или "Вендская земля", а за ее жителями – имя "вендов". Господствовали в ней по крови или самосознанию немецкие князья и города Ганзы, с которыми короли Дании в XIV–XV вв. часто находились во враждебных отношениях[110]. Поэтому нельзя исключать, что присутствием эмблемы Славян (Вендов) в составном гербе короля Кристофера выражался не один лишь интерес к гербам. Эта новая эмблема короля Дании могла иллюстрировать и его политические настроения в отношении Любека и других вендских городов, с которыми он большую часть своего царствования враждовал. Вражда эта возникла на почве стремления короля Кристофера ограничить торговое значение вендских городов на Балтике. Более того, по свидетельству любекской летописи, он намеревался "унизить и уничтожить города"[111].

Косвенное доказательство внешнеполитической причины ношения королем Кристофером герба Славян обнаруживается в отсутствии в его составном гербе эмблемы Готов. Действительно, уже вскоре после вступления на датский престол Кристофер был провозглашен и королем Швеции, на

[110] См.: *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh., 1980. S. 87–103; *Christensen W.* Unionskongerne og Hansestæderne 1439–1466. Kbh., 1895.

[111] *Форстен Г.В.* Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884. С. 72–73.

стью которой являлась область "готов" ("ётов"). Нельзя, впрочем, исключать и того, что посредством герба Вендов король Кристофер иллюстрировал свой статус короля также над теми вендами, которые, пользуясь привилегиями, полученными от датских королей, и в частности от самого Кристофера, вели торговые дела в Дании.

Как бы то ни было, но герб Вендов со времени Кристофера III непременно присутствовал среди гербов королей Дании вплоть до 1972 г., иллюстрируя сохранявшееся до того же года в датском королевском титуле имя "Вендов" И если еще при ближайших преемниках Кристофера на датском престоле (XV–XVI вв.) эти титул и герб могли символизировать притязание датских королей на господство над немецким Вендландом, то впоследствии они сохранялись лишь как традиционные символы королей Дании.

В 1441 г. Кристофер стал представляться также с титулами королей Швеции и Норвегии[112]. Причем титул короля Норвегии он начал носить еще до вступления на норвежский престол (1442 г.), чем обнаружил притязание на это королевство. И в Швеции, и в Норвегии Кристофер был коронован вскоре после провозглашения королем. Но в Дании этот обряд был совершен позднее, а именно в первый день 1443 г.; причем Кристофер был венчан на царство как датский архикороль (*archirex*)[113]. Этим титулом, который, впрочем, в дальнейшем не использовался, вероятно, подчеркивалось главенствующее положение Дании в союзе трех королевств.

Вместе с принятием титулов королей Швеции и Норвегии Кристофер, по обычаю того времени, должен был носить и гербы этих королевств. Однако от 1441–1443 гг. каких-либо свидетельств на этот счет не сохранилось. И только на печати Кристофера, которая употреблялась в 1444 г., обнаруживаются эмблемы Шведского и Норвежского королевств. На этой печати они заключены в малый щит, соответственно во второе и третье поле, как и в составном гербе Эрика Померанского на его знамени; в первом поле помещен символ Дании, в четвертом – эмблема Славян (Вендов); на большом же щите, который разделен на четыре поля крестом, изображены гербы Пфальца (1 и 4 поле) и Баварии (2 и 3 поле)[114] (илл. 138).

После смерти союзного короля Кристофера Баварского (январь 1448 г.) в скандинавских королевствах наступил очередной период междуцарствия. Первыми его преодолели шведы, избрав 20 июня 1448 г. своим королем шведского вельможу Карла Кнутссона из рода Бунде – Карла VIII (1448–1457, 1464–1465, 1467–1470). За ними последовали датчане, которые по совету герцога Адольфа Шлезвигского (и графа Гольштейна) провозгласили королем Дании (28 сентября 1448 г.) его племянника со стороны сестры, графа Кристиана Ольденбургского и Дельменхорстского.

После вступления на датский престол Кристиан I (1448–1481) представлялся как "Датчан (Дании), Славян (Вендов) и Готов король, граф Ольден-

---

[112] В документе: "Dacie Suecie Noruegie Sclauorum Gotorum que rex comespalatinus Reni et dux Bauarie"; на печати: "SIGILLUM MAIESTATIS CRISTOFORI D[EI] G[RACIA] DACIE SCLAUORU[M] GOTORUM Q[UE] REGIS COMITIS PALATINI RENI ET DUCIS BAUARIE" (DKS. N 67).

[113] *Hørby K., Venge M.* Tiden 1340–1648. Første halvbind: 1340–1559. Kbh., 1980. S. 172. (Danmarks historie. Bd. 2).

[114] DKS. N 68.

Илл. 138. Печать Кристофера Баварского, 1444 г.

Илл. 139. Печать Кристиана I, 1449 г.

бурга и Дельменхорста"[115]. Этот составной титул иллюстрировал щит с четырьмя гербами: Дании, Ольденбурга (и Дельменхорста)[116], Готов[117] и Вендов, который обнаруживается на первой королевской печати Кристиана[118] (илл. 139).

Следует заметить, что в первом составном гербе короля Кристиана нашла свое отражение традиция, унаследованная от Эрика Померанского и Кристофера Баварского, согласно которой родовая эмблема короля помещалась в главном щите. В данном случае это был герб графства Ольденбургского и Дельменхорстского, а именно две красных балки в золотом поле[119]; причем родовой эмблеме государя, как и в гербах Кристофера Баварского, было отдано более почетное место, нежели эмблемам Славян и Готов. В то же время замечаем, что эмблема Готов заняла третье поле, тогда как герб Славян – четвертое, несмотря на то что в королевском титуле имя "Славян" всегда предшествовало имени "Готов" Объяснение такому несоответствию, вероятно, следует искать в том обстоятельстве, что славянский дракон воспринимался как языческий символ. Порядок, при котором "первенство чести" по отношению к эмблеме Вендов (Славян) отдавалось эмблеме Готов, удержался и в гербах преемников Кристиана Ольденбургского на датском престоле.

---

[115] "Danorum Sclauorum Gotorum que rex, comes de Oldenborgh et Delmenhorst" (DKS. N 72).

[116] Две перпендикулярные балки. Дельменхорст, пребывавший в унии с Ольденбургом, в это время еще не имел отдельного герба.

[117] Идущий лев над девятью сердцами. О нем см. ниже.

[118] DKS. N 72.

[119] Во время похорон Фредерика II (1588 г.) было выставлено "знамя с гербом Ольденбурга, который имеет две красные балки в золотом поле" (*Vexillum cum insigni Oldenburgico, quod habet duas trabes rubras in campo flavo*) (Descriptio Pompae funebris. S. 14). Л. Хольберг (1729 г.) также описывает этот герб как "две красные балки в золотом поле" (*Det Oldenborgiske vaaben er 2de røde bielker udi et guult felt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 630).

С самого начала своего царствования король Кристиан, при поддержке датских вельмож, выказал желание восстановить союз трех королевств во главе с королем Дании[120]. Вначале он решил вступить на престол Норвегии. Но то же желание обнаружил король Швеции. Как следствие, и Карл VIII, и Кристиан вскоре добились от своих норвежских сторонников осуществления чаемой цели: каждый из них был провозглашен королем Норвегии (1449 г.). При таких обстоятельствах произошла перемена в составе титулов короля Кристиана. Отныне он стал представляться как "король Дании, Норвегии, Вендов и Готов, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[121]. Вскоре была изготовлена его новая печать, на которой изображался уже и герб Норвегии[122] (илл. 140). В соответствии со своим "достоинством" он занял второе, после эмблемы Дании, поле четверочастного щита. При этом ранее находившаяся на этом месте эмблема Ольденбурга была заключена в малый щит, который был изображен в центре главного щита, поверх креста.

В последовавшей затем войне король Карл потерпел поражение, вследствие чего, согласно датско-шведскому договору, заключенному 1 мая 1450 г. в Хальмстаде, принужден был отказаться от титула короля Норвегии. Но, оставаясь королем Швеции, он носил не только шведский, но и норвежский герб[123]. Этим король Карл, несомненно, давал понять, что и после юридического отказа от короны Норвегии он не переставал мечтать о ее возвращении.

Король Кристиан, однако, мечтал и о шведской короне[124]. Имя "Готы" в его составном титуле уже намекало на то, что он может притязать на власть в Шведском королевстве или хотя бы в его южной части – Готии, или Ёталанде. Вероятно, чтобы еще более зримо выразить это свое умонастроение, в самом начале своего царствования Кристиан I повелел проиллюстрировать третье имя своего датского королевского титула отдельной эмблемой[125]. Эта идея могла возникнуть у Кристиана под впечатлением от известия, что его политический соперник, король Карл, стал носить два герба[126], которые иллюстрировали двойной титул шведского государя: "король Свеев (Шведов) и Готов (Ётов)" В качестве символа "Свеев" и в целом Швеции он носил эмбле-

---

[120] См.: *Enemark P.* Kriseår 1448–1451: En epoke i nordisk unionshistorie. Kbh., 1981.

[121] "Danmarcks Norgis Wendis oc Gotis koning, greffue i Oldenburgh oc Delmenhorst" (DKS. N 74); "Cristiernus Dei gracia Dacie, Norwegie, Sclauorum Gotorumque rex, comes de Oldenborgh et Delmenhorst" (Missiver fra Kongerne Christiern I.s og Hans.s Tid / Udg. af W. Christensen. Kbh., 1912. Bd. 1, hft. 1. N 1–23).

[122] Самый ранний документ, при котором сохранилась эта печать, датирован 11 января 1450 г. (Ibid. N 74).

[123] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. II. Fig. 71.

[124] *Hørby K., Venge M.* Op. cit. S. 181–182.

[125] Кроме составных гербов, изображенных на печатях 1449 и 1450 гг., эмблема Готов обнаруживается на печати Кристиана, "Дании, Норвегии, Славян и Готов короля, графа Ольденбурга и Дельменхорста", сохранившейся при двух документах, датированных 1464 и 1468 гг. (DKS. N 75). Здесь эмблема Готов вместе с символом Вендов заключена в один из пяти щитов; остальные четыре щита содержат эмблемы Дании, Норвегии, Ольденбурга и крест датского знамени. Эта печать, несомненно, была изготовлена еще до 1457 г., когда Кристиан принял титул шведского короля (см. ниже), с которым он обозначен, в том числе, и в упомянутых документах 1464 и 1468 гг.

[126] *Fleetwood H.* Svenska medeltida kungasigill. D. II. Fig. 70.

Илл. 140. Печать Кристиана I, 1450 г.

Илл. 141. Печать Кристиана I, 1457 г.

му с тремя коронами, символом же “Готов” был объявлен герб Фолькунгов, который при Эрике Померанском считался “старым гербом Швеции” Имя “готы” и в титуле датского короля, и в титуле короля шведского обозначало одно понятие – народ Готии, одной из областей Шведского королевства. Использование королем Карлом в качестве символа “готов” особой эмблемы могло побудить короля Кристиана, в свою очередь, ответить принятием в качестве символа того же понятия особой, но другой по составу знаков эмблемы. Этой эмблемой король Дании мог выразить свое несогласие с характером эмблемы Готов, которую носил король Швеции, и тем самым символически засвидетельствовать свое отношение к правам Карла Кнутссона на шведскую корону, а вместе с тем дать понять о своих личных планах на эту корону.

В таких обстоятельствах международной жизни в Северной Европе видится причина, по которой король Кристиан уже в самом начале своего царствования в Дании (конец 1448 или начало 1449 г.) стал носить не только гербы Дании и Славян, но и герб Готов.

В перемене этих обстоятельств, вероятно, следует искать и причину исчезновения эмблемы Готов из составного герба короля Кристиана. Когда в 1457 г. он, наконец, добился своего избрания королем Швеции, на его новой печати, изготовленной в том же году, был изображен составной герб с шведской эмблемой “три короны” [127] (илл. 141); и, напротив, на ней отсутствовало изображение герба Готов. Исключение последнего, как можно догадываться, обусловливалось выполнением той задачи, которая перед ней ставилась в период притязаний короля Дании на шведскую корону.

В новом составном гербе количество эмблем сохранилось, с той, однако, разницей, что эмблема Швеции вытеснила из второй четверти большого щита эмблему Норвегии, которая теперь перешла в третью четверть, на место удаленной эмблемы Готов. Расположение эмблем Дании, Швеции, Норвегии

[127] DKS. N 76.

и Славян соответствовало порядку исчисления имен этих королевств в титуле короля Кристиана. После вступления на шведский престол он представлялся как "Дании, Швеции, Норвегии, Вендов (Славян) и Готов король, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[128].

Сохранилось также красочное изображение составного герба 1457 г. Это изображение, представленное в стенописи Будольфиской (Budolfi) церкви (город Ольборг), принято датировать серединой 1450-х годов[129]. Думается, однако, что правильнее будет отнести его к периоду между 1457 и 1460 гг., а именно к тому времени, когда употреблялась печать с данным составным гербом. Кроме того до 1457 г. король Кристиан не представлялся с гербом Швеции.

Новый союз трех скандинавских королевств под властью одного короля просуществовал до 1464 г., когда шведы, недовольные политикой, проводившейся Кристианом I в их королевстве, объявили короля Дании лишенным шведского престола и вновь провозгласили королем Карла VIII. Но Кристиан не желал отказываться от шведской короны и до конца своих дней средствами дипломатии и вооруженной силой стремился, правда, тщетно, вернуть себе власть над Швецией. И все это время. где бы король Кристиан ни находился – в Дании или в других странах, при дворе германского императора или римского папы (1474 г.) – на печатях и в документах он представлялся с титулом "короля Швеции" и в его составном гербе изображалась эмблема этого королевства. Такими символическими знаками Кристиан I перед лицом всех светских и духовных правителей Европы, несомненно, желал выставить себя законным государем Швеции. И в этом он преуспел. Император, папа и многие европейские государи признавали за ним права на шведскую корону и ношение герба Швеции. Об этом, в частности, свидетельствует фреска в римском госпитале Святого Духа (San Spirito) (илл. 142). Здесь изображена аудиенция короля Кристиана у папы Сикста IV. Папа, восседающий на троне, вручает коленопреклоненному королю Дании Золотую розу – почетный знак папской курии. На церемонии присутствуют свитские Кристиана, и один из них, вероятно, королевский герольд, держит щит своего государя, на котором, в числе других эмблем, изображен герб Швеции.

Рядом с эмблемами, которые иллюстрировали титул короля Дании, в первом составном гербе Кристиана I, помещенном на его печати, обнаруживается эмблема, которая в цвете представляла собой две красные горизонтальные балки в золотом поле. Она иллюстрировала титул графа Ольденбургского и Дельменхорстского, который носил Кристиан как представитель рода владетелей графств Ольденбурга и Дельменхорста. Поскольку после вступления на датский престол он отказался от прав на эти графства в пользу младшего брата, данные титул и герб стали символизировать его родовое происхождение и, при благоприятных обстоятельствах, а именно если бы в будущем пресеклась династия правителей Ольденбурга и Дельменхор-

---

[128] "Danmarcks Swerigis Norgis Wendes oc Gotes koning, greue i Oldenburgh oc Delmenhorst" (Ibid. N 76); "Dacie, Swecie, Norwegie, Sclavorum Gottorumque rex, comes in Oldenborgh et Delmenhorst" (Missiver. Bd. 1, hft 1. N 25–28).

[129] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 84. Fig. 64.

Илл. 142. Кристиан I на приеме у папы Сикста IV. Римский госпиталь Святого Духа. Фреска, 1474–1481 гг.

ста, его права на их наследование. С таким значением эти титул и герб перешли и к потомкам короля Кристиана.

В декабре 1459 г. умер Адольф I (VIII), герцог Шлезвигский и граф Гольштейна и Стурмарна. Он не оставил потомства, вследствие чего встал вопрос о его наследнике. Ближайшим по крови и праву наследования был король Дании, Швеции и Норвегии Кристиан I, сын сестры Адольфа. Именно он в 1460 г. и был избран вельможами Шлезвига и Гольштейна их наследственным герцогом и графом. Правда, избрание Кристиана состоялось на определенных условиях: его новые княжества в дальнейшем всегда будут пребывать в унии как одно владение, которое по отношению к Дании сохранит политическую самостоятельность. Это условие отражало действительное положение дел во время правления в Шлезвиге графов Гольштейна как герцогов (1386–1459). Оно также покоилось на определении короля Вальдемара III, данном в 1326 г. (*Constitutio Valdemariana*), о том, что герцогство Шлезвигское не является частью королевства Дании. Впрочем, как и в постановлении 1326 г., в избирательной грамоте 1460 г. за герцогством Шлезвигским по-прежнему признавался статус лена датской короны, тогда как Гольштейн и Стурмарн, в свою очередь с XII в. пребывавшие в нерасторжимой унии, оставались леном Священной Римской империи[130].

Но еще, по крайней мере, с июня 1459 г.[131] король Кристиан стал использовать печать с новым составным гербом (илл. 143). Красочное изображение этого герба, датируемое 1460-ми годами, представлено в стенописи капеллы

[130] *Hørby K., Venge M.* Op. cit. S. 180–182, 190.
[131] DKS. N 78.

Илл. 143. Печать Кристиана I, 1459 г.

Святых Трех Королей Роскиллеского собора[132] (цв. илл. 45). К 1460–1480-м годам относится также алтарная композиция с цветным изображением того же герба из Турёской (Turø) церкви (около Свеннборга), ныне хранящаяся в Национальном музее Дании (Копенгаген)[133].

Эмблемы, включенные в новый составной герб датского короля, иллюстрировали титулы Кристиана: герцог Шлезвига и граф Гольштейна и Стурмарна. Кристиан I, таким образом, представлялся теперь как "Дании, Швеции, Норвегии, Вендов (Славян) и Готов король, герцог Шлезвига, граф Гольштейна, Стурмарна, Ольденбурга и Дельменхорста"[134]. Следовательно, еще до своего провозглашения герцогом Шлезвига и графом Гольштейна и Стурмарна король Дании решил обнаружить свои притязания на эти княжества посредством выставления их символов: титулов и гербов. Замечательно, что обе новые эмблемы в составном гербе королей Дании с тех пор вошло в обыкновение изображать рядом, часто в среднем щите, наложенном на большой щит с гербами королевств. Этим подчеркивалось, что Шлезвиг, Гольштейн и Стурмарн суть одно владение. При Кристиане I в среднем щите заключались только гербы Шлезвига и Гольштейна. Они располагались в том же порядке, что и в четверочастном щите прежних правителей Шлезвига и Гольштейна: в первом и четвертом поле эмблема герцогства, во втором и третьем – эмблема графства. Стало быть, Кристиан унаследовал эту гербовую композицию от дяди Адольфа, что, как можно догадываться, свидетельствовало о его стремлении и через иконографию гербов предъявить свои права на Шлезвиг и Гольштейн.

Ту же четверочастную композицию из гербов Шлезвига и Гольштейна находим в другом составном гербе короля Кристиана, представленном на его печати, употреблявшейся с 1460 г. Здесь эта композиция занимает четвертое поле, вместо отсутствующей эмблемы Славян[135] (илл. 144).

В 1473 г. император Священной Римской империи Фридрих III, желая привлечь короля Дании Кристиана в число своих союзников, пожаловал ему право на владение Дитмаршеном – областью с фризским населением, расположенной у Северного моря, к юго-западу от Шлезвига и к северо-западу от Гольштейна. С той же целью в 1474 г. император Фридрих возвел Гольштейн и Стурмарн в статус герцогств и объединил их в одно владение с

[132] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 85. Fig. 66.

[133] Ibid. S. 87. Fig. 68.

[134] "Danmarcks Swerigis Norgis Wendis oc Gotes koning, hertugh i Sleswiigh, greffue i Holsten Stormarn Oldenborgh oc Delmenhorst" (DKS. N 78); "Dacie, Suecie, Noruegie, Slauorum Gotorumque rex, dux Slesuicensis, comes Holsacie, Stormarie, in Oldenborgh et Delmenhorst" (Missiver. Bd. 1, hft. 1. N 29–59).

[135] DKS. N 79.

областью Дитмаршен, которая также стала герцогством. Результатом этих императорских пожалований явились перемены в титулах короля Кристиана. Отныне он стал представляться как "Дании, Швеции, Норвегии, Славян и Готов король, герцог Шлезвигский, а также Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена герцог, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[136].

Новый статус Стурмарна стал причиной того, что для этого герцогства была создана (в 1474–1476 гг.)[137] отдельная эмблема – белый лебедь с золотой короной на шее в красном поле[138]. Она не была представлена в составном гербе короля Кристиана, но ее носил его сын и наследник Ханс (1455–1513), как свидетельствует его первая печать[139] (илл. 107). Не обнаруживается среди гербов Кристиана и эмблема Дитмаршена, которая, впрочем, тогда еще не была создана.

Илл. 144. Иконография печати Кристиана I, 1460–1480 гг.

При жизни Кристиана I королевич Ханс (Иоанн) был провозглашен наследником отца в Норвегии (1458 г.), а также в Шлезвиг-Гольштейне (1466 г.). В 1476 г. состоялось повторное признание его прав на норвежскую корону, а кроме того, и на шведскую и датскую, что на будущее определяло внешнеполитическую задачу, которую Хансу предстояло решать: вновь возродить союз Дании, Швеции и Норвегии под державным руководством датского короля. К тому же году восходит самое раннее известие о первой печати Ханса. На ней изображен его щит с гербами Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга и начертаны все его титулы: "Печать Иоанна, Божией милостью для королевств Дании, Швеции и Норвегии избранного короля, герцога Шлезвига, графа Гольштейна, Стурмарна, Ольденбурга и Дельменхорста"[140]. В самих документах (1476–1483 гг.), при которых обнаруживается первая печать Ханса, он представляется как "Божией милостью избранный в королевстве Дании, истинный наследник Норвегии, герцог Шлезвига и Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена герцог, граф Ольденбурга и

---

[136] "Dacie, Suecie, Noruegie, Slauorum Gotorumque rex, dux Slessuieensis ac Holsacie, Stormarie et Ditmarcie dux, in Oldenborgh et Delmenhorst comes" (Missiver. Bd. 1, hft. 1. N 63).

[137] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvåben. S. 124.

[138] В описании похорон Фредерика II сообщается, что на одном из знамен был изображен герб Стурмарна, "которым является белый лебедь с золотым ожерельем в красном поле" (*Vexillum cum insigni Stormariensi, quod est Cygnus candidus cum aureo monili in rubro campo*) (Descripto Pompae funebris. S. 14). У Л. Хольберга он описывается как "стурмарнский белый лебедь с короной вокруг шеи в красном поле" (*det Stormarnske en hvid Svane med en krone om halsten udi et rødt feldt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 630).

[139] DKS. N 85.

[140] "S IOHANIS DEI GRA AD REGNU DAT SWEC NORWE ELECTI REGIS DUC SLESWICEN COITIS HOLSATIS STORMARE OLDENBOR ET DEMEHORST" (Ibid.).

Дельменхорста"[141] или "Божией милостью избранный в королевствах Дании и Швеции, наследник в Норвегии, герцог Шлезвига и герцог Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[142].

Таким образом, имея еще статус наследника, Ханс носил титулы, посредством которых он представлялся наследником отца. При этом он употреблял печать с тремя гербами (Шлезвига, Гольштейна и Ольденбурга), которые были представлены в составном гербе короля Кристиана, и одним новым гербом (Стурмарна). Эти гербы символизировали княжества, в которых Кристиан был или наследственным правителем (Шлезвиг, Гольштейн и Стурмарн), или возможным наследником (Ольденбург). На этом основании указанные гербы при короле Кристиане стали его родовыми гербами, что и обусловило присутствие их на печати его сына и вероятного преемника. В 1458 г. за потомками короля Кристиана было закреплено также право на наследование норвежской короны, что нашло выражение в титуле Ханса "наследник в Норвегии" Однако герба Норвежского королевства при короле Кристиане его сын не носил, несомненно, лишь вследствие отсутствия обычая, который, как мы ниже увидим, в скором времени будет установлен.

Но, несмотря на свой статус наследника, после смерти короля Кристиана в мае 1481 г. Ханс не сразу был признан не только королем, но и герцогом Шлезвига-Гольштейна (Стурмарна и Дитмаршена). Только в 1482 г., причем одновременно со своим малолетним братом Фредериком (Фридрихом) (1471–1583), он был провозглашен правящим наследственным герцогом Шлезвига и Гольштейна[143]. Тем самым за сыновьями короля Кристиана и их потомками окончательно закреплялось наследственное право на ношение титулов и гербов этих герцогств.

В Дании и Норвегии признание в качестве законного короля Ханс получил только после того, как 1 февраля 1483 г. скрепил своей первой печатью условия его избрания на датский и норвежский престол. Этими обстоятельствами политической биографии Ханса и следует объяснять то, что он еще в начале 1483 г. употреблял печать, на которой отсутствовали гербы Дании, Швеции и Норвегии. Как можно догадываться, их ношение Хансом в период, когда он добивался признания себя в качестве короля, могло бы вызвать протест со стороны вельмож трех королевств, которые фактически являлись избирателями нового короля.

Имея же статус законного короля Дании и Норвегии, что выразилось в его новом титуле "Дании, Норвегии, Вендов и Готов король", с 1484 г.[144] Ханс стал использовать печать с составным гербом Кристиана I 1459 г., в котором тройной титул датского короля ("Дании, Вендов и Готов") иллюстрировали только две эмблемы: Дании и Вендов (илл. 145). Отсутствие третьего символа – герба Готов, объясняется той же причиной, по которой этот герб перестал носить король Кристиан I. Ханс, как ранее его отец, на своей

---

[141] "Hans, met gudz nade vdvald till Danmarks rige, rett arwingh till Norrighe, hertugh i Slesuigh oc Holsten Stormarn oc Ditmarchen herrtugh, i Oldenborgh oc Delmenhorst grewe" (Ibid.).

[142] "Hans, met gutz nadhe wdwald til Danmarcks oc Swerigis riige, arff. wingh til Norige, hartiigh i Sleswigh oc hartigh i Holsten Stormaren oc Dythmarsken, greffue i Oldenborgh oc Delmenhorst" (Ibid. N 86).

[143] *Gregersen H.V.* Slesvig og Holsten før 1830. Kbh., 1981. S. 203–204.

[144] DKS. N 87.

новой печати повелел изобразить составной герб с эмблемой Швеции (три короны). Она иллюстрировала его титулы "король Швеции", который обнаруживается в составном титуле на той же печати[145], и "избранный король Швеции", с которым Ханс представлялся в документах до вступления на шведский престол[146]. Этими титулами Ханс выражал притязание на все королевство "свеев и готов" и его корону. Возложить ее на свою голову, однако, он смог лишь в 1497 г., после чего в документах стал представляться с новым титулом, который еще раньше был начертан на его печати 1484 г.; здесь Ханс назван, помимо прочего, "королем Швеции". Правда, быть царствующим королем Швеции ему пришлось недолго. Уже в 1501 г. шведы лишили его престола, и возрожденный союз трех королевств снова распался. Но идея этого союза продолжала жить, прежде всего, в среде датской и норвежской аристократии, и решительным поборником ее являлся король Ханс, который до самой смерти носил титул и герб "короля Швеции" и всеми средствами стремился вновь утвердиться на шведском престоле.

Илл. 145. Печать короля Ханса 1484–1512 гг.

Илл. 146. Нобель короля Ханса 1496 г.

С 1487 г. король Ханс использовал также печать[147], на которой был представлен составной герб его отца 1460 г. В этом гербе, как мы помним, первые три поля главного щита были отведены для эмблем соответственно Дании, Швеции и Норвегии, а четвертое поле – композиции из гербов Шлезвига и Гольштейна; в щитке же была заключена эмблема Ольденбурга.

Свое царствование король Ханс закончил с новым составным гербом. Отличие этого герба, впервые представленного на монете (*nobel*) 1496 г.[148] (илл. 146), от герба 1484 г. заключалось в присутствии в нем эмблемы Стур

---

[145] "SECRETU IOHANNIS DACIE SWECIE NORWEGIE SCLAUORUM GOTTORUQVE REGIS DUCIS SLESWICEN AC HOLSACIE STORMARIE ET DITMARCIE DUCIS COMITIS IN OLDENBORGH ET DELMENHORST" (Ibid.).

[146] "Danmarcks Norgis Wendis oc Gothers koning, vdwald koning til Swerige, hertug i Sleswig oc i Holsten Stormarn oc Ditmerchen hertug, greffue i Oldenborg oc Delmenhorst" (Ibid.).

[147] DKS. N 88.

[148] *Schou H.H.* Beskrivesle af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1922. Kbh. 1923. Tavle 1. 1496 (1).

Илл. 147. Печать короля Ханса, 1500 г.

марна, которую Ханс носил в 1476–1483 гг. Вернуться к ее использованию короля Дании, вероятно, побудило то обстоятельство, что его младший брат, герцог Фредерик, с 1493 г. употреблял печать с составным гербом, который включал символ Стурмарна[149]. Оба брата совместно управляли областями Шлезвиг-Гольштейна, в том числе Стурмарном, а потому Ханс решил последовать примеру брата и стал иллюстрировать свой титул "герцог Стурмарна" гербом герцогства Стурмарнского.

Эмблема Стурмарна присутствует также на печати Ханса, которая употреблялась в 1500 г.[150] (илл. 147). Здесь гербы представлены в десяти щитах. При этом в двух щитах, расположенных друг над другом, изображены по отдельности знаки герба Готов: в верхнем лев, в нижнем – девять сердец. Что послужило причиной такому разделению знаков одного герба, остается неиз-

[149] DKS. N 105.
[150] Ibid. N 89.

вестным. Но любопытен сам факт их использования, хотя и кратковременного, королем Хансом. Объяснение этому факту, вероятно, следует искать в осложнении отношений Ханса с его шведскими подданными. Именно в 1500 г. их взаимоотношения сильно ухудшились, что и привело к лишению Ханса шведской короны в 1501 г. Больше всего сторонников у короля Дании находилось в южных землях Швеции, из которых по традиции составлялось королевство "готов" При таких обстоятельствах продемонстрировать символ этого королевства на печати государя, который считал себя единственным законным носителем верховной власти не только у свеев, но и у готов, означало претензию на сохранение господства хотя бы в "Готском королевстве"

Илл. 148. Печать "избранного короля" Кристиана II, 1508 г.

Кроме того, символ Стурмарна обнаруживается среди эмблем составного королевского герба, который представлен на надгробной стеле Ханса, находящейся в соборе св. Кнута в Оденсе, но уже в третьем поле среднего щита, на месте ранее бывшей тут второй эмблемы Гольштейна, тогда как четвертое поле снова отведено для второй эмблемы Шлезвига (илл. 26). Впрочем, сама стела, на которой помимо Ханса изображены еще его королева Кристина Саксонская и их умерший в детстве сын Франц, была изготовлена в начале 1520-х годов, при короле Кристиане II. Поэтому нельзя исключать, что представленный на ней королевский герб принадлежал не Хансу, а уже его сыну Кристиану. Действительно, этот герб, как ниже будет показано, известен только по памятникам времени правления Кристиана II (1513–1523).

Как и отец, Кристиан выступал решительным сторонником союза трех скандинавских королевств с одним королем во главе. При жизни короля Ханса он неоднократно провозглашался наследником в Дании (1487, 1491, 1497, 1512 гг.), Норвегии (1489 г.) и Швеции (1498, 1499, 1509 и 1512 гг.), что выражалось в его составном титуле "истинный наследственный король в королевстве Норвегии, избранный король Дании и Швеции" При жизни отца он носил также родовые титулы герцога Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, графа Ольденбургского и Дельменхорстского[151]. С 1506 по 1513 г. Кристиан занимал должность наместника короля Ханса в Норвегии. К этому периоду относятся свидетельства о его первых печатях. На них изображены гербы Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга[152] (илл. 148).

Точно такой же составной герб, по крайней мере, с 1493 г., носил и дядя Кристиана, Фредерик (Фридрих), деливший власть в герцогствах Шлезвиг, Гольштейн, Стурмарн и Дитмаршен с королем Хансом. Этот герб представ-

[151] "ret arff konnung till Noriges rigae, vdualdt konnung till Danmarck och Suerige, hertug vti Slesvig, Holsten Stormarnn och i Ditmerchen, greffue i Oldenborg och Delmenhorst" (Ibid. N 96).
[152] *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905. S. 114 (DRH. Bd. III); DKS. N 96, 97.

лен, например, на далере Фредерика 1522 г.[153] (илл. 108). Вначале Фредерик представлялся как "наследник Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна и Стурмарна, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[154], а позже как "наследник королевства Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста" (на печати 1511 г.)[155].

Таким образом, дядя и племянник в одно время носили одинаковые титулы и гербы, что не может ни свидетельствовать о том, что эти титулы и гербы в царствование короля Ханса считались родовыми у детей и внука короля Кристиана I. Стало быть, отныне и титул "наследник королевства Норвегии" и иллюстрировавший его норвежский герб стали наследственным достоянием потомков первого датского короля из Ольденбургского рода. И действительно, в дальнейшем законные мужские представители Ольденбургского дома, царствовавшего в Дании, употребляли их в качестве родовых знаков.

Смерть короля Ханса в феврале 1513 г. открыла его сыну Кристиану дорогу к трону. Но, несмотря на все свои наследственные права, он не сразу обрел статус законного короля не только в Дании, но и в Норвегии, а также в герцогствах. Только согласившись в июле 1513 г. с условиями, на которых он должен был царствовать, предъявленными ему датским и норвежским Государственными советами, он был признан королем Дании и Норвегии. Вскоре ему присягнули на верность и его подданные в герцогствах, и тоже после того как Кристиан пообещал соблюдать их права. В Шлезвиге и Гольштейне, как ранее его отец, он отныне являлся соправителем герцога Фридриха I.

Все эти месяцы, а также некоторое время после вступления на престол, вплоть до 1515 г., Кристиан II продолжал употреблять печати со своим первым составным гербом. В дальнейшем, в 1515 г., им на смену пришли другие печати, на которых были изображены щиты со всеми гербами короля Ханса[156] (илл. 149). Кроме родовых гербов, среди них были представлены также гербы Дании, Швеции и Вендов. Но тот факт, что новый король после своего избрания какое-то время не употреблял печатей с гербами датским, шведским и вендским, еще не служит доказательством того, что он не носил этих гербов со времени вступления на престол. Имеется и прямое свидетельство того, что составной герб, который изображен на печатях Кристиана, употреблявшихся с 1515 г., существовал раньше: его изображение присутствует на титульном листе первого печатного издания "Деяний датчан" Саксона Грамматика, вышедшего из парижской типографии в 1514 г. стараниями датского писателя Кристиерна Педерсена под заглавием "История королей и героев данов"[157] (илл. 33).

О том, что еще до 1515 г. Кристиан II стал носить составной герб с эмблемами Дании, Швеции и Славян (Вендов), косвенно свидетельствуют и его новые титулы, с которыми он стал представляться после вступления на дат-

---

[153] *Bendixen K*. Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. Fig. 88.

[154] "erfgenahme to Norwegen, hertzog tho Schleswig Holstein vnd Stormarn, graff zu Altenburg vnd Delmenhorst" (DKS. N 105).

[155] Ibid. N 106.

[156] Ibid. N 98.

[157] Danorum Regum heroumque Historie... P., 1514; *Heise A*. Op. cit. S. 264.

ский и норвежский престол: "Божией милостью король Дании, Норвегии, Вендов и Готов, избранный король Швеции, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[158].

Илл. 149. Печать Кристиана II, 1515 г.

Титул "избранный король Швеции" и герб этого королевства – символы, которые недвусмысленно должны были свидетельствовать о внешнеполитических планах нового короля Дании и Норвегии. Более того, Кристиан II фактически уже считал себя шведским королем, о чем свидетельствует его титул на печати, употреблявшейся с 1515 г.: "король Швеции". Но все-таки он еще должен был добиться признания со стороны шведов и венчаться шведской короной.

Последующие события, связанные с осуществлением этих планов, хорошо известны. Кристиан II, в конце концов, после длительной борьбы, сломив сопротивление шведов вооруженной рукой, вошел победителем в Стокгольм, был провозглашен королем Швеции и венчан на царство, после чего устроил "кровавую баню" знатным шведам (1520 г.). С этого времени в документах Кристиан представлялся с новым составным титулом: "Дании, Швеции, Норвегии, Вендов и Готов король, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[159].

Подчинение Швеции Кристиану II означало восстановление Кальмарской унии. И новый союз трех скандинавских королевств снова осуществился под руководством датского короля, во главе с Данией. Это нашло отражение не только в составном титуле Кристиана II, где имя Дании по традиции продолжало занимать первое место, но и в создании новой композиции из гербов Кристиана. Она обнаруживается на монете, датируемой началом 1520-х годов[160]. Здесь щит с гербом Дании представлен в окружении щитов с гербами Швеции, Норвегии, Вендов, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Ольденбурга и с крестом датского знамени.

Как можно догадываться, этой композицией иллюстрировалась мысль о главенствующем положении Дании по отношению к тем странам, в которых датский государь был королем и герцогом или над которыми (Вендланд и Ольденбург) мечтал установить свою власть.

Господство Кристиана II в землях Северной Европы, однако, продлилось недолго. Вскоре в Швеции началось восстание под руководством шведского

[158] "Christiern met gudz nade Danmarckis Norges Wendis oc Gottes koning, vdwald koning till Suerige, hertug vti Slesuig Holsten Stormarn oc Dytmersken, greffue i Oldenburg oc Delmenhorst" (DKS N 98).

[159] Ibid. N 100.

[160] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 2. U. A. (2); *Bendixen K.* Op. cit. S. 57.

вельможи Густава Вазы, завершившееся низложением Кристиана и провозглашением королем Швеции предводителя повстанцев (1523 г.). На этом беды Кристиана II не окончились. В том же году против него восстали дворяне в Дании и герцогствах, недовольные его "тиранией", в результате чего он отправился в изгнание (апрель 1523 г.). Последовавшая затем попытка Кристиана вернуть себе престолы в Норвегии и Дании (1531–1532 гг.) закончилась его пленением и тюремным заточением (июль 1532 г.), в котором он пробыл до самой смерти (1559 г.). Все эти трагические события в жизни Кристиана, однако, никак не отразились на составе его гербов и титулов. Находясь в изгнании в Нидерландах и Германии (1523–1531 гг.), он по-прежнему представлялся с титулом и составным гербом периода царствования, выражая тем самым свое политическое умонастроение: он считал только себя законным государем в Дании, Норвегии и Швеции. Об этом, в частности, свидетельствуют портреты Кристиана с его гербами и титулами на гравюре Л. Кранаха Старшего, датированной второй половиной 1523 г.[161] (илл. 30). И даже в 1546 г., когда от Кристиана, томившегося в заточении, потребовали скрепить печатью документ, в котором он отрекался от прав на скандинавские королевства, на этой печати[162], изготовленной по такому случаю, присутствовало изображение его старого королевского составного герба. Правда, титул, который сопровождал этот герб, представлял Кристиана лишь бывшим государем: "некогда король Дании, Швеции, Норвегии, герцог Шлезвига и Гольштейна" Кристиан, таким образом, перелистывал последнюю страницу своей политической биографии с гербами, символически выражавшими идею унии стран Северной Европы, за осуществление которой он заплатил утратой власти государя и свободы.

Кристиану II приписывается еще один герб, а именно изображенный в доме Вальтера Целлера в тирольском городе Инсбруке (ок. 1515 г.)[163]. Этот составной герб состоит из большого щита, поделенного бело-красным крестом, с эмблемами Дании в первом поле, Швеции во втором, Норвегии в третьем и Славян[164] в четвертом, а также щитка, заключающего символ Ольденбурга. Однако такого составного герба Кристиан II, по свидетельству его печатей, монет и других памятников, никогда не носилл. Зато этот герб обнаруживается на печати Кристиана I, которую он употреблял в 1457–1460 гг. Отсюда можно догадываться, что именно иконография этой печати и послужила источником при написании в красках герба в доме В. Целлера.

Еще до того, как Кристиан II отправился в изгнание, в марте 1523 г., ютландские дворяне, самые многочисленные и могущественные из датских вельмож, присягнули на верность как будущему королю Дании герцогу Фридриху (Фредерику) I (1523–1533), дяде Кристиана. Вскоре, в апреле, и дворяне Шлезвига-Гольштейна провозгласили его своим единовластным герцогом. Окончательно Фредерик утвердился на датском престоле после того, как согласился с условиями своего царствования (13 августа 1523 г.),

---

[161] *Heise A.* Op. cit. S. 264.
[162] DKS. N 101.
[163] *Hye F.-H. von.* Tidlige heraldiske vidnesbyrd om europæisk bevidsthed i det gamle Tirol: Med særligt henblik på våbenerne for Danmark, Norge og Sverige // Herald. Tidsskr. 2004. N 89. S. 393.
[164] Дракон в этом гербе ошибочно представлен в красном, а не синем поле.

предъявленными ему Государственным советом, и короновался датской короной (1524 г.). В Норвегии же Фредерик был признан королем только в августе 1524 г., на условиях, которые выдвинул норвежский Государственный совет. Но, в отличие от Дании, в Норвегии, которую Фредерик никогда не посещал, он так и не короновался.

Илл. 150. Нобель Фредерика I. 1530 г.

До венчания датской короной, вместе с родовыми титулами, Фредерик I носил титул "избранный король Дании"[165], а после коронации – тройной титул датских королей: "король Дании, Вендов и Готов" В период до августа 1524 г., когда ему присягнули норвежцы как своему королю, Фредерик представлялся с титулом "истинный наследник в Норвегии". После же его избрания в норвежские короли Фредерик принял титул "избранный король Норвегии"[166]. Этот титул, по документальным свидетельствам, он носил до конца своего царствования, поскольку не был венчан норвежской короной. Однако на печати, которую Фредерик использовал с 1526 г., он представлен как "Дании, Норвегии, Готов и Вандалов король"[167]. Вероятно, Фредерик I даже и без венчания норвежской короной считал себя полноправным королем Норвегии.

В бытность свою "избранным королем Дании и истинным наследником в Норвегии", Фредерик продолжал употреблять печати, на которых были изображены только его родовые гербы – символы Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга. Эти же печати Фредерик использовал и тогда, когда уже утвердился на датском престоле[168]. Однако еще в 1523 г как свидетельствует иконография его первых монет[169], король Фредерик начал носить и герб Датского королевства. Впоследствии, по данным иконографии его печати, употреблявшейся с 1526 г., и некоторых его монет[170], в его составном гербе, вместе с символом Дании, присутствовала также эмблема Вендов (Вандалов), по устоявшемуся обычаю иллюстрировавшая второе имя тройного титула датского короля. Эмблемы Дании и Вендов представлены также в составных гербах Фредерика, которые изображены на недатированных монетах[171] (илл. 150).

Союзником Фредерика в борьбе против Кристиана II был Густав Ваза, "король свеев и ётов (готов)" Оба они стали королями в один год и тогда же

---

[165] "vdtuoldt koning tiill Danmarck, ret arffing tiill Norge, hertug i Slesuigh Holsten Stormarn oc Ditmerschen, greffue i Oldenburg oc Delmenhorst" (DKS. N 108).

[166] "Danmarckis, Wendis ock Gottis konning, wduoldt konning tiil Norghe, hertug wti Slessup Holstenn Stormeren och Ditmersken, greffue wti Oldenborch och Delmenhorst" (DKS. N 112).

[167] "S[IGILLUM] FREDERICI DACIE NORVEGIE GOTTOR[UM] VAND[ALORUM] REGIS" (Ibid. N 113).

[168] Ibid. N 106–109.

[169] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 4. 1523 (1, 4).

[170] Ibid. Tavle 5. 1531 (3), 1532 (2, 11, 12).

[171] *Bendixen K.* Op. cit. S. 58. Fig. 90; *Schou H.H.* Op. cit. U. A. (1–3).

признали друг друга в качестве законных монархов соответственно Дании и Швеции. Как следствие, Фредерик I отказался от принятия звания и герба короля Швеции, что видно из иконографии и легенд его монет и печатей. Не была представлена в его составных гербах и эмблема Готов – очевидно, по той же причине. Правда, титул "король Готов" он за собой сохранил, возможно, в качестве традиционного титула датского короля и одновременно как свидетельство о подданстве датской короне некоторых "готов", а быть может, и с тайным умыслом – как все-таки символ притязаний на часть Швеции и даже шведскую корону, которую носили его предшественники – короли эпохи Кальмарской унии.

Впрочем, число эмблем в составном гербе короля Фредерика не уменьшилось по сравнению с их количеством в составном гербе короля Кристиана II – по причине включения в него эмблемы графства Дельменхорст.

Еще в 1454 г. король Кристиан I передал свою часть графств Ольденбург и Дельменхорст в управление младшему брату, графу Герхарду II, продолжив, однако, носить их титулы и герб, который у графств, составлявших нераздельное владение, был один – две красные балки в золотом поле. Но в 1474 или 1475 г. граф Герхард учредил отдельный герб для Дельменхорста. Им стал золотой крест в синем поле. Отныне граф Герхард и его потомки, графы Ольденбургские и Дельменхорстские, стали носить четверочастный щит с двумя гербами: в первом и четвертом полях – эмблема Ольденбурга, во втором и третьем – эмблема Дельменхорста[172].

Именно щит с таким расположением эмблем обоих графств, среди щитов с другими гербами короля Дании, обнаруживается на печати Фредерика I, которую он употреблял с 1526 г.[173], и на монетах 1532 г.[174] (илл. 151). Здесь щит с гербами Ольденбурга и Дельменхорста занимает центральное положение по отношению к остальным гербовым щитам, размещенным по кругу. Эта композиция обозначала статус гербов графств как символов рода, к которому принадлежал король Дании и Норвегии и герцог Шлезвига и Гольштейна Фредерик I – рода правителей Ольденбурга и Дельменхорста. Одновременно данной композицией иллюстрировалась мысль и о том, что Фредерик являлся государем тех королевств и герцогств, чьи символы окружали гербы его рода.

Впрочем, возможно, не только желанием носить второй герб своего рода и стремлением проиллюстрировать через него свой титул "граф Дельменхорста" обусловливалось появление символа этого графства среди гербов короля Фредерика. На то могли быть и причины политические, чему находится косвенное доказательство. В 1526 г., когда король Фредерик включил эмблему Дельменхорста в свой герб, умер граф Ольденбурга и Дельменхорста Иоганн XIV, сын и преемник графа Герхарда II. Между сыновьями графа Иоганна возникли разногласия относительно отцовского наследства[175]. Последнее обстоятельство могло дать повод и королю Дании хотя бы символически, через включение в число своих гербов составного герба почившего

---

[172] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 124.
[173] DKS. N 113.
[174] *Heise A.* Op. cit. S. 334; *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 5. 1532 (2, 11–12).
[175] *Paludan-Müller C.* Grevens Feide. Kbh., 1853. D. I. S. 40–41.

графа, тоже выразить притязание на право наследования власти в Ольденбурге и Дельменхорсте. Во всяком случае, в дальнейшем у короля Фредерика были весьма натянутые отношения с его двоюродными племянниками из Ольденбурга и Дельменхорста.

Илл. 151. Нобель Фредерика I, 1532 г.

От времени правления Фредерика известна также двучастная композиция из эмблем Ольденбурга и Дельменхорста. Она представлена в щитке составного герба на гульденах 1531 г. и недатированном[176]. Именно эта последняя композиция, при изображении эмблем Ольденбурга и Дельменхорста в щитке, впоследствии и стала использоваться в гербе королей Дании вплоть до 1972 г., когда эмблема Дельменхорста была исключена из королевского герба.

Что же касается последовательности расположения эмблем Ольденбурга и Дельменхорста в полях щита, то, как и в случае с местоположением эмблем Гольштейна и Стурмарна, здесь преследовалась мысль, основанная на понимании разного статуса обоих графств. Ольденбург в иерархии стоял выше Дельменхорста, следовательно, эмблеме првого графства отводилось место более почетное, нежели эмблеме второго. В той же последовательности Ольденбург и Дельменхорст исчислялись и в королевском титуле со времени Кристиана I.

Кроме присутствия в щитке эмблемы Дельменхорста, составной герб Фредерика I, изображенный на его гульденах 1531 г. и недатированном, имел еще ряд отличий от более раннего герба короля. Эти отличия находим и в среднем, и в главном щите. Так, в среднем щите снова, как и в гербе Кристиана II, третье поле отдано эмблеме Стурмарна, а на ее место в главном щите перемещена эмблема Вендов, которая, в свою очередь, освободила четвертое поле главного щита для второй эмблемы Дании. Именно такое одновременное использование эмблем Дании в первом и четвертом поле главного щита, встречаемое затем также в одном из составных гербов сына Фредерика I, короля Кристиана III, впоследствии, после продолжительного забвения, снова нашло место в гербе ныне (с 1972 г.) царствующей королевы Маргреты II (цв. илл. 50).

Королю Фредерику I приписываются еще несколько составных гербов. Однако их изображения восходят уже ко второй половине XVI в., а потому их ношение королем Фредериком вызывает сомнения. Так, его надгробие в кафедральном соборе города Шлезвига, созданное каменных дел мастером Корнелисом Флорисом в 1552 г., украшено гербом, который, если бы в его щитке, заключающем лишь одну эмблему Ольденбурга, не отсутствовала эмблема Дельменхорста, можно было бы отождествить с гербом Фредерика, изображенном на его гульденах 1531 г.

[176] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 5. 1531 (3); U.A. (2).

Вызывает также сомнение принадлежность Фредерику I герба на хранящейся в замке Фредериксборг копии его портрета кисти Якоба Бинка (цв. илл. 46). И дело не только в том, что сам портрет датируется только 1539 г., т.е. временем царствования Кристиана III. Изображенный здесь королевский герб содержит эмблемы Швеции (три короны), Исландии, Готланда и Готов, которые не встречаются в прижизненных гербах Фредерика I. Две из них (Швеции и Готов), как ниже увидим, снова стал носить Кристиан III. Символы же Исландии и Готланда ввел в число гербов короля Дании только сын Кристиана, Фредерик II (1559–1588). Стало быть, создание составного герба на портрете Фредерика I должно датироваться никак не ранее царствования его внука Фредерика II. Можно попытаться установить и более точное время написания этого герба. Так, известно[177], что только около 1563 г. Фредерик II стал представляться с гербами Исландии, Готланда, а также Дитмаршена, которого на портрете Фредерика I, однако, нет. Следовательно, изображенный на этом портрете составной герб короля Дании может датироваться никак не ранее 1563 г. Можно определить и причины, по которым Фредерику I был приписан составной герб, который он никогда не носил. Вспомним, что это было время обострения датско-шведских отношений, приведшее к войне двух скандинавских государств (1563–1570). Одним из поводов к началу войны послужил спор из-за гербов, в том числе из-за герба Швеции. Во время этого спора датская сторона доказывала право Кристиана III и Фредерика II носить эмблему "три короны" как родовой герб, между прочим, и на том основании, что ее носили прежние короли Дании, хотя, как мы помним, такая эмблема отсутствовала среди гербов Фредерика I. При таких обстоятельствах включение трех корон в составной герб давно почившего короля Фредерика I, вероятно, должно было послужить свидетельством того, что и этот король Дании представлялся с гербом Швеции. Прочие гербы, которые Фредерик I не носил (Готов, Готланда и Исландии), очевидно, также были приписаны ему с политической целью: показать, что земли, которые эти гербы символизировали, являлись достоянием датской короны и наследственным владением короля Фредерика II.

Наконец, третий составной герб, принадлежность которого Фредерику I вызывает сомнение, сопровождает портрет этого короля на родословном древе его сына, Кристиана III, изображенном в замке Сённерборг (о. Альс) (цв. илл. 26) около 1570 г., а также на генеалогическом древе королевы Софии Мекленбургской (1557–1631), супруги короля Фредерика II, созданном в Нюкёбингской церкви (о. Фальстер) в 1624 г.[178] В то же время в главном четверочастном щите, вместе с эмблемами Дании, Норвегии и Вендов, присутствует эмблема Готов, которой нет в прижизненных гербах Фредерика I. К тому же последней эмблеме, вопреки традиции, всегда соблюдавшейся при предшественниках и преемниках Фредерика I, отведено здесь лишь четвертое поле, менее почетное по сравнению с эмблемой Вендов, предстающей в третьем поле. Кроме того, при отсутствии в этом гербе третьего щита, в его второй, теперь уже сердцевой, четверочастный щит была заключена эмблема Ольденбурга; ей тут было отведено четвертое поле, а в трех первых по-

---

[177] См. ниже.

[178] *Grandjean P.B.* Det dansk Rigsvaaben. S. 179.

Стурмарна.

Неприязненные отношения с графской семьей Ольденбурга от короля Фредерика унаследовал его сын, Кристиан III, который после смерти отца (апрель 1533 г.) стал герцогом Шлезвиг-Гольштейна и выступил претендентом на датский престол. В своей борьбе за Данию со сторонниками Кристиана II, которая вылилась в гражданскую войну – "Графскую распрю" (1534–1536), он нуждался в поддержке и признании немецких княжеских домов, в том числе ольденбургских родственников. Один из них, граф Кристофер, выступил его решительным противником. Но другой, правящий граф Ольденбургский и Дельменхорстский Антон (1526–1573), старший брат Кристофера, весной 1534 г. заключил с герцогом Кристианом III союзный договор, по которому, среди прочего, герцог признавал за графом его права на владение Ольденбургом и Дельменхорстом[179].

В последнем обстоятельстве, вероятно, следует видеть причину того, что Кристиан III не представлялся с гербом Дельменхорста ни в период борьбы за датскую корону, ни в первое десятилетие своего царствования (1536–1546). Тем самым, как можно догадываться, он давал понять графу Антону, что, в отличие от своего отца, признает его законным государем Ольденбурга и Дельменхорста.

И только в 1546 г. король Кристиан III, по примеру короля Фредерика, приказал поместить изображение четверочастного щита с двумя гербами графов Ольденбурга и Дельменхорста в числе других гербовых щитов на своей новой печати[180] (илл. 104). Каковы были причины, подвигшие короля Кристиана произвести перемены в составе своих гербов, доподлинно неизвестно. Но замечательно, что на той же печати был представлен щит с гербом Швеции (три короны), чем выражалась претензия короля Кристиана III на наследование шведской короны. Можно предположить, что и составной герб графов Ольденбурга и Дельменхорста понадобился тогда же королю Дании для символического обозначения своих наследственных прав на графства, из которых происходил его род.

При жизни короля Фредерика и в начале борьбы за датскую корону Кристиан носил те же родовые титулы (истинный наследник Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста) и гербы (Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга)[181], которые до вступления на престол Дании и Норвегии носили его отец и двоюродный брат Кристиан II. После смерти отца Кристиан III был провозглашен (вместе с малолетними братьями) правящим герцогом Шлезвиг-Гольштейна. Но добиться признания в качестве короля Дании и Норвегии ему удалось не сразу. Только 18 августа 1534 г. датские вельможи присягнули ему как будущему королю Дании, вследствие чего Кристиан стал представляться также и с гербом Датского королевства, о чем свидетельствует иконография его монеты 1535 г.[182]

[179] Ibid. S. 161.
[180] DKS. N 122 a.
[181] Ibid. N 117.
[182] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 7. 1535 (1).

В Норвегии некоторые вельможи также присягнули на верность Кристиану, что дало ему основание переменить родовой титул "наследник Норвегии" на титул "избранный король Норвегии". Поэтому полный составной титул Кристиана III стал следующим: "избранный король Дании и Норвегии, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[183].

Окончательно же утвердиться на датском и норвежском престоле Кристиан III смог только после гражданской войны, когда признал условия своего избрания (октябрь 1536 г.). Вскоре последовало также его венчание на царство, и с конца 1536 г. Кристиан III стал носить титулы "король Дании, Норвегии, Вендов и Готов, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, граф Ольденбурга и Дельменхорста"[184]. Впоследствии исключительно с этим составным титулом представлялись все царствовавшие короли Дании вплоть до 1777 г.

На печати 1536 г. представлен герб короля Кристиана, включавший эмблемы Дании, Норвегии, Вендов, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга[185]. Но вскоре в составе этих эмблем произошли перемены. На монетах, выпущенных в 1537, 1545 (илл. 152) и 1547 гг.[186], и новой королевской печати, изготовленной в 1538 г.[187], был изображен щит не только с этими гербами, но также с гербом Готов. Эмблема Готов отсутствовала в составных гербах королей Дании с 1457 г., с того времени, когда Кристиан I, вступив на престол Швеции, вместо этой эмблемы стал носить символ Шведского королевства (три короны). В составном гербе Кристиана III эмблеме Готов, которой, вероятно, выражалось притязание короля Дании на власть в Готии и даже во всей Швеции[188], было отведено место в третьем поле большого четверочастного щита; в двух первых полях находились соответственно эмблемы Дании и Норвегии, в четвертом – символ Вендов[189].

Герб короля Кристиана III на памятниках, датируемых 1537–1545 гг., был создан, осознано или по совпадению, посредством соединения двух гербов, уже нам известных. В главном щите изображался герб, принадлежавший королю Кристиану I в 1450–1457 гг., а в малом щите – герб Ханса, который тот носил до вступления на королевский престол, т.е. в период с 1476 по 1483 г. Щиток с теми же эмблемами, именно Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга, обнаруживаем также в первом королевском гербе Кристиана III, изобра-

---

183 "Christiann, mett guds naade wduoldt konning tiill Danmarck oc Norge, hertwg wdi Slesuig Holstenn Stormarnn oc Dytmerskenn, greffue wdi Oldenborg oc Delmenhorst" (DKS. N 119).

184 В документе 1537 г.: "Danmarks Norges Wendis och Gottis koning, hertug vdi Sleswiig Holstenn Stormarn och Ditmerskenn, greffue vdi Oldenborg och Delmenhorst", на печати, изготовленной еще в 1536 г., при этом документе: "S[IGILLUM] CHRISTIANI D[EI] G[RACIA] DACIE NORWEGIE SLAVORV[M] GOTORVM Q[VE] REGIS SLESVICI HOLSATIE STORMARIE ET DITMERTIE DVCIS COMITIS IN OLDENBVRG ET DELMENHORST 1536" (Ibid. Suppl. 3).

185 Ibid. N 119.

186 *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 98, 101; *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 7. 1537 (1, 2, 17); Tavle 8. 1545 (1, 5), 1547 (1).

187 DKS. N 121.

188 См. с. 217–218.

189 В малый щит, изображенный в центре большого щита, были заключены эмблемы Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга.

Илл. 152. Далер Кристиана III, 1545 г.

Илл. 153. Печать Кристиана III, 1556 г.

женном на его печати 1537 г.[190] Присутствует он еще и в двух других его гербах. Первый из них находим на далере 1537 г. и печати, употреблявшейся в 1540–1556 гг.[191], а второй – на печатях, которые стали использоваться с 1556 г.[192] Однако состав и местоположение эмблем, заключенных в главном щите, делает эти три герба Кристиана III разными. Так, главный четверочастный щит в гербе, представленном на печати 1537 г., содержит в первой и четвертой четвертях эмблему Дании, а во второй и третьей – соответственно эмблемы Норвегии и Славян. Таким образом, воспроизведен, возможно, с целью указать на преемственность королевской власти от отца к сыну, тот же главный щит, который мы видели в составном гербе, вероятно, последнем по времени, отца Кристиана, короля Фредерика I, изображенном на серебряном гульдене 1531 г. Но в следующем гербе, изображенном на далерах 1537, 1545 и 1547 гг. и на печати 1540–1556 гг., снова после длительного перерыва, пришедшегося на период с 1457 по 1537 г., в составном королевском гербе появляется эмблема Готов. Ей, как и в гербах Кристиана I, отведено место в третьем поле главного четверочастного щита (илл. 152).

Завершал свое царствование Кристиан III с новым составным гербом, который он стал носить около 1550 г. В этом гербе, который можно увидеть, например, на титульном листе "Библии Кристиана III", изданной в 1550 г. и на королевской печати, датируемой 1556 г. (илл. 153), в отличие от предыдущего, снова, как и в гербах королей эпохи Кальмарской унии, присутствует эмблема Швеции – три короны. Она символизировала притязание короля Дании на шведский престол[193]. Но отныне эта эмблема занимала лишь третье поле главного щита, вытеснив оттуда эмблему Готов, переместившуюся в четвертое поле. В то же время "славянский" дракон, уже не восстающий, а летящий, и не в синем, а в красном поле, стал изображаться в подножии, под четырьмя полями, созданными посредством фигуры креста. Причина, по

[190] DKS. Suppl. 3.
[191] Ibid. N 121.
[192] Ibid. N 120, 123.
[193] О праве на ношение эмблемы "три короны" королями Дании см. с. 218–222.

которой трем коронам в гербе короля Дании теперь было отведено лишь третье, а не второе, как в гербах королей эпохи Кальмарской унии, поле, очевидно, заключалась в том, что Кристиан III не обладал престолом Швеции, на который претендовал. А поскольку этим престолом не обладали и последующие короли Дании, то и при них три короны оставались в менее почетном, чем эмблема Норвегии, третьем поле[194].

Кристиану III приписываются еще два составных герба. Их изображения предстают на памятниках, созданных уже после смерти этого короля, в 1570-е годы: на генеалогическом древе Кристиана III, находящемся в замке Фредериксборг (цв. илл. 26), и на его надгробном монументе в Роскиллеском соборе. В обоих гербах состав и порядок расположения эмблем в главном щите тот же, что и в главном щите герба Кристиана, который он использовал в последний период своей жизни. Но их вымышленность выдает никогда не присутствовавший в многочастных гербах Кристиана III щиток с эмблемой Ольденбурга. Эта эмблема покинула свое место в четвертом поле среднего щита, где она пребывала в прижизненных гербах Кристиана, освободив его в одном гербе, изображенном на генеалогическом древе, для эмблемы Дельменхорста, а в другом – для второй эмблемы Шлезвига. В последнем случае образцом мог послужить герб, которым было украшено надгробие короля Фредерика I в кафедральном соборе города Шлезвига, или такой же герб Кристиана II. В этих гербах тоже в щитке была заключена эмблема Ольденбурга, тогда как в среднем щите пребывали в первом и четвертом полях эмблемы Шлезвига, а во втором и третьем – соответственно эмблемы Гольштейна и Стурмарна. Но герба, в котором средний щит в своем четвертом поле заключал бы эмблему Дельменхорста, ни предшественники Кристиана III, ни его сын король Фредерик II не использовали, так что здесь мы сталкиваемся, по-видимому, с фантазией, посетившей художника или того лица, чей заказ он исполнил.

Составной герб, с которым представлялся под конец жизни Кристиан III, унаследовал вместе с короной Фредерик II (1559–1588), о чем свидетельствует иконография его печати 1559 г.[195] Но позже этот герб пополнился новыми эмблемами – Дитмаршена и Дельменхорста. В результате образовался составной герб, который короли Дании носили до 1721 г. Первые доказательства его существования находим на королевской печати, изготовленной в 1569 г.[196]; в 1572 г. был также выпущен далер с его изображением[196a]. Кроме того, цветное изображение этого герба можно увидеть в церкви замка Кронборг, а также на портретах короля Фредерика, живописном и переданном на гобелене, исполненных Хансом Книпером в 1581 г. (цв. илл. 47).

Эмблемы Дитмаршена и Дельменхорста иллюстрировали титулы, которые уже давно носили датские государи. Как выше говорилось, еще в 1473 г. король

---

[194] Введя эмблему "три короны" в свой составной герб, Кристиан III, однако, не стал носить титул "короля Швеции", как это делали датские государи эпохи Кальмарской унии. Об этом свидетельствует легенда печати 1556 г., на которой "три короны", как и другие гербы, представлены в отдельном щите: "SIGILLVM MAIESTATIS CHRISTIANI 3 DANIE NORVEGIE VANDALORVM GOTHORVM QVE REGIS ET DVCIS SLESVICENCIS HOLSACIE STORMARIE AC DITMERSIE COMITIS IN OLDENBVRG ET DELMENHORST" (DKS. N 122 a).

[195] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 186.

[196] DKS II. Tavle 2 b. *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 192–193.

[196a] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 10. 1572 (1); *Bendixen K.* Op. cit. S. 67.

Кристиан I получил от императора Фридриха III права на наследственное владение областью Дитмаршен, граничившей с Гольштейном и Шлезвигом. Тогда же, с 1474 г., Кристиан, а затем и его потомки стали носить титул "герцог Дитмаршена". Но символ этого герцогства был учрежден только при Фредерике II. Сам факт позднего создания герба Дитмаршена лишний раз свидетельствует о том, что в XV–XVI вв. новые эмблемы включались в герб короля Дании обычно в связи с какими-то политическими событиями. И такое знаменательное событие для короля Дании и герцога Шлезвиг-Гольштейна в связи с Дитмаршеном произошло в 1559 г.

Союз крестьянских общин фризской области Дитмаршен долгое время отказывался признавать какую-либо княжескую власть. Не могли покорить фризов ни графы Гольштейна, ни Кристиан I и его ближайшие наследники короли Дании и герцоги Шлезвига и Гольштейна. В битве с дитмарсами в 1406 г. погиб герцог Шлезвига и граф Гольштейна Герхард II (VI). В 1500 г. они нанесли сокрушительное поражение войску короля Ханса и его брата герцога Фредерика I. И только в 1559 г. королю и герцогу Фредерику II удалось подавить военной рукой сопротивление жителей Дитмаршена и привести их в полное повиновение. Данное событие и послужило причиной учреждения эмблемы этого герцогства – золотого рыцаря с поднятым мечом на скачущем белом коне в красном поле[197].

Своим воинственным видом эмблема Дитмаршена, как можно догадываться, должна была напоминать о том, при каких обстоятельствах непокорные подданные наконец-то признали над собой власть своего герцога. Поражение дитмарсов в 1559 г. сказалось также на правовом положении их области. Хотя еще долго Дитмаршен сохранял статус герцогства, эта область, как и герцогство Стурмарнское, фактически стала неотъемлемой частью Гольштейна, что, как мы помним, и предусматривалось императорским постановлением 1474 г.

От своих царственных предков король Фредерик II унаследовал также права на графства Ольденбург и Дельменхорст и, более того, стал добиваться уже юридического оформления этих прав, в чем отчасти и преуспел. Вскоре после вступления на престол император Священной Римской империи Максимилиан II (1564–1576), вассалами которого были графы Ольденбурга и Дельменхорста, даровал королю Дании право наследовать эти графства при условии пресечения графской ветви Ольденбургского рода[198].

В составном гербе Фредерика II, представленном на его печати 1569 г. и далере 1572 г., эмблемы обоих графств были заключены вместе в третий двучастный щит: справа (с точки зрения держащего щит) символ Ольденбурга, слева Дельменхорста[199].

---

[197] В описании похорон Фредерика II сообщается о знамени с гербом Дитмаршена, "которым является в красном поле рыцарь, сидящий на белом коне" (*Vexillum cum insigni Dithmarsico, quod est Eques insidens equo candido in rubro campo*) (Descriptio Pompae funebris. S. 14). Л. Хольберг говорит о "рыцаре на белом коне" (*Ditmarske vaaben, een rytter paa en hvid heft*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 629).

[198] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 192.

[199] В цветных гербах Фредерика II и его преемников эта эмблема представляет собой золотой или белый крест в синем поле. В описании похорон Фредерика II говорится только о цвете креста: "Знамя с Дельменхорским гербом, которым является белый крест"

Но еще до создания составного герба 1569 г. эмблемы Дитмаршена и Дельменхорста были включены в другой составной герб Фредерика II.

В 1563 г. на листовке с оповещением о начале датско-шведской войны 1563–1570 гг., напечатанной королевским типографом Л. Бенедиктом, впервые появляется изображение герба короля Фредерика II[200], в котором были представлены эмблемы уже не только королевств и княжеств. В этом гербе, который изображен также в соборе Хельсингёра (1567 г.) и на карте Дании Маркуса Йордана (1585 г.) (цв. илл. 35), кроме символов Дитмаршена и Дельменхорста, находим эмблемы двух островов: Исландии – безголовую рыбу, увенчанную короной[201], и Готланда – агнца с крестовой хоругвью[202].

В гербе 1563 г. отсутствовал средний щит, а на щитке была размещена только одна эмблема – Дитмаршена. Главный щит заключал крест датского знамени. В отличие от других изображений этого герба на карте Йордана вертикальная линия креста была доведена до нижнего края щита; как следствие, возникло четыре отделения – два верхних, состоявших из двух полей, и два нижних, включавших по четыре поля. При размещении эмблем в составном гербе 1563 г., как можно догадываться, учитывалось их "достоинство", а также отчасти местонахождение территорий, которые эти эмблемы символизировали, по отношению друг к другу. Так, в верхних отделениях помещались эмблемы королевств, чьи имена присутствовали в титуле датского государя: в правом отделении – эмблемы Дании и Норвегии, в левом – Готов и Славян. В третьем отделении были представлены эмблемы Швеции, Готланда, Гольштейна и Стурмарна; они занимали соответственно поля с первого по четвертое. В четвертом же отделении изображались гербы Шлезвига, Исландии, Ольденбурга и Дельменхорста[203].

Письменные источники прямых свидетельств о причинах включения эмблем обоих островов в составной герб короля Дании не содержат. Однако характер международных отношений в Северной Европе 1560-х годов позволяет предполагать, что именно внешнеполитические обстоятельства побуди-

---

(*Vexillum cum insigni Delmenhorstico quod est crux alba*) (Descriptio Pompae funebris. S. 13). Но у Л. Хольберга герб Дельменхорста ошибочно описывается как "белый крест в красном поле" (*det Delmenhorstiske [vaaben] et hvidt kaars udi et rødt feldt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 630).

[200] *Bondesen P.* Frederik II's rigsvåben fra ca. 1563 // Herald. Tidsskr. 1977. N 36. S. 279–284.

[201] Эта исландская эмблема известна с начала XV в., когда она изображалась на печати ганзейских купцов, торговавших в Исландии. В описании похорон Фредерика II эта эмблема представлена как "исландская коронованная белая рыба в красном поле" (*Vexillum Islandium cuius insigne est albus piscis Islandicus coronatus in rubro campo*) (Descriptio Pompae funebris. S. 16). Л. Хольберг сообщает о "белой коронованной треске в красном поле" (*Det Jislandske vaaben, som er en hvid kronet stokfisk udi et rødt felt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 631).

[202] Первые известия об эмблеме Готланда восходят к XIII в. В описании похорон Фредерика II сообщается, что на знамени Готланда был изображен "агнец, несущий знак распятия в красном поле" (*Vexillum Gotdlandiae, cuius insigne est agnus gerens signum cruciferum in campo rubeo*) (Descriptio Pompae funebris. S. 16). Л. Хольберг говорит о "белом агнце, держащем знамя с белым крестом в красном поле" (*det Gullandske vaaben det hvide lam, holdende en fane med et hvit kaars udi et rødt feldt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 631).

[203] *Barfod J.H.* Christian 3's Håde. Kbh., 1995. S. 261.

ли Фредерика II к демонстрации символов Готланда и Исландии среди его гербов.

Действительно, на Готланд, находившийся под властью Дании с 1361 г., притязала Швеция, а потому присутствие его эмблемы в составном гербе датского короля, вероятно, должно было напоминать о принадлежности этого острова короне Дании. Что Готланд являлся яблоком раздора между Данией и Швецией, видно из текста Штеттинского мирного договора 1570 г. В нем говорится, что Швеция признает принадлежность Готланда Дании[204].

То же желание подчеркнуть принадлежность Исландии датской короне следует считать причиной демонстрации эмблемы этого острова в составном гербе короля Фредерика. Именно при Фредерике II Дании пришлось отстаивать свои права в северной части Атлантического океана перед другими европейскими государствами, в первую очередь перед Англией и Францией. И только в 1583 г. эти государства согласились признать господство Дании в северных морях (*dominium maris septentrionalis*)[205].

Любопытен также факт расположения эмблемы Дитмаршена в центре композиции герба 1563 г. И объяснение этому факту, возможно, следует искать в политических обстоятельствах времени. Действительно, герб 1563 г создавался накануне датско-шведской войны. Воинственный вид эмблемы Дитмаршена, таким образом, мог не только символизировать торжество короля Фредерика над дитмарсами в 1559 г., но также намекать на грядущую победу над шведами, как, впрочем, и над другими врагами датской короны.

В конце царствования Фредерик II стал носить гербы еще двух балтийских островов – Эзеля и Фемерна (дат. *Femern*, нем. *Femahrn*, лат. *Imbria*). Известно, что во время его похорон (1588 г.) среди знамен с другими гербами почившего государя, выставлялись "знамя, на котором был герб Эзеля, а именно орел" и "знамя с гербом острова Фемерна, которым является золотая корона в синем поле"[206].

Остров Эзель[207] с XIII в. принадлежал епископу Эзельскому, одному из немецких владетелей Ливонии (ныне Эстония и Латвия). В начале Ливонской войны (1558 г.) король Дании Кристиан III купил этот остров у епископа Иоганна фон Мюнгхаузена для младшего сына Магнуса (1540 1583). С тех пор Магнус являлся владетельным епископом Эзельским на условиях отказа от своих прав на Шлезвиг и Гольштейн в пользу старшего брата, короля Фредерика II. При епископе Магнусе (1562 и 1564 гг.) чеканились монеты с изображением герба Эзеля – орла (символом св. Иоанна)[208]. Однако удержать Эзель без военной помощи Дании Магнус не мог. Поэтому еще в 1561 г. он передал остров в управление наместнику короля Фредерика II,

---

[204] *Jensen F.P* Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kbh., 1982. S. 330.

[205] *Gamrath H., Ladewig Petersen E.* Tiden 1340–1648. Andet halvbind: 1559–1648. Kbh., 1980. S 387 (Danmarks historie. Bd. 2.).

[206] "Vexillum in quo insigne Oeseliense, nempe Aquila fuit" "Vexillum cum insigni Insulae Fimbriensis, quod est Corona flaua in Campo caeruleo" (Descriptio Pompae funebris. P 13 14). Л Хольберг описывает эти эмблемы следующим образом: "черный орел в синем поле" (*Det Oeselske vaaben en sort ørn udi et blaat felt*), "золотая корона в лавандо синем поле" (*Femerske vaaben er en gyldene Krone udi en lavendelblaae feldt*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 631).

[207] Эстонцы его называют Сааремаа.

[208] *Schou H.H* Op. cit. Tavle 9. 1562 (7, 8), 1564 (17, 25, 30, 31).

сохранив за собой лишь владельческие права. Смерть Магнуса (1583 г.), не оставившего наследника, уже окончательно сделала Эзель достоянием датской короны[209], что дало право королю Фредерику носить герб этого острова – в синем поле черный орел.

Таким образом, сам факт подчинения Эзеля короне Дании в 1583 г. мог вызвать желание у Фредерика II включить эмблему этого острова в число своих гербов. Этим, собственно говоря, объясняется то обстоятельство, что знамя с гербом Эзеля было выставлено при похоронах Фредерика в 1588 г.

Что касается острова Фемерна, то он являлся старинным владением датской короны. Но на него притязали и графы Гольштейна. Во время междуцарствия в Дании, длившегося с октября 1319 по январь 1320 г., претендент на датский престол, герцог Кристофер Халландский, обещал передать Фемерн во владение графу Иоганну III Гольштейн-Плёнскому (1313–1359)[210], своему единоутробному брату[211]. Став, однако, королем, Кристофер отказался исполнить это обещание. В 1320 г. жители Фемерна (*incole terre Ymbrie*) за себя и за своих потомков обязались, что вечно (*perpetuo*) будут пребывать под властью короны королевства Дании (*corone regni Dacie*). Фемерцы также обещали твердо и постоянно нести службу королю Кристоферу, его детям и преемникам, королям Дании, как они, их отцы и предшественники служили прежним датским королям. Это обязательство они скрепили "печатью общины земли нашей" (SIGILLUM UNIUERSITATIS TERRE NOSTRE)[212]. Уже тогда, вероятно, на печати Фемерна была изображена корона как символ подчиненности острова королю Дании и датской короне.

Граф Иоганн, однако, продолжал домогаться власти над Фемерном, и когда король Кристофер лишился престола в 1326 г., новый король Вальдемар III удовлетворил его желание. В августе 1326 г. граф Иоганн подтвердил права фемерцев[213] и в дальнейшем носил титул "господин Фемерна" (*dominus Imbrie*)[214].

В 1329 г. граф Иоганн перешел на сторону изгнанного из Дании короля Кристофера II и помог ему вернуть утраченный престол. За эту помощь король Кристофер пожаловал Иоганну и его наследникам "нашу землю Фемерн" (*terram nostram Ymbriam*) как феодальное владение (*tytulo iuris pheodalis*), с условием принесения присяги на верность датским королям[215].

В дальнейшем владетельные права на Фемерн графа Иоганна, а затем его сына Адольфа VII (1359–1390) признавали короли Вальдемар IV, Олаф III и королева Маргрета. После смерти графа Адольфа в 1390 г. его часть Голь-

---

[209] *Gamrath H., Ladewig Petersen E.* Op. cit. S. 387.

[210] Annales Lubicensis // Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Lübeck / Hrsg. von K. Kopmann. Lübeck; Leipzig, 1884. Bd. II. S. 439. (Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. Bis ins 16. Johrhundert. Bd. 26).

[211] Мать герцога Кристофера и вдова короля Дании Эрика V (1259–1286), королева Агнесса Бранденбургская, вторично вышла замуж за графа Гольштейна Герхарда II (1290–1312); от этого брака и родился граф Иоганн.

[212] DD. 1953. R. 2, bd. 8. N 306.

[213] Ibid. Bd. 9. N 302.

[214] Ibid. N 365.

[215] Ibid. Bd. 10. N 73.

штейна и Фемерн перешли во владение его ближайшего родственника, герцога Шлезвигского и графа Гольштейна Рендсбургского Герхарда II (VI).

Во время датско-голштинской войны из-за Шлезвига (1404–1435) король Эрик VII Померанский дважды отвоевывал Фемерн у сыновей герцога Герхарда, не признавая за ними права на владение островом. В 1424 г. он объявил, что "земля Фемерн принадлежит Богу, нам и короне Дании"[216]. В том же документе король Эрик посетовал на то, что фемернцы обязались служить графам Гольштейна, а также "отвергли корону, которую они имели обыкновение употреблять на печатях их земли, и знамя королевства, как требовалось от них по праву, и приняли крапивный лист, который является знаком и герба господ Гольштейна, и его использовали как на своих печатях, так и на знамени"[217].

Но в дальнейшем, после ряда поражений, король Эрик вынужден был возвратить Фемерн герцогу-графу Шлезвиг-Гольштейна Адольфу VIII. Статус Фемерна фактически как части Шлезвиг-Гольштейна не претерпел изменений и после того, как в 1460 г. государем этих княжеств был избран король Дании Кристиан I. И все же на некоторое время Фемерн снова оказался под властью датского короля, но как герцога Шлезвиг-Гольштейна. Король-герцог оставался правителем Фемерна и в следующее царствование. По условиям раздела доходов в Шлезвиге и Гольштейне (1490 г.), который произвели сыновья Кристиана I, король-герцог Ханс и герцог Фредерик I, остров являлся частью королевского (сегебергского) удела[218].

В 1523 г. герцог Фредерик был провозглашен единственным герцогом Шлезвиг-Гольштейна и взошел на датский престол, так что Фемерн в очередной раз оказался под властью одного правителя, который был одновременно и верховным государем, и ленником на острове. Такое же положение Фемерна сохранялось при сыне и наследнике Фредерика I, короле-герцоге Кристиане III до первого раздела областей герцогств (1544 г.). Еще в 1533 г. вместе с Кристианом герцогами Шлезвиг-Гольштейна были провозглашены его малолетние братья, Ханс (1521–1580), Адольф (1528–1586) и Фридрих (1529–1556). Фридрих позднее получил сан епископа Хильдесхейма и отказался от своих прав на герцогства. Но два его старших брата желали стать правящими герцогами, чего и добились. В результате раздела 1544 г. Фемерн, в числе прочих земель герцогств, отошел к Хансу, причем был отнесен к областям герцогства Шлезвигского, остававшегося в вассальной зависимости от датской короны. После смерти Ханса (1580 г.) возник спор о его наследстве между герцогом Адольфом, владетелем готторпского удела, с одной стороны, и его племянниками, королем Фредериком II и его братьями – с другой. В том же году король Фредерик утвердил королевскую корону в качестве герба Фемерна[219], из чего можно заключить, что король Дании считал остров отдельным владением по отношению к Шлезвигу и подвластным датской коро

---

[216] "...ipsa terra Vemern pertinet Deo et nobis et ad coronam Dacie" (Acta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem Slesvicensem ac Comites Holsatiae ab altera parte de ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. T. VII. P. 299).

[217] "...abrenunciauerunt corone, qua consweuerunt, uti in sigillis terre eorum solent, et banderum regni, sicut de iure habere tenebantur, et receperunt folium Vrtice, quod est signum et de armis Dominorum de Holsten, et illo utebantur tam in eorum sigillis quam banderio..." (Ibid. P. 299–300).

[218] *Gregersen H V.* Op. cit. S. 204.

[219] DNT. Bd. II. S. 433.

не. И если в итоге, по Фленсбургскому договору 1581 г., Фемерн перешел под власть Адольфа Готторпского[220], то только как лен Датского королевства.

Смерть герцога Адольфа 1 октября 1586 г. снова должна была поставить вопрос о Фемерне. У Адольфа оставались малолетние сыновья. Старший из них, десятилетний Фридрих II (1568–1587), был объявлен наследником отца в герцогствах; но он вскоре умер. Его место занял следующий по возрасту брат, Филипп (1570–1590). Оба брата, однако, не являлись полноправными правителями в Шлезвиге и на Фемерне, поскольку по причине малолетства еще не принесли присяги за эти земли королю Дании как их верховному государю. Этим обстоятельством, вероятно, и следует объяснять тот факт, что король Фредерик в последние годы жизни (1587–1588) включал эмблему Фемерна в число своих гербов. Тем самым он свидетельствовал, что Фемерн после смерти герцога Адольфа, ленного владетеля этого острова, находился под непосредственной властью датской короны.

Утвердиться в качестве законного герцога-соправителя Шлезвиг-Гольштейна и владетеля Фемерна Филипп Готторпский смог только после смерти короля Фредерика, 1 сентября 1588 г., когда он и сын Фредерика, одиннадцатилетний король Кристиан IV (1588–1648), были объявлены в Киле герцогами, каждый в своем уделе. Однако в 1590 г. герцог Филипп умер, и его наследник, младший брат Иоганн Адольф (1575–1616), должен был добиваться признания статуса правящего герцога. Окончательно оба герцога смогли уладить отношения только в 1595 г. За герцогом Иоганном Адольфом признавалось владение отцовским, а именно готторпским, уделом в Шлезвиг-Гольштейне[221], частью которого оставался и остров Фемерн.

Все эти годы (1588–1595) король Кристиан IV представлялся с гербами, среди которых отсутствовала эмблема Фемерна. Не обнаруживается она среди гербов Кристиана и в последующие годы его царствования, вероятно, по той причине, что в это время отсутствовала угроза правам датской короны на верховенство над Фемерном.

После смерти Фредерика II юный Кристиан IV был провозглашен наследником датско-норвежского престола с титулом "Божией милостью Дании, Норвегии, Вандалов (Вендов) и Готов избранный король"[222]. Окончательно утвердиться на престоле Кристиан, однако, смог только в 1596 г., когда вступил в возраст совершеннолетия, письменно обязался соблюдать права датчан и венчался на царство. Вместе с королевским венцом он принял и составной титул королей Дании, который ранее носили Кристиан III и Фредерик II. Но эти перемены в титулах не влияли на состав гербов, с которыми представлялся Кристиан IV с момента объявления его наследником датской короны и в первые годы его самостоятельного царствования.

Король Кристиан унаследовал отцовский составной герб, в котором были представлены крест датского знамени, эмблема Унии (три короны) и символы всех его титулов. Изображение этого герба присутствовало на печати

---

220 *Gregersen H.V* Op. cit. S. 273.

221 Ibid. S. 277–278.

222 "CHRISTIANUS 4 D[EI] G[RACIA] DANIAE NORVEGIAE VANDA[LORUM] GOTHO[RUM] Q[VE] ELECTUS REX" (DKS II. S. 18). При этом Кристиан IV носил родовые титулы герцога Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, графа Ольденбурга и Дельменхорста.

Илл. 154. Далер Кристиана IV, 1597 г. *Илл. 155*. Португалёсер Кристиана IV, 1592 г.

Кристиана с 1589 г.[223] и монетах 1590 и 1597 г.[224] (илл. 154). Здесь в центре композиции помещен щиток с эмблемами Ольденбурга и Дельменхорста, чем, несомненно, выражалась мысль о принадлежности всех стран, обозначенных прочими гербами, государю из Ольденбургского рода.

Та же мысль запечатлелась в гербовой иконографии еще двух монет. На португалёсере (*portugaløser*), выпущенном в 1592 г.[225] (илл. 155), щиток с эмблемами Ольденбурга и Дельменхорста расположен в центре большого щита с одиннадцатью гербами, среди которых обнаруживаются символы Исландии и Готланда. На далере 1602 г. с одной стороны щит с эмблемой Ольденбурга окружают четыре щита с гербами Дании, Норвегии, Вендов и Готов, с другой стороны центральное место занимает щит с символом Дельменхорста, а вокруг расположены щиты с эмблемами Готланда, Исландии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена и Эзеля[226].

Символы Исландии и Готланда присутствуют и среди двенадцати эмблем большого щита на португалёсерах, датированных 1591 и 1592 гг.[227] Однако в этом составном гербе, созданном еще при Фредерике II, щиток заключает герб Дитмаршена – скачущего рыцаря.

В 1592 г. был также выпущен португалёсер, на котором щиток с эмблемой Дитмаршена представлен в центре большого щита с гербами только четырех королевств: Дании, Норвегии, Готов и Вендов[228]. Ту же композицию из пяти гербов находим еще на двух португалёсерах. Но один из них, относимый к 1591 г., заключает в щитке символ Шлезвига[229], другой, выпущенный

---

[223] DKS II. Tavle 3 e–f, 4 a–b, 5 a, 8 d–e.

[224] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 11. 1590 (1), 1597 (1). Цветное изображение этого герба Кристиана IV, датируемое 1597 г., сохранилось в церкви св. Марии города Хельсингёра (*Svane E.* Det danske Rigsvåbenog kongevåben. S. 108).

[225] *Bendixen K.* Op. cit. Fig. 105; *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 11. 1592 (4).

[226] Ibid. Tavle 11. 1602 (1). На этой монете, таким образом, отсутствует изображение только щита с тремя коронами.

[227] Ibid. Tavle 11. 1591 (1), 1592 (1).

[228] Ibid. Tavle 11. 1592 (7).

[229] Ibid. Tavle 11. 1591 (7).

Илл. 156. Печать Кристиана I, 1464 г.

в 1592 г. эмблему Стурмарна[240]. Смысл этой композиции, вероятно, следует искать в обстоятельствах, проистекавших из тогдашних разногласий правительства юного короля Кристиана с его готторпскими родственниками относительно разграничения владений в Шлезвиг-Гольштейне. Выставление эмблем Дитмаршена, Шлезвига и Стурмарна в центре композиции с гербами короля Дании должно было символически иллюстрировать стремление датской короны удержать эти герцогства или их отдельные области под властью Кристиана IV.

Еще один герб Кристиана IV состоял из четырнадцати эмблем, не считая креста, которые были заключены в трех щитах. В большом щите изображались символы Норвегии, Унии, Готов, Вендов, Шлезвига, Дитмаршена, Стурмарна и Гольштейна; в среднем – Ольденбурга, Дельменхорста, Готланда, Исландии и Эзеля; в сердцевом – Дании. Создание этого составного герба восходит приблизительно к 1610 г. Его цветное изображение сохранилось в Роскиллеском соборе и в замке Фредериксборг. Он представлен также над входом в башню церкви Фредериксборга и на недатированной монете (цв. илл. 48).

Эпоха царствования Кристиана IV ознаменовалась окончательным формированием в Дании нового типа составного королевского герба.

Мы помним, что король Дании и Норвегии Олаф после 1380 г. употреблял печать с изображением короля на троне, справа от которого был помещен щит с гербом Дании, слева – щит с гербом Норвегии. И на первой большой печати короля Дании, Швеции и Норвегии Эрика Померанского (1398 г.) обнаруживается восседающий на троне король; справа от него изображены два щита с гербами Норвегии и Померании, слева – с гербами Дании и Фолькунгов (Швеции) (илл. 126). В дальнейшем подобные композиции, включавшие различное число гербовых щитов, были запечатлены на печатях Кристофера Баварского (1441 г.) (илл. 137), Кристиана I (1464 г.) (илл. 156) и Ханса (1500 г.) (илл. 147). Кроме того, щиты с эмблемами составного герба короля Дании находим на портретах Кристиана II, созданных Лукасом Кранахом Старшим (1523 г.). Нетрудно догадаться, что смысл этих композиций заключался в том, чтобы представить короля с символами тех стран, в которых он являлся правителем или на которые имел притязания. Центральное место королевского образа должно было подчеркивать данный смысл. Очевидно также, что во всех указанных случаях гербовые щиты еще не образовывали составного герба, поскольку не были приведены друг с другом в такую связь, которая способствовала бы созданию из них самостоятельной композиции и при этом цельного зрительного образа.

Начатки такой композиции обнаруживаются только при Кристиане II (1513–1523), в иконографии одной из его недатированных монет[231]. Некоторое ее развитие происходит при Фредерике I, о чем свидетельствуют одна из его печатей (1526 г.) и монеты (*gylden, nobel*) 1532 г. (илл. 151). Во всех трех случаях гербовые щиты образовывали круг с размещением одного из них в центре этого круга. Тем самым, несомненно, преследовалась цель выделить для зрителя гербы, заключенные в центральных щитах, – Дании при Кристиане II и Ольденбурга и Дельменхорста при Фредерике I. Но и эти композиции из гербовых щитов также нельзя назвать составными гербами. Та композиционная связь, которая здесь соединяет щиты друг с другом, еще не умаляет самостоятельного значения каждого гербового щита. В результате создается впечатление о композиции из отдельных щитов, а не о цельном гербовом образе.

Подобное впечатление производит также иконография одной из печатей Кристиана III (1546 г.), которая представляет восседающего на троне короля в окружении гербовых щитов (илл. 104).

Иное дело композиции из гербовых щитов, которые обнаруживаются на памятниках периода царствования Кристиана IV. Теперь отдельные щиты стали приводиться в более тесную композиционную связь посредством соприкосновения или через связующие элементы, среди которых нередко находился и знак креста датского знамени. Одновременно вся композиция увенчивалась королевской короной, а также часто сопровождалась знаками ордена Слона или, редко, щитодержателями, что, несомненно, должно было свидетельствовать о стремлении представить гербовые щиты короля Дании в качестве цельного композиционного образа. Позже, в XIX–XX вв., такая тесная связь между щитами стала называться "сопоставлением" (дат. *sammenstilling*, нем. *Zusammenstellung*). Сами же гербовые щиты, посредством которых образовывался составной герб, получили название "сопоставленных щитов" (*sammenstillede skjolde*). В Новейшее время употребляется также термин "сопоставленный герб" (*sammenstillede våben*).

Впервые этот тип составного королевского герба был помещен на медали, выпущенной в 1596 г. по случаю коронации Кристиана IV[232]. На ней по кругу изображены тринадцать щитов с эмблемами Дании, расположенной в самом верху, Норвегии, Готов, Славян, Гольштейна, Дитмаршена, Эзеля, Готланда, Ольденбурга, Дельменхорста, Стурмарна, Шлезвига и Унии. В том же порядке, но с добавлением щита с эмблемой Исландии, занявшей место после эмблемы Эзеля, означенные гербовые щиты и орденский знак изображены на другой медали, датируемой 1596 или 1613 г.[233]

Еще одна композиция такого рода обнаруживается на печатях, которые Кристиан IV употреблял с 1602 г. Она содержит изображения четырнадцати гербовых щитов, один из которых, с эмблемой Дании, располагался в центре[234].

[231] Ibid. Tavle 2. U.A. (2).
[232] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 204.
[233] Ibid. S. 204.
[234] DKS II. Tavle 4 c–d, 5 d–f, 6 a–e, 7 a–b, 8 a, 9 b. Остальные тринадцать щитов заключают эмблемы Норвегии, Три короны, Готов, Вендов, Готланда, Исландии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга, Дельменхорста и Эзеля.

Илл. 157 Далер Кристиана IV, 1608 г.

С 1602 по 1646 г. эта композиция была представлена также на некоторых монетах короля Кристиана[235] (илл. 157).

И в ряде гербов Кристиана IV с четырнадцатью эмблемами, которые обнаруживаются на монетах, выпускавшихся с 1603 г.[236], и на многочисленных памятниках искусства первой половины XVII в.[237] также в центре композиции обычно изображалась эмблема Дании.

Как можно догадываться, таким расположением гербов Кристиана IV давалось понять, что все страны и земли, чьи символы группировались вокруг эмблемы Дании, были подвластны Датскому королевству.

Кроме того, известна композиция из четырнадцати гербовых щитов, короны и знака ордена Слона, в центре которой находится изображение конного короля. Она обнаруживается на двух бреддалерах, о годе выпуска которых свидетельств не сохранилось[238] (цв. илл. 48). В этом случае иллюстрировалась мысль о подвластности королю Кристиану стран, чьи символы окружали его образ.

Среди этих символов, по обыкновению, присутствовала также эмблема Унии, чем, вероятно, свидетельствовалась руководящая роль Датского королевства в некогда существовавшем союзе трех скандинавских государств и одновременно мечта короля Дании о его возрождении. Впрочем, три короны могли быть истолкованы и в качестве герба Швеции, и тогда они могли указывать на притязание короля Дании на шведский престол.

Содержание и число эмблем в сопоставленных щитах, изображенных на печатях и монетах Кристиана IV, такое же, что и в гербах этого короля, создававшихся посредством наложения щитов друг на друга. Отметим также, что в расположении эмблем по кругу обыкновенно отражался статус стран, которые они обозначали. Вначале следовали эмблемы королевств и круп-

---

[235] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 11. 1602 (1); Tavle 13. 1608 (1, 2, 4, 7), 1612 (5); Tavle 15. 1624 (1, 9); Tavle 18. 1646 (17, 36). Этот составленный из четырнадцати гербовых щитов герб можно увидеть также на надвратной башне замка Фредериксборг, куда он был помещен в 1620 г. Кроме того, в церкви св. Олафа, находящейся в Хельсингёре, сохранилось его цветное изображение, над которым в сопровождении королевского девиза и даты (1652 г.) надписаны инициалы Кристиана IV. Но последний памятник содержит очевидную ошибку, ибо в нем дважды изображен щит с эмблемой Эзеля: на полагающемся месте и на месте, где должен был быть щит с эмблемой Шлезвига, вовсе здесь отсутствующей. Эта ошибка могла быть сделана во время поновления фрески в середине XVIII столетия. По мнению Э. Сване, неточность могла вкрасться и в написание даты: вместо 1602 поставили 1652 г. (См. *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 115–116).

[236] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 12. 1603 (1); Tavle 15. 1624 (27); Tavle 18. U. A. (1, 15).

[237] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 196–205; *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 109–116.

[238] *Bendixen K.* Op. cit. S. 70; *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 18. U.A. (7).

нейших островов (Исландии и Готланда), затем герцогств и графств и малого острова Эзеля.

Во многих составных гербах Кристиана IV, как выше отмечалось, были представлены эмблемы Исландии, Готланда (с 1591 г.) и Эзеля (с 1602 г.). Введенные в число гербов датского короля еще Фредериком II, они, по условиям международных отношений в Северной Европе эпохи Кристиана IV, должны были наглядно демонстрировать подвластность символизируемых этими эмблемами островов Датскому королевству. Несомненно, эта демонстрация обусловливалась озабоченностью по поводу тайных или явных притязаний на указанные заморские владения датской короны со стороны других государств. В эпоху частых захватов такого рода владений более сильными державами, когда международное право еще не становилось этому препятствием, через включение символов Готланда, Исландии и Эзеля в число гербов короля Дании обозначалась государственная принадлежность этих островов. Неприятель предостерегался, тем самым, от их завоевания.

Особенное беспокойство у Кристиана IV должна была вызывать безопасность балтийских островов, на которые, о чем в Дании хорошо знали, со времени Ливонской войны (1558–1583) покушалась Швеция. И действительно, конец царствования Кристиана ознаменовался датско-шведской войной (1643–1645), во время которой шведы ставили целью, среди прочего, захват Готланда и Эзеля, в чем и преуспели. По Брёмсебрускому договору (август 1645 г.), подводившему итог этой неудачной для Дании войны, оба острова отошли к Швеции[239].

На обороте титульного листа уже упоминавшейся книги С.И. Стефаниуса "О королевстве Дании и Норвегии" (1629 г.) изображены тринадцать щитов с эмблемами составного герба короля Кристиана IV, и щит с эмблемой "лев над девятью сердцами" подписан словом "Cimbria" В XVI XVII вв. "Кимбрией" – страной древнего германского племени кимбров, или кимвров, от которого датские историки той эпохи выводили происхождение датчан, называли Ютландию. Об этом же свидетельствует карта Дании Маркуса Йордана (1585 г.), бывшего профессора математики Копенгагенского университета. На ней Ютландия обозначена как "Cimbrica"[240] (цв. илл. 35). Но во второй половине XVI в. герб "лев над девятью сердцами" в Дании символизировал готов. Об этом сообщает описатель похорон короля Фредерика II (1588 г.): "Знамя со львом и девятью сердцами, которое некоторые считают знаком Готов"[241]. Вряд ли символический смысл этой эмблемы мог быть не ретолкован и в первую четверть царствования Кристиана IV, в пору его юности (род. 1577) и мечтаний о господстве Дании на Балтике (*dominium maris baltici*), которые привели в итоге к безрезультатной датско-шведской Кальмарской войне (1611–1613). При таких обстоятельствах эмблема Готов, скорее всего, по-прежнему символизировала старую политику королей Дании в отношении Швеции. Поэтому новый смысл этой эмблеме мог быть дан только при перемене политических условий. И наиболее благоприятными обсто

---

[239] *Gamrath H., Ladewig Petersen E.* Op. cit. S. 528.

[240] См.: *Barfod J.H.* Christian 3. s flåde. Kbh., 1995. S. 261.

[241] "Vexillum cum Leone et 9 Cordibus, quod insigne aliqui Gothorum putant" (Descriptio Pompae funebris. P. 16).

Илл. 159. Далер Фредерика III, 1649 г.

дии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста[245]. Та же композиция была представлена на монетах короля Фредерика, выпускавшихся в 1649 (илл. 159), 1653, 1655–1657 гг.[246]

Эта композиция, но только из четырнадцати гербовых щитов, часто представлялась на печатях Кристиана IV и, как и ранее, выражала идею принадлежности Датскому королевству земель, чьи эмблемы располагались по кругу. Но среди этих эмблем уже отсутствовали символы Готланда и Эзеля, по той, несомненно, причине, что эти острова по Брёмсебрускому договору 1645 г. Дания уступила Швеции. Правда, на саркофаге Кристиана IV в королевской усыпальнице Роскиллеского собора в 1648 г. был изображен составной герб, который включал все гербы почившего государя, в том числе символы Готланда и Эзеля. Отсюда ясно видно отрицательное отношение нового короля Дании к утрате земель, ранее принадлежавших датской короне, а также его готовность использовать гербы в качестве символов своих внешнеполитических устремлений.

И действительно, в 1666 г. король Фредерик III приказал выпустить в обращение португалёсер[247] с изображением нового составного герба, в котором на трех щитах были представлены шестнадцать эмблем. В щитке находились символы Ольденбурга и Дельменхорста, в среднем щите – гербы Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Дитмаршена, в большом – эмблемы Дании, Норвегии, Унии, Вендов, Готов, Исландии, а также Гренландии, Готланда, Эзеля и Фемерна[248] (илл. 160).

В 1668–1669 гг. были выпущены в обращение далеры с изображением уже восемнадцати гербов Фредерика III. К прежним его эмблемам добавились символы Борнхольма[249] и Фарерских островов[250] (илл. 161). Из этих восемнадцати гербов три – Дании, Норвегии и Унии – были расположены в од-

---

[245] DKS II. Tavle 10 g, k,11 a–e, 12 a–b.

[246] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 19. 1649 (4); Tavle 20. 1653 (1); Tavle 21. 1655 (2), 1656 (10), 1657 (1).

[247] Ibid. Tavle 25. 1666 (2).

[248] Гербы Гренландии и Фемерна, а также Фарерских островов еще в 1650-е годы входили в число гербов жены Фредерика, королевы Софии Амалии. Вместе с другими гербами они, например, украшали корму построенного в 1650 г. военного корабля, носившего имя королевы. Кроме того, "составной" герб Софии Амалии можно увидеть в замке Росенборг на эмалевом медальоне, датируемом серединой XVII столетия (*Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 119, 121–122).

[249] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 205–207. Согласно Л. Хольбергу, "борнхольмский герб" (*Bordingholmske vaaben*) "золотой дракон или змей в синем поле" (*Den gyldene Drage eller lindorm udi et blaat feldt*) был "гербом древнего Балтийского королевства" (*det gamle Baltiske Riges vaaben*) (*Holberg L.* Op. cit. S. 631).

[250] Согласно Л. Хольбергу, фарерским гербом являлся "белый козел или баран с черными пятнами в синем поле" (*en hvid buk eller væder med sorte pletter udi et blaat felt*), а гренландским – "белый медведь в синем поле" (*en hvid biørn udi et blaat felt*) (Ibid. S. 631–632).

Илл. 160. Португалёсер Фредерика III, 1666 г.

Илл. 161. Далер Фредерика III, 1668 г.

ном или в трех щитах в центре композиции; остальные пятнадцать эмблем, заключенные в отдельных щитах, составляли их окружение. Та же композиция из восемнадцати гербов обнаруживается на печатях Фредерика III, которые он употреблял в 1668–1670 гг.[251]

Появление новых гербов на монетах и печатях Фредерика III произошло в условиях возобновившегося во второй половине XVII в. датско-шведского противоборства на Балтике и в Скандинавии, развивавшегося конфликта из-за статуса Шлезвиг-Гольштейна между датским королем и его готторпскими родственниками, а также вовлечения Дании в войну между Англией и Голландией (1664–1667). Отсюда можно предположить, что эмблемы островов, как принадлежавших Дании, так ею ранее утраченных, должны были символизировать внешнеполитические задачи короля Фредерика: одни острова сохранить за Данией, другие вернуть под власть датской короны.

Эмблемы Готланда и Эзеля, возвращенные в составной герб короля Дании в 1666 г., обозначали вторую цель, которую, однако, не только Фредерику III, но и его преемникам на датском престоле осуществить так и не удалось. Ту же цель, надо полагать, король Фредерик преследовал в отношении Фемерна, когда в 1666 г. включил его эмблему в свой составной герб. Во время очередной неудачной для Дании войны со Швецией (1657–1660) в 1658 г герцог готторпского удела Шлезвиг-Гольштейна Фридрих III (1616 1659) при поддержке своего зятя, короля Швеции Карла X Густава, добился от короля Фредерика III признания за своими владениями в Шлезвиге независимого статуса по отношению к датской короне. Согласно Копенгагенскому договору 1660 г., права герцога Фридриха как суверенного государя, помимо Швеции, гарантировали также Англия, Франция и Голландия. Во владения герцога Шлезвигского входил и Фемерн[252]. Появление эмблемы этого острова в составном гербе датского короля, таким образом, могло свидетельствовать о скрытом несогласии короля Фредерика с упразднением его сюзеренитета над Фемерном.

[251] DKS II. Tavle 21 a; Tavle 22 d.
[252] *Gregersen H.V.* Op. cit. S. 334 338.

ятельства для изменения смысла эмблемы "лев над девятью сердцами" сложились лишь в первое десятилетие Тридцатилетней войны (1618 1648), к концу которого и относится сообщение Стефаниуса о гербе "Кимбров" При всех сохранявшихся между Данией и Швецией политических противоречиях в первые годы Тридцатилетней войны эти два лютеранских государства преследовали близкие религиозно-политические цели в Германии, что побуждало их временно прекратить борьбу за господство на Балтике. Во всяком случае, после встречи в Хальмстаде в 1619 г. Кристиан IV и король Швеции Густав II Адольф расстались в добрых отношениях[242]. При таких обстоятельствах, не желая раздражать короля Густава эмблемой Готов, Кристиан IV мог приказать истолковывать ее как символ "Кимбров"

В Швеции, впрочем, эмблеме "лев над девятью сердцами" никогда и не придавали значения герба готов, хотя, конечно, знали, каким образом она понималась датскими королями. Сами шведские короли, о чем выше говорилось, со времени Карла VIII в качестве герба "королевства Готии" (*regnum Gothiae*), включавшего южную часть Швеции, использовали "старый герб Швеции", т.е. некогда родовую эмблему Фолькунгов.

Тем не менее о придании королем Дании нового смысла гербу Готов в Швеции было известно. Об этом свидетельствует карта Дании, помещенная историком С. Пуффендорфом в книге, посвященной описанию деяний короля Швеции Карла X Густава[243]. На ней центральная часть Ютландии, обозначенная по-латыни как "Dania" и "Iutia Septe[n]trionalis" ("Северная Ютландия"), заключает изображение герба Дании. Ниже, приблизительно на том же месте, на котором на карте Йордана написано слово "Cimbrica", читаем другую латинскую надпись: "Iutia Meridionalis" ("Южная Ютландия"); здесь же изображен щит с эмблемой "лев над девятью сердцами" (илл. 158).

Однако впоследствии, с переменой характера датско-шведских отношений, короли Дании изменили смысл теперь уже эмблемы "Кимбров" Из описания составного герба короля Дании, данного Л. Хольбергом (1729 г.), узнаем, что в его время эмблема "синий лев над девятью красными сердцами в золотом поле" считалась "старой кимбрийской или готской щитовой эмблемой"[244]. Но мы знаем, насколько "старым" являлся "кимбрийский" смысл этого герба. Он зародился не ранее конца первой четверти XVII в. И если в царствование Фредерика IV (1699–1730) его разумели уже "старым", легко предположить, когда он "состарился" То была, безусловно, эпоха датско-шведских войн середины – второй половины XVII в., когда "готский" смысл эмблемы "лев над девятью сердцами" снова приобрел актуальное политическое значение.

Сын Кристиана IV, Фредерик III (1648–1670), большую часть своего царствования употреблял печать с композицией из двенадцати гербовых щитов, в центре которой помещался щит с эмблемой Дании. В остальных одиннадцати щитах заключались эмблемы Норвегии, Унии, Готов, Вендов, Ислан-

---

[242] *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1894. Т. II. С 162.

[243] *Pufendorf S.* De rebus a Carolo Gustavo Sveciae rege gestis commentariorum libri septem. Norimbergae, 1696. P. 332.

[244] "Det gamle Cimbriske eller Gothiske skioldemerke" (*Holberg L.* Op. cit. S. 630).

REGNUM DANIÆ
WESTRO GOTHIÆ PARS
OSTRO GOTHIÆ PARS
GOTHIÆ PARS
SINUS CODANUS
vulgo t'Schager Raak
DANIA
SELANDIA
FYONIA
Mare Suecicum
Die Oost See
Bornholm

властные Дании, не защищены от захвата со стороны другой державы. По ее итогам Датское королевство принуждено было уступить Швеции свои земли на юге Скандинавского полуострова (Халланд, Блекинге и Сконе). Во время той же войны, в 1658 г. шведские войска заняли датский остров Борнхольм. По Роскиллескому договору того же года, он отходил к Швеции. И хотя по Копенгагенскому мирному договору 1660 г. остров был возвращен Дании[253], угроза его потери по-прежнему существовала, поскольку датско-шведские отношения с середины 1660-х годов в очередной раз начали ухудшаться. Этим, вероятно, и объясняется включение эмблемы Борнхольма в составной герб короля Фредерика в 1666 г.

Что касается Гренландии и Фарерских островов, то появление их эмблем, соответственно в 1666 и 1668 г., среди гербов короля Фредерика может находить объяснение в той же причине, по какой ранее в составных гербах датских королей стала помещаться эмблема Исландии. Этой причиной служило желание обозначить с помощью гербов принадлежность атлантических островов датской короне.

Особенностью двух видов составного герба 1668 г. являлось и то, что, во-первых, они заключали самое большое число эмблем за всю историю гербов короля Дании, во-вторых, в их центральной части, окруженной щитами с пятнадцатью эмблемами, были представлены или в одном щите, или в трех щитах эмблемы Дании, Норвегии и Унии. Нетрудно догадаться, что композиция из этих трех гербов демонстрировала союз двух королевств под скипетром одного короля, который к тому же помнил о принадлежности когда-то к этому союзу и третьего скандинавского королевства. При Фредерике III и его преемниках, вплоть до начала XIX в., эти три эмблемы (в одном или в трех щитах) изображались также отдельно от остальных эмблем, чем, несомненно, давалось понять, что идея унии трех северных государств по-прежнему определяла политическое самосознание королей Дании. Тем более данная идея могла находить опору в том обстоятельстве, что в 1719 г. Швеция снова стала выборной монархией.

Но, как можно догадываться, вся композиция составного герба 1668 г. символизировала и другие внешнеполитические цели Фредерика III, предполагавшие или сохранение за Данией ряда земель (Борнхольм, Гренландия, Фарерские острова), или возвращение тех из них, которые ранее были подвластны датской короне (Фемерн, Готланд, Эзель, часть Шлезвига).

Все гербы Фредерика III унаследовал его сын Кристиан V (1670–1699). В первые годы своего правления, в 1670 (илл. 162) и 1674 гг.[254], он приказывал чеканить монеты с гербовой композицией 1668 г. Эту композицию новый король повелел также поместить на саркофаге отца, установленном в королевской усыпальнице Роскиллеского собора. Кроме того, во время венчания на царство в 1671 г. Кристиан V предстал со шпагой, на которой были изображены в отдельных щитах все восемнадцать гербов[255] (цв. илл. 25). Этими

---

[253] *Fridericia J.A.* Adelsvældens sidste Dage: Danmarks Historie fra Christian IV's Død til Enevældens Indførelse (1648–1660). Kbh., 1894. S. 320, 476–485.

[254] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 28. 1670 (7); Tavle 29. 1674 (10).

[255] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 123, 127.

символическими действиями, несомненно, давалось понять, что новый король Дании во внешнеполитических делах будет руководствоваться идеями своего почившего родителя.

Смысл демонстрации гербов, производившейся королем Дании, был понятен и шведам. Это видно из того, что в Швеции по вступлении Кристиана V на престол подвергли исследованию состав эмблем его герба[256].

Илл. 162. Далер Кристиана V 1670 г.

Кристиан V проводил решительную политику, нацеленную на возвращение готторпской части Шлезвига под верховную власть Дании. В этом начинании он на первых порах преуспел, воспользовавшись благоприятными международными обстоятельствами, которые сложились во время франко-голландской войны (1673–1678). В 1675 г. датские войска оккупировали владения герцога Кристиана Альбрехта (1659–1694), который, попав в плен, принужден был снова признать за своими владениями в Шлезвиге и за Фемерном ленную зависимость от датской короны. Однако после вмешательства Франции и Швеции в датско-готторпский конфликт, по Фонтеблоскому соглашению 1679 г., герцогу были возвращены в Шлезвиге права суверенного князя. Но сближение Дании с Францией в начале 1680-х годов позволило Кристиану V нарушить это соглашение. В 1684 г., после того как его войска годом ранее заняли Фемерн и Шлезвиг, он отказался признавать суверенитет Кристиана Альбрехта. Наконец, новое вмешательство Швеции, Англии и Голландии на стороне готторпского владетеля привело в 1687 г. к началу переговоров в Альтоне, завершившихся договором 1689 г., по которому герцог Кристиан Альбрехт восстанавливал свой суверенитет в Шлезвиге, причем Фемерн также оставался под властью готторпского государя[257].

В период с 1675 по 1686 г. Кристиан V не употреблял печатей и не выпускал монет с гербовой композицией 1668 г., включавшей в том числе и символы Готланда, Эзеля и Фемерна. На его монетах и печатях этого времени были представлены или гербы Дании и Норвегии, или составной герб, который короли Дании носили со времени Фредерика II. В 1687 г. был также выпущен в обращение далер[258], на котором щит с эмблемами Дании, Норвегии и Унии представал в окружении щитов с гербами Готов, Вендов, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста (илл. 163).

Стало быть, можно предполагать, что после 1674 г. Кристиан V отказался от прежней практики использовать гербы в качестве одного из средств ведения внешней политики. И на то, несомненно, у него были причины. Скорее всего, накануне и во время войны со Швецией и герцогом Готторпским

[256] См. с. 222–223.
[257] *Gregersen H.V.* Op. cit. S. 356–359.
[258] *Schou H.H.* Op. cit. Tavle 32. 1687 (5).

Илл. 163. Далер Кристиана V, 1687 г.

(1675–1679) демонстрация гербов Готланда, Эзеля и Фемерна уже не имела того значения, какое ей придавалось в мирное время. По окончании же войны Кристиан V старался не осложнять отношений с недавними врагами, особенно со Швецией. Новая датско-готторпская война, начавшаяся в 1683 г., поначалу была успешной для короля Дании и, в частности, привела в том же году к возвращению Фемерна под власть датской короны. Поэтому уже не требовалось демонстрировать герб этого острова на монетах и печатях короля Кристиана. Но переговоры в Альтоне, на которые в 1687 г. под нажимом Англии, Голландии и Швеции был вынужден согласиться король Дании, судя по их итогам, предполагали возврат Фемерна герцогу Готторпскому. Тогда же Дания оказалась на гране войны со Швецией и ее английскими и голландскими союзниками, которые не ограничивались только дипломатическими предупреждениями, но готовились также к посягательству на островные владения Дании в Атлантике и на Балтике. При таких обстоятельствах в 1687 г. Кристиан V повелел выпустить в обращение монету (дукат)[259] с изображением гербовой композиции 1668 г. (илл. 161), которая, как мы помним, выражала идею о подчинении Дании ее заморских владений и о притязании на острова Балтийского моря, ранее захваченные Швецией (Готланд и Эзель) и герцогом Готторпским (Фемерн). Очевидно, что смысл этого поступка короля Кристиана заключался в демонстрации готовности, с одной стороны, защищать земли, принадлежавшие Дании, с другой стороны, возвратить датской короне острова, которые прежде ей были подвластны.

Однако и после подписания Альтоновского договора, возвращавшего Фемерн герцогу Готторпскому, Кристиан V не отказался от притязаний на этот остров, а, кроме того, готовился к войне со Швецией и ее союзниками. Свидетельством тому служит его монета 1691 г.[260] На ней снова обнаруживается гербовая композиция 1668 г. Но в 1693 г., когда в Северной Европе наступило замирение противоборствующих сторон, король Кристиан приказывает чеканить далер[261] с гербовой композицией из одиннадцати гербов, ранее изображенных на далере 1687 г. В дальнейшем Кристиан V не предпринимал решительных действий во внешней политике, и это обстоятельство, вероятно, способствовало тому, что он представлялся только с этими одиннадцатью эмблемами[262], а именно с составным гербом, который короли

---

[259] Ibid. Tavle 32. 1687 (1).
[260] Ibid. Tavle 33. 1691 (2).
[261] Ibid. Tavle 34. 1693 (20).
[262] Отметим также, что со времени правления Кристиана V гербы королей Дании, по обыкновению, стали изображаться со знаками уже не одного, а двух датских орденов. К знакам ордена Слона добавились знаки (крест и цепь) ордена Даннеброга, учрежденного Кристианом V (см. ч. I, гл. 9).

Илл. 164. Герб короля Дании из книги Ф.Я. Шпенера, 1680 г.

Дании носили со времени Фредерика II. Изображение этого герба, в частности, предваряет статуты орденов Слона и Даннеброга 1693 г. (цв. илл. 49).

Кроме того, от времени царствования Кристиана V известны изображения еще двух гербов короля Дании. Одно из них находится в книге о гербах немецкого писателя Ф.Я. Шпенера, изданной в 1680 г.[263] (илл. 164). Здесь центральный малый щит заключает эмблемы Дании, Норвегии и Унии, а в полях главного щита представлены остальные пятнадцать гербов, которые носили Фредерик III и Кристиан V. Подлинность данного герба, однако, вызывает сомнение, поскольку ни сам король Кристиан V, ни его отец с таким составным гербом не представлялись.

Не обнаруживается на датских монетах и печатях Кристиана V и герб, который в 1672 г. был изображен в памятнике русской книжности, называемом "Титулярником". Этот герб, состоявший из центрального щита с эмблемой Дании и щитов круга с эмблемами Норвегии, Унии, Готов, Славян, Исландии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста, однако, находим на печатях и монетах Фредерика III. Пос

[263] *Spenerus Philippus Jacobus*. Historia insignium illustrium sev operis heraldici: Pars specialis. Francofvrti ad Moenvm, 1680. Tab. XXVII.

кольку в "Титулярнике" говорится о "гербе и печати" датского короля, то этот герб, вероятно, был срисован именно с гербовой печати Фредерика. Но в России его приписывали Кристиану V, на что указывает присутствие в "Титулярнике" портрета этого короля.

Внешнеполитические устремления Кристиана V унаследовал его сын, король Фредерик IV (1699–1730), во время Северной войны (1700–1721) ставивший целью вернуть земли, в том числе балтийские острова, отошедшие при его предках к Швеции. Но Готланд остался шведским, а Эзель, по Ништадтскому миру 1721 г., стал достоянием России. Тем не менее Фредерик IV, а затем и его преемники Кристиан VI (1730–1746) Фредерик V (1746–1766), Кристиан VII (1766–1808) и, в начале своего царствования, Фредерик VI (1808–1839) продолжали использовать гербовую композицию 1668 г. (илл. 161), которая включала эмблемы Готланда и Эзеля[264]. Все эти короли Дании, затем и Кристиан VIII (1839–1848) при венчании на царство представали также с коронационной шпагой Кристиана V, которая в период с 1671 по 1840 г. имела значение королевской регалии. В этот период ни один герб с нее не был удален. Те же эмблемы, включая крест Даннеброга, изображенные каждая в своем щите, были помещены на цоколе маленькой конной статуи Фредерика IV, подаренной этому королю его королевой Луизой в 1701 г., в начале Северной войны[265].

В перечисленных фактах обнаруживалась, конечно, не только дань традиции. Через эти символы находила выражение так и не сбывшаяся тайная мечта королей Дании о возвращении Готланда и Эзеля Датскому королевству.

Другой герб, который со времени царствования Фредерика II и до 1819 г. носили короли Дании, составлялся только из символов, иллюстрировавших титулы датских королей, эмблемы Унии, а также креста датского знамени[266]. За все это время в нем произошло только одно изменение. Оно было связано с реформой, которую провел в отношении Шлезвига король Фредерик IV. Во время Северной войны он отнял у готторпского герцога его суверенные владения в Шлезвиге, что было закреплено Фредриксборгским миром 1720 г.[267], а затем в 1721 г. "инкорпорировал" герцогство Шлезвигское в Датское королевство[268]. В составном гербе короля Дании это политическое решение нашло символическое выражение в том, что эмблема Шлезвига из среднего щита, где она находилась рядом с эмблемой Гольштейна в знак нерасторжимой унии двух герцогств, была перенесена в третье поле главного щита, где ей было отведено место под тремя коронами[269].

Обозревая в целом составные гербы королей Дании второй половины XVI – XVIII в., можно сделать следующее наблюдение. Во-первых, наибольшее число вариантов королевских гербов пришлось на царствование Кристиана IV. Во-вторых, уменьшение этих вариантов произошло при его

---

[264] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 210–220.
[265] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 131.
[266] *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. S. 216–220.
[267] *Gregersen H.V* Op. cit. S. 372.
[268] *Erslev K.* Frederik IV og Slesvig: En historisk Fortolkning af Arvehyldingsakterne af 1721 // Erslev K. Historiske Afhandlinger. Kbh., 1937. Bd. II. S.128–129.
[269] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brugi nutiden. Kbh., 1995. S. 19.

ближайших преемниках, Фредерике III и Кристиане V. В-третьих, с конца XVII в. утвердились три основных типа составного герба с постоянной композицией эмблем: герб, иллюстрировавший королевские титулы и идею Унии (с одним изменением 1721 г.), герб 1668 г. с тремя центральными эмблемами (Дании, Норвегии и Унии) и пятнадцатью круговыми и герб только с тремя эмблемами – Дании, Норвегии и Унии.

Объяснение этим фактам, вероятно, следует искать в переменах, происходивших в мировоззрении человека Западной Европы конца XVI – XVIII в.

В самом деле, долгое царствование Кристиана IV падает на период позднего Ренессанса, на начало и расцвет барочного искусства. Умонастроение этого времени, в сравнении с миросозерцанием ренессансной эпохи, искавшим гармонии и покоя, отличало тяготение к смене форм, к производству аффектов, мироощущение характеризовалось неустойчивостью и противоречивостью чувств. Вместе с тем мировоззрению эпохи барокко было присуще стремление к учительству, назиданию, иллюстрированию идей посредством произведений искусства, при обильном использовании эмблем, символов и аллегорий. При этом в художестве барочной эпохи обнаруживалась тоска по композициям, в которых целое господствовало над отдельными элементами и все частности подчеркивали основной мотив[270].

Что касается барочного умозрения в Дании, то там оно заметно обнаружило себя в памятниках искусства как раз в период царствования Кристиана IV, когда составные королевские гербы отличались многообразием своего содержания. И, как мы помним, это многообразие было обязано тому, что через присутствие и расположение эмблем в составных гербах, по обыкновению, наглядно выражалась мысль о подчиненном статусе государств и владений датской короне и королю Дании. На почве барочного умозрения развилась также мысль о более тесном композиционном единении гербовых щитов, о создании из них и дополнительных знаков цельного гербового образа. Иными словами, частые перемены геральдических символов, происходившие в составном гербе датского короля, различная упорядоченность гербовых щитов или гербов, выделение главного мотива в виде одной из эмблем вызывались потребностью в назидании, иллюстрировании политической мысли и вместе с тем обусловливались художественным стилем барочной эпохи. Такое соответствие политической мысли и образности в искусстве, несомненно, имело под собой общую духовную почву, вытекало из одного источника – духа времени.

Однако около середины XVII в. на западноевропейской почве начинает утверждаться новое мировоззрение, основанное на вере в созидательную, творческую силу разума. Для этого мировоззрения, нашедшего выражение в

---

[270] О барочном искусстве в соотношении с искусством Ренессанса см.: *Вёльфлин Г.* Ренессанс и барокко: Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб., 2004; *Он же.* Основные понятия истории искусства: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М., 2002. Отметим также, что и музыкальное творчество конца XVI – XVII в. обнаруживало характер сродни барочному художеству, о чем свидетельствует переход в это время от полифонии к монодии с аккомпонементом нескольких голосов или инструментов, что, в свою очередь, создало почву для зарождения таких жанров музыкального искусства, как опера и концерт (*Шестаков В.П.* От этоса к аффекту: История музыкальной эстетики от античности до XVIII века. М., 1975. С. 179, 198–199).

философских построениях и эстетике классицизма, была свойственна тоска по рациональной гармонии, устойчивому порядку, по незыблемым правилам, по идеальному, типическому образцу»[271]. Известно, что рационализм определял и характер культурной жизни Дании во второй половине XVII – XVIII в. И в это же время наблюдается сокращение вариантов составных королевских гербов и, в конце концов, низведение их к трем иконографическим типам. Объяснение такому совпадению, как можно догадываться, и следует искать в развитии рационального мировоззрения, в отступлении барочного духа перед духом классицизма.

В царствование Фредерика VI в Дании закончилась эпоха, продлившаяся свыше двухсот пятидесяти лет, когда датские короли использовали герб с сопоставленными щитами. Вместе с ним отошла в прошлое практика размещения в королевском гербе эмблем Готланда и Эзеля – островов, которые к тому времени уже давно были потеряны Данией, а также Фемерна, пребывавшего под властью датской короны, и Борнхольма, очевидно, по той причине, что угрозы отторжения этого острова от Датского королевства более не существовало.

Не сохранился и герб образца 1721 г., состоявший из трех щитов. В 1819 г. королевским указом вместо него был введен новый герб, в котором уже отсутствовала эмблема Норвегии, поскольку в 1814 г. Фредерик VI перестал быть королем этого государства. Ее место во втором отделении заняла эмблема Шлезвига. В свою очередь место последней в третьем отделении главного щита под тремя коронами было отдано эмблемам заморских владений датской короны: Исландии, Фарерских островов и Гренландии. Кроме того, в восстановленное четвертое поле среднего щита была внесена новая эмблема королей Дании – в красном поле золотая голова лошади, – обозначавшая герцогство Лауэнбургское, которое король Фредерик VI по решению Венского конгресса 1815 г. получил в качестве компенсации за потерю Норвегии. Все прочие эмблемы – крест Даннеброга, Дании, Унии, Готов, Славян, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Ольденбурга и Дельменхорста – остались на своих местах[272].

С гербом, утвержденным в 1819 г. Фредериком VI, затем представлялись короли Кристиан VIII (1839–1848) и Фредерик VII (1848–1863). Носил этот герб и первый король из Глюксбургской династии, боковой ветви Ольденбургского дома, Кристиан IX (1863–1906). Однако впоследствии, в 1903 г., он произвел в своем гербе небольшое изменение: взамен старой эмблемы Исландии приказал изобразить новую эмблему этого острова – в синем поле белого сокола (*falk*). Король Кристиан IX вынужден был так поступить, так как исландцы в 1903 г., когда они получили широкие права для решения внутренних дел на своем острове, объявили гербом Исландии белого сокола. И уже в таком виде королевский герб сохранялся при Фредерике VIII (1906–1912), Кристиане X (1912–1947) и в начале царствования Фредерика IX (1947–1972), до 1948 г., когда из него была исключена эмблема Исландии, поскольку в 1944 г. эта страна получила независимость[273].

---

[271] См.: *Даниэль С.М.* Европейский классицизм. СПб., 2003.
[272] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 140–143.
[273] Ibid. S. 142–150.

Наконец, последние и весьма значительные перемены в королевском гербе произошли в 1972 г. При вступлении на престол королевы Маргреты II из него были удалены эмблемы Готов, Вендов, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена и Лауэнбурга, что произошло одновременно с сокращением соответствующих имен в королевском титуле. Исключена из королевского герба была и эмблема Дельменхорста, имя которого было выведено из титула короля Дании еще в 1774 г., когда Ольденбург стал герцогством, а графство Дельменхорст его неотъемлемой частью. И если отец королевы Маргреты еще носил титул "Мы, Фредерик Девятый, Божией милостью Король Дании, Вендов и Готов, герцог Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Лауэнбурга и Ольденбурга" (*Vi Frederik den Niende af Guds nåde Konge til Danmark, de Venders og Goters, Hertug til Slesvig, Holsten, Stormarn, Ditmarsken, Lauenborg og Oldenborg*), то его царственная дочь представляется проще: "Мы, Маргрета Вторая, Божией милостью Королева Дании" (*Vi Margrethe den Anden af Guds nåde Danmarks Dronning*). Соответственно и герб королевы Маргреты принял более скромный вид: щиток заключает эмблему Ольденбурга, понимаемую как родовой герб династии. Главный щит по-прежнему разделен посредством креста Даннеброга на четыре отделения. В первом и четвертом находится собственно эмблема Дании, во втором – герб Шлезвига, ныне рассматриваемый как символ Южной Ютландии, т.е. северной части герцогства Ютландского, оставшейся в составе Датского королевства. Наконец, в третьем отделении сохранились три короны в воспоминание о Кальмарской унии и под ними гербы Гренландии и Фарерских островов, и по сей день подвластных Дании[274] (цв. илл. 50).

Таким образом, можем заключить, что многовековая история составного герба королей Дании была богата на перемены. Эти перемены вызывались главным образом политическими причинами. В королевском гербе находили отражение эмблемы тех государств и владений, которые пребывали под властью датских государей или на которые они претендовали. Напротив, прекращение господства короны Дании над этими землями в конце концов приводило к исключению их эмблем из королевского герба. То же случалось и при отказе датских государей от притязаний на какие-либо страны. Следует также отметить, что в XV–XVIII вв. короли могли носить одновременно гербы с разным составом эмблем. По обыкновению, в составной герб включалась родовая эмблема короля. Со второй половины XV в. такие эмблемы обычно заключались в малые щиты. С конца XIV в. в составном гербе датского короля изображался крест, который вначале считался королевским знаком, а со временем стал рассматриваться как знак датского крестового знамени. Свое официальное имя – Даннеброг – это знамя получило после учреждения ордена Даннеброга (1671 г.). Тогда же вошло в обычай называть крест королевского герба крестом Даннеброга. Со второй половины XVI в. в составном гербе королей Дании непременно присутствовала эмблема "три короны" в воспоминание о Кальмарской унии трех скандинавских королевств. Смысловое содержание этой эмблемы было позаимствовано от трех корон, изображавшихся на печатях конца XIV и начала XV в., которые

---

[274] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone... S. 9–11; *Svane E.* Det danske Rigsvaben og Kongevåben. S. 151–154.

употребляли общие для Дании, Швеции и Норвегии правители. По своими художественными свойствами она была обязана гербу Шведского королевства – три золотые короны в синем поле, – который в эпоху Кальмарской унии присутствовал в составном гербе королей Дании. Все эмблемы составного герба сохраняли значение самостоятельных символов и могли представать в отдельных щитах. С XVI в. эти щиты стали приводить в связь, в результате чего возник второй тип составного герба королей Дании – "сопоставленный герб", просуществовавший до начала XIX в.

Перемены в составных гербах датских королей находили отражение и в местоположении их эмблем. Как правило, эмблемы располагались в соответствии с политическим статусом государств и владений, которые они обозначали. Однако в XVI–XVII вв. гербам земель более низкого статуса иногда отводились первостепенные или особо выделенные места. Делалось это с той целью, чтобы нарочито указать на подчиненное положение этих земель датской короне. Но не только политические соображения руководили создателями составных гербов королей Дании. В конце XVI и XVII в. сами свойства миросозерцания человека позднего Возрождения и особенно барочной эпохи возбуждали желание вносить частые изменения в эмблематическое и композиционное содержание королевских гербов. И только торжество рационализма в духовной жизни датского (и в целом западноевропейского) общества к концу XVII в. создало почву для придания устойчивости составу и порядку расположения эмблем в составных гербах королей Дании.

Глава седьмая

ПРОИЗВОДНЫЕ ГЕРБЫ

Датская геральдика, подобно геральдикам других европейских стран, знает случаи, когда уже существующий герб мог служить источником для создания новых гербов. Такое явление в датском гербоведении со второй половины XIX в. принято обозначать словом "bitegn" ("битайн"), по-видимому, произошедшим от немецкого "Beizeichen", которое переводится на русский язык как "дополнительный знак" или "прибавление"[1]. При этом делается различие между "битайном в собственном смысле" (*egentlige bitegn*) и "битайном в широком понимании" (*bitegnet i videre forstand*)[2].

В первом случае имеются в виду особые знаки, которые помещаются поверх остальных фигур и полей. Такими знаками, предназначавшимися обычно для гербов младших сыновей рода или бастардов, могли быть турнирный воротник, проведенная справа или слева нить (перевязь, балка), кайма и многие другие. Но в датской геральдике известен только один герб, в котором присутствует дополнительный знак – проведенная от левого верхнего угла к нижнему правому углу золотая балка (*skråbjælke*). Причем эта балка изображена не поверх фигур отцовского герба, как это принято во французской геральдике, а под ними. Герб, о котором идет речь, был создан в 1676 г. для Йенса Стеена Сехестеда, побочного сына датского вельможи Ганнибала Сехестеда[3].

Что же касается "битайна в широком понимании", то он находил применение в западноевропейской геральдике по крайней мере с рубежа XII–XIII вв. Этот битайн обнаруживал себя в сокращении числа фигур, в перемене их положения и создании из них разнообразных композиций, а также в изменении цветов и во введении новых фигур.

В Дании история производных гербов также берет начало еще на заре геральдики. Датские историки давно подметили, что такие гербы создавались для отпрысков королевских династий – Эстридсенов (1047–1375) и Ольденбургской (с 1448 г.). Однако удовлетворительного ответа на вопрос о при

---

[1] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907-1908 году // Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 275. В русском гербоведении иногда используется французский вариант этого термина "бризура"

[2] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1929. S. 235.

[3] *Berner H.* Bitegn og deres anvendelse i dansk heraldik // PHT. 1951. R. 12, bd. 5. S. 174.

чинах появления такого рода гербов в работах историков датской геральдики не находим: обычно все сводится лишь к описанию гербов с указанием их геральдического источника. Поэтому свою задачу мы видим не только в изложении фактов употребления производных гербов, но и в объяснении их происхождения.

Напомним, что герб королей Дании, каким мы обнаруживаем его в первый раз на печати Кнута VI (ок. 1194 г.), состоял из трех помещенных друг над другом львов и многочисленных сердец, разбросанных по всему полю щита (илл. 5). Несомненно, что означенный герб послужил источником для создания герба герцогов Ютландских – до середины XIII в. обычно младших братьев королей, являвшихся одновременно ближайшими претендентами на датский престол. Вначале этот герб состоял из двух расположенных один над другим некоронованных львов и окружавших их многочисленных сердец. Таким он впервые предстает на печати герцога Абеля Вальдемарсена (1232–1252), употреблявшейся в 1245 г.[4] В дальнейшем в этом гербе производились изменения. Во второй половине XIII в., при сыновьях Абеля, львы были увенчаны коронами. После 1375 г., когда владетелями герцогства Шлезвигского стали графы Гольштейна из династии Шауэнбургов, из герба этого герцогства были исключены сердца[5]. В таком виде эта эмблема была унаследована королями и герцогами из Ольденбургской династии. С 1819 г. львы изображаются без корон.

Отсутствие красочных изображений шлезвигского герба, которые восходили бы к XIII в., не позволяют установить, какими были его изначальные цвета. Мы можем лишь предполагать, что, как и в XIV в., герб герцогов Ютландских на заре своего существования, подобно королевскому гербу, состоял из синих львов и красных сердец в золотом поле.

Откуда же могла возникнуть мысль о создании такого герба герцога Ютландского? Выше мы видели, что герб короля Дании в момент своего возникновения имел характер личной эмблемы. Следовательно, можно предположить, что поначалу и герб герцога Ютландского являлся личным знаком. С таким значением он был создан, вероятно, в конце XII в. для герцога Вальдемара II, одновременно или вскоре после того как королевский герб стал носить старший брат Вальдемара, король Кнут VI. Разным числом львов в гербах братьев, вероятно, подчеркивался их различный статус в семейной и политической иерархии: герцог Вальдемар был младшим братом и вассалом короля Кнута. Но если эмблема с двумя львами на заре своей истории служила знаком второго по достоинству лица после короля Дании, то можем предположить, что этот герб в то время символизировал личное положение человека, а не титул герцога Ютландского. Поэтому его могло носить и

---

[4] Уцелела лишь верхняя часть печати с контурами поверхности щита и изображением одного льва. Однако изначальный диаметр печати не оставляет сомнений, что на ее утерянной части должно было оставаться место еще для одной фигуры льва (DKS. N 125 b; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 235).

[5] См. печати герцогов Герхарда II (1392 г.), Герхарда III (1423 г.), Генриха II (1423 г.), Адольфа (1423 г.) (DKS. N 148–151, 153, 155–157). Впрочем, сердца могли отсутствовать и в гербах прежних герцогов Ютландских: Герхарда I из Шауэнбургской династии (1326 г.), Генриха I (1360 г.) и его брата Вальдемара (1357 г.) – последних отпрысков династии Эстридсенов (Ibid. N 143 a, 147, 144).

Илл. 165. Печать графа Альберта Орламюндского, 1220-е годы

такое лицо, которое по своему общественно-политическому положению стояло ступенькой ниже короля Дании, но титула правителя Южной Ютландии не имело.

То, что эмблема "два льва" первоначально мыслилась именно как личный знак, подтверждается тем фактом, что в годы правления короля Вальдемара II, когда долгое время герцогство Ютландское не имело своего особого правителя, щит, заключавший двух львов, носил в Дании королевский племянник (по матери), граф Альберт Орламюндский (ок. 1182–1245)[6] (илл. 165). Альберт воспитывался при дворе герцога Вальдемара и впоследствии, когда Вальдемар II стал королем, продолжал жить в основном в Дании. От дяди короля, вероятно, он и получил свой герб. Это могло произойти или в 1202 г., при посвящении в рыцари молодого Альберта[7], или в 1203 г. после того как Вальдемар II передал ему в ленное владение завоеванное датским войском графство Гольштейн. С 1227 г. Альберт держал от датской короны также остров Альс, который входил в состав герцогства Ютландского. О высоком положении, которое граф Альберт занимал в Датском королевстве, свидетельствует хотя бы то, что, когда король Вальдемар пребывал в плену у графа Шверинского (1223–1224 гг.), именно граф Орламюндский являлся правителем, или, как сказано в грамоте папы Гонория III, датированной 31 июля 1224 г., "хранителем" Дании (*tutela regni*)[8]. Датское происхождение герба Альберта фон Орламюнде подтверждается тем, что его отец, граф Зигфрид III Орламюндский (1160–1206), как имперский вассал, носил щит с

---

[6] Герб известен по изображению на печатях Альберта, уцелевших под документами 1203–1223 гг. (См.: *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappewissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. S. 192, 251; *Svane E.* I Skjoldet springe Løver: Afledninger of Kongevåbenet. Odense, 2002. S. 26–27). Биографию Альберта см.: *La Cour V.* Albert // DBL. 1979. Bd. 1. S. 103–104.

[7] В "Анналах Вальдемаров" под 1202 г. записано: "Граф Альберт стал рыцарем" (*Come. Albertus miles factus est*) (Annales Valdemari // DMA. P. 77).

[8] DD. R. I, bd. 6. N 23.

орлом (печать 1192 г.). При жизни графа Зигфрида в Германии, как и в других западноевропейских странах, еще только только зарождалась идея о наследственно-родовом гербе. Поэтому представители одного рода, в нашем случае отец и сын, могли носить разные эмблемы.

Другой герб, нежели отец, имел не только Альберт, но и его младший брат, граф Герман II Орламюндский (ум. 1247). Эмблемой Германа, перешедшей в его потомство, являлся один идущий лев; последующие графы Орламюнде внесли в нее изображения сердец[9]. О цветах, в которые окрашивались гербы братьев, сведений не сохранилось. Однако известно, что герб потомков Германа представлял собой в золотом усеянном красными сердцами поле черного льва. Как нетрудно заметить, цвета поля и сердец этого герба те же, что и в гербах королей Дании и герцогов Ютландских. Впрочем, нельзя исключать, что поначалу, в XIII–XIV вв., графы Орламюнде могли изображать в своем гербе синего льва. Как бы то ни было, сам факт присутствия в родовом гербе графов Орламюнде льва и красных сердец дает основание считать, что этот герб имел своим источником герб короля Дании. Многочисленные сердца обнаруживаем также на второй печати Альберта, но здесь они изображены не в щите, а вокруг него. В том, что Альберт носил герб без сердец, не было ничего необычного. Известно, что позднее сердца могли отсутствовать в гербах и королей Дании, и герцогов Ютландских. Тем не менее, в наличии сердец на печати Альберта Орламюндского усматриваем еще одно подтверждение того, что его личная эмблема происходила от герба датского короля. Но если гербы обоих братьев Орламюнде брали свое начало от герба их дяди короля Вальдемара II и при этом различались числом львов, то можно предположить, что их гербы своим происхождением были обязаны тому умонастроению, которое видело в иерархии гербов отражение иерархии лиц, их носивших. Иначе говоря, граф Герман получил герб с одним львом вследствие того, что его старший брат Альберт носил герб с двумя львами, который, в свою очередь, уступал в достоинстве гербу с тремя львами, принадлежавшему старшему родственнику графов Орламюнде – королю Дании.

Итак, останавливаемся на выводе, что эмблема с двумя львами первоначально задумывалась в качестве знака, призванного указать на место носителя этой эмблемы в феодальной иерархии Датского королевства, а именно второго лица после короля, и на его положение следующего по старшинству, опять-таки после короля, члена рода. Однако к середине XIII в. эта эмблема была закреплена в Дании исключительно за герцогами Ютландскими, подобно тому, как герб с тремя львами стал эмблемой короля Дании. Поэтому, вступая по смерти старшего брата на королевский престол, герцоги Ютландские вместе с тем отказывались и от своего прежнего герба, беря взамен его герб королевский. Так поступил, вероятно, герцог Вальдемар II (король Вальдемар II), наследовавший своему брату Кнуту VI (1202 г.), и, во всяком

---

[9] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 251; *Bartholdy N.G.* Valdemarernes løvevåben: Hovedfræk af en teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 28. Однако на печати графа Германа III Орламюндского (1292 г.), помимо щита с одним восстающим львом, который держит рыцарь, изображены два щита, в которые заключены идущий лев и под ним орел (*Seyler G.A.* Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894. S. 195. Fig. 133).

случае, герцог Абель, достигший королевского достоинства в результате убийства старшего брата, короля Эрика IV, в 1250 г., о чем свидетельствует его вторая печать – уже королевская[10]. Все потомки Абеля – основателя династии герцогов Ютландских – употребляли герб и с двумя львами и, по обыкновению, с сердцами.

Наша мысль о тесной связи характера гербовой эмблемы с положением лица на феодальной и родовой лестнице, наблюдаемой в датской королевской семье в XIII в., находит дополнительное подтверждение в гербах, которые на своих печатях употреблял младший брат короля Эрика IV и герцога Абеля, Кристофер. При жизни Эрика он носил титул "господина Лолланна и Фальстера" (*Falstrie ac Lalandie dominus*), и на его печати 1245 г. обнаруживаем изображение лишь одного льва без щита[11], который, надо полагать, указывал именно на более низкий политический и родовой статус Кристофера – младшего брата в семье. К сожалению, мы не знаем, успел ли Кристофер по вступлении на королевский престол Абеля предъявить требования на герцогство Ютландское, на которое он, очевидно, по устоявшейся традиции мог бы претендовать, и тем самым получить право на ношение герба с двумя львами. Слишком коротким, менее двух лет, оказалось царствование "по имени Авеля, а по делам Каина"[12]. Известно, однако, что после гибели во время войны с фризами короля Абеля в 1252 г. Кристофер, вступив на освободившийся престол, начал использовать печать с королевским гербом[13] Герцогство же Ютландское по прошествии некоторого времени (в 1253 г.) он уступил старшему после себя представителю рода, своему племяннику Вальдемару, сыну короля Абеля. Печать герцога Вальдемара III Абельсена (ум. 1257) не сохранилась. Поэтому мы можем только предполагать, что его герб был таким же, как у его отца, когда тот титуловался герцогом, и младшего брата, герцога Эрика I (ум. 1272), о чем свидетельствует печать последнего, восходящая к 1260 г.[14] (илл. 51).

Эрик Абельсен стал герцогом Ютландским в 1260 г. В общественной иерархии Датского королевства, согласно не только феодальному праву, но и родовым счетам в семье потомков Вальдемара II, он занимал положение второго лица после короля Эрика V (1259–1286), сына Кристофера I. Этим, как можно догадываться, и обусловливалось то, что герцог Эрик Абельсен, как и его отец в бытность герцогом Ютландским, носил герб с двумя львами.

Рассмотренное явление, когда два или три брата носили два или три различных герба – с тремя, двумя и одним львом, – очевидно, не следует считать произведением исключительно датской "геральдической" мысли. Известно, что на рубеже XII–XIII вв. такое же явление, несомненно, по

---

[10] DKS. N 12 b.

[11] Ibid. N 14. Эта печать сохранилась лишь отчасти, с изображением задней половины туловища идущего льва или, по мнению А. Тисета, грифа, с каковым предположением, однако, трудно согласиться (См.: *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 236; *Bartholdy N.G.* Cadency of Danish Royal Bastards in the 13th and 14th Centuries // Académie Internationale D'Heraldique XVIII Colloquium, Canterbury, 29th August – 4th September 1993, Proceedings. Canterbury, 1995. S. 97).

[12] "Abel nomine, sed re Cain" (Incerti Auctoris Genealogia Regum Danie // SMHD. 1970. T. I. P. 192)

[13] DKS. N 15 b.

[14] Ibid. N 126 b.

причине однородного умозрения, характеризовавшего духовную жизнь западноевропейского культурно-исторического мира, обнаруживало себя в гербах представителей королевской семьи Англии и немецкого княжеского рода Вельфов.

Герб английского короля Ричарда Львиное Сердце после его возвращения в Англию из крестового похода и германского плена (1195 г.) стал состоять из трех львов. В то же время его младший брат Иоанн, имея титул "господин Ирландии" (*dominus Hibernie*), носил щит с двумя львами[15], несколько позднее получившими значение герба герцогства Нормандского, которое до начала XIII в. пребывало под властью английских королей.

Одного льва, тоже без щита, обнаруживаем на двух печатях младшего сына герцога Генриха Льва (ум. 1195) из династии Вельфов, Вильгельма Люнебургского (ум. 1213), который не имел герцогского или графского титула. Легенды обеих печатей, одна из которых употреблялась в 1200, вторая – в 1205 г., представляют Вильгельма "сыном герцога Саксонии"[16]. Однако два его старших брата, Генрих и Оттон, на своих щитах изображали большее число львов.

На самой ранней печати (1196 г.) старшего брата Вильгельма Люнебургского, Генриха, обнаруживаем на щите рыцаря одного орла. В это время Генрих носил титул пфальцграфа Рейнского (*palatinus comes Rheni*), т.е. был имперским дворецким. А по обычаю того времени должностные лица императора носили его эмблему. Однако на двух печатях Генриха, употреблявшихся в 1201 и 1213 гг., вместо орла на щите рыцаря представлены два льва. Изменена была и легенда печати: Генрих теперь именовался не только пфальцграфом Рейнским, но и герцогом Саксонии (*dux Saxonie*)[17]. Ясно, что Генрих, как и его младший брат, носил личный герб, который состоял из двух львов. Именно эта эмблема впоследствии стала родовым гербом герцогов Брауншвейгских, происходивших от Альбрехта Великого (ум. 1279), старшего сына герцога Брауншвейгского и Люнебургского Оттона (ум. 1252 г.), сына Вильгельма Люнебургского и племянника герцога Генриха Саксонского и Брауншвейгского[18].

Печатей с изображением льва или львов, которые принадлежали бы брату Генриха и Вильгельма, Оттону Брауншвейгскому (ум. 1218), с 1198 г. королю Римскому и с 1209 г. – императору, не сохранилось. Но по свидетельству современника, поэта Томасина Цирклярийского (Thomasin von Zerklaere), во время коронации императорской короной в 1209 г. на щите

---

[15] *Humphery-Smith C.* Hvorfor tre leoparder? // Herald. Tidsskr. 1982. N 46. S. 261–263.

[16] Die Siegel des herzoglichen Hauses Braunschweig und Lüneburg / Hrsg. von G. v. Schmidt-Phiseldeck. Wolfenbüttel, 1882. VI, 1 (SIGILL' WILLELMI DE LUNEBURH FILII DUCIS SAXONIE), 2 (WILLEHELMUS DE LUNEBURC FILI'DUCIS SAXONIE).

[17] Ibid. II, 1–3. В последний период своей жизни Генрих был также герцогом Брауншвейгским, которое унаследовал от брата Оттона, и, вероятно, продолжал носить эмблему с двумя львами. Это подтверждается изображением щита с двумя львами на печати его вдовы Агнесы (ок. 1240 г.). Легенда печати представляет ее как "вдову герцога Генриха Брауншвейгского" (AGNES VIDUA DUCIS HEINRICI DE BRUNESWIC) (Ibid. III, 1). У Генриха, как и у его брата императора Оттона, не осталось мужского потомства, поэтому после их смерти их наследником и главой рода Вельфов стал сын Вильгельма Люнебургского Оттон.

[18] Ibid. XII, 1–2; XIII, 1–2.

Оттона (*an sîm schilde*) были явлены половина орла (*ein halber ar*) и три льва (*drî lewen*)[19]. Кроме того, известно, что в 1258 г. вдова Оттона, Мария Брабантская (ум. 1260), употребляла печать с изображением рассеченного щита: на одной стороне – половина орла, на другой – три льва[20]. Несомненно, то был гербовый щит ее почившего супруга, поскольку в XIII в. существовал обычай, согласно которому на печатях женщин изображались гербы их мужей. Этот щит, несомненно, заключал два герба: императорский (орел) и герб, о происхождении которого точных свидетельств не сохранилось.

Знак императорского достоинства Оттон мог принять только после 1197 г., когда выступил с притязаниями на это достоинство, или, во всяком случае, после 1198 г., когда был провозглашен своими сторонниками королем Римским. Впрочем, на печатях, которые он употреблял в качестве короля (1206 г.) и римского императора (1209 г.), этот, равно как и какой-либо другой, герб отсутствует.

Что же касается эмблемы "три льва", то о времени, когда Оттон начал ее носить, можно высказать два разных предположения.

Первое предположение исходит из того, что эмблема "три льва" являлась гербом Оттона, который он стал носить еще с середины 1190-х годов, быть может, унаследовав ее от своего отца Генриха Льва. Вывод о том, что Генрих мог принять этот герб в конце жизни, после 1191 г., основан на отсутствии за 1192–1195 гг. известий о его печатях и монетах и соответственно об их иконографии. Между тем именно 1194–1195 гг. датируются первые свидетельства о гербах с тремя львами королей Дании и Англии. Но если Генрих Лев не носил такого герба, то остается признать, что три льва являлись личной эмблемой Оттона. И он мог принять ее не ранее середины 1190-х годов[21],

---

[19] Об этом Томасин сообщает в "Итальянском (французском) госте" ("Der Wälsche Gast" – ок. 1213) (цит. по: *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 282). Отметим, кроме того, что Вальтер фон дер Фогельвейде (ум. 1230) в одном из стихотворений (73, 18), посвященном императору Оттону, говорит о том, что знаками на щите (*zeichen an dem schilte*) кайзера были "мощь орла" (*des aren tugent*) и "сила льва" (*des lewen kraft*) (Die gedichte Walthers von der Vogelweide / Hrsg. von H. Paul. Halle, 1950. S. 88). Кстати сказать, в русском издании слово "zeichen" переведено как "герб": "Блесните доблестью двойной // Орлиным духом, силой льва; // Двойным гербом ваш добрый щит украшен" (*Вальтер фон дер Фогельвейде*. Стихотворения / Изд. подгот. В.В. Левин и др. М., 1985. С. 94).

[20] *Posse O.* Die Siegel der deutschen Kaiser und Konige von Pippin bis Ludwig den Bayern. Dresden, 1909. Bd. 1: 757–1347. Tafel 26, N 3. Мария стала женой Оттона в 1214 г.

[21] Матвей Парижский (середина XIII в.) вел происхождение трех львов, изображавшихся вместе с имперским орлом на щите императора Оттона, от трех львов герба короля Англии. "Щит императора Оттона, половина которого от щита Империи, другая же от щита короля Англии" (*Scutum Ottonis imperatoris cujus medietas de scuto est Imperii, alia vero de scuto regis Angliae*) (цит. по: *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 282). Это сообщение английского хрониста в геральдической литературе не подвергалось сомнению. Более того, высказывались дополнительные соображения в оправдание его достоверности, а именно, что матерью Оттона была сестра короля Ричарда I и что Оттон получил в ленное владение от своего английского дяди графство Йоркское (1190 г.), герцогство Аквитанское и графство Пуату (1196 г.) (Ibid. S. 282). Отсюда делался вывод, что Оттон носил герб короля Англии как его вассал. Но в таком случае получается, что император Оттон во время своей коронации выставлял на показ эмблему, которая свидетельствовала о его вассальной зависимости от короля Англии. Очевидно, что с таким суждением трудно согласиться. Следовательно, три льва на щите императора Оттона должны были символизировать что-то другое, нежели его родство и феодальную связь с королем Англии.

или, во всяком случае, не ранее 1196–1198 гг., которыми в Германии датируется появление первого герба с тремя львами как личной эмблемы и у политического противника Оттона, Филиппа Швабского. Такое совпадение может навести на мысль о том, что Оттон и Филипп носили герб с одинаковым числом львов в качестве символов их политического статуса – самых могущественных государей Германии.

Однако данное предположение о времени и обстоятельствах принятия Оттоном герба с тремя львами вступает в противоречие с тем фактом, что самое раннее известие о наличии этого герба у Оттона приходится на время, когда Филиппа уже не было в живых. Кроме того, в отличие от Плантагенетов и Штауфенов, у Вельфов герб с тремя львами не стал наследственной эмблемой, ибо после Оттона никто из его рода ее не носил. Значит, на щите Оттона три льва мыслились не как только его личный герб, но также и как символ, указывавший на какой-то княжеский титул, на который впоследствии не претендовали Вельфы. Действительно, в роду Плантагенетов Иоанн унаследовал владения брата и одновременно его герб как знак короля Англии, а в роду Штауфенов герб с тремя львами со времени Филиппа символизировал титул герцога Швабского. Наследник же Оттона в качестве герцога Брауншвейгского, его брат Генрих, до конца своих дней носил свой личный герб с двумя львами, который впоследствии и получил значение герба Брауншвейга.

В таком случае, с обладанием каким титулом могло быть связано ношение Оттоном герба с тремя львами? Вероятно, это был титул герцога Швабии. В самом деле, свидетельство о присутствии трех львов на щите Оттона относится к 1209 г. Но в начале того же года он заключил брачный союз с Беатрикс, дочерью недавно умершего Филиппа Швабского (1208 г.), и как приданое получил во владение герцогство Швабию. Чтобы символически обозначить право на это герцогство, Оттон, надо полагать, и перенял от Филиппа его личную эмблему. Свое право на Швабию император Оттон IV отстаивал и после смерти Беатрикс (1212 г.), в последние годы своей жизни, когда швабские земли вернулись под власть Штауфенов, чем и объясняется присутствие герба с орлом и тремя львами на печати второй супруги и вдовы Оттона Марии Брабантской. Но и Штауфены, подчинив Швабию в 1212 г., очевидно, в качестве символа герцога этой земли, стали употреблять герб своего родственника Филиппа Швабского. Во всяком случае, сын императора Фридриха II, Генрих (1211–1242), как свидетельствует иконография его печати 1220 г., вместе с титулом герцога Швабского носил герб именно с тремя львами.

Таким образом, из сказанного о гербах немецких князей с тремя и двумя львами можно сделать вывод, что в Германии, как и во владениях Плантагенетов, на исходе XII в. один из князей носил герб с тремя львами, другой – с двумя львами.

Чем же можно объяснить такое утроение и удвоение изображений львов, произошедшее в конце XII столетия в гербах английских, французских и немецких правителей?

Как мы видели на примере государей из рода Плантагенетов, есть основания предполагать, что посредством различного числа львов символически

ной иерархии[22].

Можно догадываться, что по той же причине герцог Швабии (Филипп Штауфен), в качестве, вероятно, первого князя Германии, к тому же претендовавшего на королевское звание, принял герб с тремя львами, а стоявший в иерархии ступенькой ниже пфальцграф Рейнский и герцог Саксонский (Генрих Вельф) – герб с двумя львами. В то же время можно утверждать, что появление второго герба датируется периодом между 1196 г., когда пфальцграф Генрих носил еще щит с орлом, и 1201 г., когда он уже употреблял печать с двумя львами. Во всяком случае, в 1198 г. Филипп Швабский носил герб с тремя львами, так что и возникновение герба Генриха может датироваться этим или несколько более поздним временем. Известно, что он к 1201 г. признал королем Филиппа, и новый герб Генриха, таким образом, мог символизировать его вассальную зависимость от носителя герба с тремя львами. Именно такие отношения, как мы видели, существовали между носителями гербов с тремя и двумя львами во владениях Плантагенетов.

Но и от созданных таким образом гербов могли происходить новые гербы. В XIV в., по примеру немецких владетельных особ, правящий герцог Ютландский, а именно Вальдемар V (1325–1364), стал позволять своим сыновьям представляться со щитом, в котором заключались два льва – знаки герба герцога Ютландского. Тем самым, несомненно, указывалось на родовое происхождение этих сыновей. При этом сыновья шлезвигского владетеля могли и не использовать герцогский титул. Так, сын Вальдемара V (1325–1364) Вальдемар (ум. 1357) обозначен в документе 1357 г. как "Вальдемар, сын Вальдемара, Божией милостью герцога Ютландии"[23] (илл. 166). Его же младший брат, Хенрик (Генрих), при жизни отца в документах (с 1360 г.) представлялся "герцогом Ютландии" (*dux Jucie*), а на своей печати с герцогским гербом назван "юнкером Ютландии"[24] (илл. 167).

Однако на щитах обоих сыновей герцога Вальдемара V не обнаруживаем сердец. Датские королевичи Отто (1333 г.) и Вальдемар (1340 г.), сыновья к тому времени умершего короля Кристофера II, будучи претендентами на датский престол, тоже употребляли печати, на которых щиты заключали лишь трех львов (илл. 100, 101). Нет сердец и на щите с тремя львами другого претендента на корону Дании, а именно Альбрехта Мекленбургского (1376, 1387 гг.) (илл. 102). Случайно ли, что гербы всех этих лиц, не бывших еще самостоятельными правителями, изображались без сердец? Думается, это было сделано с умыслом. Вспомним, что речь идет об эпохе, характеризовавшейся господством символического умозрения, которое, в частности,

---

[22] Отметим, что в Западной Европе именно в конце XII и первой половине XIII в. вопрос об упорядочении феодальных состояний находился в центре внимания юридической мысли, о чем свидетельствуют документальные и законодательные памятники той эпохи, например, "Саксонское Зерцало". Отметим также, что в "Зерцале" феодальная иерархия представлена иерархией "военных щитов". Кроме того, именно в эпоху Штауфенов в Германии произошло оформление сословия князей (см.: *Tellenbach G.* Vom karalingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters. Leipzig, 1943. S. 22–73).

[23] "Waldemarus, filius Waldemari, dei gracia ducis Jucie" (DKS. N 147).

[24] "S'HINRICI DOMICELLI IVCIE" (Ibid. N 144).

Илл. 166. Печать юнкера Вальдемара, сына герцога Ютландского Вальдемара V, 1357 г.

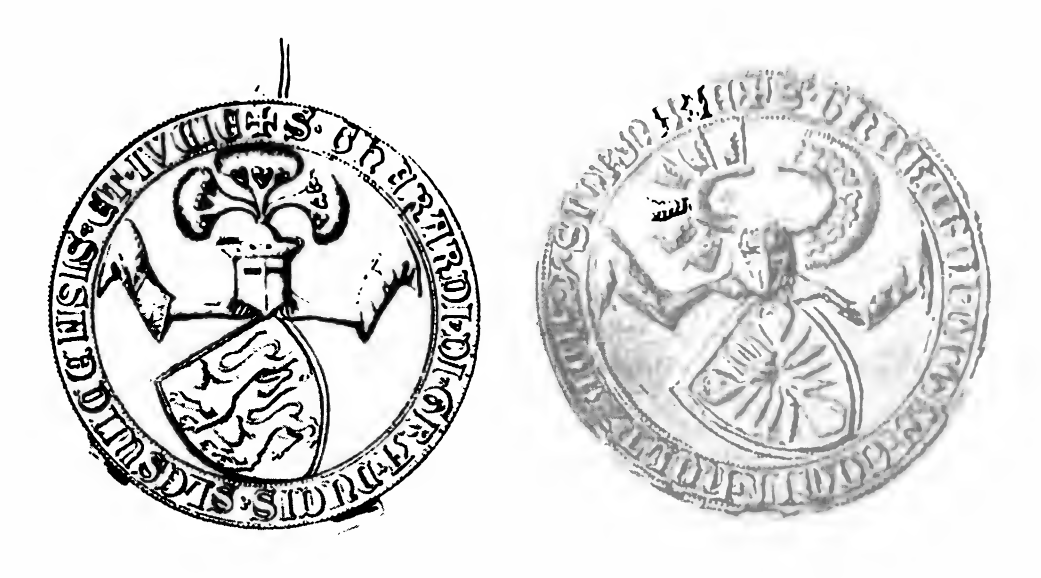

Илл. 167. Печать юнкера Хенрика, сына герцога Ютландского Вальдемара V, 1360 г.

выражалось в обычае иллюстрировать посредством производных гербов родовое происхождение и политический статус отпрысков королевских и княжеских семей. Стало быть, отсутствие сердец в гербах датских и ютландских юнкеров, вероятно, обозначало, что эти лица не являются правящими государями в Дании и Южной Ютландии. В то же время присутствие львов (трех и двух) на их печатях, несомненно, указывало на то, что эти юнкеры являлись сыновьями соответственно короля Дании и герцога Ютландиского и, кроме того, наследниками отцов. Если же такой обычай существовал в XIV в., то Альбрехт Мекленбургский как претендент на датский престол мог также ему следовать.

Впрочем, на печатях герцога Вальдемара V (1332 и 1346 гг.) тоже иногда изображался щит только с двумя львами[25]. Лишь два льва представлены и на щите Герхарда Шауэнбургского (графа Гольштейна) как правящего герцога Ютландского (1326 г.)[26] (илл. 168). Но в этих случаях, вероятно, речь шла о тенденции, которая в конце XIV в. привела к тому, что герб герцогства Ютландского стал изображаться без сердец. В XIV в., как можно догадываться, утвердилось представление о двух львах как о главных знаках, символизировавших герцогов Ютландских и их законных потомков.

При потомках герцога Эрика Абельсена (1260–1272), правивших в Южной Ютландии до 1375 г., герб герцогов Ютландскх также использовался в качестве источника для образования гербов их родственников. Таких случаев известно два. Первый связан с именем младшего легитимного брата герцога Вальдемара IV (ум. 1312), Эрика Длинная Нога (ум. 1310), который получил в удел остров Лангеланн, входивший в состав герцогства Ютландского. Титулуясь “господином Лангеланна” (*dominus Langlandie*), он имел на

[25] Ibid. N 137, 140.
[26] Ibid. N 143 a.

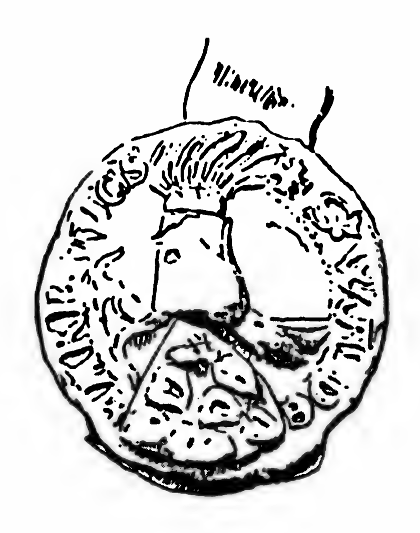
Илл. 168. Печать герцога Ютландского и графа Гольштейна Герхарда, 1326 г.

своей печати только одного льва[27], чем, как можно догадываться, подчеркивалось его младшее положение в семье. Другой случай касается герба рода Саппи (Sappi), происходившего либо от Абеля (ум. ок. 1332), побочного отпрыска герцога Вальдемара IV[28], либо от сына последнего, герцога Эрика II (ум. 1325)[29]. Представители этого рода, пресекшегося на рубеже XIV–XV вв., Вальдемар Эриксен Саппи (печати 1354, 1364 и 1367 гг.), (илл.169[30]) и его племянники, Вальдемар и Абель Эриксены (печати 1389 г.[31]), носили герб, состоявший из многочисленных сердец, которые вели происхождение от сердец герба их предка – герцога Ютландского.

В XIII–XIV вв. на основе королевского герба были созданы также эмблемы, которые принадлежали бастардам королей Дании или потомкам этих бастардов.

Известно, что король Вальдемар II имел по крайней мере двух внебрачных сыновей, Нильса и Кнута. Старший из них – Нильс (ум. 1218) в конце жизни являлся графом Халландским. О его гербе каких-либо сведений не сохранилось. Нет у нас и твердой уверенности относительно того, какое изображение заключал щит сына графа Нильса, тоже Нильса (ок. 1218–1251), получившего от своего деда, короля Вальдемара II, в 1241 г. во владение графство Нёрехалландское (Северный Халланд). Тот герб, который подписан именем графа Нильса Нильсена на гербовом фризе в Сорёском монастыре, мог быть создан много позже, при одном из поновлений фриза, в подражание соседнему

[27] Ibid. N 128.
[28] DAA. 1914. S. 396–397.
[29] *Christensen C.A.* Arnsholm og Valdemar Sappi: Et nordslesvigsk drama fra Valdemar Atterdags tid // Festskrift til Johan Hvitfeldt. Kbh., 1978. S. 40.
[30] DAS. N 430, 570.
[31] Ibid. N 915, 916.

Илл. 169. Печать Вальдемара Эриксена Саппи, 1354 г.

Илл. 170. Печать юнкера Якоба Нильсена, 1278–1280 гг.

гербу, принадлежавшему сыну Нильса, Якобу (ок. 1250–1308), с 1283 г. тоже бывшему графом Нёррехалландским. Оба герба представляют собой рассеченный по горизонтали щит, в котором изображены: в верхнем, синем, поле – идущий коронованный белый лев, в нижнем, золотом, поле – десять зеленых сердец. В качестве образца при реставрации этих гербов в конце XIX в. использовался герб Якоба Нильсена на его печати, употреблявшейся в 1278 г. Легенда печати называет Якоба юнкером и сыном графа Нильса ("S'DOMICELLI IACOBI FILII COMITIS NICOLAI"). На ней представлен треугольный щит, верхнее поле которого занимает идущий коронованный лев, а нижнее – десять сердец[32] (илл. 170). Кроме того, сохранилась печать Якоба Нильсена, употреблявшаяся в 1305 г., когда он уже носил титул графа Нёррехаландского. На этой печати тот же герб графа Якоба изображен без щита, но в нем насчитывается двадцать сердец. Согласно описанию этой печати, сделанному в 1305 г. в грамоте епископов Эрланда Фарерского и Арне Бергенского, в ее "верхней части помещен поперек как бы идущий леопард и под леопардом есть поле, содержащее разбросанные цветы, которые называются морской лист"[33]. Однако это описание принадлежало иноземцам и, по-видимому, основывалось на неверном истолковании того, что было изображено в нижнем поле печати: сердца приняли за морские листья. Ошибка могла быть вызвана тем, что в гербах XIII–XIV вв. действительно присутствовали изображения похожих на сердца знаков, которые уже тогда немцами и скандинавами назывались "морскими листьями". Вероятно, природным цветом этих листьев и объясняется то, что реставраторы Сорёского фриза изобразили в гербе графа Якоба зеленые сердцеобразные фигуры, а не красные сердца.

---

[32] Ibid. N 160.

[33] Ibid. N 161. Sigillum dei gratia comitis Hallandie: et impressio sigilli hec es quod in superiore parte est quidam leopardus quasi gradiens positus ex transuerso et desubtus loopardum est campus continens sparsos flores qui dicuntur Søblad (DD. 1948. R. 2, bd. 6. N 4).

Количество же сердец в гербе Якоба Нильсена на его второй печати увеличилось, вероятно, потому, что эта печать была по размеру больше. Другими словами, при отсутствии на ней изображения щита потребовалось заполнить увеличившееся пространство этими второстепенными знаками. А то, что числу сердец в гербах представителей королевского рода в Средние века не придавалось какого-либо символического значения, подтверждается тем фактом, что разное количество сердец обнаруживается и в гербах королей Дании, царствовавших в конце XII – XV в.

У графа Якоба имелся сын по имени Нильс, но о его гербе свидетельств не сохранилось. Не знаем мы ничего и о прямых потомках Нильса Якобсена, умершего вскоре после отца, так что род графов Нёррехалландских прекратился в первой четверти XIV в.

Другой бастард Вальдемара II, Кнут (ок. 1205–1260), плод связи короля с Хеленой, дочерью некоего шведского вельможи, приблизительно с 1219 по 1229 г. был герцогом Эстонским, а затем герцогом Блекингеским (упом. 1232 г.) и Лолланнским (с 1249 г.). Печатей этого бастарда, на которых, надо думать, должны были присутствовать изображения его герба, не сохранилось. Но герб Кнута Вальдемарсена известен по другому источнику. В Рингстедском монастыре, в церкви, освященной в честь св. Бендта, под сводами которой Кнут нашел свое последнее упокоение, при реставрационных работах была открыта фреска, датируемая XIII столетием. Она передает изображение щита с восстающим львом; над щитом надпись: "Кнут, герцог Эстляндии" ("[C]NVD DVX [E]STLANDIE"). Но цвета утрачены. Нельзя, однако, исключать, что герб герцога Кнута представлял собой в золотом поле синего льва[34].

Герб герцога Кнута, в подлинности которого сомневаться не приходится, должен рассматриваться как его личная эмблема, никак не соотносимая с его статусом герцога Эстонии. Такой вывод делаем на том основании, что в продолжение всего времени существования герцогства Эстонского (до 1346 г.), когда его государями являлись короли Дании или представители королевской семьи, оно не имело своего герба. А тот герб Эстляндии (три синих льва в золотом поле), который впоследствии вошел в состав большого герба Российской империи, был утвержден королем Швеции уже во второй половине XVI в., на основании старинного герба города Ревеля, для которого источником, в свою очередь, несомненно, послужил именно герб королей Дании. Самое раннее изображение герба Ревеля обнаруживается на древнейшей печати его городской общины, употреблявшейся в конце XIII – XIV в. На этой печати изображен щит с тремя львами, головы которых увенчаны коронами[35] (илл. 105). Такой герб горожане Ревеля получили вследствие того, что их город находился непосредственно под властью короля Дании.

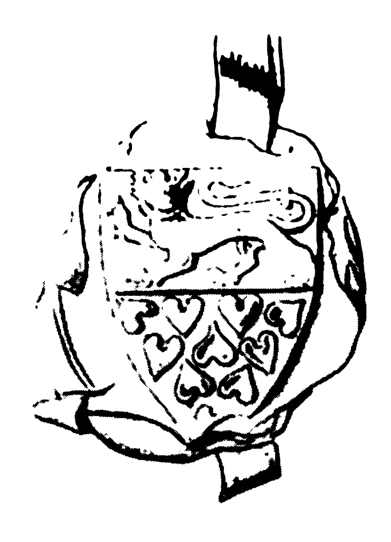
Но описанный выше герб герцога Кнута Вальдемарсена не перешел к его потомкам. Его сыновья, рожденные от померанской княжны, Эрик (ум. 1304), ставший в 1284 г. герцогом Сённерхалландским (Южного Хал

[34] Ibid. S. 97, 103; *Hiort E.* Skjoldefrisen i Ringsted – og de manglende våbener // Herald. Tidsskr. 1977. N 36. S. 294–295.

[35] *Bartholdy N.G.* Dannebrog – legende og virkelighed // 1219. Dannebrog og Estland. Roskilde, 1992. S. 6.

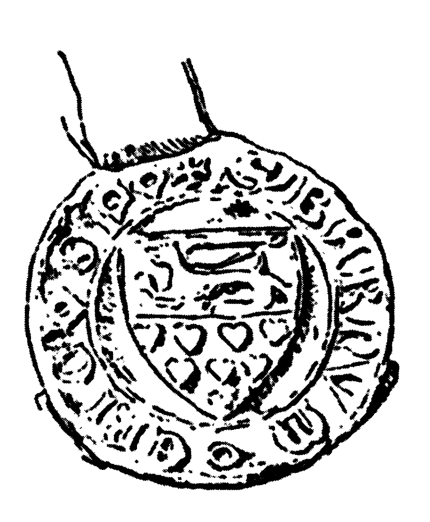
Илл. 171. Печать Свантополка Кнутссона, 1288 г.

Илл. 172. Печать юнкера Эрика Кнутсена, 1277 г.

Илл. 173. Печать Эрика Барнумсена, 1355–1365 гг.

Илл. 174. Печать Барнума Эриксена, 1382–1397 гг.

ланда), и Свантополк (ум. 1310), обосновавшийся в Швеции, где достиг влиятельного положения, – носили, как свидетельствуют их печати, гербы, подобные гербам графов Нёррехалландских. Между гербами братьев, однако, существовало небольшое различие: в гербе Свантополка (1253–1288 гг.)[36] (илл. 171) изображено лишь девять сердец, тогда как в гербе Эрика Кнутсена (1277 г.)[37] (илл. 172), как и в первом гербе Якоба Нильсена, их насчитывается десять. К сожалению, герцогская печать Эрика Кнутсена не сохрани-

---

[36] "SIGILLVM SVANTOPOLK KANVTI DVCIS FILIVS" (DKS. N 158).

[37] "S'DOMICELLI ERICI" (Ibid. N 159).

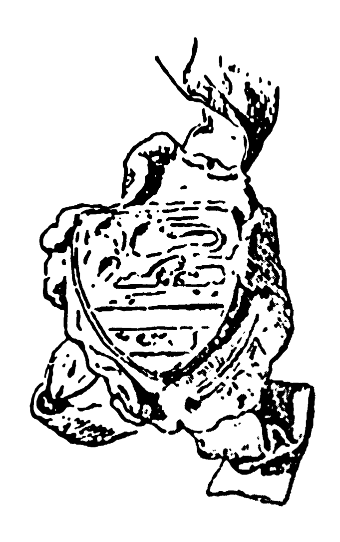
лась, а потому неизвестно, изменилось ли число сердец в его гербе после возведения его в достоинство герцога, как это имело место в гербе Якоба Нильсена, когда тот стал графом, или нет. Во всяком случае, числу сердец в гербах прямых потомков герцога Эрика, уже не имевших ни герцогского, ни графского титула, очевидно, не придавалось никакого значения. Это происходило, надо полагать, по той же причине, по которой разнилось число сердец в гербах графа Якоба Нёррехаландского. Так, внук Эрика, "domicellus", а затем просто "рыцарь" (*miles*) Эрик Барнумсен носил щит с коронованным львом, под которым находилось три сердца (печать 1355–1365 гг.)[38] (илл. 173). Но на щите одного из его сыновей, Барнума Эриксена (печать 1382–1397 гг.)[39], под львом обнаруживается восемь сердец (илл. 174). Другой же сын, Эрик Эриксен, если верить фреске в Сорёском монастыре, представлялся с гербом, в котором под коронованным львом изображены шесть сердец (цв. илл. 7). На этих праправнуках герцога Кнута его род, получивший у историков имя от названия родовой вотчины Эрика Барнумсена и его сыновей Скарсхольм (Skarsholm), прекратился (ок. 1400 г.)[40]. На Сорёском фризе герб Эрика Эриксена имеет следующие цвета: в верхнем, синем, поле золотой лев, в нижнем, серебряном, поле красные сердца. Но этот фриз неоднократно поновлялся, а потому подлинность цветов остается под вопросом

Герб, похожий на герб графов и герцога Халландских, представлен на надгробии сына короля Вальдемара IV, Кристофера (ум. 1363), находящемся в кафедральном соборе Роскилле (цв. илл. 16). В этом гербе также в верхней части щита находится идущий коронованный лев, а в нижней переданы многочисленные сердца. Вероятно, это был герб Кристофера как герцога Халландского. По свидетельству "Зеландской хроники" (1363 г.), он носил в конце жизни титул "dux Lalandie et Hallandie"[41]. Как герцог Лолланский Кристофер представлялся с драконом. Этот герб, созданный в конце 1350-х годов, когда Кристофер получил от отца во владение остров Лолланн, представлен на одной из его печатей[42] и на надгробии (в том числе на доспехах скульптурного образа Кристофера). Но в качестве наследника королевского престола, как уже отмечалось, Кристофер использовал герб короля Дании, представленный также на его надгробии. Таким образом, герб правителей Северного и Южного Халланда, подобно гербу герцогов Ютландских, в XIV в. продолжал оставаться эмблемой владетеля Халландского.

Король Кристофер II также имел бастардов, о которых, однако, сохранились весьма скудные свидетельства. В XVI в. было записано предание, согласно которому от связи указанного короля с представительницей рода Лунге родился основатель рода Лёвенбальк (Løvenbalk), по имени Эрик[43]. О гербе этого королевского бастарда, равно как и о его жизни, каких-либо известий в источниках не обнаруживается. Знаем, однако, что его предполагаемый сын, Йенс Эриксен, имел герб, который в верхнем поле заклю

---

[38] DAS. N 447.
[39] Ibid. N 804.
[40] DAA. 1916. S. 420–421; *Bartholdy N.G.* Cadency of Danish Royal Bastards... S. 98.
[41] Chronica Sialandie // DMA. S. 144.
[42] "S' CRISTOFORI DVCIS LALADIE" (DKS. N 45).
[43] DAA. 1903. S. 289.

Илл. 175. Печать Йенса Эриксена (Лёвенбальк), 1343 г.

Илл. 176. Печать Йенса Нильсена (Лёвенбальк), 1397–1408 гг.

Илл. 177. Печать Эрика Зеландсфара, 1364 г.

чал идущего льва, а в нижнем – две балки (печать 1343 г.)[44] (илл. 175). Такой же герб принадлежал и рыцарю Йенсу Нильсену (печати 1397–1408 гг.)[45] (илл. 176), который, возможно, доводился внуком Йенсу Эриксену, и другим членам рода Лёвенбальк, жившим в XV–XVI вв. Этот род пресекся в 1598 г. со смертью его последнего представителя Кнута Могенсена[46].

Значительно менее длинной оказалась родословная другого предполагаемого бастарда короля Кристофера II, рыцаря Эрика Зеландсфара (Зеландского), в середине 1360-х годов являвшегося членом Государственного совета Дании. На его печати, датируемой 1364 г., помещен восстающий лев о двух головах[47] (илл. 177). У господина Эрика, по-видимому, был только один сын, рыцарь Кристофер Эриксен (ум. 1369), покинувший этот мир молодым и не оставивший после себя мужского потомства. Его печать не сохранилась, однако ему вероятно, принадлежал герб, изображенный на одной из стен кафедрального собора в Роскилле, тождественный гербу его отца: в золотом поле восстающий белый (поначалу си-

ний?) лев о двух головах, увенчанных одной короной[48] (илл. 178).

Круг незаконнорожденных отпрысков королевского рода Дании в XIII–XIV вв., вероятно, не ограничивался теми лицами, о которых речь шла выше. Гербы ряда датских вельмож, живших в последней четверти XIII – первой половине XIV в., и их потомков содержат знаки, характерные для гербов королевского рода – львов или сердца. Но генеалогия этих вельмож, в большинстве своем входивших в число ближайших советников короля и игравших весьма заметную роль в политической жизни Дании, остается для историков загадкой. В лучшем случае известны имена их отцов.

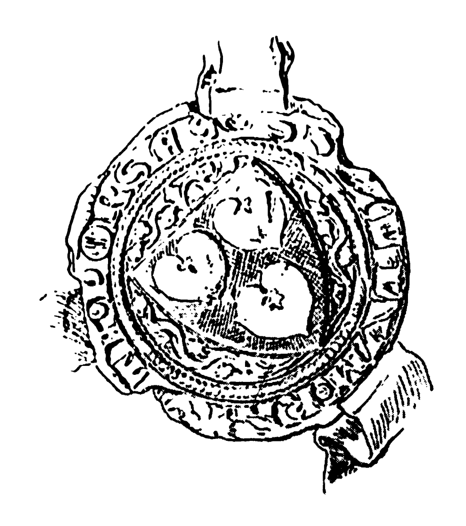
Илл. 178. Гербовый щит Кристофера Эриксена (Зеландсфар). Роскиллеский собор. Фреска, середина XIV в.

Так, в гербах знатных датских дворян XIV в., носивших прозвища Порсе (Porse), Кюрнинг (Kyrning), Пеп (Pæp) и Риббинг (Ribbing), изображены три сердца. Порсе вели свое происхождение от рыцаря Педера (упом. 1277–1287), имевшего прозвище Порсе (возможно, от дат. *pors* – багульник), и, вероятно, от рыцаря Нильса Кнутсена (упом. 1279–1305). Их родственниками были Сигвид (Севид) Кнутсен (упом. 1295–1302), от которого берут свое начало Риббинги[49], и Нильс Халландсфар (Hallandsfar) (упом. 1272–1305), потомки которого в XIV в. носили прозвища Кюрнинг и Пеп. Судя по отчеству Сигвида Кнутсена, его отца звали Кнутом. В XI – первой половине XIII в. все лица с таким именем в Дании принадлежали к королевскому роду. Не был ли и отец Сигвида отпрыском этого рода? Например, он мог быть внебрачным сыном или графа Халланда Нильса I, или его сына Нильса II. Возможно, потомками этих графов были также Педер Порсе, Нильс Кнутсен и Нильс Халландсфар, что может быть подкреплено некоторыми косвенными данными. Известно, что в 1287 г. эти три лица вместе с сыном графа Нильса II, графом Нёррехалландским Якобом Нильсеном, были осуждены на изгнание за убийство короля Эрика V. Общие политические устремления графа Якоба и его товарищей по заговору могли обусловливаться их близкими родственными связями. Родство Нильса Кнутсена и Нильса Хал

---

[48] *Ulsig E.* En ukendt gren af det danske kongehus i det 14. århundrede // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 3–10.

[49] DAS. N 100, 150, 174, 266; DAA. 1901. S. 220–227; *Mohlin A.* Porsesläktan tre sjöblad // Personhistorisk Tidskrift. 55. årgang, 1957. Stockholm, 1957–1958. S. 55–82.

Илл. 179. Печать Кнута Порсе, 1326 г.

Илл. 180. Печать герцога Халландского и Самсёского Кнута Порсе, 1329 г.

ландсфара с правителями Халланда усматриваем и в том, что все они носили личное имя "Нильс", которое у потомков графа Нильса I стало родовым. Кроме того, именно в Халланде находились земельные владения Педера Порсе, Риббингов и Нильса Халландсфара. Косвенным подтверждением высокого происхождения этих лиц, помимо знаков их герба, может служить и то обстоятельство, что внук по матери рыцаря Педера Порсе и, возможно, сын Нильса Кнутсена, рыцарь Кнут Порсе (ум. 1330)[50] (илл. 179), в 1326 г. был возведен королем Вальдемаром III в достоинство герцога Халландского и Самсёского, после чего стал представляться с другим гербом – щитом с горизонтальной балкой (илл. 180)[51]. В 1329 г. от короля Кристофера II он получил в качестве наследственного лена также герцогство Эстонию. К этому следует добавить, что в 1327 г. герцог Кнут женился на дочери короля Норвегии Хокона V (1299–1319) Ингеборг (1301 – ок. 1360), бывшей в первом браке замужем за шведским герцогом Эриком Магнуссоном (ум. 1318), сыном короля Швеции Магнуса Биргерссона и отцом короля Норвегии и Швеции Магнуса Эрикссона. Оба сына Кнута Порсе и Ингеборг, Хокон и Кнут, именовались герцогами Халландскими вплоть до своей смерти, последовавшей в 1350 г. во время эпидемии чумы[52].

Часть земельных владений рыцаря Нильса Кнутсена находилась в Ютландии. В этой датской области жил и вебнер Эсгер Йенсен Хагель (Hagel), который в 1367 г. употреблял печать с тремя сердцами в щите[53]. Возможно, он происходил из рода Нильса Кнутсена.

---

[50] DAS. N 150, 174.

[51] Ibid. N 226.

[52] DAA. 1901. S. 222. В конце жизни герцога Кнута или вскоре после его смерти его последний герб, вероятно, дополнился новым знаком: над балкой стал изображаться идущий лев. Он предстает на печатях его вдовы Ингеборг, "герцогини Халландской и Самсёской" (DAS. N 162–163).

[53] Ibid. N 638.

Герб, состоявший из трех сердец, изображен также на печати 1336 г. Бродера Эскильсена[54]. Его владения находились в области Сконе, и он, скорее всего, был сыном Эскиля Сконе, убитого в 1290 г. В документах XIV в. среди землевладельцев Сконе упоминаются потомки и Педера Порсе, и Нильса Халландсфара[55]. Но об их родстве с Бродером Эскильсеном и его отцом можно только догадываться.

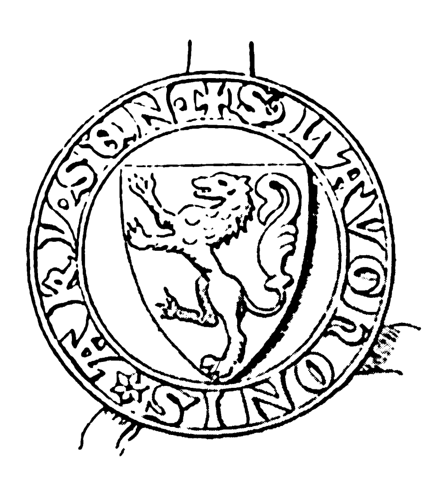
Цветные изображения гербов с тремя сердцами от XIII–XV вв. не сохранились. Согласно же свидетельствам начала Нового времени, основанным на несохранившихся средневековых источниках или устных преданиях, герб рода Порсе представлял собой "три красных сердца в золотом поле" (*Try rödhe hiertan i golt fiäld*) или "три красных морских листа в золотом поле" (*3 röda Sjöblad i gult felt*). С такими же цветами со времен Средневековья предстают сердца и поле в гербе королей Дании. Красные сердца (морские листья), но в серебряном поле, по тем же свидетельствам, носили потомки Нильса Халландсфара с прозвищем Пеп. Другой ветви потомков Нильса Кюрнинг приписывается эмблема с тремя зелеными морскими листьями в серебряном поле. Что касается рода Риббинг, шведская ветвь которого продолжает существовать и в наши дни, то его герб предстает с тремя золотыми сердцами в синем поле[56]. Скорее всего, все эти цветовые отличия, обнаруживающиеся в гербах с тремя сердцами, установились еще в Средние века, возможно, с той целью, чтобы отличать разные ветви потомков бастардов графов Халландских.

Ряд вельмож, современников герцога Кнута Порсе, а именно Магнус Сконинг (1285 г.), маршал Лаве Огесен (1320 г.)[57] (илл. 181), дрост (лат. *dapifer*) – высшее должностное лицо короля Дании в XIII–XIV вв. Лауридс Йонсен (1326 г.)[58] (илл. 182), братья Хенрик и Уффе Нильсены (1326, 1344 гг.)[59] (илл. 86–87) и их потомки, жившие в XIV–XV вв., носили гербы с одним восстающим львом. Кроме того, изображение половины восстающего льва над двумя балками находим в гербе рыцаря Мадса (Матеуса) Фальстера (1360, 1364 гг.) (илл. 183), его родственника Йенса Фальстера (1395 г.)[60] (илл. 184) и представителей их рода, живших в XV–XV вв. Рыцарь Мадс, возможно, был сыном Йенса Фальстера (упом. 1354) и внуком Педера Фальстера (упом. 1326), который первым упоминается с прозвищем "Фальстер"[61]

Примечательно, что прозвища некоторых известных (Эрик Зеландсфар) или предполагаемых (Нильс Халландсфар, Эскиль Сконе, Магнус Сконинг, Мадс Фальстер) потомков представителей датского королевского дома происходят от названий областей и островов Дании: Зеландия, Халланд, Сконе, Фальстер. Быть может, посредством этих прозвищ указывалось на королевское происхождение упомянутых лиц? Ведь известно, что обычай давать прозвище бастардам по названиям областей или феодальных владений в

---

[54] Ibid. N 259.
[55] DAA. 1901. S. 220–223.
[56] *Mohlin A.* Op. cit. S. 56.
[57] DAS. N 146.
[58] Ibid. N 175.
[59] Ibid. N 63, 146, 175, 188, 189, 233.
[60] Ibid. N 529, 1030.
[61] DAA. S. 1892. S. 126–127.

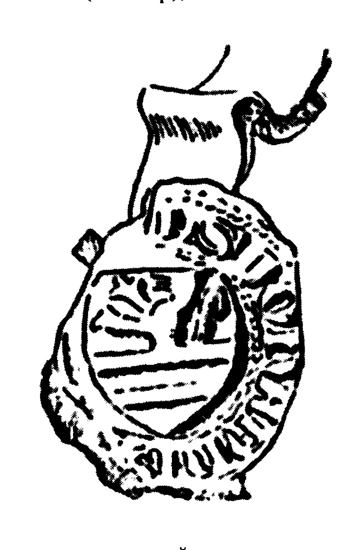
Илл. 181. Печать Лаве Огесена, 1320 г.

Илл. 182. Печать Лауридса Йонсена (Пантер), 1326 г.

Илл. 183. Печать Мадса Фальстера, 1360 г.

Илл. 184. Печать Йенса Фальстера, 1395 г.

Средние века и в начале Нового времени существовал в странах Западной Европы (например, Антуан Бургундский, Хуан Австрийский).

Таким образом, геральдика королевского дома Дании, зародившись во второй половине XII в. первоначально в виде образа льва – типического знака, отражавшего религиозно-символическое миросозерцание эпохи, в конце XII–XIII в. пережила период, когда характер эмблемы королевского потомка предопределялся его личным положением на феодальной и родовой лестнице. Впоследствии, с конца XIII в., гербы одних отпрысков королевского рода, которые не имели титула, превратились в родовые гербы, гербы других королей, герцогов Ютландских и владетелей Халландских – получили

также признание эмблем соответственно титула короля Дании, герцога Южной Ютландии и герцога или графа Халланда. Действительно, одновременно изображения сердец и львов встречаем только у особ титулованных или их легитимных потомков (род Скарсхольм). Два льва и сердца указывали на более высокое политическое и родословное положение герцогов Ютландских легитимных потомков королей и первых вассалов датской короны, нежели один лев и сердца в гербах графов Нёррехалландских и герцога Сённерхалландского – потомков королевских бастардов и менее значимых вассалов королей Дании. Одного льва, но уже без сопровождения сердец, в XIII – начале XIV в. имели в гербе также младшие братья герцогов Ютландских, стоявшие на феодальной и родовой лестнице на ступень ниже последних. В соответствии с этим правилом создавались гербы бастардов королей Дании, герцогов Южной Ютландии и, возможно, правителей Халланда. В гербах этих лиц обнаруживаем или сердца (род Саппи и, быть может, роды Порсе, Риббинг и др.), или льва (герцог Кнут Эстонский и Блекингеский, Эрик Зеландсфар и, возможно, ряд других вельмож), или льва с балками (род Лёвенбальк и, возможно, род Фальстер). В то же время при создании гербов отпрысков королевского рода Эстридсенов обычно принимались во внимание цвета королевского герба, дополнявшиеся иногда другими цветами.

В 1375 г., со смертью короля Вальдемара IV и герцога Ютландского Хенрика I Вальдемарсена (1364–1375), не оставивших потомков мужского пола, пресеклись две главные, легитимные ветви королевского рода Эстридсенов, правившего в Дании с середины XI столетия. В начале XV в. та же участь постигла ветвь, которая вела происхождение от герцога Кнута Эстонского и Блекингского. Тогда же перестают упоминаться в источниках потомки внебрачного сына герцога Вальдемара IV Абеля. В XV–XVI вв. из мужского потомства короля Вальдемара I жили только Лёвенбальки. Однако геральдика Вальдемарова рода не умерла. Королевская эмблема с тремя львами превратилась в герб королевства Дании, а эмблема герцогов Ютландских с двумя львами – в герб герцогства Шлезвиг. В таком своем качестве эти гербы и продолжили дальнейшее существование: два льва оказались в составном гербе графов Гольштейна (рядом с их родовым гербом), ставших после 1375 г. герцогами Шлезвига, а три льва с сердцами остались гербом у преемников короля Вальдемара IV на датском престоле. Кроме того, в середине XV столетия в составной королевский герб были включены эмблемы герцога Лолланнского (дракон) и герцогов и графов Халландских, но как эмблемы, иллюстрировавшие имена двух народов в титуле короля Дании: первая стала гербом Славян (Вендов), вторая – гербом Готов.

Традиция использования герба королей Дании в качестве источника для создания гербов королевских побочных отпрысков и их потомков продолжала жить и при Ольденбургской династии. В XVI в. таково рода герб получил Каспар (1533–1618), сын короля Кристиана III и дочери сапожника из окрестностей Коллинга. Молодые годы он провел за границей, служа иноземным государям. В 1571 г. император Максимилиан II даровал ему дворянское звание и герб. В этом гербе щит разделен по горизонтали на два отделения; в верхнем отделении изображена в белом (серебреном) поле половина восстающего, с двумя хвостами, коронованного красного льва, держащего в лапах факел, нижнее отделение имеет синий цвет. Одновременно Каспар получил

по отцу, король Фредерик II, признал за ним дворянское звание и герб, полученный от императора, но фамилию Каспар отныне стал носить другую – Маркдан, или Маркданнер (Markdanner). Род Каспара Маркданнера пресекся в 1677 г., со смертью его внука Фредерика Маркданнера[62]. Впрочем, этот случай связан с получением герба бастардом короля Дании от иноземного государя. Однако за границей знали о происхождении Каспара. Кроме того, в Германии для княжеских бастардов гербы создавались на тех же началах, что и в Дании. Поэтому в гербе побочного сына датского государя изобразили только половину коронованного льва. Этим давалось понять, что отец Каспара носил герб, в котором присутствовала фигура коронованного льва.

Следующий случай создания герба для бастарда короля Дании относится к XVII столетию. Этот герб появился уже на датской почве. Он принадлежал сыну короля Кристиана IV (1588–1648) и дочери королевского чиновника из Бремерхольма, Хансу Ульрику (1615–1645), который носил фамилию Гюлленлёве (Gyldenløve), что переводится как Золотой Лев. Его герб выглядел следующим образом: в красном поле два идущих друг над другом некоронованных льва, окрашенных наполовину в золото, наполовину в синий цвет, поверх которых наложен белый крест (или наоборот – львы поверх креста); шлемовая эмблема над щитом – восстающий золотой лев и пять красных знамен с белым крестом. Нетрудно заметить, что в этом гербе присутствуют цвета и фигуры, позаимствованные из герба короля Дании[63]. Следовательно, герб Ханса Ульрика иллюстрировал его происхождение из датского королевского дома и одновременно свидетельствовал о его положении бастарда, ибо легитимные сыновья королей Дании из Ольденбургской династии до 1660 г. носили составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна.

Именно герб Ханса Ульрика Гюлленлёве в дальнейшем стал образцом для создания гербов других королевских бастардов и их потомков, и в первую очередь Ульрика Фредерика (1638–1704), также носившего фамилию Гюлленлёве, сына короля Фредерика III от Маргреты Папе, с 1683 г. баронессы аф Лёвендаль (af Løwendal). Известны три его разновременных герба. Первый из них, изображение которого можно увидеть на портрете Ульрика Фредерика (1662 г.), хранящемся в Государственном музее искусства в Копенгагене, был почти таким же, как у его бездетного дяди, Ханса Ульрика, только с двумя отличиями: в гербе племянника львы всегда расположены поверх креста и место шлема занимает корона. В дальнейшем, когда Ульрик Фредерик в 1671 г. был возведен в достоинство графа аф Лаурвиген (af Laurvigen), в его герб была внесена эмблема этого графства. Новый герб принял следующий вид: щит, разделенный на четыре поля белым крестом; в первом и четвертом поле помещен герб Гюлленлёве (изображавшийся как с крестом, так и без него), а во втором и третьем – герб графства Лаурвиген: в синем поле восстающий бело-пятнистый (*hvidpættet*) коронованный лев, держащий изогнутую золотую алебарду; за щитом, увенчанным графской короной, шесть скрещенных по три красных знамен с белым крестом (илл. 110). В третьем гербе Ульрика Фредерика его личная эмблема заклю-

---

[62] *Colding P.* Caspar Markdanner // DBL. 1981. Bd. 9. S. 425–426; DAA. 1903. XX. S. 316–317.
[63] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 153–154.

чена в малый щит, наложенный на щит большой, в котором первое и четвертое поле отдано символу графства Лаурвиген, второе и третье поделено на две части линией, проведенной от верхнего левого угла к углу правому нижнему (скошение слева) (илл. 111). Очевидно, что и герб графства Лаурвиген, которое было создано из норвежских имений Ульрика Фредерика, имел своим источником знак герба Норвегии (восстающий лев с алебардой), который присутствовал в составном гербе королей Дании с эпохи Кальмарской унии[64].

В 1679 г. фамилию Гюлленлёве получили также Кристиан (1674–1703) и Ульрик Кристиан (1678–1719), сыновья короля Кристиана V и его метрессы Софии Амалии Мот (1654–1719), дочери придворного врача Поуля Мота (1601–1670)[65]. При этом в королевском указе, изданном тогда же, было окончательно установлено, что данной фамилией могли обладать исключительно дети королей. Потомки же этих детей не имели права называться Гюлленлёве, "но в знак того, что они происходят из королевского дома, они могут носить герб и корону, которые использовали их отцы"[66]. Гербы этих "отцов" могли разниться между собой, но они непременно содержали эмблему носителей фамилии Гюлленлёве – красный щит с белым крестом, обремененным двумя идущими львами.

В 1677 г. Кристиан V учредил для Софии Амалии Мот графство Самсёе (Samsøe), за которым тогда же был закреплен следующий герб: увенчанный короной щит, в красном поле плывущий по голубым волнам белый лебедь с двумя золотыми коронами, на голове и шее. Эта эмблема, несомненно, восходит к гербу Стурмарна, который был представлен в составном гербе короля Кристиана V. Выбор стурмарнского белого лебедя с золотой короной на шее в качестве источника для создания герба графства Самсёе объясняется тем обстоятельством, что предки Софии Амалии происходили из герцогства Стурмарн. Два года спустя право именоваться графами и графинями аф Самсёе (*Grever og Grevinder af Samsøe*), одновременно с фамилией Гюлленлёве, получили и дети графини Софии Амалии. Вместе с тем для них был создан герб, состоявший из двух щитов: увенчанный короной щиток с гербом фамилии Гюлленлёве; большой щит, поделенный белым крестом на четверти: в первой и четвертой – герб графства Самсёе, во второй и третьей – скошение слева. Этот щит увенчивает графская корона, над которой восседает прямо смотрящий коронованный золотой лев, держащий в каждой из двух лап по три Даннеброга. Роль щитодержателей исполняют два белых слона – знак королевского дома[67] (илл. 185).

По-видимому, в 1679 г., одновременно с гербом детей графини аф Самсёе и по его образцу, был создан и новый, третий по счету, герб для Ульрика Фредерика Гюлленлёве, графа аф Лаурвиген. Его герб и герб графов аф Самсёе действительно имеют большое сходство: у них одинаковыми являются внешние элементы (корона, нашлемные знаки, щитодержатели) и

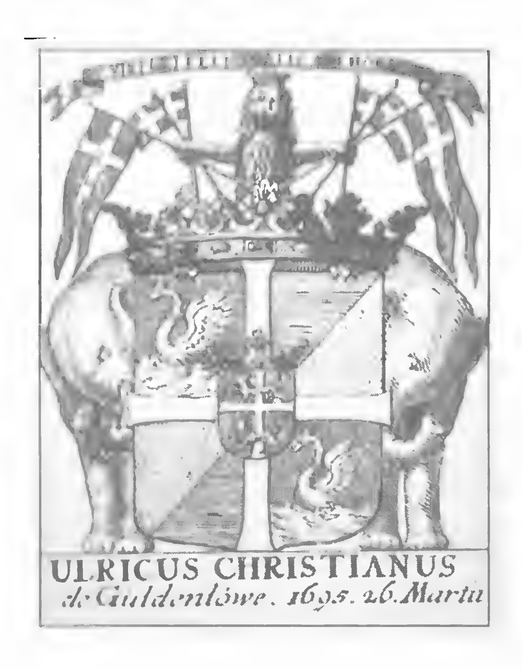
---

[64] Ibid. S. 154–156.

[65] *Bøggild-Andersen C.O.* Sophie Amalie Moth // DBL. 1982. Bd. 10. S. 81.

[66] "...men til et Kendetegn, at de have deres Oprindelse af et kongl. Hus, maa de føre det Vaaben of den Krone, deres Fader har brugt" (Цит. по: *Berner H.* Gyldenløvernes våben... S. 157).

[67] Ibid. S. 156–158.

Илл. 185. Герб графа Ульрика Кристиана Гюлленлёве, с 1679 г.

щиток с гербом фамилии Гюлленлёве. Отличие заключается лишь в том, что в первой и четвертой четверти большого щита герба Ульрика Фредерика помещен герб графства Лаурвиген[68].

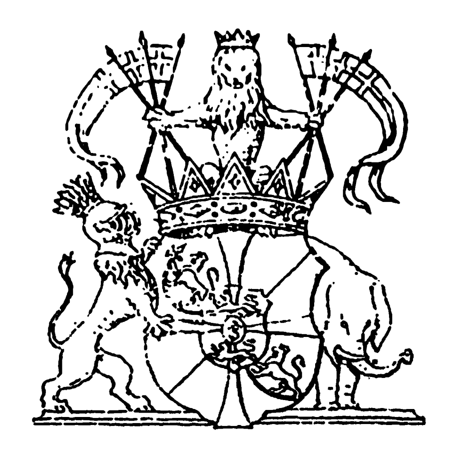
По указу 1679 г. будущие дети Кристиана и Ульрика Кристиана Гюлленлёве, наследовав герб своих отцов, должны были носить титул графов аф Самсёе. Но согласно другому указу, изданному в 1695 г., "дети и потомки Гюлленлёве должны использовать фамилию графов и графинь аф Даннескьольд и носить герб, удерживаемый золотым львом… и белым слоном, и в знак того, от какого короля они происходят, в сердцевой щит [заключать] овальный щит, в котором должен стоять в синем поле золотой шифр короля, от которого Гюлленлёве, чьими потомками они являются, происходил, и вместо княжеской короны [иметь] античную корону с четырьмя высокими и четырьмя низкими зубцами"[69]. Кроме того, решено было добавить к фамилии Даннескьольд (Датский Щит) наименование графства, которым владел носитель фамилии Гюлленлёве. Как следствие, единственный сын Ульрика Фредерика Гюлленлёве, графа аф Лаурвиген, по имени Фердинанд Антон (1688–1754), стал носить титул графа аф Даннескьольд-Лаурвиген (Лаурвиг), а сыновья Кристиана Гюлленлёве, графа аф Самсёе, Кристиан (1702–1728) и Фредерик (1703–1770), получили титул графа аф Даннескьольд-Самсёе[70].

Созданные для этих графов гербы, предназначавшиеся и для их потомков, сильно походили на те гербы, которые получили их отцы в 1679 г., с тремя отличиями, предусмотренными указом 1695 г. Во-первых, в средних щитах гербов сыновей бастардов Гюлленлёве появились изображения овальных щитков с шифрами королей, от которых происходили графы: "F 3" (Frederik III) в гербе Фердинанда Антона, графа аф Даннескьольд-Лаурвиген (илл. 186), и "C 5" (Christian V) в гербе Кристиана, графа аф Даннескьольд-Самсёе (илл. 187). Во-вторых, в их гербах корона, увенчивающая главный

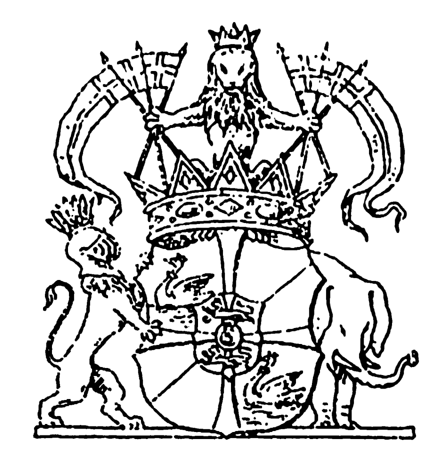
[68] Ibid. S. 155.

[69] "…de Güldenlewers Børn og Afkom skulle bruge det Tilnavn Grever og Grevinder af Danneskiold og føre deres Vaaben baaren af en guld Løve… og en hvid Elefant, og til et Kjendetegn, af hvilken Konge de have deres Oprindelse i Hjerteskjoldet et ovalt Skjold, hvori den Konges Chiffer af guld skal staa i blaat Felt af hvilken den Güldenlew, hvis Descendenter de ere, nedstammede, og istedetfor den fyrstelige Krone en antik Krone af fire høje og fire lave Takker" (Цит. по: Ibid. S. 157–158).

[70] *Bartholdy N.G.* Danneskiold-Laurvig // DBL. 1979. Bd. 3. S. 576–577; *Idem.* Danneskiold-Samsøe // Ibid. S. 578.

Илл. 186. Герб графов Даннескьольд-Лаурвиген, 1695 г.

Илл. 187. Герб графов Даннескьольд-Самсёе, 1695 г.

щит, приобрела "античный" вид. И, наконец, в-третьих, правый щитодержатель в гербе графов аф Даннескьольд преобразился из слона во льва, чья голова сокрыта коронованным шлемом, украшенным перьями цапли[71].

Нельзя здесь ни отметить, что употребление "шифров" королей в гербах потомков носителей фамилии Гюлленлёве представляет исключительное явление в датской геральдике.

Помимо легитимного сына, Фердинанда Антона, который положил начало роду графов аф Даннескьольд-Лаурвиген, Ульрик Фредерик Гюлленлёве от своего первого (тайного) брака с Софией Урне (1629/30–1714) имел еще двух сыновей близнецов, Карла и Вольдемара (1660–1740)[72]. В 1682 г. они получили патент на титул баронов аф Лёвендаль (af Løvendal – Львиная Долина) и следующий герб: четверочастный щит; в первой и четвертой четверти в красном поле восстающий, коронованный, бело-пятнистый лев, держащий белое знамя с красным крестом; во второй и третьей – в золотом поле белый замок, под которым три красные сердца; над щитом три коронованных шлема, украшенных шлемовыми фигурами: на правом шлеме – лев со знаменем, на центральном – замок, на левом – перья цапли и страуса; за щитом разного рода оружие и белые знамена с красным крестом; щитодержатели отсутствуют[73]. Очевидно, что источником для герба баронов Лёвендаль послужили отчасти герб их отца (цвет льва в гербе графства Лаурвиген), отчасти герб королей Дании (красные сердца в золотом поле). Тем самым свидетельствовалось их родство с графом аф Лаурвиген и королевским домом Дании.

Род графов аф Даннескьольд-Лаурвиген пресекся со смертью внука Фердинанда Антона, Кристиана Конрада (1723–1783). Его наследником высту

[71] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener... S. 158–159.

[72] *Rockstroh K.C.* Woldemar Løvendal // DBL. 1981. Bd. 9. S. 285–286.

[73] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener... S. 159–161.

нил внук барона Вольдемара аф Лёвендаль, Франсуа Ксавье Жозеф. В 1786 г. он получил патент на титул графа аф Даннескьольд-Лёвендаль с правом внести в свой герб малый средний щит[74] с гербом фамилии Гюлленлёве, щиток с шифром "F 3" как свидетельство его происхождения от короля Фредерика III, а также античную корону, шлемовую фигуру в виде сидящего коронованного льва и двух щитодержателей: восстающего коронованного льва и слона. Все эти знаки были представлены в гербе угасшего графского рода аф Даннескьольд-Лаурвиген.

Но и род графов аф Даннескьольд-Лёвендаль не был долговечен: он пресекся в начале XIX в. на сыне Франсуа Ксавье Жозефа, графе Карле Вольдемаре. Последний, однако, имел четырех внебрачных детей (всех от разных женщин), которые в 1823 г. вместе с дворянским достоинством получили право на ношение фамилии Лёвенсён (Løwensøn – Сын Льва). В гербовом щите этой фамилии, пресекшейся в 1915 г., представлен золотой лев в красном поле, который стоит на зеленом подножии; над щитом дворянский шлем с двумя белыми крыльями, а за щитом два скрещенных артиллерийских орудия. Иногда герб дополнялся еще и лентой с девизом[75]. Нетрудно заметить, что фигура золотого льва в красном поле герба Лёвенсёнов обязана своим появлением гербу фамилии Гюлленлёве, входившему в составной герб графов аф Даннескьольд-Лёвендаль; два орудия были также позаимствованы из "арматуры", украшавшей герб означенных графов.

От второй половины XVII в. известен также один случай, когда герб был пожалован дочери короля Дании, не имевшей статуса датской принцессы. Этой особой была Кристиана (1626–1670), дочь Кристиана IV от его морганатической супруги Кирстины Мунк (1598–1658). В 1662 г. король Фредерик III даровал ей герб, состоявший из двух щитов. В четверочастном малом щите были представлены четыре герба ближайших предков Кирстины Мунк, принадлежавших к дворянским родам Мунк (Munk), Марсвин (Marsvin), Люкке (Lykke) и Гюлленстьерне (Gyldenstierne). Этими гербами указывалось на родословную Кристианы со стороны матери. Большой щит также был поделен на четверти: в первой и четвертой изображался в синем поле восстающий коронованный золотой лев, во второй и третьей – в красном поле восстающий коронованный белый лев[76]. Эти эмблемы своими цветами и фигурами, несомненно, свидетельствовали о том, что Кристиана являлась дочерью короля Дании и Норвегии.

В XX в. традиции "битайна в широком понимании" были использованы при создании герба принца Оге (1887–1940), легитимного сына принца Датского

---

[74] Большой трехчастный средний щит, увенчанный графской короной, заключал следующие эмблемы: в первой части – в зеленом поле две белые луны, во второй – в красном поле белый орел, в третьей – в сине-красном поле белая алебарда. Этот гербовый щит Франсуа Ксавье Жозеф унаследовал от своего отца Ульрика Фредерика Вольдемара (1700–1755), который, помимо титула барона аф Лёвендаль, носил титулы графа Российской империи (1738 г.) и графа Священной Римской империи (1741 г.), полученные во время службы в России (1737–1740 гг.) и Речи Посполитой (1740-е годы). Эмблемы этих графских титулов были представлены в сердцевом щите составного герба Ульрика Фредерика Вольдемара. Он являлся также маршалом Франции (с 1749 г.) (Ibid. S. 160–162; *Rockstroh K.C.* Ulrik Frederik Woldemar // DBL. 1981. Bd. 9. S. 286–287).

[75] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener... S. 161–163.

[76] *Svane E.* I Skjoldet springe Løver... S. 64.

Вальдемара (1858–1939), сына короля Кристиана IX. В 1914 г., находясь в Турине, Оге вступил в брак с итальянской графиней Матильдой Кальви ди Берголо (1885–1949), не испросив на то королевского разрешения. По этой причине он принужден был отказаться от прав на наследование престола Дании и герба датских принцев. Взамен ему были пожалованы титул и герб графа аф Росенборг (af Rosenborg). Эмблемы герба принца Оге представлены в двух щитах. В щитке заключен родовой герб Ольденбургов. Большой щит поделен на четыре отделения: в первом и четвертом – новый личный герб Оге: в золотом поле идущий коронованный синий лев над тремя красными сердцами, во втором и третьем – герб графства Росенборг: в красном поле белая роза над белым замком. По постановлению от 1914 г., в дальнейшем этот герб должны были носить все графы аф Росенборг и их дети, причем последние лишались титула принца (принцессы). Нетрудно заметить, что личный герб Росенборгов создавался на основе королевского герба, путем сокращения в нем фигур двух львов и шести сердец[77]. При этом в качестве образца, скорее всего, были использованы гербы герцога и графов Халландских, живших в XIII–XIV вв.

Илл. 188. Герб Софии Амалии Мот. 1679 г.

После 1660 г., в эпоху абсолютизма, составные гербы королей Дании неоднократно служили источником для создания гербов королевских метресс. Первый герб, созданный на таких началах, принадлежал Софии Амалии Мот, графине аф Самсёе, возлюбленной короля Кристиана V[78]. Этот герб, утвержденный в 1677 г., состоит из двух щитов. В сердцевом помещена эмблема графства Самсёе, которая восходила к гербу герцогства Стурмарн. Большой щит поделен на четверти. В первой и четвертой представлены два лежащих коронованных золотых льва в синем поле. Источником этой эмблемы являлся герб герцогства Шлезвига – два идущих синих льва в золотом поле. Вторая и третья четверти поделены по горизонтали на два отделения. В верхнем отделении представлена золотая корона в красном поле, в нижнем – большое красное сердце в окружении восьми маленьких красных сердец в золотом поле (илл. 188). Последняя эмблема происходила от герба Дании.

Впоследствии девять красных сердец в золоте и два золотых льва в синем поле, помимо других эмблем, были представлены также в гербах двух метресс короля Фредерика IV: Элизабеты Хелены Вирег, графини аф Антворсков (1703 г.), и Шарлотты Хелены фон Шиндель, графини аф Фредериксхольм (1710 г.)[79].

---

[77] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 241; *Cedergreen Beck S.* Aage Christian Alexander Robert // DBL 1984. Bd. 16. S. 218; *Svane E.* I Skjoldet springe Løver... S. 69.

[78] См.: Ibid. Fig. 79.

[79] См.: Ibid. Fig. 80, 81.

Эмблемы, присутствовавшие в составных гербах королей Дании, могли служить источником и для создания дворянских эмблем, в том числе лиц титулованных. В 1679 г. король Кристиан V утвердил, "в знак особой королевской милости", герб Матиаса Мота (1649–1719), брата королевской метрессы Софии Амалии Мот. В первой и четвертой четверти большого щита этого герба изображены три сердца. Примером графского герба служит герб фаворита короля Кристиана V Педера Шумахера, графа аф Гриффенфельдт, утвержденный в 1673 г. В этом гербе, а именно в большом четверочастном щите, представлены: в первой и четвертой четверти идущий лев над скошенными слева двумя балками, во второй и третьей восемь сердец. Кроме того, в малом щите изображен герб графства Гриффенфельдт: гриф с изогнутой алебардой (илл. 100). Эта алебарда позаимствована, с сокращением фигуры восстающего коронованного льва, из норвежского герба, присутствовавшего в составном гербе Кристиана V. С ее помощью указывалось на то, что графство Гриффенфельдт расположено в Норвегии[80].

Присутствием в гербах метресс и некоторых дворян эмблем, восходивших к эмблемам составных гербов королей Дании, подчеркивалось не родство с королевским домом, на что указывали гербы отпрысков королей, а только близость к особе короля. Это были знаки особой королевской милости.

Правила "битайна в широком понимании" использовались и в дворянской датской геральдике, но крайне редко. Так, известно, что посредством сокращения фигур, находившихся в исходном гербе, и с сохранением его цветов был создан герб Кристена Ланге, побочного сына члена Государственного совета Нильса Ланге аф Кьергорд (ум. 1565). При возведении Кристена в дворянское звание в 1572 г. ему была пожалована эмблема, представляющая собой одну красную розу в белом поле. Несомненно, она имела своим источником герб аристократического рода Ланге (балки) – три красных розы в белом поле, – к которому принадлежал отец Кристена[81].

Средневековая датская геральдика, как выяснил Т. Далеруп, знала также случаи, когда благодаря сокращению числа знаков или через их изменение, иногда с добавлением нового знака, герб какого-либо аристократического рода становился источником для создания гербов лиц, связанных с представителем этого рода не кровными, а служебными узами. Так, герб знатного рода Флемминг состоял из трех горизонтальных балок, которые были обременены соответственно верхняя и средняя тремя, а нижняя двумя шарами (*kugler*). У рыцаря Иоахима Флемминга, королевского ленсмана в Калуннборге в 1444–1445 гг., в молодости состоял на службе Ханс Навль (упом. в 1440–70-е годы). Впоследствии, вероятно, при поддержке своего господина, он получил дворянские права и герб. В этом гербе представлены те же знаки и с тем же их расположением на щите, но только число шаров на двух верхних балках, по сравнению с гербом Флеммингов, сократилось до двух. Известно также, что по просьбе рыцаря Эрика Нильсена (Гюлленстьерне) (упом. в 1406–1441), чей герб заключал семиконечную звезду, дворянские права и одновременно гербы получили Нильс Нильсен Харбо (1433 г.) и Кнут Нильсен Харбоу (1440 г.). Гербы этих лиц, несомненно, создавались на основе гер-

---

[80] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58. S. 388.
[81] *Berner H.* Bitegn... S. 178.

ба рода Гюлленстьерне: Нильс Нильсен носил герб, состоявший из ущербной звезды о пяти концах и полумесяца, а Кнут Нильсен – шестиконечную звезду над тремя волнистыми линиями[82]. В XIII–XV вв. такого рода обычай существовал и в других странах Западной Европы: нередко герб феодального владетеля брался за основу при создании гербов его вассалов.

Итак, завершая исследование о производных гербах, можно утверждать, что своим происхождением они обязаны умозрению средневекового человека Западной Европы и Дании в частности. Это умозрение характеризовалось символическим мышлением и смотрело на общество не иначе, как на тело, образованное на началах иерархии состояний, чинов и званий. Эмблема, находившая выражение в производном гербе, будучи символом лица, отражала индивидуальные духовные качества ее владельца на лестнице состояний и семейно-родовых отношений, установившихся в придворно-рыцарской среде XII–XIII вв. Иными словами, на герб переносились те свойства, которые характеризовали символизируемое лицо. Но и носитель отличительного знака не мог не смотреть на этот знак как на символ своей индивидуальности и, соответственно, своих внешних отличительных качеств. Следовательно, зарождение и развитие производных гербов в западноевропейской геральдике следует рассматривать как результат душевно-духовных переживаний знати Западной Европы в XII–XIII вв., выражавшихся в тоске по внешним – земным, человеческим, суетным – отличиям.

Однако и в Новое время представление об организации общества на иерархических началах по-прежнему продолжало господствовать в умонастроении человека Западной Европы; да и личность еще больше утвердилась в проявлениях своей суетной индивидуальности. Дух рационализма, обнаруживший себя на западноевропейской почве в XVII–XVIII вв., в свою очередь стал источником, из которого вышла формальная геральдика, утвердившая практику создания производных гербов. А потому такие гербы во всем своем многообразии продолжали создаваться в Дании в эти и последующие века, даже в условиях ослабления иерархических начал в обществе, но под большим влиянием канонизированной традиции.

---

[82] *Dahlerup T.* Variationer og Mutationer: Adelshistoriske Problemer i Heraldisk Belysning // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 65–80; *Idem.* Våbengrupper, similarisering og undervasallitet i dansk senmiddelalder // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 303–311; *Idem.* Lavadelens krise i dansk senmiddelalder // HT. 1969. R 12, bd. 14. S. 23–34.

Глава восьмая

КОРОЛЕВСКИЕ ГЕРОЛЬДЫ

Становление должности герольда в странах Западной Европы приходится на конец XII – XIV в.[1] Самое слово "герольд" (фр. *hiraut, hiraus*; лат. *heraldus*), однако, входит в употребление только во второй половине XIV столетия. Поначалу, например, во Франции для обозначения лиц, занимавших эту должность, использовались слова "crier", "crie", а в Германии – "knape von wapen", "garzun" и "krogierer"[2]. Первое же описание обязанностей герольдов восходит еще к более позднему времени. Оно обнаруживается только в трактате английского писателя середины XV в. Николаса Аптона. «Должность их, – говорится в главе "О герольдах" его сочинения "De studio militari", – состоит в том, чтобы назначать младших послов… множество народа легко исчислять, договоры между государями брачные и мирные зачинать, различные королевства и области посещать, рыцарство прославлять и требовать, чтобы участвовало во всех воинских действий, упорядочивать публичные возгласы и крики во время турниров и подобных воинских действиях, приводить верный доклад о разногласиях среди врагов, ни одной стороне в военных действиях не благоволить»[3]. К этому следует добавить, что в позднее Средневековье герольды занимались созданием гербовников, исследованием гербов, а также, например, в Англии, составлением гербовых грамот.

---

[1] О герольдах в странах Западной Европы см.: *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 41–51; *Черных А.П.* Геральдика // Введение в специальные исторические дисциплины. М., 1990. С. 49–51; *Кин М.* Рыцарство. М., 2000. С 242–256; *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenscraft). Nürnberg, 1885–1889. S. 19–45; *Wagner A.R.* Heralds and Heraldry in the Middle Ages: An Inquiry into the Growth of the Armorial Function of Heralds. Oxford, 1956; *Neubecker O.* Le grand livre de l'héraldique: L'historie, l'art et la science du blason. P., 1976. S. 10–41.

[2] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. S. 22.

[3] "Quorum officium est minores nuncios creare… multitudinem populi faciliter numerare, tractatus inter Principes matrimoniales et pacis inchoare, diversa regna et regiones visitare, miliciam honorare, et singulis actibus militaribus interesse desiderare, clamores publicos et proclamationes in torneamentis et similibus actibus militaribus ordinare, fidelem negotiorum relationem inter hostes deferre, et neutri favore parti in actibus belicis…" (*Nicolai Vptoni* de Studio militari Libri Quatuor // *Nicolai Vptoni* de Studio militari libri Quatuor. *Iohan. De Bado Aureo* Tractatus de Armis. *Henrici Spelmanni* Aspilogia / Ed. E. Bissaeus. L., 1654. P. 20–21).

По свидетельству Аптона, герольд, вступая в должность, приносил клятву верности (*jurare debet*) своему сеньору[4]. Все герольды "должны носить тунику с гербами своих господ", в том числе "когда они будут в столкновениях или на турнирах, или в других военных опасностях, или когда через какие-либо чужие области будут проезжать верхом. Также на пирах и свадьбах, и во время коронования королей и королев, и на торжествах государей герцогов и других больших господ они могут пользоваться туниками своих господ; и подобает им держатся в чужих областях и королевствах с соблюдением чести и величия своих господ"[5].

Кроме того, Аптон говорит, что у герольдов были помощники, которые назывались по-латыни "prosecutores", а "по-гальски" (по-французски) "pursivantz" Эти персеванты, подобно герольдам, носили тунику с гербами своих господ[6].

Как и любой другой средневековый писатель, сообщавший о каком-либо культурно-общественном явлении, Аптон имел в виду обычаи не только английских, но всех вообще герольдов и персевантов своего времени. Поэтому можно догадываться, что эти обычаи в той или иной степени характеризовали должностные обязанности герольдов различных государей Западной Европы позднего, а также отчасти высокого, Средневековья, и королей Дании в частности.

В самом деле, многое из того, что сообщается Аптоном о герольдах, находит подтверждение в письменных источниках, в которых обнаруживаются упоминания о герольдах датских королей. Так, в "Мекленбургской рифмованной хронике" Киркберга, восходящей к последней трети XIV столетия, сообщается, что летом 1311 г. король Дании Эрик VI Менвед проводил рыцарский турнир близ Ростока, на котором герольды оглашали победителей единоборств по их гербам. Во время последовавшего затем пира рыцари танцевали в той очередности, в которой они выкликались герольдами[7] Но время создания литературного труда Киркберга отстает от этого события более чем на пятьдесят лет, а потому само слово "герольд" при дворе короля Дании в 1311 г. могло еще и не употребляться. К тому же известно, что именно вариант слова "krogierer" был в ходу в Дании еще во дни царствования Вальдемара Аттердага (1340–1375), о чем свидетельствует один из документов, изданный в 1363 г. В этом памятнике сообщается о Герхарде Грундисе (Gerhard Grundiis), который имел звание "creerer regis Dacie"[8]. Этот первый известный по имени "герольд" датского короля, по-видимому, принимал участие в морском сражении вблизи замка Хельсингборг (1362 г.), где

---

4 Ibid. P. 21.

5 "Et isti debent portare tunicam Armorum dominorum suorum... cum in conflictibus fuerint vel torneamentis, aut aliis periculis bellicis, vel cum per aliquas regiones equitaverint extraneas. Item in conviviis et maritagiis ac Regum et Reginarum coronationibus, et Principum Ducum et aliorum magnorum Dominorum solempnitatibus, dominorum suorum tunicis uti possunt; et tenentur in regionibus et regnis licet extraneis ad honorem suorum et magnificentiam dominorum" (Ibid. P. 21).

6 Ibid. P. 19–20.

7 *Kirckberg E.* Der Meklenburg Reimkronik // *Westphalen E.J.* Monumenta inedita rerum Germanicarum. Leipzig, 1745. Bd. IV. S. 789–790; *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder // Herald Tidsskr. 1972. N 25. S. 205.

8 DD. R. 3, bd. 6. N 347.

Илл. 189. Сцена рыцарского турнира. Охотничий рог королевы Доротеи Бранденбургской, вторая половина XV в.

датчане нанесли поражение флоту Ганзы, ибо, как следует из указанного документа, после этого сражения он имел в своем распоряжении нескольких ганзейских пленников. Возможно, именно Герхард Грундис являлся и тем герольдом короля Дании, которого 15 апреля 1366 г., во время турнира, проводившегося герцогом Брабантским, в Брюсселе встретил знаменитый французский хронист Ж. Фруассар[9].

Затем долгое время источники ничего не сообщают о датских герольдах, вплоть до 29 марта 1423 г., когда в Копенгагене была написана одна грамота на нижненемецком языке, автор которой подписался как "Симон, герольд Дания" ("Symon Denemarken herolt"). Кроме того, в самом документе Симон назван "герольдом трех королевств" (*heroult van dren koninghriken*), т.е. Дании, Швеции и Норвегии, состоявших в унии под властью одного короля Эрика Померанского. О деятельности этого герольда, полное имя которого было Симон Гендель (Hendel), никаких свидетельств не сохранилось. Э. Вервольт, однако, полагает, что именно этот герольд составлял первые дворянские грамоты, которые стали издаваться в Дании во время царствования Эрика Померанского[10]. Но с этим суждением трудно согласиться, поскольку сохранившиеся подлинные дворянские грамоты, данные от имени короля Эрика, в удостоверительной части содержат имя королевского канцлера Йенса Педерсена, занимавшего свою должность в период с 1419 по

---

[9] Oeuvres de Froissart / Publ. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. P., 1870. T. I. Intoduction. P. 152; *Verwohlt E.* Valdemar Atterdags og Erik af Pommerns Herolder // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 29.
[10] Ibid. S. 28, 30–31.

1434 г.[11] Например, грамота, выданная Поулю Маттиесёну (1433 г.), имеет следующую подпись: "По приказанию государя короля Йенс Педерсен канцлер" (*Ad mandatum Domini Regis Johannes Petri Cancellarius*)[12] (...). Вервольт предположил, что в Дании дворянские грамоты составлялись герольдами вплоть до начала Реформации[13]. Но и это мнение датского ученого вступает в противоречие с показаниями источников, которые свидетельствуют о том, что в Датском королевстве грамоты на дворянство всегда, и до и после Реформации, исходили из канцелярии короля. Таким образом, делаем вывод, что датские герольды не составляли и не выдавали дворянских грамот. Этот вывод, впрочем, не исключает того, что в Средние века и Новое время герольды королей Дании могли привлекаться королевской канцелярией в качестве советников по вопросам, связанным с описанием и художественным оформлением гербов новых дворян.

Следующие сведения о датских герольдах относятся уже ко времени правления короля Кристиана I. При этом государе, в 1450–1460-е годы, по иноземным образцам была, по мнению Э. Вервольта, организована целая коллегия знатоков геральдики, которая включала гербовых королей, герольдов и их младших сотоварищей – персевантов, носивших имена королевств (Дания и Норвегия), где царствовал Кристиан, и отдельных земель, входивших в состав Датского королевства (Зеландия, Ютландия и Лолланн). Эта коллегия, возможно, собиралась в Капелле Святых Трех Королей (*Hellige Tre Kongers Kapel*), пристроенной в начале 1460-х годов к собору Богоматери города Роскилле, которая являлась также местом собраний братства рыцарского ордена, учрежденного при короле Кристиане и впоследствии получившего наименование ордена Слона[14].

Но те свидетельства источников, которыми располагает историк о датских герольдах эпохи первых Ольденбургов, весьма отрывочны и касаются в основном их дипломатической деятельности. Так, с 1453 по 1467 г. при дворе короля Англии Генриха VI несколько раз в качестве посланца побывал "Дания, гербовый герольд короля Дании" (*Denmark herault of arms vnto the King of Denmark; Denmark heraldo regis in Denmark*)[15].

Из послания португальского короля Афонсу V к датскому королю Кристиану I, датированного 11 июля 1461 г., узнаем, что ранее путешествие в Португалию совершил "Лолланн, персевант вашей светлости" (*Loland, perseuant serenitatis uestre*). От него португальский государь узнал о положении дел в Дании столь полно, "как если бы мы видели это своими глазами". В октябре 1458 г. в составе португальского войска Лолланн принял участие в боях с маврами у Алькасера в Северной Африке. При этом датский персевант показал себя отважным воином, вследствие чего был возведен королем Афонсу в рыцарское достоинство (*eum militem creauimus*)[16].

---

[11] Он был каноником в Роскилле и Лунде, позднее архидьяконом в Роскилле (*Christensen W.* Dansk Statsforvaltning i det 15. Aarhundrede. Kbh., 1903. S. 687).

[12] DM. 1746. Bd. II. S. 36.

[13] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 206–207.

[14] Ibid. S. 207–208.

[15] Ibid. S. 208.

[16] Missiver fra Kongerne Christiern I.s og Hans's Tid / Udg. ved W. Christensen. Kbh., 1914. Bd. I. N 14; *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 208.

В 1462 г. при дворе короля Чехии Иржи Подебрада находился "герольд Зеландия" (*Herold Seland*). Персеванты Ханс Фролег (Hans Frolegh) и Иоханнес Броке (Johannes Broke) и "гербовый король Дания" в 1490–1493 гг. совершали поездки ко двору короля Англии Генриха VII. "Норвегия... герольд, гербовый король" (*Noreweghen... herolt, coninck der wapen*), в 1508 г. ездил с посланием от короля Ханса к правительнице Нидерландов Маргарите, а "персевант Ютландия" (Jwethlandt), позднее известный как герольд Ханс Ютландия (Hans Jylland), побывал в Англии в 1516 г. При французском, английском и шотландском дворах в 1528–1529 гг. можно было встретить и посланца короля Фредерика I, которого звали "гербовый король Фредерик Зеландия" (*Frederik Zealand king of arms*)[17].

Много послужили королям Дании в качестве дипломатов также три герольда, чьей родиной была Шотландия. Один из них, Томас Луммисден (*heraldus Thomas Lummysden*), умерший в 1528 г. и погребенный в Роскиллеском кафедральном соборе, использовался особенно часто в качестве посланца к шотландскому двору (с 1505 по 1522 г.). Он упоминается в источниках также под именем герольда Томаса Зеландии и гербового короля Томаса Шотландца (*Thomas Scotus armorum rex*). С 1517 по 1529 г. несколько раз в звании посланца королей Дании посещал свою шотландскую родину и датский герольд, которого документы знают под именем Джона Ильгина (Johne Elgin) и Йоаннеса Хильгена (Joannes Hylgen). В 1528–1529 гг. он носил звание "главного герольда" (*principale herald*)[18].

Однако самым знаменитым датским герольдом и гербовым королем, подвизавшимся на дипломатическом поприще при первых Ольденбургах, был третий выходец из Шотландии, известный в источниках под именем герольда Давида Кокена (*haraldus David Kocken*), короля герольдов мастера Давида Кокрона (*Master David Cockron King of harolds*), Давида Герольда (David Herold) или, как он сам себя называл в 1513 г. в послании к королю, "гербового короля Дании, иначе мастера Давида ван Корана" (*Danmark Rex Armorum Alls mysyr Dauid van Koran*). С 1496 по 1527 г. в качестве посланца королей Ханса и Кристиана II его можно было встретить при дворах государей Англии, Шотландии, Франции, Польши и, наконец, России, куда мастер Давид ездил несколько раз[19].

В русских грамотах, изданных в период с 1514 по 1521 г., этот герольд упоминается как "посол Герал Давыд" и "посол... майстер Давыд Гералд": "Присылал (король Кристиан II. – *В.А.*) еси к нам (великому князю Василию Ивановичу. – *В.А.*) своего посла Гералд Давыда; и говорил нам от тебя твой посол Герал Давыд, чтобы нам с тобою быти в любви и во единачестве и на всякого бы нам нашего недруга быти с тобою заодин"[20].

После низложения Кристиана II (1523 г.) Давид ван Коран сохранил верность своему королю и последовал за ним в изгнание, где продолжил выпол-

---

[17] Ibid. S. 209–217.
[18] Ibid. S. 214–215.
[19] Ibid. S. 210–213.
[20] Русские акты копенгагенского Государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // РИБ. СПб., 1897. Т. 16. № 2, 4–6, 9, 10. Отметим, что в этих документах обнаруживается первое упоминание слова "герольд" (в одном из его вариантов) на русском языке.

нять дипломатические поручения своего государя в качестве его герольда (в частности, в России), вплоть до своей смерти в 1529 г.[21] Верность королю Кристиану сохранил и другой его герольд, Ханс Ютландия, который тоже до самой смерти (ум. 1530) совершал поездки с посланиями короля-изгнанника к европейским дворам.

Герольды и персеванты, по обыкновению, сопровождали королей Дании во время их зарубежных путешествий. Так, в 1474 г. во время поездки короля Кристиана I в Рим в его свите находился герольд по имени Кристофор Боллато (Christofforo Bollato)[22]. Именно он, вероятно, предстает с гербовым щитом короля Кристиана на фреске, сохранившейся в римском госпитале Сан-Спирито (илл. 142), на которой запечатлена церемония пожалования папой Сикстом IV датскому королю Золотой розы – знака папской курии датскому королю. Знаем также, что в 1521 г. вместе с Кристианом II в Нидерланды ездил герольд Ханс Ютландия[23].

Наряду с этим в обязанность датским герольдам в правление первых Ольденбургов, возможно, вменялось составление гербовников. Во всяком случае, при описи выморочного имущества герольда Ханса Ютландии (1524 г.) была обнаружена "книга с гербами, которую, по обыкновению, имеют герольды" Упоминаются герольды и во время рыцарских турниров, которые неоднократно проводились при Кристиане I (илл. 189) и его преемниках по случаю коронаций, бракосочетаний и крестин членов королевской семьи[24]. На турнире, состоявшемся на площади Гаммельторв (Старый рынок) в Копенгагене в 1449 г. в ознаменование коронования короля Кристиана I и его свадьбы с Доротеей Бранденбургской, герольды объявляли об окончании ристалищ, а на другом турнире, проводившемся в том же месте в 1518 г. после крестин младенца герцога Ханса, они выполняли обязанности распорядителей[25].

Известно, что при короле Кристиане II, как, вероятно, и раньше, герольды исполняли роль глашатаев королевских указов. Так, после убийства вельможи Торбена Оксе, произошедшего в Копенгагене в 1517 г., герольд (очевидно, Норвегия, поскольку его платье украшал норвежский герб) зачитал вины убитого. Другой королевский герольд, Ханс (Ютландия), во время "Стокгольмской кровавой бани" (1520 г.) ездил в сопровождении трубачей по улицам Стокгольма и объявлял о суде над шведскими дворянами, обвиненными в измене королю[26].

К сожалению, источники весьма скупы на описание одеяний, которые носили датские герольды в правление первых королей из Ольденбургской дина

---

[21] Биографические сведения о Давиде Коране также см.: *Riis Th.* Should Auld Acquaintance Be Forgot… Scottish-Danish Relations c. 1450–1707. Odense, 1988. Vol. II. S. 57–58.

[22] Э. Вервольт отождествляет Кристофора Боллато с персевантом Кристиерном Зеландией (*persefant Christiern Sieland*), который упоминается в грамоте короля Кристиана I от 2 февраля 1464 г. (*Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 209). Но из-за несходства их имен – Кристофор и Кристиерн (Кристиан) – с этим суждением трудно согласится.

[23] Ibid. S. 211, 215.

[24] Рыцарские турниры в Дании проводились с XII в. до второй половины XVI в. Последний крупный турнир состоялся по случаю коронации Фредерика II в 1559 г. (*Verwohlt E.* Turneringer og ridderspil i Norden // Herald. Tidsskr. 1979. N 39. S. 429–445).

[25] Ibid. S. 438–439.

[26] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 208, 211, 214.

стии. Известно, что в 1510 г. герольд Давид ван Коран представлялся властям Антверпена в роскошном платье, на котором присутствовало изображение герба короля Дании[27]. В таком же наряде "Давыд Гералд", вероятно, неоднократно представал на приеме у русского государя. Подобного же рода одежду, только с гербом Норвегии, носил и герольд, зачитывавший вины Торбена Оксе в 1517 г. Отсюда можем предположить, что прочие датские герольды и персеванты также облачались в одежды, украшенные гербами их государей. При этом на платье тех, кто носил имена королевств и областей, нашивались гербы, символизировавшие означенные королевства и области. Впрочем, датские герольды могли и не украшать свои одежды гербами, по крайней мере, при короле Кристиане I, а носить щиты с их изображениями, как, например, в 1474 г. во время аудиенции названного короля у папы Сикста IV, о чем свидетельствует упоминавшаяся фреска в римском госпитале Сан Спирито.

Сам же обычай облачать герольдов в платье, украшенное гербами их государей, вероятно, возник на западноевропейской почве еще в высокое Средневековье. Герольд, представляя лицо своего государя, был его символом, вследствие чего, согласно средневековому умозрению, на герольда переносились и свойства лица символизируемого. А поскольку герб правителя являлся его знаком, то отсюда, скорее всего, и возникла мысль о том, чтобы представить герб государя на одежде его герольда. Образцом здесь могли послужить печати королевских и княжеских должностных лиц, сохранившиеся от последней трети XII – первой четверти XIII в., на которых принято было изображать гербы самих государей[28].

Существенные перемены в деле организации службы герольдов в Дании произошли при Кристиане III (1534–1559). Со вступлением его на престол была упразднена "коллегия" герольдов, а вместе с ней ушли в прошлое и звания гербовых королей и персевантов. Оставшиеся герольды, число которых было сокращено вначале до одного, но затем возросло до двух, перестали носить в качестве имен названия королевств и земель, а стали прозываться исключительно своими личными именами[29].

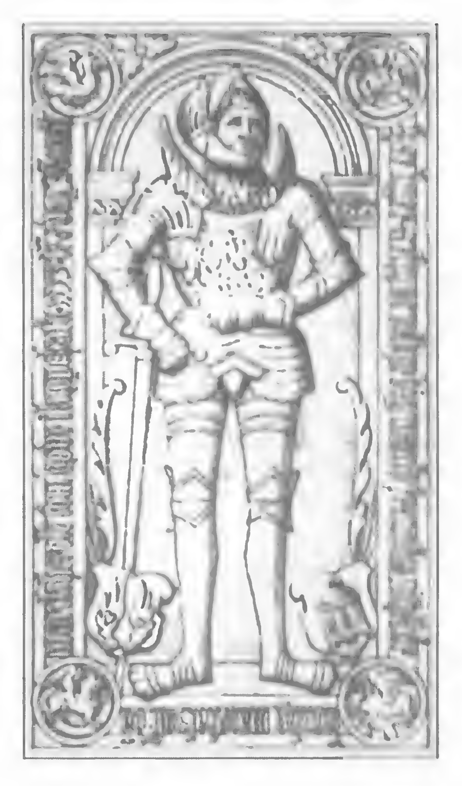
Долгие годы, вплоть до своей смерти в 1553 г., герольдом короля Кристиана III был Францискус де Медина (Franciscus de Medina), родом испанец,

[27] Ibid. S. 212.

[28] В качестве примера можем указать на иконографию печатей министериалов герцогов Швабских и, в частности, бывшего с 1214 г. их трухзесом (стольником) Эберхарда фон Вальдбурга (1222 г.). Так, на печати Эберхарда передан щит с тремя львами – гербом, который уже ранее изображался на печатях герцогов Швабии из рода Гогенштауфенов, а именно Филиппа (1196–1198 гг.) и Генриха (1220 г.). В дальнейшем фон Вальдбурги употребляли эту эмблему как родовой герб, причем с теми же цветами, что и герцоги Швабские – черные львы в золотом поле, – о чем первое свидетельство обнаруживается в Цюрихском гербовнике (ок. 1340 г.), (*Gönner E.* Das Wappen des Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang XXVI. 1967. Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahres. Stuttgart, 1967. S. 25–27, 43–45). Вероятно, Вальдбурги продолжали носить швабский герб по той причине, что удерживали за собой наследственно и звание трухзеса, каковое звание стало даже частью их фамилии (вспомним знаменитого Георга Трухзеса фон Вальдбурга, предводителя войска Швабского союза во время Крестьянской войны 1525 г.).

[29] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 217.

заступивший на должность королевского герольда, по-видимому, еще в конце правления Фредерика I (ок. 1532 г.). Сохранились свидетельства о том, что в 1537 г. он руководил рыцарским турниром, который проводился в Копенгагене по случаю коронации Кристиана III, а также что он совершал поездки с королевскими посланиями в Нидерланды и Шотландию. Кроме того, известно, что Франсискус де Медина женился на вдове своего предшественника Томаса Луммисдена. Его останки, как и герольда Томаса, погребены в соборе Богоматери города Роскилле, где еще и сегодня можно увидеть надгробную плиту, на которой "Франсискус Испанец... Герольд королевского Величества Дании" (*Franciskus Hispanier... konlig Maiestatz aff Da[n]marck Herold*) изображен во весь рост в обличии рыцаря; у его ног переданы два герба: самого герольда и его жены[30] (илл. 190).

Илл. 190. Надгробие герольда Францискуса Испанца (де Медина) Роскиллеский собор, середина XVI в. Рис. С. Абильдгорда, 1764 г.

В 1550–1553 гг., одновременно с Фрацискусом де Мединой, и затем до 1561 г. звание королевского герольда носил Николаус Фонтейн (Nicolaus Fontein), вероятно, уроженец Франции. Он и другой герольд, Каролус Скотте (Carolus Skotte), присутствовали при коронации Фредерика II 20 августа 1559 г.

После Каролуса Скотте, умершего в конце 1559 г., должность королевского герольда вплоть до своей смерти в 1578 г. занимал выходец из Италии Иоханнес Баптиста Гвидети (Johannes Baptista Guideti) или Квидети (Quideti), упоминаемый иногда в источниках просто как Иохан Баптист или Иоханнес Баптиста. Именно он, разъезжая по улицам Копенгагена 4 апреля 1571 г., объявлял о заключении мира, которым оканчивалась Северная семилетняя война между Данией и Швецией. Иохан Баптист присутствовал также на церемонии коронации супруги Фредерика II, Софии Мекленбургской, состоявшейся 21 июля 1572 г., и, кроме того, в середине 1570-х годов ездил с королевскими поручениями за границу (в Нидерланды).

В 1580 г. на должность герольдов, пустовавшую некоторое время после смерти Иохана Баптиста, были назначены Ингворд Глад (Ingvordt Glad), брат известного датского гуманиста и писателя Расмуса Глада (Летуса), и Иохан Мари (Johan Mari), или Мариеборг (Marieborg). Первый считался герольдом

[30] Ibid. S. 217–219; *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1953. Bd. II. S. 206; 1951. Planchebind. Tavle 56.

Илл. 191. Герольды короля Дании во время похорон Фредерика II. Гравюра, 1588–1593 гг.

Дании, а второй — Норвегии, т. е. тех двух королевств, государем которых являлся Фредерик II. По описанию и гравированному изображению, которые восходят к тому времени, эти королевские герольды (*Regii Heroldi*) 24 мая 1588 г. принимали участие в церемонии погребения короля Фредерика. Их траурные черные одеяния были украшены составными королевскими гербами (*regia insignia*), и в руках они несли черные жезлы (*artos baculos*)[31] (илл. 191).

Иохан Мариеборг, бывший герольдом до 1604 г., затем упоминается при коронации Кристиана IV (1596 г.). Но его товарищем тогда был уже не Ингворд Глад, а Педер Франдсен, пребывавший в должности герольда до своей смерти в 1610 г. Его преемником стал бюргер из Копенгагена Клаус Якобсен де Вале (Claus Jacobsen de Wale), умерший в 1612 г. и погребенный в церкви св. Николая в Копенгагене[32].

Этот Клаус де Вале является автором сочинения, известного под названием "Поездка Герольда Короля Кристиана IV в Швецию для объявления войны королю Карлу IX, 1611 г."[33], в котором излагаются любопытные подробности в отношении того, каким образом герольд обязан был поступать как вестник войны. Клаус пишет, что его призвал гофмаршал Дитлев Ранцау и от имени короля Кристиана приказал отправиться в Швецию в сопровождении Магнуса Трубача (Magnus Trometer) с тем, чтобы передать грамоты с объявлением войны (*Feigdebreve*) лично в руки королю Швеции. Вместе с грамотой Клаус "получил жезл и платье, которые герольд должен носить по обычаю королей, когда они хотят начать войну"[34]. Кроме того, ему была вручена инструкция, которой он должен был следовать во время поездки в Швецию. В ней, в частности, говорилось, что если герольд короля Дании не сможет вручить грамоты с объявлением войны королю Карлу, тогда он, взяв одеяние герольда и жезл, вместе с Магнусом Трубачем должен будет выйти на открытое место. Здесь Клаусу предстояло зачитать три раза упомянутые грамоты и отбросить их от себя, "без всякого промедления отважно"[35].

---

31 Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissinmi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II. Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve Regis, etc. Vna eum Epitapijs nonnullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588. S. 4, 18; *Ens Lorchensis G.* Rerum Danicarvm Friderico II inclitae memoriae, rervm potiente, terra marique gestarum Historia. Francofurti, 1593. Tabula 15.

32 *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 219–222.

33 *Wale Claus de.* Kong Christian IV's Herolds Reise ind udi Sverig, at forkynde Krigen imod Kond Carl IX 1611 // DM. 1745. Bd. I. S. 273–288, 302–318.

34 "...leverede mig Spiren og Klæderne med, Herolden monne føre efter Kongers Seed, naar de vilde Krigen røre" (Ibid. S. 274).

35 Ibid. S. 274–275.

Герольды также могли принимать у себя в доме иноземных послов, что, например, в 1613–1615 гг. делал в Хельсингёре Мортен Кнутсен (Morten Knudsen), который упоминается в источниках в качестве королевского герольда в 1610–1620 гг. Эту должность он совмещал с обязанностями члена городского совета и писца в Хельсингёре. В 1615–1619 гг. вместе с ним герольдом был его земляк Виллом Каррон (Villom Carron)[36].

Однако чаще всего герольды в источниках XVII – первой половины XIX в. упоминаются во время проведения разного рода церемоний (коронования, погребения королей и т. д.) и в роли глашатаев. В 1634 г. Филип Диттенхаммер (Philip Dittenhammer) и Клаус Риттер (Claus Rytter), занимавшие должность герольдов соответственно в 1630–1640 и 1633–1640 гг., стояли по обе стороны от королевского трона, когда Кристиан IV возводил дворян в рыцарское достоинство. На гравюре Симона де Па (1634 г.), иллюстрирующей эту церемонию, они предстают в коротком платье, украшенном составным королевским гербом. Эти же два герольда в том же году разъезжали на конях по улицам Копенгагена в сопровождении восьми трубачей и объявляли о бракосочетании принца Кристиана[37].

С 1646 и до своей смерти в 1676 г. герольдом королей Дании был Ханс Рибольт (Hans Ribolt), упоминаемый в эти годы источниками также в должности сборщика пошлин в Копенгагене. В 1648 г. он принимал участие в церемонии коронации Фредерика III и королевы Софии Амалии. Подобно Клаусу де Вале, Рибольт однажды выступил вестником войны. В 1657 г. король Фредерик направил его с таким поручением к королю Швеции Карлу X Густаву[38].

Сохранилось также свидетельство об участии королевского герольда в акте приведения в исполнение судебного приговора; при этом он выполнял обязанности, которые были, очевидно, характерны для его должности. Речь идет о суде, состоявшемся в сентябре 1661 г. над знатным дворянином Каем Люкке (ок. 1625–1699)[39], который был обвинен в оскорблении королевы. После вынесения судебного решения в помещении Верховного суда герольд Стен Педерсен Бюлов, товарищ по должности Ханса Рибольта, объявил о лишении оного дворянина всех званий и привилегий и обратился к палачу со следующими словами: "Для окончательного уничтожения имени Кая Люкке оскверни его дворянский герб, брось его и наступи на него, разорви его на куски, выброси в окно и втопчи в землю, для вечного позора дворянской и человеческой чести Кая Люкке, на виду у всех"[40]. И палач поспешил исполнить приказание герольда.

При вступлении в свою должность датские герольды, очевидно, брали на себя обязательства, подобные тем, которые в 1584 г. взял Иохан Марисборг пред королем Фредериком II. Он обещал "служить королю там, куда тот по

---

[36] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 222–223.
[37] Ibid. S. 223–224.
[38] Ibid. S. 223.
[39] *Bøggild-Andersen C.O.* Kaj Lykke // DBL. 1981. Bd. 9. S. 228–230.
[40] "Til Kai Lykkes Navns yderste udslettelse annam dette hans adelige vaben, kast det imod jorden og træd derpa, bryd udi stykker og kast det ud ad vinduet og nedstyrt til jorden, til evig vanære Kai Lykkes adelige og menneskelige aere for alles syn" (Цит. по: *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 223–224).

желает его послать, внутри или вне страны, как герольд с ежегодным жалованием в 100 далеров и с двумя придворными платьями"[41]. Сохранились свидетельства, что 100 далеров получали и герольды Кристиана IV – Клаус де Вале и Виллом Каррон[42]. Во второй половине XVI и первой половине XVII в., по-видимому, это была обычная сумма, которую получали герольды в качестве денежного жалования.

Известно также, что за свою службу, помимо денежного вознаграждения, герольды получали недвижимость в собственность или в ленное держание. Так, в "Земельной книге епископа Роскиллеского" (1377 г.) содержится упоминание о наличии в Копенгагене "земли, которую король пожаловал Грундису"[43]. Нет сомнений, что здесь речь идет о короле Вальдемаре Аттердаге и его герольде Герхарде Грундисе. Как о владельце ленов, пожалованных королем, Хансом или Кристианом II, в одном документе, датируемом концом 1523 г., говорится о герольде Томасе Луммесдене. Получали лены и другие герольды: Францискус де Медина, Клаус Фонтейн, Педер Франдсен[44].

Что касается социального происхождения датских герольдов, то они были выходцами преимущественно из бюргерского сословия или, реже, из низшего дворянства. Исключение, пожалуй, составляет только в XVII в. Стен Бюлов, представитель древнего аристократического рода. Замечаем также, что среди герольдов королей Дании, особенно в XIV–XVI вв., было много иноземцев – немцы, шотландцы, итальянцы, испанец, француз. Обращаться к их услугам датских государей, вероятно, побуждало отсутствие или, во всяком случае, крайняя нехватка знатоков геральдического искусства в самой Дании.

Начиная со времени правления короля Кристиана III, сохранилось уже немало письменных известий и ряд иллюстраций, позволяющих судить об облачении герольдов. Так, известно, что при короновании Кристиана III в 1537 г. одежда герольда Францискуса де Медины была украшена королевским гербом, отделанным шелковыми и золотыми нитями, а в руке он держал позолоченный скипетр. При короле Фредерике II герольды также имели при себе скипетр, только серебряный или, во время траурных церемоний, черный, обычно с королевской короной в виде навершия. На их платьях дорогой работы находилось изображение "герба Дании" (*Danmarks Vaaben*), как, например, в 1559 г. при короновании Фредерика II, или "гербов государства Дании" (*Danmarks riges vaabene*), о чем говорится в одном описании, относимом к 1576 г. Об одеянии датских герольдов той поры можно судить по цветной гравюре, созданной до 1593 г., на которой они предстают во время церемонии погребения короля Фредерика II в 1588 г. (илл. 191). На груди обоих герольдов, одетых в черные длинные платья, помещены изображения щитов, увенчанных коронами, в которых заключен многочастный королевский герб. Каждый из герольдов, один на правом, а другой на левом плече,

---

[41] "...der har lovet at tjene kongen, hvor denne vil sende ham, inden- eller udenlands som herold med en årlig løn af 100 daler og 2 hofklædninger" (Цит. по: Ibid. S. 221).

[42] Ibid. S. 222–223.

[43] Roskildekirkens jordebøger og regenskaber. Roskildebispens jordebog / Udg. C.A. Christensen // Danske middelalderlige Regnskaber. Kbh., 1956. R. III, bd. 1. S. 110; *Verwohlt E.* Valdemar Atterdags og Erik af Pommerns Herolder. S. 29.

[44] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 215, 217–221.

держит черный скипетр, увенчанный короной. Но длиннополые платья герольды, вероятно, надевали только во время траурных церемоний. На другой гравюре, созданной около 1593 г. на которой показана церемония принесения присяги герцогами Шлезвига и Гольштейна королю Фредерику II в 1580 г., датский герольд предстает в короткополом наряде – табарде, украшенном составным королевским гербом[45]. Во второй половине XVI в. это одеяние герольдов, употреблявшееся и в последующие столетия, в Дании называли "шотландской курткой" (*skotsk jakke*). Такое название, вероятно, возникло по той причине, что в XV–XVI вв. среди датских герольдов, облачавшихся в табарды, было несколько уроженцев Шотландии. Табарды были красного цвета и всегда украшались многочастным королевским гербом, который непременно представал заключенным в щит, увенчанный короной. И платье последних датских герольдов (1830-е годы), хранящееся ныне в копенгагенском дворце Кристиансборг, представляло собой красный табард, обшитый по краям и на коротких рукавах золотыми галунами. На нем был изображен увенчанный короной и удерживаемый по бокам дикарями-щитодержателями щит, заключавший многочастный герб короля Фредерика VI[46].

Последний раз датские королевские герольды упоминаются 17 января 1840 г. во время погребения короля Фредерика VI в королевской усыпальнице, находящейся в Роскиллеском соборе Богоматери. С вступлением на престол следующего короля, Кристиана VIII, институт королевских герольдов в Дании был упразднен[47].

Причины, приведшие сначала к постепенному сокращению служебных обязанностей датских королевских герольдов, а затем и к упразднению их должности, несомненно, следует искать в отмирании тех культурно-общественных явлений, существование которых предполагало использование герольдов как королевских представителей. Прекращение проведения рыцарских турниров в Дании во второй половине XVI в. отняло у герольдов значение распорядителей на этих праздниках воинской доблести. Перемены же, происходившие в XVI–XVII столетиях в деле организации дипломатической службы на началах, предполагавших использование на этой службе лиц, специально для нее предназначенных, которые в XVII в. уже могли оставаться постоянными представителями датского короля при иноземных дворах, привели к тому, что герольды перестали употребляться в качестве дипломатических посланцев. С развитием в XVI–XVIII вв. интереса к гербам со стороны собирателей и ревнителей датских древностей и вообще любителей геральдики герольды лишились также своего прежнего положения главных знатоков "геральдического искусства". Дольше всего они удерживали за собой обязанности глашатаев королевских указов, участников различных придворных церемоний, а также исполнителей судебных решений, совершая обряд уничтожения гербов лишенных чести дворян. Но и эти обязанности в первой половине XIX в., с упрощением придворной жизни и с фактическим отмиранием старых правовых норм, утеряли свое значение.

[45] *Ens Lorchersis G.* Op. cit. Tabula 13.
[46] *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder. S. 218–221.
[47] Ibid. S. 225.

ЧАСТЬ II

ЭЛЕМЕНТЫ ГЕРБА

К основным частям герба (*våbenets bestanddele*), из которых состоит так называемый "полный герб" (*fuldstændige våben*), в современном датском гербоведении принято относить заключающий эмблемы щит, шлем с его и наметом, корону, щитодержатели, мантию, девиз, а также орденские знаки[1]. Перечисленные элементы герба, однако, вводились постепенно, в продолжение нескольких веков, и каждый из них имел свою культурно-историческую судьбу.

Глава первая

ЩИТ И ЕГО ЭМБЛЕМА

Христианское мировоззрение, определявшее умонастроение западноевропейского человека средневековой эпохи, придавало искусству значение назидательное, учительное, символически-наглядное. Представление же о том, что художественные образы должны наделяться чертами типическими, восходящими к идеальным прообразам горнего мира, создавало основу для распространения этих типических образов на пространстве всего культурно-исторического мира Западной Европы[2].

Но на началах типизации, уходивших корнями в ту же духовную почву, строилась вся жизнь этого мира, мыслились сами состояния, к которым причислялись его обитатели. Типическими характеристиками, основанными на представлениях об идеальном христианском воине, наделялся и рыцарь, причем в качестве не только общественного типа, но и носителя снаряжения, которое определяло его воинский образ. Однако идеальный образ рыцаря-воина в произведениях искусства с течением времени претерпевал изменения. Причиной тому являлись перемены, происходившие во внешних свойствах боевого вооружения. Здесь сказывалось умозрение людей высокого и позднего Средневековья, объективировавшее в художестве типические качества чувственных вещей. Не будем также забывать, что готическое искусство, которое определяло характер художественной образности элементов

[1] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 43; *Bartholdy N.G.* Heraldik // Dansk kulturhistorisk Opslagsværk. Kbh., 1991. Bd. I. S. 326–327.

[2] *Дворжак М.* Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи // Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001. С. 92.

герба в конце XII – начале XVI в., развивалось в сторону все большей не редачи натуралистических подробностей при изображении зрительной предметности.

Такие особенности средневекового искусства, очевидно, не могли не ска заться и на художественных изображениях элементов герба. Эти элементы тоже должны были представать как типические образы, мыслившиеся как идеальные, но создававшиеся под впечатлением предметов-прообразов, ко торые находили применение в повседневной жизни. Поэтому историческую судьбу тех элементов герба, которые своим происхождением обязаны ры царскому оружию, попытаемся проследить в связи с историей последнего.

Щит явился тем элементом герба, который уже в XII в. стал отождеств ляться с его действительным боевым прообразом, бывшим непременным предметом снаряжения рыцаря. С эпохи викингов и до XIII в. у европейских, в частности датских, воинов в употреблении находились так называемые норманнские щиты. Именно эти длинные, остроконечные и в верхней части округлые щиты, заключающие различные знаки, обнаруживаются у датских воинов на одной из миниатюр английской рукописи "Жития св. Эдмунда" (се редина XII в.). С похожими щитами, на которых тоже просматриваются "геральдические" знаки, представлены и два противостоящих друг другу конных рыцаря на оловянном фризе в Лундском соборе (ок. 1200 г.)[3]. Проти воборство конных воинов с "норманнскими" щитами видим также на фреске в Хойенской церкви (цв. илл. 39).

Но уже на рубеже XII–XIII вв. в Дании, вероятно, не без влияния извне (прежде всего из Франции и Германии), "норманнский" щит мало-помалу вы тесняется небольшим треугольным щитом. Такой гербовый щит (*våbenskjold*) представлен на печати короля Кнута VI (ок. 1194 г.) (илл. 5). Треугольный щит употреблялся в Дании до второй половины XV столетия, хотя его конфи гурация со временем претерпела некоторые изменения. Как можно судить по печатям, в продолжение первой половины XIII в. верхняя часть треугольного щита постепенно утратила свою овальную форму, унаследованную от нор маннского щита, и к 1250 г. превратилась в совершенно плоскую поверх ность. Одновременно менее округлыми, а зачастую и вовсе прямыми, стали боковые стороны щита. В дальнейшем, около середины XIV в., наметилась тенденция к закруглению нижней части щита. Для эпохи Эрика Померанско го (1396–1439) уже характерны изображения именно таких щитов, известных в геральдической литературе под названием "испанских": их, например, мож но увидеть на печатях и гербовом фризе в замке Кронборг. Впрочем, заост ренная форма щита, иногда с довольно округлыми сторонами, продолжает встречаться еще на памятниках, датируемых серединой XV столетия[4].

Во второй половине XV и первой трети XVI в. в Дании, как можно за ключить по изображениям гербов на печатях, надгробиях и живописных портретах, получил преимущественное распространение щит в виде не сколько удлиненного квадрата с округлыми нижними углами и вырезом в верхней части правого бока. Наряду с таким щитом, известным как "тарч"

[3] *Verwohlt E.* Turneringer og ridderspil i Norden // Herald. Tidsskr. 1979. N 39. S. 433.

[4] *Trætteberg H.* Sköld (Heraldisk) // KLNM. 1971. Bd. XVI. S. 139–140; *Rancke J.* Sköldformens utveckling på danskt område 1140–1500 // Herald. Tidsskr. 1972. N 26. S. 262–263.

распространение гербовые щиты самой разнообразной, зачастую весьма затейливой конфигурации. Еще более вычурный характер очертания гербовых щитов датчан стали принимать в XVII в., что являлось следствием влияния барочного искусства, предполагавшего обилие декоративных украшений. Изображения гербовых щитов с такими живописными очертаниями уже не являлись образами боевых щитов, существовавших в действительности, а создавались под влиянием художественных вкусов ренессансной и барочной эпох. Этот факт объясняется тем обстоятельством, что в XVI столетии воинский щит в Западной Европе постепенно утратил свое значение как предмет снаряжения воина-рыцаря и вышел из употребления. Развитие же абстрактного мышления в позднее Средневековье и первые века Нового времени способствовало превращению щита в понятие отвлеченное, которое начало отливаться в формы, обусловленные уже только художественными вкусами эпохи или личными духовными переживаниями человека.

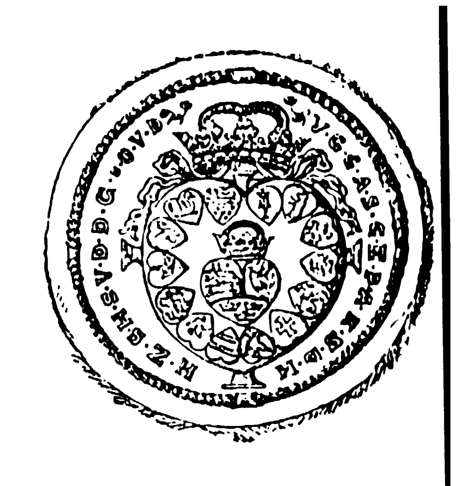
Это развитие гербового щита, сначала как образа боевого щита, а затем как понятия отвлеченного, хорошо прослеживается не только на примерах щитов, заключавших королевский и дворянские гербы, но и на примере щитов, на которых изображался герб города Мальмё. Так, в грамоте, в которой король Эрик Померанский сообщает о пожаловании городской общине Мальмё герба (1437 г.) (илл. 57), а также на печати этого города, употреблявшейся в 1443 г., присутствует изображение боевого щита, характерного для той эпохи. Этот щит нарисован с прямыми линиями, из которых боковые образовывали внизу полукруг[5]. На другой печати Мальмё, находившей свое применение в 1508–1555 гг., передан щит типа тарч[6]. Последующие же печати, которые использовались властями Мальмё во второй половине XVI – XVII в.[7], уже содержат изображения щитов с вычурными очертаниями, какими боевой щит никогда не обладал.

Потерей гербовым щитом связи с щитом боевым объясняется и то, что приблизительно с середины XVI в. одновременно с ренессансными, а затем и барочными искуственными щитами могли продолжать изображаться щиты, которые напоминали своими очертаниями боевые (и, соответственно, гербовые) щиты конца средневековой эпохи. Они могли изображаться в верхней части с прямыми линиями, которые внизу часто оканчивались либо скобой, имевшей по центру маленькое заострение, обращенное вниз, либо полукружьем. Из них первый представлен, например, на сундуке, украшенном изображениями гербов родов Росенспаре и Росенкранц (ок. 1580 г.)[8] (илл. 35). Второй запечатлен на гравюре с портретом Кристена Фрииса (1630-е годы) (илл. 31). Наряду с этими двумя видами гербового щита, в дальнейшем получившими в Дании наибольшее распространение, в XIX–XX вв. на датской почве создавались изображения гербовых щитов, образцом для которых служили типы остроконечных щитов, бывших в употреблении в конце XII – XIV в.

---

[5] DKSS. Tavle 28 c.
[6] Ibid. Tavle 28 e.
[7] Ibid. Tavle 28 f–h.
[8] *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994. S. 44.

С первой четверти XVII в. гербовым щитам могла придаваться и овальная форма. Например, в таких щитах были заключены королевские гербы, изображенные на серебряном бреддалере Кристиана IV (первая половина XVII в.)[9] и на титульном листе "Королевского закона" (составлен в 1665 г), вышедшего из печати в 1709 г.[10] Овальную форму могли также придавать обрамлению гербовых щитов. В такого рода обрамлении, игравшем фактически роль дополнительного внешнего щита, изображались, например, гербы рыцарей орденов Слона и Даннеброга, которые и по сей день принято вывешивать в церкви замка Фредериксборг. В XVII в. гербовый щит датской принцессы мог иметь форму сердца, как на печати Анны Софии (1666 г.) (илл. 192), дочери короля Фредерика III и жены (с 1666 г.) принца, затем курфюрста Саксонского Иоганна Георга III[11].

Илл. 192. Печать датской принцессы Анны Софии, 1666 г.

Что касается ромбовидного щита, который в некоторых европейских странах являлся элементом дамского герба, то в Дании подобные изображения не известны. Они встречаются только в качестве обрамления гербов некоторых датских принцесс, выходивших замуж за иноземных государей. В ромбовидный щит, например, был заключен "брачный герб" шотландской королевы Маргариты Датской на картине с ее портретом кисти Хуго ван дер Гуса (ок. 1470 г.) (цв. илл. 34).

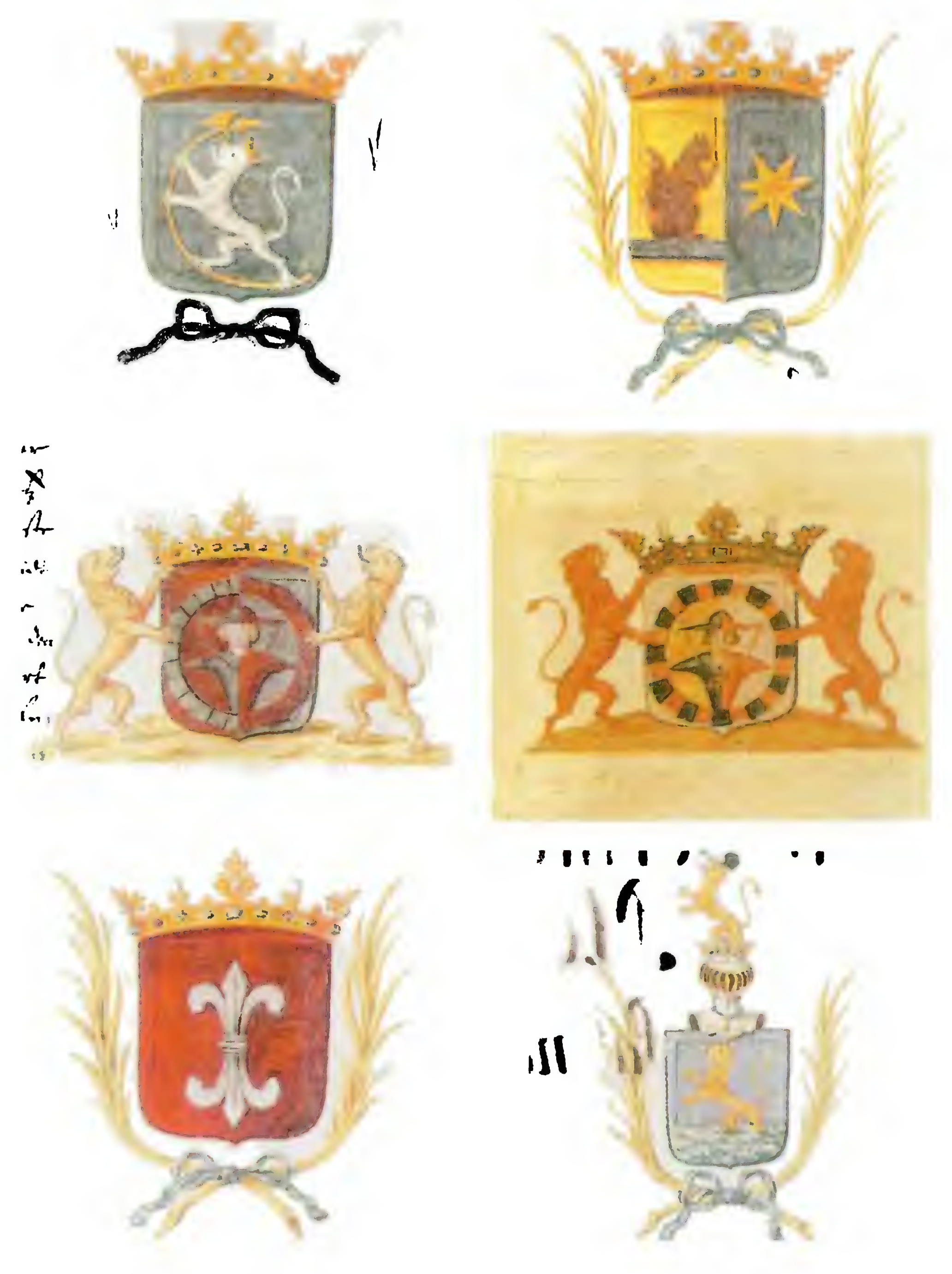
В XVI и последующих столетиях гербовые эмблемы одного и того же лица могли изображаться на щитах самой различной конфигурации. Немало примеров тому дают королевские гербы. Так, на монетах времени правления Фредерика I (1523–1533) обнаруживаем гербы на щитах типа тарч, "испанском" и "ренессансном"[12]. На портрете короля Фредерика II (1559–1588), написанном в 1581 г. Хансом Книпером, королевский герб заключен в "ренессансный" щит. Такой же тип гербового щита, с некоторыми изменениями, представлен на далере Фредерика II (1572 г)[13] и гобелене работы Книпера (цв. илл. 47). Однако на карте Дании Йордана, датированной 1585 г., элементом герба того же короля является щит, представляющий собой квадрат, нижняя сторона которого равномерно закруглена и имеет маленькое заострение по центру (цв. илл. 35). Похожую картину наблюдаем и в отношении герба короля Кристиана IV, обрамлявшегося щитами "ренессансного" (португалёсер 1592 г. и гравюра в "Ольденбургской хронике", изд. 1599 г.) и "испан

---

[9] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 71.
[10] *Eller P.* Op. cit. S. 67.
[11] DKS II. Tavle 17 a.
[12] *Bendixen K.* Op. cit. S. 58–60.
[13] Ibid. S. 67.

Илл. 2. Король Вальдемар IV и королева Хельвиг.
Церковь св. Петра Нестведского монастыря. Фреска, около 1375 г.

Илл. Печати архиепископа Лундского Биргера и
епископа Роскиллеского Йенса, 1505 г.

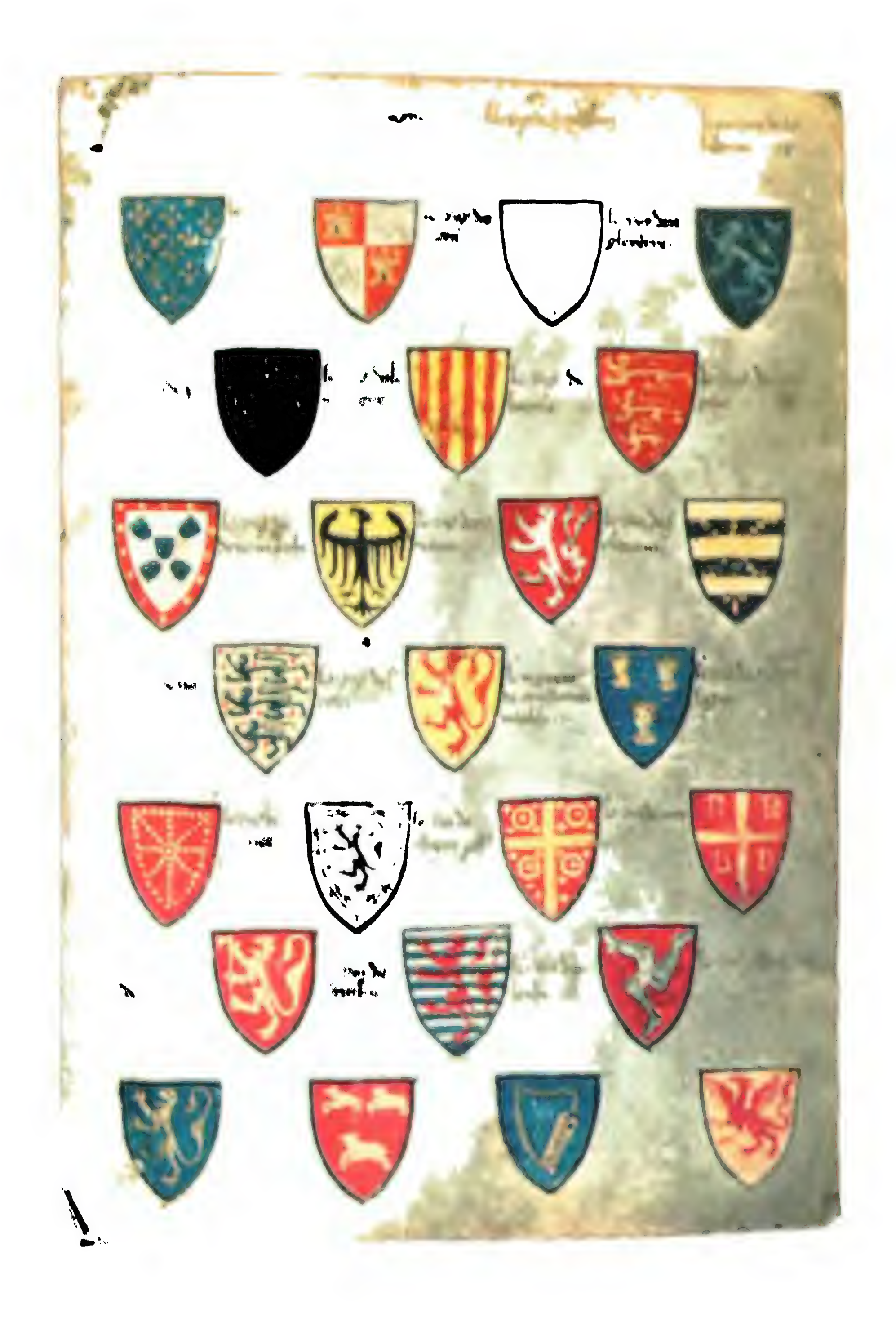

Илл. 4. Гербы графств Дании и Норвегии: Лаурвиген (1671 г.), Фриисенборг (1672 г.), Ведельсборг (1672 г.), Ярлсберг (1684 г.), Шакенборг (1676 г.) и Лангеланн (1677 г.)

Илл. 30. Герб барона Ивера Юн. Хеега 1681 г.

Илл. 31. Короли Швеции Альбрехт и его отец герцог Мекленбурга, граф Шверина и господин Ростока Альбрехт II. “Мекленбургская рифмованная хроника” Э. Киркберга, 1378 г.

Илл. 32. Страница из Вийнбергенского гербовника, 1260–1280-е годы. В четвертом ряду первым слева изображен щит короля Дании

Илл. Герб короля Дании и его рыцарей в Гельдернском гербовнике, около 1375 г.

Илл. 34. Король Шотландии Иаков III и его жена Маргарита Датская. Хуго ван дер Гус, около 1469 г.

Илл. 35 Карта Дании
М. Йордана. 1585 -

Илл. 36. Щит с восстающим львом. Сённер Нероская церковь. Фреска, 1170–1180-е годы

Илл. 37. Рыцарский поединок. Люнгбюская церковь. Фреска, конец XII в.

Илл. 38. Сцена сражения. Ольская церковь.
Фреска, конец XII в.

Илл. 39. Поединки рыцарей. Хоненская церковь.
Фреска, около 1200 г.

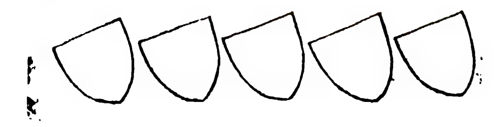

Илл. 41 Фрагмент ковра с гербами родителей Кристофера Васа и его жены Анны Ставерсков, 1653 г.

Илл. 40. Герб короля Кристиана III. “Капелла королевы Доротеи” в замке Сённерборг, около 1570 г.

Илл. 42. Герб короля Норвегии в Гельдерском гербовнике, около 1375 г.

Илл. 43. Гербы короля Швеции Альбрехта, династии Фолькунгов ("Старый герб Швеции") и шведских вельмож. Гельдернский гербовник, около 1378 г.

Илл. 44. Изгнание из рая. Конный крестоносец. Киркерупская церковь. Фреска, около 1325 г.

Илл. 45. Гербы Кристиана I и его жены Доротеи Бранденбургской. Роскиллеский собор. Фреска, 1460-е годы

Илл. 46. Фредерик I. Я. Бинк. 1539 г. Копия 1570-х годов

Ил. 4. Гобелен с гербами Фредерика II и его жены Софии Мекленбургской.
Х. Книпер. 1586 г.

Илл. 48. Монеты Кристиана IV, около 1610 г.

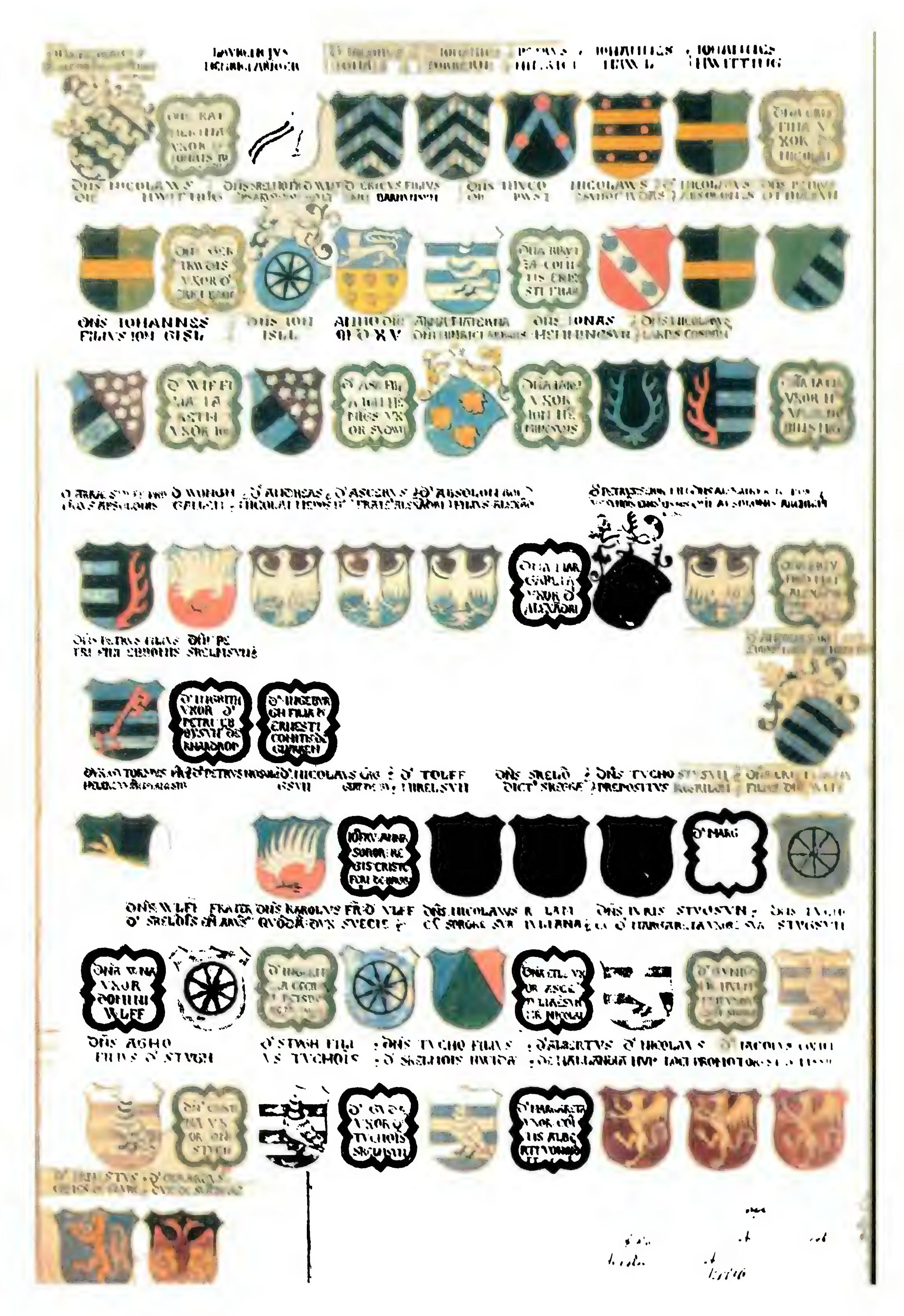
Илл. 49. Титульный лист Статутов ордена Даннеброга, 1693 г.

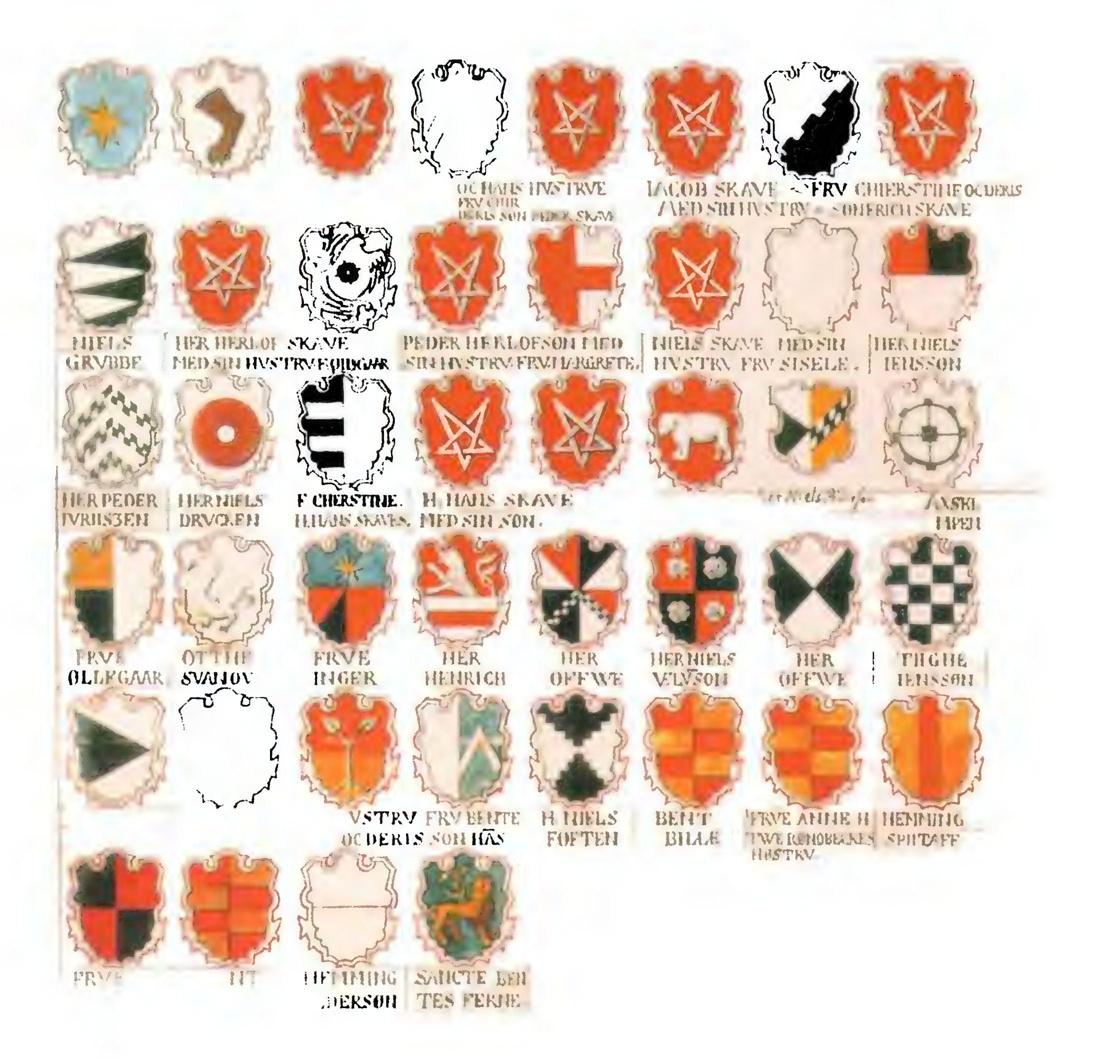

Илл. 5. Короли Дании. Церковь св. Бендта Рингстедского монастыря. Фреска, конец XIII в.

Илл. 7. Гербы фриза в церкви Сорёского монастыря, конец XIII – XVI в. Рис. С. Абильдгорда, 1756 г.

DÑS IOHANNES
FILIVS IOH GISL
DÑS IONAS
D' MARG
DÑS AGHO
FILIVS D' STYGH

Ил. 6. Гербы фриза в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря, конец XIV – XVI в. Рис. С. Абильдгорда, 1757 г.

Илл. 8. Фрагмент гербового фриза. Орхусский собор. Фреска, вторая половина XIV

Илл. . Гербы Эрика Нильсена (Розенкранц) и Свена Фалтин . Фрагмент гербового фриза. Орхусский собор. Фреска, вторая половина XIV в.

Илл. 10. Гербовый щит юнкера Вальдемара. Орхусский собор. Фреска, около 1340 г.

Илл. 11. Вознесение Христово. Гербы архиепископа Лундского Нильса Якобсена (Русерс) и родов Мольтке (три птицы) и Маркманн (пять лилий). Фёрслевская церковь. Фреска, около 1380 г.

Илл. 12. Герб архиепископа Лундского Нильса Якобсена (Руссре)
Хойбюская церковь. Фреска, около 1380 г

Илл. 13. Епископ Орхусский Иенс Иверсен (Ланге) и [illegible] л Иоа
Неизвестный художник, [illegible] ло 1480 г.

Илл. 14. Кристиан I и Доротея Бранденбургская. Неизвестный художник, 1480-е годы. Копия второй половины XVI в.

Илл. 15. София Руд. Неизвестный художник, 1585 г.

Илл. 16. Надгробие герцога Лолланнского и Халландского Кристофера Вальдемарсена. Роскиллеский собор, конец XIV в.

Илл. 17. Эпитафия, посвященная Я. Хегу и его жене Э. Сехестед. Кастобергская церковь, 1604 г.

Илл. 18. Надгробие Маргреты Сковгорд. Собор св. Кнута в Оденсе, 1615 г.

Илл. 19. Знамя короля Эрика Померанского. 1427 г.
Копия 1881 г.

Илл. 20. Мантия королев Дании. вторая половина XV в.

Илл. 21. Фрагмент "Гербовника Хермана Бильке", XVII в.

Илл. Герб Юста Хест. Геровщик ордена
(1700 г.

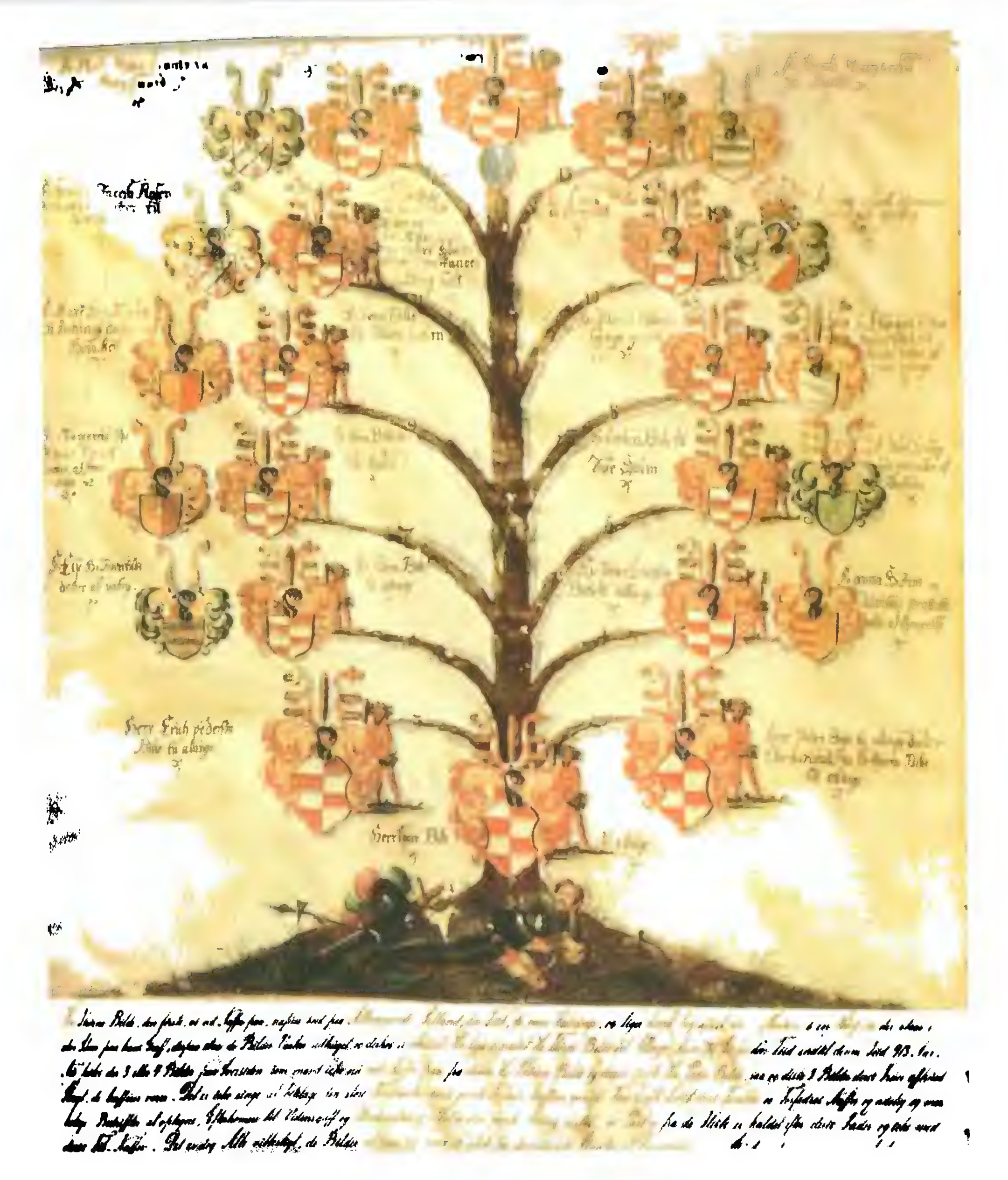
Илл. 24. Ларец для хранения привил рыцарства (дворянства) Шлезвиг-Гольштейна. 1504 г. На крышке изображены гербы епископа Любекского, герцога Шлезвиг-Гольштейна и епископа Шлезвигского. С боковой стороны предст[...]лены дворянские гербы: Ранцау, Алефельдт/Румор, Брокдорф, Погвиш/фон дер Виш (верхний ряд), Ревентлов/Вальсторф, Ратлоу, Зитен и Бломе (нижний ряд)

Илл. 23. "Кресло каноника" с гербом короля Дании. Роскиллеский собор, около 1420 г.

Илл. 25. Коронационная шпага королей Дании, 1671 г.

Илл. 27. Древо рода Билле, около 1690 г.

Ил. . Гербовая грамота Неса Томсена, 1588 г.

Ил. [illegible] Дворянская грамота Поуля Маттиссена 1433 г.

ского типа" (далер 1597 г.)[14] (илл. 154). Примеры такого рода дают нам и дворянские гербы. Так, герб Сёрена (Северина) Норбю на его печати предстает со щитом формы тарч[15], а на скиллинге, который был выпущен на Готланде в 1534 г., где Сёрен Норбю правил от имени низложенного короля Кристиана II (1513–1523), со щитом "испанского" типа (илл. 19). Разные конфигурации "ренессансных" щитов имеет также герб адмирала Педера Скрама на его печати (1570–1576 гг.) и надгробии[16].

Очевидно, что щиту, каким бы важным атрибутом образа герба он ни являлся, никогда не придавалось значения художественного элемента, по которому можно было бы идентифицировать сам герб. Своей конфигурацией щит мог лишь указывать на пол лица, которому принадлежал герб, а именно на женщину, о чем свидетельствуют щиты в виде ромба и сердца в дамских гербах. Отсюда проистекало то равнодушие, с каким создатели датских надгробий и гербовников XVI–XVIII вв., а также "реставраторы" гербовых фризов относились к формам щитов, в которые заключались гербовые эмблемы лиц, живших в Средние века и первые столетия Нового времени. Возвращение же к различным формам средневекового щита, которое прослеживается по датским изобразительным памятникам XIX–XX вв., может находить свое объяснение в умонастроении человека этих столетий. Разложение цельного мировоззрения вместе с падением христианско-символического умозрения в позднее Средневековье привело в Новое время к развитию на западноевропейской почве личности, которая оказалась духовно открытой влиянию художеств разных культурно-исторических эпох. Эта личность или пребывала в поиске нового, или, не находя удовлетворения в настоящем, искала вдохновения для творчества в наследии прошлого. Отсюда, в том числе, тоска по художественным формам прежних эпох, находившая в XIX–XX вв. свое выражение в подражательных стилях, известных под именами неоготики, необарокко, неоклассицизма, неоромантизма и т.д. В их явлениях объективировался дух последних столетий, который, конечно, не мог не найти своего материального воплощения и в геральдике – в художественной образности элементов герба, щита в частности.

У датских гербоведов, как и у гербоведов других европейских стран, принято называть правую сторону (*højre side*) и левую сторону (*venstre side*), правый край (*højre siderand*) и левый край (*venstre siderand*) щита с точки зрения предполагаемого носителя самого щита, при этом за правой стороной признается первенство чести. В соответствии с таким правилом определения сторон гербового щита подразделяются и его части: правый верхний угол (*højre overste hjørne*) и левый верхний угол (*venstre overste hjørne*), между которыми пребывает верхний край (*overanden*) щита, правый нижний угол (*højre nederste hjørne*) и левый нижний угол (*venstre nederste hjørne*), замыкающие нижний край (*underranden*) щита[17]. Однако все эти термины в датской геральдике окончательно утвердились только в XIX в.

---

[14] Ibid. S. 67–68; *Rian Ø*. Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark-Norge. 1380–1814. Bd. II). S. 207.

[15] DAS II. L XI 14.

[16] Ibid. B V 16–17; *Jensen Chr.A*. Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 86.

[17] *Grandjean P.B*. Dansk Heraldik. S. 55–57.

Илл. 1. Страница "Гербовника С ора Ун. Нив
начало XIV .

Илл. 50. Герб королевы Маргреты II, 1972 г.

Илл. 52. Герб барона Людвига Хольберга, 1747 г.

Илл. 51. Фрагмент Цюрихского гербовника, около 1340 г. Герб короля Дании в верхнем ряду третий слева

Преднотчтительное отношение к правой стороне щита в европейской, в частности датской, геральдике утвердилось еще в Средние века под влиянием древнего представления, что правая сторона является более почетной. Действительно, на датских надгробиях (известных с XIV в.) и портретах (начиная с XV в.) супругов справа (в геральдическом смысле) всегда изображался муж, который занимал в семье главенствующее положение по отношению к жене. Этим же правилом, с XIII–XIV вв. руководствовались и при воспроизведении на различных памятниках щитов с гербами супругов. Так, на печати 1301 г., принадлежавшей Риксе Датской, дочери короля Эрика V, обнаруживаем справа от женского образа герб мужа княгини, князя Николая Верлейского, а слева ее родовой герб (короля Дании) (илл. 98). Ту же картину наблюдаем на печати герцогини Ютландской Риксы (1358 и 1373 гг.). С правой стороны от образа герцогини видим щит с гербом ее мужа, герцога Вальдемара V Ютландского, а слева щит с гербом ее отца, герцога Текленбург-Шверинского (илл. 116)[18]. Еще один пример такого расположения щитов представлен на Кронборгском фризе (1420-е годы), где изображены гербы королевской четы – Эрика Померанского и Филиппы Английской. Традиция изображать герб мужа с правой стороны нашла отражение и в “брачном гербе” королевы Филиппы, который можно видеть не только на Кронборгском фризе, но и на ее печати. Этот герб представляет собой рассеченный щит, правая сторона которого была отведена для герба ее супруга, а левая – для её родового герба (королей Англии)[19] (илл. 99).

Европейские геральдические понятия положены и в основание деления щита на отдельные поля (*felter*)[20], которые обозначаются или арабскими цифрами (на щите и при описании), или соответствующими словами (при описании). Датские гербоведы различают девять типов щитов: рассеченный (*kløvet или delt i to felter*), где первое поле соответствует правой стороне, а второе – левой; пересеченный (*delt* или *tværdelt i to felter*), где первое поле оказывается наверху, а второе – внизу; скошенный справа (*skrådelt fra højre* или *skrådelt i to felter*) и скошенный слева (*skrådelt fra venstre*), имеющие первое поле справа, а второе – слева; дважды рассеченный (*to gange kløvet* или *to gange delt i tre felter)*, в котором перечень трех полей начинается с правого бока; дважды пересеченный (*to gange delt* или *to gange tværdelt i tre felter*), в котором три поля исчисляются сверху вниз; четверочастный (*firdelt* или *firdelt i fire felter*), заключающий первое и второе поле вверху, а третье и четвертое внизу, с исчислением оных справа налево; скошенный четверочастный (*firdelt på skrå* или *skråt firdelt i fire felter*), содержащий первое поле вверху, четвертое внизу, второе с правого бока и третье с левого бока; девятичастный, или два раза рассеченный и два раза пересеченный (*to gange delt og to gange tværdelt i ni felter*), в котором, при перечислении справа налево, верхнюю часть, или главу (*skioldhovedet*) занимают первое, второе и третье поле, сере

---

[18] DKS. N 141–142.

[19] Ibid. N 64.

[20] Слово поле (*campus, felt*) в Скандинавских странах при описании гербов употреблялось уже в XIV в., о чем свидетельствуют описание герба графа Нёррехалландского Якоба Нильсена, сделанное в 1306 г. в грамоте епископов Эрланда Фарерского и Арне Бергенского (см. с. 350), а также дворянские гербовые грамоты.

дину щита – четвертое, пятое и шестое, а нижнюю часть, или подножие (*skioldfoden*) – седьмое, восьмое и девятое поле. В девятичастном щите, помимо правой и левой сторон, которые состоят соответственно из 1-4-7 и 3–6-9 полей, образуется еще столб (*pælen*), заключающий поля 2–5-8, где пятое поле носит название "сердцевое место" (*hjertestedet*)[21]. Необходимо, однако, отметить, что эти специальные геральдические термины вошли в употребление только в XIX столетии.

Щиты с числом полей от двух до четырех датчане носили уже в XIII столетии. Гербовые щиты с большим числом полей у датчан встречаются крайне редко и только с конца XIV в., когда берет начало история составного королевского герба. Самым почетным считалось первое поле, и, соответственно, достоинство прочих полей умалялось по мере их исчисления. Это правило в Дании уже действовало в XIII–XIV вв., судя по расположению фигур в гербах некоторых побочных отпрысков королевского рода Эстридсенов – герцога Южного Халланда Эрика Кнутсена (1277 г.) и его потомков (род Скарсхольм, XIV в.) (илл. 172–174), графа Северного Халланда Якоба Нильсена (1278 г.) (илл. 170), членов рода Лёвенбальк (1343, 1397 гг.) (илл. 175, 176). В этих гербах первое (верхнее) поле всегда отводилось льву (увенчанному короной или без нее), как фигуре, несомненно, более почетной, а второе (нижнее) – другим знакам (сердцам или балкам)[22].

Правило приоритета полей учитывалось и в многочастном королевском гербе, который ведет свою историю со времени заключения Кальмарской унии между Данией, Швецией и Норвегией (1397 г.). В этом гербе самые почетные поля всегда предназначались для эмблем королевств, а менее почетные отводились гербам прочих владений (герцогств, графств и т.д.).

В конце XII–XIII в. и затем с рубежа XVI–XVII в. в Дании щиты обычно изображались прямостоящими (*lodrette stilling*). Иначе обстояло дело в XIV–XVI вв. В эти столетия на печатях, на которых щиты совмещались со шлемами, и на надгробиях было принято показывать щиты в наклонном положении (*skrå stilling*), причем сторона наклона могла быть и правой, и левой[23]. Но надо при этом иметь в виду, что, когда щит изображался наклоненным "геральдически" влево, находящаяся на нем эмблема изображалась по принципу зеркального отражения, т.е. правое поле становилось левым, и наоборот. Как следствие, "геральдическое" правило о правой и левой стороне щита в такой зеркально отраженной эмблеме теряло свою силу. Это обстоятельство важно учитывать при описании гербов, ибо положению фигур на щите придавалось определенное значение, и если таковых фигур было две или более, то они могли иметь разное "достоинство", а соответственно, им отводилось более или менее почетное поле на щите. Например, на знамени короля Эрика Померанского 1427 г. (цв. илл. 19) и на его щите, изображенном на печати, бывшей в употреблении с 1398 г., гербу Дании отведено первое поле, а гербу, состоящему из трех корон, – второе поле[24] (илл. 127). Такое расположение гербов не было случайным, поскольку оно находило соот-

---

[21] DAS. Heraldisk Register (далее: DAS. HR). S. 66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 56.
[22] DKS. N 159–160; DAS. N 299, 447, 804, 1085.
[23] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 59–60.
[24] *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh., 1980. SK. N 17; DKS. N 61.

ветствие в титуле Эрика, который в первую очередь назывался королем Дании и только во вторую — Швеции, эмблемой которой и являлись три короны. Однако на Кронборгском фризе, где щит того же короля предстает наклоненным в левую сторону, два названных герба показаны как бы в противоположных полях. О том, что в данном случае нашему взору предстает именно зеркально отраженный щит, свидетельствует положение львов в гербе Дании и гербе Шлезвига, помещенном якобы в третьем поле: вопреки традиции они обращены своими телами и головами в сторону наклона щита, т.е. "геральдически" влево. Против правила на означенном королевском щите изображен и норвежский герб, которому отведено якобы четвертое поле: восстающий лев с боевым топором здесь также смотрит влево, а не вправо (в "геральдическом" смысле). Очевидно, что в обычном положении щита герб Норвегии пребывал бы в третьем поле, как на знамени короля Эрика, который в своем титуле отводил Норвегии также третье место.

Другой пример подобной метаморфозы наблюдается в отношении герба рода Росенкранц. Этот герб в XIV–XV в. заключал знак в виде шахматной балки, пересекавшей щит от правового верхнего угла до левого нижнего. На печатях представителей этого рода (начиная с печати рыцаря Эрика Нильсена, 1355 г.) данный знак при наклоне щита вправо сохранял свое изначальное положение[25]. О том же свидетельствуют гербы на фризе в Орхусском соборе (цв. илл. 8–9) и герб рыцаря Отто Нильсена (ок. 1395–1477) в Гельдерском гербовнике. Не изменилось положение этого знака на щите и в первой трети XVI в., когда представители рода Росенкранц внесли в свой герб еще двух восстающих львов, занявших места слева и справа от балки. В таком новом виде, например, предстает изображение герба рыцаря Хенрика (ум. 1537), которое сохранилось в Хорнслете (1532 г.). На нем обновленный герб рода Росенкранц передан на прямостоящем щите типа тарч, который при таком положении имеет вырез справа. Однако на надгробии этого вельможи тот же тип щита показан наклоненным влево, вследствие чего вырез тарча представлен тоже слева. Одновременно знаки на щите заняли другое положение: львы повернулись в противоположные стороны, а балка стала нисходить как бы слева, со стороны выреза в щите[26]. Мы имеем здесь дело с правилом, а не исключением. Доказательством тому могут служить два изображения герба представителей рода Росенкранц на надгробной стеле Стена Росенспарре и Метты Росенкранц в Скархульте (Skarhult), датированной 1566 г.[27] (илл. 193). На одном из этих гербов, наклоненном влево, знаки, подобно случаю с гербом Хенрика Росенкранца на его надгробии, предстают как бы в зеркальном отражении. На другом же гербе, наклоненном вправо, они показаны так, как их принято было изображать на прямостоящем щите.

На надгробиях и портретах, исполненных в XV–XVI вв., на которых изображались гербы мужа и жены или отца и матери, или, наконец, предков обоих супругов или одной персоны, зеркально отраженным гербам всегда отводилась "геральдически" правая сторона. Такого рода гербы продолжали

---

[25] DAS. N 446, 470, 546, 950, 996.

[26] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 38.

[27] Ibid. Tavle 59.

Илл. 193. Надгробие Стена Росенспарре и его жены Метты Росенкранц. Скархультская церковь, 1566 г.

размещаться на указанных памятниках с той же стороны и тогда, когда н гы перестали изображаться в наклонном виде, о чем, например, свидетельс вует гравюра, содержащая портрет Кристена Фрииса и гербы его предк между которыми справа обнаруживаем зеркально отраженный герб ро Розенкранц (1630-е годы) (илл. 31). Гербы предков могли также размещат ся в два ряда друг над другом, и тогда зеркально отраженные гербы заним ли нижний ряд, как можно заключить на примере двух гербов представит лей рода Розенкранц по их изображениям на гравюре, передающей портр Кристена Скееля (ок. 1630 г.) (илл. 32).

Датская геральдика, подобно геральдике других европейских стран, зн ет случаи, когда на большом щите могли помещаться гербовые щиты мен ших размеров: один, два, три или, что очень редко, четыре. Если таково малого размера, щит обнаруживается на большом щите, и только один, т его называют "сердцевым" (*hjerteskjold*). Однако последний мог быть закл чен еще и в другой щит, несколько больший, который принято называ "средним" (*midterskjold*)[28]. Если же на большой щит накладывалось три щ та, то, таким образом, средних уже насчитывалось два. Эти термины "сер цевый щит" и "средний щит" – в датских текстах встречаются с XVII в.

Первым в Дании стал помещать сердцевый щит на большом гербово щите король Эрик Померанский (с 1398 г.) (илл. 127). После него этот обы чай переняли короли из Ольденбургской династии, а вслед за ними, уже в второй половине XVII в., и датские вельможи: графы (например, Гриффен фельдт), бароны (Хольберг, Росенкранц и др.) и некоторые нетитулованны дворяне. Два средних щита и щиток, например, находим в гербе графа Дан нескьольд-Лёвендаль (конец XVIII в.)[29].

Из весьма немногочисленных свидетельств источников, восходящих к се редине – второй половине XII столетия, заключаем, что изображавшиеся это "темное столетие" датской геральдики знаки или фигуры на щита (*skjoldets figurer*) датчан могли быть, употребляя современную терминоло гию, "геральдическими" (*heraldiske figurer*) и "обыкновенными" (*almindelige figurer*)[30]. Такого рода изображения характерны для датской геральдики XII и последующих столетий.

Среди "геральдических" фигур, которых на памятниках XIII–XIV вв. на- считывается уже свыше пятидесяти, встречаются самые разнообразные, в том числе и довольно распространенные в геральдике других европейских стран. С XIII или XIV в. обладателями подобных гербов являлись многие знатные роды, а именно: Тотт (Tott) – четверочастное деление (*firdelt*); Хак (Hak) – четверочастное деление через скошение справа и слева (*skråt firdelt*); Баннер (Banner) – скошение справа (*skrådelt fra højre*); Бильд (Bild) – пересе- ченный щит (*delt skiold*); Грим (Grim), Хас (Has) и Бендеруп (Benderup) рас- сеченный щит (*kløvet skiold*); Мунк (Munk) и Краббе (Krabbe) – балка (*bjælke*);

---

[28] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 58–59.
[29] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 160.
[30] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 64. В русской формальной геральдике обыкновенные фи гуры называются еще "негеральдическими" (*Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, ком мент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 189).

Гален (Galen) – три балки (*tre bjælker*); Браге (Brahe) – столб (*pæl*); Фальк (Falk) – вилообразное разделение (*tredelt ved et gaffelsnit*); Брок (Brok) – острие (*spids*); Кос (Kos) – стропило (*sparre*); Груббе (Grubbe) – разделение щита боковыми остриями справа (*tre spidser fra højre*); Росенкранц – шахматная балка справа (*en skråbjælke fra højre*); Билле (Bille) – рассеченный и три раза пересеченный щит (*kløvet og tre gange delt*); Сальтенсее аф Линде (Saltensee af Linde) – рассеченный зубцами крепостной стены (*kløvet af murtinder*); Руд (Rud) – ромб (*rude*) и другие[31].

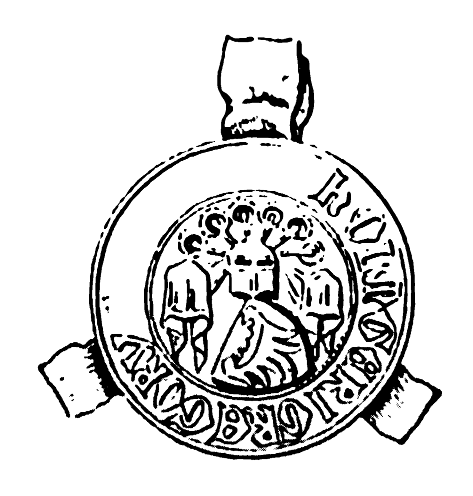
За отсутствием письменных свидетельств, восходящих к XII–XIII вв., о происхождении этих и других "геральдических" фигур можно только делать предположения. Во-первых, можно предположить, что сам характер таких изображений обязан своим происхождением тому, как раскрашивались щиты. Известно, что у германцев еще в древности существовал обычай окрашивать щиты, но, как правило, одним цветом. Норманны также следовали этому обычаю. Кроме того, у них, по свидетельству "Младшей Эдды" (1222–1225 гг.), "в старину у щитов полагалось расписывать край, который назывался кольцом"[32]. Этой стариной мог быть и XII век, концом которого датируется фреска в Ольской церкви. На ней представлены сражающиеся конные рыцари со щитами, которые, в полном соответствии с показанием исландского источника, имели характерную кольцевую окраску (цв. илл. 38). Но на той же фреске обнаруживаем и одного рыцаря, который держит щит не только с кольцевой окраской, но и с полосой, рассекающей щит по горизонтали. Отсюда можем предположить, что постепенно, с развитием личных эмблем, у рыцарей, в том числе датских, стало входить в обыкновение отличать свои щиты, ранее имевшие типичную окраску, разными дополнительными цветами, придавая им, скорее всего, символическое значение, судя по господствовавшему тогда миросозерцанию. Самих цветов, наносимых на щит, могло быть и два, и больше. В результате создавались различные геометрические изображения, к чему было склонно умозрение эпохи готического искусства. С ростом числа лиц, желавших иметь отличительную эмблему, подобных изображений становилось все больше и больше. Таким образом, вероятно, уже к середине XIII в., сложился целый набор щитовых эмблем, составленных из сочетания цветов, за которыми закрепилось значение, личных и лично-наследственных гербов. Но поскольку именно такие гербовые знаки во второй половине XII – XIII в. получили широкое и преимущественное распространение в большинстве стран Западной Европы, они, вероятно, уже тогда стали осознаваться как эмблемы типические, что, несомненно, обусловливалось господствовавшим у западноевропейского рыцарства представлением о характере щитовых изображений.

Отсюда, однако, не стоит заключать, что "геральдические" фигуры считались на заре датской геральдики более почетными, чем так называемые "обыкновенные", или "негеральдические". Последние, хотя на более ранних памятниках они представлены и в меньшем числе, также обнаруживаются у немалого числа аристократических родов, чья родословная

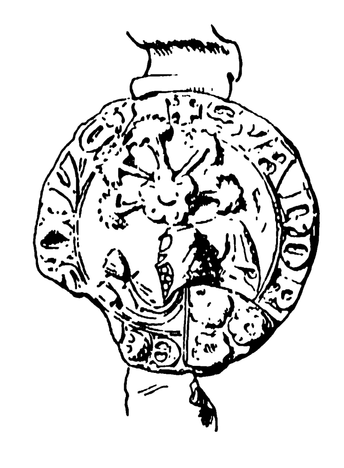
---

[31] DAS. S. 66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 65–98.

[32] Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994. С. 153.

Илл. 194. Печать Хольгера Грегерсена (Крогнос), 1379 г.

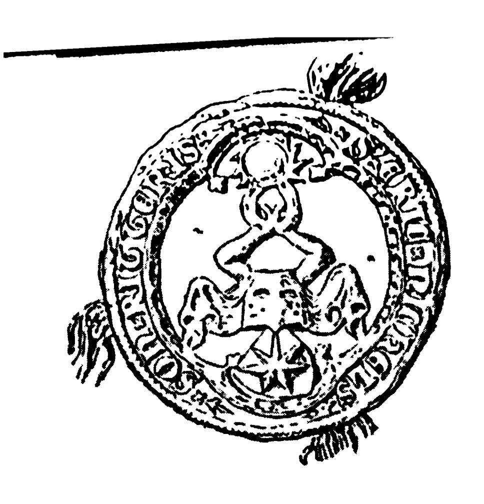
Илл. 195. Печать Андерса Эббесена Фроста (Ланге), 1360 г.

прослеживается до XIII–XIV вв.: Ульфельдт (Ulfeldt), Гюлленстьерне (Gyldenstjerne), Сальтенсее, Крогнос (Krognos), Вендельбу (Vendelbo), Дюре (Dyre), Неб (Neb), Пантер (Panter), Ланге (Lange), Лунге (Lunge), Гойе (Gøje), Кальв (Kalv) и другие.

Среди "обыкновенных" фигур в современной датской геральдике принято различать "естественные" (*hentede fra naturriget*), "мифические" (*fantasivæsener* или *overnaturlige væsener*) и "искусственные" (*kunstige genstande*).

К естественным фигурам причисляются изображения, передающие, правда, редко, человеческие фигуры (*menneskelige figurer*) или их части (*legemsdele*), животных (*dyrefigurer*) – млекопитающих (*pattedyr*) и пернатых (*fugle*), а также их отдельные части (рога, лапы, головы, крылья), разного рода растения (*planter*) и их фрагменты (*plantedele*), обитателей водоемов (рыбы, краб), раковины (*ibskal*) и небесные тела (солнце, луна, звезды разной конфигурации). Такого рода знаки, например, представлены в гербах родов: Вендельбу – голова человека (*mandshoved*), Бьёрн (Bjørn) – лапа медведя (*bjørnelab*), Йорт (*Hjort*) – голова медведя (*bjørnehoved*), Бугге (Bugge) – половина кабана (*et halvt vildsvin*), Уруп (Urup) – рога барана (*vædderhorn*), Бассе (Basse) – голова кабана (*vildsvinehoved*), Винд (Vind) – голова лошади (*hestehoved*), Сальтенсее – рога оленя (*to hjortevie*), Видинг (Viding) – голова льва (*løvehoved*), Пантер (Panter) – восстающий лев, или пантера (*løve, panter*) (илл. 182, 183), Дуе (Due) – голубь, или орёл (*due, ørn*), Хёг (Høg) – ястреб (*høg*), Урне (Urne) – лапа орла (*ørneklo*), Крогнос (Krognos) – крыло птицы (*fjerham* или *vinge*) (илл. 194), Ланге – три розы (*tre roser*) (илл. 195), Лунге – три лилии (*tre liljer*) (илл. 90–92), Порсе-Риббинг (Porse-Ribbing) – три сердца, или морских листа (*tre hjerter, søblade*) (илл. 180), Йернскьег (Jernskjeg) – раковина (*ibskal*), Гюлленстьерне и Виде – семиконечная звезда (*syvoddet stjærne*)[33] (илл. 88–89, 196).

[33] DAS. S. 65–66; *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 120–149.

Илл. 196. Печать Эрика Нильсена (Гюлленстьерне), 1355 г.

Илл. 197. Печать Йенса Кальва, 1267 г.

В разряд мифических знаков зачисляются фантастические существа. Их изображений датская геральдика (начиная с XIII в.) знает немного. Они служили гербовыми эмблемами только у нескольких дворянских родов: Ульфельдт – крылатый волк (*ulv i fjerham*) (илл. 82–83), Кальв – женщина, увенчанная короной, с крыльями, или гарпия (*jomfru i fjerham*) (илл. 197) и Скрам (Skram) – половина единорога (*en halv enhjørning*) (илл. 21). Кроме того, в гербе королей Дании с 40-х годов XV в. присутствовал коронованный дракон (*lindorm*), символизировавший один из их титулов, а именно "короля Славян (Вендов)"[34]. Дракон являлся также гербом герцога Лолланнского, как можно утверждать на том основании, что эта фигура во второй половине XIV в. была передана на печати 1360–1362 гг.[35] и доспехах герцога Лолланнского Кристофера Вальдемарсена (цв. илл. 16). Герб Лолланна изображен также в редакции гербовника Грюненберга, восходящей ко второй четверти XVI в.

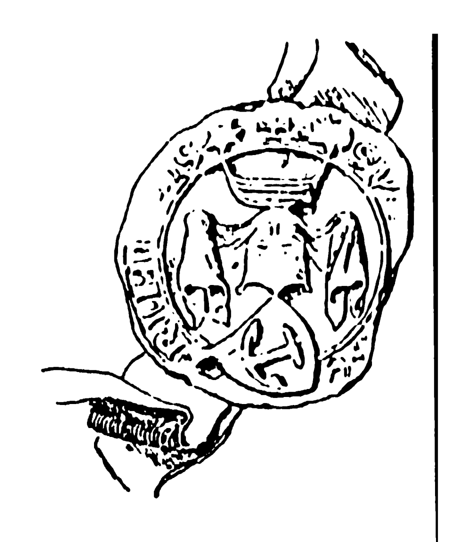
Что же касается фигур "искусственных", известных датской геральдике с XIII в., то под ними понимаются предметы, сотворенные человеком. Некоторые из них могли являться гербами аристократических родов, как-то: Крумпен (Krumpen) – мельничное колесо (*møllehjul*), Неб (Neb) – якорь (*anker*) (илл. 198), Торнекранс (Tornekrans) – лестница (*stige*), Удсен (Udsen) – колокол (*klokke*), Мандеруп (Manderup) и Ульдсакс (Uldsaks) – ножницы (*uldsaks*). Кроме того, у не столь знатных родов и отдельных лиц в гербах встречаем стрелы (*pile*), наконечники для стрел (*pileod*), факелы (*fakler*), кольца (*ringe*), шапки (*huer*), копья (*spyd*), мечи (*sværd*) и т.д.[36]

"Геральдические" и "обыкновенные" фигуры могли соединяться вместе в одном гербе, будучи изображенными либо в одном поле, либо в разных по-

---

[34] DAS. HR. S. 65; *Grandjean P.B*. Dansk Heraldik. S. 149–152.
[35] DKS. N 45 (легенда: "S' CRISTFORI DVCIS LALADIE").
[36] Ibid. S. 153–155.

лях. Так, на щитах Токе Эбессена, его сына и внука, изображенных на гербовом фризе в Сорёском монастыре (XIII в.), видим голубя поверх трех балок. Герб рода Ране, древнейшие изображения которого относятся к началу XIV в., представляет собой рассеченный щит: в правом или левом поле – один олений рог, в левом или правом – две балки[37] (илл. 95–96).

Илл. 198. Печать Уффе Педерсена (Неб), 1364 г.

Известны также гербы датчан, в которых "геральдические" фигуры обременены "обыкновенными" фигурами. Например, в гербе рода Росенспарре, который восходит к XIV в., стропило обременено тремя розами[38].

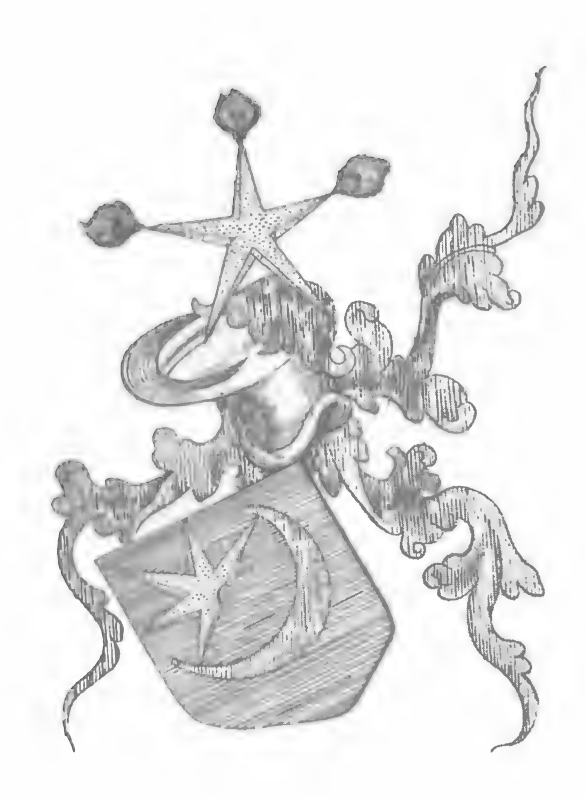
В современном датском гербоведении при раскраске гербов принято употреблять четыре главных цвета (*farver*) – красный (*rødt*), синий (*blåt*), зеленый (*grønt*) и черный (*sort*), а также два металла (*metaller*) – золото (*guld*) и серебро (*sølv*). Все эти цвета и металлы представлены в гербах датчан со Средних веков. В датских письменных памятниках, поначалу преимущественно в дворянских и городских гербовых грамотах, их словесные обозначения прослеживаются с позднего Средневековья. В описаниях на латинском языке, восходящих к XV–XVIII вв., использовались соответствующие латинские обозначения тех же цветов. Ведомы датской геральдике и меха (*pelsværk*) – горностаевый (*hermelin*) и беличий (*gråværk*). Правда, гербы с их символическими изображениями в Дании встречаются редко[39]. Следует также отметить, что геральдические термины "металлы" и "меха" стали употребляться датскими гербоведами не ранее XVIII в., под влиянием геральдики немецкой или французской.

Вместо терминов "золото" и "серебро" или наряду с ними в Средние века и в более позднее время, судя по описаниям эмблем щитов и шлемов в гербовых и дворянских грамотах, использовались также слова "желтый" (*gul, gult*) и "белый" (*hvid, hvidt*). Так, щитовой эмблемой Нильса Нильссёна (1433 г.) являлась "половина желтой звезды с пятью зубцами и половиной красной луны в синем поле" (*en halff gull Stierne met fem Tagger oc en halff rødh Mane uti et blat Feld*)[40] (илл. 199). "Два белых рога буйвола" (*tw hvide Wesene Horn*) представлены в щите и на шлеме Поуля Маттиссёна (1433 г.)[41] (цв. илл. 28). В гербовой грамоте города Рённе (1562 г.) его

---

[37] DAS. N 86 (печать Нильса Ране).
[38] Ibid. N 405 (печать Йенса Нильсена аф Скарехольт).
[39] Ibid. S. 44–50.
[40] Niels Nielssøns Vaaben og Adels Brev, givet of Kong Erik of Pommern 1433 // DM. 1745. Bd. I. S. 99.
[41] Povel Matthissøns Vaaben og Adels Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1746. Bd. II. S. 35–36.

эмблема описана как "три белые трески в синем поле" (*Tre hvide Torske udi et blaat·feldt*). В дворянском патенте Х. Воскама (1701 г.) говорится о дворянском турнирном шлеме "с двумя белыми или серебряными перьями страуса" (*med tvende hvide eller Sølf Strudtz fieer*). Следует также отметить, что в Дании Нового времени вместо слова "красный" могло употребляться слово "пурпурный" (*purpur*), которое в Средние века использовалось при описании цвета предметов одежды государей. В датских геральдических текстах XIX–XX вв. встречается также слово "оранжевый" (*orange*).

Илл. 199. Герб Нильса Нильссёна из его дворянской грамоты, 1433 г.

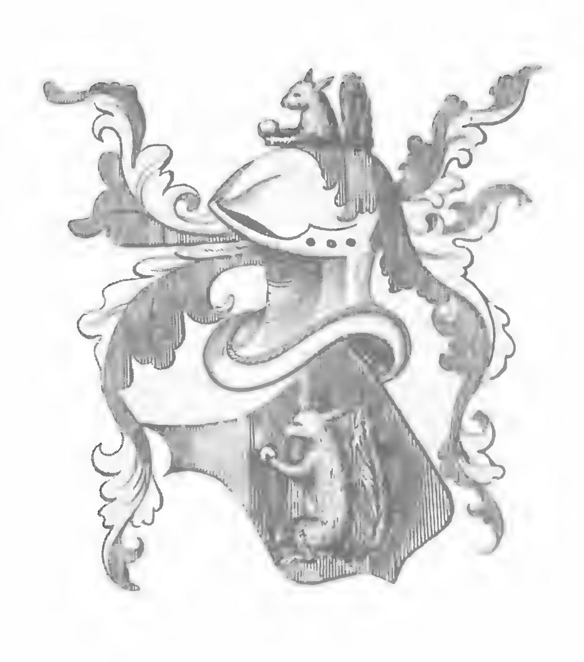
Известны, кроме того, гербы датчан, частично окрашенные в естественные цвета (*naturfarve*), которые иногда находили словесное выражение в дворянских грамотах. Эти цвета обычно использовались при раскраске животных, людей и явлений природы. Например, в 1497 г. Нильс Мадсён получил дворянскую грамоту, в которой фигура его щитовой эмблемы описана как "целая серая белка в красном поле" (*ith heelth groeth Eggerne udi ith røeth feldht*)[42] (илл. 200). Впрочем, по обычаю, установившемуся еще на заре западноевропейской геральдики, в гербах датчан образы животных часто окрашивались в цвета, которые не свойственны их природным прообразом. Этот обычай, источником которого, надо полагать, послужило символическое восприятие мира, характеризовавшее средневековое умозрение, на датской почве, как можно заключить из источников, впервые обнаружил себя в окраске львов синим цветом в королевском гербе. Иначе говоря, идея изображать животных с несвойственной им окраской, например, львов представлять синими, была обусловлена тем, что на заре геральдики в гербовых эмблемах цвета исполняли роль самостоятельных знаков, посредством которых выражались духовные переживания человека.

В датских текстах Нового времени в описаниях гербов иногда встречаются слова, призванные подчеркнуть характер цвета. Такие слова употреблял Л. Хольберг в рассказе об эмблемах составного герба королей Дании. В описании датской эмблемы он употребил выражение "три небесно-синие

[42] Niels Madsøns Vaaben og Adels Brev, givet af Kong Hans 1497 // DM. 1747. Bd. III. S. 163.

львa" (*3 himmel-blaae løver*), а герб Фемерна представил как золотую корону "в лавандо-синем поле" (*udi en lavendel-blaae feldt*)[43].

Исходя из того обстоятельства, что герб короля Дании, вероятно, с самого своего зарождения был окрашен в золотой (поле щита), синий (три льва) и красный (сердца) цвета, о чем свидетельствуют изобразительные памятники XIII–XIV вв., можно предположить, что именно эти цвета еще на заре датской геральдики обрели наибольший почет в сознании датчан. Таким же почетом, несомненно, еще в Средние века стал пользоваться и цвет белый, в который окрашивался знак креста на датском знамени и в составном королевском гербе. Все эти цвета употреблялись в дворянских гербах, как можем судить по их живописным изображениям, представленным памятниками XIV– XVII вв. Замечательно, что и Бартоло ди Сассоферрато в трактате "О знаках и гербах" (середина XIV в.) указывает на золотой, красный (алый, пурпурный), синий (голубой) и белый как на самые благородные цвета[44]. Это умозаключение итальянского писателя находит подтверждение в том факте, что именно указанные цвета со Средних веков представлены в гербах большинства европейских государей, например, королей Англии (золотые львы в красном поле) и Франции (белые лилии в синем поле). Отсюда можем заключить, что представления о цветах в средневековой датской геральдике имели своим источником общие представления, господствовавшие в Западной Европе. Их истоки, помня о господстве религиозного миросозерцания в Средние века, по-видимому, следует искать в воззрении на цвета, утвердившемся еще ранее в христианском сознании и находившем отражение в памятниках словесности, иконописи и храмовой фресковой

Илл. 200. Герб Нильса Мадсёна из его дворянской грамоты, 1497 г.

---

[43] *Holberg L.* Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh. 1729. S. 630–631.

[44] Бартоло, основываясь на представлениях своего времени, выстраивает иерархию цветов. "Золотой цвет благороднее остальных" (*Aureus color nobilior est ceteris*), за ним следует "цвет красный, или пурпурный" (*color rubeus seu purpureus*), "Синий цвет – третий" (*Azoreus color est tertius*), "Цвет белый – благороднее черного" (*Color albus est nobilior nigro*): *Bartoli* de insigniis et armis tractatus // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jone. . N.Y., 1943. P. 226.

живописи. Христианская мысль наполняла цвета духовно-символическим 'мыслом. При этом прибегали к истолкованию цветов природных явлений, которым уподоблялись явления духовные. Так, через свет, солнце, золото выражалось понятие Бога, а потому золотому цвету в иерархии цветов христианской живописи изначально отводилось первостепенное место. В памятниках церковного искусства золото – это нетварный свет, цвет Божественной славы, символ Небесного Иерусалима, Града Божия. По своей семантике к золоту примыкал белый цвет, обозначавший чистоту, непорочность, целомудрие. Ему противопоставлялся цвет черный как символ тьмы, преисподней, вследствие чего он в иерархии цветов находился на последнем месте.

Символом Небесного Града считался также синий цвет – естественный цвет неба, небосвода, воздушного пространства, купающегося в лучах солнечного света. В него окрашивались одеяния Спасителя и особенно часто Богоматери, Царицы Небесной (*Regina Caeli*).

Что касается красного цвета, то он в церковной живописи символизировал кровь Христа и мучеников, претерпевших страдания за веру христианскую. Напомним также, что высокое достоинство красного цвета христианскими правителями признавалось еще со времени императора Константина Великого (IV в.), что выражалось в использовании ими красных знамен и хоругвей как знака победы веры Христовой над язычеством. Одновременно раннего Средневековья красный цвет почитался царским цветом. В красном одеянии в церковной живописи представал Спаситель, Царь Небесный, бывший Прообразом царя земного, являвшегося своим подданным тоже в красном облачении, в пурпуре, как о том свидетельствует история государей Римской (Византийской) империи. Впоследствии от византийских императоров этот обычай переняли другие христианские правители, в числе которых были и скандинавские конунги. Плащ красного цвета, согласно саге о нем, в начале XII в. носил король Норвегии Магнус Голоногий. В одеяния этого цвета облачались также короли Дании, о чем говорится в дополнении Роскиллеской хронике, которое было написано на рубеже XII–XIII вв.: в 157 г. во время совершения обряда помазания на царство и коронования король Вальдемар I был облачен в пурпур (*purpuratus*) архиепископом Лундским Эскилем[45].

Представлен в церковной живописи и зеленый цвет – символ вечной жизни, Святого Духа, надежды и возрождения.

Впрочем, признавая за цветами первых гербов религиозно-символическое значение, нельзя, однако, не отметить, что позднее они утратили его, о чем уже свидетельствуют истолкования цветов у авторов трактатов о гербах XIV XV вв. (Бартоло, Антон и др.). В их рассуждениях, часто основанных на сообщениях античных и раннесредневековых писателей, цвета выступают знаками природных явлений и моральных качеств. В этом сказался общий дух времени, характеризовавшийся все более нараставшим обмирщением сознания, чему свидетельством служит то, что религиозно-символическое понимание цветов со времени высокого и позднего Средневековья мало-помалу утрачивалось и в западноевропейской церковной живописи, так что в эпо-

ху барокко в религиозном искусстве цвета стали использоваться и вовсе как декоративный элемент.

Правила сочетания цветов и металлов в современной датской геральдике подчинены тем же требованиям, которые предписывает формальная геральдика. Речь идет о том, что золото не должно накладываться на серебро, и наоборот. Замечательно, что этому правилу издревле следовали и мастера церковной живописи, откуда можно предположить, что каноны последней оказывали влияние на становление геральдического искусства. Указанное правило, проистекавшее, очевидно, от стремления доставить человеческому глазу более четкое различие между полями и фигурами, вероятно, в главных чертах своих действовало в Дании уже со Средних веков, как можно заключить по немногочисленным цветным изображениям гербов, уцелевшим на гербовых фризах (правда, зачастую в поновленном виде) и в гербовниках. Однако, как исключения, бывали случаи, когда один металл накладывался на другой, что наблюдаем в гербе рода Серлин (золотой пятнистый лев в серебряном поле), который в цвете изображен на надгробной стеле Маргреты Сковгорд (начало XVII в.) (цв. илл. 18).

Западноевропейская геральдика полна случаями, когда гербовые эмблемы могли изображаться и на других предметах, нежели щит. В Средние века и в начале Нового времени таковой обычай существовал и в Дании, как можно заключить хотя бы на основании тех немногих свидетельств, которые до нас дошли. Так, на надгробии короля Эрика VI, созданном около 1320 г., образ этого государя предстает в длинной тунике, украшенной тремя львами и многочисленными сердцами (илл. 23). Герб короля Дании, правда, без сердец, изображен также на знамени в "Мекленбургской хронике" Киркберга (конец XIV в.) (илл. 38), и на стяге Эрика Померанского, который был захвачен ганзейцами в 1427 г. (цв. илл. 19). Тот же герб с конца XIII в. мог представать без щита на печатях, о чем свидетельствует иконография печатей герцога Кристофера (1316–1320 гг.) и короля Олафа III (1376 г.)[46] (илл. 135).

Уже на печатях датчан, живших в XIV в., мы можем обнаружить щиты со знаками, чьи имена соответствовали личным прозвищам владельцев этих гербовых щитов: например, Йенс Хёг (Høg – Ястреб) гербом имел ястреба (1346–1347 гг.), Миккель Краббе (Krabbe – Краб) – краба (1354 г.), Педер Фальк (Falk – Сокол) – сокола (1353 г.), а Нильс Свале (Svale – Ласточка) ласточку (1391 г.)[47]. Что бы, однако, в данном случае ни предшествовало прозвище гербу или наоборот, мы имеем дело здесь с так называемыми гласными, или говорящими, гербами (*talende våbener*). Их число среди датских гербов значительно возросло в XVI в., после 1526 г., когда король Фредерик I издал указ, по которому дворянские роды, не имевшие к тому времени постоянных родовых прозвищ, должны были таковыми обзавестись. В результате более трех десятков родов закрепили за собой родовые прозвища, которые полностью или частично происходили от их гербов. Так появились, например, фамилии: Гюлленстьерне (Gyldenstierne – Золотая Звезда) – в гербе золотая семиконечная звезда; Ульфельдт (Ulfeldt – Волк и Поле) – в гербе крылатый волк; Лёвенбальк (Løvenbalk – Лев и Балка) – в гербе идущий лев над

---

[46] DKS. N 47.
[47] DAS. N 347, 417, 410, 948.

двумя балками; Бьёрн (Bjørn – Медведь) – в гербе медвежья лапа; Росенвинге (Rosenvinge – Роза и Крыло) – в гербе в правом поле роза, в левом поле крыло; Росенспарре (Rosensparre – Роза и Стропило) – в гербе стропило, обремененное тремя розами; Марсвин (Marsvin – Дельфин) – в гербе дельфин; Тролле (Trolle, Trold – сказочный персонаж) – в гербе безголовое человекообразное существо. При создании фамилии могли также приниматься во внимание цвет поля, как у Витфельдтов (Huitfeldt – Белое Поле) – в гербе красная балка справа в белом поле, и самое наименование щита, что имело место у Монескьольдов (Måneskiold – Луна и Щит) – в гербе золотой месяц в синем поле[48].

Гласные гербы появлялись в Дании и впоследствии, когда за лицом, возводимым в дворянское достоинство, закреплялась новая фамилия, которая создавалась на основе тогда же пожалованного герба, или, наоборот, когда сохранявшаяся за новым дворянином его старая фамилия давала материал для создания герба. Так, флотоводец Педер Вессель, получивший в 1716 г. одновременно с дворянским званием и новую фамилию – Торденскьольд (Tordenskiold – Гром и Щит), имел в своем гербе изображение золотой молнии о четырех лучах, помещенное в первом поле четверочастного щита. Обратный пример, касающийся использования фамилии в качестве источника для создания гласной фигуры, представляет герб барона Людвига Хольберга, не менявшего своей фамилии при возведении в дворянское достоинство. На щитке его герба видим "голую гору", что по-датски значит "hult bjerg" или, на немецкий лад, "holberg"[49].

К сожалению, источники, восходящие к Средним векам и к началу Нового времени, почти не содержат свидетельств о том, каким образом толковались в Дании эмблемы, изображавшиеся в щитах. Самое раннее известие о таком толковании относится только к началу XVI в., но оно драгоценно еще и тем, что исходило из уст самого владельца эмблемы, а именно архиепископа Лундского Биргера Гуннерсена (1497–1519). На его щите была изображена липа (*lind*) (цв. илл. 3), которую архиепископ сделал своей главной эмблемой на том основании, что родился в деревне под названием Линнеберг (Lindeberg – Липовая Гора). Она находилась в Северном Халланде, в херреде Химле (Himle – Небеса), имя которого было соотнесено с воображаемым над липой небом как символом, который должен напоминать христианам о Небесном Отечестве (*Himmelske Fæderneland*). Значение христианских символов приписывается и отдельным частям дерева: три корня, отходящие от ствола, символизировали Святую Троицу (*den hellige Trefoldighed*), пять ветвей – пять ран Христовых (*Christi 5. Saar*), а десять листьев на них – десять Божьих заповедей (*de 10. Guds bud*). Кроме того, под липой находились семь разноцветных камней, которые были призваны олицетворять семь смертных грехов (*dødelige Synder*)[50].

На религиозной почве создавались личные эмблемы и лютеранских епископов Дании. Так, эмблема епископа Роскиллеского (с 1615 г.) Ханса Ресе-

[48] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 39–41; *[Achen] S.T.* Navn efter våben // Herald. Tidsskr. 1966. N 13. S. 117.
[49] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 40–41.
[50] *Huitfeldt A.* Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige. Kbh., 1604. S. 91–92.

Илл. 201. Эмблема епископа Роскиллеского Ханса Ресена, 1615–1638 гг.

Илл. 202. Эмблема епископа Роскиллеского Йеспера Брокмана, 1638–1652 гг.

на (1561–1638) состояла из изображения Агнца – символа Христа, – держащего лилию с тремя лепестками, символизировавшими Святую Троицу, и трех латинских букв "v", которыми начинались слова речения "vera via veritas" (правильный путь – истина)[51] (илл. 201).

Другой епископ Роскиллеский, Йеспер Брокман (1582–1652), представлялся с "гербом", который состоял из щита и шлема. На щите, поделенном вертикальной линией на две половины, в правом поле изображались неполная луна, "которая получает свой свет от солнца", как "человек получает жизненные силы от Бога", и три лилии – символ Святой Троицы; в левом поле помещался восстающий лев – символ Христа[52] (илл. 202).

Но эмблемы или гербы лютеранских епископов Дании могли заключать также знаки с мирским значением. Так, поэт и епископ Томас Кинго (1634–1703) в 1679 г. был возведен в дворянское достоинство и при этом получил герб, состоявший из щита и шлема. Щит был поделен горизонтальной линией на два поля; в верхнем помещался Пегас – символ поэта Кинго, в нижнем изображались три звезды – символ Святой Троицы. Оба символа должны были свидетельствовать, что владелец герба являлся одновременно сочинителем стихов и церковным деятелем. На занятие Кинго поэзией указывали также знаки на шлеме: крылья Пегаса и рука, держащая лавровый венок[53] (илл. 203).

Из приведенных описаний эмблем датских епископов видно, что в Дании на исходе Средневековья и в первые века Нового времени гербовые знаки могли истолковываться как религиозные символы, причем все элементы, из которых состояла эмблема, имели свой символический смысл. И мы помним, что именно как набор отдельных знаков рассматривали гербовые эмблемы

---

[51] *Haugaard J. et al.* Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3. S. 33.
[52] Ibid. S. 34.
[53] Ibid. S. 334.

Илл. 203. Томас Кинго.
Неизвестный художник, 1684 г.

авторы средневековых геральдических трактатов, выражая тем самым общее умозрение своей эпохи, в частности по отношению к художественному творчеству. Но и религиозный символизм тоже являлся характерной чертой средневекового мышления, о чем свидетельствуют истолкования гербовых эмблем рыцарей в иностранных литературных памятниках. Примером может служить герб Гавейна в английском романе XIV столетия "Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь": "...щит, который был ярко-красный с пятиугольником, нарисованным из чистого золота"[54]. Среди различных смысловых значений пятиугольника (*pentagel*), приводимых автором романа, отмечаются "пять ран Христа, полученных на кресте"[55], которые в эмблеме датского архиепископа, как мы видели, символизировались пятью ветвями дерева. Любопытно, что точно такой же герб, как у Гавейна, с XIV в., согласно свидетельствам гербового фриза в церкви Сорёского монастыря и печатям, в Дании носили представители рода Скаве (Skave) (цв. илл. 6). Что, однако, они понимали под пятиугольником (пятиконечной звездой), о том можно лишь догадываться. Впрочем, принадлежность Дании и Англии к одному культурно-историческому миру позволяет нам предположить, что на датской и английской почве в XIV в. пятиугольник должен был истолковываться схожим образом, а именно так, как это сделал автор романа о сэре Гавейне. Помимо пяти ран Христа, этот знак (*syngne*) служил символом "истины", "пяти чувств" и "пяти пальцев" Гавейна, пяти радостей Богоматери (Благовещение, Рождество, Воскресение, Вознесение и Успение), а также обозначал "товарищество и щедрость" Гавейна, "чистоту и его куртуазность" и "благочестие", т.е. те свойства, которыми отличался славный рыцарь[56].

Эти толкования пятиугольника, которые представил английский писатель XIV в., свидетельствовали о том, что в его время гербовые фигуры могли восприниматься одновременно и как религиозные символы, и как

---

[54] "...þe schelde, þat was of schyr goulez // Wyth þe pentangel depaynt of pure golde hwez" (*Silverstein Th.* Sir Gawain and the Green Knight: A New Critical Edition. Chicago; L., 1984. P. 52 (стихи 620–621)) (Рус. перевод см.: Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / Изд. подгот. В.П. Бетаки и М.В. Оверченко. М., 2003).

[55] "þe fyue woundez // Þat Cryst kazt on þe croys" (Ibid. P. 52 (стих 640)).

[56] Ibid. P. 52–53 (стихи 640–654).

знаки духовных качеств, свойственных мирскому человеку. Это означал что в XIV в. на западноевропейской почве в истолковании гербовых знаков начало светское уже настолько возвысилось, что встало вровень с началом религиозным. Истоки этого возвышения следует искать в эпохе зарождения самой геральдики, в основании которой, как мы выше пытались показать, лежала суетная тоска души человеческой по внешним отличиям. Общий дух нараставшего обмирщения, почивший на народах Западной Европы в высокое и позднее Средневековье и находивший выражение в художественном творчестве, которое все более искало духовной опоры в памятниках античной языческой культуры, не мог не сказаться на характере восприятия гербовых эмблем. Двойственный лик культурной жизни позднего Средневековья, явившийся следствием смешения еще не угасших религиозно-символических переживаний и обретавших сил мирских устремлений, во многом питавшихся античной мудростью, предопределил и двойственное отношение к смысловому содержанию знаков в гербах.

Теми же духовными переменами определялась культурно-историческая жизнь Дании XIII–XV вв., как можно заключить по изменениям в характере фресковой живописи датских церквей. В эти столетия она наполняется мирскими образами и картинами, хотя по-прежнему с религиозно-учительными целями, а сами христианские образы утрачивают черты одухотворенности, которые были свойственны им в эпоху господства романского искусства. Одновременно оскудение христианского умозрения и подъем мирского настроения, вероятно, стали определять и отношение датчан к символике гербовых эмблем. Действительно, из описания эмблемы архиепископа Биргера Гуннерсена видно, что не все ее знаки представлялись только религиозными символами, но имели и мирское толкование: дерево липа указывало на название родной деревни Биргера, а небосвод соотносился с именем херреда, в котором находилась эта деревня. Об обмирщении сознания в Дании в конце Средневековья и в начале Нового времени свидетельствует и то, что в XVI в. главные фигуры гербовой эмблемы короля Дании уже не мыслились иначе как олицетворение природных явлений: три синих льва обозначали три пролива, разделявшие датские земли.

В дальнейшем, со второй половины XVII в., в Дании вошло в обычай при создании нового герба использовать знаки, которые символизировали не только место рождения, но и профессиональную деятельность владельца герба. Мирские воззрения на гербовые эмблемы, таким образом, полностью восторжествовали. И это тем примечательнее, что речь идет уже об эпохе рационализма, когда европейская культура твердо встала на путь решительного разрыва духовной связи с христианским миросозерцанием. Примером создания герба на началах чисто мирских, не христианских служит многочастный герб датского писателя Л. Хольберга, который был пожалован ему при возведении в баронское достоинство. Помимо гласной эмблемы (гора), заключенной в щитке, в гербе видим еще две фигуры, изображенные в главном четверочастном щите: норвежскую сосну (занимает первое и четвертое поле) – знак того, что Хольберг родился в Норвегии, и лиру Аполлона (второе и третье поле) – символ его писательской деятельности (цв. илл. 52). Замечательно, что названные фигуры явились плодом измышлений самого

Хольберга[57]. Припомнив же, что эмблема архиепископа Биргера Гуннерсена также была обязана своим происхождением умозаключениям ее владельца, можно утверждать, что в Новое время на датской почве прочно утвердился обычай, согласно которому новые гербовые эмблемы создавались при участии их будущих носителей.

С учетом пожеланий или при прямом участии их владельцев новые гербы измышлялись и в XX в., являя в эмблемах печать обмирщенного сознания эпохи, даже если это сознание порой стремилось представиться христианским. Например, в 1959 г. руководитель здравоохранения Дании И. Франдсен был пожалован Большим крестом ордена Даннеброга, вследствие чего его герб должен был быть вывешен в орденской капелле в церкви замка Фредериксборг. Поскольку И. Франдсен не имел герба, то, как и в других подобных случаях, для него был создан герб, причем с учетом его пожеланий. Эти пожелания сводились к тому, чтобы в гербовой эмблеме проиллюстрировать "жизнь в медицинской службе на христианских началах" (*et liv i medicinens tjeneste på kristen baggrund*). В результате была создана гербовая эмблема, состоявшая из абстрактного образа сельской церкви в виде ступенчатой фигуры, внутри которой представал петух. Образ церкви указывал не только на исповедание И. Франдсеном христианских заповедей, но также на то, что он родился в деревне. Петух же символизировал профессиональную деятельность медицинского работника. Его образ был позаимствован из греко-римской Античности, где он служил символом бога врачевания Асклепия (Эскулапа)[58]. Следовательно, в одной гербовой эмблеме оказались рядом символы христианский и языческий, что явилось отражением того смешения понятий и верований, которое наблюдается в сознании европейского человека с эпохи позднего Средневековья. Итогом этого мировоззренческого хаоса, стало то, что считающие себя христианами восприняли образы и символы, понятия и учения, культы и обряды, в основании которых лежали языческие верования. И если обычным делом стало, что объявляющий себя верующим во Христа отдает поклон вечному огню или возжигает олимпийский огонь, то нет ничего удивительного и в том, что в геральдике символы христианские смешались с символами чисто светскими или имеющими языческое происхождение.

В Дании Нового времени, как уже отмечалось, предпринимались попытки символически истолковать средневековые эмблемы, коих смысл был к тому времени утерян. Особенно большой интерес в этой связи вызывали эмблемы, включавшиеся в многочастный королевский герб. Например, дракон, который с XIV в. являлся гербом герцога Лолланнского, с 1440-х годов иллюстрировал имя Славян (Вендов) в титуле короля Дании. При отсутствии прямых указаний в источниках XV в. неизвестно, чем было вызвано такое отождествление. Но в Новое время верили, что это произошло по причине язычества славян на момент подчинения их власти короля Дании, ибо дракон

[57] *Брандес Г.* Еще о Людвиге Гольберге // Брандес Г. Собр. соч. СПб., 1896. С. 431; *Krag H.* Om Ludvig Holbergs segl og våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 10–15; *Feldbæk O.* Nærhed og adskillelse 1720–1814. Kbh., 1998. (Danmark–Norge 1380–1814. Bd. IV). S. 110 (гравированный портрет Л. Хольберга с его баронским гербом).

[58] [*Achen*] *S.T.* Et nyt borgerligt Våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 37.

(змий) в христианском понимании, опиравшемся на тексты Священного Писания, служил олицетворением темных, злых сил, противостоявших христианству[59].

Начиная с XVI в. и вплоть до наших дней не оставляются попытки найти объяснение тому, что собой обозначали три льва, бывшие главными фигурами герба королей Дании. Но все эти суждения, лишенные сколько-нибудь прочной опоры в свидетельствах источников XII–XIII вв., могут восприниматься лишь как домыслы или, в лучшем случае, гипотезы, авторы которых, сообразно собственному умонастроению, вдохновлялись романтическими, религиозными или политическими идеями. В трех синих львах усматривали символ трех проливов – Эресунна, Большого и Малого Бельта, – разделявших датские земли (по свидетельству XVI в.), или соотносили их число со Святой Троицей. Вспоминали и о средневековом восприятии образа льва как символа Воскресения и о том, что лев при этом часто изображался с тремя львятами. Не забывали, конечно, и о древнем истолковании образа льва как символа власти, и в связи с этим пытались доказать, что короли Дании приняли герб со львами, чтобы тем самым наглядно выразить свою политическую независимость от Священной Римской империи[60].

Давно, однако, подмечено, что на конец XII и первую четверть XIII в. приходится время, когда гербы, заключавшие в себе трех львов, наряду с королем Дании Кнутом VI (ок. 1194 г.) стали носить и другие западноевропейские государи. Это были король Англии Ричард I (ок. 1195 г.) и герцог Швабии Филипп Штауфен (ок. 1197–1198 гг.)[61]. И что именно символизировали эмблемы этих государей, тоже неизвестно. Например, в Англии в позднее Средневековье существовало мнение, что три льва в гербе английских королей появились вследствие объединения двух гербов – Нормандии (два льва) и Аквитании (один лев). Но этого мнения не разделял составитель английского "Трактата о гербах" XV в.[62] Стало быть, в Англии, равно как и в Дании, на исходе Средних веков существовали только догадки или, скорее, домыслы относительно изначального смысла, с которым в конце XII в. могла быть создана эмблема "три льва"

Поскольку эту эмблему приблизительно в одно время приняло несколько западноевропейских государей, то поначалу она, вероятно, являлась типической, т.е. выражала одну идею. Однако во второй половине XIII в. гербы с тремя львами превратились в родовые, которые могли носить королевские братья и сыновья, обладавшие различным политическим и семейным статусом. Это свидетельствовало о том, что идея эмблемы "три льва", возникно

---

59 *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 152; *Bartholdy N.G.* Rigsvåben // Den Store Danske Encyklopædi. Kbh., 1996. Bd. 4. S. 454–455.

60 *Thiset A.* Nogle Bemærkninger om dansk Heraldik i Fortid og Nutid // ANOH. 1902. R. 2, bd. 17 S. 27; *Humphery-Smith C.* Hvorfor tre leoparder? // Herald. Tidsskr. 1982. N 46. S. 261–264, *Bartholdy N.G.* Valdemarernes løvevåben: Hovedtræk af en Teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 21–30.

61 *Gönner E.* Das Wappen de Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang. XXVI. 1967 Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahre. Struttgart, 1967 S. 43.

62 Tractatus de armis // Medieval Heraldry. P. 209–210.

вение которой обусловливалось культурно историческими причинами конца XII в., к середине XIII в. уже была предана забвению. Следовательно, открывалась возможность для новых истолкований гербов с тремя львами, что мы и наблюдаем в позднее Средневековье и на заре Нового времени.

Та же судьба в отношении смыслового содержания не могла не постигнуть производные гербы. Как уже отмечалось, с XIII в. на датской почве таких гербов было создано немалое число. Уже сами обстоятельства появления производных гербов свидетельствовали о том, что идея, поначалу ими выражавшаяся, могла находить объяснение только при их сравнении с гербами, которым они были обязаны своим происхождением, и при понимании того, какие личные и общественные отношения символизировались обоими гербами. Излишне говорить, что в силу различных причин со временем такие сравнения и истолкования переставали производиться, в результате чего герб, смысловое содержание которого становилось понятным в его связи с гербом-донором, в сознании его носителя утрачивал свою первоначальную идею. Говоря об этой идее, нельзя также не отметить, что она была лишена религиозно-символического содержания, каковым могли наполняться гербовые эмблемы в Средние века. Другими словами, уже в высокое Средневековье в эти эмблемы мог вкладываться разный смысл, отражавший как религиозные, так и общественно-политические настроения эпохи. Но в любом случае гербы являлись символическими эмблемами, правильное истолкование которым были способны дать только их носители. А это истолкование со временем могло претерпевать изменения. Более того, как мы видели на примере герба Гавейна, в Средние века один и тот же знак в одно и то же время мог заключать самые разные значения, что обусловливалось характером средневекового миросозерцания, искавшего и находившего в явлениях символы духовных понятий.

Насколько можно заключить по памятникам средневековой письменности, в Средние века среди владельцаев гербов не было принято раскрывать смысловое содержание их эмблем. Объяснение тому, вероятно, следует искать в умонастроении средневекового человека, в его мистическом отношении к тем знакам, которые в виде красок и фигур отражали его духовно-душевные переживания. На герб переносились свойства его владельца, поэтому для последнего раскрыть содержание эмблемы означало раскрыть и свою душу, чего не принято было делать публично, поскольку в этом поступке была бы усмотрена гордыня, да и самая душа предстала бы незащищенной от злых сил. Из мистического воззрения на гербовые эмблемы, надо полагать, и развился обычай не указывать в грамоте на пожалование дворянских прав и герба того, что обозначали конкретные его элементы. Данный обычай, правда, уже утратив свою духовную основу, соблюдался в Дании и в Новое время, вплоть до середины XIX в., когда прекратилась выдача гербовых патентов. Исключением явилось только постановление конца XVII в. о гербах графов Даннескьольд, потомков побочных сыновей королей Дании Фредерика III и Кристиана V Но и в этом постановлении раскрывалось смысловое содержание лишь "шифров", которые обозначали имена упомянутых королей. Иначе стало обстоять дело в новейшую эпоху. Теперь, как правило, при публикации в печати вновь созданного герба не только дается описание гербовой эмблемы, но и раскрывается та идея, которая предопределила

характер иконографии герба. Это неписаное правило касается как эмблем отдельных лиц, что мы уже наблюдали на примере герба И. Франдсена, так и эмблем территориально административных единиц Датского королевства, большая часть которых была создана именно в XX столетии.

Итак, можно заключить, что в Дании понятия о гербовом щите с его эмблемой в целом находились в непосредственной зависимости от тех перемен, которые с течением времени происходили в умонастроении датчан. А поскольку это умонастроение развивалось в тесной связи с изменением миросозерцания всего западноевропейского культурно-исторического мира, то следствием такого развития становились многие общие черты, которые обнаруживаются в образности и смысловом содержании датского гербового щита, его фигуральных и цветовых знаков при сравнении с подобными явлениями в геральдике других стран Западной Европы. История гербового щита представляла собой путь от типического образа боевого щита, изображение которого обусловливалось понятиями романского и готического искусства, к живописному и пластическому произведению художественных стилей Нового времени. Смысл щитовых знаков претерпевал изменения на почве господства и затем разложения религиозно-символического умозрения высокого и позднего Средневековья и, в конце концов, секулярного мировоззрения в последующие эпохи.

Глава вторая

ШЛЕМ

Выше мы уже видели[1], что на средневековых печатях, которые принадлежали королям Дании и некоторым знатным датчанам, вместо щита с гербом мог представляться рыцарский шлем (лат. *galea*, дат. *hjelm*), с изображенными на нем знаками. Из ныне известных датских печатей с такого рода иконографией самая древняя, сохранившаяся при документе 1251 г.[2], принадлежала вельможе Педеру Финнсену (илл. 204). Что касается королевских "шлемовых" печатей, то они употреблялись королями Эриком VI (ок. 1308–1314 гг.), Кристофером II (1320–1330 гг.) (илл. 54), Вальдемаром III (1326–1328 гг.) и Вальдемаром IV (1343–1355 гг.)[3] (илл. 205).

Читая легенды этих печатей, нетрудно, однако, заметить, что только на тех из них, которые принадлежали королям Дании и герцогам Ютландским, присутствует слово "шлем" и указывается имя владельца изображенного шлема. Тем самым, вероятно, отмечалось особое символическое значение шлема владетельной особы как носителя власти. Иначе говоря, на королевской и герцогской печати шлем, несущий отличительные знаки, выступал в той же роли символа государя и его государства, что и гербовый щит.

Шлем с королевскими знаками (рога с четырьмя павлиньими перьями) как единственная эмблема представлен также на печати Кристофера, младшего брата короля Эрика VI. Но легенда этой печати, употреблявшейся в 1293 г., не содержит слова "galea". Она лишь сообщает о принадлежности печати "Кристофору, сыну короля датчан Эрика" ([S'] KRISTOFORI ERICI REGIS DA[NORUM] FILII). Очевидно, что в данном случае присутствие образа королевского шлема на печати датского королевича объяснялось стремлением последнего посредством отцовского символа указать на свой статус сына короля Дании. Когда же Кристофер вступил на престол (1320 г.), он продолжил использовать печать с изображением королевского шлема, но это была новая печать, на которой находим слово "galea" и указание, что "шлем" принадлежал самому Кристоферу как королю Дании (GALEA CRISTOFORI DEI GRA[CIA] DANOR[UM] SCLAVOR[UM] Q[VE] REGIS)[4].

---

[1] См. с. 118–120.

[2] DAS. N 13.

[3] DKS. N 23 b, 30 b, 32 b, 40.

[4] Ibid. N 28, 30 b.

Стало быть, можно предполагать, что к концу XIII в. на датской почве пустило корни представление о королевском шлеме как о знаке, который мог использоваться в качестве символа родственных отношений в королевской семье.

Но и на печатях знатных датчан, даже при отсутствии на них слова "шлем", изображались шлемы. Подобно королевскому шлему, они снабжены знаками, которые характеризуются индивидуальными художественными свойствами, а потому, можно догадываться, эти шлемы наравне с гербовыми щитами рыцарей выступали в роли личных символов владельцев печатей.

Илл. 204. Печать Педера Финсена. 1251 г.

Илл. 205. Печать короля Вальдемара IV, 1343–1355 гг

Что в XIII столетии на западноевропейской почве мало-помалу установилась традиция смотреть на рыцарский шлем, украшенный эмблемой, как на личный или лично-наследственный знак, свидетельствует, например, иконография печати графа Альберта Орламюндского (илл. 165), бывшего некоторое время (в 1223–1224 гг.) правителем Дании. На одной стороне этой печати видим конного рыцаря, держащего щит и знамя с двумя львами, – образ графа, на другой изображены графский меч, знамя и перевернутый щит, на острие которого надет шлем, несущий одного льва. Очевидно, что через данную иконографию не только типически объективируется принадлежность графа Альберта к *ordo militum*, но и характеризуется его личность как конкретного представителя духовно-общественной индивидуальности, именуемой "чином рыцарей" Типичность выражается в образе рыцаря и отдельных предметах рыцарского вооружения, конкретность – в личностных знаках, переданных на щите, знамени и шлеме. Таким образом, шлем с его знаком здесь является конкретно-типической эмблемой, которая символизирует не просто рыцаря, но рыцаря Альберта Орламюндского.

Другое свидетельство того, что в Дании XIII в. стала укореняться мысль об украшенном знаками шлеме как символе конкретного лица, обнаруживается на фреске последней трети XIII в., сохранившейся в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря. На ней видим короля, держащего щит с тремя львами, над которым, по центру, изображен обращенный прямо шлем с рогами, украшенными четырьмя павлиньими перьями (цв. илл. 5). Шлем именно с такими знаками изображался на печатях датских королей.

Схожее положение по отношению друг к другу щиты и шлемы занимают и на печати (1301 г.) Риксы[5], дочери короля Дании Эрика V (1259–1286) и жены князя Славии Николая Верлейского (илл. 98). Здесь видим изображенную в полный рост женскую фигуру, представлявшую образ самой княгини, которая держит на ладонях правой и левой руки по шлему. Под этими шлемами, на небольшом расстоянии, переданы щиты: один из них, расположенный под правой рукой, заключает герб верлейско-мекленбургских князей (голова буйвола), а второй, находящийся под шлемом, украшенным двумя рогами с несколькими павлиньими перьями, – герб датских королей. Шлем с такими же знаками изображен на упоминавшихся выше печатях королей Эрика VI и Кристофера II, братьев княгини Риксы. Однако на королевских печатях шлемы показаны без гербовых щитов, и, напротив, на тех печатях королей Эрика VI и Кристофера II, на которых изображен их гербовый щит, последний предстает без шлема. Без гербового щита представлен шлем с четырьмя павлиньими перьями и на печати короля Вальдемара III (1326–1328 гг.).

И только на иноземном памятнике, а именно "Люнебургской столешнице", созданной около 1328 г., обнаруживается древнейшее изображение, представляющее композицию из щита и шлема короля Дании. Также и в Цюрихском гербовнике, создание которого датируется приблизительно 1340 г., находим поверх гербового щита короля Дании шлем, украшенный, правда, не павлиньими перьями, а образом льва[6] (цв. илл. 51). Наконец, тем же временем датируется появление печати сына Кристофера II, юнкера, позднее короля Вальдемара IV Аттердага (1340–1375)[7] (илл. 101), на которой щит и шлем короля Дании расположены таким же образом, как и на "Люнебургской столешнице". Эта печать употреблялась Вальдемаром с начала 1340 г., когда он еще жил изгнанником в Германии. Следовательно, она была изготовлена вне пределов Дании, и можно предполагать, что ее иконография создавалась по иноземному образцу.

После 1340 г. в Дании и за ее пределами продолжали создаваться изображения, которые представляли шлем и щит короля Дании как одно композиционное целое. Такие изображения, датируемые второй половиной XIV в., переданы в стенной росписи церкви св. Петра Нестведского монастыря (ок. 1375 г.)[8] (цв. илл. 2), на гербовом фризе Сорёского монастыря и в Гельдернском гербовнике (цв. илл. 33).

Таким образом, среди датских государей Вальдемар Аттердаг был первым, кто утвердил традицию использования королевского рыцарского шлема с его знаками в качестве элемента композиции из щита и шлема короля Дании. Правда, традиция приводить в связь щит и шлем короля Дании, поддержанная позднее претендентом на датский престол Альбрехтом Мекленбургским, о чем свидетельствует иконография одной из его печатей,

---

[5] Ibid. N 27.

[6] Die Wappenrolle von Zürich / Hrsg. von F. Hegi und W. Merz. Zürich; Leipzig, 1930. Pergamentstreifen I. Vorderseite 2. Hälfte N 8.

[7] DKS. N 36.

[8] *Kornerup J.* Valdemar Atterdags og Dronning Helvigs Billeder i Næstveds St. Peders Kirke // ANOH. 1893. S. 191–206; *Fischer Jonge I.* Valdemar Atterdag og hans dronning // Danske kalkmalerier: Gotik, 1375–1475. Kbh., 1986. S. 60–61. Впрочем, в первую половину своего правления король Вальдемар IV использовал также печати с изображением только шлема.

употреблявшейся в 1387 г.[9] (илл. 102), и королем Эриком Померанским, как можно заключить по гербовому фризу в Кронборге (1420-е годы), на датской почве просуществовала не более ста лет. Со времени Кристофера Баварского (1440–1448) шлем как элемент королевского герба, согласно показаниям датских источников, уже не выставлялся. Однако за пределами Дании герб ее короля вплоть до XVI в. по-прежнему мог изображаться в виде композиции из щита и шлема, как, например, в гербовнике Конрада Грюненберга (1483 г.) (илл. 39). Такие художественные композиции, созданные вне Дании, в представлениях иностранцев долгое время сохраняли значение символов короля Дании. Примером служит изображение приведенного в связь гербового оружия Вальдемара Аттердага в Гельдернском гербовнике (ок. 1375 г.). Сопровожденное текстом "die coninc van denmarke" ("король Дании"), оно до середины XV в. символизировало правящего датского государя, на что указывает присутствие рядом с этим гербом изображений гербов советников короля Кристофера Баварского – Альбрехта Мохера (или Морера) и Кристофера Парсберга (цв. илл. 33).

Впрочем, в конце XVII в. поднимался вопрос о возвращении шлема в число элементов королевского герба, как можно судить по рисункам шлемов короля, кронпринца и принцев Дании, которые около 1693 г. сделал придворный художник Герман фон Гам. Но в регламенте, изданном 25 апреля 1693 г., которым утверждались ранговые шлемы и короны (илл. 206), изображения и описания трех названных шлемов отсутствовали, и в гербах королей, кронпринцев и принцев впоследствии они не обнаруживаются[10].

Почти одновременно с королями Дании обычай приводить в связь свой гербовый щит со своим рыцарским шлемом мало-помалу усвоили и герцоги Ютландские (Шлезвигские). Об этом свидетельствует иконография печатей герцогов Герхарда I (1326–1327 гг.)[11] (илл. 168) и Вальдемара V (1332, 1346–1350 гг.)[12] (илл. 207). Но, в отличие от королевских гербов, обычай изображать гербовый щит вместе с гербовым шлемом у герцогов Шлезвигских продолжал сохраняться и во время правления Ольденбургского дома (с 1460 г.).

То, что в первой половине – середине XIV в. данный обычай только начинал находить признание у герцогов Шлезвигских, видно из способа, посредством которого первоначально шлем приводился в связь с гербовым щитом. И на упомянутой печати Герхарда I, и на печати Вальдемара V 1332 г. над левым верхним углом наклоненного в правую сторону щита шлем удерживается двумя руками. На печати 1358 г.[13] супруги Вальдемара V, герцогини Риксы, над щитами ее мужа и отца их шлемы держит на ладонях изображенная в полный рост женская фигура (илл. 116). И только на печати Вальдемара V (1346–1350 гг.) шлем соприкасается с левым верхним углом наклоненного щита уже без какой-либо посторонней поддержки.

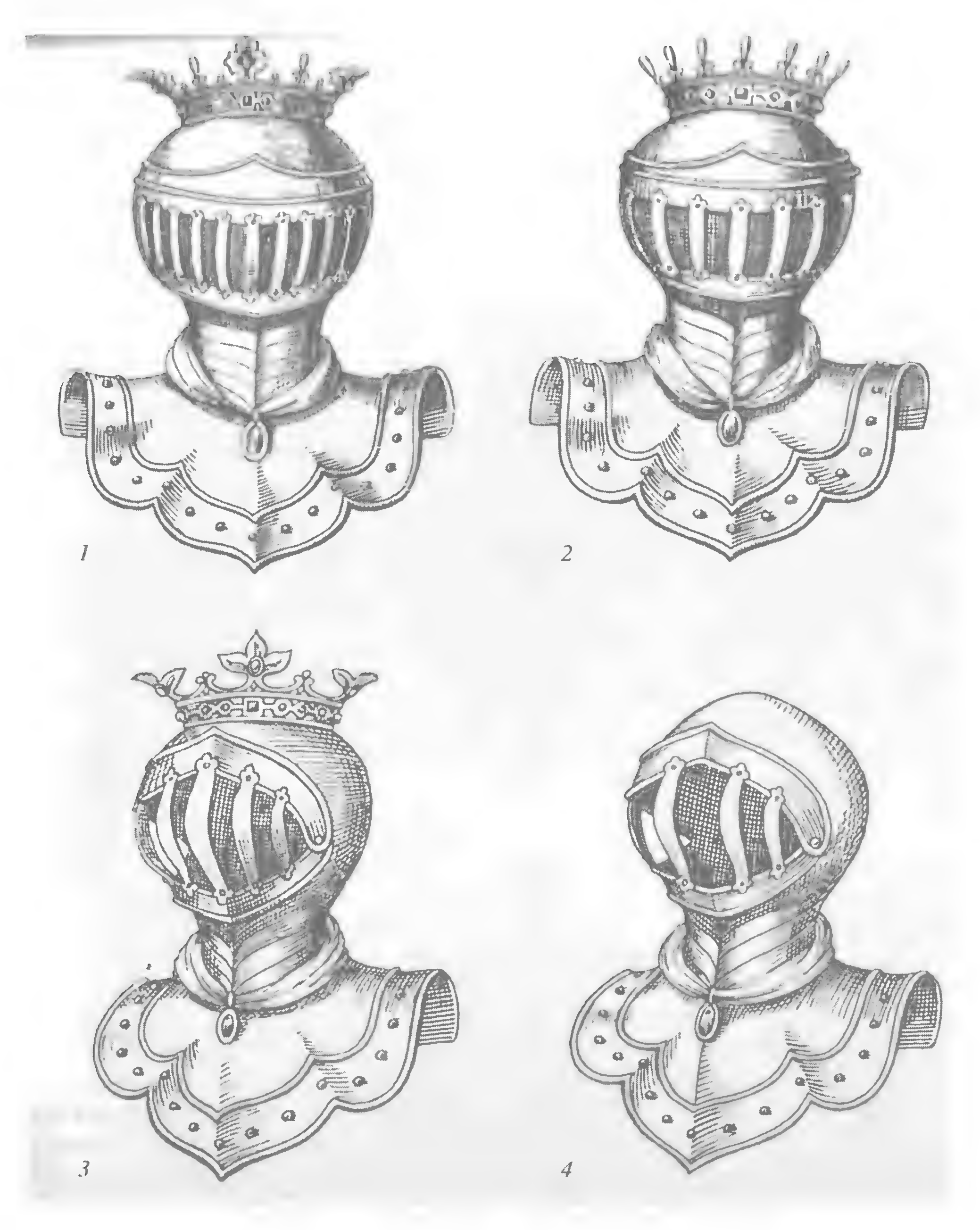
[9] *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh. 1980. SK. N. 4.; DKS. N 52

[10] *Bartholdy N.G.* Rangkroner og- hjelme unden den ældre enevælde // Herald. Tidsskr. 1980. N 46. S. 17–19.

[11] DKS. N 143 a.

[12] Ibid. N 137, 140.

[13] Ibid. N 141.

Илл. 206. Шлемы, утвержденные регламентом 1693 г.: 1 – графов, 2 – баронов, 3 – дворян 4 – королевских служащих, приравненных по правам к дворянам

В XIV в. обычай изображать вместе гербовый щит и рыцарский шлем укореняется также у датских рыцарей и вебнеров. Самый ранний пример подобной композиции представлен на печати рыцаря Кристиана Тюгесена Пеца (Pez), употреблявшейся в 1310 г.[14] Рыцарские шлемы могли также исполнять роль дополнительных элементов городского герба, но только, насколько можем заключить по известиям источников, вследствие особой королевской милости. Впервые такой случай в Дании имел место в 1437 г., когда король Эрик Померанский за верность пожаловал общине города Мальмё щит с рыцарским шлемом[15] (илл. 57). Другой подобный случай датируется уже XVII столетием. В 1661 г. сразу три шлема были добавлены в копенгагенский герб. При этом в щите по-прежнему оставалась одна эмблема (три башни), которая никак не соотносилась с нашлемниками: красными знаменами с белым крестом на двух крайних шлемах и короной на центральном шлеме (илл. 75). Три шлема в копенгагенский герб были добавлены по воле короля Фредерика III, который таким образом пожелал отличить воинскую доблесть копенгагенцев, проявленную ими во время обороны датской столицы от осаждавшего ее шведского войска.

Илл. 207. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1332 г.

Но если за верную службу бюргерской общины в ее герб могли быть внесены рыцарские шлемы, то что могло помешать возникновению обычая за такую же службу жаловать эти “геральдические” знаки и отдельным бюргерам, хотя бы изустно (документальных свидетельств на этот счет не имеется), без возведения в дворянское достоинство. Действительно, появление эмблем датских бюргеров с рыцарскими шлемами приходится на середину XVII в., отмеченную двумя датско-шведскими войнами (1643–1645, 1657–1660), которые велись в основном на территории Дании. Возможно, именно во время войны 1643–1645 гг. или вскоре после нее и возник в Дании обычай дополнять эмблемы именитых бюргеров, руководителей городских общин, рыцарскими шлемами как символическими знаками воинской доблести. То, что такой отличительный знак мог быть пожалован королем бюргеру, косвенно подтверждается тем, что в середине – второй половине XVII в. эмблемы далеко не всех именитых датских горожан изображались со шлемами. Так, например, акты с текстом присяги наследника датского престола Кристиана (1655 г.) были скреплены печатями 29 копенгагенцев, из которых 17 имели щиты со шлемами, 2 – только щиты, а 10 – знаки без щитов и шлемов[16].

[14] DAS. N 92.

[15] *Trætteberg H.* Stadsvåpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 20.

[16] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 312.

Из приведенных фактов можно сделать вывод, что с XV в. рыцарский шлем в Дании стал рассматриваться не только в качестве символа дворянского звания, но и такого "геральдического" знака, посредством которого указывалось на ратные заслуги общественной индивидуальности, не имевшей дворянских прав. К таким индивидуальностям принадлежали и городские общины, и отдельные их представители. Это новое представление о рыцарском шлеме утвердилось в позднее Средневековье вследствие закрепления за ним значения отвлеченного символического знака, что видно, в частности, из описаний гербов, пожалованных в XV–XVII вв.

Рыцарские шлемы могли включаться в гербы и лиц духовного звания, происходивших из дворянских родов, а также, с конца XV в., дополнять эмблемы тех прелатов, которые по рождению не были дворянами. Свидетельства тому обнаруживаются на печатях и надгробиях, датируемых концом XIV – серединой XVI в. Их находим, например, на печатях каноника Роскиллеского Нильса Якобсена Лунге (1394 г.), епископа Оденсеского Теца Подебуска (1397 г.) и архиепископа Лундского Биргера Гуннерсена (ум. 1519) (цв. илл. 3) на надгробиях архиепископов Лундских Йенса Брострупа (ум. 1497) и упомянутого Биргера Гуннерсена в кафедральном соборе Лунда, епископов: Роскиллеских Педера Йенсена Лодехата (ум. 1416) и Нильса Скаве (ум. 1500) в кафедральном соборе Роскилле, Орхусских Йенса Иверсена Ланге (ум. 1482) в кафедральном соборе Орхуса и Ове Билле (ум. 1555) в монастыре Анторсков, Бёрглюмского Стюгге Крумпена (ум. 1551) в Мариагере[17]. На двух упомянутых надгробиях архиепископов Лундских шлемы представлены с надетыми на них епископскими митрами. Митры могли изображаться над щитами и без шлемов, о чем свидетельствуют гербы епископов на гербовом фризе в Кронборге (1420-е годы). Также на надгробной плите аббата Сорёского монастыря Хенрика Кристиернсена (Торнекранс) (ум. 1538) присутствует его родовой герб, заключенный в щит, приведенный в связь с аббатской митрой[18].

Что же касается причины, в конце XIV в. вызвавшей к жизни обычай изображать гербовые щиты прелатов церкви вместе с рыцарскими шлемами – элементом снаряжения воина, то ее, по-видимому, следует искать в том, что к тому времени под гербом стали понимать композицию из щита и шлема с их эмблемами. Поскольку многие датские прелаты происходили из дворянских родов или во всяком случае по своему статусу приравнивались к дворянам (например, упомянутые выше архиепископы Лундские), то и гербы их постепенно вошло в обыкновение изображать со шлемами.

Первый тип шлема, который в XIII–XIV вв. использовался в Западной Европе, включая Данию, в качестве непременного предмета рыцарского снаряжения и одновременно как элемент герба, у датских гербоведов принято называть "tøndehjelm" (нем. *Topfhelm* или *Kubelhelm*)[19]. Своей формой он

[17] Ibid. S. 174–175; *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Bd. I. N I, IV Planchebind. Tavle. 6, 8, 15, 31, 37.

[18] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 25.

[19] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 166.

напоминает перевернутый горшок или кадку, откуда и произошло название: кадочный или горшковидный шлем. В таких шлемах датские рыцари, например, предстают во время битвы при Борнхёведе (1227 г.) на одной из миниатюр во “Всемирной саксонской хронике” (третья четверть XIII в.) (илл. 37). Этот же шлем, но уже со значением “геральдического” знака, вместе с гербовым щитом или без него, представлен на печатях датчан, живших в XIII–XIV вв., на фреске в церкви св. Петра Нестведского монастыря (конец XIII в.) (цв. илл. 2), на надгробии семейства Иоганна Мольтке (середина XIV в.) (илл. 24), а также в Гельдернском гербовнике (около 1375 г.) (цв. илл. 33). В течение всей своей истории, продлившейся до конца XIV в., кадочный шлем являлся элементом только дворянского, княжеского и королевского герба, т.е. герба исключительно тех лиц, которые имели право становиться рыцарями. Значит этот тип “геральдического” шлема имел своим прототипом тогда же существовавший боевой рыцарский шлем. То, что боевой кадочный шлем являлся одновременно и “геральдическим” шлемом, находит свое подтверждение в иконографии печатей герцога Ютландского Вальдемара V. На двух из них, 1325 и 1336–1354 гг.[20] (илл. 52), изображен конный рыцарь, чья голова покрыта таким же по своим внешним характеристикам шлемом, который обнаруживается на печатях герцога, употреблявшихся в 1330–1360-х годах[21] (илл. 208). На последней печати шлем представлен без гербового щита. Тот же шлем приведен в связь со щитом на печатях герцога Вальдемара V, восходящих к 1332 (илл. 207) и 1346–1350 гг.[22]

Илл. 208. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1340–1360 гг.

Как свидетельствуют изображения гербов на печатях, в стенной росписи церкви св. Петра Нестведского монастыря и в Гельдернском гербовнике, кадочный шлем принято было помещать как в положении анфас, так и в профиль. При этом он всегда предстает над верхним правым или левым углом щита, который изображен наклоненным соответственно вправо или влево.

Вместе с тем следует иметь в виду, что “геральдический” кадочный шлем представлял собой художественное произведение. Поэтому он не был буквальной копией, а лишь подобием своего боевого прообраза и представал на памятниках искусства с его типическими качествами. На художественность “геральдического” кадочного шлема указывает то, что он снабжался знаками, которые при изображении его в повернутом виде сохраняли такое же положение, как если бы они находились на шлеме, обращенном прямо. Это явление наблюдаем, например, на печати герцога Ют

Илл. 209. Надгробие Корфица Рённова и его жены Биргитты Флемминг. Престёская церковь, конец XV в.

ландского Вальдемара V 1330 г., на которой изображен только шлем, повернутый вправо, и на его же печати 1336–1354 гг. с конным рыцарем (илл. 52).

В первые годы царствования короля Эрика Померанского в Дании, как и в других странах Западной Европы, начал употребляться тип боевого и произошедшего от него "геральдического" шлема, который известен под названием "stikhjelm" (нем. *Stechhelm*)[23]. Спереди он имел некоторое удлинение, либо закругленное, либо заостренное, откуда и получил свое наименование – "копьевый"[24]. Изображения этого типа шлема, получившего в Дании распространение в XV в., можно увидеть в дворянских грамотах Нильса Нильсёна (1433 г.) (илл. 199) и Педера Хансена (1476)[25], а также на надгробии Корфица Рённова (ум. 1494) и его жены Биргитты Флемминг в Престёской (Praestø) церкви[26] (илл. 209). Такой же шлем представлен и в гербе города Мальмё, утвержденном в 1437 г. Эриком Померанским (илл. 57). Следовательно, в отличие от кадочного, копьевый шлем уже рассматривался в качестве такого знака, который, как выше отмечалось, по особой монаршей милости мог отличать гербы не только дворян, но и городских общин, выказавших преданность государю.

С выходом из употребления к началу XVI в. боевого копьевого шлема подошел к концу и вековой период господства в датской геральдике его "геральдического" образа. Однако впоследствии, уже в XIX–XX вв., дабы отличать гербы дворян от гербов лиц, не имевших дворянских корней, копьевый шлем стал рассматриваться в Дании в качестве "бюргерского", хотя его можно было встретить и в гербах лиц, принадлежавших к дворянским семьям.

Подобно кадочному, копьевый шлем в XV в. помещался над одним из верхних углов наклоненного щита. Однако в XIX–XX вв. в бюргерских гер-

[23] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 167.

[24] *Арсеньев Ю.В.* Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997. С. 232–233.

[25] *Tønnesen A.* Lavadelens brug af bomærker // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6 juni 1990. Odense, 1990. S. 147.

[26] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 2.

бах чаще всего он изображался в центре над поверхностью прямостоящего щита, повернутым вправо или обращенным прямо.

Что же касается имен, которыми обыкновенно называются два рассмотренных типа гербовых шлемов, "кадочный" и "копьевый", то в датских описаниях гербов XIII–XVII вв. они не встречаются. Как технические термины они утвердились в датской геральдике только в XIX в.

На исходе Средневековья в Дании начинает употребляться и третий тип боевого и "геральдического шлема", за которым к XX в. в датской геральдической литературе закрепилось имя "дугового, или решетчатого, шлема" (*trallehjelm*, нем. *Spangenhelm*). Впрочем, с таким шлемом представлен герб рыцаря Отто Нильсена из рода Росенкранц (ок. 1395–1477) еще в Гельдернском гербовнике. Однако этот памятник – иностранный, и представленный в нем шлем датского рыцаря, по всей видимости, явился следствием тех представлений о "геральдическом" шлеме, которые существовали в Гельдерне или вообще в Нидерландах, но отнюдь не в Дании. Действительно, датские источники (дворянские грамоты, печати, надгробия) XV – начала XVI в. свидетельствуют о том, что в Дании в качестве "геральдического" шлема изображался шлем копьевый. И только к концу 1520-х годов в гербах датчан решетчатый шлем постепенно занял место копьевого.

По сравнению с двумя предыдущими типами рыцарских шлемов, решетчатый шлем имел более широкий обзор для глаз благодаря наличию решетки, состоявшей из узких дуг (*traller*). Поэтому его стали называть "открытым шлемом" (*aaben hjelm*). К XVII в. это выражение вошло в обыкновение помещать в дворянских грамотах, как, например, в грамоте, выданной Йоргену Рейквейну в 1655 г.: "det aabne Hjelm"[27]. Несколько позже, около 1670 г. вместо этого выражения в дворянских патентах стало указываться другое "открытый, дворянский турнирный шлем" (*en aaben, adelig Tourneerhjelm*), которое затем использовалось до середины XIX в., когда в Дании прекратилась выдача грамот на дворянство. В эту формулу иногда могли включаться дополнительные слова. Так, в патенте Ф.Э. Спехана (1670 г.) говорится об "открытом, дворянском, позолоченном (*forgyldt*) турнирном шлеме", а в патенте М. Мота (1679 г.) сказано об "открытом, дворянском, коронованном (*kronet*) турнирном шлеме"[28]. В дворянских грамотах Х. Воскама (1701 г.) и П. Весселя Торденскьольда (1716 г.) находим выражение "открытый, дворянский турнирный шлем" (*en aaben Adelige Tourneer Hielm*)[29].

К середине XVII в. решетчатый шлем уже успел стать элементом гербов некоторых городов, например, Копенгагена, и был представлен в эмблемах многих бюргеров. Отсюда заключаем, что поначалу, приблизительно до 1670 г., ему не придавалось значения исключительно дворянского знака. И после XVII в. решетчатый шлем нередко присутствовал в бюргерских эмблемах, а также в гербах лиц, по своему служебному чину приравнивавшихся к дворянам. В Новейшее время датскими гербоведами этот тип шлема продолжает рассматриваться в качестве "дворянского", и поэтому его не

---

[27] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 317.
[28] Ibid. S. 328, 333.
[29] *Achen S.T.* Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 312; *Bjerg H.Chr.* Et Ukendt Tordenskioldsegl // Ibid. 1964. N 10. S. 432.

дят из дворянских родов.

Первоначально, до конца XVII в., число дуг на "геральдическом" шлеме в грамотах никак не оговаривалось и при его изображении могло колебаться от трех до одиннадцати. Так, на далере 1522 г.[30] герцога Шлезвига и Гольштейна Фридриха I над гербовым щитом этого государя изображен по центру и в положении анфас шлем с семью дугами (илл. 108). Но в первой половине XVII в. три шлема в гербе герцогов Шлезвига и Гольштейна представали с большим количеством дуг: один, центральный, с одиннадцатью, а два других с десятью дугами.

Гербовые шлемы дворян тоже разнились числом дуг. На надгробных плитах Отто (ум. 1525) и Хенрика (ум. 1537) из рода Росенкранц представлены повернутые шлемы, в забрале которых – пять дуг[31]. Однако на стеле, воздвигнутой в 1566 г. в память о Стене Росенспарре (ум. 1565) и его супруге Метте Росенкранц, повернутый шлем над гербовым щитом рода Росенкранц показан с семью дугами, а шлемы, занимающие такое же положение над гербовыми щитами родов Росенспарре и Билле, изображены соответственно с пятью и шестью дугами[32] (илл. 193). С четырьмя же дугами предстают повернутые шлемы, но теперь уже расположенные над щитами по центру, в гербах датских дворянских родов, в том числе рода Росенкранц, изображенных в гербовнике Хермана Бильке (XVII в.) (цв. илл. 21). Но на надгробной плите Маргреты Сковгорд (начало XVII в.) повернутые гербовые шлемы содержат только три дуги (цв. илл. 18). В то же время в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря от конца XVI – XVII в. сохранились изображения гербов, в которых шлемы, переданные анфас, имеют семь дуг. Эти гербы принадлежали земским судьям Зеландии, между которыми обнаруживаем как представителей датских аристократических родов, так и особ без дворянских корней.

Из приведенных примеров видно, что на количество дуг в решетчатом шлеме мог оказывать влияние способ расположения шлема над поверхностью щита: в положении анфас в шлеме насчитывалось обыкновенно больше дуг, нежели когда он представал несколько обращенным в ту или иную сторону. Иными словами, если шлем оказывался повернутым, то он представал только с видимыми дугами. Однако не следует спешить с выводом, что с самого момента появления решетчатого шлема в качестве элемента герба уже существовало обыкновение изображать его в повернутом положении именно с видимым числом дуг. Усомниться в этом заставляет характер изображений нашлемников, которые обнаруживаем на повернутых решетчатых шлемах в гербах, предстающих в произведениях искусства XVI–XVII столетий. Эмблемы на шлемах в указанных гербах, что было характерно уже и для нашлемников кадочного и копьевого шлемов, всегда имеют тот вид, в каком они пребывали бы и в том случае, если бы шлемы находились в положении анфас. Тем самым нельзя исключать, что забрало решетчатого шлема тоже могло изображаться полностью, вследствие чего количество

---

30 *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. Fig. 88.

31 *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 27, 38.

32 Ibid. Tavle 59.

видимых дуг на повернутом шлеме могло и в самом деле равняться тому числу дуг, которые имел идеальный прообраз "геральдического" шлема. А том, что решетчатый шлем уже с того момента, как стал элементом герба, подобно кадочному и копьевому, получил в геральдике значение типического отвлеченного знака, сомневаться не приходится. В пользу признания за решетчатым шлемом такого значения говорит и то, что на надгробных памятниках первой половины – середины XVI в. датские вельможи предстают с рыцарским шлемом (всегда с открытым забралом), который не украшен какими-либо эмблемами, тогда как изображенные на тех же памятниках гербовые шлемы таковые имеют.

Следовательно, можно утверждать, что долгое время в датской геральдике не придавалось принципиального значения числу дуг в решетчатом шлеме, независимо от того, в гербе какого лица, отпрыска дворянского рода или по рождению простолюдина, он присутствовал.

Значение количеству дуг в забрале шлема попытались придать только в царствование короля Кристиана V (1670–1699), посредством королевских постановлений. Тогда задумали различать число дуг для шлемов в гербах графов, баронов и нетитулованных дворян. Эта идея не была только плодом влияния геральдических обычаев других стран, в первую очередь Франции. Она, несомненно, прежде всего явилась результатом того умонастроения, которое определяло духовную жизнь всей Западной Европы второй половины XVII и XVIII в., умонастроения, которое исходило из принципов рационализма. В искусстве эти принципы нашли выражение в эстетике классицизма, предполагавшей типизацию характеров и иерархию жанров, в политической теории и практике они отлились в форму абсолютистского государства с бюрократией, организованной на началах иерархии чинов, "табели о рангах". На тех же началах, под влиянием отмеченных духовных причин, в правление короля Кристиана V было по-новому организовано и дворянское сословие Дании, что выразилось в учреждении графских и баронских титулов и даровании дворянских прав королевским служащим – выходцам главным образом из сословия бюргеров. Дворянство, таким образом, разделилось иерархически на группы, которые следовало различать и по внешним признакам. Щит с эмблемой не позволял подчеркнуть такие признаки, поэтому возникла мысль использовать характерные знаки на шлеме, который тем самым превращался в "шлем ранга" (*ranghjelm*), и, как ниже увидим, различные типы корон. Конечно, идея о введении ранговых шлемов и корон возникла за пределами Дании, но духовная почва для ее восприятия датчанами была уже подготовлена, чем и объясняется учреждение этих элементов герба датским королем.

Сначала королевским постановлением ранговые шлемы были установлены для графов и баронов. В привилегиях, дарованных королем Кристианом V 25 мая 1671 г.[33], было сказано, что шлемы в графских и баронских гербах, "в отличие от шлемов других дворян" должны иметь соответственно одиннадцать и семь дуг. Однако это правило в дальнейшем не всегда соблюдалось, как можно заключить из текста патентов на получение графского

[33] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 11.

достоинства Брокдорф Алефельдтом и баронского достоинства Бликсен-Финеке. В патенте первого говорится о девяти дугах, второго – о пяти[34]. Затем, согласно постановлению от 11 февраля 1679 г., был введен особый шлем с четырьмя дугами для гербов королевских чиновников недворянского происхождения. Существование этих трех типов ранговых шлемов было подтверждено королевским регламентом от 25 апреля 1693 г.[35], которым учреждался также дворянский шлем с пятью дугами (илл. 206). Но это правило впоследствии часто нарушалось. В гербах дворян, не обладавших титулами графов и баронов, встречаются решетчатые шлемы и с пятью, и с шестью дугами. Шлемы с шестью дугами, например, представлены в гербах представителей старой датской аристократии, Таге Тотта (1705 г.) и Отто Краббе (1709 г.), изображенных в официальном памятнике – гербовых книгах орденов Слона и Даннеброга[36].

В XVI–XVII столетиях в Дании, как и в других странах Западной Европы, вошло в обыкновение изображать на шейной части решетчатых шлемов цепочку с маленьким медальоном. За этим украшением, которое, возможно, имело значение отличительного знака турнирных обществ или личной чести рыцаря, в датской геральдике, вслед за немецкой, закрепилось название "шейного клейнода" (*halsklenodie*, нем. *Halskleinod*)[37]. Но в описании датских гербов, в том числе в текстах дворянских и гербовых грамот, этот знак не называется.

Решетчатый шлем в гербах XV–XVI вв. чаще всего изображался обращенным вправо или влево, над одним из верхних углов наклоненного щита различной конфигурации, о чем свидетельствуют изображения герба Отто Нильсена в Гельдернском гербовнике и гербы на надгробных плитах. Во второй половине XVI в. пускает корни обычай, ставший господствующим в XVII в., согласно которому решетчатый шлем размещался над центральной частью поверхности вертикально расположенного щита. При этом он мог находиться не только в повернутом положении, как, например, на надгробной стеле Маргреты Сковгорд или в гербовнике Хермана Бильке (цв. илл. 18, 21), но и обращенным прямо, о чем свидетельствуют гербы на портрете адмирала Педера Скрама (1571 г.) (илл. 21) и гравюре с портретом Кристена Фрииса (1630-е годы) (илл. 31). Согласно указу 1671 г. и резолюции 1693 г., в положении анфас шлем должен был изображаться только в гербах графов и баронов. Однако и это правило в дальнейшем далеко не всегда соблюдалось. В гербовых книгах капеллы орденов Слона и Даннеброга, составленных в конце XVII – XX в., можно увидеть над гербовыми щитами решетчатый шлем, обращенный как прямо, так и вправо[38].

Шлемы и митры в гербах духовных особ занимали по отношению к щиту то же положение, что и шлемы в гербах светских лиц. Чаще всего они изображались в профиль над верхним правым или левым углом наклоненного

[34] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 168.
[35] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 13, 18–19.
[36] *Bartholdy N.G.* Tilblivelsen af våbenerne for riddere af Dannebrog i det 17. og begyndelsen af det 18. århundrede // Herald. Tidsskr. 1973. N 27. S. 321.
[37] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 169; *Арсеньев Ю.В.* Указ. соч. С. 234.
[38] *Bartholdy N.G.* Tilblivelsen af våbenerne for riddere af Dannebrog... S. 317–323.

щита. В положении анфас предстают шлемы с надетыми на них митрами на надгробиях двух архиепископов Лундских – Йенса Брострупа и Биргера Гуннерсена. При этом щит первого наклонен вправо, соответственно и шлем помещен над левым верхним углом, а щит второго изображен в вертикальном положении со шлемом, который занимает срединное место над этим щитом.

Судя по сохранившимся изображениям XIV–XV вв., датские гербы этого времени включали только один шлем. Начиная с XVI столетия, вероятно, под влиянием обычаев немецкой геральдики, получает развитие традиция изображать составные гербы датчан также с двумя или несколькими шлемами.

Как свидетельствуют источники, обычай приводить в связь гербовый щит более чем с одним шлемом первыми в Дании усвоили герцоги Шлезвига и Гольштейна из Ольденбургской династии в лице герцога Кристиана III, ставшего позже королем Дании (Кристиан III). На его печати 1533 г.[39] изображен многочастный щит герцогов Шлезвига и Гольштейна, снабженный не одним шлемом, как было раньше, например, в гербе на печати того же герцога, употреблявшейся в 1529 г.[40], а тремя шлемами. Эти шлемы своими знаками указывали на три эмблемы в составном гербе герцога: Норвегии, Шлезвига и Гольштейна[41]. Таким образом, можно утверждать, что именно около 1533 г. установилась традиция использования трех шлемов в качестве дополнительных элементов герба герцогов Шлезвига и Гольштейна, а вместе с тем и вообще датских гербов.

О том, что три шлема при Кристиане III[42] и его ближайших потомках окончательно приобрели значение такого рода элементов, свидетельствуют не только гербы герцогов Шлезвига и Гольштейна, правивших в XVI–XVII столетиях. Известно, что герб этих герцогов, вместе с титулом графов и графинь Шлезвига и Гольштейна, король Кристиан IV дозволил носить своим детям, которых он имел в морганатическом браке с датской аристократкой Кирстиной Мунк. Судя по изображению на саркофаге графа Фредерика Кристиана (1625–1627) в кафедральном соборе Роскилле и на других памятниках XVII в., в гербах этих королевских отпрысков присутствовали три шлема с теми же знаками, что и в гербах герцогов[43].

Вслед за герцогами Шлезвига и Гольштейна со второй половины XVI в. два и более шлема в свои гербы начали включать и подданные Датского королевства. Одно из самых ранних изображений герба с двумя шлемами находится в Роскиллеском кафедральном соборе на надгробной плите Андерса Барбю (ум. 1559), лютеранского соборного пробста в Роскилле и одновременно епископа Любекского, занимавшего должность канцлера короля Кристиана III. На этой надгробной плите, установленной около 1570 г., представлен четверочастный щит, заключающий (в первом и четвертом полях) герб епископства Любекского и (во втором и третьем полях) прыгающего единорога – эмблему самого епископа Андерса. Поверх щита изображены анфас

---

[39] DKS. N 118.

[40] Ibid. N 117.

[41] Об истории герба герцогов Шлезвига и Гольштейна см. с. 235–237.

[42] Став королем Дании, Кристиан III еще несколько раз в 1536 г. употреблял печать с гербом герцогов Шлезвига и Гольштейна, в котором присутствует лишь один шлем (DKS. N 119).

[43] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel mod oldenborgernes kongelige linie: Kirstine Munks og hendes børns titel og våbenføring // Slægter. Skjolde. Steder. S. 155–165.

епископства, а левый короной и щитовой эмблемой Барбю[44].

Первый дворянский герб более чем с одним шлемом, пожалованный по грамоте, принадлежал Ганнибалу Сехестеду. Этот герб даровал король Фредерик III в 1662 г.[45] Примером дворянских гербов с четырьмя шлемами служат изготовленные из дерева около середины XVII в. четверочастные гербы супругов Йоргена Браге (1585–1661) и Анны Гюлленстьерне (1595–1677) (илл. 121). По сравнению с четверочастным щитом Андерса Барбю, гербовые щиты этой аристократической четы заключают не две, а четыре эмблемы. Этим и объясняется присутствие в их гербах четырех шлемов. И в случае с гербом епископа Андерса, и в случае с гербами Й. Браге и А. Гюлленстьерне, каждой эмблеме щита соответствовал определенный шлем с эмблемой.

Однако этот обычай в датской геральдике не всегда мог соблюдаться, примером чего служит составной герб герцогов Шлезвига и Гольштейна. В этом гербе, на момент, когда он стал украшаться тремя шлемами, присутствовало уже пять эмблем: Норвегии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна и Ольденбурга. Тем не менее, судя по составу знаков нашлемников, две последние эмблемы не были представлены шлемами. То же самое случилось с эмблемами Дитмаршена и Дельменхорста, когда они во второй половине XVI в. стали изображаться в составном гербе герцогов Шлезвига и Гольштейна. Причину несоответствия числа земских эмблем в щите числу шлемов над этим щитом, по-видимому, следует искать в том, что не все земли, чьи гербы были представлены в гербе герцогов, имели статус самостоятельных владений или таких владений, которые находились под властью этих герцогов. Действительно, Стурмарн издревле считался владением графов (герцогов) Гольштейна, и на власть в Дитмаршене претендовали герцоги Гольштейна и Шлезвига. Ольденбург и подвластное ему со старых времен графство Дельменхорст имели собственных государей, и их эмблемы в гербе правителей Шлезвига и Гольштейна указывали только на то, что эти правители происходили из династии ольденбургских графов. Что же касается Норвегии, то герцоги Шлезвига и Гольштейна, подобно всем другим представителям королевской династии Дании из Ольденбургского дома, считались ее наследными принцами, что и давало им право на ношение эмблемы Норвежского королевства и шлема, украшенного знаками той же эмблемы. Поэтому со стороны королей Дании, до 1814 г. бывших одновременно и королями Норвегии, в XVI–XVIII вв. не выдвигалось протестов по поводу использования герцогами Шлезвига и Гольштейна норвежской эмблемы в щите и ее знаков в качестве нашлемника.

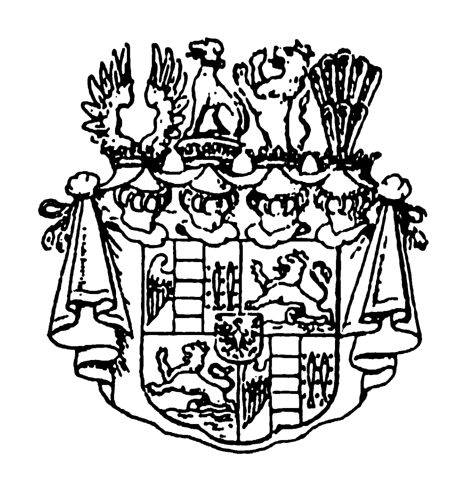
После учреждения в 1671 г. королем Кристианом V графского и баронского титулов в гербах графов и баронов стало принятым изображать более одной эмблемы: в гербах графов не менее трех, а баронов не менее двух. Следствием такого обыкновения явилось то, что возросло и число шлемов

---

[44] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Bd. II. S. 101; Planchebind. Tavle 101.

[45] *Bartholdy N.G.* En heraldisk trussel... S. 164.

при составных графских и баронских гербовых щитах. В то же время, как и в гербе герцогов Шлезвига и Гольштейна, могли обнаруживаться несоответствия между числом эмблем щита и числом шлемов. Так, например, при наличии трех эмблем три шлема представлены в гербах графов Гриффенфельдт (1673 г.) (илл. 113) и Мольтке аф Брегентвед (1750 г.) и два шлема – в гербе барона Л. Хольберга (1747 г.) (цв. илл. 52). В гербе графа Алефельдта аф Лангеланн (ок. 1677 г.) находим четыре щитовых эмблемы и четыре шлема (илл. 210); в гербах баронов Линненборг (1764 г.) и Марселисборг (1772 г.) – две эмблемы и два шлема; графа Краг-Юель-Винд-Фрииса (XIX в.) – шесть эмблем и три шлема[46] (илл. 123); графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле (XIX в.) – четыре эмблемы и три шлема; барона Шак-Брокдорфа аф Скееленборг (1691 г.) – четыре эмблемы и один шлем[47], а барона Лёвендаль (1682 г.) – две эмблемы и три шлема[48]. В гербах нетитулованных дворян с конца XVII в. чаще всего по-прежнему встречаем один шлем, если щит заключал одну эмблему. Однако если такой дворянин имел фамилию, состоявшую из двух родовых имен (например, Бек-Фриис, Шак Ратлоу), то его герб, соответственно обычно двойной, мог быть украшен двумя шлемами. Впрочем, число изображенных на щите родовых гербов не всегда соответствовало числу шлемов. Об этом свидетельствуют гербы рода Хольстен-Ратлоу, в котором имелся только шлем с эмблемой рода Хольстен, и герб Гревенкоп-Кастенскьольдов, включавший лишь шлем с эмблемой рода Гревенкоп[49].

Илл. 210. Герб графа Фредерика Алефельдта аф Лангеланн, около 1677 г.

Причина, вызвавшая в конце XVII в. появление гербов, в которых число щитовых эмблем не соотносилось с числом гербовых шлемов, стала следствием установившегося тогда в Дании воззрения на шлем как на необязательный элемент герба титулованного дворянина. Это видно из того, что гербы некоторых датских графов и баронов в гербовых грамотах изображались и описывались без шлемов. Примером здесь мог послужить королевский герб, который к тому времени давно уже не предполагал наличие шлема. Чаще всего исключались шлемы дворян, родословная которых не уходила в рыцарские времена, когда "геральдический" шлем являлся образом боевого шлема. Так, в составном гербе графа Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса аф Фриисенборг (1867 г.), а именно в среднем и сердцевом щитах, представлены

---

[46] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. S. 388, 392–395, 398–400.

[47] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 12.

[48] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 159–160.

[49] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 172–173.

эмблемы четырех дворянских родов; из их имен и образовалась фамилия графа. Между этими родами самым незнатным был род Краг, и как раз гербовый шлем этого рода отсутствует в графском гербе. Но в гербе графа Могенса присутствует и герб собственно графства Фриисенборг, состоящий из двух эмблем, заключенных в главном щите: одна в первом и четвертом, а вторая во втором и третьем поле. Этот герб тоже не имеет своего шлема в гербе графа. Последнее обстоятельство объясняется тем, что гербы датских графств, какими они предстают в гербовых грамотах, как правило, снабжались не шлемами, а лишь только графскими коронами (илл. 123). К тому же, говоря о гербе графства Фриисенборг, нельзя не отметить, что первый владетель этого графства, Могенс Фриис, свой графский герб (1671 г.), состоявший из герба упомянутого графства (главный щит) и герба рода Фриис (сердцевой щит), также носил без шлема (илл. 112).

Но если герб графства изображался со шлемом, то и в составном гербе его владетеля тоже находился этот шлем. Так, например, в гербе графа Фредерика Алефельдта аф Лангеланн (ок. 1677 г.) (илл. 210), был представлен шлем его графства Лангеланн (знак – восстающий лев). Однако в гербе одного из потомков графа Фредерика, носившего титул графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле (1883 г.), при наличии в щите эмблемы графства Лангеланн шлем этого графства отсутствует (цв. илл. 4). Напротив, в этом же гербе обнаруживаем шлем (знак – сидящий лев, держащий знамена), который указывает на эмблему графства Лаурвиген, присутствующую в щите, хотя на сохранившемся изображении герба того же графства (1671 г.) над щитом видим только корону. Найти объяснение такому расхождению в знаках, впрочем, не составляет большого труда. Дело в том, что в гербе первых владетелей графства Лаурвиген – графов Даннескьольд-Лаурвиген – изначально, с конца XVII в., над короной, венчавшей гербовый щит, изображался такой же знак (илл. 187), который представал в роли нашлемника в гербе графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле. В первой половине XVIII столетия в гербе графов Даннескьольд-Лаурвиген он стал изображаться уже и на шлеме. Именно этот шлем в конце XVIII в. был перенесен вместе со щитовой эмблемой графства Лаурвиген в герб графов Алефельдт-Лаурвиген, ставших наследниками Даннескьольдов, а затем, в XIX в., от этих графов те же щитовая эмблема и шлем с его нашлемником перешли в герб их наследника графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле[50].

Со второй половины XVII в. число шлемов более одного встречаем не только в гербах титулованных и нетитулованных дворян. Выше мы видели, что три шлема по воле короля Фредерика III стали украшать герб Копенгагена. Кроме городского герба, число шлемов более одного обнаруживается в гербах графства Ледреборг (1746 г.) (три) и в гербах баронств Хольберг, Линненборг и Марселисборг (два). Но эти четыре герба соответствовали личным гербам графа и баронов[51].

Обыкновенно считается, что самая мысль о размещении над гербовым щитом двух и более шлемов была обязана своим зарождением непосредственно появлению составных гербов. Соединение двух или нескольких гербов

[50] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener... S. 159–160.
[51] *Holstein H.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber. S. 388–390, 398.

в пространстве одного щита якобы должно было сопровождаться и предста влением их шлемов над тем же щитом. Однако есть основание усомниться в правоте этого умозаключения, ибо составные гербы получили распростра нение уже в XIII–XV вв., а снабжаться двумя или большим количеством шле мов они стали только в первые десятилетия XVI столетия. В самом деле, со ставной герб короля Эрика Померанского, изображенный на Кронборгском фризе (1420-е годы), а также гербы герцогов Шлезвига и Гольштейна на пе чатях (1514–1529 гг.)[52] и далере (1522 г.) Фридриха I (илл. 108) и печатях Кри стиана III (1529 и 1536 гг.) предстают только с одним шлемом.

Но если не идея составного герба способствовала приведению в связь щитов с двумя или несколькими шлемами, то тогда где следует искать ис токи этого обычая? И ответ на этот вопрос может быть найден в том воз зрении, какое к XVI в. мало-помалу установилось относительно рыцарско го шлема как элемента герба. Вспомним, что в XIV–XV вв. внешний вид "геральдического" шлема претерпевал изменения вслед за теми перемена ми, которые происходили в качествах рыцарского шлема. Происходило это вследствие того, что шлем, приводившийся в связь со щитом, был ти пическим образом того шлема, который этот рыцарь использовал в каче стве предмета своего воинского снаряжения. В самом деле, на печатях ко ролей Дании, датируемых XIV в., изображение шлема сопровождалось ле гендой, которой указывалось на принадлежность этого шлема владельцу печати. Но вот в первой половине XVI в. эпоха рыцарства как военной си лы отходит в прошлое, а вместе с тем теряют свое значение предметы рыцарского снаряжения, и в первую очередь шлем. Теперь рыцаря в дос пехах можно было увидеть на рыцарских турнирах, устраивавшихся по по воду разного рода торжеств. Впрочем, и эти турниры тоже постепенно приобретали характер костюмированных действ, лишенных уже той пра ктической пользы, какую они имели ранее. Но близилось то время, когда рыцарские ристалища, оставив по себе память кровавыми, порой смер тельными ранами знатных поединщиков, торжественным чествованием победителей и красочностью декораций, также должны были отойти в об ласть преданий. Во Франции последний турнир, ознаменовавшийся смер тельным ранением короля Генриха II, состоялся в 1559 г.; в том же году, по случаю коронации короля Фредерика II, последний рыцарский турнир был проведен и в Дании.

При таких обстоятельствах одновременно с угасанием рыцарства как во енной силы рыцарский шлем в гербах начинает обретать значение такого отвлеченного знака, который теряет связь с боевым шлемом. Утратив же связь со шлемом рыцаря, "геральдический" шлем окончательно превратил ся в абстрактное художественное изображение. Иными словами, если в XIII – начале XVI в., когда гербовый "геральдический" шлем мыслился в ка честве образа воинского шлема, подразумевалось, что в герб рыцаря должен включаться только один шлем, то с прекращением употребления рыцарско го шлема и с превращением гербового шлема в отвлеченный знак развилась мысль об изображении в гербе двух или нескольких шлемов. Таким образом, с гербовым шлемом произошла та же история, что и с гербовым щитом,

[52] DKS. N 107, 109.

который с исчезновением из повседневной жизни его боевого прообраза, также в XVI столетии превратился в исключительно условный "геральдический" знак.

В то же время к XVII столетию в датской геральдике, которая следовала здесь за геральдикой немецкой и французской, устанавливается неписаное правило о местоположении над щитом шлемов, когда их насчитывалось два и более. Если шлемов было два, то они обычно изображались несколько повернутыми друг к другу, чего, впрочем, не наблюдаем в гербе барона Л. Хольберга (1747 г.), в котором оба шлема предстают обращенными прямо (цв. илл. 52). При наличии трех шлемов над гербовым щитом тот, который занимал среднее положение, изображался анфас или (редко) повернутым направо, а два крайних обычно обращались в его сторону. Что же касается четырех шлемов, то, как правило, два из них, расположенные ближе к левому краю щита, поворачивались несколько вправо, а два других – соответственно влево. Наконец, в случае с пятью шлемами, гербов с которыми датская геральдика почти не знает, четыре крайних изображались обращенными попарно (соответственно справа и слева) в сторону центрального шлема, помещенного анфас.

Уже при возникновении обычая помещать над щитом более одного шлема, по-видимому, зародилась мысль отличать шлемы по месту их расположения над поверхностью щита. Эта мысль, несомненно, возникла под влиянием правила, которое служило основанием при распределении эмблем по полям в составном гербе: статус владения или место носителя эмблемы на родословной лестнице влияли на местоположение эмблемы. "Геральдически" правой стороне или двум верхним полям в пространстве щита изначально отдавалось первенство "чести" Та же идея нашла отражение и при размещении шлемов над щитом епископа Андерса Барбю, чей герб был снабжен двумя шлемами. Правый шлем в этом гербе предстает с эмблемой епископства Любекского, которой, как эмблеме владения, в щите отведено самое почетное, первое (и четвертое) поле, тогда как левый шлем украшен личной эмблемой епископа Андерса, которая и в щите находится во втором (и третьем) поле. Порядок размещения шлемов явился здесь следствием порядка размещения в щите соответствующих этим шлемам эмблем.

Но еще раньше в Дании появился герб с тремя шлемами. В этом гербе, принадлежавшем герцогам Шлезвига и Гольштейна, с момента появления его на печати герцога Кристиана III около 1533 г., при определении местоположения шлемов тоже, несомненно, был учтен статус на иерархической лестнице тех владений, которые эти шлемы символизировали. Среднее место было отдано шлему с эмблемой королевства Норвегии – первостепенного государства, правое от него – шлему с эмблемой, которая указывала на герцогство Шлезвигское, а левое – шлему с эмблемой младшего по статусу герцогства Гольштейна. Такой порядок исчисления шлемов подтверждается порядком расположения гербов означенных владений в щите. Первое поле в нем отдано гербу Норвегии, второе – Шлезвига, а третье – Гольштейна. Следовательно, при наличии трех шлемов над гербовым щитом их описание следует начинать с того шлема, который расположен по центру, затем переходить к правому и заканчивать левым. Таким образом, в XVI в. утвердился обычай, по которому место, занимаемое центральным шлемом, считалось самым почетным.

Порядок расположения эмблем в щите оказал прямое влияние и на поря док размещения над щитом четырех шлемов, о чем можно судить по дворян ским четвеpочастным гербам, которые стали создаваться в Дании на рубеж XVI–XVII вв., в частности, по гербу Карен Билле (1642–1671). В щите этого герба представлены эмблемы четырех родов: в первом поле находится эмб лема рода Билле, во втором – Росенкранц, в третьем – Баннер, в четвертом Гюлленстьерне. Расположение шлемов, если перечислять их справа налево казалось бы, вступает в противоречие с местоположением соответствующи им эмблем щита: первым изображен шлем рода Баннер, вторым Билле третьим – Росенкранц и четвертым – Гюлленстьерне (илл. 122). Однако уж в случае с тремя шлемами следовало начинать исчисление со среднего. При держиваясь этого правила, обнаружим, что шлем рода Билле, чья эмблем занимает первое поле в щите, является одним из двух центральных шлемов Но по отношению ко второму центральному шлему, который указывает н род Росенкранц, он занимает правую сторону, а значит, ему и следует отдат первенство "чести" В свою очередь шлем рода Росенкранц следует по по рядку вторым и потому, что он расположен тоже по центру, и на том осно вании, что в щите эмблема этого рода помещена во второе поле. Остают éще два крайних шлема, на которые дóлжно обращать внимание в третью четвертую очередь. При этом третьим мы должны будем описать крайни правый, а именно шлем рода Баннер, ибо он на правой стороне, а эмблем этого рода в щите пребывает в третьем поле.

Таким образом, уже с XVI в. в Дании существовало неписаное правило согласно которому при наличии над гербовым щитом двух шлемов "знатнеи шим" по местоположению следовало считать тот шлем, который находилс геральдически справа (отметим это местоположение римской цифрой I). Ес ли же шлемов насчитывалось больше – три или четыре, то порядок их рас положения, в соответствии с порядком расположения соответствующих и щитовых эмблем, чаще всего представал в такой последовательност II–I–III, III–I–II–IV. Наконец, при наличии в гербе пяти шлемов в Дании дл обозначения их иерархии предусматривался следующий порядок размещ ния: IV–II–I–III–V. Смысл этого порядка, несомненно, заключался в том чтобы особо выделить шлем первой щитовой эмблемы, после чего вступал в силу правило о первенстве "чести" правой стороны по отношению к левой

Однако и это неписаное правило не всегда соблюдалось, что видно н примере герба графов Билле-Браге. В их гербе насчитывается три шлема принадлежавших соответственно родам Билле (II), Рабен (I) и Браге (III), и которых самым знатным был род Билле, а самым незнатным род Рабен чей шлем тем не менее занимает центральное положение. Согласно же пра вилу порядок расположения шлемов по степени знатности указанных ро дов должен был бы выглядеть следующим образом: II (Браге)-I (Билле) II (Рабен)[53].

Изображения датских гербов, датируемые XIII–XVI вв., которые вклю чали бы цветные изображения шлемов, почти не сохранились, да и те, чт уцелели, а это преимущественно фрески, не всегда передают свой первона чальный цвет. Исключение составляют разве что шлемы, украшающие ко

[53] *Grandjean P B.* Dansk Heraldik. S. 169–171.

ролевский и дворянские гербы в Гельдерском гербовнике; они имеют золотую окраску (цв. илл. 33). В том же цвете предстает большинство шлемов над щитами на надгробной плите Маргреты Сковгорд (начало XVII в.) (цв. илл. 18). Но на последнем памятнике мы видим также изображения четырех гербов с серебряными шлемами, которые в дальнейшем как раз и получили наибольшее распространение в датской геральдике. При этом с XVII в. дуги такого рода шлемов обычно окрашивались в золотой цвет. Золотые шлемы с конца XVII в. тоже встречаются в датских гербах и описываются в патентах, но, как правило, эти гербы принадлежали аристократическим титулованным родам, например графам Алефельдт аф Лангеланн[54].

В современной датской геральдике по-прежнему сохраняется деление гербовых шлемов на три типа. Впрочем, это деление не всегда соблюдалось в XX в., как оно не всегда соблюдалось в более отдаленном прошлом. В новейшую эпоху можно встретить изображения гербов бюргерских родов, элементом которых являются решетчатые шлемы, похожие на открытые решетчатые шлемы дворянских гербов. В свою очередь некоторые представители древних дворянских родов, питаемые романтическими представлениями о Средних веках, в XIX–XX вв. стали представлять свой гербовый щит вместо решетчатого шлема с закрытым шлемом, но не копьевым, а кадочным, с каковым гербы их родов изображались еще в XIV столетии. Тем самым они желали не только восстановить древнее изображение одного из элементов своих гербов, но, очевидно, и указать на древность своих родов. Таким образом, в XIX–XX вв., как и в случае с разными типами щитов, в датской геральдике могли одновременно создаваться изображения всех известных исторических гербовых шлемов. Искать объяснение этому явлению следует в умонастроении европейцев XIX–XX вв., а именно в очевидной утрате ими того типа мировоззрения, которое в прежние эпохи предопределяло стилевое единство творчества в различных областях культурной жизни.

---

[54] Ibid. S. 170.

Глава третья

ШЛЕМОВЫЕ ЗНАКИ

Обычай носить шлемы с разнообразными изображениями и знаками у германских, в частности скандинавских, народов возник в языческие времена. Эти шлемовые эмблемы, имевшие, вероятно, религиозно-символическое значение, представали обычно в образе животных (свинья, ворон) или в виде рогов, о чем сообщают античные писатели и исландские саги и что подтверждают памятники, обнаруженные в ходе археологических раскопок на территории Дании. Нельзя не вспомнить в связи с этим о двух увенчанных рогами бронзовых шлемах, которые были найдены в 1942 г. при торфоразработках в местечке Вексё Мосе (Veksø Mose) на острове Зеландия. Время их создания датируется 1000–500 гг. до Р.Х.[1]

Из свидетельств источников следует, что традиция ношения рогатых шлемов у скандинавских воинов сохранялась и после эпохи викингов, в конце XI – XII в. Но и тогда, как и в более ранние времена, рога еще не воспринимались в качестве личных знаков, а были типическими элементами шлема.

Впрочем, в XII столетии, когда в Скандинавии все сильнее давало о себе знать культурное влияние западно-христианского мира, в том числе в области рыцарского снаряжения, обычай носить боевые шлемы, увенчанные рогами, вероятно, исчез. К такому выводу приходим, рассматривая изображения воинов на скандинавских памятниках церковного искусства, датируемых XII – первой половиной XIII в.: на фресках и барельефах, восходящих к этому времени, воины, пешие и конные, предстают со шлемами, на которых не замечаем каких-либо знаков. Подобную же картину наблюдаем на королевских и княжеских печатях той поры, например на печатях графа Фландрии Карла Доброго (1119–1122 гг.)[2] (илл. 46), сына датского короля Кнута IV Святого, шведского ярла Биргера Броса (1180–1202 гг.)[3] и короля Вальдемара II (1204 г.)[4] (илл. 47). Причем конные рыцари, представленные на печатях

---

[1] Эти шлемы хранятся в Национальном музее Дании (*Jensen J.* Danmarks oldtid. Kbh., 1993. S. 75).

[2] DKS. N 2–3.

[3] См.: *Bengtsson H.* Den höviska kulturen Norden: En konsthistorisk undersökning. Stockholm, 1999. S. 127.

[4] DKS. N 6.

этих лиц, имеют такие же шлемы, что и воины, изображенные на церковных памятниках.

Что же касается обычая украшать личными знаками рыцарские шлемы, то, как свидетельствуют источники, время его зарождения в Западной Европе относится к концу XII – первой половине XIII столетия[5].

В XIII в. традиция украшать шлемы отличительными знаками утверждается и в Дании. Так, на печатях графа Альберта Орламюндского (1220-е годы) (илл. 165), племянника и ближайшего советника короля Вальдемара II, и датского вельможи Педера Финнсена (1251 г.) (илл. 204) обнаруживаем самые ранние свидетельства о "геральдических" шлемах, употреблявшихся датчанами. От последней трети XIII в. сохранился и древнейший памятник (фреска в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря), который содержит изображения королевских шлемов, украшенных знаками (цв. илл. 5). Вплоть до 1420-х годов, каковым временем датируется последнее датское известие о присутствии шлема над гербовым щитом королей Дании, этими знаками являлись два рога.

Письменные источники XIII–XIV вв. не содержат сообщений о том, как назывались шлемовые знаки королей Дании. Можно, однако, предположить, что ее обозначали термином "wesene horn" (или "vesselhorn") – "рога буйвола" Во всяком случае, в XV в. (и позже) именно этот термин, по свидетельству дворянских грамот, использовался для наименования такого рода рогов. До 1360-х годов рога королевского шлема изображались обычно загнутыми по направлению друг к другу, что наблюдаем на фреске в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря и на печатях королей Эрика VI, Кристофера II, Вальдемара III и Вальдемара Аттердага. Однако в правление последнего форма рогов была изменена: на фреске в церкви св. Петра в Нестведском монастыре (ок. 1375 г.) (цв. илл. 2), в Гельдернском гербовнике (ок. 1375 г.) (цв. илл. 33) и в гербе короля Эрика Померанского на Кронборгском фризе (1420-е годы) они изображены устремленными вверх.

Какой была первоначальная окраска рогов на королевском шлеме, доподлинно неизвестно. Однако можно с уверенностью предполагать, основываясь на иконографии королевских "шлемовых" печатей, употреблявшихся до середины XIV в., что эта эмблема была одноцветной. На фреске в церкви Рингстедского монастыря рога золотые, но нельзя ручаться, что этот цвет не был придан им в результате поновлений позднейшего времени. Во второй половине XIV в., по свидетельству Гельдернского гербовника, рога королевского шлема могли окрашиваться в цвета горностаевого меха. Следы подобной расцветки замечаем и на одном из рогов герба Эрика Померанского на Кронборгском фризе. Впрочем, в обоих случаях горностаевый мех выступал в роли покрывала рогов будучи частью общего покрывала, или намета, шлема.

Другим непременным элементом шлемовой эмблемы королей Дании с XIII в. являлись четыре павлиньих пера, прикреплявшиеся к рогам. В таком виде эта эмблема представлена на фресках, уцелевших в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря (цв. илл. 5) и в замке Кронборг, на печатях Эрика VI, Кристофера II, Вальдемара III и Вальдемара Аттердага, а также на "Люнебургской столешнице" и в Гельдернском гербовнике. Кроме того, в

[5] *Trætteberg H.* Hjelmtegn // KLNM. 1961. Bd. VI. S. 608–609.

Гельдернском гербовнике помимо рогов и павлиньих перьев, в качестве шлемового знака представлено знамя в виде красного полотнища с белым крестом. В то время это знамя являлось символом короля Дании, что, вероятно, и побудило гельдернского герольда изобразить его на шлеме датского государя.

Говоря о шлемовых эмблемах в гербе королей Дании, нельзя обойти молчанием и те нашлемники, которые присутствуют в гербе короля Дании в двух иностранных гербовниках: Цюрихском (ок. 1340 г.) (цв. илл. 51) и Конрада Грюненберга (1483 г.) (илл. 39). В первом обнаруживаем над гербовым щитом короля Дании шлем с синим львом, чья голова, увенчанная золотой короной, повернута к зрителю. Во втором на шлеме тоже изображен обращенным прямо сидящий на задних лапах, с поднятым к верху хвостом увенчанный короной лев. Но эти шлемовые эмблемы, источником для создания которых, очевидно, послужили знаки королевского гербового щита (три льва, увенчанные коронами), не встречаются в качестве шлемовых эмблем в датских источниках, а потому, вероятнее всего, должны рассматриваться как плод измышлений иноземных составителей гербовников. Не располагая точными сведениями о характере эмблемы шлема короля Дании, иностранные знатоки геральдического искусства решили, что этим нашлемником, по обычаю, утвердившемуся в европейской геральдике к XIV столетию, могла быть фигура, представленная в гербовом щите датского государя, а именно образ льва. Впрочем, впоследствии, во второй половине XVII в., шлемовая эмблема, похожая на нашлемник из гербовника Грюненберга, стала отличительным знаком для гербов бастардов королей Дании, носивших фамилию Гюлленлёве, и их потомков графов Даннескьольд-Лаурвиген и Даннескьольд-Самсёе. Однако была ли эта шлемовая эмблема придумана по образцу той, которая в гербовнике Грюненберга украшала шлем короля Дании, за отсутствием каких-либо свидетельств в письменных источниках утверждать не беремся.

Уже с того времени, от которого до нас дошли первые известия о подлинной эмблеме шлема датских королей, а именно с конца XIII в., надо полагать, утверждается обычай рассматривать эту эмблему в качестве родового знака. Об этом свидетельствуют изображения шлемов на печатях короля Эрика VI и его младшего брата Кристофера. Последний, как мы помним, употреблял печати, на которых рыцарский шлем предстает с тем же нашлемником, что и на шлеме короля. Причем одна из этих печатей (1293 г.) относится ко времени, когда Кристофер еще не занимал королевский престол и назывался "Кристофером, сыном Эрика, короля Датчан" согласно легенде на его печати, или "Кристофером, братом Эрика, Божией милостью короля Датчан и Славян»[6], как читаем в грамоте, при которой эта печать сохранилась. Также и Вальдемар Аттердаг, сын Кристофера II, еще до вступления на престол, именуясь "Божией милостью молодым господином Датчан" и "сыном Божией милостью высокородного государя короля Дании Кристофера", на своей печати повелел изобразить шлем с рогами, украшенными четырьмя павлиньими перьями. Но на этой печати шлем расположен над щитом с гербом королей Дании, что дает основание увидеть в шлемовой

---

[6] "[S'] KRISTOFORI ERICI REGIS DA[NORVM] FILII", "Crstoforus, frater E , dei gra Danorum Sclauorum que regis" (DKS. N 28).

эмблеме не просто родовой, но и отличительный знак королевского достоинства. Этот вывод подтверждается присутствием такой же эмблемы на шлеме датского короля Вальдемара III Ютландского (1326 г.), который не был по мужской линии потомком Эрика VI и Кристофера II или их отца Эрика V. В качестве герцога Ютландского он носил шлем, украшенный другим знаком (илл. 208). То, что в Дании XIV в. вошло в обычай рассматривать два рога с четырьмя павлиньими перьями в качестве непременной эмблемы королевского шлема, доказывается также тем, что эта эмблема изображалась на "геральдическом" шлеме представителя и вовсе другой династии – Эрика Померанского (1420-е годы).

Таким образом, можем отметить, что в XIV столетии в Дании вошло в обыкновение рассматривать в качестве символа королевской власти уже не только определенную эмблему, изображавшуюся на королевском щите, но и эмблему, украшавшую королевский шлем. Вступая на престол Дании, новый король, будь он потомком Эрика V (1259–1286), на время правления которого приходится первое свидетельство о шлемовой эмблеме королей Дании, или представителем другой династии, должен был принимать эти символы датского государя.

Из сказанного, однако, нельзя не заключить, что шлемовая эмблема герба королей Дании в том виде, в каком она предстает на памятниках последней трети XIII – первой трети XV в., никак не соотносилась с тремя львами и сердцами, которые были представлены в гербовом щите тех же королей. Следовательно, она может быть отнесена к тому разряду шлемовых эмблем, которые, как это нередко случалось в западноевропейских гербах средневековой эпохи, изначально не были связаны с эмблемой, изображавшейся на щите.

В истории датской королевской геральдики известен также один случай, когда в качестве шлемовой эмблемы выступала фигура, заимствованная из другого герба. Она присутствует на одной из печатей претендента на датский престол, носившего титул короля Дании, Альбрехта Мекленбургского (1387 г.)[7] (илл. 102). Здесь видим наклоненный вправо щит с тремя львами, над верхним левым углом которого помещен шлем анфас, украшенный головой буйвола с двумя загнутыми по направлению друг к другу рогами. Эта эмблема являлась ничем иным, как родовым гербом Мекленбургского дома, представителем которого и был Альбрехт. Ее присутствие объясняется тем, что "геральдический" шлем имел своим прототипом боевой шлем Альбрехта, герцога Мекленбургского. Претендуя на звание короля Дании, он стал носить "гербовый щит", указывающий на это звание, но, поскольку "геральдический" шлем по тогдашним понятиям являлся образом в действительности существовавшего шлема, то отсюда и произошло соединение личного шлема Альбрехта с его гербовым щитом. В таком соединении, вероятно, находила свое выражение мысль о переходе достоинства короля Дании к представителю новой, Мекленбургской династии. Кроме того, вспомним, что в XIV в. на датской почве мало-помалу начала давать ростки идея, которая предполагала "геральдическое" отражение того факта, что под властью одного государя находились два или три королевства. Эта идея тогда еще

[7] Ibid. N 52.

только искала свою изобразительную форму, так что мысль о соединении щита с эмблемой государя одного владения с "геральдическим" шлемом государя другого владения могла явиться следствием именно таких поисков. Если бы жизнь Альбрехта не прервалась в 1388 г., то, вступив на престол Дании, он, возможно, переменил бы мекленбургскую эмблему на своем шлеме, боевом и, соответственно, "геральдическом", на эмблему, которую имели на своих шлемах представители старой датской королевской династии. Иначе говоря, Альбрехт поступил бы так же, как это сделали ранее Вальдемар Ютландский и впоследствии Эрик VII, происходивший из княжеского дома Померании.

Одновременно с королями Дании, вероятно, и герцоги Ютландские стали носить шлемы с эмблемами. На печати герцога Эрика Абельсена, употреблявшейся в 1260–1272 гг., конный рыцарь предстает в шлеме, на котором отсутствуют знаки[8] (илл. 51). Но на печати его правнука, герцога Вальдемара V, которая использовалась в 1336 г., такой же конный рыцарь имеет шлем с герцогской шапкой и эмблемой в виде трех павлиньих перьев[9] (илл. 52).

Таким образом, можно предположить, что эту шлемовую эмблему герцоги Ютландские стали использовать раньше 1336 г. Действительно, она присутствует на шлеме герцога Ютландского, изображенном на "Люнебургской столешнице" (ок. 1328 г.). Кроме того, шлем с тремя павлиньими перьями обнаруживаем на одной из печатей графа Гольштейна Герхарда III, которая употреблялась в 1326–1327 гг. (илл. 168). В эти годы граф был одновременно герцогом Ютландским (Герхард I), тогда как его племянник по сестре, герцог Вальдемар V, занимал датский престол под именем короля Вальдемара III (1326–1329). О том, что это был "геральдический" шлем именно герцогов Ютландских, свидетельствует гербовый щит, над которым шлем представлен, а также то, что на другой стороне печати изображены гербовый щит и приведенный с ним в связь "геральдический" шлем графа Гольштейна[10].

Но, вероятно, и Герхард I не был первым герцогом Ютландским, который стал использовать характерный для шлемов ютландских герцогов нашлемник. Так побуждают думать изображения шлемов на печати герцога Эрика Вальдемарсена 1314 г.[11] (илл. 211) и той печати его сына герцога Вальдемара V, которая употреблялась в 1325 г.[12], т.е. до того времени, когда Вальдемар, став королем Дании, передал в лен герцогство своему дяде Герхарду. На этих печатях, как и на одной из печатей герцога Вальдемара V, восходящей к 1336 г.[13] (илл. 52), изображены конные рыцари, и на их шлемах присутствует герцогская шапка. В то же время та часть печатей, которая находится над шапкой, где должны были бы присутствовать три павлиньих

---

[8] Не было каких-либо эмблем, по-видимому, и на шлеме конного рыцаря на печати отца Эрика Абельсена, герцога Абеля Вальдемарсена, бывшей в употреблении в 1245 г. (Ibid N 125 a). Но говорить об этом можно только предположительно, поскольку та часть печати герцога Абеля, которая заключала пространство над шлемом, не сохранилась.

[9] Ibid. N 135 a.

[10] Ibid. N 143 a–b.

[11] Ibid. N 133 a.

[12] Ibid. N 134 a.

[13] Ibid. N 135 a–b.

Илл. 211. Печать герцога Ютландского Эрика Вальдемарсена, 1314 г.

пера, как на печати Вальдемара V 1336 г., не сохранилась. Однако само наличие герцогской шапки на шлемах, по нашему мнению, позволяет считать, что они были украшены тремя павлиньими перьями, ибо те же перья вместе с герцогской шапкой присутствовали в качестве шлемовой эмблемы на печати герцога Герхарда I и позднейших печатях Вальдемара V. Следовательно, эта эмблема, вероятно, существовала при герцоге Эрике Вальдемарсене (1312–1325).

Но и этот герцог, вероятно, тоже не был первым ютландским владетелем, который стал украшать рыцарский шлем герцогской шапкой и тремя павлиньими перьями. Эту эмблему он мог унаследовать от своего отца, герцога Вальдемара IV (1283–1312), сына герцога Эрика Абельсена, на печати которого шлем рыцаря представлен без эмблемы. Но это можно только предполагать, поскольку изображение шлема герцога Вальдемара IV в иконографии его уцелевшей печати отсутствует[14].

Известно, однако, что короли Дании стали использовать свою шлемовую эмблему, по-видимому, с конца правления Эрика V (1259–1286), современником которого и был герцог Вальдемар IV. Именно от короля Эрика он и получил в лен свое герцогство. То, что шлемовые эмблемы королей Дании и их первых вассалов и ближайших родственников герцогов Ютландских вошли в употребление приблизительно в одно время, может доказываться тем, что обе они включали в качестве одного из элементов павлиньи перья. И, вероятно, это нельзя относить только на счет совпадения, вызванного влиянием тогдашней моды, а необходимо рассматривать как следствие того умонастроения, которое предопределило присутствие в гербах королей Дании и герцогов Ютландских одних и тех же фигур. Как герб датских королей по-

---

[14] Герцог Вальдемар IV, как и его отец, употреблял двустороннюю печать; она сохранилась в очень плохом состоянии. Однако можно утверждать, что на одной из ее сторон был изображен конный рыцарь, о чем свидетельствуют две передние ноги лошади, отчетливо различимые на уцелевшем фрагменте печати (Ibid. N 127 a).

служил источником для создания герба ютландских герцогов, так и эмблема, с течением времени ставшая украшением королевского шлема, вероятно, не пользовалась при создании нашлемника герцогов. На правдоподобность такого предположения указывает и то, что как щитовые эмблемы королей и герцогов отличались друг от друга числом львов, так их нашлемники различались количеством павлиньих перьев. В обоих случаях короли носили большее число знаков (три льва и четыре пера) по сравнению с герцогами (два льва и три пера). В этих различиях, вероятно, находила иконографическое выражение мысль о том, что в феодальной и семейно-родовой иерархии лицо с королевским достоинством занимало более высокую ступень по отношению к особе, обладавшей званием герцога.

Таким образом, памятуя о том, что до 1375 г. герцоги Ютландские и короли Дании, будучи потомками короля Вальдемара II (1202–1241), принадлежали к одной династии Эстридсенов и что первые были вассалами вторых, можно с большой долей уверенности заключить, что три павлиньих пера, украсивших шлем ютландских владетелей, должны были указывать, во-первых, на родство герцогов с датскими королями, а во-вторых, на их вассальную зависимость от короны Дании. Возможно, король Дании, скорее всего Эрик V, приняв в качестве одной из шлемовых эмблем четыре павлиньих пера и руководствуясь двумя отмеченными умозаключениями, пожелал видеть такие же перья, но в меньшем числе, и на шлеме своего родственника и вассала герцога Ютландского Вальдемара IV. Время, когда это королевское желание могло осуществиться, вероятно, следует отнести к 1283 г. Именно тогда состоялось посвящение Вальдемара в герцоги Южной Ютландии, не имевшей отдельного правителя более десяти лет, с момента смерти герцога Эрика Абельсена. В числе прочих знаков герцог Вальдемар IV мог получить от своего ленного господина и герцогскую шапку с тремя павлиньими перьями, которую он и его потомки впоследствии использовали в качестве эмблемы боевого и соответственно "геральдического" шлема.

Помимо значения родового символа эта шлемовая эмблема герцогов Ютландских из династии Эстридсенов, как и шлемовая эмблема королей Дании из той же династии, в скором времени, во всяком случае уже в первой четверти XIV в., обрела и значение символа, которым вошло в обыкновение отличать шлем всякого лица, обладавшего достоинством герцога Ютландского (Шлезвигского). Это убедительно доказывается иконографией уже упоминавшейся двусторонней печати герцога Герхарда I (1326–1327 гг.), представителя немецкого рода Шауэнбургов, правившего в графстве Гольштейн. Как ранее говорилось, на этой печати одна ее сторона заключает изображение гербового щита герцогов Ютландских, а другая – гербового щита графов Гольштейна (илл. 168). Над каждым из этих щитов видим по одному шлему. Первый предстает со шлемовой эмблемой герцогов, второй – со шлемовой эмблемой графа Герхарда, представлявшей собой два рога, один из которых несет шесть знамен с гербом графов Гольштейна, а другой – несколько павлиньих перьев, число которых трудно точно определить, но скорее всего их восемь.

Эта шлемовая эмблема воспроизведена также на печатях Герхарда, употреблявшихся им в 1317–1340 гг.[15], в качестве лишь графа Гольштейна. Она,

[15] Ibid. N 164–167.

несомненно, была еще только личной эмблемой, ибо полноправный соправитель Герхарда III по графству Гольштейн, его двоюродный брат граф Иоганн III Мягкий (ум. 1359), судя по иконографии его печатей[16], носил шлем без рогов, украшенный только четырьмя знаменами с гербом графов Гольштейна и двумя павлиньими перьями. Эмблему, отличавшуюся от шлемовой эмблемы графа Герхарда III, имел на своем шлеме и его правнук, граф Адольф VIII (ум. 1459). На его печати, употреблявшейся в 1420 г.[17], представлен шлем с тремя знаменами, заключающими герб Гольштейна, двумя павлиньими перьями и шестиконечной звездой. Таким образом, из характера шлемовых эмблем графов Гольштейна из династии Шауэнбургов можно сделать вывод, что в XIV – первой половине XV в. представители этой династии еще не носили одинаковых эмблем на шлемах. При этом два элемента – знамена с гербом графов Гольштейна (был одновременно родовым гербом Шауэнбургов) и павлиньи перья – уже приобрели значение непременных атрибутов графских шлемов.

Столь большое внимание истории шлемовых эмблем графов Гольштейна из рода Шауэнбургов мы должны были уделить по той причине, что именно представители этого рода в лице внука Герхарда III, Герхарда VI (ум. 1404), и сыновей последнего, Генриха IV (ум. 1427), Адольфа VIII и Герхарда VII (ум. 1433), с 1386 г. по 1459 г., оставаясь графами Гольштейна, являлись одновременно и герцогами Шлезвигскими под именами Герхарда II, Генриха II, Адольфа I и Герхарда III. И все эти герцоги и графы в знак того, что они владели Шлезвигом и Гольштейном, носили четверочастный щит с гербами означенных княжеств. Однако каких-либо свидетельств в пользу того, что мысль, вызвавшая к жизни соединение в одном щите двух гербов, нашла свое практическое применение и в объединении шлемовых эмблем на одном шлеме, на изобразительных памятниках периода правления в герцогстве Шлезвигском Шауэнбургов не обнаруживается. Из этого еще не следует, что герцоги из Шауэнбургского дома не могли носить шлемы, которые украшались бы одновременно эмблемой графов Гольштейна и герцогов Шлезвига; просто мы не располагаем изображениями их "геральдических шлемов" на известных нам памятниках, и, прежде всего, на печатях, на которых находим лишь гербовые щиты[18].

Только источники, относящиеся ко времени правления герцогов из Ольденбургской династии (с 1460 г.), свидетельствуют, что идея соединения на одном шлеме эмблем герцогов Шлезвига и Гольштейна нашла свое воплощение, правда, совсем ненадолго. На печатях герцогов Фридриха I (1514–1529 гг.) и его сына Кристиана III (1529 г.), а также на далере Фридриха (1522 г.) (илл. 108) над их гербовым щитом представлен шлем с тремя павлиньими перьями и несколькими знаменами (соответственно семью, восьмью и шестью). Различить герб на знаменах не представляется возможным, но вряд ли ошибемся, если признаем в нем герб Гольштейна, поскольку впоследствии герцоги из Ольденбургского дома украшали один из шлемов своего герба только знаменами (шестью или семью) с голштинским гербом. Что

[16] Ibid. N 169–172.
[17] Ibid. N 154.
[18] Ibid. N 148–151, 153–156.

же касается трех павлиньих перьев, то можно с уверенностью утверждать, что они являлись шлемовой эмблемой герцогов Шлезвигских, ибо прежде именно ее имели на своих шлемах герцоги из династий Эстридсенов и Шауэнбургов. Кроме того, когда Кристиан III завел обычай изображать над гербовым щитом герцогов Шлезвига и Гольштейна три шлема, то один из них, украшенный тремя павлиньими перьями, являлся символом герцогства Шлезвигского.

Таким образом, и герцоги из Ольденбургского дома остались верными традиции, зародившейся в начале XIV в. Она предполагала, что лица, обладавшие званием герцога Шлезвига, представляли на своих боевых и соответственно "геральдических" шлемах знаки в виде трех павлиньих перьев. Этого, однако, нельзя сказать о другой эмблеме, покрывавшей шлем представителей первой династии владетелей Шлезвига, – герцогской шапке. Ее судьба, как свидетельствует печать герцога Герхарда I, тоже поначалу имела склонность повторить судьбу трех павлиньих перьев, но по неизвестным причинам Шауэнбурги или Ольденбурги отказались от использования этого знака. Можно только предполагать, что причиной его упразднения стало появление на шлеме герцогов из Ольденбургской династии короны. Та же судьба, что сложилась у герцогской шапки, в гербах герцогов из Ольденбургского дома постигла и павлиньи перья – одну из шлемовых эмблем графов Гольштейна, принадлежавших к первой, Шауэнбургской, династии владетелей этого княжества. Исчезновение шлемовых знаков Шауэнбургов из герба Ольденбургов, вероятно, можно объяснять тем, что знаки носили герцоги Шлезвигские, так что соединять те и другие на одном шлеме посчитали делом излишним. В результате сочли вполне достаточным ограничиться эмблемой в виде знамен с гербом Гольштейна: она ясно указывала на свою связь с тем же гербом в щите герцогов.

Такие же различия между знаками шлема и щита, которые обнаруживаются в гербах королей Дании и герцогов Шлезвигских, находим и в немалом числе гербов, принадлежавших датским дворянским родам. Примером служит герб рода Гюлленстьерне, шлемовая эмблема которого известна с середины XIV столетия. Ее древнейшее изображение представлено на печати королевского маршала Эрика Нильсена, употреблявшейся в 1355 г.[19] (илл. 196). На ней над щитом с семиконечной звездой изображен шлем с эмблемой в виде двух рук, держащих предмет, напоминающий круглое зеркало. Также в гербе рода Неб, который присутствует на печатях его представителей, Уффе Педерсена (1364 г.) (илл. 198) и Йенса Уффесена (1387 г.), щит заключает якорь, а шлем украшает лодка[20]. Отличные друг от друга знаки на щите и шлеме иногда встречаются и в гербах лиц, возведенных в дворянское достоинство в XVII–XVIII вв.

Причину отсутствия иконографической связи между эмблемами щита и шлема в гербах датчан, вероятно, следует искать в том, что история "геральдического" шлема в Дании, равно как и в других западноевропейских странах, начиналась самостоятельно, отдельно от истории гербового щита. Это приводило к тому, что во многих ранних, создававшихся до XIV в., гербах знатных

[19] DAS. N 312.
[20] Ibid. N 588, 868.

особ, в том числе королей Дании и герцогов Ютландских, изображались нашлемники, которые по своему внешнему виду и внутреннему смыслу никак не указывали на происхождение от щитовых знаков. И только в гербах, создававшихся уже в XIV–XV вв., когда в понятие герба стали включать эмблемы не только щита, но и шлема, вошло в обыкновение употреблять нашлемник, который соотносился со знаками щита. Многие же представители старых дворянских родов соединили свой гербовый щит со шлемом, на котором к тому времени эмблемы уже приобрели значение наследственных знаков.

Впрочем, на западноевропейской почве обычай, согласно которому рыцари могли украшать свои шлемы знаками, происходившими от знаков их гербовых щитов, начал пробивать себе дорогу, вероятно, уже в последние десятилетия XII – начале XIII в. Об этом, например, свидетельствует описание вооружения рыцаря в поэтическом произведении француза Рено де Божё "Прекрасный незнакомец" (ок. 1200 г.): "Щит его был из чистого серебра с алыми розами по зеленому полю... На верхушке его прекрасного шлема были изображены розы"[21]. То, что такой обычай в первые десятилетия XIII в. стал распространяться и в среде датской знати, следует из того факта, что на печати графа Альберта Орламюндского представлен шлем с идущим львом, т.е. тем знаком, который присутствовал и на щите графа.

С середины же XIV в., как можно заключить по иконографии печатей датских "дворян", знаки щита стали довольно часто соотноситься со шлемовыми эмблемами. Так, Нильс Бугге (1349–1355 гг.) (илл. 212) и его сын Кнут Бугге (1360 г.) (илл. 213) на щите и на шлеме имели в качестве знака кабанью голову[22], а Олаф Йенсен (1360 г.) (илл. 214) и Андерс Олафсен (1394–1401 гг.) из рода Сальтенсее – оленьи рога[23]. У Андерса Фроста (1360 г.) щит заключал три розы, а шлем нес одну розу и пять перьев[24] (илл. 195). Такое же соотношение родственных знаков на щите и шлеме наблюдается в гербе Йенса Эббесена (1364 г.): щит с тремя звездами (две шестиконечные и одна семиконечная) и шлем с семиконечной звездой[25] (илл. 215). На щитах представителей рода Крогнос, Хольгера Грегорсена (1379 г.) (илл. 194) и Стига Педерсена (1397–1401 гг.), изображено крыло птицы, тогда как на шлеме обнаруживаем несколько перьев, соответственно шесть и пять[26]. Отметим еще печати Андерса Олафсена (1390–1406 гг.) и его двоюродных братьев, Андерса (1390–1401 гг.) (илл. 216) и Фольмара (1396–1411 гг.) Якобсенов из рода Лунге. Шлемовой эмблемой их герба являлись два рога типа *vesselhorn*, каждый из которых украшен тремя лилиями, представленными и в гербовом щите рода[27].

Обычай, предполагавший соотнесение эмблемы шлема с эмблемой щита, нашел отражение в дворянских грамотах, самые ранние из которых восходят ко времени Эрика Померанского. Так, например, Нильс Нильссён в 1433 г. по-

[21] "Ses escus a argent estoit, roses vermelles i avoit, de sinople les roses sont... De roses avoit un capel en son elme, qui biaus estoit" (Цит. по: *Михайлов А.Д.* Французский рыцарский роман. М., 1976. С. 225, 334).

[22] DAS. N 382, 515.

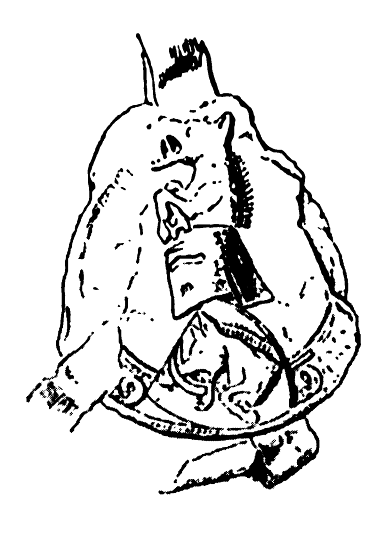
[23] Ibid. N 516, 1027.

[24] Ibid. N 537.

[25] Ibid. N 593.

[26] Ibid. N 786, 859, 1072.

[27] Ibid. N 930, 932, 1043.

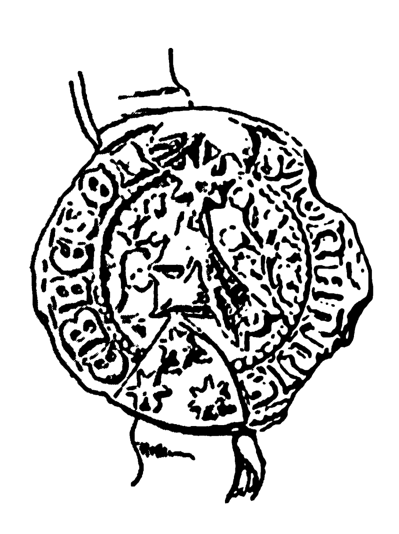
Илл. 212. Печать Нильса Бугге, 1349–1355 гг.

Илл. 213. Печать Кнута Бугге, 1360 г.

Илл. 214. Печать Олафа Йенсена (Сальтенсее), 1360 г.

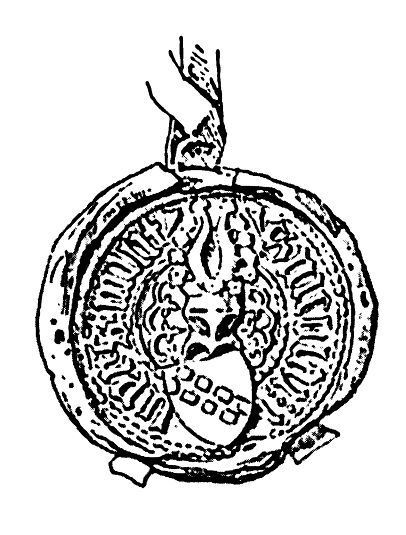
Илл. 215. Печать Йенса Эббесена, 1364 г.

лучил от этого короля вместе с дворянскими правами герб, в котором щит заключал “половину золотой звезды с пятью зубцами и половину красной луны в синем поле”, а на шлеме была изображена “золотая звезда с пятью зубцами”

Шлемовые эмблемы в дворянских гербах могли оставаться неизменными по своим основным изобразительным характеристикам, дополняться новыми знаками и даже заменяться другими. К числу неизменных эмблем, например, относится шлемовая эмблема рода Гюлленстьерне, прослеживаемая по источникам с середины XIV по XVIII в. Выше мы видели, какой она изображена на печатях маршала Эрика Нильссона, сохранивших о ней первые свидетельства. В таком же виде она предстает и на печатях его внуков, Педера

Илл. 216. Печать Андерса Якобсена (Лунге), 1390–1401 гг.

Илл. 217. Печать Нильса Иварсена (Росенкранц), 1396–1408 гг.

Илл. 218. Печать Бу Фалька, 1355–1356 гг.

Илл. 219. Печать Бу Фалька, 1360 г.

(1397 1401 гг.) и Эрика Нильсенов (1400–1401 гг.)[28], а впоследствии их потомков, о чем можем судить преимущественно по печатям и надгробиям. Шлемовая эмблема рода Лунге до пресечения его по мужской линии во второй половине XV в. также оставалась неизменной. Она представлена в гербе рыцаря Тюге Лунге (ум. 1460), изображенном на надгробии его потомка со стороны дочери Ивара Лунге (ум. 1587) и его жены Марен Бьёрн[29].

[28] Ibid. N 1084, 1137

[29] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Granvsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 72.

Иначе сложилась судьба шлемовой эмблемы рода Росенкранц. Первые известия о ней восходят к XIV в., когда она была представлена в иконографии печатей братьев рыцарей Ивара (1356 г.) и Йенса (1361 г.)[30] Нильсенов. На этих печатях гербовые шлемы представлены с двумя рогами типа *vessel horn*, при этом на рогах шлема рыцаря Ивара Нильсена присутствуют еще и перья. Кроме того, с конца XIV столетия члены рода Росенкранц стали украшать свой шлем еще венком из роз (*rosenkrans*), который занял место непосредственно на шлеме[31] (илл. 217). Как и рога, венок, от которого и произошла в XVI в. фамилия Росенкранц, не имел ничего общего с эмблемой щита этого рода. Вначале этой эмблемой являлась шахматная скошенная балка справа (*en skaktavlet skraabjælke fra højre*), а с начала XVI в. еще и два льва: один из них был помещен в верхнее поле щита, а другой – в нижнее. Именно рога различной конфигурации, украшенные перьями, и венок из роз в дальнейшем являлись шлемовой эмблемой в гербах представителей рода Росенкранц. В частности, ее находим на надгробиях Отте Хольгерсена в Хорнслете и Хенрика Нильсена в Висбю (1525–1537 гг.)[32], потомков Йенса Нильсена[33].

Примером того, что шлемовая эмблема в гербе представителей одного и того же рода могла со временем изменяться, служит герб рода Ланге. Выше отмечалось, что в 1360 г. в гербе вероятного представителя этого рода, рыцаря Андерса Фроста, таковой эмблемой являлась одна роза с пятью перьями (илл. 195). В гербе же рода Ланге, представленном на надгробии Маргреты Сковгорд (начало XVII в.) (цв. илл. 18), над шлемом вместо розы изображены многочисленные знамена, при этом эмблема щита (три розы) сохранилась в том же виде, какой она имела в XIV столетии.

Шлемовые эмблемы могли изменяться и в гербе одного лица. Самый ранний пример тому предоставляют печати с гербом рыцаря Бу (Боэция) Эскильсена Фалька. На более ранней печати, восходящей к 1355–1356 гг. представлен шлем с пятью перьями (илл. 218). На печати, употреблявшейся в 1360 г., место перьев занимает фигура птицы (илл. 219), под которой, по видимому, подразумевался сокол, поскольку рыцарь Бу имел прозвище "Фальк" (*falk* – сокол). Эту же шлемовую эмблему обнаруживаем в гербе его внука, рыцаря Йенса Эскильсена Фалька (1398–1407 гг.)[34]. В то же время нельзя не отметить, что обе шлемовые эмблемы Бу Фалька не соотносятся с эмблемой щита его рода, каковой являлось трехчастное вилообразное деление (*tredelt ved et gaffelsnitt*).

Из-за малочисленности восходящих к XIV в. цветных изображений датских гербов со шлемами, равно как вследствие отсутствия их описаний, нет возможности составить представление о том, насколько в то время окраска шлемовых эмблем совпадала с цветами гербовых щитов. Тем не менее из

---

[30] DAS. N 470, 546.

[31] В первый раз обнаруживаем эту эмблему в гербе сына Ивара Нильсена, рыцаря Нильса Иварсена, представленном на его печатях 1396–1408 гг. (Ibid. N 1045).

[32] *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Planchebind. Tavle 27, 38.

[33] Линия брата Йенса Нильсена, Ивара Нильсена, пресеклась в начале XV в. (DAA. 1910. S. 373–379).

[34] DAS. N 459, 521, 1102.

вестно, что эмблема в виде рогов на шлеме рыцаря Миккеля Руда, согласно изображению конца XIV в., помещенному в Гельдернском гербовнике, имела цвета щитовой эмблемы – в зеленом поле золотой ромб (*rude*): правый рог зеленый, а левый – золотой. Однако в том же гербовнике шлемовая эмблема герба короля Дании – рога – представлена черно-белой в виде горностаевого меха, который отсутствует в эмблеме королевского щита.

Что же касается XV в., то от этого столетия сохранилось много описаний и цветных изображений датских гербов. В том же Гельдернском гербовнике около середины XV в. был изображен герб рыцаря Отто Нильсена (Розенкранц). Его шлемовая эмблема – рога – окрашена в те же цвета, что и фигура щита – шахматная скошенная балка справа. В дворянской грамоте Нильса Нильссёна (1433 г.) сказано, что его гербом является "половина золотой звезды с пятью зубцами и половина красной луны в синем поле, и на шлеме золотая звезда с пятью зубцами" (илл. 199). В других дворянских и гербовых грамотах XV в. шлемовые эмблемы предстают также хотя бы с одним из цветов эмблемы щитовой. Обычно это был цвет знака, который присутствовал в щите и на шлеме. В качестве примера можно указать на "два белых рога буйвола" (*tw huide Wesene Horn*) в гербе Поуля Маттиссёна (1433 г.) (цв. илл. 28) и на "целую серую белку" в щите и "часть серой белки" на шлеме в гербе Нильса Мадсёна (1497 г.) (илл. 200).

Отмеченные свидетельства иностранного и датских источников позволяют предположить, что в XV столетии в Дании уже существовал обычай, согласно которому шлемовым эмблемам придавались цвета щитовой эмблемы. Этот обычай сохранялся и в последующие века, что подтверждается изображениями гербов на портретах аристократов, в гербовниках, а также на красочных надгробиях и эпитафиях XVII–XVIII вв. Так, на надгробной стеле Маргреты Сковгорд изображено пятнадцать гербов, из которых указанному правилу не отвечает только герб рода Сехестед. В этом гербе щит заключает в синем поле одну красную розу, окруженную тремя белыми листьями, в то время как шлем украшен черными перьями цапли (цв. илл. 18).

Со второй половины XVII в. в Дании знаками могли также снабжаться шлемы в бюргерских "гербах" Причем, следуя примеру дворян, бюргеры часто помещали на шлемах эмблемы, подобные эмблемам щита. Данный обычай окончательно утвердился к XX столетию. Например, в гербе доктора медицины Иоханнеса Франдсена, созданном в 1959 г., одной из фигур щита является петух, частично изображенный и на шлеме[35].

Известны случаи, когда шлемами с эмблемами дополнялись и гербы датских городов, что в первый раз произошло в 1437 г. при пожаловании герба общине города Мальмё. По описанию в гербовой грамоте, шлемовая эмблема этого герба являла собой "голову красного грифа с золотой короной и с пучком страусовых перьев на короне, белых и красных"[36] (илл. 57). Эта же эмблема, только без перьев, представлена в гербовом щите города. Помимо герба Мальмё, шлемы с эмблемами в 1661 г. были добавлены в герб Копенгагена. Этими эмблемами стали десять знамен в виде красных полотниц с

[35] *Achen S.T.* Et nyt borgerligt Våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 37.

[36] "... vpa hielmen sammelethis eet røt grips howit meth een forgylt krone meth een busk strudzfiedhre myt aa kronen, hwidh oc rødh" (Цит. по: *Tratteberg H.* Stadsvåpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 20).

белым крестом, водруженных на два из трех шлемов, по пять на каждом (илл. 75). Однако шлемовые эмблемы копенгагенского герба не представлены в гербовом щите, поскольку они появились позже щитовой эмблемы, восходившей к иконографии средневековых печатей города.

К началу XX столетия у датских гербоведов вошло в обыкновение подразделять шлемовые эмблемы на три разряда. Во-первых, эмблемы (рога, крылья, перья, знамена, руки и т.д.), которые часто предстают в качестве "вспомогательных фигур" (*hjælpefigurer*), призванных нести другие знаки нашлемника. Их можно увидеть и в тех гербах, в которых щиты заключают изображения "геральдических" фигур. Во-вторых, эмблемы, соответствующие знакам щита. Они изображаются полностью или частично, иногда вместе со "вспомогательными" эмблемами. В-третьих, эмблемы, которые никак не соотносятся с изображениями на щите. Причем они иногда могут быть заимствованы из другого герба[37]. Однако, обозревая датские гербы, нельзя не заметить, что из названных трех разрядов нашлемников могут совпадать первый и второй, если эмблема, однотипная с "вспомогательной фигурой" полностью или частично повторяет щитовую фигуру. Таковы, например, рога на щите и шлеме в гербе рода Лунге-Дюре. Могут совпадать первый и третий, когда такого рода эмблема не имеет ничего общего со знаками щита и при этом несет другие эмблемы, тоже отличные от знаков щита, что наблюдаем в гербах родов Билле и Росенкранц. Отсюда можно заключать, что само существование понятия "вспомогательной фигуры" представляется бессмысленным. Кроме того, те шлемовые эмблемы, которые подпадают в разряд "вспомогательных фигур" (например, "рога"), вне зависимости от того, сопровождаются они другими знаками или нет, обычно удерживают свое место на шлеме и всегда предстают окрашенными в цвета знаков гербового щита. А это свидетельствует о том, что такие эмблемы изначально исполняли роль отличительного знака на "геральдическом" шлеме. Наконец, в датских письменных источниках, и прежде всего в дворянских и гербовых грамотах, восходящих к Средним векам и Новому времени, не находим никаких упоминаний термина "шлемовая вспомогательная фигура"

Таким образом, правильнее будет говорить только о двух больших разрядах шлемовых эмблем, которые существовали в датской геральдике в течение всей ее истории, различая их по следующему признаку: соотносятся ли они в той или иной степени с изображениями на щите или нет. Но в обоих случаях шлемовые эмблемы приобрели "геральдическое" значение, несомненно, только вследствие придания им смысла личного и затем родового символического знака. В свою очередь это явилось, по нашему мнению, результатом развития на западноевропейской почве в конце XII – XIII в. такой личности, которая стремилась к самовыражению через внешние отличия.

[37] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 179–180.

Глава четвертая

НАМЕТ

История намета, или шлемового покрывала, как элемента герба, согласно бытующей точке зрения, берет свое начало от куска ткани, которым в эпоху Крестовых походов покрывался рыцарский шлем, прежде всего, в целях предохранения от горячих солнечных лучей. Однако шлемы конных рыцарей на печатях и других памятниках XII–XIII вв., как правило, предстают без покрывал. Следовательно, этот элемент рыцарского шлема входил в употребление постепенно и долгое время не являлся непременным атрибутом рыцарского облачения. И только к началу XIV в. вошло в обыкновение носить распространенный тогда кадочный шлем с покрывалом. А это привело к тому, что и "геральдический" шлем как образ шлема боевого стал изображаться с наметом. С этого времени, вероятно, и следует начинать историю намета как элемента "геральдического" шлема и герба в целом.

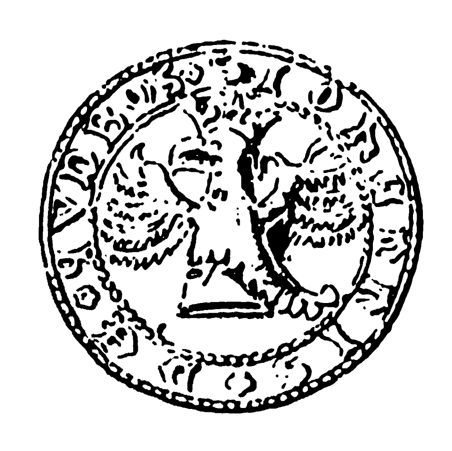
Что касается шлемов датских рыцарей, то поначалу они тоже представали без покрывал, о чем свидетельствует иконография печатей XIII в., принадлежавших графу Альберту Орламюндскому (илл. 165), Педеру Финнсену (1251 г.) (илл. 204) и Педеру Нильсену (1264 г.)[1]. Однако на печати Нильса Мандерупа (1300 г.)[2] кадочный шлем изображен с контурами ниспадающего покрывала. Впрочем, еще долгое время "геральдические" шлемы датских рыцарей не всегда представали с наметами. Например, на печатях Палле Туесена (1325 г.), Педера Груббе (1326 г.), Иоханнеса Хасенберга (1329 г.), Сигвида Риббинга (1336 г.), Пауля Арвидсена (1336 г.) и Эрика Нильсена (Гюлленстьерне) (1400 г.)[3] обнаруживаем шлемы без покрывала, а на печатях Йенса Уффесена (1326 г.), Уффе Нильсена (1326 г.), герцога Халландского и Самсёского Кнута Порсе (1329 г.) (илл. 180) и Бу Фалька (1360 г.)[4] (илл. 219) – с покрывалами. И лишь в первой четверти XV в., по свидетельству печатей и надгробий, на датской почве окончательно утверждается обычай изображать "геральдический" шлем с наметом.

В первой половине XIV в. намет становится также элементом "геральдического" шлема датских королей, что следует из иконографии печатей Эрика VI (1308–1314 гг.), Кристофера II (1320–1330 гг.) (илл. 54), Вальдемара III

[1] DAS. N 28.
[2] Ibid. N 78.
[3] Ibid. N 173,181, 219, 266, 268, 1137.
[4] Ibid. N 177, 189, 226, 521.

(1326–1328 гг.) (илл. 55) и Вальдемара IV (1343–1355 гг.) (илл. 205).

Во второй половине XIV столетия в Западной Европе получает распространение новый тип шлемового покрывала – с надрезами по краям. В конце того же столетия этот тип покрывала начинает употребляться и в Дании. Его находим на шлеме, представленном на печати рыцаря Ханса Подебуска (1397–1408 гг.)[5] (илл. 220), а также в Гельдернском гербовнике в гербах короля Дании и датских вельмож: рыцарей Хеннеке Лимбека, Миккеля Руда и Отто Нильсена (Росенкранц) (цв. илл. 33). В развитие этого обычая в первой половине XV в. большую часть покрывала шлема в западноевропейских гербах, в частности датских, и вовсе стали изображать в виде развевающихся лохмотьев. Это свидетельствовало о том, что намет окончательно превратился в типическое украшение шлема. Гербовые шлемы с таким украшением представлены на надгробии епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат) (ум. 1416) (илл. 25) и в дворянских грамотах, изданных при Эрике Померанском (илл. 199–200). Именно этот тип намета, окончательно утвердившийся в датской геральдике к середине XV в., принято было изображать в последующее время, вплоть до наших дней.

Илл. 220. Печать Ханса Подебуска 1397–1408 гг.

Из-за отсутствия цветных изображений неизвестно, в какие цвета окрашивались первые шлемовые покрывала датских рыцарей. Вряд ли, однако, ошибемся, если предположим, что эти покрывала, как правило, были одноцветными, поскольку таковыми они предстают и в датских гербах в Гельдернском гербовнике. Это то, что касается лицевой окраски. Однако с XIV в. изображалась не только лицевая, но и частично внутренняя сторона покрывала. Ее цвет, как можно заключить по изображениям гербов датчан в Гельдернском гербовнике, был другим. Так, в гербе короля Дании лицевая сторона имеет фактуру горностаевого меха, а изнанка предстает красной. В красный цвет окрашена изнанка шлемового покрывала и в гербе Отто Нильсена (Росенкранц), тогда как лицевая сторона синего цвета. Можно также предположить, что в XIV в. установился обычай, согласно которому покрывала окрашивались в один или два цвета, представленные в щитовой эмблеме. В Гельдернском гербовнике в щите короля Дании сердца, как и внутренняя сторона покрывала королевского шлема, красного цвета. В гербе же Отто Нильсена цвета намета совпадают с цветами полей его щитовой эмблемы.

В дальнейшем, со второй четверти XV в., как видно из цветных изображений гербов в дворянских грамотах, в Дании утвердился обычай окрашивать лоскутья намета в два цвета щитовой эмблемы. Но на датских памятниках XVI–XVII вв. гербы часто изображены с наметами, окрашенными в три цвета,

[5] Ibid. N 1083.

причем золотому или белому (серебряному) цвету всегда отводилась верхняя часть лоскутьев. В то же время лицевая сторона намета, которая непосредственно покрывала шлем, обычно окрашивалась одним цветом. Лучшим примером согласования окраски фигур и полей щита с окраской намета служат пятнадцать цветных гербов, изображенных в начале XVII в. на надгробии Маргреты Сковгорд (цв. илл. 18). Здесь в щите герба рода Ланге представлены три красных розы в белом поле, и эти же два цвета приданы намету. В то же время намет расположенного рядом герба рода Сехестед окрашен тремя цветами, именно синим, белым и красным, поскольку щитовой эмблемой является в синем поле красная роза в окружении трех белых листьев.

С конца XVII в. в гербах датских дворян, преимущественно титулованных, шлемы с наметами иногда заменялись коронами. Наметы отсутствовали в гербах и в том случае, когда шлемы покрывались мантией, что замечаем, например, в гербах графов Гриффенфельдта (1673 г.) (илл. 113) и Алефельдта аф Лангеланн (ок. 1677 г.) (илл. 210).

Очень короткой оказалась история намета в королевском гербе. Причиной было то, что, начиная с Кристофера Баварского (1440–1448), датские короли не представлялись с гербами, включавших шлем. Об этом свидетельствуют датские источники, в том числе печати и монеты, на которых принято было изображать официальные королевские гербы. И только некоторые иностранные памятники конца XV и XVI в., как, например, гербовник Конрада Грюненберга (1483 г.) (илл. 39), содержат изображения гербов короля Дании со шлемами, покрытыми наметами. Создатели этих памятников, вероятно, руководствовались местной традицией изображения гербов государей или своими представлениями о том, как должен выглядеть герб.

Отметим еще, что с конца XVIII в. в датских гербах намет иногда заменялся гирляндами, лентами или лавровыми венками, на которых мог быть начертан девиз[6].

Вплоть до XIX в. описания датских гербов, в том числе дававшиеся в дворянских грамотах, не содержали упоминаний о намете. Исключение составляет гербовая грамота, которую король Кристофер Баварский издал для бургомистра Кольберга Ганса Шлифа и его брата в 1444 г. В ней говорится о шлеме "с белым и красным наметом" (букв. – "шлемовым покрывалом") (*mit einer weisen und rothen Helmdek*)[7]. Но эта грамота была составлена на немецком языке и предназначалась для немецкого горожанина. Впрочем, и датский термин "hjelmklæde" (букв. – "шлемовая ткань"), которым принято обозначать намет, мог возникнуть также еще в Средние века.

Таким образом, бытовое назначение намета, с которым он, возможно, выступал на заре своей истории в рыцарском снаряжении, мало-помалу было сведено к чисто декоративному элементу герба. С XV в. его присутствие в гербах датчан было обусловлено присутствием в них шлемов. К этому следует присовокупить, что в Дании намет долгое время, вплоть до XIX в., не включался в описание гербовых элементов, о чем свидетельствуют дворянские и гербовые грамоты.

[6] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 200–202.
[7] *Seyler G.A.* Geschichte der Heraldik. (Wappewessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889. Anhang. Urkunden. N 64.

Глава пятая

КОРОНА

Корона (дат. *krone*) издревле считалась одним из символов короля (царя) и в этом качестве она известна в Дании, по крайней мере, с XI в., доказательством чему служит изображение короля, увенчанного короной, на печати Кнута IV (1080–1086) (илл. 4). Со времени правления Эрика IV Плугпеннинга (1241–1250)[1] королевская корона представала на датских монетах, а в XIV в. и на печатях королей, по обыкновению, не будучи сопровождаема какими-либо иными изображениями. Первым "коронную" печать, как свидетельствуют сохранившиеся сфрагистические источники, стал употреблять Эрик VI Менвед (1301 г.), после которого такие печати использовали Кристофер II (1320 г.), Вальдемар III (1326 г.), Вальдемар IV (с 1340 г.) и Олаф III (с 1376 г.)[2]

То, что королевская корона на монетах и печатях датских государей символизировала особу короля и его статус, свидетельствуют легенды указанных печатей, содержащие всегда имя и титул короля. В документах XIII в. появляется также выражение "корона Дании" (*corona Daniae*), обозначавшее сумму прав, которыми обладали датские короли. В XIV в. вошло в обыкновение, что король, вступая в соглашение со своими подданными, выступал не только от своего имени, но и от имени "короны Дании" Сами королевские подданные, как это видно из текста "Земского мира" 1360 г., тоже не отделяли короля (Вальдемара IV) от "короны Дании": "И мы, ниже написанные герцоги, епископы, рыцари, вебнеры и вся община королевства Дании господину нашему королю Вальдемару, его сыну Кристоферу и короне Дании все выше написанные статуты и хондфестнинг и все другое хотим и должны обращать на большее добро"[3].

Короны, изображенные на печатях королей Дании, своими характерными очертаниями походили на те, с которыми датские короли XIII–XIV вв. представали, восседая на троне, на "печатях величества" Та и другая корона имела вид обруча обычно с тремя зубцами в виде трилистника, креста или лилии, между которыми иногда изображались два маленьких зубчика. Отсюда можно предположить, что в обоих случаях памятники искусства передавали обра

---

[1] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 36.

[2] DKS. N 24, 26, 31, 33, 34, 37, 38, 46, 49.

[3] "Et nos duces, episcopi, milite. militares subscripti totaque communitas regni Dacie domino nostro Waldemaro, filio suo Cristoforo et corone Dacie omnia statuta et handfestnyngh suprascripta et omnia alia in melius uertere uolumus et debemus (DRL mdtil 1400. N 30. S. 247).

ы тех корон королей Дании, которые существовали в действительности. В то же время следует отметить, что в XII XV вв. с коронами такого типа обычно изображались и короли большинства стран Западной Европы, каковой факт объясняется теми же особенностями средневекового миросозерцания, которые вызывали типизацию художественных образов гербовых щитов и шлемов. Идея типического образа королевской короны имела в основании представление, что типическим является и сам характер общественно-политического статуса короля. Этому представлению, согласно символическому и иерархическому умозрению средневекового человека, должен был отвечать образ короля, и в части его облачения, и в части символов его королевских прав. Следствием явились типические изображения западноевропейских королей, которые обнаруживаются в произведениях средневекового искусства, в частности в иконографии тронных "печатей величества". Причем в XII–XV вв. с теми же однотипными коронами изображались не только короли высокого и позднего Средневековья, но и царственные особы прежних эпох: Карл Великий, Юлий Цезарь, библейские цари и три волхва-царя, пришедшие с дарами к младенцу Христу. Три короны того же типа были представлены на тиаре римских пап. Вместе с тем короли – правители земных королевств, главы общественной иерархии этого мира, мыслились как подобие Небесного Короля (Царя), стоящего во главе иерархии чинов Небесного Королевства (Царства). А это означало, что и в отношении символов власти, в том числе короны, король дольнего королевства должен был уподобляться Владыке Горнего Царства. Поэтому памятники западноевропейского искусства XII–XV вв. часто передают образы Христа – Царя Небесного и Богоматери – Царицы Небесной с коронами, которые по своему виду походят на короны земных королей. Об этом, между прочим, наглядно свидетельствуют памятники датского средневекового искусства, например рельефная композиция над порталом Рибеского собора (1200–1250 гг.), представляющая Христа, Богоматерь и короля Дании (Вальдемара II) с однотипными коронами[4].

Таким образом, в Средние века под словом "корона" подразумевалась только корона царская (королевская), которая мыслилась как образ идеальной, небесной царской короны. Иначе говоря, короны земных королей являлись образами и подобиями[5] царского венца Царя Небесного. Поэтому средне-

---

[4] *Lassen E.* Fra runesten til alteravle ca. 900–1500. Kbh., 1972. S. 59. (DKH. Bd. 1).

[5] Речь шла именно о подобии, а не о тождестве средневековых корон. Подобие предметов предполагало их типовое сходство, допуская одновременно отличия в деталях. Отличия обычно проявлялись в конфигурации зубцов короны, которые могли представать в виде не только трилистников (лилий), но и пятилистников (роз). Кроме того, этих зубцов могло насчитываться более трех, о чем, в частности, свидетельствуют памятники датского искусства XIII–XV вв. Например, на фреске в Кельдбюской церкви (ок. 1275 г.) изображены три волхва-царя с коронами, зубцы которых имеют вид пятилистников; при этом на одном из волхвов корона передана не с тремя, как на двух других, а с четырьмя зубцами. В то же время средневековые памятники содержат немалое число изображений корон волхвов с тремя трилистниками. Очевидно, что во всех случаях волхвы-цари представали с царскими коронами, которые мыслились как подобные друг другу типические явления, наполненные одинаковым смысловым содержанием. Во фресковой живописи датских церквей коронами также увенчивались мученики за веру, святые, стяжавшие венец Царства Небесного, как, например, св. Лаврентий на фреске из Брёндумской (Brøndum) церкви (ок. 1275 г.) (Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987. S. 179).

вековые западноевропейские правители, которые не имели королевского достоинства, не могли носить корон, что подтверждается художественными изображениями этих правителей (герцогов, князей и графов), представленными в книжных миниатюрах, в церковных стенописях и мозаиках, в пластике. Отсюда можно сделать вывод, что признание за короной исключительно значения символа короля и королевских прав не могло не предопределить и того, что корона как элемент герба в Западной Европе, в Дании в частности, поначалу должна была обнаружить себя именно в королевской "геральдике" Уже то обстоятельство, что на датских монетах и печатях XIII XIV вв. корона, подобно гербовому щиту и шлему, использовалась в качестве символа короля, подготовило почву для превращения ее в один из гербовых элементов. И как несколько ранее королевский шлем был приведен в связь с гербовым щитом, так и корона в конце концов была соединена с тем же щитом, или непосредственно, или в качестве знака на шлеме. В Дании это произошло во второй половине XIV столетия, как свидетельствуют "геральдические" памятники того времени: надгробие королевича Кристофера, герцога Лолланнского (ум. 1363) (цв. илл. 16), фресковая стенопись церкви св. Петра Нестведского монастыря (ок. 1375 г.) (цв. илл. 2) и печать короля Олафа III (1376 г.) (илл. 125).

Первое время корона могла представать на королевском рыцарском шлеме, приведенном в связь со щитом, что наблюдаем на фреске в церкви св. Петра, где шлем Вальдемара Аттердага помещен над верхним правым углом пустого щита, и на Кронборгском фризе, содержащем изображение герба Эрика Померанского (1420-е годы). Но эта традиция продержалась недолго, ибо после Эрика Померанского в Дании не принято было изображать королевский герб с рыцарским шлемом. И только иностранные памятники конца XV в. (гербовник Грюненберга 1483 г.) и первой половины XVI в. (герб Кристиана II в гербовниках ордена Золотого Руна) по-прежнему представляли гербовый щит короля Дании со шлемом, увенчанным короной.

В последней трети XIV в. зародился другой обычай, ставший во второй половине XV в. господствующим правилом, согласно которому королевская корона изображалась непосредственно над гербовым щитом короля Дании. Такую композицию обнаруживаем на надгробии герцога Кристофера Лолланнского и на одной из печатей короля Олафа III (1376 г.) (илл. 125), а впоследствии находим ее на памятниках, датируемых временем царствования королей Ольденбургского дома (с 1448 г.).

Впрочем, как и в прежние времена, во второй половине XIV и XV в. королевский герб мог изображаться без короны. Таким, например, его видим в Гельдернском гербовнике (ок. 1375 г.), на печатях и монетах королей Эрика Померанского и Кристофера III Баварского (1440–1448) и на портрете короля Кристиана I Ольденбургского с супругой (ок. 1480 г.) (цв. илл. 14). Без короны предстает также герб Датского королевства – щит с тремя львами на скиллингах времени двух междуцарствий: 1448 и 1533 гг.[6]

В дальнейшем, со времени вступления на престол Кристиана III (1534 г.) и до дней ныне царствующей (с 1972 г.) королевы Маргреты II, корона, по обыкновению, являлась элементом королевского составного герба и собст

[6] *Bendixen K.* Op. cit. S. 52, 60.

вению герба Датского королевства. Правда, с тех пор как королевский герб стали изображать на фоне мантии, каковая традиция берет начало с конца XVII в., именно мантия, а не щит, часто увенчивалась короной, что мы обнаруживаем и в гербе королевы Маргреты II (цв. илл. 50).

Если в XI–XII вв. корона королей Дании могла быть и "открытой" (*åben krone*), т.е. без какого-либо верхнего покрытия, как на печати короля Кнута IV (илл. 4), и "закрытой" (*lukket krone* или *bøjlekrone*), каковой ее обнаруживаем на печати короля Кнута VI (ок. 1194 г.) (илл. 5), то со времени царствования Вальдемара II (1202–1241), вплоть до XVII в., она представала всегда "открытой". При этом следует иметь в виду, что указанные термины – "открытая" и "закрытая" короны – стали употребляться только в XIX столетии.

Первоначально, в XIII–XV вв., как выше отмечалось, королевскую корону открытого типа на разнообразных памятниках (печатях, монетах и т. д.) обычно принято было представлять с тремя трилистниками. Но затем, при королях из Ольденбургского дома, корона стала изображаться с пятью, шестью, семью и девятью трилистниками, иногда еще с несколькими остроконечниками, и при этом с теми характерными особенностями, которые служили удовлетворению художественных вкусов эпохи позднего Средневековья и начала Нового времени. При этом гербовый щит одного и того же короля Ольденбургской династии мог увенчиваться коронами с различным числом зубцов, отличавшихся к тому же индивидуальными особенностями. Так, в Бодульфиской церкви, находящейся в городе Ольборге, гербовый щит короля Кристиана I изображен с короной, имеющей пять трилистников (ок. 1450 г.), а на печати этого короля 1459 г. обнаруживаем корону с пятью большими трилистниками и четырьмя меньшей величины (илл. 143). Короной с девятью трилистниками увенчан также гербовый щит короля Кристиана I, изображенный в капелле Святых Трех Королей Роскиллеского собора (после 1460 г.) (цв. илл. 45), но в данном случае все зубцы имеют одну величину и форму[7]. На печати короля Ханса, которая была в употреблении с 1484 по 1512 г., представлена корона с шестью трилистниками и пятью маленькими остроконечниками (илл. 145). Но на монументе этого короля, созданном в 1503 г. мастером Адамом ван Дюреном, и на его надгробной стеле, которая была установлена в соборе св. Кнута города Оденсе, таких трилистников насчитывается семь, а маленьких зубчиков – шесть[8] (илл. 26). Над гербовыми щитами четырех последующих королей, царствовавших в XVI в., – Кристиана II, Фредерика I, Кристиана III и Фредерика II – обычно изображалась корона с пятью трилистниками и несколькими зубцами меньшей величины. Впрочем, в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря сохранилось изображение герба Кристиана III, увенчанного короной с семью трилистниками, а в Хельсингёрском соборе можно увидеть герб Фредерика II, написанный в 1567 г. Йеспером Матиессеном, над которым помещена корона с тремя трилистниками. Короны и с тремя, и пятью большими трилистниками изображались также над гербовыми щитами Кристиана IV и Фредерика III[9].

---

[7] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 84–85.

[8] Ibid. S. 89–91.

[9] Ibid. S. 40–44, 91–128.

Такое видовое разнообразие корон, которое обнаруживается в гербах королей Дании из Ольденбургского дома, царствовавших во второй половине XV – середине XVII в., может находить свое объяснение в том обстоятельстве, что на исходе Средневековья и в начале Нового времени, с ослаблением и затем падением религиозно-символического миросозерцания, корона стала утрачивать в западноевропейском, в том числе геральдическом, искусстве связь с идеальным небесным первообразом. Это, в свою очередь, свидетельствовало об умалении сакрального значения короны, о превращении ее в символ преимущественно светского королевского статуса. Новые душевные переживания, определявшие умозрение человека западноевропейского культурно-исторического мира, вели к тому, что королевская корона, несомненно, продолжавшая оставаться зримым источником "геральдической" короны, под влиянием менявшихся суетных художественных вкусов сама видоизменялась, причем эти изменения могли происходить в течение царствования одного и того же короля. Так, при Кристиане IV на некоторых памятниках, в первый раз на далере 1624 г.[10], появляются изображения королевской короны, имевшей верхнее покрытие, хотя сам Кристиан IV, а затем и его сын Фредерик III (1648–1670) венчались на царство короной открытого типа, разные изображения которой можно увидеть на памятниках, датируемых первыми десятилетиями правления Кристиана IV.

Королевская корона с верхним покрытием при Кристиане IV и Фредерике III, несомненно, существовала в действительности и служила прообразом для создания "геральдической" закрытой короны, но при этих королях она еще не употреблялась в качестве коронационной. И только по случаю предстоявшей коронации наследника Фредерика III, его сына Кристиана V, состоявшейся в 1671 г., вероятно, в 1670 г., была изготовлена корона с верхним покрытием, которой затем венчались на царство и другие датские короли[11].

Следует отметить, что введение в Дании "закрытой" короны отвечало духу времени: в XVI–XVII вв. такие короны вошли в употребление и в других королевствах Западной Европы. Распространение этого нового типа королевской короны свидетельствовало о том, что в западноевропейском культурно-историческом мире и в Новое время продолжало существовать единое представление о смысловом содержании и внешнем виде символов королевской власти.

Именно корону образца 1670 г. при Кристиане V вошло в обыкновение брать в качестве источника для изображений "геральдической короны" королевского герба, что было закреплено регламентом от 25 апреля 1693 г. Впоследствии, в 1819 г. и затем в 1972 г., в изображение этой короны были внесены некоторые несущественные изменения, впрочем, сохранившие ее главные элементы. В нынешнем виде корона королевского герба представляет собой украшенную драгоценными камнями диадему с четырьмя маленькими зубцами и пятью трилистниками, соединенными вверху таким же

---

[10] Ibid. S. 117.

[11] *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995. S. 18–19.

числом дуг, несущих державу, или буквально "государственное яблоко" (*rigsæble*), на которой водружен крест[12] (цв. илл. 50).

Со времени первых Ольденбургов окончательно утвердился обычай, зародившийся еще в последней четверти XIV в., увенчивать королевской короной и гербовый щит собственно Датского государства. Также и датские принцессы, в XV–XVII вв. выходившие замуж за иноземных государей, представлялись с гербовыми щитами, увенчанными коронами своих отцов и братьев – королей Дании. Об этом, например, свидетельствует изображение герба дочери Кристиана III Анны, с 1548 г. жены курфюрста Августа Саксонского, содержащееся в "Кулинарной книге" М. Румпольта, которая была издана в 1587 г. во Франкфурте-на-Майне. В этой книге, напечатанной с посвящением курфюрстине Анне Датской, обнаруживается королевская корона над щитом с составным гербом ее брата, короля Фредерика II, который тот стал использовать после завоевания фризской области Дитмаршен в 1559 г. (илл. 60).

Присутствие королевской короны в гербах датских принцесс следует объяснять тем, что сами эти гербы принадлежали королям Дании. Другими словами, корона являлась элементом королевского герба, который использовался в качестве знака, указывавшего на принадлежность принцессы к датскому королевскому дому. В этом обычае отразилось восходившее к эпохе зарождения геральдики представление о гербе как эмблеме мужчины-воина, рыцаря и о том, что женщины не имеют личных гербов, а только используют гербы своих родственников-мужчин: отцов, братьев и мужей.

Но, обозревая изображения "геральдических" корон при гербах королей Дании второй половины XV – середины XVII в., нельзя не заметить, что с утратой значения типического знака они могли представать в несколько ином виде, нежели те короны, которые увенчивали головы государей на их портретных изображениях. Так, например, на далере 1597 г. с одной стороны помещен образ короля Кристиана IV с короной, которая имеет три трилистника и два остроконечных зубца, с другой же стороны представлен составной королевский герб, увенчанный короной с пятью трилистниками и четырьмя остроконечными зубцами (илл. 154).

Утрата короной значения сакрального типического знака королевской власти, вероятно, стала причиной и того, что отныне не только в гербах королей, но и в гербах их подданных корона стала использоваться в качестве дополнительного элемента. В XVI в. открытые короны с тремя трилистниками появились на трех шлемах в гербах герцогов Шлезвига и Гольштейна, сыновей и потомков королей Дании. Но эти короны не имели своего прообраза в короне герцогов, ибо таковой короны в действительности не существовало. К этому добавим, что одна из корон увенчивала шлем с эмблемой короля Норвегии; но и о норвежской короне источники XVI–XVIII вв. ничего не сообщают. Иначе говоря, короны в гербе герцогов Шлезвига и Гольштейна были "геральдическими" знаками. В таком виде их герб, а также титул графов и графинь Шлезвига и Гольштейна, в XVII в. носили дети короля

Кристиана IV от его морганатической жены Кирстины Мунк, в частности граф Вальдемар Кристиан (1622–1656). Эти дети Кристиана IV и вовсе не обладали статусом владетельных князей. То обстоятельство, что короны на шлемах герцогов и графов Шлезвига и Гольштейна были отвлеченными "геральдическими" знаками, подтверждается также сходством их художественных свойств, находившихся в зависимости от стилевых особенностей той или иной эпохи.

Никогда не существовали в действительности и прообразы "геральдических" корон, которые были введены в царствование Кристиана V (1670–1699) для гербов законнорожденных королевских детей: одна для кронпринца (престолонаследника), другая для принцев и принцесс Дании. Их изобразил художник Герман фон Гам в начале 1690-х годов, и они были утверждены королем в регламенте от 25 апреля 1693 г. Эти короны тоже относятся к типу закрытых корон, но в отличие от королевской, снабженной в своей верхней части пятью дугами, короны кронпринца и принцев имели таких дуг только по три. Кроме того, все три короны различались между собой навершием: королевская имела крест с державой, кронпринца – только крест, а корона принцев – лишь жемчужину[13] (илл. 221).

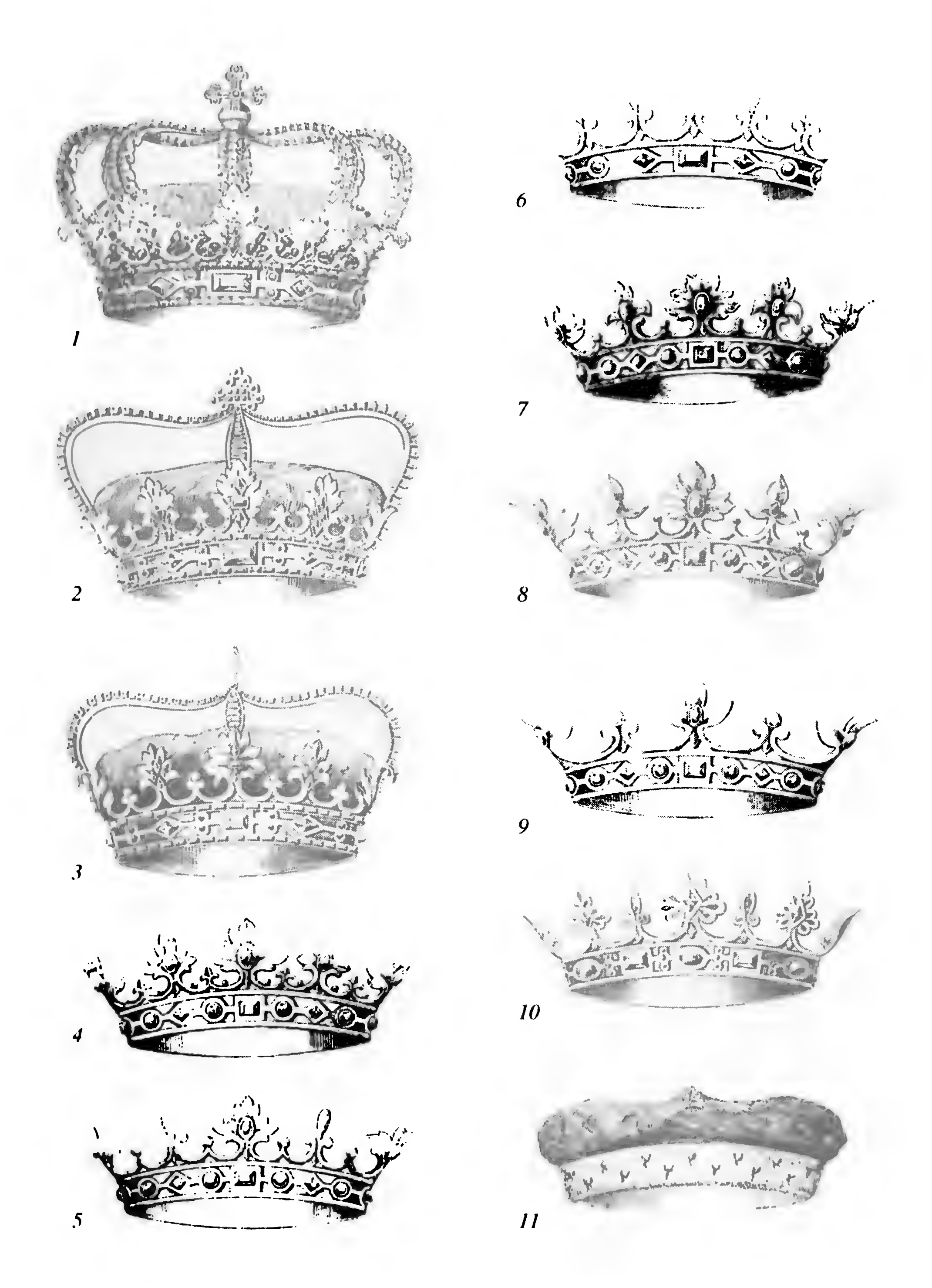
Подтверждением мысли о том, что королевская корона в датской геральдике со временем приобрела значение отвлеченного "геральдического" знака, служит присутствие короны в роли элемента дворянских гербов. Самые ранние свидетельства о дворянских гербах с коронами восходят ко второй четверти XV столетия. Это, во-первых, герб, изображенный на Копенгагенском фризе, который, вероятно, принадлежал рыцарю Педеру Люкке аф Стадсгорд[14], советнику короля Эрика Померанского. Другой герб представлен на печати вебнера Эрика Геда, употреблявшейся в 1431 г.[15] Обе короны изображены на рыцарских шлемах. Внешне они представляют собой диадему, украшенную тремя трилистниками, и очень походят на королевскую корону, которую находим на шлеме, помещенном над гербовым щитом короля Эрика Померанского на Кронборгском фризе. Поскольку другие представители дворянских родов Люкке и Гед ни в XV, ни в XVI в. не увенчивали свои гербы коронами, можно предположить, что в данном случае мы имеем дело с личным "геральдическим" знаком, возможно, пожалованным королем Эриком своим верным дворянам.

Но в XV столетии в Дании появляются и такие родовые дворянские гербы, в которых короны в виде трилистника становятся постоянными элементами. Среди подобных гербов – герб Вернера Парсберга (ум. 1484), ближайшего советника короля Кристофера III Баварского (1440–1448), и его потомков[16], а также гербы Эверта Мольтке аф Бавельсе (1435–1442 гг.) и Якоба Мольтке (1507 г.)[17].

Впрочем, для датской геральдики XV–XVI вв. приведенные примеры следует рассматривать еще не в качестве правила, но как исключение из

---

[13] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 18–19.
[14] *Achen S.T.* En middelalderlig våbenfrise i København // Herald. Tidsskr. 1966. N 14. S. 195.
[15] DAS II. G XII 2.
[16] Ibid. L XVI 2–8.
[17] Ibid. D XVI 2, 3, 9.

Илл. 221 Короны, утвержденные регламентом 1693 г.: 1 короля, 2 кронпринца, 3 принцев, 4 графов Гюлленлёве, 5 на шлем и щит графов, 6 на шлем и щит баронов, 7 в щите графов и баронов, 8 в щите дворян, 9 на шлем и щит дворян, 10 герцогов, маркграфов, ландграфов, князей и иностранных принцев, 11 шапка для курфюрстов

оного, ибо в гербах большей части датских дворян того времени короны отсутствовали.

И только в начале эпохи абсолютизма, при короле Кристиане V, за короной окончательно закрепляется значение элемента дворянского герба. Правда, и тогда право на помещение этого знака в своих гербах получили лишь некоторые категории датских дворян. Вначале оно распространилось на лиц, удостоенных титулами графов и баронов, после учреждения последних 25 мая 1671 г. Тогда были введены соответственно графская и баронская короны, принадлежавшие к типу открытых корон; их предписывалось располагать над щитом вместо шлемов. В том же указе определялось, что младшие сыновья, а также дочери графов должны были носить баронский титул, и, как следствие, в их гербах могла изображаться только баронская корона. Указанное правило действительно стало применяться на практике, о чем свидетельствуют гербы двух сыновей графа Брокдорфа, изображенные в конце XVII в. в матрикулах Королевской рыцарской академии в Копенгагене, где эти графские отпрыски воспитывались. Что же касается детей баронов, то все они могли носить отцовский титул и употреблять в своем гербе баронскую корону[18].

Графские и баронские короны становились, кроме того, необходимым элементом гербов графств и баронств, которые графы и бароны, согласно их привилегиям 1671 г., могли учреждать из своих имений. Исключение составляет лишь гербовый щит графства Валлё (Vallø), учрежденного в 1713 г. королем Фредериком IV для его морганатической жены Анны Софии Ревентлов. Гербовый щит этого графства увенчан княжеской короной, соответствовавшей короне личного герба этой особы как княгини Шлезвигской.

Что касается местоположения корон в графских и баронских гербах, то они изображались либо непосредственно над щитом при отсутствии шлемов, что случалось чаще всего, либо на шлемах, как, например, в гербах графств Лангеланн (1677 г.), Ледреборг (1746 г.) и баронства Хольберг (1747 г.) (цв. илл. 4, 52), либо одновременно на щите и шлемах, что обнаруживаем в гербе баронства Линненборг (1767 г.). Впрочем, в случае с упомянутыми баронствами присутствие в их гербах коронованных шлемов объясняется тем, что сами эти гербы явились повторением личных гербов владельцев баронств[19].

Вслед за графами и баронами привилегию на употребление открытой короны над своими гербами, согласно орденским статутам от 11 марта 1679 г., получили нетитулованные рыцари ордена Слона. По указу от 13 марта 1683 г., помимо графов, баронов и рыцарей ордена Слона, корону над щитом дозволено было иметь также лицам, достигшим чина тайного советника и высших генеральских званий, причем тайные советники, как и орденские рыцари, могли изображать над щитом баронскую корону. Однако каких-либо свидетельств о том, что тайные советники и рыцари ордена Слона воспользовались данной привилегией, не сохранилось[20].

Вереницу королевских указов, содержащих правила относительно употребления корон в гербах датчан, завершает регламент от 25 апреля

[18] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 10–11.

[19] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1998. N 58. S. 386–400.

[20] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 13, 20–21.

1693 г., учредивший рыцарскую капеллу в замке Фредериксборг для орденов Слона и Даннеброга. В этом регламенте, как мы уже упоминали в разделе о шлемах, содержались рисунки и описания ранговых корон (*rangkroner*), которыми следовало украшать гербы орденских рыцарей, чтобы в таком виде помещать их изображения в орденских книгах и на стенах названной капеллы (илл. 221). Помимо упоминавшихся корон короля, кронпринца и принцев, здесь находим следующие короны: для гербов побочных отпрысков королей Фредерика III и Кристиана V, носивших фамилию Гюлленлёве, графскую, баронскую, единообразную графскую и баронскую, которую следовало помещать над щитком, две так называемые дворянские, иностранных владетельных особ (герцогов, ландграфов, маркграфов, принцев), а также шапку немецких курфюрстов. Последние были призваны служить отличительным знаком гербов нетитулованных дворян: одна предназначалась для размещения над главным щитом, другая – над щитком. Перечисленные короны титулованных и нетитулованных дворян относились к типу открытых корон и различались между собой количеством, величиной и формой зубцов, имевших разную конфигурацию, в том числе в виде пальмовых листьев (*palmetter*) и трилистников, и украшавшихся жемчужинами (*perler*).

Регламент 1693 г., впрочем, лишь узаконил существовавшую практику использования датчанами большей части перечисленных корон. Так, дворянские короны мы можем видеть на шлеме герба Педера Гриффенфельдта, который ему был пожалован в 1673 г. (илл. 113), и в гербе Маттиаса Мота, брата возлюбленной короля Кристиана V Софии Амалии Мот, утвержденном в 1679 г. Ту же картину наблюдаем и в отношении княжеской короны, свидетельством чему являются гербы членов фамилии Гюлленлёве, датируемые 1679 г., а также корон графской и баронской, употреблявшихся с 1671 г., когда были учреждены достоинства графов и баронов. К тому же гравюры с изображениями "геральдических" корон графов и баронов были помещены прежде в привилегиях, напечатанных в 1688 г.[21]

Помимо ранговых корон датская геральдика конца XVII и начала XVIII столетия знает еще два вида корон: так называемую античную (*antikkrone*) с пятью заостренными зубцами и маркграфскую с тремя пальмовыми листьями и четырьмя зубцами с жемчужинами наверху. Античная корона впервые встречается в гербе побочного сына короля Фредерика III Ульрика Фредерика Гюлленлёве, помещенном на его печати, употреблявшейся в 1677 г. Согласно королевскому патенту от 4 мая 1695 г., эта корона была закреплена единственно за графами и графинями Даннескьольд (Даннескьольд-Самсёе и Даннескьольд-Лаурвиген), потомками побочных королевских сыновей, носивших фамилию Гюлленлёве. В упомянутом патенте говорилось, что "античная корона" (*en antique Crone*) Даннескьольдов должна была иметь "четыре высоких и четыре низких зубца" (*fire høye og fire lauge takker*), но это правило не соблюдалось: число зубцов короны в гербах Даннескьольдов всегда равнялось пяти[22].

[21] Ibid. S. 11–19.

[22] Ibid. S. 15; *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 157–159.

Что же касается маркграфской короны, то она обнаруживается только в гербах двух иностранцев, а именно итальянцев, которым король Фредерик IV, находясь в Италии в 1708–1709 гг., пожаловал титул маркграфов[23].

Княжеская корона (*fyrstelige krone*) представлена в гербах членов фамилии Гюлленлёве. Кроме того, она изображена в гербах Элизабеты Хелены Вирег, с 1703 г. графини аф Антворсков, и Шарлотты Хелены фон Шиндель, с 1710 г. графини аф Фредериксхольм, – возлюбленных короля Фредерика IV, а также в гербе морганатической жены того же короля Анны Софии Ревентлов, которая в 1712 г. была возведена в достоинство княгини Шлезвигской. Княжеская корона в гербе последней, впрочем, имеет одно отличие: она, как и королевская корона, предстает с верхним покрытием[24]. Этим, вероятно, подчеркивался статус Анны Софии как супруги короля.

Возникновение во второй половине XVII в. идеи отличать гербы дворян различных рангов соответствующими этим рангам коронами, несомненно, было обязано тому духу рационализма, который господствовал в Западной Европе в XVII–XVIII вв. и который, как выше отмечалось, тогда же привел к появлению мысли о ранговых шлемах. Подобно шлемам, короны должны были служить типическими символическими знаками дворян, причислявшихся к различным разрядам дворянского сословия. Возглавлял это сословие король, понимавшийся как первый дворянин. Последующие ступени в иерархии занимали соответственно, кронпринц, принцы, побочные потомки королей (Гюлленлёве и Даннескьольды), графы, бароны, нетитулованные дворяне и особы, приравненные к дворянам.

Самая идея о ранговых коронах и шлемах в Дании, вероятно, была позаимствована из Франции, где она стала пробивать себе дорогу еще в 1640–1660-е годы, вначале в сочинениях "геральдических" писателей, а затем и на практике – в изображениях гербов[25].

Короны античная, маркграфская и княжеская всегда помещалась над щитом вместо шлема. Короны графов и баронов могли изображаться как непосредственно над щитом, так и на шлеме, о чем свидетельствуют изображения шлемов с этими коронами, предстающие в качестве образцов в регламенте 1693 г. и на рисунках, выполненных Германом фон Гамом, а также гербы в патентах. Например, корону, непосредственно увенчивающую щит, обнаруживаем в гербах Могенса Фрииса, графа аф Фриисенборг (1671 г.) (илл. 112), Ивера Юля Хёега, барона аф Хёгхольм (1681 г.) (цв. илл. 30), и барона Георга Мольтке-Росенкранца (1828 г.)[26]. Напротив, короны, возложенные на шлемы, встречаем, например, в гербах канцлера Педера Шумахера, графа аф Гриффенфельдт (1673 г.) (илл. 113), Фредерика Алефельдта, графа аф Лангеланн (ок. 1677 г.) (илл. 210), графов Алефельдт-Лаурвиген (1785 г.), Алефельдт-Лаурвиг-Билле (1883 г.)[27] и барона Людвига Хольберга (1747 г.) (цв. илл. 52). Кроме того, известны случаи, когда над короной,

---

[23] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 16.

[24] Ibid. S. 15–16.

[25] Н.Г. Бартольди находит первые следы идеи о ранговых коронах и шлемах в следующих французских книгах: *Palliot P.* La Vraye et Parfaite Science des Armoirie. P., 1664; *Vulson de la Colombière M. de.* La Science Heroiqve. P., 1644, 1669 (Ibid. S. 16–17).

[26] *Holstein P.* Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 164.

[27] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber. S. 392–393, 398.

которой увенчивался щит, изображался еще коронованный шлем (или шлемы). Так, в гербе Шак Брокдорфа, барона аф Скееленборг (1691 г.)[28], видим над баронской короной один шлем с той же короной, а в гербе графа Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса аф Фриисенборг (1867 г.) над графской короной предстают три шлема, увенчанные этой же короной (илл. 123).

Если в графских и баронских гербах имелся щиток, то он тоже украшался короной, но не той, о которой говорится в регламенте 1693 г., а соответственно графской и баронской. Это правило, действовавшее и в отношении княжеской короны, впрочем, не всегда соблюдалось, о чем свидетельствуют гербы графов Фредерика Алефельдта аф Лангеланн (ок. 1677 г.), Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса аф Фриисенборг (1867 г.) и барона Георга Мольтке-Розенкранца (1828 г.). Не обнаруживаем короны над щитками и в гербах нетитулованных дворян, например, в гербе Маттиаса Мота (1679 г.).

Отметим еще, что коронами в датских гербах могли увенчиваться шлемовые эмблемы и щитодержатели. Обычай изображать шлемовые эмблемы одновременно с коронами, расположенными непосредственно над щитом, берет свое начало в королевских гербах конца XIV – начала XV столетия, о чем свидетельствуют изображения этих эмблем над гербовыми щитами короля Вальдемара Аттердага в церкви св. Петра Нестведского монастыря (цв. илл. 2) и Эрика Померанского на Кронборгском фризе. То же наблюдаем в гербах рыцарей Педера Люкке на Копенгагенском фризе и Вернера Парсберга в Гельдернском гербовнике (цв. илл. 33) каковые изображения датируются второй четвертью XV в.; но в последнем гербе замечаем и новшество: короной здесь украшен не только щит, но и самая шлемовая эмблема. Корону, увенчивающую шлемовую эмблему – сидящего на коронованном шлеме льва, – видим и над гербом короля Дании, изображенном в гербовнике Конрада Грюненберга (1483 г.) (илл. 39). Обе эти короны выглядят тоже одинаковыми: диадема с пятью трилистниками, тремя большими и двумя малыми. Впоследствии, уже во второй половине XVII в., схожая эмблема была усвоена для гербов королевских бастардов, носителей фамилии Гюлленлёве, и их потомков графов Даннескьольд (Самсёе, Лаурвиген и Лёвендаль): у первых лев нес княжескую корону, а у вторых – античную, каковые, как известно, изображались и над гербовыми щитами Гюлленлёвов и Даннескьольдов. От графов Даннескьольд-Лаурвиген, после смерти в 1783 г. их последнего представителя, Кристиана Конрада, эта шлемовая эмблема вместе с графством Лаурвиген, согласно королевскому патенту 1795 г., перешла к их дальнему родственнику графу Кристиану Алефельдту, а в дальнейшем к его потомкам, графам Алефельдт-Лаурвиг-Билле (1883 г.) и Алефельдт-Лаурвиг-Лен (1905 г.)[29].

Из герба Даннескьольдов графы Алефельдт-Лаурвиген и Алефельдт-Лаурвиг-Билле позаимствовали для своих новых гербов также щитодержателей – слона и льва в шлеме, тоже увенчанного античной короной, но при этом на шлемах и щитке в гербах Алефельдтов были сохранены графские короны. Коронованных щитодержателей, увенчанных графской короной львов, находим и в гербе Шарлотты Хелены фон Шиндель, графини аф Фре-

[28] *Bartholdy N.G.* Rangkroner... S. 12.
[29] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener... S. 160.

дерикехольм (1710 г.), фаворитки короля Фредерика IV. Эти графские короны также не соответствовали коронам главного щита и щитка, которые, как мы помним, были княжескими.

Помимо вышеназванных гербов, короны как знак королевской милости могли быть пожалованы и для отличия гербов городских. Это, например, произошло в 1661 г., когда король Фредерик III дозволил копенгагенцам, в ознаменование доблести, проявленной ими при обороне датской столицы от шведского войска, увенчать герб их городской общины открытой короной, состоявшей из пяти зубцов – трех больших и двух меньшей величины. И это служит еще одним свидетельством того, что в Новое время корона в датских гербах приобрела значение отвлеченного "геральдического" знака.

Таким образом, становление короны как элемента герба проходило в зависимости от тех душевно-духовных переживаний, которыми характеризовалась культурно-историческая жизнь датского, и в целом западноевропейского, общества в эпоху Средневековья и в Новое время. История "геральдической" короны начиналась в то время, когда ее прообраз – корона королевская мыслилась как сакральный и одновременно мирской символ короля, представляясь религиозно-символическому миросозерцанию типическим образом короны Небесного Царства в конкретно-чувственной обусловленности. Этим объясняется то, что вначале (в XIV в.) корона стала элементом именно королевского герба. Но в духовной жизни Западной Европы позднего Средневековья уже проступали черты, свидетельствовавшие об упадке религиозно-символического миросозерцания, что с неизбежностью вело к утрате представлений о сакральном значении королевской короны. На новой духовной почве в Западной Европе, Дании в частности, и возникла мысль об использовании короны в качестве элемента не только герба короля, но и гербов лиц, не имевших королевского достоинства. В гербах этих лиц короны начинают представать как знаки отличий, пожалованных королями. Путем таких пожалований короны могли также становиться элементами гербов городских общин, примером чего служит внесение короны в герб Копенгагена по воле Фредерика III. По внешнему виду короны, которые в период с XV до конца XVII в. становились элементами дворянских и городских гербов, имели те типические черты, которыми в XIII–XV вв. характеризовалась королевская корона. Отсюда делаем вывод, что именно королевская корона послужила прообразом "геральдической" короны, помещавшейся в течение около трех столетий в гербах подданных короля Дании. Следовательно, эта "геральдическая" корона поначалу также мыслилась в качестве королевской, исполняя роль почетного знака, полученного от короля. Однако вторая половина XVII в. в жизни Западной Европы ознаменовалась ростом нового мировоззрения, питавшегося идеями рационализма. Под влиянием этого мировоззрения в 1670–1690-е годы в Дании укоренилась мысль о делении дворян на разряды, следствием чего явилась идея, ранее получившая развитие в сочинениях западноевропейских писателей и уже находившая практическое применение в других странах Западной Европы, отличить каждый из дворянских разрядов типическим знаком в виде ранговой "геральдической" короны. В результате на датской почве, помимо понятия о королевской короне, появляются понятия о коронах лиц, которые принадлежали к различным разрядам дворян, титулованным и нетитулованным. Но в отли

чие от королевской короны, продолжавшей оставаться образом существовавшей в действительности короны короля, эти новые виды корон в Дании представляли собой только отвлеченные художественные изображения, или, иначе говоря, чисто "геральдические" знаки – элементы гербов. Впрочем, и в таковом качестве они далеко не всегда находили употребление в датской геральдике XVIII–XIX вв., в условиях, когда иерархия дворянских разрядов под воздействием новых общественных настроений постепенно теряла свое изначальный смысл. С падением же сословного строя в Датском королевстве в середине XIX в. ранговые короны, за исключением королевской, и вовсе утрачивают статус знака общественно-правового положения лица. Отныне короны сохранялись в гербах как дань традиции, подкрепленной правилами формальной геральдики. Этой традицией, сложившейся в эпоху сословного строя, объясняется и то обстоятельство, что в XX в. гербы датчан, которые не принадлежали к дворянским родам, обычно не содержали изображений корон.

Глава шестая

ЩИТОДЕРЖАТЕЛИ

Первые, весьма немногочисленные, изображения держателей щитов с эмблемами в Западной Европе встречаются на памятниках, датируемых второй половиной XII – началом XIII в., преимущественно на печатях. В роли таких щитодержателей обычно выступали рыцари, чаще всего конные[1] Древнейшие датские изображения подобного рода восходят ко времени правления короля Вальдемара II (1202–1241). На самой ранней печати этого государя, употреблявшейся в 1204 г. (илл. 47), изображен скачущий на коне рыцарь, бывший, несомненно, образом самого короля; он держит щит с тремя львами. Под документом, датированным 1225 г.[2], сохранилась печать неизвестного датского вельможи, на которой щит с эмблемой держит пеший воин.

В XIII–XIV столетиях на печатях, принадлежавших знатным дамам, было принято изображать женские фигуры в соприкосновении с гербовыми щитами и шлемами их отцов и мужей. Такие композиции наблюдаем, например, на печатях госпожи Ростокской Софии Шведской (1237 г.), герцогини Риксы (1350-е годы)[3] (илл. 116), супруги герцога Ютландского Вальдемара V (ум. 1364), и госпожи Гислы (1388 г.), вдовы дроста короля Дании рыцаря Хеннинга Подебуска[4].

Все эти держатели гербовых щитов, обнаруживаемые на печатях, конные и пешие рыцари, а также благородные дамы, – уже в силу того факта, что они являлись образами самих владельцев этих печатей, еще, очевидно, не могут рассматриваться в значении собственно "геральдических" щитодержателей. Поэтому правильнее будет отнести их к предтечам последних, или к протощитодержателям.

Но в XIII столетии зародился и обычай представлять на западноевропейских, в частности датских, печатях гербовые щиты в сопровождении разного рода символических изображений, среди которых встречаем образы животных. Так, на печати короля Эрика VI, употребленной в 1287 г. (илл. 129), с правой и левой сторон от щита с королевским гербом, в едва заметном со

---

[1] *Trætteberg H.* Skjoldholder // KLNM. 1971. Bd. XVI. S. 579–583.

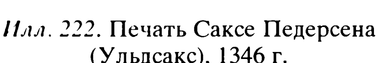
[2] DAS. N 6.

[3] DKS. N 18, 141.

[4] DAS. N 897.

Илл. 222. Печать Саксе Педерсена (Ульдсакс), 1346 г.

Илл. 223. Печать Андерса Педерсена Стюгге, 1326 г.

прикосновении с ним, видим двух маленьких орлов. То же положение около гербового щита занимают и два грифона – а один, кроме того, предстает над щитом – на печати 1346 г.[5], принадлежавшей рыцарю Саксе Педерсену (род Ульдсакс) (илл. 222). Фигуры орлов и грифонов на указанных печатях еще не выступали в роли собственно держателей щитов, но то место, которое они занимали по отношению к щитам, в XIV в. было принято отводить именно "геральдическим" щитодержателям. Первый пример, позволяющий говорить об использовании при гербовом щите датчанина образов животных в качестве собственно щитодержателей, обнаруживаем на печати, которую в 1326 г. использовал рыцарь Андерс Педерсен Стюгге. На этой печати представлен щит, удерживаемый с правой стороны грифоном, а с левой – львом; кроме того, над щитом изображен дракон[6] (илл. 223).

Нетрудно заметить, что сведения о существовании в Дании XIII–XIV вв. традиции изображать гербы в сопровождении щитодержателей (или протощитодержателей) почерпается почти исключительно из иконографии печатей. Другие виды источников датской геральдики (церковные фрески, живописные портреты, гербовники и т.д.), содержащие образы щитодержателей, относятся в основном к XV и последующим столетиям. Отсюда можно предположить, что в Дании самая традиция изображения щитодержателей зарождалась и получала дальнейшее развитие, по-видимому, вследствие тех задач, которые ставились перед мастерами при художественном оформлении печатей. Дело в том, что в Средние века печать являлась предметом, на котором гербовые щиты могли представляться в сопровождении разного рода украшений или дополнительных знаков. Имея публичное признание и находясь в частом употреблении, печать лучше любого другого предмета представляла зрителю те символические знаки, которыми владелец печати же-

[5] Ibid. N 352.
[6] Ibid. N 185.

лал сопроводить изображение своего гербового щита. Кроме того, на появление щитодержателей на печатях могло оказать влияние самое умозрение средневекового человека, которое не терпело пустого пространства в художественных изображениях, вследствие чего заполняло его различными знаками.

Что касается духовных основ, подготовивших появление "геральдических" щитодержателей, то следует вспомнить, что высокое и позднее Средневековье характеризовалось усилившейся тоской человека западноевропейского культурно-исторического мира по зримому образно-символическому и аллегорическому представлению своих душевных религиозных и мирских переживаний. Найдя отражение в памятниках зодчества, живописного и пластического искусства периода позднего романского стиля и особенно эпохи расцвета и заката готики (XIII–XV вв.), эта душевная потребность в образном, символико-аллегорическом представлении умозрительной идеи как проявление духа времени, вероятно, не могла не стать и тем источником, который породил мысль о дополнении гербового щита знаками щитодержателей. В их образах носители гербов наглядно представляли те религиозные и светские понятия, с которыми они хотели индивидуально явить себя миру горнему и дольнему. Как герб символизировал своего владельца, так и щитодержатели, воплощая в зрительном образе задушевную идею владельца герба, становились дополнительными знаками его индивидуальности. Сама потребность в дополнении гербов субъективно переживаемыми идеями в виде символических или аллегорических образов щитодержателей свидетельствовала о том, что в эпоху высокого и особенно позднего Средневековья на западноевропейской почве все больше укоренялся дух самовыражения через внешние знаки. В этой связи любопытно отметить, что становление щитодержателей как элементов герба происходит именно в то время (XIV–XV вв.), когда герб окончательно превратился в лично-родовую эмблему. Очевидно щитодержатели должны были удовлетворить усиливавшуюся тоску по знаковой выразительности личности.

Примеры тому находим в иконографии датских печатей. В отличие от щитовых и шлемовых эмблем, держатели гербовых щитов на печатях датчан у членов одного и того же рода, по обыкновению, представлены разными образами. Так, на печатях рыцаря Хенрика Кнутсена (1401 г.), его сына Кнута Хенриксена (1457 г.) и Андерса Эриксена (1440 г.) из рода Гюлленстьерне роль щитодержателей выполняют соответственно: один медведь (или собака), одна женщина и один орел[7]. Рыцарь Аксель Педерсен (1417 г.), представитель не менее аристократического датского рода Тотт, пожелал дополнить свой герб щитодержателями в образе женщины и дикаря. Также две фигуры, но уже предстающие в образе орлов, удерживают щит сына Акселя Педерсена, рыцаря Олафа Аксельсена (1433 г.). Братья же последнего рыцари Оге (1440 г.), Эрик (1450 г.) и Ивар (1446 г.) – избрали себе в качестве щитодержателей соответственно: одну женщину, одного святого и одного ангела. Но сын Оге Аксельсена, рыцарь Бенгт Огесен (1477 г.), употреблял фигуру щитодержателя своего отца[8]. Впрочем, в дальнейшем представители

[7] DAS II. G XVI 11, 19, 22.
[8] Ibid. I. XVIII 4, 12, 15, 18, 20, 50.

родов Гюлленстьерне и Тотт при своих гербах щитодержателей не изображали. Из этого можно заключить, что в ранний период своей истории щитодержатели при гербах имели значение личных, а не родовых знаков. Очевидно также, что в Средние века щитодержатели еще не рассматривались в качестве постоянного элемента герба. Этот вывод подтверждается тем обстоятельством, что в геральдических трактатах XIV–XV вв. о щитодержателях ничего не говорится.

Такой характер – личного и необязательного знака – щитодержатели в датской геральдике преимущественно сохраняли и в XVI–XVII столетиях. Так, в "Альбоме Кристена Холька" (ок. 1580 г.) представлен герб Кнута Браге, при котором показаны два щитодержателя: охотник и обнаженная женщина. Оба щитодержателя были не родовыми, а личными знаками владельца герба, ибо другие представители рода Браге, в частности старший брат Кнута, знаменитый астроном Тихо Браге, носили тот же герб без сопровождения указанных знаков. Их происхождение объяснялось обстоятельствами частной жизни Кнута Браге. В гостях у одного из родственников он познакомился и затем вступил в близкую связь с девицей из какого-то дворянского рода. Вскоре девушка забеременела, и ее родные, зная, кто был ее совратителем, попытались принудить Кнута жениться на ней. Но он не захотел вступать в брак и, покинув Данию, отправился в добровольное изгнание за границу. Находясь в Страсбурге, Кнут повстречался со своим знатным соотечественником Кристеном Хольком. Результатом этой встречи и стало появление в альбоме последнего изображения гербового щита Кнута Браге с образами щитодержателей, посредством которых представлялась причина, побудившая Кнута покинуть Данию[9]. Очевидно, что появление этих образов было обусловлено тем, что Кнут желал отразить внешние обстоятельства своей жизни. Следовательно, им руководило не религиозно-символическое умозрение, видевшее в художественном образе зримо явленное подобие идеального прообраза, а обмирщенное сознание, уже сделавшее решительные успехи на западноевропейской почве в XVI столетии. Иными словами, в начале Нового времени в датской геральдике щитодержатели исполняли роль символов и аллегорий, отражавших мирские переживания владельцев гербов. В то же время нельзя забывать, что разложение религиозно-символического миросозерцания уже явственно давало о себе знать в позднее Средневековье, так что указанная роль щитодержателями, вероятно, могла начать исполняться еще в XV столетии.

В XVII–XVIII вв. выражение мирских настроений через образы щитодержателей получило еще большее распространение. Так, на гравированном портрете графа Педера Гриффенфельдта изображен графский герб без щитодержателей, а на медали, выпущенной в честь этого вельможи в 1674 г., тот же герб передан в сопровождении фигур двух языческих божеств: Дианы и Аполлона (их имена выбиты на медали)[10]. Использование изображений этих древнегреческих богов графом Гриффенфельдтом при гербовом щите вполне отвечало духу времени. Обращение к образам античных богов было свойственно духовной атмосфере позднего Средневековья и начала Нового

[9] См.: *Prange K.* Heraldik og historie. Kbh., 1962. S. 19.
[10] См.: *Hougaard P.* En heraldisk guldhornsafbilding af 1679 // Herald. Tidsskr. 1970. N 21. S. 49.

времени, характеризовавшейся нараставшим влиянием идей, противных христианскому миросозерцанию. Эти образы были обильно представлены также в изобразительном и словесном искусстве классицизма, господствовавшего на европейской земле во второй половине XVII и XVIII столетии. И образный мир геральдики, конечно, не мог не испытать на себе эти перемены, происходившие в мировоззрении человека Западной Европы.

Илл. 224. Печать Торбена Билле, 1507 г.

Впрочем, к исходу Средневековья в Дании наряду с использованием образов щитодержателей как личных знаков начала утверждаться традиция рассматривать их в качестве наследственных эмблем. Об этом свидетельствует наследование Бенгтом Огесеном из рода Тотт (1477 г.) щитодержателя, бывшего при гербе его отца, а также использование с XVI в. фигуры дикаря в роли щитодержателя представителями аристократического рода Билле. Впервые она была представлена на печати Торбена Билле, употребленной в 1507 г.[11] (илл. 224).

Что побудило этого вельможу изобразить дикаря при своем гербовом щите, точно не известно. В "Гербовнике Анны Краббе" (ок. 1600 г.), обнаруженном в архиве Роскиллеского Дворянского женского монастыря, на фоне горного пейзажа изображен дикарь, который держится за дерево и над головой которого проставлены, первое над вторым, два слова: "Kuinne Wildmandt" ("Женщина Дикарь"). Тут же рассказывается о косматом карлике, который во время засухи посоветовал одному из представителей рода Билле соорудить "мельничные жернова" (*Kuerne Møller*). При этом карлик отождествляется с "дикарем" (*Vildmand*), который находится при "гербе" (*Vabenn*) "Таге (Билле)". Но сам текст, вероятно, передан в пересказе Анны Краббе[12]. Поэтому надпись "Kuinne Wildmandt" могла возникнуть позже, и, быть может, появление слова "Kuinne" обязано неправильному прочтению слова "Kuerne" в более ранней рукописи. Во всяком случае, дикарь, изображенный в гербовнике с бородой и мужественной статью, никак не походит на женщину.

Как бы то ни было, сообщение Анны Краббе имеет характер баснословного предания, которое побуждает современных исследователей искать другие мотивы, которые привели к появлению щитодержателя в образе дикаря на печати Торбена Билле. Так, существует предположение, что этот образ отражал обстоятельства семейной жизни Торбена. В 1502 г. он женился на возлюбленной короля Ханса Эдель Йерксьег, но брак долгое время оста

[11] DAS II. L XX 37.

[12] *Buhl I.* Tre heraldiske Håndskrifter i Roskilde Adelige Jomfrukloster // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 210–212.

вался бесплодным. И тогда, возможно, Торбен и решил прибегнуть к "талисману" короля Кристиана I – дикарю как аллегории плодовитости (см. ниже). И действительно, после 1507 г. жена родила ему двоих детей[13]. Именно эти дети, зная о том, кому они обязаны своим появлением на свет, затем продолжили изображать дикаря как щитодержателя при гербе, сделав его родовым знаком.

Это предположение, однако, можно согласовать с рассказом Анны Краббе, если этот рассказ понимать не буквально, а иносказательно. Тогда возможно предположение, что "засуха" – это бесплодие, "мельничные жернова" – то средство, которое позволило преодолеть "засуху", а "мохнатый карлик", или дикарь, – аллегория мужской силы, заставившей эти жернова увлажнить засохшую почву. К этому прибавим, что дерево, за которое держится дикарь на картинке в гербовнике, могло олицетворять родословное древо, которому дикарь не дал засохнуть.

Еще в большей степени значение наследственных знаков при гербовых щитах за щитодержателями утвердилось в конце XVII в., когда вошло в обыкновение в гербовых грамотах (например, графов Даннескьольд), помимо других элементов герба, описывать и фигуры щитодержателей, если, конечно, таковые предусматривались. Постепенно устанавливается также традиция упоминать в описаниях гербов "подножие" (*fodstykke*) или, как сказано в описании герба королевы Маргреты II (1972 г.), "каменную консоль" (*stenkonsol*), на которых эти фигуры представали[14].

Таким образом, именно к концу XVII в. щитодержатели в Дании приобрели статус элемента герба, стали "геральдическими" щитодержателями без всяких оговорок. Почва для признания за щитодержателями этого статуса, несомненно, была подготовлена тем, что к XVII в. герб превратился в художественное изображение, которое включало не только эмблемы щита и шлем, но и сами эти ставшие к тому времени отвлеченными знаками бывшие предметы рыцарского вооружения. Герб как картина мог отныне дополняться различными элементами, имевшими значение смысловое или декоративное. Среди этих дополнительных элементов получили признание и образы щитодержателей, которые исполняли роль знаков, символов и аллегорий. Отцам формальной геральдики, укоренившейся под влиянием идей рационализма на западноевропейской почве к концу XVII в., своим авторитетом оставалось только закрепить статус щитодержателей как возможных элементов герба. И мы помним, что положения формальной геральдики с XVII в. определяли характер геральдической мысли в Дании, так что с этого времени и на почве теоретических умозаключений щитодержатели не могли не признаваться датчанами как элементы гербов.

Впрочем, и в конце XVII, и затем в XVIII–XX вв. лишь незначительное число датских гербов, преимущественно графских (Гюлленлёве, Даннескьольд-Лаурвиген, Даннескьольд-Самсёе, Алефельдт-Лаурвиген, Алефельдт-Лаурвиг-Билле, Краг-Юель-Винд-Фриис и др.) или баронских

---

[13] *Buhl I.* Vildmænd som frugtbarhedssymbol og skjodholdere ved det danske kongevåben // Ibid. 1970. N 22. S. 64.

[14] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 227; *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 152.

(Хольберг, Мольтке-Россенкранц и др.), предполагало наличие щитодержателей. К этому следует прибавить, что и в Новейшее время гербы, за которыми закреплены определенные щитодержатели, могли по-прежнему изображаться без них.

В сопровождении фигур щитодержателей иногда представали гербы датских городов. Так, в гербе, пожалованном Эриком Померанским городу Мальмё, щитодержатели не предусматривались (1437 г.), отсутствуют они и на гербовых печатях этого города, бывших в употреблении в 1443 и 1460–1552 гг. Однако на печати, изготовленной в 1508 г., появляется изображение щитодержателя в образе дикаря, держащего в руке палицу, а на печати, которая использовалась в 1574–1610 гг., помимо дикаря представлена еще и фигура женщины. На печати же, которая употреблялась в 1613–1655 гг., снова щитодержатели отсутствуют[15]. Нет их и в современном гербе Мальмё[16]. В 1661 г. щитодержатели в образе двух львов появляются в гербе Копенгагена (илл. 75), но это произошло уже по королевской воле, закрепленной гербовой грамотой. Впоследствии, однако, обновленный тогда копенгагенский герб вошло в обыкновение изображать без щитодержателей.

Число щитодержателей в датских гербах могло не превышать одной фигуры, что чаще всего наблюдаем на средневековых печатях, а также в гербе рода Билле. Но с конца XVII в., как правило, таких фигур насчитывалось две. Занимая по отношению к щиту самое различное положение, они могли быть одинаковыми или разными, смотрящими на щит или в противоположную сторону (*tilbageseende*), сидящими (*siddende*), лежащими (*liggende*) и даже ползущими (*krybende*). Щитодержатели представали в образе ангелов и святых, которые часто встречаются на памятниках католического времени (до 1536 г.), женщин (порой обнаженных), охотников, матросов, персонажей античной мифологии, так называемых дикарей (*vildmænd*), снабженных обычно дубинами, или палицами (*køller*). Ими могли быть представители животного мира: львы, иногда увенчанные коронами, медведи, лошади, слоны, олени и различные птицы. Наконец, роль щитодержателей исполняли сказочные существа – драконы, грифоны, единороги, сфинксы.

В то же время следует отметить, что фигуры щитодержателей поначалу обычно своим внешним видом никак не соотносились с эмблемами, представшими на щите или шлеме[17]. В дальнейшем, однако, с конца XVII столетия, это обыкновение отходит в прошлое. И мы видим, что, например, одним из двух щитодержателей в гербах потомков побочных королевских сыновей (Гюлленлёве), носивших титул графов Даннескьольд-Лаурвиген и Даннескьольд-Самсёе (конец XVII в.), являлся восстающий лев в шлеме, который своим происхождением, вне всякого сомнения, был обязан гербам Дании (три льва) и Норвегии (один лев). Также в гербе графа Могенса Краг-Юель-Винд Фрииса (XIX в.) одна из щитовых эмблем – голова лошади, являвшаяся гербом древнего дворянского рода Винд, из которого происходил граф, послужила источником для создания щитодержателей в образе двух восстающих

---

[15] DKSS. Tavle 28.
[16] *Nevéus C., Wærn B.J. de.* Ny svensk vapenbok. Stockholm, 1992. S. 104–105.
[17] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. S. 218–226; *Tætteberg H.* Skjoldholder. S. 585–591

лошадей. Далее замечаем, что с конца XVII в. щитодержатель, происходивший от знаков щитовых эмблем, мог составлять пару с щитодержателем иного происхождения, что наблюдаем в гербах графов Даннескьольд-Лаурвиген и Даннескьольд-Самсёе, в которых в роли второго щитодержателя выступает слон – знак ордена Слона и символ королевского дома Дании. Этот щитодержатель графы унаследовали от своих отцов – побочных королевских сыновей Гюлленлёве, в гербах которых щитодержателями изображались два слона. Наконец, от XIX в. известен случай, когда два разных щитодержателя составляли пару вследствие соединения в одном щите тех гербов, при которых они уже раньше изображались. Имеются в виду фигуры дикаря и восстающего льва в гербе графа Алефельдт-Лаурвиг-Билле (1883 г.): образ первого щитодержателя происходил от дикаря-щитодержателя из герба рода Билле, а второй вел свое происхождение через герб графов Алефельдт-Лаурвиген (1785 г.) от геральдического щитодержателя герба графов Даннескьольд-Лаурвиген[18].

Не сразу укоренилась традиция изображать одни и те же щитодержатели в качестве дополнительного знака и в гербе королей Дании. Выше отмечалось, что на печати короля Эрика VI Менведа слева и справа от его гербового щита были изображены два орла, которые едва соприкасались с самим щитом. Эти знаки, которые впоследствии никогда не выступали в роли держателей щитов, заключавших гербы королей Дании, скорее всего, являлись гербовой эмблемой маркграфов Бранденбургских, из рода которых происходила мать короля Эрика Менведа, королева Агнесса. Если это так, то появление орлов на печати датского короля, справа и слева от его гербового щита, может находить свое объяснение в том, что они должны были указывать на родство Эрика VI с владетелями Бранденбурга. Однако ответа на вопрос, зачем потребовалось делать такое указание, в источниках не находим. Поэтому можно только предполагать, что здесь мы имеем дело с определенной тенденцией, которая в последней четверти XIII – начале XIV в. пыталась проложить себе дорогу в датской геральдике, найдя свое отражение в гербах мужских представителей рода герцогов Ютландских – Вальдемара IV и его сына Эрика II. Их гербовые щиты, как мы уже знаем, заключали одновременно эмблемы отцовского и материнского рода[19]. На печати же их современника, короля Эрика Менведа, мысль о совмещении эмблем отцовского и материнского рода выразилась иначе. И произошло это, по-видимому, потому, что, по представлениям того времени, герб короля Дании еще не мог быть заключен в одном щите с какой-либо другой гербовой эмблемой. Будучи же помещенной с внешней стороны гербового щита короля Эрика, эмблема рода его матери заняла именно то место, которое впоследствии отводилось щитодержателям. Самая мысль о создании такой композиции могла зародиться у вдовствующей королевы Агнессы Бранденбургской. Она являлась правительницей королевства при своем малолетнем сыне и в таковом качестве употребляла королевскую печать от его имени. Быть может, это свое политическое положение она и постаралась отразить посредством одновременного изображения щита с гербом короля Дании и гербовым знаком своего рода.

[18] *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 393.
[19] См. с. 247.

Следующей фигурой, которую, однако, обнаруживаем уже в роли держателя гербового щита датского короля, был маленький ангел (putti). Его наблюдаем поверх щита, заключавшего гербы Дании, Швеции, Норвегии, Померании и шведского королевского рода Фолькунгов на большой печати Эрика Померанского (1398 г.). Сохранилось также изображение составного герба этого короля на кресле каноника, созданном во вторую половину царствования короля Эрика для Киркебёской церкви, находящейся на одном из Фарерских островов. Здесь гербовый щит удерживают уже три ангела: один сверху и два с боков (илл. 34). В обоих случаях ангелы-щитодержатели, вероятно, должны пониматься в значении ангелов-хранителей гербовой эмблемы, а через нее и самого владельца этой эмблемы – короля Эрика.

На первой печати следующего датского короля, Кристофера III Баварского, употреблявшейся в 1441 г., щит с гербом Дании поддерживает женщина, а другой, четверочастный щит, заключающий крест и гербы Баварии, Пфальца и Славян, – ангел (илл. 137). На второй печати короля Кристофера, впервые употребленной в 1444 г., в роли держателей его многочастного щита, в котором помимо означенных эмблем присутствуют еще эмблемы Швеции и Норвегии, выступают два маленьких ангела (илл. 138). Кроме того, на печати Кристофера, которой он скреплял свои обязательства, вступая на датский престол в 1440 г.[20], и на которой изображены только его родовые гербы, пфальцграфов Рейнских и герцогов Баварских, в качестве щитодержателей представлены два обращенных к щиту сидящих льва, а также ангел, простертый над щитом. Эту печать, впрочем, еще нельзя считать собственно печатью короля Дании, поскольку на ней изображены лишь гербы Пфальца и Баварии в сопровождении легенды, называющей Кристофера "пфальцграфом Рейнским и герцогом Баварии" (S' CRISTOFFERI COMITIS PALATINI RENI ET BAUARIE DUCIS); хотя в документе, который она скрепляет, Кристофер уже величает себя, помимо только что указанных титулов, обычным со времени Вальдемара Аттердага титулом датских государей: "король Дании, Вендов и Готов" (*Danmarcs Windis oc Godis koning*).

Такое разнообразие щитодержателей, которые сопровождают изображения гербов второго датского короля эпохи Кальмарской унии, объясняется тем, что щитодержатели в это время еще не рассматривались в качестве элемента королевского или княжеского герба. Подобно щитодержателям при дворянских гербах XIV–XV вв., первые щитодержатели при гербах королей Дании имели характер личных знаков. Так, щиты с родовыми гербами короля Кристофера Баварского на его печатях предстают в сопровождении разных фигур щитодержателей: сидящих львов на княжеской и ангелов на королевской печати. Если бы львы уже являлись непременным дополнительным элементом гербов Пфальца и Баварии, то, очевидно, оба этих щитодержателя, или хотя бы один из них, были бы употреблены в качестве щитодержателей составного герба короля Кристофера, чего, однако, мы не наблюдаем на его королевских печатях. Поэтому можно предположить, что в XV в. щитодержатели изображались при гербах королей Дании, равно как и при дворянских гербах, еще в качестве символических или аллегорических знаков, которые указывали на те или иные, для нас остающиеся неизвест

[20] DKS. N 65.

ными, обстоятельства личной жизни владельцев этих гербов. В таком значении, вероятно, щитодержатели около двух столетий изображались при гербах и представителей Ольденбургской династии.

Основатель этой королевской династии в Дании, граф Кристиан Ольденбургский, в самом начале своего правления, в 1449 г., использовал печать с гербовым щитом, который держали два дикаря (илл. 139). У этих щитодержателей, однако, еще нет палиц, с которыми впоследствии, при преемниках короля Кристиана, по обыкновению, их принято было изображать. Причина, по которой Кристиан I избрал на роль щитодержателей образы дикарей, своего объяснения в письменных источниках XV в. не находит. Впрочем, отсутствие письменных свидетельств, современных Кристиану I, относительно смыслового содержания, которое скрывалось за этими образами, вполне объясняется характером умозрения средневекового человека, привыкшего в изобразительном и словесном искусстве выражать свои душевные переживания языком многозначных символов и аллегорий. Их подлинный смысл был известен тому, кто их представлял, а также его посвященным в суть дела современникам. Все прочие люди как бы призывались к толкованию знаков. Это касалось и последующих поколений, которые к тому же жили уже в иных культурно-исторических условиях и, тем самым, в своих истолкованиях не могли не исходить из представлений своего времени. Толкования могли вызываться и той причиной, что со смертью употребителя знака смысловое содержание последнего утрачивалось. Мы помним, что так происходило с щитовыми знаками; так, по всей видимости, случалось и с щитодержателями. Утерян был первоначальный смысл герба короля Дании, не перешло к потомкам и то понятие, которое прилагалось к дикарям-щитодержателям при Кристиане I. Во всяком случае, в королевской семье Дании, ведущей свое происхождение от Кристиана, о происхождении дикарей в гербе датского короля никаких преданий не сохранилось. Таким образом, нельзя не признать, что эти щитодержатели отражали личные переживания основателя Ольденбургской династии, и, следовательно, об их символическом и аллегорическом значении можно строить только предположения, основывая их на косвенных фактах, свидетельствующих об обстоятельствах частной или, поскольку речь идет о короле, политической жизни Кристиана I.

Известно, что образ дикаря, или лесного человека (лат. *homo silvestris*), получил широкое распространение в западноевропейском искусстве позднего Средневековья. С этого времени он начинает употребляться и в качестве щитодержателя при гербах в различных странах Западной Европы. Позднейшие толкователи, жившие в XVI–XX вв., обычно сходились на том, что дикарь олицетворял природную дикость и силу, а вместе с тем животную необузданность, телесное распутство, любовь плотскую, противопоставлявшуюся любви духовной, и, наконец, мужскую силу, позволяющую продолжить род[21]. На основе последнего толкования образа дикаря в датской геральдической литературе Новейшего времени утвердилась точка зрения, согласно которой дикарей-щитодержателей при гербовом щите Кристиана Ольден-

[21] *Холл Дж.* Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999. С. 213; *Buhl I.* Vildmænd som frugtbarhedssymbol... S. 57–64; *Achen S.T.* Vildmand // KLNM. 1976. Bd. XX. S. 68–69.

бургского следует понимать как олицетворение плодовитости, чадородия. Повелевая изобразить дикарей при своем гербовом щите, король Кристиан тем самым иносказательно выражал свое желание иметь потомство (прежде всего мужское, дающее продолжение роду и династии), каковым были обделены его ближайшие предшественники на датском престоле – Эрик Померанский и Кристофер Баварский[22]. К этому следует присовокупить, что Кристиан I по вступлении на престол женился на вдове Кристофера Баварского, Доротее Бранденбургской, что могло получить аллегорическое истолкование в образе дикарей как знаков надежды на будущую плодовитость новобрачных. И надежда эта оправдалась: у Кристиана и Доротеи родились два сына и дочь.

Впрочем, еще раз подчеркнем, что ныне бытующее представление о дикарях при гербовом щите Кристиана I как аллегориях плодовитости основано на предположении. Но в чем нельзя сомневаться, так это в том, что появление этих образов в качестве щитодержателей было обусловлено душевными переживаниями короля в конкретный отрезок его личной и политической жизни. Подтверждением тому служит тот факт, что впоследствии Кристиан I приказывал изображать и другие знаки при своих гербовых щитах. Так, в 1450 г., после того как он стал королем Норвегии и внес эмблему этого королевства в свой составной герб, была изготовлена новая королевская печать, на которой щитодержатели предстают в образе двух восстающих львов (илл. 140). О причине замены этими знаками двух дикарей королем Кристианом тоже в письменных источниках не обнаруживается свидетельств. Поэтому, памятуя о том, с каким событием было связано появление львов в роли щитодержателей (вступление Кристиана на норвежский трон), можно предполагать, что они служили символами двух королевств под властью Кристиана I. Во всяком случае, в датском и норвежском гербе львы являлись главными знаками, что могло породить мысль представить их и в качестве держателей королевского щита. Если это так, то тогда здесь мы имеем дело с зарождением обычая, который окончательно утвердился на датской почве в конце XVII в., – использовать в роли щитодержателей фигуры львов составного герба короля Дании.

На смену указанной печати в 1457 г. пришла другая, на которой представлены изображения пяти отдельных щитов, расположенных справа, слева и снизу от восседающего на троне короля[23]; те из них, на которых представлены гербы Дании и Норвегии, держат ангелы; другие два, с гербом Ольденбурга и крестом, снизу поддерживаются дикарями; при этом оба дикаря опираются на длинные палицы и одновременно подпирают одной ногой находящийся между ними пятый щит, на котором изображены гербы Готов и Славян (илл. 156).

В том же 1457 г. Кристиан был признан королем в Швеции, следствием чего стало появление его новой гербовой печати, на которой щит с составным королевским гербом, включавшим и шведскую эмблему, держат справа рыцарь, вероятно, образ небесного покровителя Швеции – св. Эрика, и слева дикарь с поднятой палицей (илл. 141).

---

[22] *Buhl I.* Vildmænd som frugtbarhedssymbol... S. 62–64.
[23] DKS. N 75.

Еще одна печать короля Кристиана I была изготовлена в 1459 г.; на ней при щите с составным королевским гербом в качестве щитодержателей представлены образы женщины (или ангела) и дикаря (илл. 143). Этот составной герб заключал щиток с гербами Шлезвига и Гольштейна, государем которых – соответственно герцогом и графом – в тот год стал король Кристиан. Существует мнение, что именно последним обстоятельством объясняется произошедшая тогда замена щитодержателя в виде фигуры рыцаря на фигуру женщины[24]. Данное предположение, однако, может вызвать сомнение, ибо составной герб короля Кристиана, который представлен на печати 1459 г., вскоре был изображен на стене капеллы Святых Трех Королей в Роскиллеском соборе в сопровождении другой пары щитодержателей: рыцаря и дикаря (цв. илл. 45).

Из сказанного выше с очевидностью следует, что Кристиан Ольденбургский употреблял различные образы держателей при своих гербовых щитах. Но при этом образ дикаря был единственным, который являлся в таковом качестве на протяжении всего его царствования. Отсюда можно заключить, что король Кристиан I рассматривал дикаря как свой постоянный личный знак, в котором аллегорически находила отражение любезная его королевскому сердцу идея. В этом он следовал духу времени, поскольку позднее Средневековье характеризовалось как раз тем, что многие западноевропейские государи принимали в качестве личных знаков разного рода эмблемы, такие, как, например, красная и белая роза английских королей из династий Ланкастеров и Йорков или дикобраз французского короля Людовика XII.

Разными фигурами щитодержателей сопровождал свои гербы и сын Кристиана I, король Ханс. На одной его печати, бывшей в употреблении в 1484–1512 гг., видим в качестве таковых льва и львицу (илл. 145); на другой, датируемой 1500 г., обнаруживаем одиннадцать щитов, окружающих восседающего на троне короля. Из них семь – с гербами Дании, Швеции, Норвегии, Гольштейна, Стурмарна, с сердцами и львом (разбитый на две эмблемы герб Готов) – никто не поддерживает, хотя поблизости от них и расположены образы людей (возле герба Дании два воина). Прочие же четыре щита поддерживаются разными фигурами, как-то: одним ангелом (щит с крестом), одним рыцарем (гербы Шлезвига и Славян) и двумя воинами с алебардами (герб Ольденбурга) (илл. 147). В то же время на надгробной стеле короля Ханса, его королевы Кристины и их малолетнего сына Франца, созданной около 1515 г., щитодержателями при большом королевском гербе показаны два дикаря с палицами (илл. 26). Эти же щитодержатели украшают герб королей Дании, который изображен на титульном листе парижского издания "Деяний датчан" Саксона Грамматика (1514 г.) (илл. 33), и на гравюре Лукаса Кранаха Старшего, содержащей портрет короля Кристиана II (1523 г.) (илл. 30).

При ближайших преемниках Кристиана II, Фредерике I, Кристиане III и Фредерике II, королевский герб, как можно заключить по сохранившимся его датским изображениям, относимым к XVI в., не принято было сопровождать щитодержателями. Впрочем, Й. Биркерод в своей книге об ордене Слона, изданной в 1704 г., поместил гравюру, на которой гербовый щит короля Дании

[24] *Warming P.* Christiern I.s skjoldholdere // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 2–6.

подпирается двумя слонами; кроме того, на этой картине присутствует дата "1581" и подпись: "Insignia Friderici II Regis Danie et Norveg"[25]. Каково было происхождение этой гравюры, Й. Биркерод не сообщает. Но такой же гербовый щит со слонами-щитодержателями был представлен на гравюре немецкого художника Йоста Аммана (1539–1591) в "Кулинарной книге" М. Румпольта, напечатанной в 1587 г. во Франкфурте-на-Майне с посвящением супруге курфюрста Августа Саксонского Анне Датской (1532–1585), сестре короля Фредерика (илл. 60). Действительно, оба герба почти неотличимы друг от друга, так что даже возникло предположение о копировании Биркеродом изображения герба с гравюры франкфуртского издания[26]. Поскольку "Кулинарная книга" вышла с посвящением курфюрстине Анне, то утвердилось мнение, что и герб, представленный в этой книге служил ее символом как представительницы королевской семьи Дании. И такое мнение вполне согласуется с практикой использования датскими принцессами гербов своих отцов и братьев-королей. Действительно, многочастный гербовый щит, изображенный в "Кулинарной книге", несомненно, принадлежал Фредерику II, что доказывается присутствием в нем эмблемы герцогства Дитмаршен, появившейся в составном королевском гербе только после 1559 г. К этому следует добавить, что слон также считался личным знаком Фредерика II. Другое дело, что по датским источникам герб короля Дании в сопровождении слонов щитодержателей не прослеживается. Поэтому мы вправе предположить, что слоны в роли щитодержателей королем Фредериком II не использовались. А появление их в такой роли на гравюре Й. Аммана следует признать результатом измышлений иностранного художника, вероятно, знавшего о том, что король Дании считает слона своей личной эмблемой. Сама же гравюра была создана Амманом, по-видимому, еще за несколько лет до издания "Кулинарной книги", быть может, в 1581 г., на что указывает дата на гравюре в книге Биркерода. Последний, надо полагать, и воспроизвел работу Аммана по оригиналу или его копии, которые впоследствии были утрачены.

Щитодержатели в образе двух дикарей вновь начинают включаться в изображения королевского герба при Кристиане IV. Но на его надгробии в Роскиллеском соборе помещен гербовый щит, удерживаемый двумя львами, вероятно, "наследниками" тех львов, которых уже употреблял в качестве щитодержателей предок Кристиана IV, Кристиан I. Чем, однако, было обусловлено присутствие львов при гербовом щите Кристиана IV, неизвестно. Левые, например, могли символизировать два королевства – Датское и Норвежское, в которых царствовал Кристиан IV. Но нельзя исключать и того, что они олицетворяли отвлеченную силу или выполняли декоративные задачи, как это часто случалось с образами животных в эпоху барокко. Как бы то ни было, в прижизненных гербах Кристиана IV в роли щитодержателей были представлены только дикари. Только их обнаруживаем и в гербах всех последующих королей Дании. Следовательно, можно утверждать, что в XVII в. дикари-щитодержатели окончательно стали элементом королевского герба, и вместе с тем за ними закрепилось значение родовых знаков Оль

---

[25] *Bircherodius Janus.* Breviarium eqvestre, seu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Ejusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704. P. 18.
[26] *Krag H.* Hvorfra kom Elefantene? // Herald. Tidsskr. 1961. N 3. S. 58–59.

денбургской династии, первоначальный смысл которых, однако, к тому времени или сильно замутился, или вовсе был утрачен.

Обычно королевский щит держали два дикаря. Но иногда в XVIII в., например, на далере короля Кристиана VII 1781 г.[27], при щите с гербовой эмблемой Дании изображался только один из дикарей. Их фигуры могли представать в разном положении по отношению к щиту, в разнообразных позах и с палицами, положенными на плечи или опущенными вниз. В гербе ныне царствующей королевы Маргреты II два дикаря изображены в непринужденных позах. У одного, стоящего справа, голова несколько повернута по направлению к щиту, другой смотрит прямо; каждый из них в одной руке держит по опущенной палице, другая же рука покоится на поверхности щита, как бы удерживая оный. В резолюции королевы Маргреты от 5 июля 1972 г., в которой утверждались изменения в королевском гербе, эти щитодержатели описаны как "два стоящих на каменной консоли дикаря с дубовым венцом на голове и пояснице, а также с палицами в опущенных руках"[28].

Но, несмотря на то, что щитодержатели в образе дикарей получили официальное признание как дополнительные знаки полного королевского герба, после XVII в., например, при изображении в орденской капелле, находящейся в замке Фредериксборг, этот герб по-прежнему часто мог изображаться без щитодержателей. А в малом гербе Датского королевства они и вовсе не предусмотрены.

С конца XVII в. двух дикарей принято также включать в полный герб кронпринцев Дании. Основанием для возникновения этого обычая, несомненно, послужило то, что со времени установления в Датском королевстве абсолютизма (1660 г.) кронпринцы как законные наследники престола получили право на ношение королевского составного герба. Этот обычай сохранился и после 1848 г., когда в Дании была установлена ограниченная (конституционная) монархия, о чем свидетельствует и полный герб кронпринца Фредерика, старшего сына королевы Маргреты II. Два дикаря, позаимствованные из полного королевского герба, были включены также в качестве щитодержателей в герб Анны Софии Ревентлов, княгини Шлезвигской (1712 г.). Через эти знаки, вероятно, указывалось на ее положение морганатической супруги короля Фредерика IV.

Таким образом, история щитодержателей в датской геральдике начиналась в XIV–XV вв. с их использования в качестве дополнительных личных знаков владельцев гербов, как символов и аллегорий, отражавших душевную тоску конкретной личности по знаковому выражению своей индивидуальности. Поначалу приведение в связь герба и личного знака производилось на печатях, которые своей иконографией в Средние века лучше всего могли передать в зримых образах душевное настроение человека. Роль родовых знаков щитодержатели при гербах датчан начали исполнять на рубеже Средневековья и Нового времени, в конце XV – XVI столетии, когда окончательно утвердилось представление о гербе как художественном изображении.

---

[27] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 83, 85.

[28] "Det (våbenet. – *B.A.*) holdes af to på en stenkonsol stående vildmænd med egekrans om hoved og lænd samt med køller i de fravendte hænder" (цит. по: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 152).

Одновременно на датской и в целом западноевропейской почве начало укореняться представление о щитодержателях как дополнительных элемента герба, что и было закреплено положениями формальной геральдики XVII–XVIII вв., утвердившейся на почве рационалистических воззрений. История щитодержателей есть также история их смыслового содержания. Зародившись в эпоху начала разложения религиозно-символического миросозерцания, они, конечно, не могли не являться зримым выражением постепенного угасания этого миросозерцания. Обнаружив свои зачатки явственно в позднее Средневековье, новая духовность, отражавшая душевную тоску человека по суетным "прелестям этого мира", стала определять характер культурной жизни Западной Европы в Новое время. В условиях роста и затем господства обмирщенного сознания и духовного индивидуализма щитодержатели наделялись значением, которое отражало преимущественно мирские переживания, возникавшие вследствие обстоятельств личной жизни владельца герба. Влиянием этой духовности также объясняется зарождение обычая использовать в роли шитодержателей знаки щитовых эмблем и символа (слона) короля и королевской династии.

Глава седьмая

ГЕРБОВАЯ МАНТИЯ

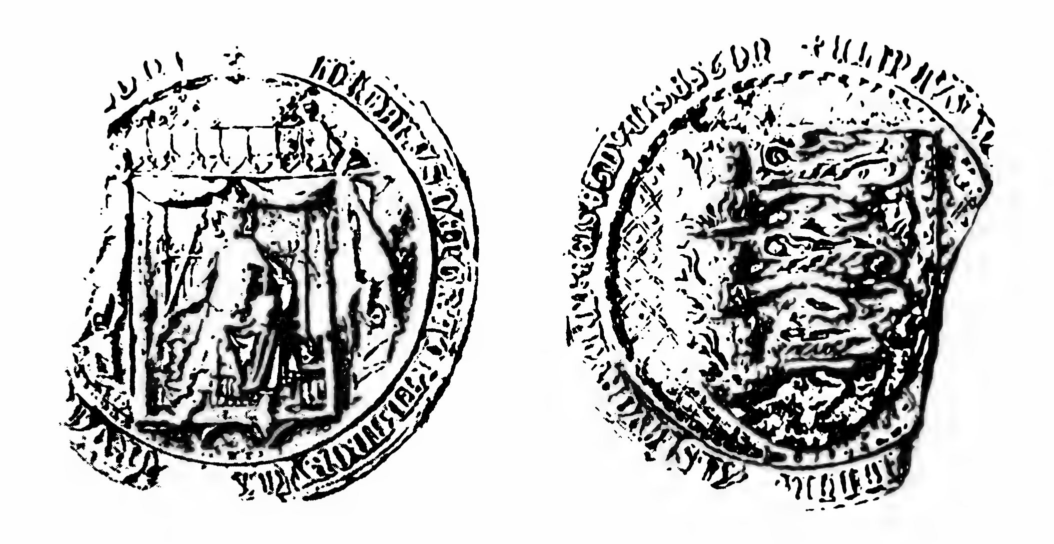
Этот элемент герба зародился в XVII в. во французской геральдике, под влиянием которой в царствование короля Кристиана V (1670–1699) он утвердился и в геральдике датской. Одновременно из сочинений французских теоретиков геральдического искусства XVII в. (Ф. Моро, М. де Вюльсон де Ла Коломбьер, К.Ф. Менетрие и др.) датчанами, вероятно, была позаимствована и мысль о делении данного элемента герба на два вида – на собственно гербовую мантию (*våbenkappe*) и гербовый шатер (*våbentelt*), или, если использовать русский геральдический термин, сень[1].

Собственно гербовая мантия, имевшая своим источником, скорее всего, плащ, набрасываемый на плечи, начиная с 1670-х годов, получила употребление в датских гербах, принадлежавших некоторым титулованным особам, например, графам Гриффенфельдт (1673 г.) (илл. 113), Алефельдт аф Лангеланн (ок. 1677 г.) (илл. 210) и Алефельдт-Лаурвиг-Лен (1905 г.). При рассмотрении этих гербов нетрудно заметить, что мантия в них, будучи изображена по единому правилу, не только предстает фоном для герба, но также является одним из дополнительных его элементов: вместо отсутствующего намета она накрывает шлемы, тогда как ранговые короны и шлемовые эмблемы изображены поверх нее.

Внешнюю сторону гербовой мантии было принято передавать с пурпурным, красным или синим цветом, а внутреннюю – как бы подбитой горностаевым мехом. Ее концы, стянутые вверх, по примеру мантий во французских гербах, обычно представлялись завязанными ниспадающими шнурами.

В отличие от собственно гербовой мантии сень ведет свое происхождение от балдахина (фр. *pavillon*), под которым мог размещаться королевский трон. Первое известие об использовании в Дании тронного балдахина (*tronbaldakin*), который в Новое время, а может быть, уже и в конце Средних веков, приобрел значение символа суверенного государя, чья власть проистекала только от Бога и его собственного меча[2], обнаруживается на печати типа "величества" короля Вальдемара Аттердага 1345 г.[3] (илл. 225). Доказа-

[1] *Bartholdy N.G.* Suverænitetssymbolikken i det store danske kongelige våben og dens kulturhistoriske baggrund // Herald. Tidsskr. 1976. N 33. S. 129–131.

Илл. 225. Печать короля Вальдемара IV, 1345–1352 гг.

тельство происхождения сени герба королей Дании от их тронного балдахина находим в источниках конца XVII – начала XVIII в. Так, в постановлении Кристиана V от 25 апреля 1693 г. среди прочего говорится, что в орденской капелле замка Фредериксборг "под королевским балдахином" (*under den Kongelige Pavillon*), увенчанным короной, должен быть установлен трон и помещен "собственный Щит Его Величества" (*Hans Majestæts eget Skjold*), иначе говоря, королевский герб. И действительно, под балдахином, над троном, после его сооружения был вывешен королевский герб, что можно видеть на одной гравюре начала XVIII столетия[4]. В данном случае тронный балдахин еще выступал, конечно, в качестве протосени. Однако в печатном издании статутов орденов Слона и Даннеброга, осуществленном в том же 1693 г., обнаруживаем изображение увенчанного короной балдахина, которому уже усвоено значение гербового шатра, или сени: под ним предстает лишь герб короля с его дополнительными элементами (цв. илл. 49). С этого времени гербовый шатер, вслед за тронным балдахином, принято было окрашивать в красный цвет, впоследствии дополненный золотом для воспроизведения бахромы и шнуров, которыми были завязаны, будучи при этом подтянутыми вверх, концы сени. До начала XX в. она могла также украшаться разбросанными по ее поверхности изображениями многочисленных золотых корон, как свидетельствует, например, полный герб Кристиана V, представленный в упомянутом выше печатном издании орденских статутов 1693 г., и полный герб Кристиана IX, который в 1871 г. был помещен на королевском железнодорожном вагоне[5].

Первоначально сень, как и тронный балдахин, увенчивалась короной при сохранении такой же короны и над гербовым щитом короля Дании. Но в

[4] *Bartholdy N.G.* Suverænitetssymbolikken... S. 132–134.
[5] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 146.

XVIII в. сень часто могла изображаться и без короны, которая по-прежнему увенчивала щит. При Фредерике VI, в 1819 г., был утвержден полный королевский герб, в котором корона представала уже над сенью. Однако данное постановление относительно местоположения короны окончательно стало соблюдаться только в XX столетии, о чем свидетельствует и полный герб королевы Маргреты II (цв. илл. 50), а также полные гербы ее супруга, принца Хенрика Датского, и их старшего сына, кронпринца Фредерика. Кроме того, в XX столетии вошло в обыкновение изображать сень без купола, как в гербе Фредерика VI, утвержденном в 1819 г., так что она стала больше напоминать мантию, украшавшую гербы, например, датских графов[6]. Ее описание дано в положении о гербе королевы Маргреты, изданном в 1972 г.: "Сень оформляется как красная мантия с подкладкой и внешним бортом из горностая и собирается спереди под короной, не покрывая одну часть другую. Она подвязывается на каждой стороне с помощью золотого шнура с двумя золотыми кистями"[7].

Из сказанного можно заключить, что в датской геральдике гербовая мантия получила признание только в качестве элемента тех гербов, которые носились лицами титулованными: королем, принцами и графами. Само умонастроение конца XVII в. благоприятствовало тому, что мантия стала элементом герба. К этому времени герб уже окончательно превратился в художественную картинку. Господство рационализма с его тоской по иерархии отвлеченных типов явилось духовной почвой, на которой взросла идея употребления мантии как дополнительного знака отличия гербов титулованных особ. Но поскольку эти особы в свою очередь различались иерархией титулов, то и мантии в их гербах приобрели некоторые отличия. Особо была выделена мантия королевского герба, не только внешним видом, но и названием. Такому выделению этой мантии способствовало также то, что она вела свое начало от существовавшего в действительности балдахина при королевском троне и, таким образом, рассматривалась как символ королевской власти. Впоследствии, с наступлением новых культурно-исторических условий, мантия в гербах титулованных персон сохранялась уже как дань традиции, закрепленная положениями формальной геральдики. Следование этой традиции, впрочем, не мешало тому, что внешний вид гербовой мантии по ходу времени претерпевал отдельные, незначительные изменения в связи с менявшимися художественными вкусами.

---

[6] *Bartholdy N.G.* Suverænitetssymbolikken... S. 131–137.

[7] "Våbenteltet udformes som en rød kåbe med for og udvendig bort af hermelin og samles fortil under kronen, uden at den ene part dækker den anden. Det opbindes på hver side ved hjælp af en guldsnor med to guldkvaster" (цит. по: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 152).

Глава восьмая

ДЕВИЗЫ

Свое происхождение словесные девизы ведут от типических боевых кличей и христианских молитвословий, употреблявшихся в Средние века. Обычай использования такого рода речений в качестве личных девизов, вероятно, стал укореняться на западноевропейской почве только в высокое и позднее Средневековье[1], т.е. тогда, когда с развитием новых духовных начал у личности появилась потребность выражать свою индивидуальность посредством художественных знаков. Следовательно, словесный личный девиз своим происхождением, очевидно, был обязан тому же душевному настроению, что породило и личные изобразительные символы – гербы. Отсюда становится понятным, на какой духовной основе могла со временем развиться и мысль о приведении в связь гербов и девизов. Этой основой было стремление индивидуальности все к большему самовыражению через внешние отличия в условиях, когда господствовало миросозерцание, тосковавшее по отражению душевных переживаний личности в зримых знаках, образах, аллегориях.

Первые свидетельства о гербах, сопровождавшихся переданными на письме речениями, обнаруживаются в западноевропейских источниках, восходящих к позднему Средневековью. Известно, что в эту эпоху во Франции и во владениях герцогов Бургундских существовал обычай, согласно которому участники рыцарских турниров вместе с гербовыми щитами и шлемами носили ленты с излюбленными благочестивыми речениями[2]. Поскольку датская придворно-рыцарская культура основывалась на тех же духовных идеалах и претерпевала те же изменения, что и куртуазная культура Франции, а равно и других стран Западной Европы, можно предположить, что и в Дании указанный обычай тоже получил распространение. Косвенным подтверждением тому служит тот факт, что в датской церковной живописи второй половины XIV – XV в. изображения знатных особ, при которых иногда находились их гербовые щиты и шлемы, принято было сопровождать лентами с библейскими речениями. Правда, таких художественных композиций, которые в немалом числе известны также по памятникам искусства позд

---

[1] *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 258.

[2] Там же. С. 366.

него Средневековья других западноевропейских стран, насчитывается в Дании немного. Одна из самых ранних (ок. 1378 г.), представленная в стенописи церкви св. Петра Неcтведского монастыря, заключает коленопреклоненный образ короля Вальдемара Аттердага, держащего правой рукой узкую длинную ленту, или раскрытый свиток, с библейским текстом, под которым изображен наклоненный влево пустой щит, соприкасающийся своим верхним правым углом с гербовым шлемом короля Дании (цв. илл. 2).

В позднее Средневековье стали также чеканиться монеты и, реже, изготовляться печати, на которых рядом с гербами и другими личными знаками запечатлевались речения, выражавшие религиозные настроения владельцев этих гербов и знаков. Поскольку в гербовниках XIV–XV столетий, по обыкновению, еще не принято было изображать гербы вместе с излюбленными речениями, или девизами, именно монеты и печати стали теми предметами, на которых эти краткие словесные символы душевных переживаний лица стали утверждаться в значении спутников гербовых изображений. Но из самого факта, что девизы в позднее Средневековье не приводились в гербовниках, можно заключить, что в это время мысль о девизе как об элементе герба еще окончательно не утвердилась. Это произошло только в XVII столетии, о чем, например, свидетельствовал К.Ф. Менетрие, включивший "девизы" (*les Devises*), наряду с другими знаками, в число возможных "внешних украшений" (*ornemens exterieurs*) герба[3].

И в Дании с конца Средних веков "девизы" тоже обыкновенно приводились на монетах и печатях. Во всяком случае, именно в легенде печати короля Олафа III (1386 г.)[4] в первый раз встречаем текст, который может быть истолкован как личный "девиз" этого короля: "Господь повелевает" (*dominus imperat*). Правда, это речение сопровождает не гербовый щит, а королевскую корону, но, как мы помним, последняя тоже служила символом короля. Позже, уже в царствование Кристофера Баварского (1440–1448), была выпущена монета, на которой с одной стороны изображен щит с датским гербом и круговая легенда, представляющая Кристофера королем Дании, а с другой – гербовый щит с эмблемами Пфальца и Баварии и начертанным по кругу духовным речением: "слава в вышнем Боге" (*gloria in exelsis deo*)[5].

При королях Ольденбургской династии окончательно входит в обычай употреблять речения при изображениях королевских гербов, и тоже преимущественно на монетах. Такие речения обнаруживаем, например, на монетах, выпущенных при Хансе (1496 г.), Фредерике I (1523, 1531, 1532 гг.), Кристиане III (1545 г.), Фредерике II (1572, 1584 гг.), Кристиане IV (1624, 1641 гг.)[6], Фредерике III (1655, 1666 гг.), Фредерике V (1747 г.) и Кристиане VII (1771 г.)[7].

В XVI и последующих столетиях королевские девизы могли быть начертаны уже и на других предметах. Так, девиз короля Фредерика II – "мое упование только в Боге" (*mein hoffnung zu gott allein*) – был вышит мастером Хан-

[3] *Menestrier C.F.* Origine des ornemens des armoiries. P., 1680. P. 1–2.
[4] DKS. N 49.
[5] *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976. S. 55 (Fig. 78).
[6] Ibid. S. 54 (Fig. 82), 58–60, 64, 67, 70, 74.
[7] Ibid. S. 74 (Fig. 114); *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 118 (Fig. 102); *Bendixen K.* Op. cit. S. 82 (Fig. 123), 83 (Fig. 126).

сом Книпером на гобелене, который предназначался для украшения замка Кронборг (цв. илл. 47). То же изречение, но на латинском языке – "Spes mea in solo Deo" представало на образах "херувимов, или ангелов" (*Cherubim sive Angeli*), которые были выставлены во время похорон Фредерика II в 1588 г.[8] Позднее девиз Кристиана V – "благочестием и справедливостью" (*pietate et justitia*) – сопровождал изображение королевского герба в статутах орденов Слона и Даннеброга, изданных в 1693 г.[9] Королевский девиз, кроме того, мог заключаться в отдельный щит, который при этом размещался среди других щитов, содержавших изображения эмблем, которые в XVII в. присутствовали в составном королевском гербе. Именно так расположены эмблемы королевского герба и девиз Фредерика IV на цоколе маленькой конной статуи этого короля, изготовленной в 1700 г.[10]

Вслед за королями Дании текстами девизов стали сопровождаться изображения гербов герцогов Шлезвиг-Гольштейна, королевских братьев и сыновей. Так, например, по свидетельству датского очевидца, у гроба королевича Ханса, герцога Шлезвига и Гольштейна, умершего в Москве в 1603 г., были выставлены рядом его герб и девиз, написанный на латинском языке: "С добродетелью приличествует опираться на родословие" (*Virtute decet cum stemmate niti*).

В XVII в. девизы могли также приводиться на городских печатях. Горожане Скагена употребляли в 1648–1655 гг. гербовую печать с библейским речением "Наше упование только в Боге" (*Voris hob thill Gudt allen*)[11]. Власти же другого города, Фредериксодде, в 1655 г. использовали печать с девизом "Ради мира вооружен" (*Pro pace armatus*)[12].

Что касается личных речений датских дворян, которые могли бы присутствовать при изображениях гербов, то о таких речениях источники, датируемые поздним Средневековьем, свидетельств не содержат. И только от XVI и XVII столетий дошли до нас памятники, на которых были запечатлены словесные знаки, или девизы, некоторых дворян. Едва ли не самым ранним из этих памятников является монета, которая в 1524 г. была чеканена на Готланде датским дворянином Сёреном Норбю (илл. 19), бывшим на упомянутом острове наместником короля Кристиана II. Однако молитвенное речение, которое мы здесь обнаруживаем, а именно: "Агнец Божий, смилуйся надо мной" (*agne dei miserere mei*), помещено здесь на той стороне монеты, где присутствует изображение Агнца Божия – эмблемы острова Готланд; гербовый щит самого Сёрена Норбю передан на другой стороне, в сопровождении начертанного там его имени[13].

Впрочем, в Новое время в Дании так и не установился обычай, согласно которому дворянские гербы непременно должны были бы снабжаться девизами их владельцев, что подтверждается не только памятниками изобрази

---

[8] Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II. Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumque Regis, ets. Vna cum Epitapijs non nullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588. P. 5.

[9] *Bartholdy N.G.* Blå og hvide riddere. De danske ridderardeners statutter // Sidem Saxo. Magasin for dansk historie. Kbh., 1990. N 4, 7 årg. S. 52.

[10] См.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongeråben. S. 131.

[11] DKSS. Tavle 17 e.

[12] Ibid. Tavle 3 e.

[13] *Bendixen K.* Op. cit. S. 59 (Fig. 91).

тельными, но и отсутствием упоминаний о девизах в дворянских и гербовых грамотах. Не принято было снабжать девизами также и бюргерские эмблемы. И лишь при возведении в достоинство рыцарей орденов Слона и Даннеброга лицо, удостоившееся этой чести, обязательно должно было обзавестись "девизом" (*Tanke-Sprog*), с которым его герб затем вывешивался в орденской капелле замка Фредериксборг. Это правило, закрепленное в статутах обоих орденов (1693 г.), распространялось и на герб царствующего короля – Орденского Государя (*Ordens Herren*), когда изображение его герба в силу указанных статутов помещалось в той же капелле[14].

Девизы, сопровождавшие изображения датских гербов, не были родовыми, а появлялись в результате личного выбора владельца герба. Личные девизы, которые можно рассматривать как девизы правления, имели и все короли Дании из Ольденбургской и Глюксбургской династий, но свои гербы украшали ими редко[15]. Ныне царствующая королева Маргрета II тоже имеет девиз своего правления, который запечатлен при ее гербе в орденской капелле во Фредериксборге, но в ее полном гербе он отсутствует.

Правда, первое время, в позднее Средневековье и в начале Нового времени, короли Дании могли в продолжение своего царствования менять девизы, как это, например, делал король Фредерик I. После вступления его на престол в 1523 г. был выпущен скиллинг, на одной из сторон которого присутствовали изображение креста, обремененного щитом с датским гербом, и следующее речение: "под водительством Бога воины побеждают" (*deo dvce milites trivmphant*). Тот же герб видим и на гульдене, выпуск которой датируется 1531 г., но здесь он сопровождается уже другим девизом: "сердце короля в руке Господа" (*cor regis in manv domini*). А завершал свое царствование Фредерик I с новым девизом, сопровождавшим его многочастный герб на монете 1532 г., а именно: "в руке Господа всякая власть на земле" (*in manv domini omnis potestas terre*)[16].

Как выше отмечалось, в Средние века, а равно и в последующие эпохи, многие девизы датчан, отвечая религиозным настроениям личности, имели благочестивый характер. Например, ревностный последователь вероучения Лютера король Кристиан III (1534–1559) избрал своим девизом библейское речение "Да будет воля твоя, Господи" (*Fiat volumtas tua, Domine*), а король Фредерик VIII (1906–1912) правил под девизом "Господь – мне Помощник" (*Herren være min Hjælper*). Однако с конца XV в., в согласии с новыми духовными веяниями, девизы все чаще стали приобретать характер речений, в которых находили отражение мирские настроения владельцев гербов. Так, король Ханс (1481–1513) избрал себе девизом выражение "Для закона и народа" (*Pro lege et grege*), а король Фредерик VII (1848–1863) царствовал под девизом "Любовь народа – моя Сила" (*Folkets Kærlighed min Styrke*). Целый ряд королевских девизов передавали одновременно и религиозное, и мирское настроение государя, как, например, девиз Кристиана VI (1730–1746) "Богу и народу" (*Deo et populo*) или девиз королевы Маргреты II "Помощь Бога, любовь народа, сила Дании" (*Guds hjælp, folkets kærlighed, Danmarks*

---

[14] См. с. 495.
[15] См. с. 481–482.
[16] *Bendixen K.* Op. cit. S. 59–60 (Fig. 92–94).

styrke). В XX столетии девизы могли также свидетельствовать о профессиональной деятельности человека. Такой девиз, например, после получения в 1959 г. ордена Даннеброга взял себе врач Йоханнес Франдсен: "Забота о Душе и Попечение о Здоровье" (*Sjæls Røgt og Sundheds Pleje*)[17].

Чаще всего девизы, сопровождавшие датские гербы, составлялись на латыни или, с XVII в., по-датски, а также иногда на немецком и французском языках, и с конца XVII в. помещались обычно на ленте, изображавшейся над или, реже, под гербом.

Для их обозначения вначале употреблялись различные слова. Девиз Фредерика II, выставлявшийся во время его похорон, современники называли "Regij Rithmi" (1588 г.)[18], "Symbolvm Regis Daniae" и "Symbolon" (1592 г.)[19]. Слово "symbolum" прилагалось и для обозначения дворянского девиза, как, например, это имело место в отношении излюбленного изречения Даниеля Ранцау "В разное время, разные судьбы" (*Diverso tempore, Diversa fata*) – "Symbolum Danielis Ranzouii" (1592 г.)[20]. В конце XVII в. (орденские статуты) для наименования девизов в Дании, помимо латинского слова "symbolum", употреблялось датское выражение "Tanke-Sprog" ("остроумное речение"), но в дальнейшем оно было вытеснено другим датским словосочетанием "valgsprog" ("избранное речение"), вместо которого иногда используется позаимствованный из французской геральдики термин "devise"

Таким образом, в датской геральдике девиз хотя со временем и обрел значение одного из внешних элементов герба, но признания в качестве непременного гербового атрибута так и не получил. Присутствие девиза обязательно только при гербах лиц, удостоившихся орденов Даннеброга и Слона. Изображения этих гербов представлены в орденских книгах и в орденской капелле замка Фредериксборг. К этому присовокупим, что на датской почве с момента своего возникновения девизы имеют характер, как правило, личных словесных знаков, которые могут наполняться различным содержанием, отвечая душевному религиозному и мирскому настроению личности.

Королевские девизы

Олаф III (1376–1387) – Dominus imperat (Господь повелевает)

Кристофер III (1440–1448) – Gloria in exelsis deo (Слава в вышнем Боге)

Кристиан I (1448–1481) –Virtute monstrante viam (Добродетелью, указывающей путь)

Ханс (1481–1513) – Pro lege et grege (Для закона и народа)

Кристиан II (1513–1523) – Sic erat in fatis (Так было угодно судьбе)

Фредерик I (1523–1533) – Nihil sine numine (Ничего без Божьей воли), Deo duce milites triumphant (Под водительством Бога воины побеждают), Cor regis

---

[17] *Achen] S.T.* Et nyt borgerligt Våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 37.

[18] Descriptio Pompae funebris. S. 5.

[19] *Lavterbachiøus Ioannes.* De rebus gestis serenissimi principis ac D.D. Friderici Secundi, regis Daniae... Francofurti, 1592. P. 7.

[20] Ibid. P. 24.

in manu domini (Сердце короля в руке Господа), In manu domini omnis potestas terrae (В руке Господа всякая власть на земле)

Кристиан III (1534–1559) – Fiat voluntas tua, Domine (Да будет воля твоя, Господи)

Фредерик II (1559–1588) – Deus refugium et fiducia mea (Бог – убежище и упование мое), Spes mea in solo Deo, Mein hoffnung zu gott allein (Мое упование только в Боге)

Кристиан IV (1588–1648) – Regna firmat pietas (Благочестие укрепляет царства)

Фредерик III (1648–1670) – Dominus providebit (Господь провидит)

Кристиан V (1670–1699) – Pietate et justitia (Благочестием и справедливостью)

Фредерик IV (1699–1730) – Dominus mihi adiutor (Господь – мне помощник)

Кристиан VI (1730–1746) – Deo et populo (Богу и народу)

Фредерик V (1746–1766) – Prudentia et constantia (Благоразумием и твердостью)

Кристиан VII (1766–1808) – Gloria ex amore patriae (Слава – в любви отечества)

Фредерик VI (1808–1839) – Gud og den retfærdige Sag (Бог и правое дело)

Кристиан VIII (1839–1848) – Gud og Fædrelandet (Бог и Отечество)

Фредерик VII (1848–1863) – Folkets Kærlighed min Styrke (Любовь Народа – моя Сила)

Кристиан IX (1863–1906) – Med Gud for Ære og Ret (С Богом для Чести и Права)

Фредерик VIII (1906–1912) – Herren være min Hjælper (Господь – мне Помощник)

Кристиан X (1912–1947) – Min Gud, mit Land og min Ære (Мой Бог, моя Страна и моя Честь)

Фредерик IX (1947–1972) – Med Gud for Danmark (С Богом для Дании).

Маргрета II (с 1972 г.) – Guds hjælp, folkets kærlighed, Danmarks styrke (Помощь Бога, любовь народа, сила Дании)[21].

[21] Den Store Danske Encyklopædi. Kbh., 1996. Bd. 4. S. 184–189; 1997. Bd. 7. S. 82–86; 1997. Bd. 8. S. 221; 1998. Bd. 12. S. 595.

Глава девятая

ОРДЕНСКИЕ ЗНАКИ

В истории западноевропейской придворно-рыцарской культуры XIV и XV столетия ознаменовались возникновением и распространением такого явления, как орденские братства, или общества, или, как они со временем стали называться, ордена. Порожденные общим душевно-духовным настроением в среде знати эпохи позднего Средневековья, схожие в главных положениях по своим уставам, духовно-общественному предназначению и аристократическому составу, они различались по именам святых, их небесных покровителей, или по названиям, которые обыкновенно происходили от знаков, служивших их отличительными эмблемами. Учредителями, обычно с церковного благословения, и главами этих орденских братств, или просто орденов, являлись государи самых разных рангов, от императора до графа. Поскольку такого рода орденские общества, или индивидуальности, возглавлялись светскими правителями и состояли преимущественно из знатных мирян с рыцарским званием, то они имели характер рыцарских братств и в исторической литературе получили наименование рыцарских орденов, или светских рыцарских орденов[1]

В начале XV в., по примеру других владетельных особ, свой орден учредил также король Дании, Швеции и Норвегии Эрик Померанский. Точное время основания этого первого скандинавского ордена неизвестно; но, во всяком случае, в 1413 г. он уже существовал. В тот год, направляясь в Пруссию, принадлежавшую Тевтонскому ордену, Данию посетил бургундский рыцарь Гильбер де Ланноа (1386–1462). Как рассказывается в его путевых записках, в городе Вордингборге, находящемся на датском острове Зеландия, этот знатный путешественник встретился с королем Дании, которого сопровождали четыре герцога, два архиепископа и три епископа. Праздновался день Святой Троицы, и король Эрик пригласил бургундского гостя к своему столу и затем, как пишет господин Гильбер, “пожаловал мне свой орден” (*me presenta son ordre*). От такой чести, однако, бургундский рыцарь, насколько мог вежливо, поспешил отказаться, поскольку держал свой путь к “государю Пруссии” (гроссмейстеру Тевтонского ордена), враждовавшему в то время с королем Эриком[2].

---

[1] О рыцарских орденах XIV–XV вв. см.: *Хёйзинга Й.* Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV–XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988. С. 90–95; *Кин М.* Рыцарство. М., 2000. С. 321–355.

[2] Gilbert de Lannoy i jego podróże / Przez J. Lelewela. Poznań, 1844. S. 18, 20.

Сохранились, кроме того, документальные свидетельства о том, что на начало 1421 г. орден Эрика Померанского имели дворяне из знатных родов Ливонии и что, когда король Эрик в 1425 г., совершая паломничество в Святую Землю, находился в Италии, он пожаловал двум итальянским дворянам свой орден[3]. Но относительно того, как этот орден назывался и как он выглядел, каких-либо точных известий в письменных и изобразительных источниках не сохранилось.

Впрочем, располагаем одним косвенным свидетельством, сохранившимся от времени царствования Эрика Померанского, на основании которого можно предположить, что орден этого короля был учрежден в честь Спасителя или Страстей Господних. Имеется в виду иконография созданного в 1420-е годы в замке Кроген (ныне Кронборг) гербового фриза. На этом фризе центральное место по отношению к гербам короля Эрика, его королевы Филиппы Английской и их придворных духовного и светского звания занимает так называемый "герб Христа" (илл. 3), состоявший, помимо щита и шлема, из предметов, причинявших страдания Спасителю во время принятия Им крестных мук. Смысл этой композиции, быть может, и заключался в том, чтобы указать на знак ордена или, во всяком случае, на эмблему, которая могла содержать такой знак, и одновременно, через изображение рядом с "гербом Христа" гербов короля, королевы и их свитских, на главу орденского братства и его членов. Если это предположение признать верным, то в таком случае на фризе в Крогене в первый раз были представлены датские гербы, изображенные в связи с орденским знаком, хотя последний еще собственно нельзя рассматривать в качестве элемента герба.

Когда, где и у кого именно возникла идея о том, чтобы представлять гербы с орденскими знаками, точных свидетельств не обнаружено. Но от второй половины XV в. уже известно много изображений гербов, при которых находятся знаки различных орденов. Из этого можно заключить, что на исходе Средних веков подобные художественные композиции получили широкое распространение в Западной Европе и, следовательно, серединой или второй половиной XV в. и нужно датировать время зарождения представлений об орденских знаках как дополнительных элементах гербов. Тогда же, во второй половине XV столетия, установилось и неписаное правило, каким способом следовало приводить в связь герб и знаки ордена: гербовый щит обрамляли орденской цепью или лентой, к которым снизу прикреплялась главная эмблема ордена. Это обычное правило соединения герба и орденских знаков имело своим первообразом тот способ, посредством которого орден носился владельцем герба, а именно: орденская цепь, охватывая шею человека, возлагалась на плечи, вследствие чего эмблема ордена оказывалась на груди. Так, например, в статуте французского ордена Святого Михаила представлена миниатюра кисти Ж. Фуке (1469 г.)[4], на которой видим между членами орденского братства его главу, короля Франции Людовика XI. Облаченный в орденскую одежду, этот государь несет надетую вышеназван-

---

[3] *Neerbek H.* Erik af Pommerns danske ridderorden og dens forhold til Elefantordenen // Herald. Tidsskr. 1972. N 26. S. 264.

[4] См.: *Горбачёва Л.М.* Костюм средневекового Запада: От нательной рубашки до королевской мантии. М., 2000. С. 197.

ным способом цепь с прикрепленным к ней знаком ордена Святого Михаила. В то же время в нижней части миниатюры королевский герб предстает в окружении орденской цепи, удерживаемой двумя ангелами, которые вооружены обнаженными мечами.

Этот обычай окружать гербы орденской цепью нашел свое отражение в гербовнике Конрада Грюненберга (1483 г.). Здесь впервые представлен герб датчанина, а именно герб короля Дании, украшенный орденскими знаками (илл. 39). То были знаки датского ордена, учрежденного королем Кристианом I Ольденбургским.

Первые известия об орденском "братстве" (*fraternitas*) короля Кристиана I восходят к 1457 г. Из них следует, что в качестве знака принадлежности к этому братству его члены носили "золотую цепь" (*torquem auro*)[5]. Тем же временем датируется свидетельство епископа Скальтхольтского (Исландия) Марцелла[6] о том, каким образом происходила церемония награждения орденскими знаками короля Кристиана. Награждаемый становился на колени, давал клятву верности королю и его наследникам и обещал соблюдать статуты братства, после чего на его шею и плечи возлагалась орденская цепь. Такую "нашу цепь, которою мы обыкновенно окружаем нашу королевскую шею и плечи для славы нашего величества и украшаем рыцарей, а также благородных и родовитых в знак нашего величия", король Кристиан I в 1457 г. пожаловал "благородному рыцарю Геминиано Тревисано"[7].

Далее известно, что в 1459 г. король Кристиан I и его супруга, королева Доротея Бранденбургская, приняли обет пристроить с южной стороны кафедрального собора в Роскилле, сильно пострадавшего во время пожара 1443 г., капеллу во имя "Святой Троицы, Девы Марии, Святой Анны и Святых Трех Королей"[8]. Согласно другому свидетельству, извлеченному из копийной книги римской курии (1462 г.), король Кристиан повелел устроить в Роскиллеском соборе капеллу "в честь Святой Троицы, Страстей Господа нашего Иисуса Христа и Девы Марии" и при ней учредил "братство... под названием Святой Троицы, Страстей Господа нашего Иисуса Христа и блаженной Марии"[9]. Но в королевской уставной грамоте 1464 г. эта капелла предстает уже под именем "Святой Троицы, Девы Марии, Святой Анны, Святой Биргитты, Святых Трех Королей и всех Божьих Святых на Небесах"[10]. Она служила местом собраний членов братства, носивших знак под названием "общество" (*Selskab*), который, несомненно, продолжал иметь вид цепи. Этот знак давался только в личное пользование, на время жизни члена братства: "...когда кто-либо, кто носит или носил наше общество, умрет,

---

[5] *Bircherodius Janus.* Breviarium eqvestre, seu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Ejusqve. Origine, progressu, ac splendere hodierno Tractatus. Havniae, 1704. P. 48.

[6] *Verwohlt E.* Ordnar. 2. Verdslige Ordner // KLNM. Bd. XII. 1967. S. 667.

[7] "...torqvem nostram, qva collum nostrum regium et humeros nostros circumambire pro nostrae Majestatis gloria solemus, et milites ac nobiles et Generosos in signum nostrae magnificentiae decoramus..." (*Bircherodius Janus.* Op. cit. P. 48).

[8] Ibid. P. 49–50.

[9] "...fraternitatem... sub vocabulo sanctae Trinitatis, Passionis Domini nostri Jesu Christi, et beatae Mariae" (Ibid. P. 39); *Neerbek H.* Erik af Pommerns danske ridderorden... S. 265.

[10] "...den Hellige Trefoldighed, Jomfrue Mariæ, S. Annæ, S. Birgittæ, de Hellige 3 Konger og alle Guds Helgene i Himmelen..." (*Bircherodius Janus.* Op. cit. P. 34–35).

тогда вышеназванное общество должно отсылаться и приходить в вышеназванную капеллу, и вместе с ним пять рейнских гульденов, которые каждый, кто носит общество, должен обязательно давать в своем завещании на Божественную службу и содержание капеллана"[11].

В смысле орденского знака слово "общество" предстает и в источниках, освещающих пребывание короля Кристиана I в Италии в 1474 г. Так, он пожаловал Филиппу Ноулонию, державшему перед ним речь в Мантуе, "восхитительное общество из золота" (*deilig Selskaff af Guld*). Впрочем, итальянцы могли именовать это "общество" датского короля по-другому. Галеаццо Мариа Сфорца, герцог Миланский (1466–1476), называл тот знак, которого он удостоился от короля Кристиана, "шейней цепью и орденом" (*Collare et Ordine*)[12]. Из этого свидетельства миланского владетеля можно заключить, что "общество" короля Кристиана состояло не только из цепи, но и привешенной к ней какой-то эмблеме.

Во время посещения Италии, в Риме, король Кристиан I был принят папой Сикстом IV (1471–1484), который наградил датского государя Золотой розой – отличительным знаком папской курии. Кроме того, Сикст IV двумя буллами утвердил ранее учрежденное Кристианом в Роскиллеском соборе "братство под названием Святой Троицы в церкви или капелле под тем же названием"[13]. Папа установил, что каждый из братчиков, коих число определялось в пятьдесят человек (*quilibit quinqvaginta fratrum*), должен "передавать по завещанию той же церкви или капелле для водружения" (*eidem Ecclesiae erectae sive Capelle legare*) "цепь" (*torquem*), дарованную ему королем "в знак собратства" (*in signum confraternitatis*), с пятью рейнскими гульденами и "своим собственным гербом" (*suis propriis armis sive insignibus*), а также с "подписью собственного имени" (*proprii nominis subscriptione*)[14]. В другой булле "цепь", служившую "знаком братства", папа именует "обществом" (*Torquem sub vocabulo societatis*)[15].

Членами орденского братства короля Дании, по свидетельству еще одной грамоты папы Сикста IV, изданной в 1474 г.[16], являлись исключительно особы знатные и благородные, как о том ранее сообщалось и в грамотах Кристиана I.

Каких-либо письменных известий или изображений, которые свидетельствовали бы о соблюдении предписаний римского понтифика относительно выставления гербов в капелле Роскиллеского собора, не сохранилось. Но сам факт, что орденская цепь упомянута вместе с гербом члена братства,

---

[11] ...at naar nogen Døer og afgaaer som vor Selskab bær og baaret haver da skal fornævnte Selskab sendis og komme til fornefnte Capelle og 5 Rinske Gyldene med som hver som Selskabet bær skal pligtig være at give det i sit Testamente til Guds Tieniste og Capellanens Ophold..." (Ibid. P. 34–35).

[12] *Hougaard P* Den danske elefant: Dens baggrund, betydning eg brug // Herald. Tidsskr. 1981. N 43. S. 153, 166.

[13] "...unam confratriam sub invocatione S. Trinitatis in Ecclesia sive Capella sub eadem invocatione in Ecclesia Roeskyldensi per ipsum Regem fundatam instituit, fecit et ordinavit. Nos approbavimus..." (*Bircherodius Janus*. Op. cit. P. 42–43).

[14] Ibid. P. 42–43.

[15] Ibid. P. 43–44.

[16] "...Principibus, Proceribus, Baronibus et Nobilibus de eadem Confraternitate existentibus..." (Ibid. P. 40–41).

может послужить основанием для предположения, что в Дании второй половины XV в., как и во Франции или Швейцарии, уже начинал утверждаться обычай приводить в связь гербы с орденскими знаками. Следовательно, зарождалось и представление о том, что орденские знаки могли употребляться в качестве дополнительных элементов герба.

Что же касается изображений цепи ордена короля Кристиана I, то самое раннее из них, обнаруживаемое на портрете немецкого военачальника Флориана Винклера, датируется 1477 г. Флориан предстает здесь с шейной цепью, составленной из слонов, несущих на спине башню; к нижним звеньям цепи прикреплены образ Богоматери и расположенный ниже медальон с тремя гвоздями Страстей Господних[17].

Почти с такими же знаками датского ордена предстает изображение короля Ханса на его надгробии в Оденсе (ок. 1520 г.): со "слоновой" цепью соединены две цепочки, к которым прикреплены медальон с образом Богоматери, держащей на руках Младенца Христа, и медальон с трудно различимыми знаками, которыми, вероятно, являлись три гвоздя Страстей Господних.

Однако в гербовнике Конрада Грюненберга (1483 г.) гербовый щит короля Дании окружен орденской цепью, составленной из слонов, к которой прикреплен только медальон с тремя гвоздями. На самом медальоне содержится изречение из Евангелия от Матфея (27: 54) – "воистину Он был Сын Божий" (*erat iste filius dei vere*) (илл. 39).

Изображения знаков датского ордена в гербовнике Грюненберга соответствуют описанию, которое им дал последний католический епископ Орхусский Ове Билле, бывший при короле Хансе канцлером. В его письме к Иохану Фриису, канцлеру Кристиана III, датируемом 1537–1538 гг., сказано, что при короле Хансе члены "ордена" (*Orden*) должны были "носить общество" (*bære et Sælskab*, *Selskab*), которое "было сделано по подобию слона животного" (*var giordt udi Lignelse effter Elephantdiur*) и "по подобию кровавого тернового венца и трех кровавых гвоздей" (*uthi Lignelse med en blodig Torne-Krone og tre blothige Nagler*)[18].

Более поздним временем, а именно 1620-ми годами, датируются три других изображения знаков датского орденского братства, членами которого являлись лица, жившие в эпоху первых королей Дании из Ольденбургского дома. На портрете голландца Дирка ван Линдена, барона тот Геммен (ок. 1448–1500), опубликованном в 1626 г. в книге К. Буткенса, посвященной истории рода ван Линден, орденская цепь состоит из чередующихся слонов и башен, при этом только один, большего размера слон, который прикреплен к цепи снизу, несет башню. В той же книге приведено изображение гербового щита рода ван Линден, который окружен знаками датского ордена. Среди них находится представленный на фоне многочисленных лучей медальон с образом Богоматери, держащей Младенца Христа. Этот медальон расположен в нижней части цепи, к нему прикреплен большой слон с башней. Такой же испускающий лучи медальон с образами Богоматери и Божественного

---

[17] *Hougaard P.* Den danske elefant. S. 154.

[18] *Jacobæus Oligero.* Auctrarium rariorum, quae Museo regio per treinnium Hauniae accesserunt, uberioribus illustrata commentariis. Kbh., 1699. P. 27; *Neerbek H.* Erik Pommerns danske ridderorden.. S. 267.

Младенца представлен среди знаков датского ордена при гербе Франсуа де Бордо, французского посланника при дворе Кристиана II и члена орденского братства короля Дании с 1518 г., на миниатюре из собрания Королевской библиотеки в Копенгагене (ок. 1630 г.). Но на этот раз медальон привешен к орденской цепи вместо отсутствующего большого слона, а сама цепь составлена из слонов, несущих башни, и, кроме того, крестов[19].

Насколько эти изображения знаков датского ордена соответствовали подлинным знакам, которые получили Д. ван Линден и Ф. де Бордо, можно только строить догадки. Так, нельзя исключать, что с течением времени, в продолжение царствования трех первых королей из Ольденбургского дома, с 1450-х годов по 1523 г., характер знаков их ордена претерпевал изменения. Такое предположение находит оправдание в том, что описание орденских знаков, данное Ове Билле в конце 1530-х годов, разнится с тем их набором, который находим на груди Ф. Винклера (1477 г.) и короля Ханса (ок. 1520 г.).

Но какие бы изменения не претерпевало "общество" датских королей, по обыкновению, во второй половине XV – XVI в. его знаком являлся слон (илл. 226). И в описании Ове Билле, и в памятниках письменности периода царствования короля Кристиана I, под словом "общество" в первую очередь подразумевалась орденская цепь, звеньями которой, о чем свидетельствуют и рассмотренные памятники искусства последней трети XV – первой трети XVII в., служили слоны. Вместе с тем, как следует из слов Ове Билле, этот орденский знак в первой половине XVI в., даже в просторечии, еще не давал повода к наименованию самого "общества" "орденом Слона" Следовательно, такое наименование, обычно встречающееся в датской литературе XVIII–XX вв. по отношению к ордену, учрежденному Кристианом I, с очевидностью противоречит историческим свидетельствам. Современники называли этот орден иначе. Выше мы видели, что в булле папы Сикста орден короля Кристиана I, вероятно, со слов этого государя, представлен "братством Святой Троицы" Однако, по свидетельству Ове Билле, тот же орден был учрежден "в память Страстей Господа Спасителя нашего" или, по-другому, "в честь и память Страстей Господа нашего Иисуса Христа" Такое противоречие в названии ордена вполне находит разъяснение в том, что орденская капелла одновременно была посвящена и Святой Троице, и Страстям Господним. Поэтому для краткости орденское братство могло носить и то, и другое имя.

Сам факт, что "общество" орденского братства датских королей включало медальоны с христианскими образами и символами, позволяет заключить, что сама эмблема слона с башней на момент учреждения ордена мыслилась как уже прочно утвердившийся на Западе христианский символ.

Своим происхождением эта эмблема, вероятно, обязана библейскому тексту, где говорится, что боевые слоны сирийцев, с которыми сражались иудеи, были покрыты крепкими деревянными башнями (1 Мак. 6: 37). В той же ветхозаветной книге речь идет о том, что перед битвой слонам "показывали кровь винограда и тутовых ягод, чтобы возбудить их к битве" (1 Мак. 6: 34). Эту "кровь винограда" средневековые богословы истолковывали в значении прообраза крови Христовой, а самих слонов в качестве символа

[19] *Hougaard P.* Den danske elefant. S. 154–156.

воинов за веру, одушевлявшихся при ее виде. В Средние века, кроме того, был переосмыслен античный сюжет о смертельном единоборстве между слоном и драконом в том духе, что это единоборство стало символизировать борьбу между Спасителем и дьяволом, о чем свидетельствуют иллюстрации, обнаруживаемые в средневековых бестиариях. Известно также, что сообщение Плиния Старшего о стыдливости слонов, вследствие чего они для спаривания удалялись в укрытие, послужило основанием для распространения между христианами почитания слона в качестве символа чистоты, невинности, что послужило основанием для его превращения в один из символов Богоматери, Пречистой Девы Марии[20]. И мы видели, что именно Ее образ с Младенцем Христом предстает среди орденских знаков, причем в непосредственной связи со "слоновой" цепью, на портретных изображениях Винклера и короля Ханса, а также при гербе Ф. де Бордо.

Вспомним также, что в копийной книге Римской курии "братство" короля Кристиана I носит название "Святой Троицы, Страстей нашего Господа Иисуса Христа и Девы Марии" Оно отражено также в знаках ордена, представленных на груди Винклера и короля Ханса. Среди этих знаков обнаруживаем слона с башней, несомненно, в качестве символа Христа и Богоматери, сам образ Пречистой Девы с Божественным Младенцем и медальон с тремя гвоздями – символом Страстей Господних и Святой Троицы. Отсутствие же образа Богородицы в числе орденских знаков при гербе короля Дании, представленном в гербовнике К. Грюненберга, и на портрете Д. ван Линдена, по-видимому, следует объяснять либо неполной осведомленностью создателей этих изображений о составе знаков датского ордена, либо, что вероятнее, существованием обычая, допускавшего при наличии образа слона как символа Девы Марии возможность отсутствия Ее иконографического образа. А то, что Грюненберг мог и не погрешить против истины, не поместив образ Богоматери среди знаков ордена королей Дании, подтверждается свидетельством Ове Билле, который, говоря об этих знаках, не упоминает об образе Девы Марии.

Таким образом, из всего того, что известно о названии орденского братства первых королей из Ольденбургского дома и его знаках, проступает духовно-религиозный смысл этого братства. Поэтому не находим оснований, чтобы относить его, как принято считать, к "светским рыцарским орденам" В то же время это братство состояло из мирян, а стало быть, в него не мог не проникать светский дух.

Ове Билле сообщает, что король Ханс носил "упомянутое общество всегда до дня своей смерти" и "держал то же общество в большой чести и достоинстве, как ныне многим известно" От него "общество" получили "старый король Англии Генрих" (Генрих VII), "король Шотландии" (Иаков IV), сын сестры Ханса, "послы многих государей и князей", которых короли

---

[20] Одно из самых ранних изображений слона с башней, дошедших от Средневековья со значением христианского символа, представлено на печати графа Савойского Томазо II (1234 г.) В Дании еще до вступления на престол Кристиана Ольденбургского этот символ был представлен памятниками церковного искусства: в стенописи Беркерёдской церкви (середина XIV в.) и в резьбе на кресле Роскиллеского кафедрального собора Богоматери (1420 г.), где была учреждена капелла, ставшая местом для собраний членов орденского братства, имевшего одним из своих знаков слона с башней (*Hougaard P* Den danske elefant. S. 157 161).

Дании "посвящал в рыцари", "многие члены Государственного совета Дании и дворяне", знатные женщины и "другие некоторые в государстве"[21].

Но при короле Кристиане II орден его отца и деда постепенно приходит в забвение[22]. Кристиан предпочитал носить бургундский орден Золотого Руна, пожалованный ему Карлом Габсбургом, наследником герцогов Бургундии, в марте 1519 г. Со знаками этого ордена, который Кристиан II получил из рук послов Карла во время венчания короной Швеции в Стокгольме 4 ноября 1520 г., датский король впоследствии, по обыкновению, любил изображаться на своих портретах. Эти знаки украшают и герб короля Кристиана II в гербовой книге ордена Золотого Руна, подлинная рукопись которой датируется временем не позднее октября 1520 г.[23] Орденская цепь, к которой прикреплен знак Золотого Руна, здесь приведена в связь с гербовым щитом тем же способом, что и в гербовнике Грюненберга. Но в Дании изображения герба Кристиана II, равно как изображения гербов его отца и деда, которые были бы украшены какими-либо орденами, не обнаружены.

Вовсе неизвестны изображения гербов, сопровождаемые орденскими знаками, и двух ближайших преемников Кристиана II на датском престоле, Фредерика I и его сына Кристиана III. Причем речь идет не только об иноземных орденах, но и о датском ордене. Кроме того, Фредерик I и Кристиан III сами не носили орденских знаков, о чем свидетельствуют их портретные изображения, и не награждали ими других лиц, как можно заключить на основании отсутствия на этот счет каких-либо известий в источниках. Поэтому следует согласиться с бытующим в историко-геральдической литературе мнением, согласно которому при этих королях Дании орден их предка (соответственно отца и деда) короля Кристиана I был предан забвению[24]. Причиной тому, надо полагать, явились религиозные настроения, охватившие датское общество, в том числе и членов королевской семьи, во время начавшейся в Дании в 1520-е годы лютеранской Реформации. Эти настроения характеризовались открытой неприязнью к римско-католической церкви, ее реликвиям и святыням. В число этих реликвий, несомненно, входил и орден короля Кристиана I,

---

[21] "Og drog og bar Kong Hans fornefnthe Sælskab altid til hans Døde-Dag… oc holte samme Sælskab uthi stor Ære oc Verthighed som mange nu vel vittherlig er… oc toc Kongen uthi samme Orden oc Brotherskab meth sig gamle Kong Henrich af Engelland oc Kongen af Skotland hans Søster-Søn oc sende thennem baade forn Selskab… Item gaf Kong Hanntz mange Herrers oc Fyrsters Sendebud samme Sælskab som hand slog til Riddere oc sammeledes mange af Danmarks Riges Raad oc Adel desligeste Fruer oc Jomfruer… oc andre fleere uthe Riget" (*Jacobæus Oligero.* Auctrarium rariorum... P. 28). Приведенное свидетельство современника короля Ханса показывает, что при первых Ольденбургах орденские знаки носили и знатные женщины. Этот факт служит дополнительным подтверждением того, что датское братство, посвященное Страстям Господним, не следует рассматривать в качестве светского рыцарского ордена.

[22] Последний раз при Кристиане II орденом его деда и отца был пожалован упоминавшийся выше французский посол Франсуа де Бордо (1518 г.). Всего же известны имена восемнадцати человек, которые при первых трех королях из Ольденбургского дома получили датский орден (*Verwohlt E.* Ordnar. 2. Verdslige Ordner // KLNM. 1967. Bd. XII. S. 668).

[23] Известны и другие иноземные памятники XVI в., связанные с орденом Золотого Руна, которые представляют герб Кристиана II в сопровождении знаков упомянутого ордена (См.: *Grandjean P.B.* Det Kong Christiern II som Ridder af Den gyldne Vliess tilskrevne Vaaben // PHT. 1950. R. 12, bd. 5. S. 90–97; *Bartholdy N.G.* Christian I's våbener og Den gyldne Vlies // Herald. Tidsskr. 1994. N 69. S. 397–411).

[24] *Verwohlt E.* Ordnar. S. 670.

ибо он был утвержден римским папой и одним из своих знаков имел медальон с иконографическим изображением Богородицы с Младенцем Иисусом, которое вследствие отрицания последователями евангелического вероучения икон должно было вызывать у них особенную неприязнь.

Впрочем, орден короля Кристиана I, или, по крайней мере, слон с башней в качестве орденского знака, не был совершенно забыт в Дании. Король Фредерик II, сын ревностного протестанта Кристиана III, после вступления на престол стал использовать эту эмблему в качестве личного знака и одновременно ордена[25] (илл. 227). Посредством этого знака, который воспринимался по прежнему в значении христианского символа, король Фредерик, по-видимому, желал символически выразить свое упование на волю Божью. Такому душевному настроению короля соответствовали его девизы – "Мое упование только в Боге" (*Mein Hoffnung zu Gott allein*), "Бог – убежище и упование мое" (*Devs refvgivm et fidvcia mea*), восходившие к псалмам Давида (Пс. 61: 46). О религиозном значении знака слона с башней в эпоху Фредерика II свидетельствует изображение этого знака, исполненное датским гравером Мельхиором Лорком в 1580 г. Слон здесь предстает с охватывающими шею лентами, на которых изображены инициалы "FS" (Fridericus Secundus – Фредерик Второй), и с накрывающим спину покрывалом, украшенным теми же инициалами и составным королевским гербом; поверх покрывала, на спине слона, изображена башня с портретом короля Фредерика, вокруг которого проставлены буквы "M H Z G A"; в них легко признать начальные буквы немецких слов выше упомянутого девиза Фредерика[26]. Слон в сопровождении того же девиза представлен и на медалях Фредерика II, датируемых 1580 г.[27] Впоследствии, при преемниках Фредерика II орденский знак слона стал восприниматься в качестве символа датского королевского дома и Дании. Вместе с тем был утрачен религиозный смысл этого образа. Он стал истолковываться как символ чистоты.

Что касается имени ордена Фредерика II, то от эпохи правления этого государя таких сведений не имеется. Известно только, что во второй половине XVI в. он назывался в просторечии "Датским Орденом" (*Ordo Danicus*), а лица, удостаивавшиеся его знаков, "Золотыми Рыцарями" (*Eqvites Aurati*)[28]. Такое название возникло оттого, что орденский знак – слон – был поначалу золотым. Об этом свидетельствует его древнейший экземпляр, датируемый приблизительно 1580 г., который представлен в "Хронологическом Собрании Королей Дании" в замке Росенборг. Эти названия продолжали прилагаться к ордену короля Дании и его рыцарям и в правление Кристиана IV. Во время царствования Фредерика III датский орден был известен также как "Датский рыцарский орден"[29]. Под таким именем его представил читателям Й.К. Баум в поэме на немецком языке "Аделинне", вышедшей в свет в Ко

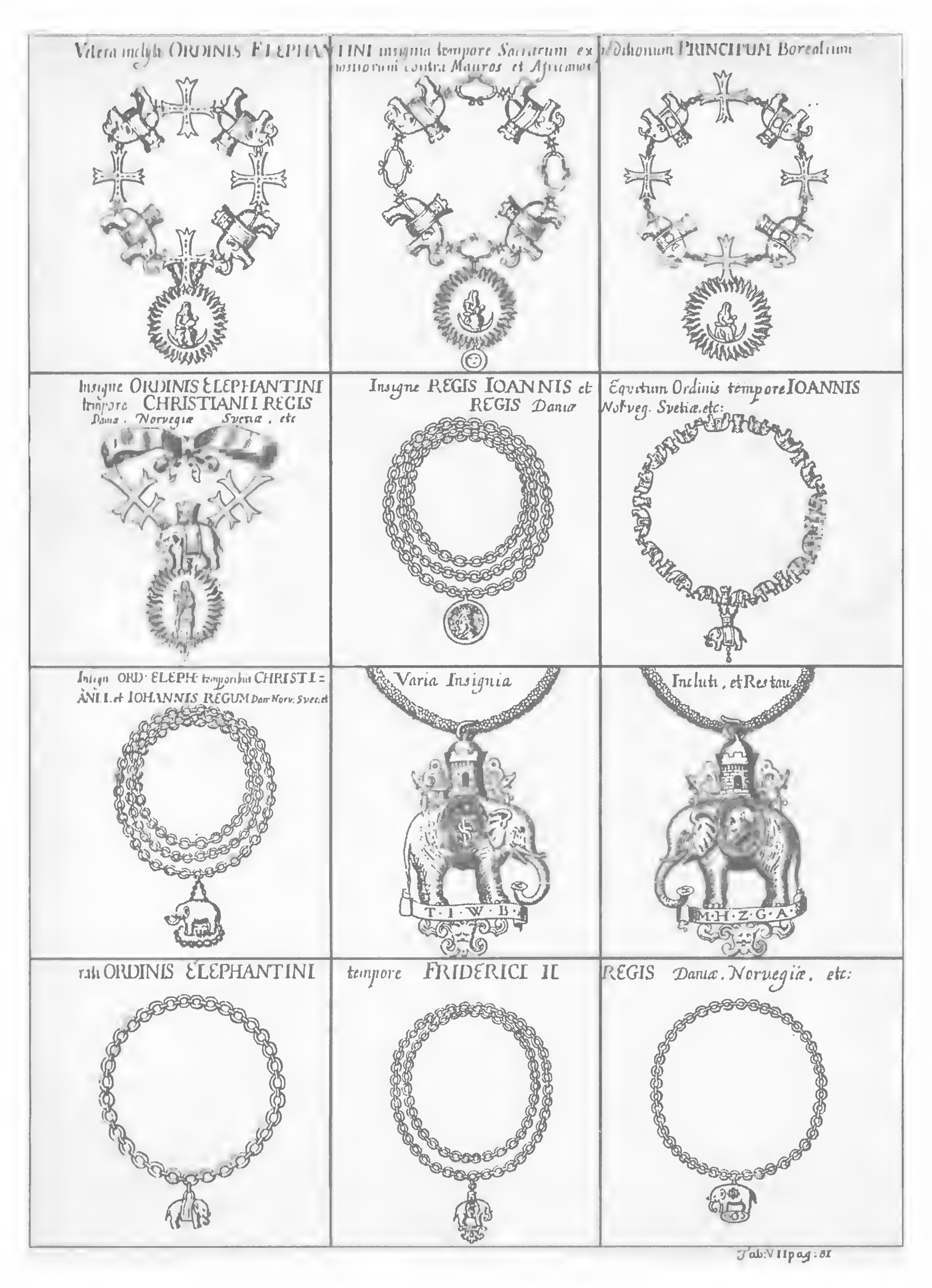
[25] По сообщению источников конца правления Фредерика II и начала царствования его сына Кристиана IV, этим орденом уже награждались датские вельможи во время коронационных торжеств 1559 г. (*Bircherodius Janus*. Op. cit. P. 22–23).

[26] *Hougaard P.* Den danske elefant. S. 167–170.

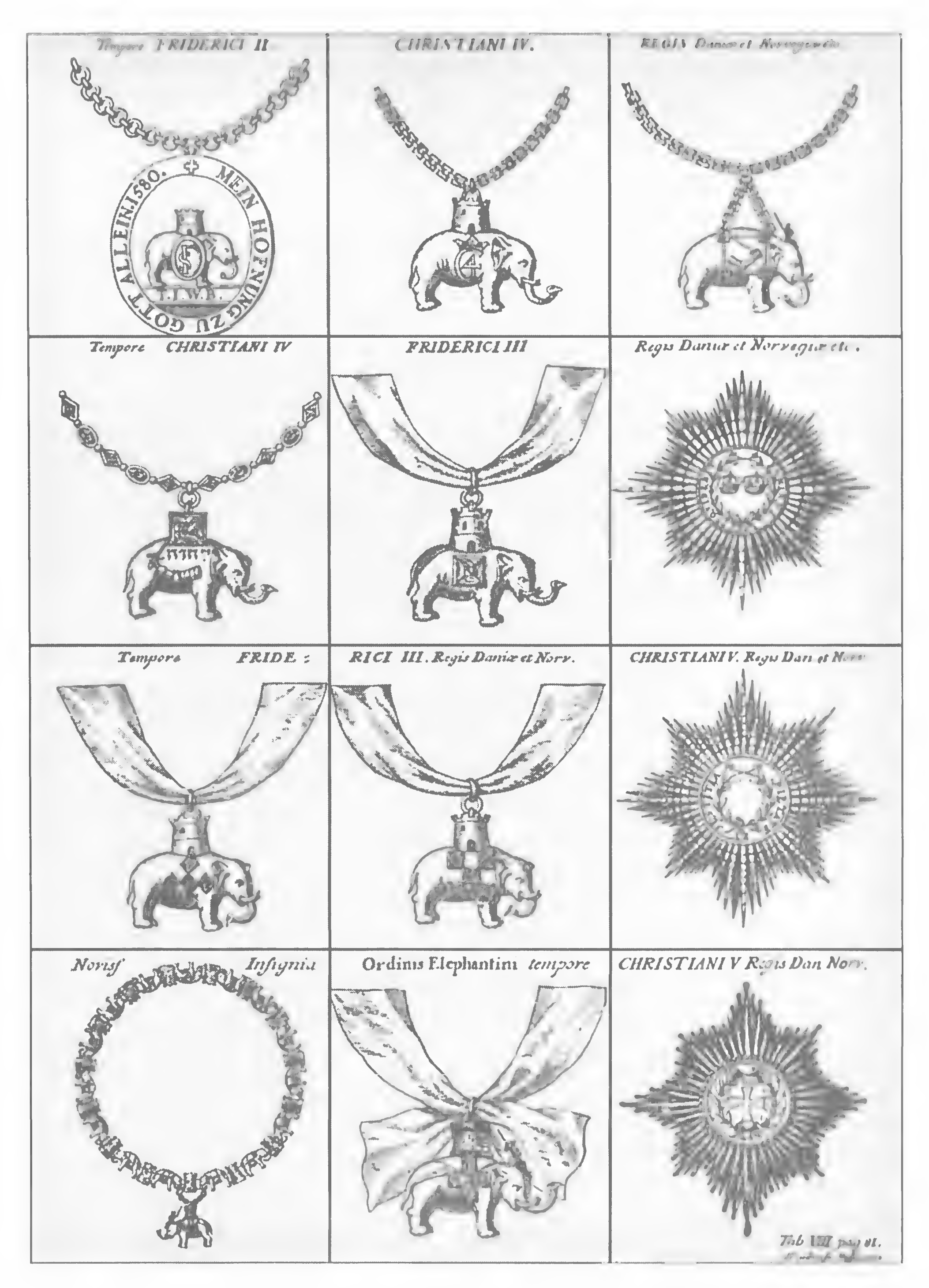
[27] *Jacobæus Oligero*. Museum Regium seu Catalogus Regum tam naturalium, quam artificialium, quae in basicila bibliothecae augustissimi Daniae Norvegiaeqve monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696. N 10–12.

[28] *Bircherodius Janus*. Op. cit. P. 22–23; *Hougaard P.* Den danske elefant. S. 171.

[29] *Baum J.C.* Adelinne, das ist: unsterbliches Helden Lob dem... Dänischen Ritter Orden... Kbh., 1660.

Илл. 226. **Знаки ордена Слона, вторая половина XV – середина XVI в.**

Илл. 227. Знаки ордена Слона, вторая половина XVI — XVII в.

нсигагене в 1660 г. Впрочем, нельзя исключать, что в просторечии датский орден в первой половине XVII в. уже именовался "орденом Слона" Во всяком случае, свою поэму на немецком языке, которая была издана в Копенгагене в 1651 г., Микаель Улих посвятил "Датскому рыцарскому ордену золотого слона"[30]. Но официально свое нынешнее имя орден с эмблемой Слона получил лишь при Кристиане V (1670–1699), в 1679 г., когда были составлены статуты этого ордена. В 1693 г. они вышли из печати на датском и латинском языках в новой редакции под названием соответственно "Статуты Рыцарского Ордена Слона" ("Elefant-Ridder-Ordens Statuter") и "Статуты Ордена Слона" ("Statuta Ordinis Elephantini")[31]. С этого времени наименование "орден Слона" ("Elefantorden") окончательно утвердилось.

Приведенные факты об истории ордена, учрежденного (или возрожденного) Фредериком II, за первые полтора века его существования свидетельствуют, что лица, которые его получали, именовались "рыцарями", а сам он считался "рыцарским орденом" Слово "рыцарь" (*ridder*; *eqves*) прилагалось к членам, или "товарищам" ("братьям"), ордена (*Ordinis Socii*; *Ordens-Brødre*) и в орденских статутах, изданных при Кристиане V. Следовательно, статуты только закрепили уже к тому времени укоренившееся представление о характере этого датского ордена как "товарищества" светского и рыцарского. Этим орден Фредерика II отличался от орденского "общества" его католических предков, считавшегося религиозным братством.

От конца правления короля Фредерика II известно изображение, представленное на карте Дании М. Йордана (1585 г.), щита с составным гербом датского государя, сопровождаемого знаками его ордена (цв. илл. 35). Эти знаки – цепь и слон – приведены в связь с гербовым щитом таким же способом, каким гербы королей Дании украшались орденскими знаками в иноземных гербовниках конца XV – первой трети XVI столетия. Такое положение знаки датского ордена занимают и при гербе короля Дании, который изображен в поэтическом сборнике, прославляющем деяния Фредерика II 1592 г.[32] Год спустя вышла из печати другая книга, посвященная правлению Фредерика II, автором которой был Г. Энс. В ней также находим изображение составного герба короля Дании, окруженного лентой со слоном[33]. Однако все эти изображения были опубликованы за пределами Дании, причем два последних в царствование Кристиана IV. Поэтому нельзя утверждать, что при Фредерике II в Дании уже установился обычай употребления знаков датского ордена в качестве дополнительного элемента королевского герба.

Обычай сопровождать изображение королевского герба знаком датского ордена с цепью или лентой на датской почве утверждается только при

---

30 *Ulich M.* Des… Dennemärckschen Ritter Ordens des güldenen Elephantens denckwürdiger Ursprung aus beglaubten Grund und Nachricht auffgesetzet. Kbh., 1651.

31 Хотя в обоих изданиях отсутствуют выходные сведения, доподлинно известно, что статуты были напечатаны в 1693 г. Однако не вызывает сомнений также и то, что публикация была произведена в Дании, в Копенгагене. Эти статуты на датском языке воспроизведены в качестве приложения в книге Х.Ф. Грансяна (*Grandjean H.F* De kgl. Danske Ridderordener. Kbh., 1903), а по-латыни в книге Й. Биркерода (*Bircherodius Janus*. Op. cit.).

32 *Lavterbachiøs Joannes.* De rebus gestis serenissimi principis ac D.D. Friderici Secundi, regis Daniae… Francofurti, 1592. P. 5.

33 *Ens Lorchensis G.* Rerum Danicarvm Friderico II inclitae memoriae, rervm potiente, terra marigve gestarum Historia. Francofurti, 1593. Dedicatoria.

Кристиане IV и Фредерике III, о чем имеются многочисленные свидетельства. Самое раннее из них, обнаруживаемое на крышке компаса, который принадлежал Кристиану IV, датируется 1595 г.[34] Впоследствии, с конца XVII в., помимо королевского герба, знаками ордена Слона стали украшаться также гербы датских принцев, которые этот орден носили в силу своего общественного положения[35].

При Кристиане V такую же роль при гербе короля Дании стал играть и второй по рангу датский орден – Даннеброга (Dannebrogorden), учрежденный в 1671 г. Тем самым в 70-е годы XVII в. установился обычай, согласно которому гербовый щит короля Дании стал окружаться знаками одновременно двух датских орденов. Этот обычай был закреплен в статутах обоих орденов. Что касается местоположения орденских знаков, то цепь ордена Даннеброга помещалась ближе к щиту, так что главный знак этого ордена – крест оказывался над главным знаком ордена Слона – слоном.

Таким образом, можно утверждать, что в качестве дополнительного элемента королевского герба знаки датских орденов приобрели значение и закрепились только в XVII столетии.

Вслед за королевским гербом, в последней трети XVII столетия[36], знаки орденов Слона и Даннеброга стали изображаться при дворянских гербах. На употребление этого дополнительного элемента имели право только те лица, которые являлись орденскими рыцарями. Причем дворянские гербы могли представляться лишь с одним орденом[37], тогда как полный королевский герб с 1670-х годов предполагал присутствие знаков обоих орденов, поскольку король по своему положению являлся "Господином" и ордена Слона, и ордена Даннеброга (*Ordens-Herren*; *Ordinis Dominus*). Согласно статутам 1693 г., орденские рыцари должны были выставлять свои гербы в сопровождении знаков того или другого ордена. Например, в статутах ордена Слона на этот счет читаем следующее определение: "Орденские товарищи (братья), пока живут, под своими родовыми гербами должны носить знак ордена, а именно Слона, свисающего с цепи ордена на его синей ленте, дабы всем становилось ясно, что они являются товарищами этого ордена"[38]. При этом

---

[34] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. S. 68.

[35] *Bartholdy N.G.* Blå og hvide riddere: De danske ridderordeners statutter // Siden Saxo. Magasin for dansk historie. Kbh., 1990. N 4, 7 årg. S. 50; *Idem.* Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995. S. 19.

[36] Этим временем, например, датируется изображенный над Нюхавнскими воротами дворца Шарлоттенборг, находящегося в Копенгагене, гербовый щит Ульрика Фредерика Гюлленлёве, украшенный снизу знаком ордена Слона (*Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 157).

[37] Этот обычай явился следствием правила, по которому рыцарь ордена Даннеброга переставал быть таковым и, как следствие, более не имел права носить знаки этого ордена, если посвящался в более высокое достоинство рыцаря ордена Слона.

[38] "Ordinis Socii sub insignibus suis gentilitiis Ordinis tesseram, nempe Elefantem de torqve Ordinis coeruleave ejusdem fascia pendulum, qvamdiu vivunt, praeferre tenentur, ut omnibus palam fiat, illos Ordinis hujus Socios esse" (Statuta Ordinis Elephantini. [Kbh.], 1693. § VII); "Ordens Brødrene skulle, saa længe de leve, føre under deris eget Vaaben Ordenens Tegn, som er Elefanten, hængendis enten i Ordens-Kieden, eller i det blaae Baand, saaledis som her hos findis, til et Kiende Tegn for alle Mand, at de ere Brødre af Ordenen" (Elefant Ridder Ordens Statuter // *Grandjean H.F.* Op. cit. Kbh., 1903. § 7).

каждому рыцарю ордена Слона или Даннеброга следовало передать орденскому секретарю (*Ordens-Sekreter*; *Secretarius Ordinis*) "свой родовой герб, изображенный его естественными цветами, равно и свой девиз" Этот герб с девизом затем должен был вывешиваться "в честь" рыцаря "на медном листе предписанного размера и сделанном в форме щита... в Орденской Церкви, которая находится во Фредериксборге" В статутах ордена Слона к этому положению еще прибавлено, что герб вывешивался "над креслом рыцаря"[39].

Одновременно вместе со знаком ордена родовой герб рыцаря (*Insignia illius Gentilia*; *hans Vaaben*) вместе с его девизом должен был изображаться в особой "рыцарской книге", которую поручалось вести орденскому секретарю (*Eqvestrem habebit Matriculum*; *at holde egen Ridder-Bog*)[40].

Однако эти установления впоследствии часто не соблюдались, в первую очередь, по той причине, что иностранцы, получавшие датские ордена, далеко не всегда передавали орденским секретарям сведения о своих гербах и девизах.

Круг лиц, которые могли украшать свои гербы знаками датских орденов, согласно орденским статутам, был невелик. Статуты ордена Слона определяли число "орденских товарищей" в тридцать человек, которые достигли тридцатилетнего возраста. Рыцарей ордена Даннеброга не могло насчитываться более пятидесяти человек; нижний возрастной ценз для них устанавливался в двадцать пять лет. За недостойное поведение рыцарь мог быть исключен из "орденского товарищества" и соответственно лишен орденских знаков, а его герб убран из орденской капеллы и орденской книги[41]. Как следствие, бывший рыцарь лишался и права на то, чтобы представлять свой герб с этими знаками, так что, в отличие от королевского герба, в гербах орденских рыцарей знак ордена имел значение личного и временного элемента.

С прекращением в середине XIX в. выдачи грамот на дворянство Датского королевства не было, однако, отменено правило, предполагавшее, что рыцарями орденов Слона и Даннеброга могли быть только "персоны, которые имели право на щит и герб", т.е. потомственные дворяне и приравненные к ним по служебному рангу королевские служащие. Поэтому впоследствии те лица, которые по своему рождению не принадлежали к дворянским родам и не имели гербов, после возведения в достоинство рыцарей этих орденов, должны были обзаводиться и гербами. Этот обычай соблюдался и в Новейшее время.

---

[39] "Is, qvi ab Ordinis Domino Eqves constitutus est, Secretario Ordinis Insignia sua gentilitia vivis suis coloribus depicta, ut et Symbolum suum tradet, qvae omnia in aenea praescriptae magnitudinis et in formam clypei fabrefacta lamina deinceps depingentur, atqve in Sacello Ordinis, qvod Fridericoburg est, supra sedem Eqvitis in ipsius honorem suspendentur" (Statuta Ordinis Elefantini. § XX); "Skal den, som af Ordens-Herren er antagen til Ridder, levere til Ordens-Secretereren sit Vaaben, afmalet med sine rette Farver og hosføyede Tanke-Sprog, eller Symbolum, som siden paa en Plade, giort som et Skiold, efter den ordinerede Størelse, skal afmalis, og til hans Ære i Ordens-Kapellet paa Friderichsborg ober hans Stade ophængis" (Elefant-Ridder-Ordenens Statuter. § 20).

[40] Statuta Ordinis Elephantini. § XLII; Elefant-Rider-Ordens Statuter. § 42.

[41] Elefant Ridder Ordens Statuter. § 36.

Что же касается знаков ордена Слона, с которыми в правление Кристиана V стали представляться орденские рыцари и их гербы, то, по сравнению с прежним временем, они претерпели изменения. Вновь, как и в католическую эпоху, цепь этого ордена стала состоять из золотых слонов, с той, однако, разницей, что последние теперь имели синее покрывало с золотой буквой “D” (Danmark) и не несли башен, которые, будучи тоже золотыми, отныне стали употребляться, чередуясь со слонами, в качестве звеньев орденской цепи. В то же время слон, прикреплявшийся к орденской цепи золотой цепочкой, стал белым. Он нес синее покрывало, украшенное золотым крестом с пятью черными бриллиантами, красную башню с двумя черно-золотыми ободками и черного человека, “эфиопа” (*Æthiopem*) в роли погонщика.

Знаки ордена Даннеброга, с момента его учреждения в 1671 г., оставались неизменными. Его цепь состояла из белого с красной каймой “латинского” креста, чередовавшегося с золотой монограммой Кристиана V “C5”, увенчанной закрытой короной, и буквой “W”, увенчанной открытой короной. Эта буква указывала на имя короля Вальдемара II. К цепи прикреплялся тот же крест, но украшенный черными бриллиантами. Соединение в одной цепи креста Даннеброга с двумя другими знаками должно было свидетельствовать о том, что, как думали в конце XVII в., учредителем ордена Даннеброга являлся Вальдемар II, а его восстановителем, после длительного периода забвения, стал Кристиан V[42]. Такое представление о происхождении ордена Даннеброга имело своим источником легенду, не находящую своего подтверждения в средневековых источниках, которая относила появление датского крестового знамени к годам царствования короля Вальдемара II, а именно ко времени его крестового похода в Эстонию в 1219 г.

В таком виде знаки орденов Слона и Даннеброга изображались в качестве элементов королевского герба в правление Кристиана V (цв. илл. 49) и при его преемниках. Такими они предстают и в полном гербе царствующей ныне королевы Маргреты II. Кроме того, в королевских гербах обе цепи могли представать на орденских лентах: синей (ордена Слона) и белой (ордена Даннеброга). Одновременно цепями и лентами, по цвету которых “товарищи” первого ордена в просторечии назывались “синими рыцарями” (*blå riddere*), а второго – “белыми рыцарями” (*hvide riddere*), украшались также гербы, выставляемые в орденской капелле замка Фредериксборг. Однако в

---

[42] На Кристиана V как “восстановителя” ордена Даннеброга указывают также его монограмма и латинское слово “RESTITUTOR”, представленные на кресте нагрудной звезды этого ордена. Отметим, что в конце XVII в. и на орден Слона стали смотреть как на учреждение весьма древнее. Если в первой половине того же столетия учредителем ордена считался Кристиан I, то впоследствии его основателем, ссылаясь на баснословное предание, не подтверждаемое, однако, никакими историческими свидетельствами, стали считать короля Кнута VI, старшего брата Вальдемара II. Выбор, которым руководствовались создатели этой легенды при определении столь древнего учредителя ордена Слона, по видимому, явился следствием представления, что раз младший по рангу орден Даннеброга, как считалось, был учрежден в 1219 г., то главный орден Датского королевства – орден Слона, уже в силу этого своего статуса, должен был возникнуть еще раньше (*Bartholdy N.G.* Blå og hvide riddere. S. 56–58).

орденских гербовых книгах и на некоторых других памятниках конца XVII – XVIII в. гербы рыцарей обычно предстают только с лентами, которые, как и цепи, несут орденские знаки, соответственно слона и крест, прикрепленные к бантам, образованным лентами под гербовыми щитами. Встречаются также изображения дворянских гербов, которые окружены только одной орденской цепью, тоже несущей знак ордена.

В XVIII в. традиция украшать гербы датчан орденскими знаками нашла отражение в отношении еще одного датского ордена. Утвержденный в 1771 г., он получил название в честь его учредительницы королевы Каролины Матильды, супруги короля Кристиана VI, – орден Матильды (Mathildeorden). Этот орден, чьим отличительным знаком являлся медальон с инициалами королевы "CM" (Caroline Mathilde), просуществовал менее одного года, но тем не менее оставил свой след в датской геральдике. Сохранились изображения гербов графов Струэнсе и Брандта, которые были украшены орденом Матильды по тому образцу, каким принято было украшать гербы орденами Слона и Даннеброга[43].

Итак, можно заключить, что в Дании орденские знаки стали рассматриваться в качестве внешнего элемента герба в XVII в., следуя обычаю, который в других странах Западной Европы (прежде всего, во Франции) начал укореняться еще на исходе Средних веков. Первыми этот обычай в Дании усвоили ее государи, которые украшали свои гербы знаками датских орденов: с эпохи Кристиана IV – ордена Слона, а со времени правления Кристиана V еще и ордена Даннеброга. В последнюю треть XVII в. знаками одного из этих орденов также вошло в обыкновение сопровождать изображения гербов датских дворян, но только тех, которые являлись орденскими рыцарями. Окончательно обычай украшать гербы короля и датских дворян знаками орденов Слона и Даннеброга был закреплен определениями статутов указанных орденов, изданными в правление Кристиана V. Причем при гербах королей они стали эмблемами королевского статуса, а при дворянских гербах – знаками личными и временными. Что же касается обстоятельств, приведших орденские знаки в разряд гербовых элементов, то их следует усматривать, с одной стороны, в превращении гербового щита и шлема в художественные изображения, с другой, в усилившейся сердечной тоске человека позднего Средневековья и Нового времени по внешним отличительным знакам, которые наглядно выражали бы его индивидуальное положение в обществе и отвечали бы его душевному самочувствию. Поскольку герб служил символом его владельца, орденские знаки как дополнительные отличия этого владельца стали и дополнительными отличиями его герба.

---

[43] Этот орден был упразднен после удаления от двора королевы Катрины Матильды, последовавшего за казнью ее любовника графа Струэнсе и его товарища графа Брандта в 1772 г. (*Cedergreen Bech Sv*. Struensee og hans tid. 2. udg. Viborg, 1989. S. 245). Кроме того, в XVII в. существовал еще один датский орден – орден Вооруженной руки ("Ordo Armati Brachii"). Учрежденный королем Кристианом IV в 1616 г., он был упразднен после смерти этого государя. Известны гравированные портреты рыцарей этого ордена (*Eqves Armati Ordinis Brachii*) маршала Андерса Билле и Йоргена Скееля, членов Государственного совета эпохи Кристиана IV. На их груди изображен на шейной цепи орденский знак – рука, держащая меч. Однако при гербах этих датских вельмож, представленных на тех же гравюрах (*Bircherodius Janus*. Op. cit. P. 13–14), равно при других гербах этот знак не обнаруживается.

Наконец, отметим, что, став элементом герба к концу XVII в., орденские знаки оставались таковыми в течение XVIII–XX вв. Следовательно, можно утверждать, что в продолжение этих трех веков представления об орденских знаках как элементах герба в датской геральдике не претерпевали сколько-нибудь существенных изменений, или, говоря иначе, были укоренены в традиции[44].

---

[44] Помимо уже рассмотренных элементов, датские гербы иногда сопровождались также другими отличительными знаками. В католическую эпоху, в XV и первой трети XVI в. внешними украшениями гербов датских епископов и аббатов выступали их атрибуты – посохи. В XVIII в. должностными знаками украшались гербы обергофмаршала (жезлы) и камергера (ключи) королевского двора (*Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh., 1919. S. 212–213). Кроме того, в XVII–XVIII вв., в соответствии с характером искусства барокко и классицизма, гербы датчан могли представать на фоне и в сопровождении разнообразного декора, в том числе украшений в виде датских знамен, доспехов, холодного и огнестрельного оружия. Набором последних знаков, который известен в геральдической литературе под именем "вооружения" (*armatura*), с добавлением еще инструментов для земляных работ, в 1662 г. был дополнен также герб Копенгагена (илл. 75). Но все эти знаки имели характер лишь временных гербовых украшений, отвечавших умонастроению и художественным вкусам той или иной эпохи.

Глава десятая

ОПИСАНИЕ ГЕРБА

Первые описания западноевропейских гербов обнаруживаются в произведениях словесности, которые восходят к XII столетию. Эти описания, представавшие как устные речения, отражали впечатления, которые возникали при рассматривании изображений, присутствовавших главным образом на щитах рыцарей[1]. Данным обстоятельством объясняется и то, что самое имя герба (*arma, vapn*), утвердившееся в странах Западной Европы в XIV в., поначалу также прилагалось исключительно к эмблеме щита.

Гербы датчан, известные по источникам конца XII – XIII в., также в большинстве своем предстают на щитах, из чего заключаем, что на заре геральдики в Дании герб рассматривался как эмблема в первую очередь щита. Другими словами, в ту эпоху зрительные впечатления датчан о гербе получались от его изображения на щите. Следовательно, можно утверждать, что история описания герба на датской, как и в целом западноевропейской, почве начиналась с описания гербового щита.

Уже в Средние века передавать на датском языке сообщение о гербе означало "описывать" (*beskrive*) его. Причем первоначально данное слово, происшедшее от латинского слова "scribere" (чертить, писать, описывать), прилагалось не к тексту, а к гербовому рисунку, о чем свидетельствуют первые дворянские грамоты, изданные в Дании. В этих грамотах, например, датируемых 1433 г., сообщается об эмблемах щита и шлема, "в согласии с тем, как они здесь ниже изобразительно описаны" (*effter thy som the her fornethen maledh bescreuen stande*)[2] или "как здесь ниже изобразительно описаны" (*som her vnder nedhen vt maledh bescreuen sta*)[3]. Однако в более поздних дворянских грамотах, восходящих ко второй половине XV в. и последующим столетиям,

[1] Например, в "Рыцаре Телеги" Кретьена де Труа зрительские впечатления от щитовых эмблем рыцарей, участвовавших в турнире, представлены следующим образом: "Видите вон того рыцаря, с золотой каймой на червленом щите? А другого заметили? У которого на щите дракон рядом с орлом? А там, рядом с ним, еще один… Он носит щит, на одной части которого леопард на зеленом поле, а второе поле – лазурное… А вон тот, у которого щит с двумя фазанами, касающимися друг друга клювами…" (Цит. по: *Кин М.* Рыцарство. М., 2000. С. 227).

[2] Povel Mattihissøns Vaaben og Adels- Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. Bd. II. S. 36.

[3] Niels Nielssøns Vaaben og Adels- Brev givet af Kong Erik of Pommern 1433 // DM. Bd. I. S. 99.

вместо этих формул употреблялось выражение "как здесь изображено" (*som har udi maalit stander*)[4] или ему подобные.

Очевидно, что в первых дворянских грамотах глагол "описывать" не пользовался в смысле "представлять художественное изображение герба", а не в значении "рассказывать о гербе посредством рукописания" Отсюда можно предположить, что этим глаголом в более раннее время, когда еще не вошло в обычай закреплять сведения о гербе на письме, обозначали действие, направленное именно на создание изображения герба. Говоря по-другому, "описывать" герб поначалу означало передавать его художественное изображение. Такое употребление слова "описывать" по отношению к изображению герба находит объяснение в том, что герб не был порождением письменной культуры, а возник как эмблема, представлявшая собой собрание символических знаков, которые, являясь способом выражения средневекового символического умозрения, не предполагали непременного рукописного представления. И только с падением этого символического умозрения в позднее Средневековье, в условиях укоренившегося признания за письменным документом решающего свидетельства, в том числе в области права, стало вызревать желание закреплять рукописанием имена знаков, из которых состояли гербовые эмблемы. Эти перемены в духовной жизни датчан, дополнившиеся влиянием иноземной "геральдической" практики, получили отражение в дворянских грамотах XV в. при употреблении слова "описывать". Составители первых из этих грамот еще находились под влиянием прежней, изобразительной традиции описания гербов. Их более поздние преемники обнаруживают себя уже людьми устоявшейся письменной культуры в части понимания того, что герб в его художественном исполнении был только "изображен", а не "изобразительно описан".

Что же касается текста, сообщающего о гербовых эмблемах, то по отношению к нему, равно как и к другому ранее приведенному тексту, посвященному дворянским правам, в тех же грамотах 1433 г., а именно в их заключительной части, употреблено слово "вышеписанный": "Для заверения и утверждения этих вышеписанных вольности и герба" (*Til Witerlicheet och Stadhfestelsse thenne forskreffne Frihets ok Wapns*)[5]. Иначе говоря, в данном случае, вследствие канцелярского правила, на котором основывались в то время составители датских документов, делалось только указание относительно содержания текста, приведенного, "писанного" в основной части грамоты. В дворянских грамотах издававшихся во второй половине XV – XVII в., такая формула отсутствовала. Вместо нее в грамотах XVII в. при последующем упоминании "вольностей", "привилегий", "шлема и щита" иногда употреблялось выражение "которые выше писаны" (*som forskrevet staaer*)[6]. Но специального термина, которым датчане обозначали бы представление гербовых эмблем на письме, ни в грамотах XV–XVII вв., ни в других письменных источниках указанного периода не обнаруживаем.

---

[4] Niels Madsøns Vaaben og Adels- Brev givet af Kong Hans 1497 // DM. Bd. III. S. 163 (грамота Нильса Мадсёна 1497 г.).

[5] Povel Matthissøns Vaaben og Adels Brev // DM. Bd. II. S. 36.

[6] Патент Ф.'Э. Спехана 1670 г. (Цит. по: *Thiset* A. Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels og Vaabenbreve // HT. 1899. R 7, bd. 2. S. 329).

Отсутствует такой термин и в датских памятниках письменности первой половины XVIII в., о чем свидетельствуют дворянские патенты, текст геральдического сочинения Л. Хольберга (1726 г.) и предисловия в "Датском Журнале" за 1745–1747 гг., предваряющие публикации дворянских грамот с изображенными в них гербами. И только уже позже, к началу XX в., как следует из книги о датской геральдике П.Б. Грансяна (1919 г.)[7], в геральдической литературе Дании утверждается слово "beskrivelse" в качестве технического имени, которым обозначалось не только изображение, начертание гербовой эмблемы, но также ее рукописное или устное словесное представление, описание. Кроме того, в это время, по тому же свидетельству П.Б. Грансяна, у датских знатоков геральдики вошло в обыкновение использовать в указанном значении и термин "blasonering", происходивший от французского глагола "blasonner" – рисовать, объяснять геральдические знаки.

Впрочем, нельзя исключать, что слово "beskrivelse" и соответственно глагол "beskrive", от которого оно произошло, в значении словесного описания гербов в просторечии стали употребляться в Дании значительно раньше, быть может, на рубеже Средневековья и Нового времени. Косвенным свидетельством тому служит использование одинакового по смыслу латинского слова "descriptio" в качестве наименования письменного рассказа о похоронах короля Фредерика II в 1588 г.: "Descriptio Pompae funebris". Среди прочего, в этом рассказе содержится сообщение о знаменах и других предметах с изображениями гербов почившего государя. Стало быть, слово "descriptio" в данном случае прилагалось и к этим предметам, а поскольку назывались и сами гербовые эмблемы, то можно заключить, что они также представлялись через словесное "описание" К этому присовокупим, что употребление в дворянских грамотах выражения "вышеписанные вольность и герб" уже на исходе Средних веков могло приводить к возникновению мысли о приложении слов "писать" и "описывать" к словесному, рукописному или устному, сообщению о гербовых эмблемах.

Щитовые цвета и фигуры, однако, могли передаваться и на других предметах, которые тоже нередко находили своих описателей. И мы знаем, что самые ранние из сохранившихся словесных описаний датских гербов вообще и не заключенных в щитах в частности были сделаны иноземцами в XIV в. по оттиску печати, принадлежавшей графу Якобу Нёррехалландскому, и знамени короля Дании. Однако в силу природной одноцветности воска норвежские описатели[8] печати графа Якоба в 1306 г., конечно, не могли передать цвета гербовых знаков. Испанский же писатель середины XIV в., оставивший сообщение об эмблеме на золотом знамени датского короля, при правильном сообщении о цвете поля не точно передал цвет, в который окрашивались фигуры трех львов в гербе короля Дании. Вместо синего цвета, с которым в действительности, как о том свидетельствуют изобразительные источники XIII–XIV вв., представали эти фигуры, он назвал черный (*vn pendon de oro con tres leones prietos*)[9].

---

[7] *Grandjean P.B.* Dansk Heraldik. Kbh, 1919. S. 257.

[8] DD. R. 2, bd. 6. N 4.

[9] Libro del conoscimiento de todos los reinos y tierras y señoríos que son por el mundo... / Ed. M. Jimenez de la Espada. Barcelona, 1980. P. 11.

Но текст с описанием герба графа Якоба, которое было сделано по его печати, драгоценен еще и в другом отношении. В нем нашли отражение те представления, которыми норвежцы уже к XIV в. стали руководствоваться при словесном описании гербов с двумя полями – верхним и нижним. Эти представления исходили из прочно укоренившегося к тому времени убеждения, что верхнее место является более почетным, нежели нижнее. И действительно, в верхнем поле герба графа Якоба присутствовала фигура льва (леопарда), имевшая более высокий статус, чем сердца (морские листья), представленные в поле нижнем. Поэтому и описание этого герба его норвежские зрители начали с верхней фигуры. В дальнейшем такое воззрение на статус верхнего и нижнего полей и представленных в них знаков непременно находило свое отражение при составлении других двухчастных гербов и их описании.

Вспомним также, что при выборе правого и левого места для расположения наиболее значимых гербовых щитов или гербовых эмблем в составных гербах и знаков в полях щита первенство "чести" отдавалось "геральдически" правому месту. Следовательно, можно предположить, что в данном случае описания должны были начинаться с гербовых щитов, эмблем и знаков, располагавшихся "геральдически" справа. Во всяком случае, в описаниях гербов, датируемых XV–XVI вв., это правило соблюдалось. Например, в дворянской грамоте Поуля Йенсена, изданной в 1426 или 1441 г., его гербовый щит описан следующим образом: "шесть частей, две с правой стороны, верхняя синяя, другая белая, с другой стороны четыре части, две белые и другие две красные"[10]. Изображение гербового щита Поуля Йенсена подтверждает, что под правой стороной в приведенном описании подразумевалась именно "геральдически" правая сторона[11]. Другой пример находим на страницах "Деяний Фредерика Второго", изданных в 1592 г. во Франкфурте. Здесь в стихотворной форме приводится описание герба вельможи Хенрика Ранцау, в котором, в частности, говорится о красной правой части щита и левой белой (*Parte rubet dexstra clipe, pars alba sinistra*), что соответствовало действительности, как видно из приведенного рядом изображения герба Ранцау[12].

Число полей, однако, могло не ограничиваться двумя, что ранее всего, в конце XIV в., обнаружилось в составных гербах владетельных особ, герцога Шлезвига и Гольштейна и короля Дании. В то же время порядок, определявший расположение эмблем в их многочастных гербах, обычно соответствовал политическому статусу государств и владений, геральдическими символами которых эти эмблемы являлись. Это правило соблюдалось и при исчислении имен государств и земель в титуле герцога и короля. Кроме того, из описания современника известно, что во время похорон Фредерика II (1588 г.) знамена с гербовыми эмблемами, входившими в королевский герб, несли в установленной очередности, которая определялась значением эмб

---

[10] "...seks stykker, to paa den højre side, det øverste er blaat og det andet er hvidt, paa den anden side fire stykker, de to er hvide og de andre to er røde" (Цит. по: *Dahlerup T.* Kabelslægtens våben og vasaller // Herald. Tidsskr. 1968. N 18. S. 349).

[11] Ibid. S. 351.

[12] *Lavterbachiøus Joannes.* De rebus gestis serenissimi principis ac D.D. Friderici Secundi, regis Daniae... Francofurti, 1592. P. 54.

лемы (илл. 36). Перед катафалком с гробом почившего государя несли знамя с составным гербом, далее впереди, по мере удаления от катафалка, следовали знаменосцы, державшие знамена с гербами Дании, Норвегии, с тремя коронами, с эмблемами Готов и "Вандалов" (Славян), Готланда, Исландии, Шлезвига, Гольштейна, Стурмарна, Дитмаршена, Фемерна, Ольденбурга, Дельменхорста и Эзеля. Очевидно, что такое расположение гербовых знамен в целом отвечало тому правилу, по которому наиболее почетные места в составном гербе отводились сначала эмблемам королевств, а затем эмблемам прочих земель, согласно их политическому статусу. Правда, современник, оставивший рассказ о похоронах короля Фредерика, приводит описание знамен в обратном порядке. Но объяснение этому следует искать в том, что он не стремился описать составной герб, а имел целью лишь перечисление и описание знамен в том порядке, в каком их несли от начала траурной процессии.

Все эти факты дают основание считать, что в конце XIV – XVI в. описания составных гербов королей Дании и герцогов Шлезвига должны были начинаться с наиболее значимых эмблем, в соответствии с их местоположением в этом гербе. Впоследствии это правило непременно находило отражение в памятниках письменности. В 1726 г. именно ему следовал в рассказе об эмблемах составного герба короля Дании автор первого сочинения по датской геральдике Л. Хольберг[13]. В этом датский писатель, несомненно, опирался на традицию, которая к началу XVIII в. уже прочно укоренилась в Дании.

В начале XVII в. вошло в обыкновение создавать многочастные гербы и для датских дворян. Обычно такие гербы состояли из четырех родовых эмблем ближайших предков – родителей их матерей. Порядок размещения этих эмблем в полях щита в соответствии с порядком исчисления предков предполагал, что в первом поле изображалась эмблема отца, во втором – матери, в третьем – матери отца, в четвертом бабки по линии матери. Нетрудно предположить, что и описание родовых эмблем в четверочастном щите производилось в той же последовательности. Позднее, начиная с последней трети XVII в., стали создаваться многочастные дворянские гербы с четырьмя эмблемами, которые по происхождению не являлись самостоятельными гербами. Из текста дворянских грамот видно, что порядок описания этих четырех эмблем соответствовал правилу перечисления полей. Например, гербовый щит адмирала Петера Весселя Торденскьольда, согласно его дворянскому патенту 1716 г., "делится на четыре равные части", каждая со своим изображением. Эти части представлены в следующем порядке: правая верхняя, левая верхняя, правая нижняя и левая нижняя: "В первой четверти сверкает огонь молнии на синей основе. Во второй, которая красная, стоит белый орел с раскрытыми крыльями. В третьей четверти, которая также красная, лежат две золотых пушки, скрещенные друг с другом, с двумя золотыми

---

[13] Л. Хольберг исчисляет эмблемы королевского герба в следующей очередности: Дания, Норвегия, Три Короны, Готы, Славяне, Шлезвиг, Гольштейн, Стурмарн, Дитмаршен, Ольденбург, Дельменхорст, Фемерн, Борихольм, Готланд, Эзель, Фарерские острова, Исландия и Гренландия (*Holberg L.* Om Dannemarks og Norges Vaaben // Holberg L. Dannmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 630–631).

ядрами на каждой стороне и одним внизу, посредине. Третья и последняя четверть ведет синего льва, который стоит с обнаженной саблей в правой лапе"[14]. Сами изображения в этих четвертях были размещены не случайно, а именно в порядке их значения; во всяком случае, первая эмблема указывала на происхождение нового (дворянского) имени Петера Весселя Торденскьольд (*torden* – гром).

Но четверочастные щиты датских дворян могли заключать и две гербовые эмблемы, располагавшиеся соответственно одна в первом и четвертом, вторая во втором и третьем поле. Тем не менее и в этом случае отмеченный выше порядок сохранял свою силу. Так, в описании герба Ханса Воскама, находящемся в его дворянской грамоте (1701 г.), говорится, что "щит поделен на четыре равные части, или четверти. В первой четверти стоит прямо серебряный столб в красном поле. Во второй четверти, чье поле золотое, синее стропило. Третья четверть такая же, как и вторая, и четвертая, или последняя, подобна первой"[15].

Королевские и дворянские гербовые эмблемы, кроме того, заключались в щиты, которые могли соединяться посредством наложения одного щита на другой. В этой связи следует вспомнить, что в Дании уже с XV столетия вошло в обыкновение в многочастном королевском гербе первые по значению эмблемы размещать в главном, или большом, щите, менее важным эмблемам отводить средний щит, а второстепенные изображать в щитке, или сердцевом щите. Отсюда произошел и обычай начинать описание составного королевского герба с эмблем главного щита и завершать эмблемами щитка. В дальнейшем в такой очередности стали описываться дворянские гербы, состоявшие из двух и большего числа щитов. Об этом можем судить, например, по тексту дворянской грамоты Ханса Воскама, в котором "меньший, или сердцевой, щит" (*mindre eller hierte Skiold*) с его эмблемой называется после того, как были описаны эмблемы "большого щита" (*store Skiold*).

Вслед за щитовыми изображениями в датской геральдике принято описывать шлемовые эмблемы. Этот обычай, очевидно, стал укореняться на датской почве еще в XIV в., когда гербовые щиты начали приводиться в связь со шлемами, эмблемы которых получили признание в качестве элемента герба. Во всяком случае, в грамотах на право ношения герба дворянами и городскими общинами, составлявшихся в Дании с XV в., после описания щитовых изображений непременно следовало описание шлемовых эмблем. Помимо гербовых знаков с эпохи Средневековья шлем принято было украшать еще и наметом. Но это шлемовое украшение вошло в обыкновение включать в описания гербов только в XIX–XX вв.

---

[14] "Skioldet deeles udi fire lige deele. Udi det første Quarteer lyser en Liun Ild udi blaa grund. Udi det andet som er rødt staar een Hvid Ørn med udstragte Vinger. Udi det tredie Quarteer, som og er rødt ligger Tvende Stykker eller Canoner af Guld paa hin anden over tvert, med tvende Guld Kuggler paa hver side og een midt under. Det fierde og sidste Quarteer fører een blaa Løve staaendes med een dragen Sabel udi Høire Fod" (Цит. по: *Bjerg H.Chr.* Et Ukendt Tordenskioldsegl // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 432).

[15] "Nemligen Skioldet er delt udi fire lige Dele og quarteerer. Udi det første qvarteer staar een Sølf Pille opreist udi et rød Feldt. Udi det andet qvarteer hvis Feldt er Guld, er en blaa Sparre. Det tredie qvarteer er lige som det andet, og det fierde eller sidste er liig det første" (Цит. по: *Achen S.T.* Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 312).

Не сразу, лишь с последней трети XVII в., стали приводиться в описаниях гербов и остальные внешние гербовые элементы. Сначала некоторые из них могли упоминаться одновременно с именем герба или шлема. Так, в описании герба графов Даннескьольд (1695 г.) говорится о "гербе, носимом золотым львом... и белым слоном" (*Vaaben baaren af en guld Løve og en hvid Elefant*)[16]. Судя по изображению этого герба, имелись в виду щитодержатели в образе льва и слона. Когда же хотели сообщить о короне, то, по свидетельству, например, дворянской грамоты Маттиаса Мота (1679 г.)[17], писали о "коронованном турнирном шлеме" (*kronet Tourneerhjelm*). Но впоследствии, к XIX в., на датской почве укоренился обычай, по которому щитодержатели, корона и прочие гербовые элементы описывались после эмблем щита и шлема; при этом, правда, последовательность описания могла быть разной. Следуя такому правилу, например, был описан герб королевы Маргреты II, утвержденный в 1972 г. В соответствующей резолюции, при отсутствии шлема с его украшениями и девиза, в первую очередь дается описание главного щита (*hovedskjold*), затем сердцевого (*hjerteskjold*), а дальше исчисляются орденские цепи (*ordenskæder*), щитодержатели (*Våben... holdes af to... vildmænd*), корона (*kongekrone*) и мантия (*våbentelt*)[18].

Таким образом, можно заключить, что искусство описания герба (*våbenbeskrivelse, blasonering*) в Дании развивалось постепенно. Оно зарождалось в условиях господствовавшего в Средние века наглядно-символического умозрения в качестве представления эмблемы на оружии или другом предмете посредством художественного начертания, изображения, красочного описания. Одновременно, как можно догадываться, стали появляться устные речения о содержании этих эмблем, возникавшие под впечатлением от созерцания гербовых знаков. Позднее, в последние столетия Средневековья, с падением символического умозрения, с развитием письменной культуры и под влиянием иноземных "геральдических" обычаев в Дании складываются духовные предпосылки для закрепления зрительных впечатлений на письме. При таких обстоятельствах в грамотах на право ношения герба дворянами и городскими общинами, издававшихся в Дании с первой половины XV в., письменные сообщения о гербовых эмблемах приобретают характер официальных свидетельств. В этих же грамотах, прежде всего, находили отражение те воззрения на порядок словесного представления эмблем и элементов герба, которые с течением времени складывались на датской почве. Этот порядок, при котором с позднего Средневековья первое место отводилось эмблемам щита, второе, по обыкновению, знакам шлема и т.д., предопределялся значимостью гербового элемента. В основных чертах он получил признание у знатоков геральдики в Западной Европе, в Дании в частности, к исходу XVII в., когда уже существовали все внешние гербовые элементы, посредством которых создавался образ полного герба, в последующие столетия лишь в некоторых деталях претерпевавший изменения. Однако на датской земле перечень элементов, следовавших за эмблемой щита и, как правило, за украшениями шлема, и после XVII в. мог разниться. В то же время

[16] *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 158.
[17] *Thiset A.* Begrebet Dansk Adel... S. 333.
[18] *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994. S. 152.

со Средних веков последовательность рассказа о щитовой эмблеме ставилась в зависимость от пространственного расположения ее фигур: месту "геральдически" правому и верхнему отдавалось первенство. Этому правилу следовали и при перечислении эмблем, из которых слагались двух- и многочастные гербы. Сам письменный характер сообщения о гербе способствовал тому, что такое сообщение со временем стало восприниматься как "описание герба". Такое восприятие у датчан утверждалось с конца Средних веков и окончательно приобрело "геральдическое" значение, отлившись в специальные термины, к исходу Нового времени.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После принятия христианства "из Рима" в X–XI вв. датчане вошли в сообщество народов, называемое западноевропейским культурно-историческим миром. Оригинальность этого мира, окончательно самоопределившегося в высокое Средневековье, основывалась на неповторимых религиозно-духовных понятиях, находивших выражение в чувственно-зрительных явлениях.

Начатки одного из таких явлений, характеризовавших лик западноевропейского культурно-исторического мира, – герба – относятся к XII в. Его зарождение обусловливалось духовными переменами, совершавшимися в высокое Средневековье у народов Западной Европы. Их суть заключалась в религиозном оправдании земных вещей как символов умопостигаемых понятий Небесного Града, в росте субъективного видения вещей горнего и дольнего мира, в развитии типически-конкретных духовно-общественных индивидуальностей, мыслившихся универсально. К исходу XII в. одна из таких индивидуальностей – чин рыцарей – составилась из государей и их военных слуг. Каждый рыцарь рассматривался как конкретное проявление типического идеала – воина Христова, что в условиях господства религиозно-символического умозрения и роста духовного субъективизма создавало почву для развития рыцарской типической эмблемы, которая характеризовалась конкретно-художественными знаками. Самоопределение рыцарей через подобные эмблемы свидетельствовало об их сословно-культурном обособлении от других духовно-общественных чинов-состояний, являлось одним из выражений получившей развитие в XII в. универсальной для Западной Европы придворно-рыцарской (куртуазной) культуры.

В гербах, как можно заключить из духовного содержания романского и готического искусства XII–XIII вв., представлялись посредством знаков религиозно-нравственные понятия, объективировались духовно-общественные связи; и тем самым, подобно другим явлениям средневекового художества, гербы, несомненно, имели наглядно-учительное значение. Но рыцарская культура обнаруживала противоречивый, религиозно-светский характер, что делало гербы символическими знаками не только религиозных переживаний, но и мирских настроений. С последовавшим затем укреплением этих настроений создавалась основа для различного общественного использования гербов и превращения их в произведения искусства, претерпевавшие образные и стилевые изменения под влиянием художественно-исторического умозрения, которое обусловливалось переменами в духовно-общественных настроениях.

Средневековое конкретно-предметное, религиозно-символическое миросозерцание, искавшее типического выражения "по образу и подобию",

сменялось умонастроением Нового времени, тяготевшим к отвлеченной передаче мысли в отрыве от вещной конкретности, что способствовало появлению новых понятий о зрительной образности герба и его имени. Художественное видение развивалось от запечатления предмета-носителя гербовой эмблемы и подчеркивания деталей в ее образе к созданию об элементах герба целостного впечатления, что отражалось на его именовании и художественно-смысловом понятии. Вначале говорилось о "знаке" или "знаках" оружия, о самом оружии или его отдельных предметах – щите и шлеме, затем, со времени позднего Средневековья, как и в других странах Западной Европы, в Дании стал использоваться специальный латинский термин "arma" иногда для пояснения смысла дополнявшийся словом "insignia" Последнее слово, а также иногда его форма единственного числа "insigne", и само в XIV–XVII вв. часто употреблялось как имя герба. Термину "arma" в датском языке соответствовало слово "vaaben", часто писавшееся вместе с выражением "щит и шлем", которое могло, в свою очередь, обозначать герб.

Специальными терминами герба первоначально именовалась совокупность знаков, изображавшихся на щите, или в целом знаки щита и шлема. Затем под впечатлением от художественных изображений гербовых щитов и шлемов эти термины стали прилагаться собственно к щиту, который заключал один, два или несколько гербов, или эмблеме, состоявшей из щита и шлема с их знаками. Наконец, термином "vaaben" или его латинскими эквивалентами вошло в обыкновение обозначать художественные композиции, включавшие два или несколько щитов и шлемов, приведенных в связь с другими знаками – дополнительными элементами герба. К этому следует добавить, что все представления, находившие свое словесное выражение в специальном наименовании герба, с течением времени не сменяли, а дополняли друг друга, так что в Новое время это наименование стало использоваться для обозначения различных гербовых композиций. Это, в свою очередь, дает основание утверждать, что с течением времени термин "герб" приобретал все более отвлеченно-многозначный характер.

Специальные имена и художественные образы герба на датской, как и в целом западноевропейской, почве вырабатывались среди носителей придворно-рыцарской культуры, в среде правителей и их военных слуг, рыцарей и вебнеров, или дворян. Этим обстоятельством следует объяснить возникновение в XIV в. обычая, согласно которому дарование дворянских прав по грамоте непременно сопровождалось пожалованием герба. Из понимания герба как дворянской эмблемы в XV–XVII вв. развился также обычай иллюстрировать родовыми гербами благородное происхождение дворянина и его предков.

В XII в., в период своего зарождения, гербы мыслились преимущественно как явления типические, символизировавшие не столько личность, сколько общественный статус человека, что согласовывалось с господствовавшим тогда миросозерцанием, которое выражало в художественных образах черты отвлеченно-идеальные. Но с развитием религиозно-субъективного умозрения в высокое Средневековье гербовые знаки стали наделяться отличительными качествами, и герб постепенно начал осознаваться как символ государя конкретной земли и отдельного рыцаря, а затем и в качестве родового знака. Превращение герба в родовую "дворянскую" эмблему обу-

словливалось развитием в XIII XIV вв. понятия о "дворянских" правах и связанных с ними духовных качеств как наследственных.

Но символизм и самоутверждение личности на почве тоски по внешним типически-конкретным знакам в XII–XIII вв. характеризовали умонастроение не только государей и их военных слуг, но и представителей других духовно-общественных индивидуальностей-состояний. Здесь следует искать причину, которая в XIII в. привела к появлению на печатях бюргеров личных эмблем или рунообразных знаков. Отличительными символами в XII–XV вв. характеризуется также иконография печатей церковных, городских, купеческих, ремесленных и земских общественных индивидуальностей. Однако имя герба за их эмблемами начинает закрепляться лишь в позднее Средневековье и раннее Новое время, причем непременно через художественное уподобление этих эмблем гербам как атрибутам духовно-общественного статуса государей и дворян.

В Дании XIV–XV вв. входит в обыкновение наделять гербами святых покровителей церковных учреждений и даже Иисуса Христа. На исходе Средневековья гербы датским клирикам могли жаловать и короли. Со второй четверти XV в. имя герба стало прилагаться к эмблемам общин датских городов, сначала к тем, которые были дарованы королем, а позднее, с XVI в., и к тем, которые изначально гербами не являлись. В начале эпохи абсолютизма в Дании (1660–1670-е годы) гербами стали называться эмблемы королевских чиновников бюргерского происхождения, приравненных по правам к дворянам.

Сами же коренные причины, которые вызвали постепенное распространение имени герба на различные эмблемы, следует искать в переменах умонастроения западноевропейского общества позднего Средневековья и раннего Нового времени. Эти перемены, предопределявшие изменения в социальных отношениях, постепенно приводили к утрате особенностей средневекового миросозерцания, породившего гербы. Человек все больше обретал способность к созданию отвлеченных образов и общественно-политических понятий, не связанных с вещной конкретностью в ее зрительно-чувственной обусловленности, что благоприятствовало и переносу отличительных свойств (духовных и материальных) дворянской эмблемы – герба на другие эмблемы, ранее гербами не являвшимися. А за усвоением этих свойств последовало и усвоение имени, их обозначавшего.

На почве развития отвлеченного мышления с конца высокого Средневековья происходило также становление понятия о государстве как отдельной от государя политической индивидуальности и отождествление государства с землей, в котором оно находилось, а вместе с тем вызревала идея государственного и земского герба (и знамени). Но поначалу государство считалось собственностью государя, откуда возник обычай символизировать гербом короля Дании и Датское королевство, а позднее и страну Данию.

Средневековое сознание характеризовалось тем, что наделяло символы качествами символизируемого лица или предмета. Поскольку герб являлся индивидуальным символом, то на него тоже переносились качества его владельца. Отсюда действия, совершавшиеся против герба, должны были пониматься и как действия, направленные против его носителя. На этой духовно-общественной почве развилось гербовое право, предполагавшее, в первую очередь, защиту герба от чужого посягательства. Вначале оно выражалось в обычаях, но с конца Средневековья в различных странах некоторые его по-

ложения начинают предавать письму. И в Дании со второй половины XVI в. законодательные памятники содержат отдельные положения, касающиеся запретов на ношение (для дворянок, ставших женами бюргеров) и на публичное употребление герба, а также правил использования его отдельных элементов (конец XVII в.), за которыми закреплялось значение ранговых знаков различных категорий дворянства.

Но, признав за гербом значение символа его владельца, нужно было признать и то, что судьба герба была неотделимой от судьбы его носителя. Отсюда последовало возникновение и того обычая, который предполагал перенесение чувственных переживаний, возникавших по отношению к лицу, на его символическую эмблему, которая могла окружаться почетом или, напротив, подвергаться хулению или осквернению. Поэтому когда владелец герба осуждался на лишение чести и казнь, "казнился" посредством символических действий и его герб.

На тесную связь герба с его владельцем, как символа с символизируемым лицом, указывало и то обстоятельство, что личное и родовое прозвище человека могло находить соответствие в имени или смысловом содержании гербовых знаков. И здесь возможны были два варианта: либо прозвище предшествовало принятию гербового знака, либо, наоборот, создавалось по знакам герба, о чем свидетельствуют датские источники, восходящие к XIV и последующим векам.

Тоска по внешнему знаковому выражению духовно-общественной индивидуальности стала источником, который в XIII–XIV столетиях вызвал к жизни такое явление, как составной герб – приведенные в связь тем или иным способом "геральдические" символы лиц и государств (земель). В Дании составные гербы создавались с целью указать на родственные отношения в дворянской среде и на связь лица с его графством или баронством, для которых учреждались особые гербы с 1671 г.

Кроме того, с конца XIV в. утвердился обычай, согласно которому король Дании представлялся с приведенными в связь эмблемами, которые иллюстрировали его королевские, герцогские и графские титулы и Датское знамя, чье имя – Даннеброг – получило официальное признание в 1670 г., после учреждения ордена Даннеброга. Со второй половины XVI в. вошло в обыкновение включать в составной герб королей Дании символы также тех земель, имена которых отсутствовали среди его титулов. Тем самым свидетельствовалось стремление датских королей удержать под своей властью те или иные страны и области или вернуть их датской короне. После 1570 г. в составных гербах королей Дании в воспоминание об унии трех скандинавских королевств изображалась также эмблема "три короны"

В то же время право на ношение герба самого Датского королевства претерпевало изменения. С XIII в. с ним могли представляться короли, их дочери и сестры, позднее, в XIV в., королевы и законные мужские представители королевского рода, претендовавшие на датскую корону. Однако с XV в. установилось правило, вызванное выборным статусом датской монархии, по которому даже претендент на престол не мог носить королевский герб. Впрочем, с середины XVI в. это правило не всегда соблюдалось и после введения самодержавной формы правления короля (1660 г.) перестало действовать. Отныне гербы короля Дании стали носить все законные представители королевской семьи. Помимо родственников королей с XIV или XV в. гербы королей Дании не

пользовали их должностные лица, называвшиеся герольдами и персевантами Они представляли лицо своего государя как в Дании, так и за ее пределами

Тоске по индивидуальному выражению и одновременно господству иерархического и символического миросозерцания, искавшего в высокое Средневековье знакового обозначения духовно-общественных отношений, обязаны были своим возникновением и производные гербы. Это "геральдическое" явление обнаруживало себя через заимствования отдельных знаков из герба-донара, а также через изменение их образа и соединение с другими гербами. В Дании XIII–XIV вв. производные гербы в основном создавались для представителей королевской семьи, в целях отражения их места в феодальной и семейной иерархии. Источником для создания гербов этих лиц, а также некоторых других особ, уже в более позднее время состоявших в родстве или в близких отношениях с королями Дании, служили знаки королевского герба. Гербы или их отдельные элементы, которые принадлежали королям Дании и другим владетельным особам (герцогам Ютландским, например), а также церковным учреждениям, становились также источником создания эмблем и гербов городских общин, чем объективировалась духовно-правовая зависимость этих общин от их государей. Кроме того, в позднее Средневековье в Дании бывали случаи, когда при создании гербов новых дворян в качестве поставщика знаков использовались гербы представителей аристократических родов, чем символически подчеркивалась духовно-личная связь этих дворян с их знатными патронами и одновременно индивидуальность тех и других.

Свою историю на западноевропейской, и в частности на датской, почве герб начинал в качестве изображения, запечатленного на щите. Но с течением времени к гербовому щиту стали прибавляться различные знаки, которые в итоге обрели значение дополнительных, в той или иной степени устойчивых, обязательных или необязательных, элементов герба. Однако своим происхождением эти знаки (шлемы с их знаками, наметы, короны, мантии, щитодержатели, девизы и орденские знаки) не были обязаны тем задачам, которые могли решаться при употреблении их в качестве уже гербовых элементов. Напротив, их изначальная культурно-историческая судьба свидетельствовала, что они вызывались к жизни в искусстве вследствие развития типически-индивидуального начала, которое питало возникновение и самого герба в датском обществе. Иными словами, все дополнительные элементы герба по своему изначальному происхождению являлись символическими знаками, которые были призваны отражать духовно-исторические переживания и жизненные обстоятельства человека. Собирание дополнительных отличительных знаков вокруг гербового щита происходило постепенно, по мере развития типически-индивидуальной выразительности в западноевропейском культурно-историческом мире, и достигло своего венца в различных странах, включая Данию, к концу XVII столетия.

Таким образом, можно заключить, что именно духовное перерождение личности, с течением времени находившее свое выражение во все более усиливавшейся тоске датчан по самоутверждению через внешние знаки, было той основой, на которой в Дании происходило развитие герба с его элементами как культурно-исторического явления. При этом перемены в художественной образности герба в XII–XVII вв. непременно обусловливались задачами его использования как знака духовно-общественных переживаний датчан на их историческом пути.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Вальтер фон дер Фогельвейде. Стихотворения / Изд. подгот. В.В. Левин и др. М., 1985.
Внешняя политика России XIX и начала XX века. М., 1974. Сер. 2: 1815–1830 гг. Т. 1 (IX).
Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии. Подлинное известие о русском и московском путешествии и въезде светлейшего высокородного князя и государя, господина герцога Иогансена Младшего из королевского рода и проч., наследника Норвежского, герцога Шлезвигского, Голштинского, Стормарнского и Дитмаринского, графа Ольденбургского и Дельменгорского и проч. / Пер. с нем. А.Н. Шемякина // ЧОИДР. 1867. Кн. 4.
Гальфрид Монмутский. История бриттов. М., 1984.
Дополнения к актам историческим. СПб., 1857. Т. VI.
Младшая Эдда / Изд. подгот. О.А. Смирницкая и М.И. Стеблин-Каменский. М., 1994.
Опись московской Оружейной палаты. М., 1884; Ч. 1, кн. 3; 1884–1885. Ч. 2, кн. 1–2.
Полное собрание русских летописей. М., 2000. Т. III: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов.
Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903.
Русские акты копенгагенского Государственного архива, извлеченные Ю.Н. Щербачевым // Русская историческая библиотека. СПб., 1897. Т. 16.
Саксонское зерцало. Памятник, комментарии, исследования / Отв. ред. В.И. Корецкий. М., 1985.
Северин Г.М. Серебряные монеты Российской империи, 1682–1801. М., 2001.
Снорри Стурлусон. Круг Земной / Изд. подгот. А.Я. Гуревич и др. М., 1980.
Сэр Гавейн и Зеленый Рыцарь / Изд. подгот. В.П. Бетаки и М.В. Оверченко. М., 2003.
Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферрато "О знаках и гербах" // СВ. 1989. Вып. 52. С. 310–322.
Acta Processus inter Ericum Regem Daniae ab uno et Ducem Slesvicensem ac Comitis Holsatiae ab altera parte de Ducatu Slesvicensi 1424 // SRD. Hauniae, 1792. T. VII.
Ahlefeldt Detlev v. Memoren aus den Jahren 1617–1659 / Hrsg. von L. Bobé. Kbh., 1896.
Annales Lubicensis // Die Chroniken der niedersächsischen Städte. Lübeck / Hrsg. von K. Koppmann. Leipzig, 1884. Bd. II (Die Chroniken der deutschen Städte vom 14. bis ins 16. Jahrhundert; Bd. 26).
Annales Lundenses // DMA. P. 21–70.
Annales Ryenses / DMA. P. 149–176.
Annales Sorani // DMA. P. 98–105.
Annales Valdemarii // DMA. P. 75–79.
Arnoldi Chronica Slavorum. Hannoverae, 1868.
Bartholi de insigniis et armis tractatus // Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943.
Bendixen K. Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
Bircherodius Janus. Breviarium eqvestre, seu De Illustrissimo et Inclytissimo Eqvestri Ordine Elephantino Ejusqve Origine, progressu, ac splendore hodierno Tractatus. Havniae, 1704.
Biscops Absolons... met sin... Broders Her Esbern Snaris Herrekomst oc meetige Adelig Stamme Kbh., 1589.

Borgmester Niels Jacobsens stambog / Udg. ved A. Fabritius. Kbh., 1966.
Christensen H. Heraldiske Minder i København. Kbh., 1945.
Christian V's Danske Lov / Udg. af V.A. Secher. Kbh., 1929.
Chronica Sialandie // DMA. P. 106–144.
Chronicon Roskildense // SMHD. Vol. I. P. 15–33.
Chronologisk Register over de Kongelige Forordninger og Andre Breve, samt trykte Anordninger, som fra Aar 1670 af ere udkomme / Udg. af J.H. Schou. Kbh., 1777.
Continuatio compendii Saxonis sive Chronica Jvtensis. I. Additamentum // SMHD. Vol. I. S. 459–460.
Dänische Silberschätze aus der zeit Christians IV. Aufbewahrt in der Kaiserlichen Schatzkammer zu Moskau / Hrsg. von F.R. Martin. Stockholm, 1900.
Danmark-Norges Traktater 1523–1750 med dertil hørende Aktstykker / Udg. af L. Laursen. Kbh., 1912. Bd. II (1561–1588).
Danmarks middelalderlige annaler / Udg. ved E. Kroman. Kbh., 1980.
Dannebrog-Ridder-Ordens Statuter // *Grandjean H.F.* De kgl. Danske Ridderordener. Kbh., 1903.
Danorum Regum heroumque Historie... P., 1514.
Den danske Rigslovgivning indtil 1400 / Udg. ved E. Kroman. Kbh., 1971.
Den danske Rigslovgivning, 1397–1513 / Udg. ved A. Andersen. Kbh., 1989.
Den danske Rigslovgivning, 1513–1523 / Udg. ved A. Andersen. Kbh., 1991.
Den danske rimkrønike. Kbh., 1961. Bd. I.
Den Danske Søræt, Som Stormectigste Høyborne Første oc Herre Her Frederich den Anden Danmarckis, Norgis, Wendis oc Gottis Konning etc. Lod udgaa Aar effter Guds hyrd M.D.Lxi. Kbh., 1590.
Descriptio Pompae funebris, habitae Rodtschildii, in exeqviis serenissimi ac potentissimi Domini, Dn. Friderici II. Daniae, Norwegiae, Gothorum Vandalorumqve Regis, etc. Vna cum Epitapijs nonnullis in obitum eiusdem. Lipsiae, 1588.
Diplomatarium Danicum / Udg. af Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Kbh., 1957–1990. R. I, bd. 1–7; 1938–1960. R. II, bd. 1–12; 1958–1982. R. III, bd. 1–9; 1984–1994. R. IV, bd. 1–4.
Elefant-Ridder-Ordens Statuter // *Grandjean H.F.* De kgl. Danske Ridderordener. Kbh., 1903.
Encomium Emmae Reginae / Ed. by A. Campbell. L., 1949.
Ens Lorchensis G. Rerum Danicarvm Friderico II inditae memoriae rervm potiente, terra mariqve gestarum Historia. Francofvrti, 1593.
Fleetwood H. Svenska medeltida kungasigill. Stockholm, 1936–1947. D. I–III.
Forordninger, Recesser og andre kongelige Breve, Danmarks Lovgivning vedkommende, 1558–1660 / Udg. af V.A. Secher. Kbh., 1887–1888. Bd. I; 1891–1894. Bd. III; 1903. Bd. V.
Galster G. Danmarks Mønter // NK. Kbh., 1936. Bd. XXIX. S. 139–200.
Gamla och Minsta Svenska Rimchrönikan. Chronicon Rhythmicum Majus // SRS. Bd. I.
Die gedichte Walthers von der Vogelweide / Hrsg. von H. Paul. Halle, 1950.
Gilbert de Lannoy i jego podróże / Przez J. Lelewela. Poznań, 1844.
Grandjean P.B. Danske Gilders Segl fra Middelalderen. Kbh., 1948.
Grandjean P.B. Danske Herreders Segl indtil 1660. Herunder Lands- og Birkesegl. Kbh., 1946.
Grandjean P.B. Danske Haandværkerlavs Segl. Kbh., 1950.
Grandjean P.B. Danske kongekige Sigiller fra Frederik 2.s, Christian 4.s og Frederik 3.s Tid 1559–1670. Kbh., 1951.
Grandjean P.B. Danske Købstæders Segl indtil 1660. Kbh., 1937.
Hassø A.G. Danske Exlibris. Kbh., 1942.
Hauberg P Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146 // DVSS. Kbh., 1900. R. 6, bd. 5, hft. 1.
Hauberg P Danmarks Myntvæsen i Tidsrummet 1146–1241 // DVSS. Kbh., 1906. R. 6, bd. 5, hft. 3. S. 312–381.
Hauberg P. Danmarks Myntvæsen og Mynter i Tidsrummet 1241–1377 // ANOH. Kbh., 1884. S. 217–374.
Hauberg P Danmarks Myntvæsen i Tidsrummet 1377–1481 // ANOH. Kbh., 1886. S. 135–189.
Helsingør stadsbog 1549–1556. Rådstueprotokol og bytingbog / Udg. ved E. Kroman. Kbh., 1971.
Huitfeldt A. Bispekrøniken: Den Geistlige Histori offuer alt Danmarckis Rige. Kbh., 1604.
Huitfeldt A. Chronologia, Continuatz oc Forfølge paa vore danske Historier, siden Saxo døde. Kbh., 1600–1603.
Huitfeldt A. Kong Hansis krønicke. Kbh., 1599.
Huitfeldt A. En kaart historiske Beskriffuelse, paa hues merckeligt, som sig aarlige vnder Christian den Tredie haffuer tidragit. Kbh., 1595.

Incerti Auctoris Genealogia Regum Daniae // SMHD. Vol. I. P. 186–194.
Jacobaeus Oligero. Auctarium rariorum, quae Museo regio per triennium Hauniae accesserunt, uberioribus illustrata commentariis, praecipue numismata et aliae antiqvitates... Kbh., 1699.
Jacobaeus Oligero. Museum Regium seu Catalogus Rerum tam naturalium, quam artificialium, quae in basicila bibliothecae augustissimi Daniae Norvegiaeqve monarchae Christiani Qvinti Hafniae asservantur. Hafniae, 1696.
Jacobsen L., Moltke E. Danmarks Runeindskrifter. Kbh., 1941. Atlas.
Jensen Chr.A. Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid: Studier over Værksteder og Kunstnere. Kbh., 1951. Bd. I: Tiden 1470–1570; 1953. Bd. II: Tiden 1570–1600; 1951 Planchebind 1–114.
Karlsson M. Erik XIV: Oratio de iniusto bello regis Daniae anno 1563 contra regem Sueciae Ericum 14 gesto. Stockholm, 2003. S. 84–191.
Kuckberg E. Der Meklenburg Reimkronik // *Westphalen E.J.* Monumenta inedita rerum Germanicarum. Leipzig, 1745. Bd. IV.
Kolderup-Rosenvinge J.L.A. Samling af gamle danske Love. Kbh., 1837. D. III.
Koldigensis Jonas. Daniae descriptio nova. Francofurti, 1594.
Koldensis Jonas. Daniae descriptio // *Stephanius Stephanus Johannis.* De regno Daniae et Norwegiae Lugduni Batavorum, 1629. P. 172–266.
Kongelige Majestatz Obne Breff, Lydendis om Hues Almindelige Mandater oc Forordning. Kbh., 1590.
Konning Christian den Fierdis Recess, Vordragen aff atskillige Breffne oc Forordninger udi Kiobenhaffn. Kbh., 1615.
Lavterbachiøus Joannes. De rebus gestis serenissimi principis ac D.D. Friderici Secundi, regis Daniae Francofurti, 1592.
Lexicon over adelige Familier i Danmark, Norge og Hertugdømmene. Kbh., 1782–1813. Bd. I–II.
Libro del conoscimiento de todas los reinos y tierras e señoríos que son por et mundo... / Ed. M. Jimenez de la Espada. Barcelona, 1980.
Magistri Johannes de Bado Aureo Tractatus de armis // Medieval heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943.
Medieval Heraldry: Some Fourteenth Century Heraldic Works / Ed. by E.J. Jones. N.Y., 1943.
Missiver fra Kongerne Christiern I.s og Hans's Tid / Udg. ved W. Christensen. Kbh., 1914. Bd. I–II.
Nevéus C., Waern B.J. de. Ny svensk vapenbok. Stockholm, 1992.
Niels Nielssøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1745. Bd. I. S. 97–99
Niels Madsøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Hans 1497 // DM. 1747. Bd. III. S. 161–163.
Nye Tidender om Lærde og Curieuse Sager. Kbh., 1724–1730.
Olai Petri Svenska chrönika // SRS. Bd. I.
Pedersen Chr. Den krønicke fra Saxonis tid indtil kong Christiern den første // Christiern Pedersens Danske Skrifter / Udg. C.J. Brandt. Kbh., 1856. Bd. 5.
Petersen H. Danske adelige Sigiller fra det XIII og XIV Aarhundrede. Kbh., 1897.
Petersen H. Danske geistlige Sigiller fra Middelalderen. Kbh., 1886.
Petersen H. Danske kongelige Sigiller samt sønderjydske Hertugers og andre til Danmark knyttede Fyrsters Sigiller, 1085–1559 / Udg. af A. Thiset. Kbh., 1917.
Povel Matthissøns Vaaben og Adels-Brev, givet af Kong Erik af Pommern 1433 // DM. 1746. Bd. II. S. 33–36.
Posse O. Die Siegel der deutschen Kaiser und Konige von Pippin bis Ludwig den Bayern. Dresden, 1909. Bd. I.
Pufendorf S. De rebus a Carolo Gustavo Sveciae rege gestis commentariorum libri septem. Norimbergae, 1696.
Reitzel P. Danske heraldiske Exlibris. Kbh., 1943.
Reitzel P Våbenførende Slægter i Danmark. Kbh., 1946–1959. Bd. I–III.
Repertorium diplomaticum regni Danici mediaevalis. Series secunda. Fortegnelse over Danmarks breve fra middelalderen med udtag af de hidtil utrykte / Udg ved W. Christensen. Kbh., 1931. R. 2, bd. I /
Reravius Rasmus Hansen. Storm. Her Frederichs den Andens og Storm. Frue Sophia Beggis ders Kronings og Brøllups Historie. Kbh., 1576.
En retractat eller forklaring paa den beretning, som er nylig udgangen de svenske til vilje om alt det som er sket og forhandlet mellem de danske og de svenske år 1565 // MHD / Udg. H.F. Rørdam. Kbh., 1875. Bd. 2. S. 117–162.
Den Rette Judske Lowbog, Nu Nylige offuerseet, Corrigerit oc Dansken Forbedrit, Aar M.D. LXXXX. Kbh., 1590.

Rolls of arms. Edward I (1272–1307) / Ed. by G.J. Brault. Woodbridge, 1997 (Aspilogia, being materials of heraldry; 3).
Roskildekirkens jordebøger og regenskaber. Roskildebispens jordebog / Udg. C.A. Christensen // Danske middelalderlige Regnskaber. Kbh., 1956. R. III, bd. I.
Saxonis Gesta Danorum / Ed. J. Olrik et H. Ræder. Kbh., 1931. T. I.
Schou H.H. Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
Scriptores minores historiae danicae / Udg. ved M.Cl. Gertz. Kbh., 1917. Vol. I.
Scriptores rerum Danicarum medii aevi / Ed. J. Langebek et P.F. Suhm. Hauniae, 1792. T. VII.
Seglkatalog // *Christensen A.E.* Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh., 1980.
Die Siegel des herzoglichen Hauses Braunschweig und Lüneburg / Hrsg von G. v. Schmidt-Phiseldeck. Wolfenbüttel, 1882.
Silverstein Th. Sir Gawain and the Green Knight. A new Critical Edition. Chicago; L., 1984.
Snorri Sturluson. Heimskringla. Reykjavik, 1944.
Sögur Danakonunga. 1. Sögubrot af Fornkonungun. 2. Knytlinga Saga / Utg. C. af Petersens och E. Olson. Kbh., 1919–1925.
Stephanius Stephanus Johannis. De regno Daniae et Norwegiae, insulisque adjacentibus juxta ac de Holsatia, ducatu Sleswicensi, et finitimis provincijs, tractatus varij. Lugduni Batavorum, 1629.
Stormectigste Høyborne Førstis och Herres Her Christians den tredie Danmarckis Norgis oc Gøttis Konges etc. Recess Offuersect oc met ny Arcticle forbedrit Paa Koldinghuss Aar etc. MDLVIII. Kbh., 1559.
Svenonis Aggonis filii opvscvla historica. I. Lex castrensis. II. Brevis historia regvm Dacie. III. Genealogia regvm Dacie // SMHD. Vol. I. P. 55–144.
Sveriges traktater med främmande magter, jemte andra dithörande handlingar / Utg. O.S. Rydberg och C. Hallendorff. Stockholm, 1903. D. 5, hlf. 1.
Thiset A. Danske adelige Sigiller fra det XV, XVI og XVII Aarhundrede. Kbh., 1905.
Tractatus de armis // Medieval Heraldry.
Udvalg af Gamle Danske Domme, afsagte paa Kongens Retterting og paa Landsting / Udg. af J.L.A. Kolderup-Rosenvinge. Kbh., 1847. Bd. III.
Jacob Ulfelds Jordebog på Ulfeldsholm, Selsø og Bavelse 1588 / Udg. ved S. Gissel. Kbh., 1964.
Nicolai Vptoni de Studio militari Libri Quatuor. *Iohan. De Bado Aureo.* Tractatus de Armis. *Henrici Spelmanni* Aspilogia / Ed. E. Bissaeus. L., 1654.
Vita altera Kanuti ducis. In passione Sancti Kanuti. Ad vesperas // Monumenta Germaniae Historica. *Scriptorum.* Hannoverae, 1892. T. XXIX.
Wale Claus de. Kong Christian IV's Herolds Reise ind udi Sverig, at forkynde Krigen imod Carl IX. 1611 // DM. 1745. Bd. I. S. 273–288, 302–318.
Die Wappenrolle von Zürich / Hrsg. von F. Hegi und W. Merz. Zürich; Leipzig, 1930.

Литература

Антонов В.А. Дания и Столетняя война (50-е гг. XIV в.) // Тез. Докл. XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии. М.; Петрозаводск, 1997. С. 118–120.
Антонов В.А. "Земский мир" 1360 г. и политическая жизнь Дании в правление короля Вальдемара IV Аттердага (1340–1375) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1995. С. 34–54.
Антонов В.А. Политическое значение ригсрода Дании в правление короля Вальдемара Аттердага (1340–1375) // Северная Европа: Проблемы истории. М., 1998. С. 31–45.
Антонов В.А. Юнкер Отто Кристоферсен и его борьба за корону Дании // СВ. 2000. № 61. С. 99–112.
Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907–1908 году / Сост., подгот. текста, коммент. и послесл. О.Н. Наумова. Ковров, 1997.
Багров Л. История картографии. М., 2004.
Белоброва О.А. Из истории древнерусской геральдической литературы // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. XXXVII. С. 79–103.
Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб., 1995.
Брандес Г. Еще о Людвиге Гольберге // Брандес Г. Собр. соч. СПб., 1896.
Бурков В.Г. Государственные эмблемы и символы стран Западной Европы. СПб., 1998.

Бурков В.Г. К истории скандинавской группы государственных эмблем и символов // Скандинавские чтения 2000 года: Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2002. С. 162–171.
Вагнер Г.К. Скульптура Владимиро-Суздальской Руси: г. Юрьев Польской. М., 1964.
Вёльфлин Г. Основные понятия истории искусств: Проблема эволюции стиля в новом искусстве. М., 2002.
Вёльфлин Г. Ренессанс и барокко: Исследование сущности и становления стиля барокко в Италии. СПб., 2004.
Вилинбахов Г., Медведев М. Знамя, упавшее с неба: Геральдический альбом. Лист 3 // Вокруг света. 1990. № 6. С. 53.
Винклер П. фон. Гербы главнейших государств. Дания // Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. СПб., 1892. Т. VIII. С. 466.
Высочайше утвержденное при Министерстве Юстиции Особое Совещание для выяснения вопроса о русских государственных национальных цветах. Материалы. III. Сведения о гербах, государственных и национальных цветах и кокардах в западноевропейских государствах. СПб., 1911. Ч. II.
Геделунд Л.Н. История Дании / Пер. Н. Пратасова-Бахметева. СПб.; М., 1907.
Горбачёва Л.М. Костюм средневекового Запада: От нательной рубашки до королевской мантии. М., 2000.
Гуревич Е.А., Матюшина И.Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
Даниэль С.М. Европейский классицизм. СПб., 2003.
Датская история г. Маллета, переведенная с французского студентом Федором Моисеенковым. СПб., 1777. Ч. 1.
Дворжак М. Идеализм и натурализм в готической скульптуре и живописи // Дворжак М. История искусства как история духа. СПб., 2001. С. 53–175.
Дилтей Ф.Г. Детский атлас, или Новой удобной и доказательной способ к учению Географии / Пер. с фр. П.Н. Оболенского и Д.А. Новосильцова. М., 1770. Т. 3.
Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики. М., 2003.
История Дании с древнейших времен до начала XX века / Отв. ред. О.В. Чернышева. М. 1996.
История Датская, сочиненная господином Голбергом которую сократил и приписал к ней свои примечания надворный советник Яков Козельский. СПб., 1766. Ч. II.
Кин М. Рыцарство. М., 2000.
Клиндт-Енсен О. Рунические камни – зеркало социальных отношений // Славяне и скандинавы. М., 1986.
Комаринец А. Энциклопедия короля Артура и рыцарей Круглого Стола. М., 2001.
Ле Гофф Ж. С небес на землю (Перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв. // Одиссей: Человек в истории, 1991. М., 1991. С. 25–47.
Леонтьева Г.А., Шорин П.А., Кобрин В.Б. Вспомогательные исторические дисциплины. М. 2000.
Маллетова история Датская. СПб., 1786. Ч. IV.
Матюшина И.Г. Поэтика рыцарской саги. М., 2002.
Мейнеке Ф. Возникновение историзма. М., 2004.
Михайлов А.Д. Французский рыцарский роман. М., 1976.
Молчанов А.А. Знаки Рюриковичей: история изучения. (Библиографический указатель) // Signum. 1999. № 1. С. 13–24.
Молчанов А.А. Родовые эмблемы древнегреческой знати (эволюция роли эмблематического элемента в системе социальной атрибутики) // Signum. 2005. № 3. С. 5–20.
Морозов А.А., Софронова Л.А. Эмблематика и ее место в искусстве барокко // Славянское барокко: Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979. С. 13–38.
Некрасов А.И. О гербе суздальских князей // Сб. ст. в честь акад. Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928. С. 406–409.
Панофский Э. Аббат Сюжер из Сен-Дени // Панофский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства: Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 131–172.
Панофский Э. Перспектива как "символическая форма". Готическая архитектура и схоластика. СПб., 2004.
Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. М., 2001.

Сванидзе А.А. Утверждение средневековых порядков // История Дании с древнейших времен до начала XX века. М., 1996. С. 53.

Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков: Библиографические материалы. СПб., 1903.

Трубецкой Е.Н. Умозрение в красках. М., 1915.

Туманьян Ю.А. О названиях и гербах западноевропейских столиц // Гербоведъ. 1994. № 5–6. С. 98.

Уваров С.С. Христианская символика. М.; СПб., 2001. Ч. I: Символика древнехристианского периода.

Флори Ж. Повседневная жизнь рыцарей в Средние века. М., 2006.

Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI–XVII столетиях (1544–1648). СПб., 1893. Т. I; 1894. Т. II.

Форстен Г.В. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884.

Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. М., 1999.

Хёйзинга Й. Осень Средневековья: Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М., 1988.

Черных А.П. Трактат Бартоло ди Сассоферрато "О знаках и гербах" // СВ. 1989. Вып. 52. С. 307–322.

Черных А.П. Гербовники XIII в. // СВ. 2007. Вып. 68(2). С. 90–110.

Шестаков В.П. От этоса к аффекту: История музыкальной эстетики от античности до XVIII века. М., 1975.

Эйкен Г. История и система средневекового миросозерцания. СПб., 1907.

Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СП., 2003.

Achen S.T. Amternes våbener // Herald. Tidsskr. 1987. N 55. S. 204–210.

Achen S.T. Danmarks kommunevåbener samt Grønlands og Færøernes. Kbh., 1982.

Achen S.T. Dannebrog // Herald. Tidsskr. 1969. N 19. S. 423–440.

Achen S.T. Danske storkorsvåbener gennem 25 år // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50.

Achen S.T. Friserne i Sorø og Ringsted // Herald. Tidsskr. 1967. N 16. S. 271–272.

Achen S.T. Gelre-våbenbogen og dens danske våbener // Herald. Tidsskr. 1971. N 23. S. 105–115.

Achen S.T. Himmeriges Nøgler og Næstved Byvåben // Herald. Tidsskr. 1962. N 6. S. 261–268.

Achen S.T. Identifikation af anonime våbenskjolde. Kbh., 1972.

Achen S.T. En middelalderlig våbenfrise i København // Herald. Tidsskr. 1966. N 14. S. 191–200.

Achen S.T. Navn efter våben // Herald. Tidsskr. 1966. N 13. S. 117.

Achen S.T. Et nyfundet dansk adelspatent fra 1701 // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 312–314.

Ashen S.T Et nyt borgerligt Våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 37.

Achen S.T Et Par Unionsvåbener i England // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 447–448.

Achen S.T De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Våbenbøger og løver. Danmark // Herald. Tidsskr. 1969. N 20. S. 441–449.

Achen S.T Vildmand // KLNM. 1976. Bd. XX. S. 68–69.

Achen S.T., Rostock O. Bibliorafi over heraldisk litteratur i Danmark og om Danmark, 1589–1969. Kbh., 1971.

Albrectsen E. Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).

Albrectsen E. Herredømmet over Sønderjulland 1375–1404. Kbh., 1981.

Albrectsen E. Knud Pritzlavsen // DBL. 1981. Bd. 8. S. 63.

Albrectsen E. Richardis (Regitse, Rixa) // DBL. 1982. Bd. 12. S. 197.

Andersen M. Seglstemper fra middelalderen i dansk samlinger // Middelalderlige seglstamper i Norden / Red. af M. Andersen og G. Tegner. Roskilde, 2002.

Axelsson S. Om drottning Eufemias släktskapsförhållanden: En källkritisk undersökning // (Norsk) Historisk Tidsskrift. Oslo, 1956. N 37. Hft. 7. S. 266–273.

Baden G.L. Om Trekronerstriden // Afhandlinger i Fædrelandets Cultur- Stads Kirke- og Litteraere Historie. Kbh., 1820. Bd. 3. S. 46–72.

Barfod J.H. Christian 3.s flåde. Kbh., 1995.

Barfod J.H Fladens fødsel. Kbh., 1990.

Bartholdy N.G. Adelsbegrebet under den ældre enevælde: Sammenhængen med privilegier og rang i tiden 1660–1730 // HT. 1971. R. 12, bd. 5. S. 577–650.

Bartholdy N.G. Blå og hvide riddere: De danske ridderordeners statutter // Siden Saxo. Magasin for dansk historie. Kbh., 1990. N 4, årg. 7. S. 50–59.

Bartholdy N.G. Cadency of Danish Royal Bastards in the 13th and 14th Centuries // Académie Internationale D'Héraldique XVIII Colloquium, Canterbury, 29th August – 4th September 1993, Proceedings. Canterbury, 1995. P. 97–105.
Bartholdy N.G. Christian II's våbener og Den gyldne Vlies // Herald. Tidsskr. 1994. N 69. S. 397–412.
Bartholdy N.G. Danneskiold-Laurvig // DBL. 1979. Bd. 3. S. 576–577.
Bartholdy N.G. Danneskiold-Samsøe // DBL. 1979. Bd. 3. S. 578.
Bartholdy N.G. Danmarks våben og krone: Historisk baggrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh. 1995.
Bartholdy N.G. Dannebrog – legende og virkelighed // 1219. Dannebrog og Estland. Roskilde, 1992. S. 6–16.
Bartholdy N.G. Dannebrogskorsets form og visionære bagrund // Herald. Tidsskr. 1991. N 64. S. 168–182.
Bartholdy N.G. Dronning Ingrids castrum doloris // Herald. Tidsskr. 2001. N 83. S. 97–104.
Bartholdy N.G. Heraldik // Dansk kulturhistorisk Oplagsværk. Kbh., 1991. Bd. I. S. 326–327.
Bartholdy N.G. En heraldisk trussel mod oldenborgernes kongelige linie: Kirstine Munks og hendes børns titel og vabenføring // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 155–166.
Bartholdy N.G. Prinsesse Alexandras våben // Herald. Tidsskr. 2000. N 81. S. 9–12.
Bartholdy N.G. Rangkroner og- hjelme unden den ældre enevælde // Herald. Tidsskr. 1980. N 46. S. 9–21.
Bartholdy N.G. Rigsvåben // Den Store Danske Encyklopædi. Kbh., 1996. Bd. 4. S. 454–455.
Bartholdy N.G. Suverænitetssymbolikken i det store danske kongelige våben og dens kulturhistoriske baggrund // Herald. Tidsskr. 1976. N 33. S. 127–138.
Bartholdy N.G. Tilblivelse af våbenerne for riddere af Dannebrog i det 17. og begyndelsen af det 18. århundrede // Herald. Tidsskr. 1973. N 27. S. 311–325.
Bartholdy N.G. De tre kroner og korset: Uniossymbolik, ambitin og rivalitet // Herald. Tidsskr. 1997. N 76. S. 233–257.
Bartholdy N.G. Valdemarernes løvevåben: Hovedtræk af en teori om de danske kongers politiske motivering for at antage løvefiguren i det 12. århundrede // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 21–30.
Bartholinus Th. De Eqvestris ordinis Danebrogici ab Augustissimo rege Dn. Christiano V Dan. Norweg. etc. Monarcha nuper instaurati origine. Hafniae, 1676.
Baum J.C. Adelinne, das ist: unsterbliches Helden-Lob dem... Dänischen Ritter-Orden... Kbh., 1660.
Bencard M., Hein J. Rosenborg: De Danske Kongers Kronologiske Samling. Rosenborg, 1995.
Bengtsson H. Den höviska kulturen i Norden: En konsthistorisk undersökning. Stockholm, 1999.
Bergroth T.C. Kungliga stormästarevapen i Svenska Frimurare Orden // Herald. Tidsskr. 1998. N 77. S. 314–320.
Berner H. Bitegn og deres anvendelse i dansk heraldik // PHT. 1951. R. 12, bd. 5. S. 173–180.
Berner H. Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24. S. 153–163.
Bille-Brahe J.C. Gravmindernes Vidnesbyrd. Kbh., 1985 (Heraldiske Studier 2).
Bjerg H.Chr. Grønlands våben // Herald. Tidsskr. 1975. N 31. S. 39–48.
Bjerg H.Chr. Et Ukendt Tordenskioldsegl // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 432–434.
Bondesen P. Frederik II's rigsvåben fra ca. 1563 // Herald. Tidsskr. 1977. N 36. S. 279–284.
Brault G.J. Early Blazon: Heraldic Terminology in the twelfth and thirteenth Centuries with special Reference to Arthurian Literature. Oxford, 1972.
Bruhn H. Dannebrog og danske Faner gennem Tiderne. Kbh., 1949.
Bruun H. Jacob Ulfeldt // DBL. 1984. Bd. 15. S. 145–147.
Buhl I. Tre heraldiske Håndskrifter i Roskilde Adelige Jomfrukloster // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 210–214.
Buhl I. Vildmænd som frugtbarhedssymbol og skjoldholdere ved det danske kongevåben // Herald. Tidsskr. 1970. N 22. S. 57–65.
Bøggild-Andersen C.O. Kaj Lykke // DBL. 1981. Bd. 9. S. 228–230.
Bøggild-Andersen C.O. Sophie Amalie Moth // DBL. 1982. Bd. 10. S. 81.
Cedegreen Bech S. Struensee og hans tid. 2. udg. Viborg, 1989.
Cedegreen Bech S. Aage Christian Alexander Robert // DBL. 1984. Bd. 16. S. 218.
Christensen A. Våbenskjolde på mønten // Herald. Tidsskr. 1974. N 29. S. 393–412.
Christensen A.E. Kalmarunionen og nordisk politik 1319–1439. Kbh., 1980.
Christensen C.A. Arnsholm og Valdemar Sappi: Et nordslesvigsk drama fra Valdemar Atterdags tid // Festskrift til Johan Hvidtfeldt. Kbh., 1972. S. 39–52.

Christensen W. Dansk Statsforvaltning i det 15. Aarhundrede. Kbh., 1903.
Christensen W. Lisbet Bryske-Tekster // PHT. 1931. R. 9, bd. 4. S. 1–56.
Christensen W. Lisbet og Beate Huitfeldt som personalhistoriske Forfattere // PHT. 1932. R. 9, bd. 5. S. 1–20.
Christensen W. Nogle Bemærkninger om Slægtebøger, især om Sophie Belows Slægtebog // PHT. 1920. R. 7, bd. 4. S. 1–51.
Christensen W. Nogle Slægtebogs- og Vaabenbogsundersøgelser // PHT. 1929. R. 9, bd. 2. S. 1–37.
Christensen W. Vibeke Podebusks Slægtebog? // PHT. 1934. R. 10, bd. 1. S. 1–42.
Clemmensen S. Middelalderens våbenbøger – den første heraldik i farver // Herald. Tidsskr. 1998. N 78. S. 329–353.
Clemmensen S. Seksten aner må man have Epitafiet i Galten Kirke // Herald. Tidsskr. 2001. N 84. S. 148–158.
Clemmensen S., Rostock O., Achen S.T. Dansk heraldisk bibliografi 1569–1999. Odense, 2002.
Colding P. Caspar Markdanner // DBL. 1981. Bd. 9. S. 425–426.
Cramer V. Der Ritterschlag am Hl. Grabe // Das Hl. Land in Vergangeheit und Gegenwart. Köln, 1940. Bd. 2. S. 137–199.
Cramer V. Das Rittertum vom Hl. Grabe im 14. und 15. Jahrhundert // Das hl. Land in Vergangeheit und Gegenwart. Köln, 1941. Bd. 3. S. 111–200.
Dahlerup T. De fire stænder 1400–1500. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 6).
Dahlerup T. Kabelslægts våben og vasaller // Herald. Tidsskr. 1968. N 18. S. 345–353.
Dahlerup T. Lavadelens krise i dansk senmiddelalder // HT. 1969. R. 12, bd. 4. S. 1–41.
Dahlerup T. Variationer og Mutationer: Adelshistoriske Problemer i Heraldisk Belysning // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 65–80.
Dahlerup T. Våbengrupper, similarisering og undervasallitet i dansk senmiddelalder // Herald. Tidsskr. 1968. N 17. S. 303–311.
Danmarks Adels Aarbog. Kbh., 1884–.
Danske kalkmalerier: Gotik, 1375–1475 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1985.
Danske kalkmalerier: Romansk tid, 1080–1175 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1986.
Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987.
Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. af U. Haastrup. Kbh., 1989.
Dyrvik S. Truede tvillingriker, 1648–1720. Kbh., 1998 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. III).
Eilstrup P., Nielsen K., Rasmussen H. Vore gamle herregårde. Kbh, [1970].
Eller P Frederiksborg Museum. Kbh., 1994.
Elm K. Kanoniker und Ritter vom Heiligen Grab: Ein Beitrag zur Entstehung und Frühgeschichte der palästinensischen Ritterorden // Die geistlichen Ritterorden Europas. Sigmaringen, 1980. S. 141–169.
Enemark P. Kriseår, 1448–1451: En epoke i nordisk unionshistorie. Kbh., 1981.
Erslev K. Frederik IV og Slesvig: En historisk Fortolkning af Arvehyldingsakterne af 1721 // Erslev K. Historiske Afhandlinger. Kbh., 1937. Bd. II. S. 54–168.
Erslev K. Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
Fabritius A. Danmarks Riges Adel: Dens Tilgang og Afgang, 1536–1935. Kbh., 1946.
Fabritius A. Danske Vaabenbrevsslægter // HT. 1941. R. 10, bd. 5. S. 658–691.
Fabritius A. Våbenanetavler // PHT. 1976. R. 16, bd. 4. S. 117–131.
Feldbæk O. Nærhed og adskillelse 1720–1814. Kbh., 1998 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. IV).
Fenger O. "Kirker rejses alle vegne", 1050–1250. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 4).
Fischer Jonge I. Valdemar Atterdag og hans dronning // Danske kalkmalerie: Gotik, 1375–1475. Kbh., 1986. S. 60–61.
Fjordholm O. Om opphavet til det norske løvevåpen: En historiografisk framstilling // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 31–41.
Fleetwood H. Uppkomsten av trekronorsmärket i Sveriges riksvapen // Meddelanden från Riksheraldikerambetet. Malmö, 1935. N 3. S. 1–17.
Flensmarck T. Bomärke eller heraldiskt vapen: Spörsmål kring två skånska borgarvapen under 1500–1600-talen // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 274–288.
Flori J. Chevaliers et chevalierie au Moyen Age. P., 1998.
Franck B. Ecclesia og Synagoga: Spentrup kirke o. 1200 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 110–111.

Fridericia J.A. Adelsvældens sidste Dage: Danmarks Historie fra Christian IV's Død til Enevældens Indførelse (1648–1660). Kbh., 1894.
Fridericia J.A. 1588–1699. Kbh., 1896–1902 (DRH. Bd. IV).
Frosell B.A. Claus Podebusks og Anne Krognos' våbenanetavler // Herald. Tidsskr. 2000. N 82. S. 58–68.
Frosell B.A. Med kors og klostersegel: Johanniternes ældre heraldik – særligt i Skandinavien // Herald. Tidsskr. 1995. N 71.
Galster G. Fremmed indflydelse på Danmarks møntvæsen i middelalderen // Nationalmuseets Arbejdsmark. 1957. Kbh., 1957.
Gamrath H., Ladewig Petersen E. Tiden 1340–1648. Andet halvbind: 1559–1648. Kbh., 1980 (Danmarks historie. Bd. 2).
Geschiedensis van Vlaanderen. Amsterdam, 1937. D. II.
Gillingstam H. Lejon och Leoparder – Terminologihistoriska studier // Herald. Tidsskr. 1962. N 6. S. 247–251.
Gönner E. Das Wappen des Herzogtums Schwaben und des Schwäbischen Kreises // Zeitschrift für Württembergische Landesgeschichte. Jahrgang XXVI. 1967. Festgabe Walter Grube zur Vollendung des 60. Lebensjahres. Stuttgart, 1967. S. 18–45.
Grandjean H.F. Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
Grandjean P.B. Dansk Heraldik. Kbh., 1919.
Grandjean P.B. Det danske Rigsvaaben. Kbh., 1929.
Grandjean P.B. Det Kong Christiern II som Ridder af Den Gyldne Vliess tilskrevne Vaaben // PHT. 1950. Aarg. 71 (R. 12, bd. 5, hft. 1–2). S. 90–97.
Gregersen H.V. Slesvig og Holsten før 1830. Kbh., 1981.
Haastrup U. Danske kalkmalerier 1080–1175 // Danske kalkmalerier. Romansk tid. S. 21–61.
Haastrup U. Hellig heraldik i dansk kalkmalerie // Slægter. Skjolder. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 127–135.
Haastrup U. Skitser på grovpudsen: Strövelstorp kirke og Lyndby kirke 1175–1200 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 82–83.
Hauberg P. Gullands Myntvæsen // ANOH. 1891. R. II, bd. 6. S. 1–72.
Haugaard J. et al. Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3.
Haxthausen O. Dronning Margrethe II's våben // Herald. Tidsskr. 1973. N 27. S. 297–305.
Haxthausen O.H.M. Prinsessens Altertavle // Herald. Tidsskr. 1964. N 10. S. 429–431.
Heiberg S. Kongelig reputation og adelig kultur // Struktur og funktion. Festskrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1994.
Heinrich G. Die Grafen von Arenstein. Cologne, 1961.
Heise A. 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
Hiort E. De sjællandske landsdommeres våbenskjolde i Sct. Bendts kirke i Ringsted // Herald. Tidsskr. 1975. N 32. S. 75–93.
Hiort E. Skjoldefrisen i Ringsted – og de manglende våbener // Herald. Tidsskr. 1977. N 36. S. 285–297.
Hoepingh Th. De insignium sive armorum prisco et novo jure Tractatus juridico-historico-philologicus. Noribergae, 1642.
Holberg L. Om Danmarks og Norges Vaaben // Holberg L. Danmarks og Norges Beskrivelse. Kbh., 1729. S. 617–632.
Holstein P Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74. S. 137–174.
Holstein P. Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58. S. 383–403.
Homeyer C.G. Die Haus- und Hofmarken. B., 1870.
Horstbøll H. De "små historier" og læserevolutionen i 1700-tallet: Fra bogtrykker Joachim Wielandt til bogtrykker J.R. Thiele // Fund og Forskning. Kbh., 1994. Bd. 33. S. 77–98.
Hougaard P. Den danske elefant: Dens baggrund, betydning og brug // Herald. Tidsskr. 1981. N 43. S. 153–185.
Hougaard P. En heraldisk guldhornsafbilding af 1679 // Herald. Tidsskr. 1970. N 21. S. 40–51.
Humphery-Smith C. Hvorfor tre leoparder? // Herald. Tidsskr. 1982. N 46. S. 261–264.
Hye F.-H. von. Tidlige heraldiske vidnesbyrd om europæisk bevidsthed i det gamle Tirol: Med særligt henblik på våbenerne for Danmark, Norge og Sverige // Herald. Tidsskr. 2004. N 89. S. 385–399.
Hørby K. Velstands krise og tusind baghold 1250–1400 Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 5).
Hørby K., Venge M. Tiden 1340–1648. Første halvbind: 1340–1559. Kbh., 1980 (Danmarks historie. Bd. 2).

Hähnel M. Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11. S. 25–26.
Ingesman P. Identifikationsproblemer i lavadelsstudier – nogle skånske eksempler // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 300–312.
Ingesman P. Middelalderens danske bispesegl og deres heraldik // Slægter. Skjoder. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 101–126.
Ingesman P. Religiøs simbolik og sociale ambitioner: Den højre gejstligheds segl i dansk senmiddelalder // Herald. Tidsskr. 1987. N 56. S. 283–300.
Jensen Chr.A. Sfragistik og Topografi. En Studie over bygnings- og Landskabsbilleder paa danske middelalders Sigiller // Festskrift til Kristian Erslev den 28. Decbr. 1927 fra danske Historikere. Kbh., 1927. S. 179–186.
Jensen F.P. Danmarks konflikt med Sverige 1563–1570. Kbh., 1982.
Jensen J. Danmarks oldtid. Kbh., 1993.
Jørgensen A.D. Det gamle danske Kongevåben // ANOH. 1879. Hft. I. S. 19–55.
Jørgensen A.D. Om Danebroge Oprindelse: En historisk Hypotes // HT. 1875–1877. R. 4, bd. 5. S. 415–459.
Jørgensen A.D. Undersøgelser vedrørende Danebroge og det danske Kongevåben // HT. 1887–1888. R. 6, bd. I. S. 148–194.
Jørgensen E. Historieforskning og Historieskrivning i Danmark indtil Aar 1800. 2. udg. Kbh., 1960.
Jørgensen E. Richiza (Regitse, Rixa) // DBL. 1982. Bd. 12. S. 203.
Jørgensen P.J. Dansk Retshistorie: Retskildernes og Forfatningsrettens Historie indtil sidste Halvdel af det 17. Aarhundrede. 2. udg. Kbh., 1947.
Kaspersen S. Majestas Domini og den himmelske lovsang: Vä kirke 1121–1130 // Danske kalkmalerier: Romansk tid. S. 98–99.
Keen M. Chivalry. New Haven; L., 1984.
Kock J.O. Sagnet om Dannebrog // Danske Studier. Kbh., 1951.
Koht H. Ingebjorg Hakonsdatter // NBL. 1934. Bd. VI. S. 506–512.
Kornerup J. Skjalm Hvides Slægts Grave og Skjoldmærker i Sorø Kirke // ANOH. 1877. S. 195–252.
Kornerup J. Valdemar Atterdags og Dronning Helvigs Billeder i Næstveds St. Peders Kirke // ANOH. 1893. S. 191–206.
Krag H. Hvad menes med et Våben? // Herald. Tidsskr. 1961. N 3. S. 123–125.
Krag H. Hvorfra kom Elefantene? // Herald. Tidsskr. 1965. N 12. S. 57–61.
Krag H. Om Ludvig Holbergs segl og våben // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 10–15.
La Cour V. Albert // DBL. 1979. Bd. I. S. 103–104.
Ladewig Petersen E. Fra standssamfund til rangssamfund, 1500–1700. Kbh., 1980 (Dansk social historie. Bd. 3.).
Lassen E. Fra runesten til altertavle ca. 900–1500. Kbh., 1972 (DKH. Bd. 1).
Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T. Rigets mænd lader sig male 1500–1750. Kbh., 1973 (DKH. Bd. 2).
Le Blanc François. Traité historique des monnoies de France depuis le commencement de la Monarcie jusques a present. P., 1690.
Leimus I. Revals våbener og segel // Herald. Tidsskr. 2000. N 82. S. 47–57.
Liedgren J. Adelsbrev // KLNM. 1956. Bd. I. S. 18.
Liedgren J. Vendes vapen // KLNM. 1975. Bd. XIX. S. 646.
Lingren U. Nytt om "Sveriges tree Chronor" // Herald. Tidsskr. 1989. N 49–50. S. 51–55.
Loenbom S.S. Om stwisten imellan Sverige och Dannemark öfwer Kongliga swenska wapnet Tre Kronor. Stockholm, 1763.
Loÿe G. de. Om ursprunget till det svenska riksvapenet Tre Kronor // Herald. Tidsskr. 1986. N 54. S. 155–174.
Lukman N. The Raven Banner and the Changing Ravens: A Viking Miracle from Carolingian Court Poetry to Saga and Arthurian Romance // Classica et mediaevalia: Revue danoise de philologie et d'historie. Copenhague, 1958. Bd. XIX. P. 133–151.
Lysdahl I. Roskildeborgeres segl 1270–1450 // Herald. Tidsskr. 1974. N 30. S. 441–452.
Mackeprang M. Christi Lidelsesredskaber – "Christi Vaaben": En arkæologisk Skitse // ANOH. 1951. Kbh., 1952. S. 178–195.
Mackeprang M. En Skjoldefrise fra Erik af Pommerens Tid paa Krogen Slot // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. Kbh., 1932. S. 78–80.
Mahler Dam S. Heraldisk udtryk for ægteskabsforbindelser i lavadelen // Herald. Tidsskr. 1989. N 59. S. 439–445.

Már Lárusson M. Ejermærke // KLNM. 1958. Bd. III. S. 543–546.
Matzen H. Dansk Kongers Haandfæstninger. Kbh., 1889.
Menestrie C.F Origine des ornemens des armoiries. P., 1680.
Menestrie C.F. La sience de la noblesse ou la nouvelle metode du blason. P., 1691.
Mohlin A. Porsesläktan tre sjöblad // Personhistorisk Tidskrift. 55. årgang, 1957. Stockholm, 1957–1958. S. 55–82.
Neerbek H. Erik af Pommerns danske ridderorden og dens forhold til Elefantordenen // Herald. Tidsskr. 1972. N 26. S. 264–268.
Neubecker O. Le grand livre de l'héraldique: L'historie, l'art et la science du blason. P., 1976.
Nielsen I. Ribeborgeres segl 1300–1450 // Herald. Tidsskr. 1976. N 34. S. 177–184.
Nielsen I. Ribeborgeres segl 1300–1450 // Herald. Tidsskr. 1977. N 36. S. 279–284.
Nissen H. Austrått – borgens heraldikk med Ove og Herman Bielkes aner // Herald. Tidsskr. 1988. N 57. S. 336–350.
Nissen H. Baroniet Rosendals heraldik // Herald. Tidsskr. 1992. N 66. S. 257–275.
Nissen H. Blasonering av norske kommunevåpen // Herald. Tidsskr. 2001. N 84. S. 129–146.
Nissen H. Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Herald. Tidsskr. 1989. N 60. S. 462–476.
Norberg R. Stadssigill: Sverige och Danmark // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 706–712.
Nyrop C. St. Knudsgildernes Segl // Tidsskrift for Kunstindustri. Kbh., 1899. R. 2, årg. 5. S. 1–16.
Oeures de Froissart / Publ. par M. le baron Kervyn de Lettenhove. P., 1870. T. I. Introduction.
Okhotina Lind N., Møller P.U., Rambusch S. Vitus Berings og Martin Spanbergs våbenskjolde på nyfundne laksegl i russiske arkiver // Herald. Tidsskr. 1999. N 80. S. 445–449.
Olesen E. Margrethe Skovgaards gravsten i Sankt Knuds kirke i Odense // Herald. Tidsskr. 1990. N 61. S. 18–27.
Olsen R.A. Sværd: Ål kirke, Mårslet kirke, Hornslet kirke og Vellev kirke // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 116–117.
Palliot P. Vraye et Parfaite Science des Armoiries. P., 1664.
Paludan-Müller C. Grevens Feide. Kbh., 1853. D. I.
Pastoureau M. Traité d'héraldique. 2 ed. P., 1993.
Petersen C.S. Markus Jordan // DBL. 1986. Bd. 7. S. 450.
Petersen H. Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I. S. 1–56.
Petersen H. Skjoldefrisen i Sorø Kirke, et kritisk Bidrag til dansk Heraldik // ANOH. 1883. S. 1–54.
Petersen H. Universitetets ældste Sigil // Fra Universitetets Fortid. Kbh., 1875. S. 2–9.
Prange K. Adelsmanden med de to gravsten // Herald. Tidsskr. 1983. N 48. S. 358–364.
Prange K. Danmark (Gejstlige segl) // KLNM. 1970. Bd. XV. S. 201–203.
Prange K. Danmark (Riksvåpen og kongevåpen) // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 292–296.
Prange K. Heraldik og historie. Kbh., 1962 (2-е изд. 1964; 3-е изд. 1977).
Prange K. Heraldik på auktion // Herald. Tidsskr. 1997. N 75. S. 224–226.
Prange K. Hvad er et våben? eller hvordan er vores forhold til heraldiken? // Herald. Tidsskr. 1966. N 13. S. 118–130.
Prange K. Hvidernes våbenfrise: Sorø klosterkirke 1290'erne – og meget senere // Danske kalkmalerie: Tidlig gotik. S. 98–101.
Prange K. Kønskvotering på gravsten? // Herald. Tidsskr. 1985. N 52. S. 57–64.
Prange K. En lavalig våbenfrise? S. Bendt klosterkirke, Ringsted 1287–90 – eller måsk 1584? // Danske kalkmalerie: Tidlig gotik. S. 89–91.
Prange K. Societas Heraldica Scandinavica 1959–1984 // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 7–8.
Prange K. Stormænd i Østjylland: Århus Vor Frue kirke o. 1340 – o. 1375 // Danske kalkmalerie: Tidlig gotik. S. 180–183.
Prange K. Studiet af dansk adel i senmiddelalderen // Herald. Tidsskr. 1993. N 68. S. 346–365.
Prange K. Våbenanetavlen – perspectiver og exempler. Kbh., 1982 (Heraldiske Studie 1).
Prange K. De ældste heraldiske figurer: Sønder Nærå kirke og Højen kirke 1175–1200 og 1200–25 // Danske kalkmalerier: Senromansk tid. S. 154–155.
Raneke J. Sköldformens utveckling på danskt område 1140–1500 // Herald. Tidsskr. 1972. N 26. S. 262–263.
Raneke J. Svenska medeltidsvapen. Lund, 1982. Bd. I.
Raneke J. Vapenböker // KLNM. 1975. Bd. XIX. S. 508–510.
Ranvig S. Sorø krøniken. Kbh., 1986. Bd. I.
Rian Ø. Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark Norge 1380–1814. Bd. II).

Riis Th. Estlands administration i danskertiden // 1219. Dannebrog og Estland. Roskilde, 1992. S. 39–43.
Riis Th. Les Institutions politiques centrales du Danemarque 1100–1332. Kbh., 1977.
Riis Th. Should Auld Acquaintance Be Forgot... Scottish-danish Relations c. 1450–1707. Odense, 1988. Vol. II.
Rockstroh K.C. Ulrik Frederik Woldemar // DBL. 1981. Bd. 9. S. 286–287.
Rockstroh K.C Woldemar Løvendal // DBL. 1981. Bd. 9. S. 285–286.
Rostock O. Det kongelige danske genealogiske og heraldiske Selskab, 1777–1810 og dets forsættelser i nyere tid // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 9–20.
S.T.A. см. *Achen S.T.*
Saxtorph N.M. Jeg ser på kalkmalerier: Alt hvad der findes i danske kirker. 3. udg. Kbh., 1979.
Scheffer C.G.U. De Gothers vapen // KLNM. 1958. Bd. III. S. 30–31.
Scheffer C.G.U. Furstliga sigill // KLNM. 1960. Bd. V. S. 26–30.
Scheffer C.G.U. Det kungliga mönstret i den medeltida heraldiken med särskild hansyn till Albrekt av Mecklenburgs tronbestignig i Sverige // Herald. Tidsskr. 1980. N 42. S. 57–68.
Scheffer C.G.U. De svenska vapen i Gelre-vapenboken // Herald. Tidsskr. 1971. N 23.
Scheffer C.G.U. Sverige // Herald. Tidsskr. 1969. N 20. S. 468–472.
Schlyter H. Medeltida sigillarkitektur – några iakttagelser och några tydningsproblem // Herald. Tidsskr. 1967. N 15. S. 215–221.
Schreiner J. Eufemia // NBL. 1926. Bd. II. S. 608–609.
Seitz H. De tre kronorna: Det svenska riksvapnet i sitt europeiska sammanhang. Stockholm, 1961.
Seitz H. Sverige (Riksvåpen og kongevåpen) // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 290–291.
Seitz H. Tre kronor som europeisk symbol och svensk riksvapen // Herald. Tidsskr. 1960. N 2. S. 60–72.
Seyler G.A. Geschichte der Heraldik (Wappenwessen, Wappenkunst und Wappenwissenschaft). Nürnberg, 1885–1889.
Seyler G.A. Geschichte der Siegel. Leipzig, 1894.
Spenerus Philippus Jacobus. Historia insignum illustrium sev operis heraldici: Pars specialis. Francofvrti ad Moenvm, 1680.
Spenerus Philippus Jacobus. Insignium Theoria seu Operis Heraldici: Pars Generalis. Francofurti, 1690.
Steensberg A. Kvægavl // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 582–587.
Den Store Danske Encyklopædi. Kbh., 1996. Bd. 4; 1997. Bd. 7–8; 1998. Bd. 12.
Svane E. Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
Svane E. I Skjoldet springe Løver: Afledninger af Kongevåbenet. Odense, 2002.
Syv P. Betænkninger om det Cimbriske Sprog. Kbh., 1663.
Tellenbach G. Vom karalingischen Reichsadel zum deutschen Reichsfürstenstand // Adel und Bauern im deutschen Staat des Mittelalters. Leipzig, 1943. S. 22–73.
Thiset A. Begrebet Dansk Adel, særlig med Hensyn til Kong Christian V's Adels- og Vaabenbreve // HT. 1899. R. 7, bd. 2. S. 305–392.
Thiset A. Det danske Rigsvaaben // Tidsskrift for Kunstindustri. Kbh., 1895. Anden Række. I. S. 75–79.
Thiset A. Nogle Bemærkninger om dansk Heraldik i Fortid og Nutid // ANOH. 1902. R. 2, bd. 17. S. 1–36.
Toll H. De äldsta svenska konungavapenbilderna och trekroner-vapnet. Stockholm, 1919.
Trætteberg H. Hjelmtegn // KLNM. 1961. Bd. VI. S. 608–611.
Trætteberg H. Klostersegl i Nordisk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1963. N 8. S. 329–344.
Trætteberg H. Konge- og fyrstebilder // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 31–41.
Trætteberg H. Kongesegl // KLNM. 1964. Bd. IX. S. 46–61.
Trætteberg H. Norges våpen i engelske kilder i middelalder // Herald. Tidsskr. 1970. N 21. S. 29–39.
Trætteberg H. Det norske kongevåpen i Gelre-våpenbok // Herald. Tidsskr. 1971. N 23. S. 126–146.
Trætteberg H. Riksvåpen og kongevåpen. Generelt. Norge // KLNM. 1969. Bd. XIV. S. 276–288.
Trætteberg H. Skjoldholder // KLNM. 1971. Bd. XVI. S. 579–592.
Trætteberg H. Sköld (Heraldisk) // KLNM. 1971. Bd. XVI. S. 120–143.
Trætteberg H. Stadssigill // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 698–706.
Trætteberg H. Stadsvåpen // KLNM. 1972. Bd. XVII. S. 16–23.
Trætteberg H. Unionsvåpen // KLNM. 1975. Bd. XIX. S. 301–303.
Tønnesen A. Bomærkeføring i vore dage // Herald. Tidsskr. 1970. N 22. S. 86–88.
Tønnesen A. Bomærker og runer // Herald. Tidsskr. 1985. N 51. S. 23–34.
Tønnesen A. Bomærket på den skotske altertavle fra Helsingør // Herald. Tidsskr. 1966. N 14. S. 188–190.
Tønnesen A. Helsingørs bomærker. Kbh., 1968.

Tønnesen A. Heraldik på skydeskiver // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 429–447.
Tønnesen A. Lavadelens brug af bomærker // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 143–154.
Tønnesen A. Slægterne Lillieteld og Rosenvinges brug af bomærker // Herald. Tidsskr. 1967. N 16. S. 275–279.
Ulich M. Des… Dennemärckschen Ritter Ordens des güldenen Elephantens denckwürdiger Ursprung aus beglaubten Grund und Nachricht auffgesetxet. Kbh., 1651.
Ulsig E. En ukendt gren af det danske kongehus i det 14. århundrede // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. juni 1990. Odense, 1990. S. 3–10.
Vaupell O. Rigskansler Grev Griffenfeldt. Kbh., 1880–1882. Bd. 2.
Verwohlt E. Absalons slægt og våben // Absalon: fædrelandets fader / Red. af F. Birkebæk m. fl. Roskilde, 1996. S. 25–41.
Verwohlt E. Borgerlig Heraldik i dansk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1961. N 3. S. 95–104.
Verwohlt E. Dansk våbenret // PHT. 1958. R. 13, bd. 6, N 78. S. 1–17.
Verwohlt E. Herold // KLNM. 1961. Bd. VI. S. 483–487.
Verwohlt E. Hvide-slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50. S. 190–213.
Verwohlt E. De jyske Hvider og deres heraldik // Herald. Tidsskr. 1988. N 57. S. 318–335.
Verwohlt E. Kongelige danske herolder // Herald. Tidsskr. 1972. N 25. S. 201–229.
Verwohlt E. Ordnar. 2. Verdslige Ordner // KLNM. 1967. Bd. XII.
Verwohlt E. Retsbeskyttelse af offentlige våbener og slægtsvåbener // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 448–470.
Verwohlt E. Roskilde bys våben og segel // Herald. Tidsskr. 1966. N 14. S. 153–169.
Verwohlt E. Sveriges Tre Kroner // Herald. Tidsskr. 1962. N 5. S. 215–223.
Verwohlt E. Turneringer og ridderspil i Norden // Herald. Tidsskr. 1979. N 39. S. 429–445.
Verwohlt E. Valdemar Atterdags og Erik af Pommerns Herolder // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 27–36.
Vogt S., Tønnesen A. Heraldik – fra korstog til IC3-tog // Herald. Tidsskr. 1997. N 76. S. 274–281.
Vulson de la Colombière M. de. La Science Heroiqve. P., 1644 (2-е изд.: 1669).
Wagner A.R. Heralds and Heraldry in the Middle Ages: An Inquiry into the Growth of the Armorial Function of Heralds. L., 1956.
Warming P. Christiern I.s Skjolholdere // Herald. Tidsskr. 1960. N 1. S. 2–6.
Wilkenschildt M. Kongeligt leksikon. Kbh., 1998.
Wormius Olaus. Runer Seu Danica Literatura Antiqvissima, vulgo Gothica dicta. Hafniae, 1636.
Østergaard B. Våbenskjolde hos Mule og Ulfeldt // Herald. Tidsskr. 1994. N 70. S. 481–482.
Østergaard B. Våbenskjolde som gave, arv og efterligning // Herald. Tidsskr. 1993. N 67. S. 317–329.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Цветные

1. Страница "Гербовника сэра Уильяма ле Нив", начало XIV в. Из кн.: Rolls of arms. Edward I (1272–1307) / Ed. by G.J. Brault. Woodbridge, 1997.
2. Король Вальдемар IV и королева Хельвиг. Церковь св. Петра Нестведского монастыря. Фреска, около 1375 г. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
3. Печати архиепископа Лундского Биргера и епископа Роскиллеского Йенса, 1505 г. Источник: Открытка 1992 г. Государственный архив Дании. Фото Т. Лудвигсена и П. Таскинен.
4. Гербы графств Дании и Норвегии: Лаурвиген (1671 г.). Фриисенборг (1672 г.), Веделльсборг (1672 г.), Ярлсберг (1684 г.), Шакенборг (1676 г.) и Лангеланн (1677 г.). Из ст.: *Holstein P* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
5. Короли Дании. Церковь св. Бендта Рингстедского монастыря. Фреска, конец XIII в. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
6. Гербы фриза в церкви св. Бендта Рингстедского монастыря, конец XIV – XVI в. Рис. С Абильдгорда, 1757 г. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
7. Гербы фриза в церкви Сорёского монастыря, конец XIII – XVI в. Рис. С. Абильдгорда, 1756 г. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
8. Фрагмент гербового фриза. Орхусский собор. Фреска, вторая половина XIV в. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
9. Гербы Эрика Нильсена (Росенкранц) и Свена Фаллинга. Фрагмент гербового фриза. Орхусский собор. Фреска, вторая половина XIV в. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
10. Гербовый щит юнкера Вальдемара. Орхусский собор. Фреска, около 1340 г. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
11. Вознесение Христово. Гербы архиепископа Лундского Нильса Якобсена (Русере) и родов Мольтке (три птицы) и Маркманн (пять лилий). Фёрслевская церковь. Фреска, около 1380 г. Из кн.: Danske kalkmalerier: Gotik, 1375–1475 / Red. U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1985.
12. Герб архиепископа Лундского Нильса Якобсена (Русере). Хойбюская церковь. Фреска, около 1380 г. Из кн.: Danske kalkmalerier: Gotik, 1375–1475 / Red. U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1985.
13. Епископ Орхусский Йенс Иверсен (Ланге) и апостол Иоанн. Неизвестный художник, около 1480 г. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
14. Кристиан I и Доротея Бранденбургская. Неизвестный художник, 1480-е годы. Копия второй половины XVI в. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
15. София Руд. Неизвестный художник, 1585 г. Из кн.: *Eilstrup P., Nielsen K., Rasmussen H.* Vore gamle herregårde. Kbh., U. å. (1970).
16. Надгробие герцога Лолланского и Халандского Кристофера Вальдемарсена. Роскиллеский собор, конец XIV в. Из кн.: Roskilde Domkirke. Roskilde, U. å.

17. Эпитафия, посвященная Я. Хёгу и его жене О. Сехестед. Кастбьергская церковь, 1604 г. Из кн.: *Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T.* Rigets mænd lader sig male 1500–1750. Kbh., 1973 (DKH. Bd. 2).
18. Надгробие Маргреты Сковгорд. Собор св. Кнута в Оденсе, 1615 г. Из ст.: *Olesen F.* Margrethe Skovgaards gravsten i Sankt Knuds kirke i Odense // Herald. Tidsskr. 1990. N 61.
19. Знамя короля Эрика Померанского, 1427 г. Копия 1881 г. Из кн.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994.
20. Мантия королев Дании, вторая половина XV в. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
21. Фрагмент “Гербовника Хермана Бильке”, XVII в. Из ст.: *Nissen H.* Austrått borgens heraldikk med Ove og Herman Bielkes aner // Herald. Tidsskr. 1988. N 57.
22. Герб Юста Хёега. Гербовник ордена Слона, около 1700 г. Из ст.: *Nissen H.* Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Herald. Tidsskr. 1989. N 60.
23. “Кресло каноника” с гербом короля Дании. Роскиллеский собор, около 1420 г. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
24. Ларец для хранения привилегий рыцарства (дворянства) Шлезвиг-Гольштейна, 1504 г. Из кн.: *Dahlerup Tr.* De fire stænder 1400–1500. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 6).
25. Коронационная шпага королей Дании, 1671 г. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
26. Генеалогическое древо короля Кристиана III, около 1570 г. Из кн.: *Rian Ø.* Den tokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. II).
27. Древо рода Билле, около 1690 г. Из кн.: *Eilstrup P., Nielsen K., Rasmussen H.* Vore gamle her regårde. Kbh. [1970].
28. Дворянская грамота Поуля Маттиссёна, 1433 г. Из кн.: *Dahlerup Tr.* De fire stænder 1400–1500. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 6).
29. Гербовая грамота Йеса Томмсена, 1488 г. Из ст.: *Nissen H.* Blasonering av norske kommune våpen // Herald. Tidsskr. 2001. N 84.
30. Герб барона Ивера Юль Хёега, 1681 г. Из ст.: *Nissen H.* Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Herald. Tidsskr. 1989. N 60.
31. Король Швеции Альбрехт и его отец герцог Мекленбурга, граф Шверина и господин Ростока Альбрехт II. “Мекленбургская рифмованная хроника” Э. Киркберга, около 1378 г. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
32. Страница из Вийнбергенского гербовника, 1260–1280-е годы. Из ст.: *Achen S.T.* De skandinaviske Kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Våbenbøger og løver // Herald. Tidsskr. 1969. N 20.
33. Гербы короля Дании и его рыцарей в Гельдернском гербовнике, около 1375 г. Из кн.: Herald. Tidsskr. 1971. N 23.
34. Король Шотландии Иаков III и его жена Маргарита Датская. Хуго ван дер Гус, около 1469 г. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
35. Карта Дании М. Йордана, 1585 г. Из кн.: *Barfod J.H.* Christian 3.s flåde. Kbh., 1995.
36. Щит с восстающим львом. Сённер Нероская церковь. Фреска, 1170–1180-е годы. Из кн.: Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987.
37. Рыцарский поединок. Люнгбюская церковь. Фреска, конец XII в. Из кн.: Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987.
38. Сцена сражения. Ольская церковь. Фреска, конец XII в. Из кн.: Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987.
39. Поединки рыцарей. Хойенская церковь. Фреска, около 1200 г. Из кн.: Danske kalkmalerier: Senromansk tid, 1175–1275 / Red. af U. Haastrup og R. Egevang. Kbh., 1987.
40. Герб короля Кристиана III. “Капелла королевы Доротеи” в замке Сённерборг, около 1570 г. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
41. Фрагмент ковра с гербами родителей Кристофера Васа и его жены Анны Ставерскон, 1653 г.: Из статьи: *Prange K.* Heraldik på auktion // Herald. Tidsskr. 1997. N 75.
42. Герб короля Норвегии в Гельдернском гербовнике, около 1375 г. Из кн.: Herald. Tidsskr. 1971. N 23.
43. Гербы короля Швеции Альбрехта, династии Фолькунгов (“старый герб Швеции”) и шведских вельмож. Гельдернский гербовник, около 1375 г. Из кн.: Herald. Tidsskr. 1971. N 23.

44. Изгнание из рая. Конный крестоносец. Киркерупская церковь. Фреска, около 1325 г. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
45. Гербы Кристиана I и его жены Доротеи Бранденбургской. Роскиллеский собор. Фреска, 1460-е годы. Фото автора.
46. Фредерик I. Я. Бинк, 1539 г. Копия 1570-х годов. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
47. Гобелен с гербами Фредерика II и его жены Софии Мекленбургской. Х. Книпер, 1586 г. Из кн.: *Lassen E., Eller P., Grandjean B.L., Holck Colding T.* Rigets mænd lader sig male 1500–1750. Kbh., 1973 (DKH. Bd. 2).
48. Монеты Кристиана IV, около 1610 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
49. Титульный лист Статутов ордена Даннеброга, 1693 г. Из статьи: *Bartholdy N.G.* Blå og hvide riddere: De danske ridderordeners statutter // Siden Saxo. Magasin for dansk historie. Kbh., 1990. N 4.
50. Герб королевы Маргреты II, 1972 г.: Из кн.: *Bartholdy N.G.* Danmarks våben og krone: Historisk bagrund og retningslinier for brug i nutiden. Kbh., 1995.
51. Фрагмент Цюрихского гербовника, около 1340 г. Из кн.: Die Wappenrolle von Zürich / Hrsg. von F. Hegi und W. Merz. Zürich; Leipzig, 1930.
52. Герб барона Людвига Хольберга, 1747 г. Из ст.: *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.

Черно-белые

1. Датские викинги. "Житие св. Эдмунда", середина XII в. Из ст.: *Verwohlt E.* Hvide-slægtens heraldik // Herald. Tidsskr. 1984. N 49–50.
2. Король датчан Свен I. "Большая хроника" Матвея Парижского, ок. 1250 г. Из статьи: *Trætteberg H.* Norges våpen i engelske kilder i middelalder // Herald. Tidsskr. 1970. N 21.
3. "Герб Христа". Замок Кронборг. Фреска, 1420-е годы. Из ст.: *Mackeprang M.* En Skjoldefrise fra Erik af Pommerens Tid paa Krogen Slot // Fra Nationalmuseets Arbejdsmark. Kbh., 1932.
4. Печать Кнута IV, 1085 г. Из кн.: DKS.
5. Печать Кнута VI, около 1194 г. Из ст.: *Achen S.T* De skandinaviske kongevåbener i Wijnbergen-våbenbogen. Våbenbøger og løver. Danmark // Herald. Tidsskr. 1969. N 20.
6. Печать монастыря Всех Святых в Лунде, около 1150 г. Из ст.: *Trætteberg H.* Klostersegl i Nordisk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1963. N 8.
7. Печать монастыря св. Марии в Ольборге, около 1200 г. Из ст.: *Trætteberg H.* Klostersegl i Nordisk Middelalder // Herald. Tidsskr. 1963. N 8.
8. Печать соборного капитула Роскилле, конец XII в. Из ст.: *Verwohlt E.* Roskilde bys våben og segel // Herald. Tidsskr. 1966. N 14.
9. Печать Радульфа, епископа Рибеского (1162–1170). Из ст.: *Ingesman P.* Middelalderens danske bispesegl og deres heraldik // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange 6. Juni 1990. Odense, 1990.
10. Печати Педера, епископа Роскиллеского (1254–1277). Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
11. Печати Эсгера епископа Рибеского (1246–1273). Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
12. Печати Йенса Гранда, пробста Роскиллеского, 1277 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
13. Печать Эсгера Юля, архиепископа Лундского (1310–1325). Из ст.: *Ingesman P* Middelalderens danske bispesegl og deres heraldik // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange, 6. Juni 1990. Odense, 1990.
14. Печать городской общины Копенгагена, 1275 г. Из ст.: *Schlyter H.* Medeltida sigillarkitektur – några iakttagelser och några tydningsproblem // Herald. Tidsskr. 1967. N 15.
15. Печать бюргера из Роскилле Труида Ромильдсена, 1277 г. Из ст.: *Verwohlt E.* Dansk våbenret // PHT. 1958. R. 13, bd. 6. N 78.
16. Печать херреда Эверскин, 1414 г. Из ст.: *Achen S.T* Dannebrog // Herald. Tidsskr. 1969. N 19.
17. Монета с гербом герцогства Шлезвигского, около 1379 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
18. Монета с гербом Дании, 1424 г. Из кн.:*Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).

19. Монета Сёрена Норбю как правителя Готланда, 1523–1525 гг. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
20. Ивар Аксельсен (Тотт) и его жена Магдалена (Бунде). Неизвестный художник, около 1475 г. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
21. Педер Скрам. Неизвестный художник, 1571 г. Из кн.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994.
22. Олаф Крогнос и его жена Анна Харденберг. Неизвестный художник, 1577 г. Из кн.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994.
23. Надгробие Эрика VI и его жены Ингеборг Шведской. Церковь св. Бендта Рингстедского монастыря, около 1320 г. Из кн.: Danske kalkmalerie: Tidlig gotik, 1275–1375 / Red. U. Haastrup. Kbh., 1989.
24. Надгробие Иоганна Мольтке, его жены и дочери. Кельдбюская церковь, середина XIV в. Из ст.: *Holstein P.* Slægten Moltkes heraldik // Herald. Tidsskr. 1996. N 74.
25. Надгробие епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат). Роскиллеский собор, около 1416 г. Из кн.: *Dahlerup T.* De fire stænder 1400–1500. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 6).
26. Надгробие короля Ханса, его жены Кристины Саксонской и их сына Франца. Собор св. Кнута в Оденсе, около 1515 г. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
27. Надгробие Хольгера Ульфстанда и его жены Биргитты Росенспарре. Валльбюская церковь, конец XV в. Из кн.: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Kbh., 1951. Bd. I. Planchebind. Tavle 5.
28. Надгробие епископа Орхусского Ове Билле. Антворсков, середина XVI в. Рис. С. Абильдгорда, середина XVIII в. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
29. Надгробие Клауса Ульфельдта и его жены Дорте Лунге-Дюре. Эрслевская церковь, 1554 г. Из ст.: *Prange K.* Studiet af dansk adel i senmiddelalderen // Herald. Tidsskr. 1993. N 2.
30. Кристиан II. Гравюра Лукаса Кранаха Старшего, 1523 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
31. Кристен Фриис. Гравюра С. де Пассе, 1630-е годы. Из кн.: *Rian Ø.* Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. II).
32. Кристен Скеель. Гравюра А. Хельвега, середина XVII в. Из кн.: *Dyrvik S.* Truede tvillingriker 1648–1720. Kbh., 1998 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. III).
33. Титульный лист парижского издания "Деяний датчан" Саксона Грамматика, 1514 г. Из ст.: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
34. "Герб короля Дании" Кресло из Киркебёской церкви (фарерский остров Стромё), 1406–1430 гг. Из ст.: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
35. Сундук с гербами родов Росенспарре и Росенкранц, около 1580 г. Из кн.: *Eller P.* Frederiksborg Museum. Kbh., 1994.
36. Похороны короля Фредерика II в 1588 г. Гравюра, 1588–1593 гг. Из кн.: *Rian Ø.* Den aristokratiske fyrstenstaten 1536–1648. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. II).
37. Сражение у Борнхёведе в 1227 г. "Саксонская всемирная хроника", середина XIII в. Из кн.: KLNM. 1961. Bd. VI.
38. "Северный король" "Мекленбургская рифмованная хроника" Э. Киркберга, около 1378 г. Из кн.: KLNM. 1975. Bd. XIX.
39. Герб короля Дании. "Гербовник Конрада Грюненберга", 1483 г. Из ст.: *Neerbek H.* Erik af Pommerns danske ridderorden og dens forhold til Elefantordenen // Herald. Tidsskr. 1972. N 26.
40. Большой камень из Еллинге, вторая половина X в. Из кн.: *Lassen E.* Fra runesten til altertavle ca. 900–1500. Kbh., 1972 (DKH. Bd. 1).
41. Печать короля Дании Эрика III, 1140 г. Из кн.: DKS.
42. Св. Кнут-герцог. Видбьерская церковь. Фреска, конец XV в. Из кн.: *Steenstrup J.C.H.R.* Oltiden og den ældre Middelalder. Kbh., 1901 (DRH. Bd. I).
43. Св. Кнут-герцог. Скивеская церковь. Фреска, около 1500 г. Из кн.: *Steenstrup J.C.H.R.* Oltiden og den ældre Middelalder. Kbh., 1901 (DRH. Bd. I).
44. Монета Вальдемара I, 1157–1181 гг. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
45. Монета Кнута Великого, 1018–1035 гг. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
46. Печать графа Фландрии Карла Доброго, 1119 г. Из кн.: DKS.
47. Печать Вальдемара II, 1204 г. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.

48. Печать Готланда, XIV в. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
49. Печать Вальдемара II, 1216–1241 гг. Из ст.: *Jørgensen A.D.* Det gamle danske Kongevåben // ANOH. 1879. Hft. I.
50. Печать Эрика IV, 1241 г. Из ст.: *Jørgensen A.D.* Det gamle danske kongevåben // ANOH. 1879. Hft. I.
51. Печать герцога Ютландского Эрика Абельсена, 1260–1272 гг. Из кн.: DKS.
52. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1336–1354 гг. Из кн.: DKS.
53. Печать Якоба Сунесена, 1225 г. Из кн.: DAS.
54. Печать Кристофера II, 1320 г. Из ст.: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
55. Печать короля Вальдемара III, 1326 г. Из кн.: DKS.
56. Печать Матея Та, 1339 г. Из кн.: DAS.
57. Гербовая грамота, данная королем Эриком Померанским городской общине Мальмё, 1437 г. Из ст.: *Verwohlt E.* Valdemar Atterdags og Erik af Pommerns Herolder // Herald. Tidsskr. 1960. N 1.
58. "Герб короля Дании" в книгах, издававшихся Кристиерном Педерсеном, 1515–1522 гг. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
59. Герб соборного пробста в Роскилле Эрика Валькендорфа. Гербовая грамота, 1508 г. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
60. Герб короля Дании. "Кулинарная книга" М. Румпольта, 1587 г. Из ст.: *Krag H.* Hvorfra kom Elefantene? // Herald. Tidsskr. 1965. N 12.
61. Знаки на печатях горожан Роскилле, 1338–1450 гг. Из ст.: *Lysdahl I.* Roskildeborgeres segl 1270–1450 // Herald. Tidsskr. 1974. N 30.
62. Печати члена городского совета Копенгагена Герлака Флора (1449, 1453 гг.). Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
63. Надгробие бургомистра города Кёге Педера Педерсена и его двух жен. Кёге, 1583. Из кн.: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Kbh., 1951. Bd. I. Planchebind. Tavle 104.
64. Печать горожанина Роскилле Гюнцекина Гюнцелинсена, 1356 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
65. Знак Олуфа Нильсена Крога. Свогерслевская церковь, 1581 г. Из кн.: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Kbh., 1953. Bd. II.
66. Гербы земских судей Зеландии Кристена Стеенсена и Олуфа Брокенхуса, вторая половина XVII в. Из статьи: *Hiort E.* De sjællandske landsdommeres våbenskjolde i Sct. Bendts kirke i Ringsted // Herald. Tidsskr. 1975. N 32.
67. Печать королевства Дании, 1388 г. Из кн.: DKS.
68. Печать короля Эрика Померанского, 1396 г. Из кн.: DKS.
69. Печать городской общины Роскилле, 1286 г. Из ст.: *Verwohlt E.* Roskilde bys våben og segel // Herald. Tidsskr. 1966. N 14.
70. Печать горожан Нестведа, 1421 г. Из ст.: *Achen S.T.* Himmeriges Nøgler og Næstved Byvåben // Herald. Tidsskr. 1962. N 6.
71. Печать городской общины Хельсингёра, 1456 г. Из кн.: *Barfod J.H.* Fladens fødsel. Kbh., 1990.
72. Печать города Рённе, 1584 г. Из кн.: DM. 1746. Bd. II.
73. Печать города Хальмстада, 1567 г. Из ст.: *Hähnel M.* Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11.
74. Герб города Хальмстада, 1603 г. Из ст.: *Hähnel M.* Halmstads krönta Hjärta // Herald. Tidsskr. 1965. N 11.
75. Герб Копенгагена, 1661 г. Из ст.: *Schlyter H.* Medeltida sigillarkitektur – några iakttagelser och några tydningsproblem // Herald. Tidsskr. 1967. N 15.
76. Печать городской общины Рибе, 1295 г. Из ст.: *Jørgensen A.D.* Det gamle danske Kongevåben // ANOH. Kbh., 1879. Hft. I.
77. Печать епископа Виборгского Кнута Миккельсена, 1450-е годы. Из кн.: *Dahlerup T.* De fire stænder 1400–1500. Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 6).
78. Печать епископа Роскиллеского Педера Йенсена (Лодехат), начало XV в. Из кн.: *Hørby K.* Velstands krise og tusind baghold 1250–1400 Kbh., 1989 (Gyldendal og Politikens Danmarkshistorie / Red. O. Olsen. Bd. 5).
79. Печать епископа Роскиллеского Лаве Урне, 1527 г. Из кн.: DM. 1747. Bd. III.

80. Печать Йенса Эббесена, 1224 г. Из кн.: DAS.
81. Печать Абсалона Андерсена, 1264 г. Из кн.: DAS.
82. Печать Странго Андерсена (Ульфельдт), 1264 г. Из кн.: DAS.
83. Печать Педера Странгесена (Ульфельдт), 1230 г. Из кн.: DAS.
84. Печать Херлуга Томесена (Спарре), 1277 г. Из кн.: DAS.
85. Печать Мартина Томесена (Спарре), 1277 г. Из кн.: DAS.
86. Печать Хенрика Нильсена (Пантер), 1326 г. Из кн.: DAS.
87. Печать Уффе Нильсена (Пантер), 1326 г. Из кн.: DAS.
88. Печать Стига Андерсена (Виде), 1345–1360 гг. Из кн.: DAS.
89. Печать Уффе Стигсена (Виде), 1356 г. Из кн.: DAS.
90. Печать Якоба Олафсена (Лунге), 1380–1384 гг. Из кн.: DAS.
91. Печать Олафа Олафсена (Лунге), 1382 г. Из кн.: DAS.
92. Печать Фольмера Якобсена (Лунге), 1382 г. Из кн.: DAS.
93. Печать Гро, дочери Гунни Винта, 1268 г. Из кн.: DAS.
94. Печать госпожи Этле, 1272 г. Из кн.: DAS.
95. Печать Елены, дочери Нильса Ране, 1337 г. Из кн.: DAS.
96. Печать Нильса Ране, 1306 г. Из кн.: DAS.
97. Похороны Ханса Линденова. Гравюра А. Хельвега, около 1655 г. Из ст.: *Heiberg S.* Kongelig reputation og adelig kultur // Struktur og funktion. Festskrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1994.
98. Печать Риксы, “госпожи Славии, дочери короля Дании”, 1301 г. Из кн.: DKS.
99. Печать королевы Филиппы, 1420 г. Из ст.: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
100. Печать юнкера Отто Кристоферсена, 1333 г. Из кн.: DKS.
101. Печать юнкера Вальдемара Кристоферсена, 1340 г. Из кн.: DKS.
102. Печать Альбрехта IV Мекленбургского как претендента на датский престол, 1376 и 1387 гг. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
103. Печать “Короля Швеции, Норвегии и Готов” Карла VIII, 1449 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
104. Печати Кристиана III, 1546 г. Из кн.: DKS.
105. Печать городской общины Ревеля, XIV в. Из ст.: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
106. Печать городской общины Фленсбурга, 1412 г. Из ст.: *Jørgensen A.O.* Det gamle danske kongevåben // ANOH. 1879. Hft. I.
107. Печать датского королевича Ханса, 1476 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
108. Далер герцога Шлезвиг-Гольштейна Фридриха I, 1522 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
109. Герб епископа Любекского Августа Фредерика Шлезвиг-Гольштейнского, 1667 г. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
110. Герб Ульрика Фредерика Гюлленлёве. Нюхавнские ворота дворца Шарлоттенборг, 1672 г. Из ст.: *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24.
111. Герб Ульрика Фредерика Гюлленлёве, 1671 г. Из ст.: *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
112. Герб графа Могенса Фрииса аф Фриисенборг. Графский патент, 1671 г. Из ст.: *Bartholdy N.G.* Rangkroner og- hjelme unden den ældre enevælde // Herald. Tidsskr. 1980. N 40.
113. Педер Шумахер, граф Гриффенфельдт. Гравюра, 1670-е годы. Из кн.: *Dyrvik S.* Truede tvillingriker 1648–1720. Kbh., 1998 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. III).
114. Печать приора ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Антворскове Якоба Мортенсена, 1471 г. Из ст.: *Frosell B.A.* Med kors og klostersegel: Johannitemes ældre heraldik særligt i Skandinavien // Herald. Tidsskr. 1995. N 71.
115. Печать приора ордена Св. Иоанна Иерусалимского в Антворскове Педера Педерсена, 1492 г. Из ст. *Frosell B.A.* Med kors og klostersegel: Johanniternes ældre heraldik særligt i Skandinavien // Herald. Tidsskr. 1995. N 71.
116. Печать герцогини Ютландской (Шлезвигской) Риксы, 1373 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
117. Печать королевы Маргреты, 1375–1376 гг. Из кн.: DKS.

118. Печать королевы Доротеи Бранденбургской, 1448 г. Из кн.: *Erslev K.* Den senere Middelalder [1241–1481]. Kbh., 1898–1905 (DRH. Bd. II).
119. Печать "герцога датчан" Вальдемара IV Ютландского, 1286–1287 гг. Из кн.: DKS.
120. Марквард Билле. Неизвестный художник, 1596 г. Из ст.: *Heiberg S.* Kongelig reputation og adelig kultur // Struktur og funktion. Festskrift til Erling Ladewig Petersen. Odense, 1994.
121. Гербы Йоргена Браге и Анны Гюлленстьерне, первая половина XVII в. Из кн.: *Achen S.T.* Identifikation af anonime våbenskjolde. Kbh., 1972.
122. Гербы Стена Билле и Карен Билле на сундуке, датированном 1685 г. Из ст.: *Nissen H.* Om courtoisie og hva det kan føre til, med eksempler fra slektene Banner og Høeg // Herald. Tidsskr. 1989. N 60.
123. Герб графа Могенса Краг-Юель-Винд-Фрииса, 1867 г. Из ст.: *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
124. Якоб Ульфельдт. Неизвестный художник, 1570-е годы. Из кн.: Jacob Ulfelds Jordebog på Ulfeldsholm, Selsø og Bavelse 1588. Kbh., 1964.
125. Печать Олафа III, 1376 г. Из кн.: DKS.
126. Иконография первой печати Эрика Померанского как союзного короля Дании, Норвегии и Швеции, 1398 г. Из ст.: *Trætteberg H.* Norske kongevåpen i Gelre-våpenbok // Herald. Tidsskr. 1971. N 23.
127. Печать Эрика Померанского, 1398–1435 гг. Из кн.: KLNM. 1964. Bd. IX.
128. Печать короля Швеции Магнуса Биргерссона, 1277–1278 гг. Из кн.: *Seitz H.* De tre kronorna: Det svenska riksvapnet i sitt europeiska sammanhang. Stockholm, 1961.
129. Печать Эрика VI, 1287–1304 гг. Из кн.: DKS.
130. Тайная печать, которую употребляла королева Маргрета в 1390–1393 гг. Из статьи: *Petersen H.* Et dansk Flag fra Unionstiden i Maria-Kirken i Lübeck // ANOH. 1882. Hft. I.
131. Тайная печать Эрика Померанского, 1403 г. Из кн.: DKS.
132. Печать короля Вальдемара IV, 1356–1363 гг. Из кн.: DKS.
133. Печать короля Вальдемара IV, 1367 г. Из кн.: DKS.
134. Печать Олафа III, 1376–1387 гг. Из кн.: DKS.
135. Печать Олафа III, 1376 г. Из кн.: DKS.
136. Печать Кристофера Баварского, 1440 г. Из кн.: DKS.
137. Печать Кристофера Баварского, 1441 г. Из кн.: DKS.
138. Печать Кристофера Баварского, 1444 г. Из кн.: DKS.
139. Печать Кристиана I, 1449 г. Из кн.: DKS.
140. Печать Кристиана I, 1450 г. Из кн.: DKS.
141. Печать Кристиана I, 1457 г. Из кн.: DKS.
142. Кристиан I на приеме у папы Сикста IV. Римский госпиталь Святого Духа. Фреска, 1474–1481 гг. Из кн.: *Albrectsen E.* Fælleskabet bliver til 1380–1536. Kbh., 1997 (Danmark-Norge 1380–1814. Bd. I).
143. Печать Кристиана I, 1459 г. Из кн.: DKS.
144. Иконография печати Кристиана I 1460–1480 гг. Из кн.: *Svane E.* Det danske Rigsvåben og Kongevåben. Odense, 1994.
145. Печать короля Ханса, 1484–1512 гг. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (Danmarks Riges Historie. Bd. III).
146. Нобель короля Ханса, 1496 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
147. Печать короля Ханса, 1500 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
148. Печать "избранного короля" Кристиана II, 1508 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
149. Печать Кристиана II, 1515 г. Из кн.: DKS.
150. Нобель Фредерика I, около 1530 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
151. Нобель Фредерика I, 1532 г. Из кн.: *Heise A.* 1481–1536. Kbh., 1899–1905 (DRH. Bd. III).
152. Далер Кристиана III, 1545 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
153. Печать Кристиана III, 1556 г. Из кн.: DKS.
154. Далер Кристиана IV, 1597 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
155. Португалёсер Кристиана IV, 1592 г. Из кн.: *Bendixen K.* Danmarks mønt. 2. udg. Kbh., 1976.
156. Печать Кристиана I, 1464 г. Из кн.: DKS.
157. Далер Кристиана IV, 1608 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.

158. Карта Дании, Южной Швеции и Северной Германии, 1696 г. Из кн.: *Dyrvik S.* Truede tvillingriker 1648–1720. Kbh., 1998 (Danmark Norge 1380–1814. Bd. III).
159. Далер Фредерика III, 1649 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
160. Португалёсер Фредерика III, 1666 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
161. Далер Фредерика III, 1668 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
162. Далер Кристиана V, 1670 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
163. Далер Кристиана V, 1687 г. Из кн.: *Schou H.H.* Beskrivelse af danske og norske Mønter 1448–1814 og danske Mønter 1815–1923. Kbh., 1926.
164. Герб короля Дании из книги Ф.Я. Шпенера, 1680 г. Из кн.: *Grandjean P.B.* Det danske Rigsvaaben. Kbh., 1929.
165. Печать графа Альберта Орламюндского, 1220-е годы. Из кн.: *Steenstrup J.C.H.R.* Oltiden og den aeldre middelalder. Kbh., 1901 (DRH. Bd. I).
166. Печать юнкера Вальдемара, сына герцога Ютландского Вальдемара V, 1357 г. Из кн.: DKS.
167. Печать юнкера Хенрика, сына герцога Ютландского Вальдемара V, 1360 г. Из кн.: DKS.
168. Печать герцога Ютландского и графа Гольштейна Герхарда, 1326 г. Из кн.: DKS.
169. Печать Вальдемара Эриксена Саппи, 1354 г. Из кн.: DAS.
170. Печать юнкера Якоба Нильсена, 1278–1280 гг. Из кн.: DKS.
171. Печать Свантополка Кнутссона, 1288 г. Из кн.: DKS.
172. Печать юнкера Эрика Кнутсена, 1277 г. Из кн.: DKS.
173. Печать Эрика Барнумсена, 1355–1365 гг. Из кн.: DAS.
174. Печать Барнума Эриксена, 1382–1397 гг. Из кн.: DAS.
175. Печать Йенса Эриксена (Лёвенбальк), 1343 г. Из кн.: DAS.
176. Печать Йенса Нильсена (Лёвенбальк), 1397–1408 гг. Из кн.: DAS.
177. Печать Эрика Зеландсфара, 1364 г. Из кн.: DAS.
178. Гербовый щит Кристофера Эриксена (Зеландсфар). Роскиллеский собор. Фреска, середина XIV в. Из ст.: *Ulsig E.* En ukendt gren af det danske kongehus i det 14. århundrede // Slægter. Skjolde. Steder. Festskrift til Knud Prange 6. juni 1990. Odense, 1990.
179. Печать Кнута Порсе, 1326 г. Из кн.: DAS.
180. Печать герцога Халландского и Самсёского Кнута Порсе, 1329 г. Из кн.: DAS.
181. Печать Лаве Огесена, 1320 г. Из кн.: DAS.
182. Печать Лауридса Йонсена (Пантер), 1326 г. Из кн.: DAS.
183. Печать Мадса Фальстера, 1360 г. Из кн.: DAS.
184. Печать Йенса Фальстера, 1395 г. Из кн.: DAS.
185. Герб графа Ульрика Кристиана Гюлленлёве, с 1679 г. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl danske Ridderordener. Kbh., 1903.
186. Герб графов Даннескьольд-Лаурвиген, 1695 г. Из ст.: *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
187. Герб графов Даннескьольд-Самсёе, 1695 г. Из ст.: *Holstein P.* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
188. Герб Софии Амалии Мот, 1679 г. Из ст.: *Berner H.* Gyldenløvernes våbener og de deraf afledede // Herald. Tidsskr. 1971. N 24.
189. Сцена рыцарского турнира. Охотничий рог королевы Доротеи Бранденбургской, вторая половина XV в. Из кн.: DKH. Bd. II.
190. Надгробие герольда Францискуса Испанца (де Медина). Роскиллеский собор, середина XVI в. Рис. С. Абильдгорда, 1764 г. Из ст.: *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder // Herald. Tidsskr. 1972. N 25.
191. Герольды короля Дании во время похорон Фредерика II. Гравюра, 1588–1593 гг. Из ст.: *Verwohlt E.* Kongelige danske herolder // Herald. Tidsskr. 1972. N 25.
192. Печать датской принцессы Анны Софии, 1666 г. Из статьи: *Bjerg H.* Chr. Grønlands våben // Herald. Tidsskr. 1975. N 31.
193. Надгробие Стена Розенспарре и его жены Метты Розенкранц. Скархультская церковь, 1566 г. Из кн.: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 59.

194. Печать Хольгера Грегерсена (Крогное), 1379 г. Из кн.: DAS.
195. Печать Андерса Эббесена Фроста (Ланге), 1360 г. Из кн.: DAS.
196. Печать Эрика Нильсена (Гюлленстьерне), 1355 г. Из кн.: DAS.
197. Печать Йенса Кальва, 1267 г. Из кн.: DAS.
198. Печать Уффе Педерсена (Неб), 1364 г. Из кн.: DAS.
199. Герб Нильса Нильссёна из его дворянской грамоты, 1433 г. Из кн.: DM. 1745. Bd. I.
200. Герб Нильса Мадсёна из его дворянской грамоты, 1497 г. Из кн.: DM. 1747. Bd. III.
201. Эмблема епископа Роскиллеского Ханса Ресена, 1615–1638 гг. Из кн.: *Haugaard J. et al.* Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3.
202. Эмблема епископа Роскиллеского Йеспера Брокмана, 1638–1652 гг. Из кн.: *Haugaard J. et al.* Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3.
203. Томас Кинго. Неизвестный художник, 1684 г. Из кн.: *Haugaard J. et al.* Dansk litteratur historie. Kbh., 1983. Bd. 3.
204. Печать Педера Финнсена, 1251 г. Из кн.: DAS.
205. Печать короля Вальдемара IV, 1343–1355 гг. Из кн.: DKS.
206. Шлемы, утвержденные регламентом 1693 г. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
207. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1332 г. Из кн.: DKS.
208. Печать герцога Ютландского Вальдемара V, 1340–1360 гг. Из кн.: DKS.
209. Надгробие Корфица Рённова и его жены Биргитты Флемминг. Престёская церковь, конец XV в. Из кн.: *Jensen Chr.A.* Danske adelige Gravsten fra Sengotikens og Renaissancens Tid. Kbh., 1951. Planchebind. Tavle 2.
210. Герб графа Фредерика Алефельдта аф Лангеланн, около 1677 г. Из статьи: *Holstein P* Våbener for danske grevskaber og friherskaber // Herald. Tidsskr. 1988. N 58.
211. Печать герцога Ютландского Эрика Вальдемарсена, 1314 г. Из кн.: DKS.
212. Печать Нильса Бугге, 1349–1355 гг. Из кн.: DAS.
213. Печать Кнута Бугге, 1360 г. Из кн.: DAS.
214. Печать Олафа Йенсена (Сальтенсее), 1360 г. Из кн.: DAS.
215. Печать Йенса Эббесена, 1364 г. Из кн.: DAS.
216. Печать Андерса Якобсена (Лунге), 1390–1401 гг. Из кн.: DAS.
217. Печать Нильса Иварсена (Росенкранц), 1396–1408 гг. Из кн.: DAS.
218. Печать Бу Фалька, 1355–1356 гг. Из кн.: DAS.
219. Печать Бу Фалька, 1360 г. Из кн.: DAS.
220. Печать Ханса Подебуска, 1397–1408 гг. Из кн.: DAS.
221. Короны, утвержденные регламентом 1693 г. Из кн.: Grandjean H.F. Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
222. Печать Саксе Педерсена (Ульдсакс), 1346 г. Из кн.: DAS.
223. Печать Андерса Педерсена Стюгге, 1326 г. Из кн.: DAS.
224. Печать Торбена Билле, 1507 г. Из ст.: *Buhl I.* Vildmænd som frugtbarhedssymbol og skjoldholdere ved det danske kongevåben // Herald. Tidsskr. 1970. N 22.
225. Печать короля Вальдемара IV, 1345–1352 гг. Из кн.: DKS.
226. Знаки ордена Слона, вторая половина XV – середина XVI в. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.
227. Знаки ордена Слона, вторая половина XVI – XVII в. Из кн.: *Grandjean H.F.* Det kgl. danske Ridderordener. Kbh., 1903.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.
ОМОП – Опись московской Оружейной палаты.
РИБ – Русская историческая библиотека, называемая Археографической комиссией.
СВ – Средние века.
ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы.
ЧОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.
ANOH – Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie. Kbh.
DAA – Danmarks Adels Aarbog. Kbh.
DAS – *Petersen H.* Danske adelige Sigiller fra det XIII og XIV Aarhundrede. Kbh., 1897.
DAS II – *Thiset A.* Danske adelige Sigiller fra det XV, XVI og XVII Aarhundrede. Kbh., 1905.
DBL – Dansk biografisk leksikon / Red. Sv. Cedegreen Bech. Kbh.
DD – Diplomatatium Danicum. Kbh.
DKH – Dansk kunst historie. Billedkunst og skulptur. Kbh., 1972–1973. Bd. 1–2.
DKS – *Petersen H.* Danske kongelige Sigiller samt sønderjydske Hertugers og andre til Danmark knyttede Fyrsters Sigiller. 1085–1559. Kbh., 1917.
DKS II – *Grandjean P.B.* Danske kongelige Segl fra Frederik II. s, Christian IV. s og Frederik III. s Tid 1559–1670. Kbh., 1951.
DKSS – *Grandjean P.B.* Danske Købstæders Segl indtil 1660. Kbh., 1937.
DM – Danske Magazin. Kbh., 1745–1747. Bd. I–III.
DMA – Danmarks middelalderlige annaler / Udg ved E. Kraman. Kbh., 1980.
DNT – Danmark-Norges Traktater. Kbh.
DRH – Danmarks Riges Historie. Kbh.
DRL indtil 1400 – Den danske Rigslovgivning indtil 1400.
DRL 1397–1513 – Den danske Rigslovgivning, 1397–1513.
DRL 1513–1523 – Den danske Rigslovgivning, 1513–1523.
DVSS – Danske vidensk. Selskabs skrifter. Historisk og filosofisk afdeling. Kbh.
HR – Heraldisk Register.
HT – Historisk Tidsskrift. Kbh.
Herald. Tidsskr. – Heraldisk Tidsskrift. Kbh.
Kbh. – København.
KLNM – Kulturhistorisk leksikon for nordisk middelalder. Kbh., 1956–1975. Bd. I–XIX.
MHD – Monumenta Historiae Danicae. Kbh.
NBL – Norsk biografisk leksikon / Red. E. Bull, E. Jansen. Oslo.
NK – Nordisk Kultur. Kbh.
PHT – Personalhistorisk Tidsskrift. Kbh.
Rep. – Repertorium diplomaticum regni Danici mediaevalis. Kbh.
SK – Seglkatalog.
SMHD – Scriptores minores historiae danicae / Udg. M.Cl. Gertz. Kbh., 1917–1918. Vol. I.
SRD – Scriptores rerum Danicarum medii aevi / Ed. J. Langebek, P.F. Suhm. Hauniae, 1772–1878. Bd. I–IX.
SRS – Scriptores Rerum Svecicarum Medii Aevi / Ed. E.M. Fant. Upsaliae, 1818.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

SUMMARY

Upon adoption of Christianity "from Rome" in the 10th–11th centuries the Danes joined the community of nations called "West European cultural-historical world" An originality of this world which had ultimately become self-identified in the high Middle Ages, was founded upon the inimitable religious-spiritual concepts finding vent in sensual-visual phenomena.

The rudiments of one of these phenomena characterizing an image of West European cultural-historical world – the coats of arms are related to the 12th century Its origination was stipulated by spiritual changes experienced by the West European nations in the high Middle Ages, an essence of which boiled down to the religious justification of mundane things as symbols of the comprehensible concepts of the Heavenly City, to the growth of a subjective vision of things of the celestial and earthly world, to the development of universally perceived typical-specific spiritual-social individualities. By the end of the 12th century one of such individualities – an order of chivalry – comprised the sovereigns and their military servants. Each knight was considered as a concrete manifestation of a typical ideal – a Christ warrior, which under the circumstances of a domination of the religious-symbolic speculation and a growth of the spiritual subjectivity facilitated the development of a typical chivalry emblem which was characterized by the specific artistic marks. Knights' self-identification through such emblems testified to their communal-cultural isolation from other spiritual-social order-ranks and came to be one of the manifestations of a courtier chivalry (courtly) culture which had developed in the 12th century and was universal for Western Europe.

The coats of arms as one may infer from the spiritual contents of Roman and Gothic art of the 12th–13th centuries represented through the signs religious-moral concepts, objectified spiritual-social relations and thus, like other phenomena of the Middle Ages' art, the coats of arms undoubtedly had a demonstrably instructive significance. But the chivalry culture displayed a contradictory religious-secular nature which turned the coats of arms into symbolic signs not only of the religious experiences but of the worldly attitudes as well. The subsequent strengthening of these attitudes facilitated the creation of a basis for versatile social use of the coats of arms and for turning them into the objects of art undergoing the image and style alterations under the influence of an artistic-historical speculation which were stipulated by the shifts in spiritual-social attitudes.

The medieval specific-objective, religious-symbolical world-outlook seeking the typical expressions "after the image and likeness" was succeeded by a mental set of the New Age gravitating towards an abstract thought-transference in isolation from a corporeal specificity which facilitated an emergence of new concepts on the coats of arms

visual imagery and its name. Artistic vision developed from imprinting a subject carrier of the armorial emblem and underlining its imagery details to creating an integral impression of the armorial components, which was manifested in its name and artistically notional concept. Initially the topics for discussion included "sign" or "signs" of the arms, the arms themselves or their independent articles – shield and helmet. Afterwards since the times of the late Middle Ages Denmark like other West European countries started to use a special Latin term "arma", sometimes for the sake of elucidating a meaning complete with the word "insignia" The later word and sometimes its singular form "insigne", itself was often used in the 14th–17th centuries as an armorial name. The term "arma" in the Danish language corresponded to the word "vaaben" which was frequently used in writing along with the expression "shield and helmet" which in its turn could signify a coat of arms.

Special terms of a coat of arms were initially used for naming a totality of signs depicted on the shield or as a whole the signs of shield and helmet. Afterwards under the impression of artistic depictions of armorial shields and helmets these terms started to be applied to the shield as such which comprised one, two or several arms or to the emblem consisting of a shield and helmet with their signs. Lastly, the term "vaaben" or its Latin equivalents started to commonly signify artistic compositions including two or several shields and helmets brought together with other signs – supplementary components of the coat of arms. It should be mentioned in addition also that all representations which found their verbal expression in a special name of the coat of arms with the passing of time did not replace but rather complement each other with the result that in the New Age this name started to be used for designating various heraldic compositions. This, in its turn, serves as a basis for asserting that with the passing of time the term "coat of arms" had acquired an increasingly abstract polysemantic character.

Special names and artistic images of a coat of arms on the Danish as well as on the whole on West European soil had been evolved among the carriers of courtier chivalry culture, among the sovereigns and their warrior servants, knights and esquires or noblemen. This circumstance should facilitate the explanation of an emergence in the 14th century of a custom under which the granting of privileges to nobility through a deed had been without fail accompanied by the granting of a coat of arms. The perception of a coat of arms as a nobility emblem in the 15th–17th centuries gave rise to a custom to illustrate through ancestral arms a noble origin of a gentleman and his ancestors.

In the 12th century, in the period of their origination, the coats of arms were perceived as typical phenomena symbolizing not so much a personality as such but rather a man's social status which conformed to the prevailing in those days world-outlook expressing through an artistic imagery the abstractly ideal features. But along with the development in the high Middle Ages of a religiously subjective speculation the heraldic signs became endowed with distinctive qualities and a coat of arms gradually started to be perceived as a symbol of the sovereign of a certain land and an independent knight and later on as an ancestral sign. The transformation of a coat of arms into an ancestral nobility emblem was stipulated by the development in the 13th–14th centuries of the concept of nobility rights and spiritual qualities related to them as hereditary ones.

But symbolism and self-assertion of a personality stemming from a longing for the external typically specific signs in the 12th–13th centuries were characteristic of

a frame of mind of not only the sovereigns and their warrior servants but the representatives of other spiritual-social individualities-states as well. A cause which led in the 13th century to the appearance of personal emblems or fleece-like signs on the burghers' seals should be sought out here. Distinctive features were in the 12th 15th centuries also typical for iconography of the seals of church, urban, merchants', artisans' and rural social individualities. But a name of the coat of arms started to be attached to their emblems only in the late Middle Ages and the early New Age and at that by no means through an artistic likening of these emblems to the coats of arms as the attributes of spiritual-social status of sovereigns and noblemen.

It became common for Denmark of the 14th–15th centuries to endow the saint patrons of the church institutions and even Jesus Christ with the coats of arms. At the close of the Middle Ages the coats of arms could be granted to clergymen also by the kings. Since the second quarter of the 15th century a name of the coats of arms started to be attached to the emblems of communities of the Danish cities, first to those of them which had been granted by the King and later, beginning from the 16th century, also to those of them which initially had not been the arms as such. At the beginning of the epoch of absolutism in Denmark (1660–1690) the emblems of the Royal officials of a burgher origin equated to the noblemen in respect of their rights started to be called the coats of arms.

The root causes which had called into existence a gradual extension of the name of a coat of arms onto the various emblems should be looked for in the changed mind set of West European society of the late Middle Ages and the early New Age. These changes while predetermining alterations in social relations gradually led to a loss of peculiarities of the medieval world-outlook which had generated the coats of arms. A man had increasingly acquired a capability of creating abstract imagery and socially political concepts unrelated to corporeal specificity in its visual-sensual conditionality which also favored the transfer of distinctive properties (spiritual and material) of a nobility emblem – a coat of arms to other emblems which had not been the arms earlier. And the adoption of these properties was succeeded by the adoption of the name signifying them.

Owing to the development of an abstract thinking since the close of the high Middle Ages there had been an emergence of the concept of a state as a political individuality distinct from a sovereign and identification of a state with the land wherein it was situated while at the same time an idea of a state and land emblem (and a standard) had ripened. But initially a state was considered to be the property of a sovereign, whence there was an emergence of a custom to symbolize through the coat of arms a King of Denmark and the Danish Kingdom and later Denmark as a country.

Medieval consciousness was characterized by endowing the symbols with qualities of the endowed person or object. Since a coat of arms was an individual symbol the qualities of its owner were also transferred onto it. Hence the actions committed against a coat of arms had to be perceived also as the actions directed against its bearer. This spiritual-social ground gave rise to the armorial law presupposing first of all the protection of a coat of arms from an alien encroachment. Initially it was manifested in customs but since the end of the Middle Ages various countries started to commit some of its provisions to writing. And in Denmark since the second half of the 16th century the legal documents started to contain certain provisions concerning prohibitions of wearing (for the noblewomen who had become wives of the burghers) and of the public use of a coat of arms as well as rules for the use of its certain com

ponents (end of the 17th century) to which the significance of the rank signs of various categories of nobility was attached.

But, having acknowledged the significance for a coat of arms of the symbol of its owner, the fact that the fate of a coat of arms was inseparable from the fate of its bearer was also subject to acknowledgement. Hence the emergence of a custom which presupposed the transfer of sensual experiences arising towards a person, onto its symbolical emblem which could be honored or, on the contrary, subjected to abuse or defilement. Therefore, when an owner of the coat of arms was condemned to a deprivation of honor and capital punishment its coat of arms was also "executed" through symbolical actions.

A close link of the coat of arms with its owner was also indicated by the fact that a man's personal and ancestral sobriquet could find an equivalence in a name or meaningful contents of armorial signs. And here two versions were possible: either a sobriquet preceded an adoption of the armorial sign, or, on the contrary, it was created in compliance with armorial signs, which is testified by the Danish sources dating back to the 14th and the subsequent centuries.

A longing for an external character expression of spiritual-social individuality became a source which in the 13th–14th centuries called into existence such phenomenon as a composite coat of arms – "heraldic" symbols of persons and states (lands) linked together through this or that method, In Denmark composite arms were created with the purpose of indicating blood relations among the nobility and relations of a person with his county or barony for which since 1671 special coats of arms had been established.

Besides, since the end of the 14th century a custom gained a foothold according to which the King of Denmark was introduced along with the emblems linked together which illustrated his Royal, ducal and early titles and the Danish banner whose name – Dannebrog – received an official acknowledgement in 1670, upon institution of the order of Dannebrog. Since the second half of the 16th century it had become common to include in the composite coat of arms of the Danish Kings also the symbols of those lands the names of which were absent among his titles. By doing this the Danish Kings' aspiration for keeping in their power these or that countries and provinces or return them to the Danish crown was testified. After 1570 the "three crowns" emblem was also depicted in the composite coats of arms of the Danish Kings in remembrance of the Union of three Scandinavian Kingdoms.

At the same time a right to wear the coat of arms of the Danish Kingdom itself had undergone alterations. Since the 13th century it could be used for an introduction of the Kings, their daughters and sisters and later in the 14th century Queens and legal male representatives of Royal Family claiming the Danish crown. However since the 15th century a rule caused by an elective status of the Danish monarchy had been established under which even a pretender to the throne could not bear the Royal coat of arms. Nevertheless since the middle of the 16th century this rule was not always observed and after the introduction of an autocratic form of the King's rule (1660) it ceased to function. Henceforth the arms of the King of Denmark started to be worn by all legal representatives of the Royal Family. Apart from the king's relatives since the 14th (or the 15th) century the coats of arms of the Danish Kings were used by their officials called heralds and pursuivants. They represented a person of their sovereign both in Denmark and abroad.

An emergence of derivative coats of arms was also caused by the longing for an individual expression and simultaneously for a domination of hierarchic and symbolical world outlook seeking in the high Middle Ages a symbolic designation of spiritual-social relations. This "heraldic" phenomenon revealed itself through adoption of certain signs from donor coat of arms as well as their imagery transformation and association with other arms. In Denmark of the 13th–14th centuries the derivative arms were mainly created for the members of the Royal Family for the purpose of reflecting their place in a feudal and family hierarchy. Signs of the Royal coats of arms served as a source for creating coats of arms for these persons as well as some other personage who already in the later period had blood or close relations with the Danish Kings. Coats of arms or their individual components which belonged to the Danish Kings and other potentates (Dukes of Jutland, for example) as well as church institutions also became a source of issuing emblems and coats of arms of urban communities through which a spiritual-legal dependence of these communities from their sovereigns was objectified. Besides, in the late Middle Ages Denmark witnessed such cases when during the creation of coats of arms for new noblemen the coats of arms of representatives of aristocratic kin were used as the suppliers of signs which symbolically emphasized a spiritual-personal connection of these noblemen with their exalted patrons and simultaneously an individuality of both.

A coat of arms started its history on West European, particularly Danish soil as a depiction imprinted upon a shield. But with the passing of time various signs were added to an armorial shield which resulted in the acquisition by them of a significance of supplementary, more or less stable, mandatory or non-mandatory components of a coat of arms. However the origin of these signs (helmets with signs, mantling, crowns, armorial mantle, supporters, mottoes and order signs) was not due to the tasks which could be solved while using them already as armorial components. On the contrary their initial cultural-historical fate testified that they were called into existence in art owing to the development of a typical-individual origin which sustained an emergence also of a coat of arms in the Danish society. In other words all supplementary components of a coat of arms were, in respect of their initial origin, the symbolical signs which were called into existence to reflect a man's spiritual historical experiences and life circumstances. Rallying supplementary distinctive signs around an armorial shield took place gradually, along with the development of typical-individual expressiveness in West European cultural-historical world, and reached its consummation in various countries including Denmark by the end of the 17th century.

Thus one may conclude that it was the spiritual regeneration of a personality which found its expression with the passing of time in ever increasing longing by the Danes for self-assertion through external signs that provided a basis upon which the development of a coat of arms with its components as a cultural-historical phenomenon took place in Denmark. Meanwhile alterations in artistic imagery of a coat of arms in the 12th–17th centuries were without fail pre-determined by the tasks for its use as a sign of spiritual-social experiences of the Danes on their historical path.

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

Научное издание

Антонов Владислав Алексеевич

ДАТСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА
XII–XVII ВЕКОВ

Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Л.М. Орлова-Гимон*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева*

Подписано к печати 28.05.2008
Формат 70 × 100[1]/16 Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 48,8. Усл.кр.-отт. 57,3. Уч.-изд.л. 50,5
Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип.зак. 3301

Издательство "Наука"
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Столица и провинция в истории России и Польши. 25 л.

Взаимоотношения столицы и провинции на протяжении столетий составляли одну из существенных черт отношений власти и общества. В сборнике представлены статьи по материалам одноименной международной научной конференции (Москва, 2005). Авторами рассмотрен широкий круг проблем от средних веков и до наших дней: политическая, культурная и идеологическая роль столичных центров X–XVII вв.; формирование буржуазных наций в XIX в., роль столичной и провинциальной интеллигенции в становлении рыночной экономики, в формировании структур гражданского общества, в развитии национального самосознания народов; историческая роль и сегодняшнее место Москвы, Варшавы и других городов в развивающихся взаимоотношениях и в сотрудничестве России и Польши.

Для историков, политологов и более широкого круга читателей.

К.И. Зубков, Н.С. Корепанов, И.В. Побережников, Е.С. Тулисов

Территориально-экономическое управление в России XVIII – начале XX века : Уральское горное управление. 20 л.

Монография посвящена организации территориально-экономического управления в России на примере Уральского горного управления в XVIII начале XX в. Проанализированы структура и функции, этапы эволюции Уральского горного управления, территориально-административное устройство Уральского горнозаводского региона, механизмы взаимодействия горной и гражданской администрации, определено воздействие нормативно-правового обеспечения на динамику структурной организации, форм и методов отраслевого управления региональным развитием.

Для историков, экономистов, юристов, политологов, регионоведов.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН

Магазины "Книга-почтой"

121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52 Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, 7 "Б"; (код 812) 235-40-64 ak@akbook.ru

Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов и "Книга-почтой"

690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой"); (код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой"); (код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952) 42-96-20 aknir@ulan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00 (Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва,Цветной бульвар,21,строение 2;(код495) 621-55-96 (Бук.отдел)
117997 Москва, ул.Профсоюзная,90;(код 495)334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495) 624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60 akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой"); (код 383) 330-09-22 akdmn2@mail.nsk.ru
142290 Пущино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой"); (код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru (Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62 (Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36 akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62, 23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига. г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Vladislav A. ANTONOV

Danish Heraldry of the 12th–17th Centuries

ISBN 978-5-02-035972-7

NAUKA